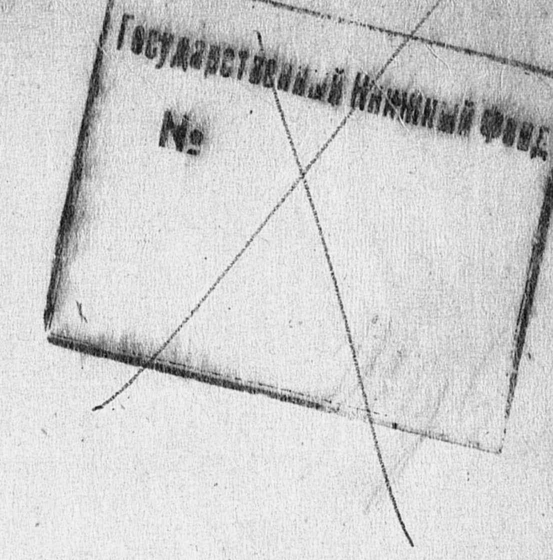

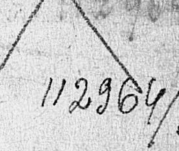

ЗАПИСКИ
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

ЗАПИСКИ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА.

(1812—1883 годы.)

СЪ СЕМЬЮ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

BERLIN, 1884.

B. BEHR'S VERLAG (E. BOCK).

Leipziger Str. 37.

Отъ Издательницы.

Издавая въ свѣтъ „Записки“ моего мужа, я считаю нужнымъ сказать относительно ихъ нѣсколько словъ.

„Записки“ свои Александръ Ивановичъ началъ писать 13-го Апрѣля 1869 года и окончилъ не задолго до своей кончины (1883 года Ноября 12-го дня); „Записки“ обнимаютъ собою періодъ времени съ 1812 года по 1883 годъ, слѣдовательно 70 лѣтъ.

Послѣ кончины Александра Ивановича, мое искреннее и вполнѣ естественное желаніе было — издать его „Записки“ въ Россіи, т. е. дома, на своей родинѣ, которую онъ всегда горячо любилъ и которой онъ честно служилъ до своего послѣдняго вздоха, чему свидѣтельствомъ между прочимъ служатъ и самыя „Записки“ его. Ознакомившись ближе съ содержаніемъ „Записокъ“, оказывается, что печатаніе ихъ въ Россіи, при существующихъ теперь цензурныхъ требованіяхъ, возможно не иначе, какъ со многими выпусками и сокращеніями.

Не желая ради цензуры искажать и сокращать „Записки“ дорогаго мнѣ человѣка, я рѣшила, какъ это для меня ни тяжело, напечатать ихъ за границею совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ подъ пера моего мужа. Я только позволила себѣ, ради удобства читателей, сдѣлать раздѣленіе „Записокъ“ на главы, предпославъ каждой главѣ ея содержаніе, чего самъ Александръ Ивановичъ не успѣлъ сдѣлать. Сверхъ того, согласно его указанію въ одномъ изъ его дневниковъ, я сдѣлала въ его „Записки“

вставки, которыя взяты мною изъ дневниковъ 1857, 1882 и 1883 года. Затѣмъ, *третье приложенiе* къ „Запискамъ“: „Поѣздка русскаго земледѣльца въ Англiю на Всемiрную выставку 1851 г.“ мною сокращено опущенiемъ подробностей, которыя теперь утратили значенiе.

Какъ только цензурныя условiя нашей печати дозволятъ, я сочту долгомъ издать эти „Записки“ и въ Россiи.

Москва, 1884.

Ольга Кошелева.

Содержаніе „Записокъ“.

стр.

ГЛАВА IV. (1831—1832.)

ГЛАВА V. (1833—1834.)

ГЛАВА VI. (1835.)

ГЛАВА VII. (1836—1848.)

ГЛАВА VIII. (1849—1850.)

ГЛАВА IX. (1851—1856.)

Приложенiя къ „Запискамъ.“

ВСТУПЛЕНІЕ.

Бывши свидѣтелемъ многихъ великихъ событій, совершившихся въ отечествѣ нашемъ, — вспоминая хотя смутно 1812 годъ; — сохраняя живо въ памяти послѣдніе годы царствованія Императора Александра I и послѣдовавшія затѣмъ происшествія, много нравственно пострадавши въ тридцатилѣтнее царствованіе Николая I; — принимавши болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ великихъ преобразованіяхъ, которыми ознаменовалось нынѣшнее царствованіе; — прослуживши въ такъ называемомъ Царствѣ Польскомъ болѣе двухъ лѣтъ, едва ли не самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи нашего господства въ этомъ краѣ; — потрудившись посильно во вновь введенныхъ земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ, которымъ горячо сочувствовалъ; — не чуждавшись никогда литературы и положивши въ эту народную сокровищницу свою малую лепту; — бывши въ короткихъ сношеніяхъ со многими замѣчательными людьми моего времени, и оставаясь изъ моихъ сверстниковъ однимъ изъ послѣднихъ; — считаю долгомъ писать *мои записки*. Рѣшаюсь болѣе не откладывать, какъ потому, что починъ есть уже, какъ говорятъ, половина дѣла, такъ и потому, чтобы не испытать участи нѣкоторыхъ изъ моихъ друзей и пріятелей, которые имѣли то же доброе намѣреніе, — но все откладывали и — сошли въ могилу, его не исполнивши. Да поможетъ мнѣ Богъ совершить дѣло, которое со временемъ можетъ быть полезнымъ.

13 *Апрѣля* 1869 *г.*

Глава I. (1806—1824.)

Родъ и родители. — Дѣтство. — Юность. — Мерзляковъ. — Шлецеръ. — Грекъ Байло и греческій языкъ. — Сверстники. — Моск. университетъ и выходъ изъ него. — Кружокъ для самообразованія. — А. П. Елагина.

Родился 9-го Мая 1806 года въ Москвѣ близъ Сухаревой башни, на 1й мѣщанской улицѣ въ домѣ отца моего, нынѣ принадлежащемъ купцу Перлову. Родъ нашъ идетъ отъ *Аршера Кошеля*, выѣхавшаго изъ Литвы при В. К. Василіѣ Іоановичѣ, служившаго ему въ званіи воеводы и получившаго отъ него помѣстье. *Дѣдъ* мой былъ богатый человѣкъ и пользовался большимъ почетомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ на Дѣвичьемъ полѣ въ своемъ домѣ (впослѣдствіи принадлежавшемъ Мальцовымъ, а нынѣ Черняевскому училищу). Онъ безпрестанно задавалъ пиры, и въ особенности когда пріѣзжали изъ Петербурга сильные тамъ люди, съ которыми онъ былъ въ родствѣ или доброй пріязни. Дѣдъ мой жилъ такъ открыто и безрасчетно, что сыновьямъ своимъ, которыхъ у него было шестеро, оставилъ очень много долговъ; и дѣти должны были, для уплаты ихъ, распродать имѣнія, оставивши себѣ только небольшія вотчины въ Рязанской и Ярославской губерніяхъ. *Отецъ* мой, старшій изъ сыновей, *Иванъ Родіоновичъ*, былъ, какъ 14-лѣтній юноша, отданъ на руки дядѣ его *Мусину-Пушкину*, бывшему тогда посломъ въ Лондонѣ. Выучившись вскорѣ англійскому языку, отецъ мой выпросилъ у своего дяди позволеніе поступить въ *Оксфордскій университетъ*, гдѣ и пробылъ три года. Когда ему было около 20 лѣтъ, онъ пріѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ. Тамъ онъ понравился кн. *Потемкину*, который и взялъ его къ себѣ въ

адъютанты. Отецъ мой пользовался особеннымъ благорасположеніемъ своего начальника; но когда однажды онъ былъ замѣченъ Императрицею, ради его ума и красоты, и призванъ былъ ею къ себѣ, то свѣтлѣйшій тотчасъ командировалъ его во внутреннія губерніи, и отецъ мой болѣе въ Петербургъ не возвращался. Въ царствованіе Имп. Павла, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подполковника, женился на княжнѣ *Меньшиковой* и поселился въ Москвѣ. Здѣсь отецъ мой жилъ скромно, занимался науками, особенно исторіею, и пріобрѣлъ общее къ себѣ уваженіе. Онъ имѣлъ отъ первой жены четырехъ дочерей и одного сына, умершаго еще въ дѣтствѣ. Когда отецъ мой лишился первой своей жены, тогда, по истеченіи нѣкотораго времени, въ 1804 году онъ избралъ себѣ въ подруги дѣвицу *Дарью Николаевну Дежарденъ* (Desjardins), дочь французскаго эмигранта, родившуюся въ Россіи и крещенную по православному обряду. Отъ нея онъ имѣлъ одного сына Александра, пишущаго эти строки. Отецъ и мать моя были люди высокаго ума, большой начитанности въ области французской литературы, и характера, пріобрѣтшаго имъ общее уваженіе.

Первое, нѣсколько живое и опредѣленное мое воспоминаніе относится къ 1812 году. Семейство наше обыкновенно въ Маѣ переѣзжало въ подмосковную с. Ильинское, Бронницкаго уѣзда. Тутъ, въ этотъ злополучный годъ, отецъ мой получалъ газеты и письма съ извѣстіями о вторженіи врага въ предѣлы отечества. Отецъ мой, старецъ подъ 60 лѣтъ, не допускалъ мысли, чтобы Наполеонъ могъ добраться до Москвы, а тѣмъ еще менѣе — въ ней расположиться и оттуда далѣе идти во внутренность имперіи, а потому, на всѣ убѣжденія моей матери въ томъ, чтобы изъ подмосковной ѣхать куда либо далѣе, отецъ мой отвѣчалъ шутками и отказами. Извѣстія о Бородинской битвѣ и объ отступленіи Кутузова съ арміею сильно опечалили моего отца; и тогда начались приготовленія къ отъѣзду. Наконецъ, замужняя сестра моя, остававшаяся съ мужемъ въ Москвѣ и только что разрѣшившаяся отъ бремени, пріѣхала къ намъ и при-

везла извѣстіе, что на слѣдующій день Французы должны вступить въ Москву, и что всѣ русскія власти изъ нея уже выбирались. Тогда рѣшенъ былъ нашъ отъѣздъ; и въ день вступленія Наполеона въ Москву, мы выѣхали изъ подмосковной и направились на г. Коломну, гдѣ едва нашли себѣ кой-какую квартиру; ибо изъ Москвы все уѣзжало, и многіе предпочитали этотъ путь отступленія. Большая дорога отъ Бронницъ до Коломны была запружена экипажами, подводами, пѣшими, которые медленно тянулись изъ бѣлокаменной. Грусть была на всѣхъ лицахъ; разговоровъ почти не было слышно; мертвое безмолвье сопровождало это грустное передвиженіе. Молодые и люди зрѣлаго возраста всѣ были въ арміи или ополченіи; одни старики, женщины и дѣти были видны въ экипажахъ, на телегахъ и въ толпахъ бредущихъ. Воспоминаніе объ этомъ — не скажу путешествіи — о странномъ, грустномъ передвиженіи живо сохранилось въ моей памяти и оставило во мнѣ тяжелое впечатлѣніе.

Въ Коломнѣ мы не могли оставаться, какъ потому что негдѣ было жить, такъ и потому, что мародеры французскіе показывались уже между Бронницами и Коломною. По полученіи извѣстій о московскихъ пожарахъ, отецъ мой рѣшился ѣхать въ Тамбовъ, гдѣ прежде губернаторствовалъ, а потомъ просто жилъ, родной его братъ. Изъ Коломны опять почти всѣ разомъ тронулись, и на перевозѣ черезъ Оку была страшная давка, толкотня и ужасный безпорядокъ. Во все время нашего переѣзда до Тамбова, слухамъ, росказнямъ не было конца; казалось, что Наполеонъ идетъ по нашимъ пятамъ. Въ Тамбовѣ мы, наконецъ, поселились какъ должно; и тутъ матушка и сестра мои выучили меня читать и писать по русски. Помню, мнѣ было ужасно досадно, что меня не пускали въ армію и я постоянно спрашивалъ у матери: скоро ли мнѣ можно будетъ идти на Бонапарта?

Изъ пребыванія нашего въ Тамбовѣ осталась у меня въ памяти въ началѣ общая грусть, причиненная успѣхами Наполеона, а впослѣдствіи — общая радость, при полученіи извѣстія объ отступленіи, а потомъ о пораженіи и бѣгствѣ

врага. Въ Декабрѣ, мы возвратились въ нашу подмосковную, гдѣ, въ домѣ, подвалахъ, сараяхъ и пр. нашли все разграбленнымъ. Нѣсколько дней мы пили чай изъ посуды, бывшей въ нашемъ дорожномъ погребцѣ и ѣли на деревянныхъ блюдахъ и изъ деревянныхъ чашекъ, которыя брали у дворовыхъ. Отца моего особенно огорчало то, что разграбленіе, какъ изъ разсказовъ оказалось, было произведено менѣе французами, чѣмъ нашими же крестьянами и нѣкоторыми дворовыми людьми. Это было для него тѣмъ больнѣе, что онъ считалъ себя однимъ изъ лучшихъ помѣщиковъ своего времени и постоянно обходился съ своими крѣпостными людьми либерально, какъ и подобало человѣку, воспитанному въ Англіи и слывшему въ Москвѣ „либеральнымъ лордомъ".

Весною отецъ и мать поѣхали въ Москву и меня взяли съ собою. Обгорѣлыя стѣны каменныхъ домовъ; одинокія трубы, стоявшія на мѣстахъ, гдѣ были деревянныя строенія; пустыри и люди, бродящіе по нимъ, — все это меня такъ поразило, что доселѣ сохраняю объ этомъ живое воспоминаніе. Вскорѣ мы возвратились въ деревню. Тутъ и мать, и отецъ занялись моимъ обученіемъ. Отецъ училъ меня русскому языку и слегка географіи и исторіи; мать учила меня французскому, а дядька-нѣмецъ — нѣмецкому языку. Я сильно полюбилъ чтеніе; такъ къ нему пристрастился, что матушка отнимала у меня книги. Особенно сильное дѣйствіе произвела на меня вышедшая въ свѣтъ, въ 1816 году Карамзина „Исторія Государства Россійскаго". Изъ сперва вышедшихъ восьми томовъ я сдѣлалъ извлеченіе, которое заслужило одобреніе моего отца. 7-го Ноября 1818 года, я имѣлъ несчастіе его лишиться. Я очень жалѣлъ о немъ; но еще болѣе сокрушался о матери, которая была глубоко поражена этимъ горемъ и постоянно со слезами о немъ вспоминала и говорила.

Лѣто мы проводили въ деревнѣ, а зиму въ Москвѣ. Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, то матушка моя, вмѣсто обыкновенныхъ-второстепенныхъ учителей, дала мнѣ профессоровъ. Двое изъ нихъ имѣли на мое образованіе сильное дѣйствіе:

Мерзляковъ по русской и классической словесности, и *Шлецеръ* по политическимъ наукамъ. Мерзляковъ бывалъ иногда великолѣпенъ; но, къ сожалѣнію, часто лѣнился, и нерѣдко любимый имъ „ерофеичъ" связывалъ его языкъ и путалъ его понятія до того, что онъ вовсе не могъ преподавать. Въ хорошіе дни, онъ прекрасно объяснялъ свойства русскаго языка и пріохочивалъ къ древнимъ классикамъ. Это и побудило меня учиться по гречески сперва у кандидата университета В. И. Оболенскаго, а потомъ у Грека *Байло*, человѣка очень образованнаго, издавшаго въ Парижѣ, на счетъ братьевъ московскихъ Грековъ-Зосимовъ, нѣсколькихъ классиковъ (Плутарха, Исократа и др.). Успѣхи мои въ греческомъ языкѣ были таковы, что я сталъ читать греческихъ классиковъ почти безъ лексикона, зналъ наизусть первую пѣснь Иліады, перевелъ нѣсколько книгъ Ѳукидидовой исторіи пелопонесской войны и много отрывковъ изъ Платоновой республики, а Ксенофонта читалъ какъ будто онъ писалъ по-русски. Латинскій языкъ я зналъ порядочно; но онъ остался для меня языкомъ мертвымъ. Особенно помогло мнѣ въ усвоеніи греческаго языка то обстоятельство, что Байло говорилъ со мною по новогречески. Послѣ двухъ, трехъ лѣтъ, я выражался на новогреческомъ нарѣчіи довольно свободно. Древній греческій языкъ мнѣ нравился и по собственной его красотѣ и потому, что его простой, естественный складъ рѣчи казался мнѣ очень схожимъ съ славянскимъ и даже русскимъ слогомъ. Это и заставило меня много переводить съ греческаго на русскій языкъ.

Шлецеръ, хотя нѣмецъ, слѣдовательно человѣкъ мало живой и большой теоретикъ, вводилъ меня въ нѣмецкую науку, и этимъ онъ былъ для меня весьма полезенъ. Онъ познакомилъ меня съ Гееренομъ и вообще пристрастилъ меня къ нѣмецкой литературѣ. Самъ Шлецеръ былъ человѣкъ очень умный, очень ученый и весьма общительный. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ его уроки, которые, вмѣсто полутора часа продолжались и два и три часа.

Въ это время т. е. въ 1820—22 годахъ, познакомился я съ нѣкоторыми сверстниками, которыхъ дружба или пріязнь

благодѣтельно подѣйствовала на дальнѣйшую мою жизнь. Первое мое знакомство было съ *И. В. Кирѣевскимъ.* Съ нимъ мы познакомились на урокахъ у Мерзлякова. Мы жили на одной улицѣ (большой Мѣщанской) въ первыхъ двухъ домахъ на лѣвой рукѣ отъ Сухаревой башни. Часто мы возвращались вмѣстѣ домой; вскорѣ познакомились наши матери; и наша дружба росла и укрѣплялась. Меня особенно интересовали знанія политическія, а Кирѣевскаго — изящная словесность и эстетика; но оба мы чувствовали потребность въ философіи. Лока мы читали вмѣстѣ; простота и ясность его изложенія насъ очаровывала. Впрочемъ все научное намъ было по душѣ и все нами узнанное мы другъ другу сообщали. Но мы дѣлились и не однимъ научнымъ — мы передавали одинъ другому всякія чувства и мысли: наша дружба была такова, что мы рѣшительно не имѣли никакой тайны другъ отъ друга. Мы жили какъ будто одною жизнью.

Другое мое знакомство, превратившееся въ дружбу, было съ кн. *В. Ѳ. Одоевскимъ.* Съ нимъ мы вскорѣ заговорили о нѣмецкой философіи, съ которою его познакомили возвратившійся изъ заграницы профессоръ *М. Г. Павловъ* и *И. И. Давыдовъ,* завѣдывавшій университетскимъ пансіономъ, въ которомъ воспитывался кн. Одоевскій. Кромѣ того, въ это же время, я сошелся съ *В. П. Титовымъ, С П. Шевыревымъ* и *И. А. Мельгуновымъ.* Здѣсь я упоминаю о нихъ только мимоходомъ, потому что впослѣдствіи, объ этихъ сверстникахъ я буду имѣть случай говорить обстоятельнѣе.

Въ Сентябрѣ 1822 года, я поступилъ въ Московскій университетъ по словесному факультету. Тутъ я слушалъ лекціи: Мерзлякова — о словесности, Каченовскаго — о Русской исторіи, Гейма — о статистикѣ, Давыдова — о латинской словесности и Двигубскаго — о физикѣ. Эти лекціи оставили во мнѣ мало живыхъ воспоминаній: профессора читали, а мы ихъ слушали только *по обязанности.* Возбудительнаго, животворнаго они намъ ничего не сообщали. — Тутъ познакомился я съ *М. П. Погодинымъ;* но, въ это время, мы мало

близились; ибо онъ уже выходилъ изъ университета, а я туда только поступалъ; но хорошо помню, что онъ былъ отличнымъ студентомъ и всегда славно отвѣчалъ на вопросы профессоровъ. Вѣдь тогда профессора хотя читали и говорили, однако вмѣстѣ съ тѣмъ, и предлагали слушателямъ вопросы, какъ то теперь дѣлается въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ слѣдующемъ, т. е. 1823 году, совѣтъ университета сдѣлалъ постановленіе, въ силу котораго студенты должны были слушать не менѣе восьми профессоровъ. Это насъ, студентовъ, сильно раздражило и даже взбѣсило, и многіе не захотѣли подчиниться такому распоряженію. Тогда насъ „бунтовщиковъ“ призвали въ Правленіе и ректоръ *А. А. Прокоповичъ-Антонскій* объявилъ намъ, что если мы вольнодумничаемъ и не хотимъ исполнить требованіе Совѣта, то должны выйти изъ университета. Мы доказывали ректору невозможность съ пользою, т. е. съ надлежащими приготовленіями, слушать восемь курсовъ; но онъ твердилъ свое и выражался такъ повелительно и даже дерзко, что иные покорились волѣ начальства, а человѣкъ десять (и я въ томъ числѣ) подали просьбы объ увольненіи изъ университета.

Освободившись отъ университета, гдѣ мы мало учились и много времени тратили напрасно, я налегъ на чтеніе и возобновилъ уроки у Мерзлякова, Шлецера и другихъ преподавателей, которые мнѣ живо передавали разныя знанія. Въ это время, особенно полезною была для меня дружба съ И. В. Кирѣевскимъ, съ которымъ мы занимались вмѣстѣ и другъ друга оживляли и поощряли. Всего болѣе занимали насъ нѣмецкія философскія сочиненія. Около этого времени, мы познакомились съ даровитымъ, весьма умнымъ и развитымъ *Д. В. Веневитиновымъ*, къ прискорбію, рано умершимъ. Нѣмецкая философія и въ особенности творенія Шеллинга насъ всѣхъ такъ къ себѣ приковывали, что изученіе всего остальнаго шло у насъ довольно небрежно, и все наше время мы посвящали нѣмецкимъ любомудрамъ. Въ это время, бывали у насъ вечернія бесѣды, продолжавшіяся далеко

за полночь, и онѣ оказывались для насъ много плодотворнѣе всѣхъ уроковъ, которые мы брали у профессоровъ. Нашъ кружокъ все болѣе и болѣе разростался и сплотнялся. Главными самыми дѣятельными участниками въ немъ были: Ив. В. Кирѣевскій, Дм. Веневитиновъ, Рожалинъ, кн. В. Одоевскій, Титовъ, Шевыревъ, Мельгуновъ и я. Этимъ бесѣдамъ мы обязаны весьма многимъ какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Не могу также не упомянуть здѣсь о благодѣтельномъ вліяніи, которое имѣли на меня и Кирѣевскаго наши матери, т. е. моя и его, *Авдотья Петровна Елагина*, другъ Жуковскаго, женщина высокообразованная и одаренная чрезвычайно любящимъ сердцемъ. Онѣ руководили нами очень умно, давая намъ полную свободу въ выборѣ и предметовъ для занятій и нашихъ пріятелей. Онѣ были между собою дружны и дѣйствовали за одно ко благу своихъ дѣтей.

Въ 1824 году, мы держали съ Кирѣевскимъ экзаменъ въ университетѣ, требовавшійся указомъ 1809 года, для поступленія на службу. Много забавныхъ воспоминаній оставилъ въ насъ этотъ экзаменъ. Въ статистикѣ, за кончиною профессора Гейма, экзаменовалъ насъ Мерзляковъ, который столько же мало ее зналъ, сколько обстоятельно и весьма педантически ее зналъ покойный Геймъ. *Цвѣтаевъ* экзаменовалъ въ политической экономіи, едва знавши первыя начала этой науки. Предсѣдательствовалъ на экзаменѣ ректоръ Антонскій, недовольный моимъ „вольнодумнымъ“ (такъ онъ выражался) выходомъ изъ университета. Онъ всячески ко мнѣ придирался; мнѣ удавалось очень ловко ему отвѣчать и изъ этого выходили презабавныя сцены. По окончаніи нашихъ испытаній, возникъ между профессорами важный споръ о значеніи словъ *весьма* и *очень*. Цвѣтаевъ, у котораго Кирѣевскій бралъ уроки римскаго и естественнаго права и политической экономіи, хотя и съ небольшимъ успѣхомъ, хотѣлъ написать Кирѣевскому: *весьма хорошо*, а мнѣ, хорошо знавшему эти науки, но не бравшему уроковъ у Цвѣтаева, и даже во время экзамена не однократно его одурачивавшему,

онъ думалъ написать: *очень хорошо*. Тогда Мерзляковъ вступился за меня, и, послѣ долгихъ споровъ, рѣшено было написать и тому и другому одинакую аттестацію.

Глава II. (1825 г.)

Поступленіе на службу въ Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ. — Сослуживцы. Характеръ службы. — Литературныя и философскія занятія. — Внутреннее положеніе Россіи въ 1822—1825 годы. — 14 Дек. 1825 года. — Присяга Константину Павловичу и Николаю Павловичу. — Аресты. — Коронація Николая I.

По окончаніи экзамена, и я и Ив. В. Кирѣевскій поступили на службу въ Московскій Архивъ иностранныхъ дѣлъ. Мое вступленіе было очень оригинально. Послѣ кончины моего отца, попечителемъ надо мною, по просьбѣ моей матери, былъ дядя мой и другъ моего отца Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, который жилъ въ Петербургѣ и пользовался особенною дружбою Александра I. По просьбѣ дяди, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи меня на службу по упомянутому Архиву. Такое необыкновенное опредѣленіе на службу произвело сильное впечатлѣніе на начальника Архива *А. Ѳ. Малиновскаго*, который узнавши, что я, вмѣстѣ съ матушкою, нахожусь въ деревнѣ, въ Сапожковскомъ уѣздѣ, Рязан. губ., и будучи обязанъ въ мѣсячный срокъ рапортовать объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, рѣшился не тревожить моей матушки и меня, и по эстафетѣ передалъ Сапожковскому уѣздному суду приведеніе меня къ присягѣ на вѣрность службѣ. Уѣздный судъ, въ это время, былъ не въ городѣ, а въ уѣздѣ — на межѣ, въ с. Кравскомъ. Такое необычайное порученіе и странный чинъ актуаріуса (14го класса), коимъ я былъ опредѣленъ, свели почти съ ума уѣздный Судъ. Судья (г. Ремизовъ) и его товарищи не знали ни какъ принять такого высокаго сановника, ни какъ достойно исполнить такую чрезвычайную, на нихъ возложенную, обязанность. Какъ теперь вижу смущеніе, страхъ и неловкость этихъ уѣздныхъ властей въ такомъ

экстренномъ случаѣ, и не могу забыть ихъ радости и поздравленій, когда это великое дѣло было, наконецъ, совершено.

Въ Архивъ почти одновременно поступили, кромѣ Ив. Кирѣевскаго, *Дм.* и *Алек. Веневитиновы*, *Титовъ*, *Шевыревъ*, *Мельгуновъ*, *С. Мальцовъ*, *Соболевскій*, двое кн. *Мещерскихъ*, кн. *Трубецкой*, *Озеровъ* и другіе хорошо образованные московскіе юноши. Служба наша главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцовъ. Понятно, какъ такое занятіе было для насъ мало завлекательно. Впрочемъ начальство было очень мило: оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ; но затѣмъ мы вздумали писать сказки такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми нами. Десять человѣкъ соединились въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не расказывать своего плана для продолженія. Какъ между нами были люди даровитые, то эти сочиненія выходили очень забавными, и мы усердно являлись въ Архивъ въ положенные дни — по понедѣльникамъ и четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ „блестящей“ Московской молодежи и званіе „архивнаго юноши“ сдѣлалось весьма почетнымъ, такъ что впослѣдствіи мы даже попали въ стихи начинавшаго тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина.

Въ это же время, составилось у насъ два общества: одно литературное, а другое философское. Первое, подъ предсѣдательствомъ переводчика *Георгикъ С. Е. Раича* (Амфитеатрова) собиралось сперва въ домѣ Муравьева (на Большой Дмитровкѣ, гдѣ помѣщалось Муравьевское военное учебное заведеніе и гдѣ впослѣдствіи были училище проф. Павлова, дворянскій клубъ и лицей г. г. Каткова и Леонтьева), а потомъ на квартирѣ сенатора Рахманова, при сынѣ котораго Раичъ былъ воспитателемъ. Членами этого общества были: *Ѳ. И. Тютчевъ*, *Н. В. Путята*, кн. *В. Ѳ. Одоевскій*, *В. П. Титовъ*, *С. П. Шевыревъ*, *М. П. Погодинъ*, *Ознабишинъ*, *Томашевскій*, *Алек. С. Норовъ*, *Андр. Н. Муравьевъ* и многіе другіе. Наши засѣданія были очень живы и нѣко-

торыя изъ нихъ даже блестящи и удостоивались присутствія всѣми любимаго и уважаемаго Московскаго генералъ-губернатора кн. *Д. В. Голицына*, *Ив. Ив. Дмитріева* и другихъ знаменитостей. Тутъ изящная словесность стояла на первомъ планѣ; философія, исторія и другія науки только украдкой, отъ времени до времени, осмѣливались подавать свой голосъ. Мнѣ удалось тамъ прочесть нѣкоторые переводы изъ Ѳукидида и Платона и отрывки изъ исторіи Петра I, которою тогда я съ любовью занимался.

Другое общество было особенно замѣчательно: оно собиралось *тайно* и объ его существованіи мы никому не говорили. Членами его были: Кн *Одоевскій*, *Ив. Кирѣевскій*, *Дм. Веневитиновъ*, *Рожалинъ* и *я*. Тутъ господствовала нѣмецкая философія, т. е. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Океnъ, Гӧрресъ и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія сочиненія; но всего чаще и по большей части бесѣдовали о прочтенныхъ нами твореніяхъ нѣмецкихъ любомудровъ. Начала, на которыхъ должны быть основаны всякія человѣческія знанія, составляли преимущественный предметъ нашихъ бесѣдъ; христіанское ученіе казалось намъ пригоднымъ только для народныхъ массъ, а не для насъ любомудровъ. Мы особенно высоко цѣнили Спинозу и его творенія мы считали много выше евангелія и другихъ священныхъ писаній. — Мы собирались у кн. Одоевскаго, въ домѣ Ланской (нынѣ Римскаго-Корсакова въ газетномъ переулкѣ). Онъ предсѣдательствовалъ, а Д. Веневитиновъ всего болѣе говорилъ, и своими рѣчами часто приводилъ насъ въ восторгъ. Эти бесѣды продолжались до 14 Декабря 1825 года, когда мы сочли необходимымъ ихъ прекратить, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣніе полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе. Живо помню, какъ послѣ этого несчастнаго числа, кн. Одоевскій насъ созвалъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ и протоколы нашего общества любомудрія. Но возвратимся нѣсколько

вспять и раскажемъ о положеніи дѣлъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I.

Смутно вспоминаю я о либеральныхъ толкахъ, бывшихъ въ 1818—1822 годахъ, особенно между военными, возвратившимися изъ Франціи послѣ событій 1812—1815 годовъ; но очень положительно и ясно сохранились въ моей памяти жалобы на слабость Императора Александра I въ его отношеніяхъ къ Метерниху и Аракчееву. И старики, и люди зрѣлаго возраста, и въ особенности молодежь — словомъ чуть-чуть не всѣ безпрестанно и безъ умолка осуждали дѣйствія правительства, и одни опасались революціи, а другіе пламенно ея желали и на нее полагали всѣ надежды. Неудовольствіе было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведеннаго мною, 18-тилѣтнимъ юношею, у внучатнаго моего брата *Мих. Мих. Нарышкина;* это было въ Февралѣ или Мартѣ 1825 года. На этомъ вечерѣ были: *Рылѣевъ*, кн. *Оболенскій*, *Пущинъ* и нѣкоторые другіе, впослѣдствіи сосланные въ Сибирь. Рылѣевъ читалъ свои патріотическія думы; а всѣ свободно говорили о необходимости — d'en finir avec ce gouvernement. Этотъ вечеръ произвелъ на меня самое сильное впечатлѣніе; и я, на другой же день утромъ, сообщилъ все слышанное Ив. Кирѣевскому, и съ нимъ вмѣстѣ мы отправились къ Дм. Веневитинову, у котораго жилъ тогда Рожалинъ, только что окончившій университетскій курсъ съ степенью кандидата. Много мы въ этотъ день толковали о политикѣ и о томъ, что необходимо произвести въ Россіи перемѣну въ образѣ правленія. Вслѣдствіе этого, мы съ особенною жадностью налегли на сочиненіе Бенжамена Констана, Рое-Коллара и другихъ французскихъ политическихъ писателей; и на время нѣмецкая философія сошла у насъ съ перваго плана.

Никогда не забуду того потрясающаго дѣйствія, которое произвели на насъ первыя извѣстія о 14 Декабрѣ. Хотя уже знали, что Императоръ Александръ I скончался, что скрывали его смерть, что въ Петербургѣ, въ правительственной сферѣ, происходили толки и переговоры и что въ об-

ществѣ было сильное волненіе, — однако извѣстія объ явномъ бунтѣ насъ сильно поразили: слова стали переходить уже въ дѣла.

Въ этотъ промежутокъ времени, т. е. между полученіемъ извѣстій о кончинѣ Императора Александра и о происшествіяхъ 14-го Декабря, мы часто, почти ежедневно, собирались у М. М. Нарышкина, у котораго сосредоточивались всѣ доходившіе до Москвы слухи и извѣстія изъ Петербурга. Толкамъ не было границъ. Не забуду никогда одного бывшаго въ то время разговора о томъ, что̀ нужно сдѣлать въ Москвѣ, въ случаѣ полученія благопріятныхъ извѣстій изъ Петербурга. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ бесѣдахъ кн. *Николай Ивановичъ Трубецкой* (точно онъ, а не иный кто-либо — хотя это и не вѣроятно, однако вѣрно: вотъ какъ люди мѣняются!), адъютантъ гр. П. А. Толстаго, тогда командовавшаго корпусомъ, расположеннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, брался доставить своего начальника связаннаго по рукамъ и по ногамъ (avec les mains et les jambes liés). Предложеніямъ и преніямъ не было конца; а мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступалъ великій 1789 годъ.

Въ первыхъ числахъ Декабря, по указу сената, присягнули въ Москвѣ Императору *Константину Павловичу*, и цѣлые *десять дней* всѣ просьбы подавались на его имя и указы писались отъ его имени. Эта присяга принесена была совершенно просто — безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ. Не таковая была присяга Императору Николаю Павловичу. Тутъ сочли нужнымъ принять разныя чрезвычайныя мѣры. Въ соборѣ присягали одни сенаторы и высшіе сановники; а прочіе чиновники присягали особо по каждому вѣдомству.

Ночью разосланы были повѣстки на счетъ этой присяги. Меня разбудили въ 4-мъ часу; я не могъ болѣе заснуть и до разсвѣта проходилъ по своей комнатѣ. Въ 8 часовъ я поѣхалъ къ Ив. Кирѣевскому и вмѣстѣ съ нимъ къ Веневитиновымъ. Много мы толковали и были крайне взволнованы; но, не смотря на то, въ 11 часовъ собрались въ Архивѣ

коллегіи иностранныхъ дѣлъ для принесенія присяги. Нашъ добрый начальникъ А. Ѳ. Малиновскій былъ въ крайнемъ смущеніи и испугѣ. По распоряженію свыше, военный караулъ при Архивѣ былъ утроенъ и солдаты снабжены патронами. Командовалъ не унтеръ-офицеръ, даже не простой офицеръ, а цѣлый маіоръ. Воображали, кажется, что архивные юноши произведутъ подражаніе Петербургскому возмущенію. Но у насъ все прошло самымъ спокойнымъ образомъ, и только Соболевскій въ шутку, въ полголоса, при попарномъ нашемъ шествіи въ церковь, пропѣлъ марсельезу.

Хотя въ Москвѣ все было тихо и скромно, однако многіе, и мы въ томъ числѣ, были крайне озабочены и взволнованы. Извѣстія изъ Петербурга получались самыя странныя и одно другому противорѣчущія. То говорили, что тамъ все спокойно и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то расказывали, что открытъ огромный заговоръ, что 2-я армія (тогда армія состояла изъ двухъ отдѣловъ, одинъ находился подъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена а другой — гр. Витгенштейна) не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ хочетъ провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, что Москва или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ. Мы, нѣмецкіе философы, забыли Щеллинга и комп., ѣздили всякій день въ манежъ и фехтовальную залу учиться верховой ѣздѣ и фехтованію и такимъ образомъ готовились къ дѣятельности, которую мы себѣ предназначали.

Вскорѣ начали въ Москвѣ, по ночамъ, хватать нѣкоторыхъ лицъ и отправлять ихъ въ Петербургъ. Очень памятно мнѣ арестованіе внучатнаго моего брата и коротко мнѣ знакомаго Вас. Серг. Норова*); лично при этомъ я на-

---

*) В. С. Норовъ, старшій братъ А. С. Норова, бывшаго впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія, служилъ прежде въ

ходился, и это событіе меня очень поразило. Сидимъ мы у Норова и бесѣдуемъ. Вдругъ, около полуночи, безъ доклада входитъ полицеймейстеръ и спрашиваетъ, кто изъ насъ Вас. Серг. Норовъ. Когда хозяинъ всталъ и спросилъ, что ему нужно, тогда полицеймейстеръ объявилъ, что имѣетъ надобность переговорить съ нимъ наединѣ. Норовъ попросилъ насъ уйти на время на-верхъ къ его матери. Опечатали всѣ бумаги Норова, позволили ему только, въ сопровожденіи полицеймейстера, взойти къ старухѣ — матери, чтобы съ нею проститься, и повезли его въ Петербургъ. Этотъ увозъ произвелъ на мать ужасное дѣйствіе — она словно рѣхнулась. Онъ произвелъ и на насъ всѣхъ сильное впечатлѣніе. Вскорѣ, также ночью, увезли въ Петербургъ Нарышкина, фонъ-Визина и многихъ другихъ. Это навело всюду и на всѣхъ такой ужасъ, что почти всякій ожидалъ быть схваченнымъ и отправленнымъ въ Петербургъ. Разсказы изъ Петербурга о томъ, кого тамъ брали и сажали въ крѣпость, какъ содержали и допрашивали арестованныхъ и пр. еще болѣе увеличивали всеобщую тревогу. Матушка очень за меня боялась, положила меня спать подлѣ своей комнаты; ей постоянно чудилось, что за мною ночью пріѣхали, и потому, на всякій случай, она приготовила въ моей комнатѣ теплую фуфайку, теплые сапоги, дорожную шубу и пр. Этихъ дней, или, вѣрнѣе сказать, этихъ мѣсяцевъ (ибо такое положеніе продолжалось до назначенія верховнаго суда, т. е. кажется, до Апрѣля) кто ихъ пережилъ, тотъ, конечно, никогда ихъ не забудетъ. Мы, молодежь, менѣе страдали чѣмъ волновались, и даже почти желали быть взятыми и

лейбъ-егерскомъ полку, считался отличнымъ служакою, страстно любилъ военное дѣло и вышелъ въ отставку по особому случаю. В. К. Николай Павловичъ при фронтѣ разругалъ его и, стукнувши ногою по землѣ, обрызнулъ его грязью. Норовъ подалъ въ отставку и всѣ офицеры полка сдѣлали то же. Это было сочтено за бунтъ. Норовъ и многіе изъ офицеровъ были переведены тѣмъ же чиномъ въ армейскіе полки. Нѣсколько времени спустя, Норовъ получилъ отставку и поселился у матери въ Москвѣ.

тѣмъ стяжать и извѣстность и мученическій вѣнецъ. Эти событія насъ, между собою знакомыхъ, чрезвычайно сблизили и, быть можетъ, укрѣпили ту дружбу, которая связывала Веневитиновыхъ, Одоевскаго, Кирѣевскаго, Рожалина, Титова, Шевырева и меня.

Я было забылъ расказать объ одномъ, хотя въ самомъ себѣ и не важномъ событіи, однако вполнѣ характеризующемъ то прожитое время. Въ январѣ, во время ежедневныхъ новыхъ арестовъ, объявляется, что тѣло покойнаго Императора будетъ провезено черезъ Москву и что, по этому поводу, имѣетъ быть торжественная встрѣча. Всѣхъ насъ, архивныхъ юношей, нарядили въ мундиры и отправили къ Серпуховской заставѣ, откуда мы пѣшкомъ попарно — вмѣстѣ съ другими вѣдомствами должны были торжественно шествовать до Кремля. Между тѣмъ прошелъ слухъ, что въ Москвѣ приготовляется манифестація противъ покойнаго и царствующаго Императоровъ. Въ Петербургѣ вздумали, что въ „крамольной" Москвѣ предполагается выбросить изъ гроба тѣло покойнаго Императора и таскать его по улицамъ, въ знакъ общаго негодованія за назначеніе Николая Павловича наслѣдникомъ императорскаго престола. Войска, подъ предлогомъ бо́льшей торжественности, а дѣйствительно изъ опасенія манифестаціи, были въ усиленныхъ рядахъ разставлены по обѣимъ сторонамъ улицъ отъ Серпуховскихъ воротъ до Кремля и въ самомъ Кремлѣ, и сверхъ того, велѣно было солдатамъ имѣть заряженныя ружья. Такимъ образомъ, церемонія грозила превратиться въ событіе, но таковымъ оно являлось только Петербургу, а здѣсь никто и не думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы произвести возмущеніе. Все прошло совершенно спокойно и чинно; тѣло Императора было поставлено въ Архангельскомъ соборѣ, тутъ оно простояло три дня; мы, по очереди, дежурили, а народъ усердно приходилъ поклоняться праху; а на четвертый день, также спокойно и чинно проводили тѣло до Петровской заставы.

Наконецъ, дожили мы до Мая и думали разъѣхаться по

деревнямъ; но начальникъ нашъ, Малиновскій, получилъ приказаніе изъ Петербурга по случаю предстоящей коронаціи, никого не увольнять въ отпускъ. Слѣдовательно приходилось намъ жить въ Москвѣ, и мы положили ознакомиться съ московскими окрестностями. Вслѣдствіе этого нашего рѣшенія, мы постепенно посѣтили пѣшкомъ всѣ приближныя мѣстности бѣлокаменной, и какъ всѣ эти прогулки совершены были нами вмѣстѣ, то онѣ также сильно содѣйствовали къ скрѣпленію нашей дружбы Я вспоминаю о нихъ съ особеннымъ чувствомъ и знаю, что я имъ весьма многимъ обязанъ.

Слухи о предстоявшихъ приговорахъ Верховнаго суда не переставали волновать Москву; но никто не ожидалъ смертной казни лицъ, признанныхъ главными виновниками возмущенія. Во все царствованіе Александра I не было ни одной смертной казни, и ее считали вполнѣ отмѣненною. Съ легкой руки Николая I, смертныя казни вошли у насъ какъ-бы въ обычай; и при благодушномъ Александрѣ II, онѣ совершались не разъ и уже не производили того потрясающаго дѣйствія, какое произведено было извѣстіемъ о казни *Рылѣева, Муравьева-Апостола*, *Бестужева-Рюмина*, *Пестеля* и *Каховскаго*. Описать или словами передать ужасъ и уныніе, которые овладѣли всѣми — нѣтъ возможности: словно каждый лишался своего отца или брата.

Вслѣдъ, за этимъ извѣстіемъ пришло другое о назначеніи дня коронованія Императора Николая Павловича. Его въѣздъ въ Москву, самая коронація, балы придворные, а равно балы у иностранныхъ пословъ и у нѣкоторыхъ Московскихъ вельможей, — все происходило подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ совершившихся казней. Весьма многіе остались у себя въ деревняхъ; и принимали участіе въ упомянутыхъ торжествахъ только люди къ тому обязанные по службѣ. Императоръ былъ чрезвычайно мраченъ; видъ его производилъ на всѣхъ отталкивающее дѣйствіе; будущее являлось болѣе чѣмъ грустнымъ и тревожнымъ.

Глава III. (1826—1830).

Отъѣзъ въ С.-Петерб. — Знакомства. — Служба въ Министерствѣ Иностр. Дѣлъ. — Образъ жизни. — Кончина Д. В. Веневитинова 1827 г. — А. С. Хомяковъ. — Д. Н. Блудовъ. — Составленіе „Общаго Устава для лютеранскихъ церквей въ Имперіи.“ — Д. В. Дашковъ. — К. А. Булгаковъ. — Е. А. Карамзина. — Дѣвица Россети. — В. А. Жуковскій. — Бар. Дельвигъ.

Вскорѣ послѣ коронаціи, т. е. въ Сентябрѣ 1826 года, я отправился въ Петербургъ на службу. Во время пребыванія въ Москвѣ великихъ міра сего, родственникомъ нашимъ кн. *С. И. Гагаринымъ* былъ я представленъ графу *Нессельроде*, управлявшему тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ пригласилъ меня пріѣхать въ Петербургъ, обѣщая помѣстить меня въ свою Канцелярію. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я явился къ дядѣ моему *Род. Александ. Кошелеву*, опредѣлившему меня, какъ выше было сказано, на службу. Онъ пользовался въ Петербургѣ еще сильнымъ вліяніемъ и большимъ почетомъ, хотя блистательныя времена для него уже прошли вмѣстѣ съ кончиною Императора Александра. Дядя принялъ меня очень ласково и пригласилъ меня къ себѣ обѣдать по воскресеніямъ и четвергамъ, а иногда посѣщать его и по вечерамъ, когда онъ за мною пришлетъ. Онъ былъ въ это время уже слѣпъ, но сохранялъ полную дѣятельность ума. У него въ домѣ я познакомился съ кн. А. Н. Голицынымъ (который, по ихъ мартинистскимъ связямъ, бывалъ у него ежедневно), съ *Сперанскимъ*, *В. П. Кочубеемъ* и многими другими административными знаменитостями. Старикъ дядя очень меня полюбилъ и въ декабрѣ того же года (1826) предложилъ мнѣ жить у него и быть камеръ-юнкеромъ, что̀ онъ предполагалъ исходатайствовать чрезъ кн. А. Н. Голицына. Оба эти предложенія меня смутили; но я рѣшился тотчасъ же ихъ отклонить. Отказаться отъ перваго было не трудно, я представилъ дядѣ, что у него въ домѣ въ 10 часовъ гасятся свѣчи и все предается покою; а мнѣ приходится ѣздить на балы и вечера и возвращаться домой во 2-мъ и 3-мъ часу. Но устранить второе предло-

женіе было гораздо труднѣе: онъ считалъ придворную атмосферу самою лучшею, даже единою, возможною для благомыслящаго человѣка и вѣрнымъ путемъ къ достиженію почестей и политическаго вліянія. Когда я ему сказалъ, что очень благодаренъ за его обо мнѣ заботливость, что приму съ глубочайшею признательностью всякое его попеченіе и стараніе къ доставленію мнѣ мѣста и работы, но что придворнымъ быть я не чувствую себя способнымъ; тогда старикъ пришелъ въ гнѣвъ и ужасъ, и сказалъ мнѣ: „mon cher, vous finirez mal; avec de telles idées on n'avance pas, mais on se prépare la Sibérie ou pire que cela. Послѣ этого объясненія, дядя былъ со мною холоденъ мѣсяца два; но потомъ смягчился и сталъ опять благосклоненъ. Впрочемъ не разъ возвращался къ мысли нарядить меня въ камеръ-юнкерскій мундиръ, чего я рѣшительно не хотѣлъ, ибо всегда считалъ придворныя званія, мундиры и обязанности — лакействомъ, и притомъ тѣмъ худшимъ, что оно не вынужденное, а добровольное.

Гр. Нессельроде помѣстилъ меня не въ собственную свою канцелярію, а въ отдѣленіе ея, которымъ завѣдывалъ гр. *Лаваль* и которому поручено было дѣлать *выписки* для Императора изъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ. Сперва на мою долю достались нѣмецкія газеты, но онѣ вскорѣ ужасно мнѣ надоѣли; онѣ были не многимъ лучше нашихъ русскихъ, та же безжизненность и то же отсутствіе политическаго смысла. Я началъ учиться по англійски, желая получить англійскія газеты. Наша канцелярія состояла сперва изъ трехъ чиновниковъ: *Кремера, меня* и *Витте.* Первый былъ человѣкъ очень умный и весьма способный и завѣдывалъ французскими и англійскими журналами, а Витте былъ великолѣпнымъ и неутомимымъ переписчикомъ — онъ какъ будто гравировалъ всѣ наши выписки. Кремеръ былъ впослѣдствіи секретаремъ нашей миссіи въ Вашингтонѣ, потомъ повѣреннымъ тамъ въ дѣлахъ и, наконецъ, генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ, гдѣ и окончилъ свою жизнь. Витте остался въ Петербургѣ, получая чины и ордена; но его я

совершенно потерялъ изъ вида. Вскорѣ вступилъ къ намъ въ канцелярію воспитанникъ лицея, *Александръ Крузенштернъ*, впослѣдствіи сенаторъ и еще состоящій въ живыхъ. Какъ я уже нѣсколько попривыкъ къ англійскому языку, которымъ я занимался очень усидчиво, то, по совѣту Кремера, взялъ на себя англійскія газеты и передалъ нѣмецкія Крузенштерну. Начальникомъ нашимъ былъ сынъ французскаго эмигранта, гофмейстеръ гр. Лаваль. Хотя онъ былъ человѣкъ умный, но своимъ царедворствомъ онъ насъ очень забавлялъ. Передъ поѣздкою во дворецъ, онъ былъ всегда очень озабоченъ, словно готовился къ священнодѣйствію, а въ важныхъ случаяхъ сперва онъ даже заѣзжалъ въ католическую церковь и заказывалъ тамъ молебенъ или что-то въ этомъ родѣ. Особенное вниманіе онъ обращалъ на кухмистерскую часть въ своемъ домѣ, давалъ славные обѣды и этимъ онъ поддерживалъ свое значеніе въ Петербургѣ.

Служба моя шла не блистательно; но у меня оставалось много времени для собственныхъ занятій, для выѣздовъ въ большой свѣтъ, для посѣщенія пріятелей и даже для кутежа.

Въ Петербургѣ я былъ не одинъ изъ Москвичей. Кн. Одоевскій еще прежде меня переѣхалъ въ Петербургъ, женился на О. С. Ланской и поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія, а именно въ Комитетъ иностранной цензуры. Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ къ намъ Д. В. Веневитиновъ и опредѣленъ былъ въ Министерство иностранныхъ дѣлъ, по департаменту внутреннихъ сношеній. Не замедлилъ переѣздомъ въ Петербургъ и В. П. Титовъ. Мы всѣ часто видѣлись и собирались по большей части у кн. Одоевскаго. Главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ была уже не философія, а наша служба съ ея разными смѣшными и грустными принадлежностями. Впрочемъ иногда вспоминали старину, пускались въ философскія пренія и этимъ нѣсколько себя оживляли.

Вскорѣ мы были поражены большимъ горемъ. Д. Веневитиновъ, при самомъ пріѣздѣ изъ Москвы, былъ вытре-

бованъ или взятъ въ 3-е отдѣленіе собственной канцеляріи и тамъ продержанъ двое или трое сутокъ. Это его ужасно поразило и онъ не могъ освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него сдѣланнымъ ему допросомъ. Онъ не любилъ объ этомъ говорить; но видно было: что-то тяжелое лежало у него на душѣ. Въ Мартѣ онъ занемогъ тифозною горячкою; около двухъ недѣль былъ боленъ и 15 Марта онъ скончался. Эта смерть насъ ужасно поразила и огорчила. Мы отпѣли его у Николы Морскаго и тѣло его отправили въ Москву.

Во время болѣзни Д. Веневитинова, за которымъ и днемъ и ночью мы ухаживали, я близко сошелся съ *А. С. Хомяковымъ,* съ которымъ я прежде былъ только знакомъ. Съ этого времени мы стали часто видѣться и тутъ начало той дружбы, которую прервала только кончина незабвеннаго Алексѣя Степановича.

Окончился 1827 годъ; наступилъ и 1828; дѣланіе выписокъ изъ англійскихъ журналовъ прискучило мнѣ до крайности и тѣмъ болѣе, что умный и веселый Кремеръ отъ насъ выбылъ и отправился въ Сѣверо-американскіе Штаты. Онъ былъ замѣщенъ милымъ и весьма неглупымъ, но мало живымъ остзейцемъ гр. *Медемъ.* Гр. Нессельроде нѣсколько разъ обѣщалъ перевести меня въ свою канцелярію; но только обѣщалъ и ничего не дѣлалъ. Слѣдующій случай заставилъ меня искать иной службы. Былъ концертъ у графини Лаваль; я сидѣлъ подлѣ прелестной гр. *Сологубъ* (впослѣдствіи Обресковой), за моимъ стуломъ стоялъ одинъ пріятель (Мертваго), который увидѣвши, что гр. Нессельроде стоялъ подлѣ меня, довольно громко сказалъ мнѣ: „Кошелевъ, подлѣ тебя стоитъ твой начальникъ, уступи ему свой стулъ". Взбѣшенный этими словами, я отвѣтилъ ему также не тихо: „въ обществѣ у меня нѣтъ начальниковъ; если ты другаго мнѣнія, то принеси для него стулъ". Нессельроде вскорѣ отошелъ, но вѣроятно съ мыслью: „это — карбонари; для насъ такіе люди не пригодны". Вскорѣ послѣ того, баронъ *Николай,* нашъ посланникъ при Копенгагенскомъ дворѣ, просилъ о на-

значеніи меня секретаремъ при тамошней миссіи, но гр. Нессельроде не изъявилъ на то согласія. Это и побудило меня искать службы по иному министерству. Вскорѣ представился для того благопріятный случай. *Д. Н. Блудовъ*, управлявшій въ то время духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и бывшій дѣлопроизводителемъ комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ гр. В. П. Кочубея для преобразованія разныхъ частей государственнаго управленія, пригласилъ меня къ себѣ на службу. Я былъ прежде знакомъ съ Д. Н. Блудовымъ; но особенно хлопоталъ обо мнѣ кн. Одоевскій, который въ это время уже былъ по особымъ порученіямъ при Блудовѣ. Я остался числящимся по министерству иностранныхъ дѣлъ съ откамандированіемъ къ статсъ-секретарю Блудову.

Мой новый начальникъ былъ очень уменъ, образованъ и крайне добръ; но характеромъ онъ былъ слабъ и труслив. Въ тѣ дни, когда онъ отправлялся къ Императору, онъ былъ весь не свой: не слушалъ, не понималъ того, что ему говорили, вскакивалъ безпрестанно, смотрѣлъ ежеминутно на часы и непремѣнно посылалъ по утру свѣрять свои часы съ дворцовскими. За то, когда возвращался отъ Императора, не получивши нагоняя, онъ былъ дѣтски веселъ, не ходилъ, а леталъ по комнатамъ и готовъ былъ цѣловать всякаго встрѣчнаго. Добра дѣлалъ онъ очень много, былъ доступенъ для всякаго и готовъ выслушивать каждаго, кому онъ могъ чѣмъ либо быть полезнымъ. Въ большой упрекъ ему ставили написанное имъ донесеніе слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14-го Декабря. Конечно, оправдывать его я не буду; но, въ извиненіе его, могу сказать, что онъ въ этомъ уступилъ волѣ Императора, какъ по слабости характера, такъ и потому, что онъ надѣялся смягчить мѣру наказанія для виновныхъ, выставивъ многихъ менѣе преступными, чѣмъ увлеченными даже до крайностей.

Блудовъ былъ большой и своеобразный „пуристъ“ въ русскомъ слогѣ, и отъ этого онъ исправлялъ до смѣшнаго всѣ бумаги, которыя подавались ему къ подписи. Сколько

онъ любилъ исправлять, столько онъ не любилъ и почти не могъ первоначально самъ писать бумаги. Манифесты, изданные во время моего при немъ служенія, и важные рескрипты, порученные ему къ написанію, были сочинены всѣ мною и кн. Одоевскимъ, но ни одно мое или его слово въ нихъ не сохранилось. Получивъ отъ Императора приказаніе написать какой либо манифестъ или иную важную бумагу, Блудовъ тотчасъ призывалъ одного изъ насъ и сообщалъ, что́ нужно высказать въ требуемоей бумагѣ. Я писалъ, какъ могъ; Блудовъ обыкновенно хвалилъ мою работу, оставлялъ ее у себя; ночью онъ принимался ее исправлять и къ утру не оставалось въ сочиненной бумагѣ ни одного моего слова. Затѣмъ, кое-какъ мы разбирали его каракульки, переписывали и вновь ему представляли. Снова начинались переправки, которыя продолжались до той минуты, когда онъ долженъ былъ везти бумагу къ Императору. Увѣренность, что каждая бумага подвергнется тысячи и одному исправленіямъ, отнимала охоту что либо написать хорошо. Однажды я рѣшился испытать: я ли пишу плохо или мой начальникъ одержимъ страстью исправлять все, что ему попадается подъ руку. Одну, не очень важную бумагу, Блудовымъ особенно жестоко исправленную, я отложилъ въ сторону на нѣсколько недѣль — и послѣ ему подалъ ее, какъ будто мною только-что написанную. Блудовъ, какъ и всегда, похвалилъ и ночью всю ее исчеркалъ и не оставилъ ни одного изъ прежнихъ своихъ собственныхъ словъ. Это меня совершенно успокоило, и я получилъ убѣжденіе, что мой умный начальникъ одержимъ недугомъ исправленія и того, что́ не плохо.

Не смотря на это, служба у Блудова была очень пріятна. Кромѣ самаго милаго обхожденія съ своими подчиненными, для меня интересно было то, что онъ поручалъ мнѣ весьма важныя и весьма секретныя дѣла. Особенно интересовали меня бумаги по Преобразовательному комитету, гдѣ Блудовъ и *Д. В. Дашковъ* были дѣлопроизводителями. Хотя труды этого комитета почти ни къ чему не привели, однако тутъ затронуты были почти всѣ преобразованія, нынѣ про-

изведенныя. Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ людей былъ неоднократно обсуждаемъ; и плодомъ этихъ совѣщаній былъ *указъ объ обязанныхъ крестьянахъ*, который, правда, остался мертвою буквою. Хотѣли преобразовать и государственный совѣтъ, и сенатъ, и губернскія учрежденія, и изъ этого вышли указы, ничего не преобразовавшіе. Самыя важныя и принесшія добрые плоды постановленія были: указъ о полюбовномъ размежеваніи и Высочайшее повелѣніе о составленіи свода законовъ.

Дѣло, въ которомъ я принялъ въ то время прямое и довольно сильное участіе, было составленіе „общаго Устава для лютеранскихъ церквей въ Имперіи.“ Образованъ былъ комитетъ изъ одного епископа (С.-Петербургскаго), четырехъ суперъ-интендентовъ, четырехъ свѣтскихъ предсѣдателей консисторій и двоихъ членовъ — дѣлопроизводителей — одного для нѣмецкой редакціи Ст. Сов. *Лерхе* и одного для русской редакціи — меня. Предсѣдателемъ былъ назначенъ сенаторъ графъ *Тизенгаузенъ*. Комитетъ работалъ двѣ зимы, имѣлъ около сотни засѣданій и, наконецъ, представилъ свой проэктъ Устава. Тутъ, въ первый разъ, пришлось мнѣ имѣть дѣло съ остзейцами, съ ихъ привилегіями и съ ихъ партикуляризмомъ. Они видѣли, что въ ихъ порядкахъ многое плохо, что существованіе въ трехъ провинціяхъ и на островѣ Эзелѣ различныхъ церковныхъ правилъ относительно одного и того же предмета — болѣе чѣмъ неразумно и неудобно, и что необходимы обобщенія и измѣненія; но каждый отстаивалъ свое, ссылаясь на свои привилегіи. Предсѣдатель всячески старался привести членовъ къ единогласію, но почти всѣ рѣшенія утверждались большинствомъ голосовъ. И странно было то, что протестантское духовенство оказывалось менѣе упорнымъ чѣмъ свѣтскіе члены консисторіи и особенно ландраты *Мандель* и *Кампенгаузенъ*. Не разъ приходилось мнѣ крѣпко отстаивать желанія правительства, клонившіяся къ объединенію постановленій для протестантскихъ церквей въ Имперіи. Всего противнѣе для остзейцевъ была мысль объ учрежденіи въ Петербургѣ генеральной консисторіи для всѣхъ протес-

тантскихъ церквей Россіи. Однако и эта мысль прошла въ комитетѣ хотя при самомъ слабомъ большинствѣ и при самомъ сильномъ давленіи со стороны предсѣдателя и главноуправляющаго Блудова. Нѣкоторые члены сказались больными. Ландраты, Эстляндскій—Мандель и Лифляндскій—Кампенгаузенъ, были въ бѣшенствѣ. Уставъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ, одобренъ съ незначительными измѣненіями, Высочайше утвержденъ и распубликованъ. За труды мои по этому дѣлу, я былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры.

Эта, полученная мною, награда заслуживаетъ особаго разсказа. Д. Н. Блудовъ не разъ прежде представлялъ меня къ наградамъ; но Императоръ постоянно меня вычеркивалъ и однажды даже сказалъ Блудову: „c'est un mauvais homme; je vous conseille d'être sur vos gardes avec lui.“ Въ настоящемъ случаѣ, Блудовъ написалъ обо мнѣ такой докладъ, что мнѣ совѣстно было его читать. На основаніи его, слѣдовало меня произвести не въ слѣдующій чинъ, а прямо въ статскіе Совѣтники. Д. Н. Блудовъ закусилъ удила и поѣхалъ во дворецъ съ твердою рѣшимостью отстоять свое представленіе. Императоръ былъ въ добромъ духѣ, прочелъ докладъ, усмѣхнулся и сказалъ: „видно ты этого очень желаешь, изволь, но ты мнѣ за него отвѣчаешь“. Блудовъ поклонился и отвѣчалъ: „вполнѣ принимаю отвѣтственность за представляемаго мною Кошелева.“

Во время моего служенія у Блудова, мнѣ пришлось мѣсяца три или четыре быть подъ начальствомъ Д. В. Дашкова. Блудовъ, уѣзжая за границу, съ Высочайшаго соизволенія, передалъ своему другу Дашкову свои обязанности, какъ по главному управленію духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, такъ и по Преобразовательному комитету. Вслѣдствіе этого, я долженъ былъ, по отъѣздѣ Блудова, явиться къ исправляющему его должность. Являюсь; докладываютъ обо мнѣ; „проситъ подождать.“ Жду часъ, два; снова докладываютъ и снова „проситъ подождать.“ Наконецъ, уже 2-й часъ; я прошу вновь доложить и въ отвѣтъ получаю: изви-

няется, что сегодня не можетъ принять. Ухожу съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться къ нему, пока самъ онъ за мною не пришлетъ. Проходитъ три, четыре дня, и является ко мнѣ курьеръ съ приглашеніемъ къ министру. Иду; Дашковъ тотчасъ меня принимаетъ, и, до возвращенія Блудова, я почти не выходилъ изъ его кабинета. Тутъ я имѣлъ случай довольно коротко узнать этого даровитаго, истинно государственнаго человѣка. Онъ былъ, по природѣ, очень застѣнчивъ; а потому не любилъ новыхъ людей и всячески избѣгалъ оффиціальныхъ пріемовъ. Поэтому и меня онъ не рѣшился принять въ первый разъ, когда я къ нему являлся. Вообще онъ не отличался дѣятельностью и трудолюбіемъ; напротивъ того, онъ былъ лѣнивъ и дѣла любилъ откладывать до завтра; но когда необходимо было что̀ сдѣлать, то онъ работалъ и день и ночь безъ устали. Взглядъ его на дѣла былъ свѣтлый и обширный. Во время моего при немъ нахожденія, ему необходимо было, передъ отъѣздомъ Государя, представить ему докладъ объ устройствѣ княжествъ Молдавіи и Валахіи. Онъ принялся за работу вечеромъ, проработалъ всю ночь и весь день, и въ слѣдующую затѣмъ ночь работа была готова. Докладъ былъ великолѣпный: на 10—12 листахъ мелкаго письма почти не было помарокъ, и одно послѣдовательно вытекало изъ другаго. Не помню, въ какомъ именно году былъ съ Дашковымъ очень замѣчательный случай. По Высочайшему повелѣнію, сенатъ, какъ верховный судъ, судилъ Поляковъ изъ западныхъ губерній, за участіе въ какомъ-то заговорѣ. По недостаточности уликъ, Сенатъ оправдалъ обвиненныхъ. Императоръ Николай былъ этимъ весьма не доволенъ и приказалъ дѣло это перенести въ государственный Совѣтъ. Дашковъ, какъ министръ Юстиціи, въ оправданіе рѣшенія Сената, произнесъ прекрасную рѣчь, и большинство Совѣта, за исключеніемъ князей Чернышева и П. М. Волконскаго, утвердило приговоръ Сената. Императоръ въ негодованіи возвращаетъ дѣло въ государственный Совѣтъ съ замѣчаніемъ: Сенатъ, придерживаясь буквы закона, могъ оправдать обвиненныхъ, но государственный Совѣтъ дол-

женъ былъ руководствоваться государственными соображеніями, а потому разсмотрѣть ему это дѣло вновь, съ государственной точки зрѣнія. Дашковъ опять произноситъ рѣчь въ Совѣтѣ, который, за исключеніемъ двоихъ выше поименованныхъ членовъ, остается при прежнемъ рѣшеніи. Журналъ Совѣта отправляется къ Государю, который, вопреки своему обычаю, держитъ этотъ журналъ почти двѣ недѣли и возвращаетъ съ утвержденіемъ мнѣнія большинства. Дашковъ, во все это время не имѣлъ доклада у Государя; но, по накопившимся дѣламъ, ему необходимо было испросить у Императора личный докладъ. Часъ доклада назначается, и Дашковъ, отправляясь во дворецъ, думалъ возвратиться оттуда уже частнымъ человѣкомъ. Государь принимаетъ его очень милостиво и говоритъ: „ну, Дашковъ, мы съ тобою поспорили, но я надѣюсь, что это нашей дружбѣ не повредитъ.“ Этотъ разсказъ мною слышанъ отъ самого Дашкова.

Много въ Петербургѣ я ѣздилъ въ общество, былъ почти со всѣми знакомъ, игралъ въ карты, но особенную отраду находилъ въ посѣщеніи двухъ домовъ — *Константина Яковлевича Булгакова* и *Екатерины Андреевны Карамзиной*, вдовы исторіографа.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ двухъ домахъ не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, что я чуть-чуть не сдѣлался полнымъ картежникомъ. Петербургская жизнь содержала въ себѣ мало животворнаго и очень располагала къ пользованію всякими средствами нескучно убивать время. Мои Петербургскіе пріятели гр. Медемъ, Бальисъ, Фонтенъ и нѣкоторые другіе очень любили играть въ карты, а именно — въ экарте. Умѣренно въ молодости я ничѣмъ не могъ заниматься. Начавши играть въ карты, я къ нимъ пристрастился и считалъ почти напрасно прожитымъ тотъ день, въ который мнѣ не удавалось играть въ карты. Это препровожденіе времени превратилось вскорѣ въ страсть, и мы проводили вечера и даже ночи за картами, такъ что иногда прямо изъ-за карточнаго стола по утру, напившись чаю, отправлялись на службу. Къ счастью моему, я какъ-то занемогъ и дня

два оставался одинъ. Письма Кирѣевскаго, бесѣды съ Одоевскимъ, Хомяковымъ и нѣкоторыми другими друзьями и собственное неудовлетвореніе ведомою мною жизнью заставили меня опомниться, и я рѣшился болѣе въ карты не играть Вскорѣ пріятели мои, узнавши о моей болѣзни, посѣтили меня, потребовали картъ; онѣ были имъ тотчасъ поданы, но самъ я играть не сѣлъ. Пріятели мои сперва не вѣрили моему рѣшенію, посмѣялись надъ нимъ, всячески завлекали меня въ игру, но я устоялъ на своемъ и до отъѣзда моего изъ Петербурга болѣе картъ въ руки не бралъ. Впослѣдствіи въ Москвѣ я игралъ въ вистъ по малой игрѣ, но вскорѣ это мнѣ надоѣло, и я совершенно и навсегда отказался отъ картъ.

Въ домѣ Булгакова, съ самаго начала моего пребыванія въ Петербургѣ, я былъ принятъ, какъ свой. Жена К. А. Булгакова, волошанка, не была особенно привлекательна ни разговоромъ, ни обхожденіемъ, но онъ былъ весьма добръ, уменъ и умѣлъ сосредоточить въ своемъ домѣ все, что было замѣчательнаго въ Петербургѣ въ административномъ и общественномъ отношеніи. Онъ былъ со всѣми въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, дѣлалъ очень много добра, помогалъ и совѣтами, и заступничествомъ и особенно любилъ молодыхъ людей, которые у него были, какъ у себя дома. Тутъ я познакомился съ гр. *Каподистрія*, съ маркизомъ *Паулуччи*, съ гр. *Матушевичемъ* и другими знаменитостями того времени. Хотя *Булгаковъ* былъ только почт-директоромъ, однако личный его авторитетъ въ Петербургѣ былъ таковъ, что его ходатайства уважались всѣми министрами и когда онъ хотѣлъ кому помочь, то всегда достигалъ своей цѣли. Онъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ для самихъ министровъ: не всѣ они были между собою въ хорошихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ всѣ часто имѣли другъ въ другѣ надобность, а потому Булгаковъ былъ между ними посредникомъ и притомъ посредникомъ всегда удачнымъ. Чрезъ Константина Яковлевича я узналъ, почему Императоръ Николай былъ ко мнѣ нерасположенъ и считалъ меня un mauvais homme. Гр. *Бенкендорфъ*,

управлявшій тогда 3-мъ отдѣленіемъ Собственной канцеляріи, по просьбѣ Булгакова, пригласилъ меня къ себѣ и показалъ мнѣ разныя обо мнѣ собранныя свѣдѣнія и въ особенности перехваченное на почтѣ письмо Кирѣевскаго ко мнѣ, которое было совершенно ложно истолковано и даже вполнѣ извращено. Кирѣевскій, въ своемъ письмѣ, говорилъ о необходимости революціи въ нашемъ умственномъ и нравственномъ бытѣ; а тайная полиція вообразила или съ умысломъ представила, что тутъ идетъ рѣчь о революціи политической, къ которой душевно расположенъ былъ писавшій, а равно и тотъ, по заключенію 3-го отдѣленія, къ кому было написано письмо. А какъ Николаю Павловичу постоянно чудилась революція, то этотъ доносъ и крѣпко засѣлъ ему въ голову.

Въ домѣ *Е. А. Карамзиной* собирались литераторы и умные люди разныхъ направленій. Тутъ часто бывалъ Блудовъ и своими разсказами всѣхъ занималъ. Тутъ бывали *Жуковскій, Пушкинъ, А. И. Тургеневъ, Хомяковъ, П. Мухановъ, Титовъ* и многіе другіе. Вечера начинались въ 10 и длились до 1 и 2 часовъ ночи; разговоръ рѣдко умолкалъ. Сама Карамзина была женщина умная, характера твердаго и всегда ровнаго, сердца добраго, хотя повидимому, съ первой встрѣчи, холоднаго. Эти вечера были единственные въ Петербургѣ, гдѣ не играли въ карты и гдѣ говорили по русски.

На вечерахъ у К. А. Карамзиной, познакомился я съ дѣвицею *Россети* и страстно въ нее влюбился. Мы видѣлись съ нею почти ежедневно, переписывались и, наконецъ, почти рѣшились соединиться бракомъ. Меня тревожила ея привязанность къ большому свѣту, и я рѣшился написать къ ней съ изъясненіемъ страстной моей къ ней любви, но и съ изложеніемъ моихъ предположеній на счетъ будущаго. Я все изложилъ откровенно; и она отвѣтила мнѣ точно также; и наши отношенія разомъ и навсегда были порваны.*) Нѣ-

*) Эта дѣвица Россети впослѣдствіи вышла замужъ за Н. М. Смирнова и, по своему уму и любезности, сдѣлалась извѣстною въ средѣ литературной и въ высшемъ обществѣ Петербурга и Москвы.

сколько дней послѣ того я былъ совершенно неспособенъ ни къ какимъ занятіямъ; ходилъ по улицамъ, какъ съумасшедшій, и болѣзнь печени, прежде меня мучившая, усилилась до того, что я слегъ въ постель. Доктора сперва разными лекарствами меня пичкали и, наконецъ, объявили, что мнѣ необходимо ѣхать въ Карлсбадъ.

Д. Н. Блудовъ выхлопоталъ, конечно, не безъ большаго труда, дозволеніе мнѣ ѣхать заграницу, потому что, въ это время, вслѣдствіе іюльской революціи во Франціи и послѣдовавшихъ затѣмъ безпорядковъ и возмущеній въ Польшѣ и Германіи, Императоръ почти никому не разрѣшалъ отъѣзда въ чужіе края. Я почти обрадовался усиленію моей болѣзни; вполнѣ предался мысли о заграничномъ путешествіи; и въ нѣсколько дней всѣ приготовленія къ отъѣзду были окончены.

Заканчивая расказъ о петербургской моей жизни, я считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о замѣчательныхъ людяхъ, съ которыми я былъ тамъ въ сношеніяхъ. Особенно я любилъ *В. А. Жуковскаго*, который ко мнѣ былъ очень расположенъ, вѣроятно, вслѣдствіе того что другъ его, Авд. Петр. Елагина, меня ему особенно рекомендовала. Чистота его души и ясность его ума сильно къ нему привлекали. По вечерамъ я встрѣчалъ у него *Крылова*, *Пушкина*, бар. *Дельвига* и другихъ; бесѣды были замѣчательны по простотѣ и сердечности. Самъ Жуковскій, хотя жилъ въ Петербургѣ и къ тому же при дворѣ, поражалъ чистотою своей души. Пушкина я зналъ довольно коротко; встрѣчалъ его часто въ обществѣ; бывалъ я и у него; но мы другъ къ другу не чувствовали особенной симпатіи.

Баронъ *Дельвигъ* былъ умный и очень милый человѣкъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ, бывало, разсказывалъ одинъ случай, бывшій съ нимъ, какъ съ издателемъ газеты. Призываетъ его Начальникъ 3-го отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи, гр. Бенкендорфъ и сильно, даже грубо, выговариваетъ ему за помѣщеніе въ газетѣ одной либеральной статьи: Бар. Дельвигъ, съ свойственной ему не-

возмутимостью, спокойно замѣчаетъ ему, что *на основаніи закона* издатель не отвѣчаетъ, когда статья пропущена цензурою, и упреки его сіятельства должны быть обращены не къ нему, издателю, а къ цензору. Тогда начальникъ 3-го отдѣленія приходитъ въ ярость и говоритъ Дельвигу: „законы пишутся для подчиненныхъ, а не для начальствъ, и вы не имѣете права, въ объясненіяхъ со мною на нихъ ссылаться и ими оправдываться.“ — Прелестный анекдотъ и вполнѣ характеризовавшій Николаевскія времена.

Глава IV. (1831—1832.)

Поѣздка за границу. — Берлинъ. — Дрезденъ. — Веймаръ. — Знакомство съ Гёте. — Франкфуртъ и Рейнъ. — Женева и лекціи Росси. — Парижъ. — Лондонъ. — Лордъ Morpeth. — Гр. А. Ѳ. Орловъ. — Карлсбадъ. — Болѣзнь матери и возвращеніе въ Москву.

Въ первыхъ числахъ іюня 1831 года, когда уже оказалась холера въ Петербургѣ, отправился я въ Любекъ, на пароходѣ Николай I. Плаваніе наше было благополучно. Видъ безбрежнаго моря, чувство нахожденія между небомъ и бездонною водою и вообще новизна образа жизни на пароходѣ приводили меня въ восторгъ; но особенно радовало меня то, что я покончилъ съ Петербургомъ, съ его суетами и дрязгами, что я удаляюсь отъ мѣста, гдѣ въ послѣднее время такъ много сердечно пострадалъ, и что теперь какъ будто начинаю новую жизнь.

По прибытіи въ Травемюнде насъ не спустили на землю и намъ объявили, что такъ-какъ въ Петербургѣ холера, то мы должны остаться на пароходѣ, въ карантинѣ, семь дней. Начались переговоры, и державный Сенатъ г. Любека, наконецъ, разрѣшилъ намъ nach purification, сойти на землю. Намъ предложили ванны и обкуриваніе нашихъ вещей, на что мы охотно согласились, и въ тотъ же день къ обѣду сошли на землю нѣмецкую. Не смотря на сильныя боли въ печени, видъ иностраннаго хотя и маленькаго города и многаго другаго, чего я прежде не видывалъ, произвелъ на

меня сильное впечатлѣніе. Мысль, что я нахожусь въ странѣ Канта, Шеллинга, Шиллера и Гёте, меня приводила въ восторгъ. Мнѣ все казалось замѣчательнымъ, разумнымъ, прекраснымъ. Самый нѣмецкій обѣдъ въ Травемюнде найденъ мною отмѣнно вкуснымъ, а гостинница по своимъ удобствамъ и чистотѣ — чуть-чуть не баснословною. *Любекъ*, своеобразностью и древностью зданій, чрезвычайно меня поразилъ: казалось мнѣ, что я расхаживаю по древней Германіи. *Гамбургъ*, его отели и Jungferstieg меня очаровали. Въ первый же день, я обѣжалъ чуть не весь Гамбургъ и хотя къ вечеру чувствовалъ крайнюю усталость, однако едва ли не послѣдній ушелъ съ Jungferstieg'a. Изъ Гамбурга отправился въ Берлинъ. Даже тихая ѣзда нѣмецкаго Eilwagen'a меня не сердила; напротивъ, я былъ доволенъ, что могу все разсматривать и многимъ любоваться. *Берлинъ* произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе: онъ напомнилъ мнѣ Петербургъ своими правильными и однообразными улицами. Я посѣтилъ лекціи Шлейермахера, Ганса, Савиньи и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ ученыхъ знаменитостей. Эти трое поименованные, ясностью изложенія и взгляда на преподаваемые предмѣты, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Шлейермахеръ говорилъ такъ просто, съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ и съ такою задушевностью, что производилъ на слушателей самое сильное дѣйствіе. Гансъ, живостью своей рѣчи и пламенностью своего воображенія, всѣхъ очаровывалъ и, хотя преподавалъ юридическія науки и былъ противникомъ всѣми уважаемаго Савиньи и исторической школы, однако сумѣлъ пріобрѣсти многочисленныхъ и горячихъ сторонниковъ и учениковъ и пользоваться между и надъ ними сильнымъ авторитетомъ. Савиньи привлекалъ слушателей изящностью своего изложенія, обширною ученостью и глубокимъ смысломъ своихъ соображеній.

Хотя въ Берлинѣ мнѣ было вовсе не скучно; напротивъ того, мнѣ хотѣлось все осмотрѣть и послушать поболѣе лекцій въ университетѣ; однако время бѣжало и мнѣ необходимо было спѣшить въ Карлсбадъ. Изъ Берлина я поѣ-

халъ въ Лейпцигъ, гдѣ пробылъ недолго. Тутъ былъ со мною очень забавный случай. Я пошелъ въ театръ и, какъ Русскому подобаетъ, взялъ самое дорогое мѣсто въ ложѣ, заплативши за него цѣлыхъ 20 грошей. Сперва сижу одинъ; потомъ входитъ въ ложу старичекъ и отвѣшиваетъ мнѣ почтительный поклонъ, затѣмъ входитъ другой человѣкъ не старыхъ, но вполнѣ зрѣлыхъ лѣтъ. Они раскланиваются очень вѣжливо и въ разговорѣ безпрестанно величаютъ другъ друга титуломъ Hoheit, (Высочество). Оказалось, что я сидѣлъ въ обществѣ владѣтельныхъ принцевъ.

Изъ Лейпцига я отправился въ *Дрезденъ*, гдѣ любовался и картинною галлереею и музеями и Брюловскою терассою, и не знаю, что не возбуждало моего восторга. Прежде отъѣзда изъ Дрездена, я рѣшился посѣтить Саксонскую-Швейцарію. Рано утромъ отправился я изъ города пѣшкомъ, и на дорогѣ захожу въ королевскій увеселительный замокъ Pilnitz. Вхожу въ садъ, иду на одно возвышеніе, откуда чудный видъ на окрестности, и тутъ, найдя одного старца, сидящаго на скамьѣ, почтительно ему кланяюсь. Вступаемъ въ разговоръ, и я высказываю сожалѣніе, что не могъ получить дозволенія на осмотръ замѣчательной крѣпости Königstein; говорю, что обращался, по этому предмету, съ просьбою къ нашему посланнику, но что онъ мнѣ совѣтовалъ не настаивать на этомъ, потому что саксонское правительство не охотно даетъ такія разрѣшенія. Старецъ нашелъ, что Русскій посланникъ несправедливо отозвался на счетъ саксонскаго правительства, спросилъ мою карточку и предложилъ мнѣ выслать въ Königstein желаемое дозволеніе. Съ благодарностью принялъ это предложеніе, раскланялся и ушелъ. Тутъ же въ саду мнѣ удалось узнать, что мой собесѣдникъ былъ самъ король саксонскій. Четыре дня я провелъ въ саксонской Швейцаріи и наслажденіямъ моимъ не было границъ. Когда я пришелъ въ Кёнигстейнъ, то позволеніе для осмотра крѣпости было уже тамъ получено, и самъ комендантъ мнѣ все показывалъ. Это такая крѣпость, которую взять невозможно, ибо она стоитъ на неприступномъ со всѣхъ сто-

ронъ утесѣ, и ее можно только голодомъ принудить къ сдачѣ. Особенно замѣчателенъ тутъ колодезь, чрезвычайно глубокій и дающій отличную воду.

Изъ Дрездена, черезъ Теплицъ, я поѣхалъ въ *Карлсбадъ*, гдѣ и поселился на Alte Wiese въ домѣ zum rothen Herz. Тутъ пилъ я сперва Mühlbrunnen, потомъ Neubrunnen и, наконецъ, жгучій Sprudel; бралъ я ванны и много ходилъ по горамъ. Это лѣченіе оказалось для меня животворнымъ, и я съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя все лучше и лучше. Въ Карлсбадѣ я пробылъ семь недѣль и выѣхалъ оттуда почти совершенно здоровымъ, обѣщая слѣдующимъ лѣтомъ туда возвратиться для упроченія полученнаго исцѣленія.

Изъ Карлсбада я направился на *Веймаръ*, куда газеты и другія публикаціи сзывали поклонниковъ Гёте на открытіе памятника, ему воздвигавшагося въ тамошней публичной библіотекѣ. Предполагалось поставить тамъ сдѣланный извѣстнымъ французскимъ ваятелемъ *Давидомъ* бюстъ Гёте и совершить это торжество 28-го Августа въ 82-ю годовщину отъ рожденія великаго поэта. Я пріѣхалъ въ Веймаръ наканунѣ этого дня, твердо увѣренный, что въ этотъ день навѣрное сподоблюсь счастія лицезрѣть *Гёте* и тѣмъ удовлетворить давнишнему желанію увидѣть, наконецъ, своими глазами того великаго человѣка, котораго творенія меня и друзей моихъ приводили въ восторгъ. Вышло однако вовсе не такъ. Гёте, за два дня до этого торжества, уѣхалъ изъ Веймара, опасаясь слишкомъ сильныхъ ощущеній отъ этого празденства. Я присутствовалъ при церемоніи открытія бюста, былъ представленъ Великой Княгинѣ *Марьѣ Павловнѣ*, участвовалъ въ обѣдѣ, данномъ по подпискѣ, и былъ приглашенъ на вечеръ къ Великой Княгинѣ. И она и Герцогъ были очень любезны; тутъ я видѣлъ цвѣтъ Веймарскаго Общества. Вечеръ показался мнѣ очень оригинальнымъ. Когда всѣ собрались, тогда Герцогъ и Великая Княгиня вышли очень торжественно, сказали каждому нѣсколько словъ и затѣмъ раскланялись. Я думалъ, что вечеръ тѣмъ и кончился, а потому собирался уѣзжать; но нашъ посланникъ, гр. *Санти*,

меня остановилъ и объяснилъ, что кончилось только представленіе и начинается вечеръ. Вечеръ былъ совершенно за просто и Вел. Княгиня была привѣтлива, мила и обязательна до нельзя. Главнымъ предметомъ разговора былъ, разумѣется, Гёте. Великая Княгиня познакомила меня съ *другомъ Гёте*, — Канцлеромъ *Мюллеромъ*, и поручила ему представить меня Гёте, какъ скоро онъ возвратится. Отсутствіе его продолжалось 10 дней; и въ это время я былъ нѣсколько разъ приглашенъ и къ обѣду и на вечеръ въ Бельведерскій дворецъ. И Герцогъ и Вел. Княгиня были постоянно весьма любезны; а однажды ихъ любезность дошла до того, что послѣ обѣда они пригласили меня остаться у нихъ и на вечеръ, а чтобы мнѣ не ѣхать въ городъ и оттуда не возвращаться, они поручили своему сыну, нынѣ царствующему Герцогу, тогда 13-лѣтнему юношѣ, вмѣстѣ съ его попечителемъ, показать мнѣ паркъ, оранжереи и теплицы и занять меня до вечера.

Наконецъ, возвратился Гёте въ Веймаръ, и я тотчасъ получилъ отъ канцлера Мюллера приглашеніе посѣтить Гёте на слѣдующій день, въ 11 часовъ утра. Не могу выразить, съ какимъ трепетомъ я приближался къ дому Гёте, — входилъ на его крыльцо и, наконецъ, позвонилъ. Служанка, вышедшая ко мнѣ на встрѣчу, тотчасъ пригласила меня войти, указала мнѣ гостиную, а сама пошла докладывать обо мнѣ хозяину. Стѣны комнаты, въ которую я вошелъ, были увѣшаны картинами и гравюрами, а въ углахъ стояли статуи антики. Я еще не успѣлъ осмотрѣться, какъ отворилась дверь изъ кабинета и вошелъ Гёте. Хотя лицо его мнѣ было весьма извѣстно изъ множества портретовъ, мною видѣнныхъ; однако глаза живаго Гёте и выраженіе его лица меня поразили. Когда мы сѣли, то Гёте тотчасъ началъ говорить о Вел. Княгинѣ, о счастіи Веймара, обладающаго такимъ сокровищемъ и пр. Потомъ онъ заговорилъ о великомъ нашемъ Императорѣ, о могуществѣ Россіи и пр. Мнѣ хотѣлось навести Гёте на предметъ болѣе интересный, а потому позволилъ себѣ маленькую ложь, сказавши Гёте, что Жуковскій

ему кланяется. „Ахъ“, подхватилъ Гёте, „какъ счастливъ дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ Жуковскій, имѣя лестное порученіе заботиться о воспитаніи Наслѣдника Всероссійскаго престола.“ Дальнѣйшій разговоръ продолжался въ этомъ же смыслѣ, и я ушелъ болѣе чѣмъ разочарованный.

На слѣдующій же день я хотѣлъ уѣхать изъ Веймара, откланявшись по утру Вел. Княгинѣ и Герцогу; но рано утромъ я получилъ отъ Гёте записку, которою онъ приглашалъ меня къ себѣ на вечеръ. Нельзя было не принять приглашенія; и я былъ вполнѣ вознагражденъ за непріятное утро, проведенное у Гёте. Гостей было не много: канцлеръ Мюллеръ, живописецъ Мейеръ и еще человѣка три или четыре. Ни о Великой Княгинѣ, ни о русскомъ Императорѣ не было и помина. Разговоръ весь былъ литературный. Гёте жаловался на то, что политика и реализмъ убивали всякую изящную литературу и искусство, и что послѣднія, въ ихъ нынѣшнемъ положеніи, не имѣя возможности ни прямо передѣлать людей, ни подчиниться ихъ временнымъ требованіямъ, должны стать на высшую точку, открыть или указать людямъ иной, новый міръ и покорить ихъ силою новыхъ мыслей. Мейеръ говорилъ также очень умно. Въ 10¾ часовъ, Канцлеръ Мюллеръ всталъ и тѣмъ подалъ сигналъ къ отъѣзду. Я простился съ Гёте и на другой же день отправился въ *Франкфуртъ на Майнѣ.**)

Тогдашній Франкфуртъ, какъ и почти всѣ нѣмецкіе города, переносили меня въ средніе вѣка, и я находилъ особенное удовольствіе бродить по городу особенно вечеромъ. Въ Франкфуртѣ я осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности: соборъ, Кайзеръ-залъ, Данекерову Аріадну и пр. и поспѣшилъ на Рейнъ. На пароходѣ отправился я до Бибриха, увеселительнаго замка Герцога Нассаускаго, а оттуда, напившись

---

*) До сихъ поръ было мною написано въ 1870 году; затѣмъ долго я не писалъ. Погодинъ, гостившій у насъ въ деревнѣ осенью 1872 года, прослушавши мною написанное, уговорилъ меня продолжать записки и я принялся опять за нихъ 20 Октября 1872 года.

кофе на великолѣпной герцогской терассѣ, я отправился пѣшкомъ, съ сумкою на плечахъ, то по одной, то по другой сторонѣ Рейна. Это путешествіе отъ Майнца до Кобленца, продолжавшееся семь дней, оставило мнѣ на всю жизнь самыя пріятныя воспоминанія. Великолѣпное положеніе Іоаннисберга, Бахарахтъ съ своими развалинами, Рейнштейнъ, Штольценфелзъ, Каубъ съ своею средневѣковою башнею и вообще красивые берега рѣки на всегда сохранились въ моей памяти и всегда мнѣ было отрадно ихъ увидѣть. Эта недѣля пѣшаго хожденія была едва ли не богатѣйшею въ моей жизни по воспоминаніямъ и наслажденіямъ. Тутъ я также развилъ и утвердилъ свои свѣдѣнія относительно Рейнскихъ винъ, ибо за обѣдомъ и ужиномъ выпивалъ по полу-бутылкѣ, а иногда и по цѣлой бутылкѣ лучшаго мѣстнаго вина.

Съ береговъ Рейна, чрезъ Страсбургъ, я отправился въ Швейцарію. Великолѣпный соборъ въ Страсбургѣ съ чудною башнею и французская обстановка жизни меня такъ заинтересовали, что я тамъ остался три дня. Затѣмъ любовался паденіемъ Рейна при Шафгаузенѣ, исходилъ пѣшкомъ Оберъ-Ландъ и въ дилижансѣ доѣхалъ до Лозаны, гдѣ, послѣ нѣсколькодневнаго пребыванія, сѣлъ на пароходъ и прибылъ на зимовье *въ Женеву*.

Тутъ я нашелъ огромное русское общество, потому что пребываніе въ Парижѣ Русскимъ въ этомъ году (183½) было воспрещено. Я поселился въ верхнемъ городѣ въ качествѣ нахлѣбника въ одномъ очень хорошемъ семействѣ, г. де Карро. Онъ, жена и дочери его (довольно пожилыя) были и умны и любезны. Они познакомили меня съ лучшими домами въ Женевѣ. Тутъ не разъ бесѣдовалъ я съ знаменитымъ ботаникомъ *Декандолемъ*, съ химикомъ *Деларивомъ*, съ филеллиномъ Ейнаромъ и особенно часто съ даровитымъ криминалистомъ и политико-экономомъ *Росси*, который впослѣдствіи былъ пэромъ Франціи и, наконецъ, первымъ министромъ въ Римѣ во время либеральнаго порыва Пія IX. Русское общество, въ эту зиму, было въ Женевѣ очень многочисленно; были: полдюжины Нарышкиныхъ, столько же,

коли не больше, князей и княгинь Голицыныхъ и много разнаго колибера военныхъ, статскихъ и отставныхъ Русскихъ. Изъ женщинъ особенно замѣчательна и интересна была *Марья Антоновна Нарышкина*, которая и тутъ не могла еще забыть роли, которую она играла въ Петерубргѣ по милости связи своей съ Императоромъ Александромъ I. Тутъ встрѣтилъ я и старыхъ пріятелей, *С. П. Шевырева* съ его воспитанникомъ кн. Александромъ Волконскимъ и С. А. Соболевскаго. Зиму провели мы очень пріятно и весьма полезно. Всѣ утра посвящены были слушанію лекцій, отчасти въ академіи, а отчасти на дому у профессоровъ. Мы слушали ботанику у Декандоля, химію у *Деларива*, уголовное право и уголовное судопроизводство у *Росси*. Сверхъ того, мы слушали у сего послѣдняго публичныя лекціи о Швейцарской исторіи и частныя, только для насъ восьми человѣкъ предназначенныя, за особую плату, о государственномъ и международномъ правѣ. Лекціи этого Италіанца на французскомъ языкѣ приводили насъ въ восторгъ. Онъ излагалъ свои мысли чрезвычайно ясно, послѣдовательно и заключительно, расказывалъ событія необыкновенно живо и заинтересовывалъ насъ такъ, что часы казались намъ получасами. Росси полюбилъ насъ, а мы его; и его частныя для насъ лекціи нерѣдко продолжались не часъ, а два и даже три часа. Этотъ человѣкъ развилъ во мнѣ много новыхъ мыслей и утвердилъ во мнѣ *настоящій либерализмъ*, который, къ сожалѣнію, у насъ рѣдко встрѣчается, ибо, въ средѣ нашихъ такъ называемыхъ либераловъ, по большей части, встрѣчаются люди, проникнутые западнымъ доктринерствомъ и руководящіеся чувствами и правилами скорѣе деспотизма, чѣмъ истиннаго свободолюбія и свободомыслія. Этому доброму на меня вліянію знаменитаго Росси я весьма многимъ обязанъ по дѣятельности моей и по дѣлу освобожденія нашихъ крѣпостныхъ людей и по управленію дѣлами въ Царствѣ Польскомъ.

Зима 183½ года, посреди прилежныхъ утреннихъ занятій и живыхъ вечернихъ развлеченій, прошла такъ быстро, что

наступилъ Апрѣль какъ бы неожиданно. Тогда русскіе начали разъѣзжаться, и я рѣшился хотя заглянуть въ Парижъ.

При этомъ переѣздѣ, случились со мною два довольно забавныя приключенія. При въѣздѣ во Францію и при предъявленіи на границѣ моего русскаго паспорта, меня приняли, не знаю почему, за Поляка, ищущаго убѣжища во Франціи, послѣ взятія Варшавы Русскими. Французскій пограничный чиновникъ, съ свойственною его націи emphase, приложа руку къ козырьку, отвѣсилъ мнѣ слѣдующую фразу: „trop heureux, Monsieur, de recevoir chez nous les glorieux restes de l'heroique nation polonaise“, и безъ осмотра пропустилъ мои вещи.

Другой случай былъ еще забавнѣе. Пріѣзжаю я въ Ліонъ, останавливаюсь въ гостинницѣ и иду обѣдать за table d'hôte. Вижу, что шампанское льется рѣкою и пьютъ за здоровье кн. Ливена, „перешедшаго изъ русской арміи въ ряды свободолюбивой Польши“. Не замедлили и мнѣ предложить шампанскаго, но я отъ него отказался. Тогда Французы съ крикомъ обращаются ко мнѣ: „Comment, Monsieur, vous ne voulez pas boir à la santé du prince de Liven, qui, des rangs de l'armée russe, a passé dans ceux de l'heroique nation polonaise? Я отвѣчаю имъ: „je ne bois pas à la santé d'imposteurs. Je connais tous les princes Liven, et je sais qu'aucun d'eux n'a déserté les rangs de l'armée russe“. Поднимается страшный крикъ; подходятъ ко мнѣ съ разными угрожающими рѣчами и ухватками; но въ это время, выдававшій себя за князя Ливена скрывается. Французы вскорѣ это замѣчаютъ, и бокалы шампанскаго поднимаются уже въ честь мнѣ. Этотъ случай на другой же день былъ расказанъ въ ліонскихъ журналахъ и этотъ разсказъ перепечатанъ въ Парижскихъ газетахъ.

Какъ *Парижъ* въ то время былъ для русскихъ запрещеннымъ плодомъ и какъ я тогда числился на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ, то, по пріѣздѣ въ Парижъ, я счелъ долгомъ немедленно явиться къ нашему послу, графу *Поццо ди Борго*, и сказать ему, что я только проѣздомъ въ Лондонъ и останусь въ Парижѣ не болѣе трехъ дней. По-

солъ принялъ меня очень любезно, позвалъ меня къ себѣ обѣдать и сказалъ, что я могу здѣсь оставаться столько времени, сколько мнѣ угодно. Я очень обрадовался этому позволенію и рѣшился пожить въ Парижѣ, сколько возможно.

Въ продолженіи моего пребыванія въ Парижѣ, я часто былъ приглашенъ на обѣдъ къ гр. Поццо ди Борго, и его бесѣды за столомъ и въ послѣобѣденное время были чрезвычайно интересны. Онъ вовсе не былъ закупореннымъ дипломатомъ и говорилъ обо всемъ весьма свободно и охотно; умъ его былъ столько же живъ, сколько и глубокъ; и эти бесѣды могли считаться почти лекціями о современныхъ событіяхъ. Какъ этотъ государственный человѣкъ выше Нессельроде и комп.!

Имѣвши письмо отъ Росси къ герцогу *Броли*, я не замедлилъ къ нему отправиться. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечера по четвергамъ. Тутъ, въ первый же вечеръ, я познакомился съ *Гизо*, *Кузенемъ*, *Вилменемъ*, *Мишле* и другими замѣчательными людьми. Тутъ также впослѣдствіи я познакомился съ молодымъ *Тіеромъ*. Эти вечера были для меня такъ интересны, что я не пропускалъ изъ нихъ ни одного и уходилъ домой однимъ изъ послѣднихъ. Черноволосый, съ пламенными глазами и увлекательною рѣчью *Кузенъ*, — всегда спокойный, разсудительный и краснорѣчивый *Гизо*, и живой, многорѣчивый и разнообразіемъ своихъ свѣдѣній поражающій Тіеръ — были для меня особенно интересны, и я старался ихъ всего болѣе слушать. Самъ хозяинъ дома былъ человѣкъ высокаго ума, пользовался большимъ авторитетомъ въ обществѣ и принималъ гостей чрезвычайно любезно. На этихъ вечерахъ не было дамъ и всѣ чувствовали себя какъ дома.

Я посѣщалъ и лекціи и театры; осматривалъ достопримѣчательности Парижа; и часто приходилось жалѣть, что дни заключали въ себѣ мало часовъ. Въ концѣ Мая, когда я располагалъ отправиться въ Лондонъ, гр. Поццо ди Борго предложилъ мнѣ туда курьерскую экспедицію. Я съ ра-

достью принялъ это предложеніе, потому что пребываніе въ Парижѣ причинило сильный ущербъ моему кошельку.

Въ Лондонѣ я пробылъ мѣсяцъ. Кромѣ осмотра достопримѣчательностей этой столицы, я, какъ дипломатъ, т. е. какъ служащій по министерству иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ случай посѣщать дома высшаго англійскаго общества. Тутъ познакомился я съ разными знаменитостями того времени, — съ лордами Греемъ, Пальмерстономъ и др. Англія особенно интересовала меня по своей Конституціонной жизни, и я часто посѣщалъ парламентъ. Одинъ случай англійской вѣжливости меня особенно поразилъ. Однажды, придя къ дверямъ парламента, я обратился къ знакомому мнѣ коммонеру *Лорду Морпеѳу* (Morpeth) съ просьбою ввести меня въ нижнюю Палату. Онъ очень охотно исполнилъ мое желаніе; а впослѣдствіи я узналъ, что въ этотъ день онъ долженъ былъ внести предложеніе въ пользу Поляковъ; но, введя Русскаго, онъ счелъ уже неприличнымъ дѣлать такое предложеніе и передалъ это motion другому. Скажите: какой Французъ или Нѣмецъ, изъ подобной причины откажется отъ приготовленной имъ рѣчи? Да и сами англичане въ этомъ отношеніи, не пошли ли назадъ?

Во время моего пребыванія въ Англіи, совершилось одно великое событіе, котораго мнѣ удалось быть свидѣтелемъ. Въ Іюнѣ 1832 года, наконецъ, прошелъ въ Палатѣ лордовъ знаменитый reform bill. Я былъ тамъ въ этотъ день и имѣлъ случай любоваться если не краснорѣчіемъ Англичанъ, ибо для этого я недостаточно зналъ ихъ языкъ, то ихъ tenue, т. е. торжественностью ихъ обстановки, серьезностью ихъ рѣчей и порядкомъ, господствовавшимъ въ засѣданіи. 7-го Іюня билль былъ утвержденъ Королевскою властью и народная радость была всеобщая.

Не могу не разсказать одного случая, бывшаго со мною въ Лондонѣ и дѣлающаго великую честь одному изъ нашихъ главныхъ сановниковъ прошлаго царствованія. Пріѣзжаетъ въ Лондонъ въ качествѣ чрезвычайнаго полномочнаго посла по бельгійскимъ дѣламъ, графъ *А. Ѳ. Орловъ*. Мы надѣваемъ

мундиры и являемся къ нему. Со всѣми нами онъ тутъ только знакомится; онъ былъ очень обходителенъ, простъ и любезенъ. Въ этотъ же день мы, Русскіе, обѣдали у гр. М. С. Воронцова, пріѣхавшаго навѣстить своего отца, который постоянно жилъ въ Лондонѣ. За обѣдомъ было человѣкъ около двадцати, все русскіе, и разговоръ былъ очень оживленъ. Гр. Орловъ обращается къ совѣтнику посольства Кокошкину и спрашиваетъ его: „не хочешь ли ты также съ нами туда ѣхать?“ Кокошкинъ очень почтительно отвѣчаетъ: „съ большимъ удовольствіемъ, Ваше Сіятельство.“ Меня это покоробило и я говорю своему сосѣду, секретарю посольства, Ломоносову: „Ну, какъ онъ и насъ тыкнетъ?“ Едва я успѣлъ это сказать, какъ Орловъ обратился ко мнѣ съ словами: „А ты?“ Я ему отвѣтилъ: „съ тобою я охотно всюду поѣду.“ Внезапно воцарилась мертвая тишина, и хозяинъ дома поспѣшилъ завести иный разговоръ. Я же подумалъ про себя: случай съ Нессельроде надломилъ мнѣ шею; нынѣшній ее доломаетъ и, пожалуй, дастъ Императору Николаю утѣшеніе сказать: правъ я былъ, когда говорилъ о Кошелевѣ: c'est un mauvais homme. Обѣдъ кончился; Орловъ подходитъ ко мнѣ и очень любезно мнѣ говоритъ: „Такъ завтра я васъ жду, и мы вмѣстѣ поѣдемъ“. Съ этого дня мы были не разлучны: вмѣстѣ осматривали главныя достопримѣчательности Лондона, а иногда и обѣдали въ тавернахъ. Въ одну изъ нашихъ бесѣдъ, гр. Орловъ мнѣ разсказалъ съ величайшими подробностями, какъ ему удалось легко усмирить бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Императоръ Николай непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ отправился туда съ достаточными войсками; но Орловъ настаивалъ на томъ, чтобы ему дозволено было ѣхать туда одному съ адъютантомъ. Наконецъ, Императоръ согласился. Орловъ поскакалъ туда въ коляскѣ; собиралъ по разнымъ мѣстамъ бунтовавшихъ поселянъ и своими рѣчами привелъ всѣхъ въ раскаяніе, и они на колѣняхъ, со слезами, просили прощенія. — Проходитъ нѣсколько лѣтъ, я пріѣзжаю въ Петербургъ, и, какъ откупщикъ, являюсь въ Сенатъ. Графъ Орловъ, какъ только обя-

занности предсѣдателя позволяютъ ему оставить свое кресло, подходитъ ко мнѣ, вспоминаетъ, какъ хорошо мы проводили время въ Лондонѣ, и зоветъ меня къ себѣ. Въ 1849 году, когда почти никому не выдавали заграничныхъ паспортовъ и когда Московскій генералъ-губернаторъ, гр. Закревскій, мнѣ отказалъ въ выдачѣ таковаго, я вздумалъ обратиться къ графу Орлову, — съ просьбою помочь мнѣ въ полученіи паспорта, необходимаго мнѣ для поѣздки за границу, по причинѣ тяжкой болѣзни моей жены. Черезъ недѣлю я получилъ отъ гр. Орлова отвѣтъ, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что докладывалъ о моей просьбѣ Государю Императору и что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на выдачу заграничнаго паспорта мнѣ съ женою, дѣтьми и находящимися при мнѣ лицами. О графѣ, возведенномъ впослѣдствіи въ княжеское достоинство, А. Ѳ. Орловѣ, я сохранилъ на всегда самое отрадное воспоминаніе и съ великимъ удовольствіемъ разсказываю объ его, въ отношеніи ко мнѣ, дѣйствіяхъ. Къ сожалѣнію мало у насъ такихъ сановниковъ: большая часть изъ нихъ только и ищетъ, какъ бы молодыхъ людей, особенно мало угодливыхъ, пригнуть и придавить.

Изъ Лондона, въ самомъ концѣ Іюня, я отправился въ Карлсбадъ для окончательнаго излѣченія моей печени. Тутъ случилось со мною романическое приключеніе. Познакомился я съ одною полькою, гр. С. Она была красива, умна, любезна, однимъ словомъ обворожительна, и жила въ разводѣ съ мужемъ. Я влюбился въ нее по уши, и мы вмѣстѣ проводили все время дня и строили самые завлекательные планы ѣхать вмѣстѣ въ Италію, поселиться на зиму въ Венеціи, жить вмѣстѣ и наслаждаться другъ другомъ, забывая весь остальной міръ. Но не суждено было этому исполниться. Я получилъ изъ Москвы письмо о серіозной и даже опасной болѣзни моей матушки, которую я страстно любилъ. Чувствовалъ, что если бы я сказалъ объ этомъ моей графинѣ, то я не въ силахъ былъ бы исполнить своей обязанности и своего намѣренія тотчасъ ѣхать въ Россію. А потому, я объявилъ, что ѣду до Дрездена по неотложному дѣлу, что тотчасъ воз-

вращусь и что немедленно вмѣстѣ мы отправимся въ Италію. Дѣйствительно, я поѣхалъ въ Дрезденъ; оттуда написалъ нѣжнѣйшее письмо съ сообщеніемъ извѣстія объ опасной болѣзни моей матери и съ обѣщаніемъ вскорѣ вернуться изъ Россіи и ее отыскать въ Италіи. Симъ заканчивается романъ, и мы болѣе уже никогда не встрѣчались. Чрезъ нѣсколько лѣтъ я узналъ, что она скончалась.

На возвратномъ моемъ пути въ Россію былъ со мною забавный случай. Пріѣхалъ я подъ вечеръ одинъ въ коляскѣ на какую-то почтовую станцію, одной изъ нашихъ западныхъ губерній. Начальникъ станціи совѣтовалъ мнѣ у него переночевать, ибо приходилось мнѣ далѣе ѣхать лѣсами, гдѣ часто бываютъ грабежи и убійства. Какъ послѣ польскаго мятежа, только что усмиреннаго, много по лѣсамъ блуждало розбойниковъ, которые нападали на путешественниковъ и ихъ обирали и даже умерщвляли и какъ слухи объ этомъ всѣхъ приводили въ трепетъ, то начальникъ станціи считалъ долгомъ предупреждать проѣзжихъ и совѣтовать имъ, вечеромъ не пускаться въ путь. Я очень торопился и пуще всего мнѣ противно было показаться какъ-бы трусомъ. Я велѣлъ скорѣе закладывать лошадей и отправился въ путь. Какъ только мы въѣхали въ лѣсъ, то почтарь или ямщикъ заигралъ на своемъ рожкѣ и не замедлили двое верховыхъ явиться и поздороваться съ нимъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ (по польски). Это мнѣ показалось что то подозрительнымъ, и я извлекъ изъ своей палки мечъ, желавши по крайней мѣрѣ не безъ боя сдаться разбойникамъ. Вскорѣ однако я заснулъ и когда пріѣхали на станцію, то меня разбудили. Тутъ я узналъ, что эти двое, которыхъ я принялъ за разбойниковъ, вызванныхъ моимъ почтаремъ, были сторожа, обязанные провожать путешественниковъ. Какъ часто ложные страхи задерживаютъ наши дѣйствія и служатъ къ усиленію ложныхъ слуховъ.

Глава V. (1833—1834 г.)

Служба въ Моск. Губернскомъ Правленіи.

По пріѣздѣ въ Москву, я нашелъ матушку уже выздоравливающею. Мы провели остатокъ лѣта въ подмосковной, а на зиму возвратились въ Москву. Здоровье мое совершенно поправилось и зиму провели мы очень пріятно съ друзьями моими Кирѣевскими, Хомяковымъ, Свербѣевыми, Баратынскимъ (поэтомъ) и другими старыми и новыми пріятелями. Въ теченіи зимы я познакомился и довольно близко сошелся съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, всѣми любимымъ и уважаемымъ кн. *Д. В. Голицынымъ*, который сталъ уговаривать меня поступить совѣтникомъ въ Московское Губернское Правленіе, въ которое ему уже удалось помѣстить очень порядочныхъ людей. Въ Февралѣ (1833) я поѣхалъ въ Петербургъ, и Блудовъ очень мило и настоятельно побуждалъ меня возвратиться къ нему на службу. Я забылъ прежде сказать, что изъ за границы я долженъ былъ послать просьбу объ увольненіи меня отъ службы; ибо, по законамъ, не могли мнѣ дать новаго, т. е. третьяго отпуска. Раздумье мое было сильнѣйшее: мнѣ очень хотѣлось возвратиться на службу къ Д. Н. Блудову, который въ то время былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ; а матушка, которой здоровье видимо слабѣло, уговаривала меня остаться въ Москвѣ. При этомъ раздумьи наступило лѣто и мы уѣхали въ подмосковную. Осенью (1833) получилъ я въ деревнѣ отъ Б. К. Данзаса, моего хорошаго пріятеля и близкаго человѣка кн. Д. В. Голицыну, письмо, которымъ онъ приглашалъ меня, отъ имени послѣдняго, пріѣхать въ Москву. Пріѣзжаю; кн. Голицынъ объявляетъ мнѣ, что открылась ваканція совѣтника 1-го отдѣленія губернскаго правленія, и сильно убѣждаетъ меня поступить на эту ваканцію. Я не отказываюсь и не изъявляю согласія, и прошу дать мнѣ недѣлю на окончательное рѣшеніе. — Въ Москвѣ я остановился не въ своемъ домѣ, а у Ив. В. Кирѣевскаго, который за

отъѣздомъ матери и вотчима въ деревню, оставался одинъ во всемъ домѣ. На другой день послѣ моего разговора съ генералъ-губернаторомъ, я получилъ отъ него бумагу, которой онъ меня увѣдомлялъ, что онъ далъ предложеніе губернскому правленію о допущеніи меня къ исправленію должности совѣтника по I-му отдѣленію и что самъ входитъ въ прав. Сенатъ объ утвержденіи меня въ этой должности. Что-жъ — окончательно отказаться или вступить въ должность? Кирѣевскій убѣждалъ рѣшиться на послѣднее; матушка, хотя и отсутствующая, сильно желала того же. Надѣлъ фракъ и поѣхалъ къ генералъ-губернатору, объявя, что подчиняюсь его насилью. Это было 10-го Октября 1833 года.

Я всегда и всѣмъ занимался страстно. Въ Петербургѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, я выучился англійскому языку, такъ что могъ бѣгло читать англійскія газеты и дѣлать изъ нихъ выписки. Тамъ же я было сдѣлался такимъ карточнымъ игрокомъ, что проводилъ нѣсколько ночей сряду за картами. Въ Москвѣ, зимою 183²/₃ года случайно я зашелъ въ tir Prevost, на Кузнецкомъ мосту; тутъ знакомая молодежь уговорила меня выстрѣлить изъ пистолета; вмѣсто цѣли, я попалъ въ потолокъ; это меня взбѣсило, и я далъ себѣ слово сдѣлаться отличнымъ стрѣлкомъ и до того не покидать пистолета. Почти цѣлую зиму до отъѣзда въ деревню, я ежедневно выстрѣливалъ по сту зарядовъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ стрѣлковъ въ Москвѣ. Такъ и своими обязанностями Совѣтника я занялся съ увлеченіемъ. Старался все узнать, все привести въ порядокъ, и черезъ шесть мѣсяцевъ мое отдѣленіе было уже въ отличномъ порядкѣ. Товарищами моими по службѣ были: *В. В. Давыдовъ*, *А. Н. Васильчиковъ*, *Ноколевъ* и старикъ *Телезовъ*. Я сблизился особенно съ первымъ, который занимался службою усердно и благонамѣренно. Второй мой товарищъ былъ также человѣкъ умный, но слишкомъ много занимался своими собственными дѣлами и небрежно относился къ дѣлу служебному. Прочіе два совѣтника были чистыми чиновниками.

Во время моей службы въ Московскомъ губернскомъ

правленіи, были приключенія довольно замѣчательныя, которыя стоятъ разсказа: они показываютъ, какъ въ то время производились дѣла и представляютъ данныя для опредѣленія характера какъ той эпохи, такъ и лицъ въ оной дѣйствовавшихъ.

Система наложенія запрещеній по долговымъ взысканіямъ была у насъ прежде въ крайнемъ, еще большемъ чѣмъ нынѣ, безпорядкѣ. Налагались запрещенія въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, и, при совершеніи купчихъ, закладныхъ и другихъ актовъ, надобно было рыться во всей этой огромной массѣ напечатанной бумаги. А потому „учиненіе справокъ о запрещеніяхъ" было источникомъ большихъ расходовъ для частныхъ лицъ и такихъ же доходовъ для приказныхъ; и сверхъ того часто продавались и закладывались имѣнія, на которыхъ уже лежали запрещенія. Всего болѣе подобныхъ актовъ совершалось въ Москвѣ; вслѣдствіе этого, служившій тогда въ Москвѣ (кажется, въ Сенатѣ *П. В. Хавскій*, (умершій въ 1876 г.), подалъ генералъ-губернатору кн. Д. В. Голицыну записку о необходимости составленія свода запрещеніямъ и алфавита къ нимъ. Кн. Голицынъ, всегда расположенный на всякое доброе и полезное дѣло, принялъ это предложеніе и передалъ его въ губернское правленіе съ тѣмъ, чтобы оно распубликовало это распоряженіе и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Московской губерніи и самому себѣ вмѣнило въ обязанность составить въ годичный или двухгодичный срокъ сводъ запрещеніямъ, наложеннымъ каждымъ присутственнымъ мѣстомъ, съ добавленіемъ, что запрещенія, не вошедшія въ этотъ сводъ, должны считаться уничтоженными. Такое распоряженіе насъ поразило и губернское правленіе отвѣтило генералъ-губернатору, что оно не считаетъ себя вправѣ исполнить такое распоряженіе, и что это должно быть совершено законодательнымъ порядкомъ и не иначе какъ для всей Имперіи. Генералъ-Губернаторъ настаивалъ на своемъ предложеніи; губернское правленіе, къ крайнему прискорбію губернатора (Н. А. Небольсина), оставалось при своемъ мнѣніи. Тогда кн. Д. В. Голицынъ вызвалъ къ себѣ

всѣхъ совѣтниковъ и уговаривалъ ихъ не упрямиться; они доказывали ему незаконность и невозможность исполненія его требованія. Какъ на основаніи тогда дѣйствовавшаго учрежденія о губерніяхъ, губернаторъ или генералъ-губернаторъ, *предсѣдательствовавшій* въ губернскомъ правленіи, пользовался правомъ *приказывать*, и совѣтники должны были исполнять полученное приказаніе, имѣя только право и обязанность донести о томъ Сенату, — то кн. Голицынъ намъ объявилъ, что на слѣдующій день онъ будетъ въ губернскомъ правленіи и займетъ предсѣдательское кресло. Дѣйствительно, на слѣдующій день онъ къ намъ пріѣхалъ, имѣвши при себѣ Хавскаго, и открылъ пренія по этому дѣлу. Спорили много и долго; наконецъ, кн. Голицынъ всталъ и сказалъ: „Вижу, господа, что вы правы; но я не покину своего намѣренія и войду съ докладомъ къ Государю Императору“. Этотъ докладъ и былъ поводомъ къ разработкѣ въ Петербургѣ вопроса „о составленіи свода запрещеній и разрѣшеній“.

Въ 1834 году (кажется, такъ) выгорѣла въ Москвѣ Рогожская часть; сгорѣло болѣе тысячи домовъ; слухъ о поджогахъ былъ всеобщій. По Высочайшему повелѣнію была назначена коммиссія для производства слѣдствія по этому дѣлу. Самъ Императоръ пріѣхалъ въ Москву. Слѣдствіе производилось и днемъ и ночью. Уѣзжавши изъ Москвы, Государь приказалъ, по окончаніи слѣдствія, передать его въ особо наряженный военный Судъ, имѣвшій окончить все судопроизводство въ трое сутокъ. Рѣшеніе постановлено въ назначенный срокъ и представлено къ генералъ-губернатору. Кн. Голицынъ вздумалъ не прямо утвердить рѣшеніе или его не утвердить, а передать на предварительное заключеніе губернскаго правленія. Въ 2 часа ночи меня будятъ и зовутъ въ губернское правленіе. Надѣваю мундиръ, ѣду туда и застаю уже тамъ губернатора, тоже въ мундирѣ. Онъ объявляетъ намъ генералъ-губернаторское предложеніе, показываетъ дѣло, заключающееся въ нѣсколькихъ исписанныхъ стопахъ бумаги, и требуетъ, чтобы мы составили наше за-

ключеніе по прочтеніи одного приговора и никакъ не позже какъ черезъ 12 часовъ. Мы читаемъ вслухъ приговоръ, и убѣждаемся, что безъ разсмотрѣнія самаго дѣла, мы не можемъ по совѣсти ничего сказать. Добрѣйшій нашъ Н. А. Небольсинъ приходитъ въ ужасъ, ибо онъ надѣялся, чрезъ нѣсколько часовъ представить наше заключеніе и чрезъ то дать генералъ-губернатору возможность тотчасъ утвердить рѣшеніе и въ тотъ же день, черезъ особаго курьера, донести о томъ Государю Императору. Убѣжденія и просьбы губернатора на насъ не дѣйствуютъ, и мы объявляемъ, что готовы всѣ вмѣстѣ работать, раздѣлить между собою трудъ и не расходиться до составленія заключенія. Мы принимаемся за дѣло, а губернаторъ, въ 9 часовъ утра, отправляется къ генералъ-губернатору съ горестнымъ извѣстіемъ объ упрямствѣ совѣтниковъ. Оттуда возвращается нѣсколько успокоенный и вмѣстѣ съ нами сидитъ безрасходно 36 часовъ. Но тогда новый для него ужасъ. Военный судъ приговорилъ девять или десять человѣкъ къ наказанію, и изъ нихъ, кажется, четверыхъ, къ шпицрутенамъ до смерти; а мы, юристы-вольнодумцы, находимъ, что нѣтъ достаточныхъ уликъ ни противъ одного изъ обвиняемыхъ и полагаемъ, что только четверыхъ можно оставить, по тогдашнимъ законамъ, въ подозрѣніи. Измученный 36 часовымъ сидѣніемъ на предсѣдательскихъ креслахъ, онъ падаетъ въ обморокъ. Пришедши въ себя, онъ, почти рыдая, говоритъ: „Господа, вы себя и меня губите. Поразмыслите объ этомъ.“ Мы остаемся неумолимыми; подписываемъ наше заключеніе; и губернаторъ, безъ своей подписи, везетъ злополучную бумагу къ кн. Голицыну. Черезъ часъ насъ всѣхъ требуютъ къ генералъ-губернатору. Онъ распрашиваетъ насъ обстоятельно объ дѣлѣ, благодаритъ за добросовѣстное исполненіе возложеннаго на насъ порученія и говоритъ, что воспользуется нашимъ заключеніемъ, на сколько это будетъ для него возможно. Генералъ-губернаторъ не взялъ на себя утвержденія приговора и представилъ объ этомъ Государю. Ни одинъ человѣкъ не былъ наказанъ до смерти; четверо подверглись

болѣе и менѣе тяжкому наказанію, а остальные оставлены подъ подозрѣніемъ.

Дворянскія собранія, во время оно, были нѣсколько живѣе чѣмъ теперь, и если они не оказывались плодотворнѣе нынѣшнихъ, то были по крайней мѣрѣ шумнѣе. Въ Декабрѣ 1834 года дворянство Московской губерніи затѣяло требовать отъ генералъ-губернатора, для провѣрки, отчетъ губернской дорожной коммиссіи. Пренія были самыя оживленныя и весьма продолжительныя; и я, хотя совѣтникъ губернскаго правленія, принималъ въ нихъ, какъ Московскій дворянинъ, горячее участіе и крѣпко настаивалъ на требованіи отчета. Это дѣло сильно занимало Москву, и генералъ-губернаторъ пріѣхалъ на хоры благороднаго собранія и оттуда смотрѣлъ на дворянскія волненія. Большинство голосовъ утвердило предложеніе ревизіонной коммиссіи. Я думалъ, что генералъ-губернаторъ будетъ въ сильномъ на меня неудовольствіи за такія выходки своего подчиненнаго; и для того, чтобы въ этомъ удостовѣриться, я нарочно поѣхалъ къ нему на вечеръ. Онъ встрѣтилъ меня очень ласково, и, пожимая мнѣ руку, онъ сказалъ: „ce matin je vous ai admiré; vous avez bien agi; et à votre place j'aurai fait juste la même chose.“

(Глава VI. 1835 г.)

Женитьба 4 февр. 1835 г. — Начало занятій сельскимъ хозяйствомъ. — Участіе въ откупахъ. — Поѣздка за границу. — Эмсъ. — Парижъ. — Mme Lagrancière.

Давно я былъ знакомъ съ семействомъ Скарятиныхъ и состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ двумя старшими сыновьями Θедоромъ и Григоріемъ Скарятиными. Первый очень усердно занимался живописью и былъ однимъ изъ основателей Московскихъ художественныхъ классовъ, а другой убитъ былъ впослѣдствіи въ венгерской компаніи. Въ этомъ домѣ я познакомился съ воспитывавшеюся у своей тетки дѣ-

вицею Ольгою Θеодоровною Петровою-Соловово. Она мнѣ очень понравилась по складу своего ума и по серіозности своихъ занятій. Въ Декабрѣ я сдѣлалъ предложеніе и 4 Февраля 1835 года мы были повѣнчаны.

Весною этого же года, случилось другое событіе, которое имѣло также рѣшительное вліяніе на мою остальную жизнь. Хотя оно касалось только лично меня, но я не могу не разсказать его съ нѣкоторою подробностью. Да простятъ будущіе мои читатели эту выходку моего субъективизма.

Въ первыхъ числахъ Мая пріѣхалъ въ Москву Императоръ, и съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько придворныхъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ кн. В. В. Долгорукій (кажется, обершталмейстеръ), съ которымъ я былъ давно знакомъ. Я отправился къ нему съ визитомъ и нашелъ его весьма разстроеннымъ вслѣдствіе полученныхъ имъ донесеній изъ Рязанскаго имѣнія его матери, которымъ онъ управлялъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ шутя — сказалъ мнѣ: „будьте моимъ благодѣтелемъ, освободите меня отъ рязанскаго имѣнія, которое мнѣ не доходъ даетъ, а изъ меня высасываетъ послѣднія деньги. Купите его у меня; я вамъ его дешево отдамъ.“ Узнавши, что дѣло идетъ о Сапожковскомъ имѣніи, мнѣ извѣстномъ какъ сосѣду, я изъявилъ склонность быть благодѣтелемъ кн. Долгорукаго и тѣмъ охотнѣе, что у меня были деньги, хотя и небольшія, и что я искалъ купить имѣніе. Тотчасъ я получилъ отъ него приказъ для осмотра имѣнія и даже для обревизованія его конторы. Ни мало не медля, я отправился въ свое родовое имѣніе с. Смыково, а оттуда въ имѣніе кн. Долгорукаго — въ с. Песочню. Осмотрѣвши имѣніе и нѣсколько обревизовавши его контору, я убѣдился, что имѣніе хорошо и что бездоходность его происходитъ отъ плохаго управленія. Возвратившись въ Москву 9 Мая, я тотчасъ отправился къ кн. Долгорукому, который пораженъ былъ моимъ быстрымъ возвращеніемъ и думалъ, что я вовсе отложилъ и поѣздку мою для осмотра. Въ нѣсколько минутъ, торгъ у насъ былъ оконченъ и за 725 тыс. ассигнаціями я пріобрѣлъ 9/т. десятинъ въ хорошей части Сапож-

ковскаго уѣзда съ тремя тысячами десятинъ строеваго лѣса. На имѣніи было много разныхъ запрещеній; а потому онъ выдалъ мнѣ довѣренность на управленіе, получилъ отъ меня въ задатокъ сто тысячъ и обязался выдать мнѣ купчую въ 9 мѣсячный срокъ. Мы положили большую неустойку (въ 200 т. р.) и свидѣтелями по этому домашнему условію были кн. Д. В. Голицынъ и гр. М. Ю. Віельгорскій. Дѣла кн. Долгорукова, этого русскаго барина, честнаго, добраго и весьма неглупаго человѣка, были до того запутаны и находились въ такомъ безпорядкѣ, что къ сроку, хотя и довольно отдаленному, онъ никакъ не могъ выдать условленной купчей. За два мѣсяца до срока, онъ прислалъ своего повѣреннаго въ полное мое распоряженіе съ уполномочіемъ тратить на расходы сколько нужно денегъ и съ просьбою только не взыскивать съ него неустойки. Купчая была, наконецъ, совершена почти черезъ годъ послѣ заключенія домашняго условія.

Эта значительная, мною сдѣланная покупка, измѣнила всѣ мои предположенія относительно дальнѣйшей моей дѣятельности. Я вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ деревню и предался со страстью хозяйству. Это занятіе было для меня дѣломъ не совершенно новымъ. Матушка моя была хорошею хозяйкою и пріучала меня къ хозяйству съ раннихъ лѣтъ: нѣсколько разъ она посылала меня одного въ Рязанское имѣніе.

Я нашелъ купленное имѣніе въ крайнемъ безпорядкѣ. Господской запашки почти не было; я постепенно ее увеличивалъ расчисткою и распашкою кустарника, котораго было много и который не приносилъ никакого дохода. Скотоводство было ничтожное, я умножилъ и улучшилъ свои стада. Лѣсъ вырубался зря и кража лѣса считалась промысломъ почти дозволеннымъ: въ городъ возили лѣсъ на продажу изъ песоченскихъ рощей не только ночью, но и днемъ. Я обрылъ ихъ канавами и устроилъ строгій надзоръ за лѣсниками. Всего хлопотливѣе и затруднительнѣе было для меня винокуреніе на находившемся въ имѣніи заводѣ. Я никогда до того времени не бывалъ ни на одномъ винокуренномъ заводѣ; а тутъ

приходилось управлять дѣломъ весьма значительнымъ. Счастіе, въ этомъ случаѣ, послужило мнѣ лучше умѣнія. Тогда всѣ винные заподряды производились казною. Торги въ Рязани, въ первый годъ моего хозяйничанія, не состоялись потому, что заводчики нашли низкими цѣны, назначенныя казною на вино. Я отправился оттуда въ Москву и, узнавши тамъ, что цѣны на хлѣбъ вездѣ падали, я тотчасъ же возвратился въ Рязань и вечеромъ подалъ вице-губернатору, тогда управлявшему казенною палатою, объявленіе съ согласіемъ принять поставку вина въ размѣрѣ 150/т. ведръ, т. е. на всю конкуренцію моего завода. Весь заподрядъ состоялъ изъ 600/т. ведръ. На слѣдующее же утро другіе заводчики также изъявили согласіе на принятіе поставокъ въ размѣрѣ конкуренціи ихъ заводовъ — на 900/т. ведеръ. При равномъ удовлетвореніи всѣхъ заводчиковъ, мнѣ приходилось получить менѣе ста тысячъ ведръ. Но я потребовалъ, чтобы мнѣ, какъ первому, изъявившему согласіе на принятіе поставки, даны были всѣ мною просимыя 150/т., угрожавши въ противномъ случаѣ, отправить по эстафетѣ жалобу къ министру финансовъ. Вице-губернаторъ, послѣ долгихъ, но напрасныхъ споровъ и увѣщаній, согласился на мое требованіе; и я, оставивъ за собою 100/т. ведръ, въ самые удобные для меня города и сроки сдалъ 50/т. ведръ другимъ заводчикамъ и взялъ съ нихъ отсталаго по 50 коп. на ведро. Оставленная за собою, стотысячная поставка, дала мнѣ барыша болѣе 75 коп. на ведро; и такимъ образомъ, получилъ я съ завода въ первый годъ моего хозяйничанія, около ста тысячъ дохода. Это значительно исправило положеніе моихъ финансовъ, которые были шибко потрясены покупкою имѣнія, и дало мнѣ возможность предпринять въ хозяйствѣ разныя нововведенія и улучшенія.

Въ концѣ этого года (1835), я лишился нѣжно мною любимой матери, а въ началѣ слѣдующаго я былъ обрадованъ рожденіемъ сына. Лѣтнее и осеннее время мы проводили въ деревнѣ, — а зимы — въ Москвѣ, куда мы пріѣзжали въ концѣ Ноября или въ началѣ Декабря; я же еже-

мѣсячно совершалъ поѣздки въ деревню. Въ Москвѣ мы мало ѣздили въ такъ называемый grand monde, — на балы и вечера; а преимущественно проводили время съ добрыми пріятелями Кирѣевскими, Елагиными, Хомяковыми, Свербѣевыми, Шевыревыми, Погодинымъ, Баратынскимъ и пр. По вечерамъ постоянно три раза въ недѣлю мы собирались у Елагиныхъ, Свербѣевыхъ и у насъ; и сверхъ того, довольно часто съѣзжались у другихъ нашихъ пріятелей. Бесѣды наши были самыя оживленныя; тутъ выказались *первые начатки борьбы* между нарождавшимся *русскимъ* направленіемъ и господствовавшимъ тогда *западничествомъ*. Почти единственнымъ представителемъ перваго былъ Хомяковъ; ибо и Кирѣевскій и я и многіе другіе еще принадлежали къ послѣднему. Главными самыми исключительными защитниками западной цивилизаціи были *Грановскій*, *Герценъ*, *Н. Ф. Павловъ* и *Чаадаевъ*. Споры наши продолжались далеко за полночь и мы расходились по большей части другъ другомъ недовольные; но о разрывѣ между этими двумя направленіями еще не было и рѣчи.

Потребность сильной внѣшней дѣятельности и винокуренный заводъ вовлекли меня въ откупа. Въ 1838 году я взялъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ по имѣнію, Колюбакинымъ, на откупъ свой городъ Сапожекъ съ уѣздомъ. Но вскорѣ болѣзнь жены моей заставила насъ ѣхать за границу, гдѣ она пробыла полтора года, а я два раза туда ѣздилъ, бывши въ необходимости, по дѣламъ, возвращаться въ Россію.

Лѣто 1839 года мы провели въ Эмсѣ и потомъ въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ жена осталась и на зиму подъ попечительствомъ извѣстнаго доктора *Гугерта*. Я возвратился туда въ началѣ Февраля и мы вскорѣ отправились въ Парижъ, куда пріѣхали, въ самые первые дни министерства Тіера, т. е. ministère du 1 mars, какъ долго называли это министерство. Оживленіе было всеобщее и значительное. Тутъ прожили мы остатокъ зимы и весну до половины Мая. Время провели мы не весело: жена моя тяжко занемогла; что́ и доставило намъ непріятное знакомство съ Парижскими медицин-

скими знаменитостями. Мы были почти въ отчаянномъ положеніи. Тогда, одинъ нашъ знакомый изъ соотечественниковъ посовѣтовалъ обратиться за помощью къ одной *ясновидящей* Mme Lagrancière, пользовавшейся тогда въ Парижѣ огромною славою. Погибающій хватается и за соломенку; и я рано утромъ отправился къ ясновидящей съ волосами жены.

Въ тотъ же день Mme Lagrancière пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ. Онъ ее усыпилъ и она разсказала болѣзнь жены моей поразительно вѣрно и ясно. Она указала одно очень простое лѣкарство и добавила, что черезъ три дня она опять пріѣдетъ и что жена моя выйдетъ къ ней на встрѣчу. Послѣднее насъ даже разсмѣшило, ибо жена моя болѣе двухъ недѣль не вставала съ постели. Лѣкарство подѣйствовало очень благотворно: боли въ груди и въ спинѣ значительно уменьшились; страшный кашель сталъ слабѣть; и дѣйствительно на третій день жена моя встала и встрѣтила Mme Lagrancière на ногахъ. Вскорѣ жена моя совсѣмъ выздоровѣла, и, по совѣту нашей чудотворцы, мы отправились для укрѣпленія здоровья жены въ Швейцарію въ горы.

Глава VII. (1836—1848 г.)

Служба въ должности предводителя дворянства и ея характеръ. — Выходъ изъ откуповъ 1848 г.

Мы поселились въ Interlaken и оттуда предпринимали разныя поѣздки и похожденія по Бернскому Оберъ-ланду. Оттуда мы думали еще кой — куда ѣхать, но обстоятельства заставили насъ измѣнить эти предположенія. Я получилъ изъ Сапожка извѣстія, что нашъ предводитель, В. И. Колюбакинъ, скончался; что я, какъ кандидатъ, утвержденъ въ этой должности; что въ нашихъ краяхъ и почти во всей Россіи голодъ; и что присутствіе предводителя совершенно необходимо въ уѣздѣ по случаю раздачи пособій отъ правительства помѣщикамъ на прокормленіе крестьянъ. Вслѣдствіе этого, мы рѣшились немедленно возвратиться во свояси.

Мы прямо пріѣхали въ деревню, и я тотчасъ отправился въ Сапожекъ. Вступивъ въ должность предводителя, я имѣлъ возможность прекратить разныя злоупотребленія, было вкравшіяся въ раздачу пособій. Исправлялъ мою должность уѣздный судья, который обще съ уѣзднымъ стряпчимъ и земскимъ исправникомъ, сторговавшись съ управляющими богатыхъ имѣній графовъ Шувалова и Остерманъ-Толстаго, назначилъ имъ въ выдачу на прокормленіе крестьянъ и на обсѣмененіе ихъ полей, огромныя суммы — по 15/т. р. каждому, а бѣднымъ дворянамъ предполагалъ отказать въ ссудѣ за недостаткомъ денегъ. Я тотчасъ измѣнилъ это назначеніе, не далъ пособія ни одному помѣщику, который самъ былъ въ состояніи помочь крестьянамъ, и одѣлилъ деньгами всѣхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, которыхъ въ уѣздѣ было очень много и которые сами почти умирали съ голода. Четверть ржи доходила до 40 р. на монету. Крестьяне по большей части ѣли мякину и желуди съ прибавкою $1/3$ или $1/4$ части ржаной муки. Тутъ я имѣлъ случай убѣдиться въ огромномъ количествѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ, въ ихъ бѣдности и невѣжествѣ. Весьма многіе изъ нихъ, получая пособія, не могли сами въ томъ росписаться за незнаніемъ грамоты. Тутъ также я узналъ страшныя злоупотребленія помѣщичьей власти. Отсюда начало послѣдующихъ моихъ стремленій къ ограниченію помѣщичьей власти и къ освобожденію крестьянъ и дворовыхъ людей отъ крѣпостной зависимости.

Раскажу нѣсколько событій изъ моей предводительской дѣятельности.

Жилъ у насъ въ уѣздѣ одинъ старикъ, весьма богатый, бывшій въ теченіи, кажется, 18 лѣтъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и прославившійся своимъ самоуправствомъ и своимъ дурнымъ обхожденіемъ съ крестьянами и дворовыми людьми — С. И. Ш. Онъ былъ нѣсколько разъ подъ судомъ; но по милости денегъ всегда выходилъ чистымъ изъ самыхъ ужасныхъ дѣлъ. Онъ засѣкалъ до смерти людей, зарывалъ ихъ у себя въ саду и подавалъ объявленія о

томъ, что такой-то отъ него бѣжалъ. Полиція, судъ и уѣздный стряпчій у него въ кабинетѣ покончивали всѣ его дѣла. Однажды, въ царствованіе Императора Александра I, былъ присланъ для производства слѣдствія флигель-адъютантъ. Тутъ деньги были безсильны; но опытный дѣлецъ не сталъ въ тупикъ. Когда слѣдствіе было кончено, всѣ документы — собраны, всѣ показанія — сняты, и слѣдователь уже собирался уѣзжать, тогда въ кушаніе было что-то подложено; онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ, а все дѣло было у него украдено. Затѣмъ новое слѣдствіе; присланъ былъ уже человѣкъ болѣе практичный, чѣмъ флигель-адъютантъ, и Ш. вышелъ бѣлъ, какъ снѣгъ. Дворяне почти всѣ были его должниками и онъ не иначе имъ говорилъ какъ „ты". На выборы онъ ихъ возилъ на свой счетъ, и вслѣдствіе того всегда былъ выбираемъ значительнымъ большинствомъ. Ему чрезвычайно хотѣлось получить пряжку за 35 лѣтнюю безпорочную службу; но разныя отмѣтки въ его послужномъ спискѣ были къ тому препятствіемъ, казалось, неустранимымъ. Но чего нельзя было достигнуть посредствомъ денегъ! Израсходованныя 20—30 тысячъ все побѣдили и грудь Ш. украсилась, уже въ царствованіе Николая I, пряжкою за безпорочную службу. Не могу не разсказать еще одного куріоза изъ жизни этого человѣка. — Онъ былъ набоженъ, не пропускалъ ни обѣденъ, ни заутрень, не пилъ чая до обѣдни и строго соблюдалъ всѣ посты; а между тѣмъ обычное его занятіе между заутренею и обѣднею по праздникамъ было слѣдующее; отправляясь къ заутрени онъ говорилъ: „приготовить", т. е. собрать въ конторѣ людей, назначенныхъ быть сѣченными, и припасти розги. Послѣ заутрени, онъ приходилъ въ контору и начиналось сѣченіе. Когда истощалось число людей, подлежавшихъ наказанію, тогда онъ говорилъ: „Эй, скажи батькѣ благовѣстить." И спокойно онъ отправлялся къ самому началу часовъ. Съ этимъ — то человѣкомъ, старцемъ уже за 70 лѣтъ, и мнѣ пришлось имѣть дѣло.

Являются ко мнѣ, какъ къ предводителю, предсѣдательст-

вующему въ рекрутскомъ присутствіи, двое молодыхъ дворовыхъ людей С. И. Ш. и объявляютъ мнѣ, что помѣщикъ моритъ ихъ голодомъ, даетъ имъ только по одному пуду муки въ мѣсяцъ, требуетъ работъ сверхсильныхъ и наказываетъ безщадно; почему они просятъ одной милости — забрить имъ лобъ, т. е. принять въ рекруты. Письмомъ я прошу г. Ш. пожаловать ко мнѣ въ Сапожекъ по дѣламъ службы. Сапожковскій магнатъ, разумѣется, не пріѣзжаетъ; и я пишу къ нему вторичное письмо съ добавленіемъ, что если онъ не пріѣдетъ ко мнѣ, то я пошлю за жандармскимъ офицеромъ и пріѣду къ нему самъ для производства слѣдствія по полученному мною доносу. Наконецъ, является слишкомъ 70-лѣтній магнатъ къ молодому, только что избранному, предводителю. Объявляю ему въ чемъ дѣло и требую отъ него подписки въ томъ, что онъ будетъ давать своимъ людямъ муки и крупы въ опредѣленныхъ количествахъ по полу и возрасту дворовыхъ людей; что онъ за проступки будетъ ихъ наказывать не иначе, какъ черезъ посредство земской полиціи, и что двухъ молодыхъ людей, принесшихъ жалобу, онъ завтра же представитъ въ рекруты. Легко себѣ вообразить удивленіе и гнѣвъ этого закоренѣлаго самоуправца. На положительный его отказъ, я преспокойно сказалъ, что даю ему время на размышленіе до 9 часовъ утра слѣдующаго дня, а что затѣмъ донесу губернатору, вытребую жандармскаго начальника и приступлю къ формальному слѣдствію. На другой день къ девяти часамъ, С. И. Ш. явился ко мнѣ, хотя гнѣвный, но съ согласіемъ на мои требованія. Всего тяжче было ему согласиться на отдачу въ рекруты одного изъ молодыхъ людей, потому что этотъ человѣкъ былъ писаремъ въ вотчиной конторѣ. Я былъ однако неумолимъ и онъ долженъ былъ и на это согласиться; но въ душѣ онъ поклялся мнѣ за это отомстить сторицею.

А вотъ другой случай. Въ сосѣдствѣ моемъ жилъ помѣщикъ В. И. Ч., человѣкъ не дурной, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ дворянствѣ, но жестокій въ обращеніи съ крестьянами и дворовыми людьми. Его жестокость про-

исходила менѣе отъ злости въ душѣ, чѣмъ отъ того, что онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ учить своихъ людей порядочному житію, наказывать лѣнтяевъ и воровъ и строго взыскивать за всякіе проступки. Милосердіе, прощеніе, — считались имъ бабьими принадлежностями. Онъ ходилъ по крестьянскимъ избамъ и требовалъ, чтобы тамъ было все въ порядкѣ, чисто и опрятно. По нѣскольку разъ въ годъ, онъ осматривалъ лошадей и сбрую у крестьянъ; и горе тому, у кого скотъ или упряжь оказывались въ неисправности. Нерадивыхъ крестьянъ онъ лишалъ права вести свое хозяйство и отдавалъ ихъ подъ опеку, т. е. въ полное распоряженіе хорошихъ хозяевъ. Маіоръ Ч., какъ старый военный служака, особенно любилъ военную выправку, и у него крестьяне и дворовые люди являлись всѣ съ солдатскими манерами. Жаловаться на помѣщика никто не смѣлъ и житье людямъ было ужасное. Такъ, при земляныхъ работахъ, чтобы работники не могли ложиться для отдыха, Ч—овъ надѣвалъ на нихъ особаго устройства рогатки, въ которыхъ они и работали. За неисправности сажалъ людей въ башню и кормилъ ихъ селедками, не давая имъ при этомъ пить. Если кто изъ людей бѣжалъ, то пойманнаго приковывалъ цѣпью къ столбу. Приказывалъ рыть въ лѣсу пни и ими ограждать избы и закладывать дыры; это деревнѣ его давало очень странный видъ и было крайне тяжело для крестьянъ, — но давало Ч—ву легкій способъ очистки лѣса. Зимою отверстія и дыры въ избахъ Ч—въ приказывалъ обкладывать навозомъ и снѣгомъ, а пнями топить. Брань, ругательства и сѣченіе крестьянъ производились ежедневно. Я счелъ долгомъ внушить г. Ч. о необходимости измѣнить его образъ управленія крестьянами и дворовыми людьми, подъ опасеніемъ учрежденія надъ нимъ опеки. Онъ крайне этимъ обидѣлся и изумился, что предводитель дворянства вздумалъ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, и сказалъ мнѣ, что давно живетъ въ уѣздѣ, что никогда ни одинъ предводитель не позволялъ себѣ подобныхъ внушеній, и что онъ хорошо знаетъ свои права и обязанности. Къ этому онъ прибавилъ: что же касается до „гуманности“, то онъ ее

считаетъ источникомъ всякихъ безпорядковъ и бѣдствій, и что о моихъ дѣйствіяхъ, клонящихся къ возмущенію крѣпостныхъ людей, онъ считаетъ долгомъ донести Высшему начальству. Ч—въ поѣхалъ въ Рязань съ жалобою на меня къ губернскому предводителю дворянства *Ник. Ник. Реткину*, который нашелъ мое дѣйствіе не согласнымъ съ настоящими дворянскими чувствами и понятіями. Я же, съ своей стороны, довелъ до свѣдѣнія губернатора о дѣйствіяхъ Ч., который и былъ имъ вызванъ и получилъ нужныя внушенія. Такимъ образомъ дисциплинарная дѣятельность Ч. была нѣсколько сокращена.

Не могу здѣсь не разсказать объ одномъ случаѣ, бывшемъ впослѣдствіи съ маіоромъ Ч. Этотъ случай вполнѣ оправдывалъ мои старанія къ сокращенію помѣщичьей власти. Когда я уже не былъ предводителемъ, произошло слѣдующее. Кучеръ г. Ч., проѣзжавши разъ съ своимъ бариномъ зимою по лѣсу въ саняхъ, слезъ съ облучка и сказалъ В. И. Ч—ву: „нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, жить у васъ больше мнѣ не въ моготу.“ Затѣмъ снялъ возжи, сдѣлалъ петлю и, перекинувши на толстый сукъ дерева, покончилъ свою жизнь. Какъ Ч. въ это время былъ уже разбитъ параличемъ, то ему предстояло замерзнуть въ лѣсу; но лошадь сама привезла его домой. Ч. самъ это разсказывалъ въ доказательство „глупости и грубости простаго народа.“

Еще было нѣсколько подобныхъ случаевъ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, т. е. жаловались на небогатыхъ помѣщиковъ, которые, послѣ моихъ распорядковъ съ столбовыми защитниками неограниченной власти помѣщиковъ, хотя со гнѣвомъ въ душѣ, но съ покорностью на словахъ и отчасти на самомъ дѣлѣ, принимали мои внушенія къ исполненію.

Приближались дворянскіе выборы. Съѣхались въ Рязань изъ Сапожковскаго уѣзда чуть-чуть не всѣ дворяне, имѣвшіе право голоса. Пріѣхали даже такіе дворяне, которые хотя не могли дѣйствовать шаромъ, но тѣмъ усерднѣе всюду разсказывали о моихъ недворянскихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Губернскій предводитель, Н. Н. Реткинъ, громко и вездѣ осуж-

далъ мои дѣйствія. „Не такимъ", говорилъ онъ, „долженъ быть предводитель дворянства: если я увижу, что мой братъ дворянинъ зарѣзалъ человѣка, то и тутъ пойду подъ присягу, что ничего о томъ не знаю." Дворяне Сапожковскаго уѣзда, ко мнѣ расположенные, опасаясь забаллотировки, совѣтовали мнѣ не баллотироваться въ предводители. Я увѣренъ былъ въ забаллотировкѣ; но мнѣ казалось предосудительнымъ, въ данныхъ обстоятельствахъ, не баллотироваться: это значило — трусить и оказывать моимъ врагамъ нѣкоторое уваженіе. Я пошелъ на баллотировку и меня блистательно забаллотировали — почти двумя третями. Ужасно взбѣсило моихъ враговъ то, что я этимъ ни мало не сконфузился и что всѣмъ разсказывалъ, сколько шаровъ получилъ я на лѣво. Выбрали въ предводители старика Штурма, который во все трехлѣтіе ничего не дѣлалъ. При немъ случилось между прочимъ слѣдующее:

Поселился въ с. Смыковѣ, молодой помѣщикъ С., страстный охотникъ до женскаго пола и особенно до свѣженькихъ дѣвушекъ. Онъ иначе не позволялъ свадьбы, какъ по личномъ фактическомъ испытаніи достоинствъ невѣсты. Родители одной дѣвушки не согласились на это условіе. Онъ приказалъ привести къ себѣ и дѣвушку и ея родителей; приковалъ послѣднихъ къ стѣнѣ и при нихъ изнасильничалъ ихъ дочь. Объ этомъ много говорили въ уѣздѣ, но предводитель не вышелъ изъ своего олимпійскаго спокойствія; и дѣло сошло съ рукъ преблагополучно.

Зимы, какъ прежде сказалъ, мы проводили въ Москвѣ, но въ это время я много разъѣзжалъ по откупамъ; ибо на слѣдующее четырехлѣтіе я снялъ съ торговъ въ Сенатѣ восемь городовъ, изъ которыхъ сдалъ два и остался при шести. Дѣла откупныя пошли ужасно дурно; убытки были страшные. Было время, что рубашка, которая была на мнѣ, уже не мнѣ принадлежала, и сверхъ того я подвергалъ разоренію нѣсколько семействъ, довѣрившихъ мнѣ свои деньги и земли. Это удесятеряло мою дѣятельность, я не давалъ себѣ покоя и былъ совершенно погруженъ въ откупное дѣло. Друзья

мои, и въ особенности Кирѣевскій, жестоко меня за это бранили. Послѣдній даже начиналъ во мнѣ отчаяваться и опасаться, чтобы я окончательно не погрязъ въ этомъ болотѣ; но Хомяковъ его успокоивалъ и говорилъ, что человѣкъ, который погружался по уши въ нѣмецкую философію, не можетъ сгинуть въ откупахъ. Я вошелъ въ эти дѣла, не зная ихъ въ сущности, увязивши въ нихъ свое состояніе и довѣренные мнѣ капиталы; я уже не могъ покинуть откупа, хотя они съ каждымъ днемъ становились мнѣ все противнѣе и противнѣе. Наконецъ, обстоятельства вообще улучшились, и я нѣсколько исправилъ положеніе своихъ дѣлъ. Какъ только гнётъ нужды пересталъ меня давить, откупныя дѣла стали для меня просто невыносимыми; я воспользовался первою возможностью ихъ сдать, и впослѣдствіи, не смотря на приглашенія, съ разныхъ сторонъ ко мнѣ поступавшія, я уже болѣе къ нимъ не возвращался и считалъ себя весьма счастливымъ, что отъ нихъ отдѣлался не только безъ убытка, но даже съ барышемъ.

Освобожденіе мое отъ откуповъ произошло довольно неожиданно и оригинально. Въ Февралѣ 1848 года я пріѣхалъ въ деревню — въ с. Песочню, и меня посѣтили короткіе пріятели А. Н. Коleминъ и Н. А. Протасьевъ. Послѣдній былъ моимъ товарищемъ по двумъ откупамъ (по Зарайску и Егорьевску). Держалъ я одинъ еще Коломну, Ряжскъ, Сапожекъ и Спасскъ Тамбовской губ. Вечеромъ я высказалъ моимъ гостямъ сильное желаніе покончить съ откупами и даже выяснилъ тѣ условія, на которыхъ я бы охотно ихъ сдалъ. Условія мои были крайне выгодны для тѣхъ, кто пожелалъ бы снять содержимые мною откупа. И. А. Протасьевъ даже смѣялся надо мною и сказалъ, что видно откупа мнѣ крѣпко надоѣли и что я хочу ихъ сдать во-что-бы-то-ни-стало. Вскорѣ послѣ того мы разошлись и отправились спать. Вставалъ я всегда рано. Еще до разсвѣта А. И. Колеминъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ и сказалъ мнѣ, что онъ всю ночь не спалъ и все думалъ о вчерашнемъ нашемъ разговорѣ. Тутъ мы еще много потолковали; къ 9 часамъ

къ чаю пришелъ И. А. Протасьевъ и въ теченіи дня все было улажено и устроено. Затѣмъ послѣдовали въ Мартѣ и Апрѣлѣ фактическія передачи откуповъ и къ 1 Мая я былъ отъ нихъ окончательно освобожденъ.

Глава VIII. (1849—1850).

Возвратъ къ умственнымъ занятіямъ. — Первыя попытки къ освобожденію крестьянъ въ 1847—1850 г. — Наше положеніе въ 1848—1853 годахъ — Такъ называемый Славянофильскій кружокъ. — А. С. Хомяковъ. — И.В. Кирѣевскій. — К. С. Аксаковъ. — Ю. Ѳ. Самаринъ. — Чаадаевъ. — Герценъ. — Ученіе славянофиловъ и западниковъ.

Когда я нѣсколько успокоился на счетъ своихъ финансовыхъ дѣлъ, т. е. еще до передачи откуповъ лѣтомъ 1847 года, я погрузился въ чтеніе богословскихъ книгъ. Зимнія бесѣды съ Хомяковымъ и Ив. Кирѣевскимъ были главною побудительною причиною къ этимъ занятіямъ. Мнѣ совѣстно было, что, считавши себя христіаниномъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ, я всего менѣе зналъ основанія моихъ вѣрованій. Чтеніе святыхъ отцевъ особенно къ себѣ меня привлекло, и я въ одно лѣто прочелъ почти всѣ творенія Іоанна Златоустаго и много изъ сочиненій Василія Великаго и Григорія Богослова. Эти занятія меня оживляли, поднимали, и я чувствовалъ себя какъ-бы возрожденнымъ.

Вмѣстѣ съ богословскими чтеніями, я не покидалъ и политическихъ книгъ и журналовъ. Въ особенности начинала меня сильно занимать мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. Прожитое время въ деревнѣ и въ дѣлахъ не ослабляло, а усиливало во мнѣ убѣжденіе въ необходимости этого преобразованія.

Осенью 1847 года, я рѣшился вновь возбудить противъ себя гнѣвъ благороднаго дворянства. Какъ въ Декабрѣ должно было Рязанское дворянство собраться на выборы, то я вздумалъ сдѣлать ему предложеніе на счетъ упорядоченія отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ, т. е. сдѣ-

лать первую попытку къ прекращенію крѣпостнаго права на людей. Составленное въ этомъ смыслѣ предложеніе было мною въ Сентябрѣ предъявлено Рязанскому губернскому предводителю дворянства, который пришелъ отъ него въ ужасъ и объявилъ мнѣ, что безъ разрѣшенія изъ Петербурга онъ, конечно, не рѣшится передать мое предложеніе на обсужденіе дворянства. Тогда я рѣшился обратиться съ письмомъ прямо къ министру Внутреннихъ дѣлъ. Я препроводилъ къ нему самый проектъ предложенія, которое я хотѣлъ сдѣлать дворянству, и испрашивалъ на то его разрѣшенія. Я нисколько не скрывалъ объ этомъ моемъ намѣреніи и даже охотно сообщалъ какъ проектъ, такъ и черновое письмо къ министру; губернскій же предводитель дворянства усердно разсказывалъ всѣмъ, кого онъ только видѣлъ, о моихъ злостныхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. А потому и не удивительно, что слухъ о нихъ быстро распространился по губерніи. Благородное дворянство негодовало, находило, что за это мало меня четвертовать, и готовилось, въ предстоявшемъ собраніи, излить на меня всю свою желчь. Въ Ноябрѣ, я получилъ отъ В. А. Перовскаго, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, отношеніе, которымъ онъ сообщилъ мнѣ, что докладывалъ о моемъ предложеніи Государю Императору, и что хотя оно вполнѣ согласно съ видами правительства, однако Его Величество находитъ не удобнымъ въ настоящее время, подвергать это дѣло обсужденію дворянства. Къ этому министръ присовокупилъ, что если бы я желалъ подать такой благой примѣръ по моимъ имѣніямъ, то такія мои дѣйствія вполнѣ заслужили бы одобреніе Его Величества. (Копіи съ моего письма, отвѣта на него и предложенія, а равно и съ отвѣта министра считаю не лишнимъ помѣстить въ приложеніи подъ № I.)

Въ это же время я написалъ *статью*, въ которой, не осмѣливавшись проводить общую мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, — я убѣждалъ помѣщиковъ на основаніи Высочайшаго указа, изданнаго 12 Іюня 1844 года, освобождать дворовыхъ людей, заключая съ ними условія. Эта

статья подъ заглавіемъ: „*Охота пуще неволи*“ была мною отправлена 3-го Ноября 1847 года въ редакцію „Земледѣльческой газеты“, которой редакторомъ тогда былъ *А. П. Заблоцкій-Десятовскій*. Я выбралъ эту газету потому, что она слыла либеральною и по тогдашнему была дѣйствительно таковою по милости покровительствовавшаго ей министра государственныхъ имуществъ *Киселева*. Статья моя была напечатана, но съ измѣненіемъ заглавія: „Добрая воля сильнѣе неволи“ и съ значительными урѣзками. (Ради куріоза прилагаю ее въ приложеніи подъ № II-мъ. Изъ этого можно видѣть, что́ тогда считалось слишкомъ либеральнымъ и запрещалось цензурою).

Въ Февралѣ 1848 года произошла во Франціи революція, которая отозвалась у насъ самымъ тяжкимъ образомъ: всякія предполагавшіяся преобразованія были отложены и всякія стѣсненія мысли, слова и дѣла были умножены и усилены. Въ 1849 году я написалъ *письмо* къ министру внутреннихъ дѣлъ съ испрашиваніемъ нѣкоторыхъ мѣръ къ облегченію выпуска на волю дворовыхъ людей. На основаніи указа 12 Іюня 1844 года, дозволено было заключать условія съ тѣми дворовыми людьми, которые таковыми записаны по ревизскимъ сказкамъ; но на дѣлѣ оказывалось, что большая часть дворовыхъ людей записана была помѣщиками въ числѣ крестьянъ; и это дѣлалось для того, чтобы крестьянскія общества платили за этихъ людей подушныя. Я предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) Воспретить помѣщикамъ впредь переводить кого-либо изъ крестьянъ въ дворовые; 2) считать нынѣ дворовыми тѣхъ, которые не владѣютъ и болѣе 10 лѣтъ не владѣли никакимъ полевымъ земельнымъ надѣломъ, которые не имѣютъ постоянной осѣдлости и которые сами изъявятъ желаніе на перечисленіе ихъ въ дворовые; наконецъ, 3) перечисленіе это произвести безъ раздробленія семействъ. — На это мое письмо я не получилъ никакого отвѣта.

Въ 1850-мъ году, на основаніи вышеупомянутаго приглашенія 1847 года, я представилъ министру внутреннихъ

дѣлъ *проектъ освобожденія моихъ крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею*, въ ихъ пользованіи состоявшею, и съ выдачею мнѣ выкупныхъ денегъ по сороку рублей серебромъ за десятину. И на это мое письмо я не получилъ никакого отвѣта. Предложенія мои были вполнѣ согласны съ Высочайшею волею, мнѣ объявленною въ 1847 году, и требованія мои не могли быть сочтены неумѣренными; но Февральская революція такъ подѣйствовала на наше правительство, что оно предпочло молчаніемъ отвѣчать на мои предложенія.

Съ 1848 года до начала Крымской войны, прошло время для насъ столь же однообразно, сколько и тягостно. Администрація становилась все подозрительнѣе, придирчивѣе и произвольнѣе. Тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ, графъ *Закревскій*, стяжалъ себѣ, въ этомъ отношеніи, славу неувядаемую. Онъ позволялъ себѣ вообще дѣйствія самыя произволныя; но мы, такъ называемые славянофилы, были предметами особенной его заботливости. Онъ насъ не могъ терпѣть, называя то „славянофилами", то „красными", то даже „комунистами". Какъ въ это время, всего чаще и всего больше собирались у насъ, то генералъ-губернаторъ подвергъ нашу пріемную дверь особому надзору, и каждодневно подавали ему записку о лицахъ, насъ посѣщавшихъ. Смущало и приводило въ недоумѣніе гр. Закревскаго только то, что весьма часто посѣщалъ меня кн. *Сергій Ивановичъ Гагаринъ*, членъ государственнаго Совѣта, старикъ, котораго уже никакъ нельзя было заподозрить въ революціонныхъ замыслахъ. Это вѣроятно и удерживало гр. Закревскаго отъ разныхъ произвольныхъ дѣйствій, которыя бы онъ себѣ позволилъ противъ меня. Эти пять лѣтъ (1848—1853) напомнили намъ первые годы царствованія Николая I и были даже тяжче, ибо они были продолжительнѣе и томительнѣе. Одно утѣшеніе находили мы въ дружескихъ бесѣдахъ небольшаго нашего кружка. Онѣ насъ оживляли и давали пищу нашему уму и нашей жизни вообще.

Здѣсь считаю умѣстнымъ поговорить нѣсколько обстоятельно *о нашемъ кружкѣ*. Онъ составился не искусственно —

не съ предварительно опредѣленною какою-либо цѣлью, а естественно, самъ собою, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и видовъ. Люди, одушевленные одинакими чувствами къ наукѣ и къ своей странѣ, движимые потребностью не попугаями повторять, что́ говорится тамъ — гдѣ-то на Западѣ, а мыслить и жить самобытно, и связанные взаимною дружбою и пребываніемъ въ одномъ и томъ же городѣ — въ древней столицѣ — въ сердцѣ Россіи, — эти люди видались ежедневно, обсуживали сообща возникавшіе вопросы, дѣлили другъ съ другомъ и общественныя радости (которыхъ было очень мало) и общественное горе (котораго было въ избыткѣ), и такимъ образомъ, незамѣтно даже для самихъ участниковъ, составился кружокъ единодушный и единомысленный. Онъ составился такъ незамѣтно, что нельзя даже приблизительно опредѣлить года его нарожденія. Онъ имѣлъ вліяніе сперва слабое, а потомъ все болѣе и болѣе дѣйственное не только въ литературѣ, но и въ общественной, даже политической жизни Россіи; а потому нѣкоторыя свѣдѣнія о людяхъ, его составлявшихъ, и вообще о направленіи этого кружка, будутъ, думаю, не лишними, и тѣмъ болѣе что эти люди, какъ отдѣльно, такъ и въ совокупности, подвергались разнымъ упрекамъ, насмѣшкамъ, клеветамъ и обвиненіямъ, которыхъ они ни мало не заслуживали и которые главнѣйше исходили изъ того, что вообще мало знали эти личности, не понимали, или не хотѣли понять ихъ убѣжденій и даже нерѣдко умышленно представляли послѣднія въ извращенномъ видѣ.

Этотъ кружокъ, какъ и многіе другіе ему подобные, исчезъ бы безслѣдно съ лица земли, если бы, въ числѣ его участниковъ, не было одного человѣка замѣчательнаго по своему уму и характеру, по своимъ разнороднымъ способностямъ и знаніямъ, и въ особенности по своей самобытности и устойчивости, т. е. если бы не было *Алексѣя Степановича Хомякова*. Онъ не былъ спеціалистомъ ни по какой части; но все его интересовало; всѣмъ онъ занимался; все было ему болѣе или менѣе извѣстно и встрѣчало въ немъ искреннее

сочувствіе. Всякій спеціалистъ, бесѣдуя съ нимъ, могъ думать, что его именно часть въ особенности изучена Алексѣемъ Степановичемъ. Хомяковъ могъ, съ полною справедливостью, о себѣ сказать: nihil humanum a me alienum puto. Обширности его свѣдѣній особенно помогали, кромѣ необыкновенной живости ума, способность читать чрезвычайно быстро и сохранять въ памяти на всегда все имъ прочтенное.*) Весьма замѣчательно было въ Хомяковѣ свойство проникать въ сокровенный смыслъ явленій, схватывать ихъ взаимную связь и ихъ отношенія къ цѣлому, — къ тому единому, которое проявляется въ исторіи человѣчества; и при этомъ, чрезвычайная послѣдовательность и устойчивость въ главныхъ основныхъ убѣжденіяхъ. Не Хомяковымъ ли указано нашей интелигенціи дѣйствіе православія на развитіе русскаго народа и на великую будущность, православіемъ ему подготовленную? Не Хомяковымъ ли впервые глубоко прочувствована и ясно сознана связь наша съ остальнымъ Славянствомъ? Не имъ ли угаданы въ русской исторіи, въ русскомъ человѣкѣ и въ особенности въ нашемъ крестьянинѣ, тѣ задатки, или залоги самобытности, которыхъ прежде никто въ нихъ

---

*) Въ подтвержденіе этого раскажу два случая, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Купилъ я три, — четыре книги серьезнаго содержанія; Хомяковъ выпросилъ ихъ у меня на одну ночь; по утру рано книги были мнѣ возвращены. Я читалъ эти книги двѣ, три недѣли; и потомъ, при разговорѣ о нихъ, я увидѣлъ, что Хомяковъ прочелъ ихъ вовсе не бѣгло и многое въ нихъ замѣтилъ и подчеркнулъ, что ускользнуло отъ моего вниманія. — А вотъ образчикъ его памяти. Однажды, при богословскомъ спорѣ, Хомяковъ сослался на одного св. отца, котораго творенія имѣлись только въ академической библіотекѣ, что при Троицо-Сергіевской лаврѣ. Мы усомнились въ вѣрности цитаты, особенно потому что знали, что Хомяковъ болѣе десяти лѣтъ не былъ у Троицы. Онъ положительно назвалъ сочиненіе и сказалъ, что приведенная имъ цитата находится на 10 или 12 страницѣ книги. Мы написали къ одному пріятелю въ Лаврѣ; и онъ вполнѣ подтвердилъ не только самую цитату, но и страницу, указанную Хомяковымъ.

не видалъ, даже не подозрѣвалъ, и которые однако должны возвратить нашу отчасти слишкомъ высоко, и отчасти слишкомъ униженно о себѣ мыслящую интелигенцію, на настоящую родную почву? Всѣ товарищи Хомякова проходили чрезъ эпоху сомнѣнія, маловѣрія, даже невѣрія, и увлекались, то французскою, то англійскою, то нѣмецкою философіею; всѣ перебывали болѣе или менѣе тѣмъ, что впослѣдствіи называлось западниками. Хомяковъ, глубоко изучившій творенія главныхъ міровыхъ любомудровъ, прочитавшій почти всѣхъ св. Отцовъ и не пренебрегшій ни однимъ существеннымъ произведеніемъ католической и протестантской апологетики, никогда не уклонялся въ невѣріе, всегда держался по убѣжденію ученія нашей православной церкви и строго исполнялъ возлагаемыя ею обязанности. Съ юности и до самой кончины, онъ неуклонно соблюдалъ церковныя установленія. Въ Парижѣ, гдѣ, въ первый разъ, онъ былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, имъ, во время великаго поста, не былъ нарушенъ строгій постъ. Хомяковъ разсказывалъ, что когда въ Петербургѣ онъ былъ юнкеромъ и потомъ офицеромъ, товарищи его, мало знавшіе установленіе своей церкви, говаривали ему: „ужъ не католикъ ли ты, что такъ строго соблюдаешь посты?" — Онъ это дѣлалъ не потому, что считалъ сухоядѣніе вѣрнымъ путемъ ко спасенію, а потому что посты установлены нашею церковью, — что онъ не признавалъ за ея исповѣдниками права самовольно измѣнять ея установленія и что не хотѣлъ отдѣляться въ этомъ отношеніи отъ народа, строго соблюдавшаго посты. Безусловная преданность Православію, конечно, не такому, какимъ оно съ примѣсью византійства и католичества, являлось у насъ въ лицѣ и устахъ нѣкоторыхъ нашихъ іерарховъ, но православію св. Отцовъ нашей церкви, основанному на вѣрѣ съ полною свободою разума. *Любовь къ народу русскому*, высокое о немъ мнѣніе и убѣжденіе въ томъ, что изученіе его исторіи и настоящаго быта одно можетъ вести насъ къ самобытности въ мышленіи и жизни, — составляли главныя и

отличительныя основы и свойства образа мыслей Хомякова.*) Эти мысли свои онъ проводилъ всего больше въ нашихъ бесѣдахъ, гдѣ онѣ находили почву самую благодарную, особенно вслѣдствіе того, что философія даже нѣмецкая далеко не вполнѣ насъ удовлетворяла; — что мы чувствовали потребность большей жизненности въ наукѣ и во всемъ нашемъ внутреннемъ бытѣ, и что всѣ мы ощущали и сознавали необходимость прекращенія разрыва интелигенціи съ народомъ, — разрыва, вреднаго для обоихъ, равно ихъ ослаблявшаго и препятствовавшаго самостоятельному развитію Россіи. — Усиливали вліяніе Хомякова на насъ слѣдующія обстоятельства: полнѣйшая простота и искренность во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ, отсутствіе въ немъ всякаго самомнѣнія и всякой гордости и снисхожденіе его къ людямъ, доходившее до того, что онъ отрицалъ существованіе дураковъ, утверждавши, что въ умѣ самаго ограниченнаго человѣка есть уголокъ, въ которомъ онъ уменъ и который нужно только отыскать. Еще помогало Хомякову въ усиленіи его на насъ вліянія то, что онъ вовсе не былъ доктринеромъ, безжизненнымъ систематикомъ, требовавшимъ безусловнаго подчиненія провозглашеннымъ имъ догматамъ. Онъ охотно подвергалъ обсужденію самыя коренныя свои убѣжденія, вовсе не выдавалъ себя за непогрѣшимаго или за проглотившаго всю науку докторанта, и любилъ вести споры по сократовой методѣ. Хотя Хомяковъ никогда не выдавалъ себя за либерала, но никогда не укорялъ кого-либо въ либерализмѣ. Онъ уважалъ и цѣнилъ его и самъ былъ отмѣнно либераленъ какъ въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ вообще, такъ и въ отношеніяхъ къ собесѣдникамъ и даже къ противникамъ, старавшись имъ доказать несостоятельность ихъ убѣжденій и не позволявши себѣ дѣйствовать ни на кого, хотя словомъ, насильственно. Онъ

---

*) Онъ вовсе не былъ „народникомъ" въ смыслѣ Шишкова или послѣдующихъ такъ называвшихся славянофиловъ подъ знаменемъ „Руси"; нѣтъ, онъ былъ далекъ отъ такихъ узкихъ и вредныхъ ученій.

легко переносился на точку зрѣнія своихъ противниковъ; иногда даже нарочно защищалъ крайнія мнѣнія въ противоположность другимъ крайнимъ мнѣніямъ. Такъ, не разъ случалось ему прикидываться даже скептикомъ въ спорахъ съ людьми формально суевѣрно-набожными; и напротивъ того, онъ выказывалъ себя чуть-чуть не формалистомъ или суевѣрною старухою въ спорахъ съ людьми отрицательнаго направленія. Это заставляло нѣкоторыхъ, плохо его понимавшихъ, говорить, что Хомяковъ любитъ только спорить и что у него нѣтъ твердыхъ постоянныхъ убѣжденій; кто же хорошо его зналъ, тотъ видѣлъ въ этомъ только способъ, вовсе непредосудительный, часто весьма удачный, и Хомяковымъ особенно любимый, къ уясненію и уничтоженію заблужденій и къ утвержденію того, что онъ считалъ истиною. Хомяковъ былъ столько же устойчивъ въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ, сколько расположенъ къ измѣненію второстепенныхъ мнѣній по требованію обстоятельствъ и согласно полученнымъ свѣдѣніямъ. Въ этихъ послѣднихъ мнѣніяхъ онъ вовсе не коснѣлъ: онъ постоянно развивался и очень охотно принималъ все, что́ наука и жизнь доставляли новаго. Хотя онъ скончался на 57-мъ году своей жизни, однако, зная его, можно утвердительно сказать, что если бы онъ дожилъ и до глубокой старости, то онъ не пережилъ бы себя; въ немъ было такъ много внутренней жизненности и воспріимчивости къ внѣшнему міру, что застой былъ для него невозможенъ.

Знаю, что заслуги и достоинства Хомякова еще далеко не оцѣнены, какъ слѣдуетъ, — что его богословскія сочиненія, приведшія въ трепетъ и ожесточеніе іезуитовъ, заставившія призадуматься нѣкоторыхъ англичанъ и протестантовъ и возвратившія къ православію многихъ колебавшихся и блуждавшихъ сыновъ нашей церкви, — въ Россіи еще запрещены и провозятся только въ видѣ контробанды;*) и что его творенія вообще, по большей части, покоятся на

*) Слава Богу, теперь эти сочиненія уже не запрещены и даже напечатаны, безъ всякихъ урѣзокъ, въ Москвѣ (1882).

полкахъ въ библіотекахъ и книжныхъ лавкахъ. Думаю однако, что не далеко то время, когда, наконецъ, великая польза дѣятельности Хомякова будетъ обще-сознана; и тогда нашему кружку будетъ поставлено въ заслугу, что онъ содѣйствовалъ къ развитію мыслей Хомякова и что пшеничное зерно пало не на безплодную землю.

Вторымъ дѣятелемъ въ нашемъ кружкѣ былъ *Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.* Онъ былъ очень уменъ и даровитъ; но самобытности и самостоятельности было въ немъ мало, и онъ легко увлекался то въ ту, то въ другую сторону. Онъ перебывалъ Локистомъ, Спинозистомъ, Кантистомъ, Шеллингистомъ, даже Гегельянцемъ; онъ доходилъ въ своемъ невѣріи даже до отрицанія необходимости существованія Бога; а впослѣдствіи, онъ сдѣлался не только православнымъ, но даже приверженцемъ „Добротолюбія".*) Съ Хомяковымъ у Кирѣевскаго были всегдашніе нескончаемые споры: сперва Кирѣевскій находилъ, что Хомяковъ черезъ чуръ церковенъ, что онъ недостаточно цѣнилъ европейскую цивилизацію, и что онъ хотѣлъ насъ нарядить въ зипуны и обуть въ лапти; впослѣдствіи Кирѣевскій упрекалъ Хомякова въ излишнемъ раціонализмѣ и въ недостаткѣ чувства въ дѣлахъ вѣры. Пренія эти были чрезвычайно полезны какъ для нихъ самихъ, такъ и для насъ, болѣе или менѣе принимавшихъ въ нихъ участіе. Эти бесѣды продолжались далеко за-полночь и часто прекращались только утромъ, когда уже разсвѣтало. Они оба другъ друга высоко цѣнили, глубоко уважали и горячо любили. Дѣятельность И. В. Кирѣевскаго по разработкѣ съ православной точки зрѣнія, разныхъ философскихъ вопросовъ, была весьма полезна и значительна. Его послѣднія статьи, помѣщенныя въ „Русской Бесѣдѣ", явили въ немъ высокаго и глубокаго Русскаго мыслителя, равно чуждаго какъ ограниченности и сухости раціоналиста, такъ и мечтательности и туманности мистика.

---

*) Извѣстное сочиненіе Василія Великаго, составленное для руководства монахамъ. *(Прим. Издат.).*

Другими собесѣдниками нашими были *М. П. Погодинъ*, *С. П. Шевыревъ, П. В. Кирѣевскій* и нѣкоторыя другія лица. Первые двое никогда вполнѣ не раздѣляли мнѣнія Хомякова, находивши, особенно въ первые годы, что по духовнымъ дѣламъ онъ слишкомъ протестантствовалъ, и, что русскую исторію, онъ передѣлывалъ по своему, находилъ въ ней то, чего тамъ не было, и влагалъ въ нее свои измышленія. Впрочемъ впослѣдствіи времени произошло нѣкоторое сближеніе въ мнѣніяхъ Погодина и Шевырева съ убѣжденіями такъ называемыхъ славянофиловъ. — *П. В. Кирѣевскій* весь былъ преданъ изученію русскаго кореннаго быта, съ любовью и жаромъ собиралъ русскія народныя пѣсни, не щадилъ на это ни трудовъ, ни издержекъ, и принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ только тогда, когда они касались любимыхъ его предметовъ.

Впослѣдствіи вступили въ нашъ кружокъ двѣ замѣчательныя личности — *Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ* и *Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ*. Оба они были очень умны и даровиты; и хотя они были чрезвычайно дружны, однако свойства ихъ ума и дарованій были совершенно различны. Въ первомъ преобладали чувство и воображеніе: онъ страстно любилъ русскій народъ, русскую исторію и русскій языкъ и дѣлалъ въ двухъ послѣднихъ поразительныя, свѣтоносныя открытія. Правда, часто онъ впадалъ въ крайности, и мысли, самыя вѣрныя въ основѣ, становились въ его устахъ парадоксами; но любовь, которою все у него одушевлялось, пріобрѣтала ему друзей и послѣдователей и усиливала его вліяніе въ обществѣ, и особенно на женщинъ. Ю. Ѳ. Самаринъ дѣйствовалъ совершенно иными орудіями: у него по преимуществу преобладали критика, логика и діалектика. Тружеником былъ онъ примѣрнымъ: во всю жизнь онъ учился; никакія трудности и работы его не устрашали; своимъ желѣзнымъ терпѣніемъ онъ все преодолѣвалъ. Онъ дѣйствовалъ сильно и въ литературѣ, и въ общественной, даже политической жизни; онъ пріобрѣталъ много цѣнителей и почитателей, но мало приверженцевъ и друзей. Оба они

глубоко уважали Хомякова, высоко цѣнили его дѣятельность и признавали себя постоянно и охотно его учениками. Они принимали въ нашихъ бесѣдахъ самое живое участіе и вскорѣ сдѣлались въ нашемъ кружкѣ первостепенными дѣятелями. Не могу здѣсь не упомянуть объ *Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ*, тогда только вышедшемъ въ отставку, поселившемся въ Москвѣ и начинавшемъ съ нами все болѣе и болѣе сближаться. Тогда онъ былъ чистымъ и ярымъ западникомъ, и братъ его Константинъ постоянно жаловался на его западничество. О немъ я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи и не одинъ разъ.

Сообщая свѣдѣнія объ этомъ кружкѣ, нельзя не упомянуть о людяхъ, болѣе или менѣе принимавшихъ участіе въ нашихъ бесѣдахъ, хотя они вовсе не раздѣляли нашихъ общихъ убѣжденій. Такими были — *Чаадаевъ, Грановскій, Герценъ, Н. Ф. Павловъ* и нѣкоторые другіе умные и замѣчательные люди. *Чаадаевъ* охотно бывалъ на нашихъ вечернихъ собраніяхъ; но онъ особенно любилъ, чтобы его посѣщали по понедѣльникамъ утромъ. Тутъ происходили горячіе богословскіе и историческіе споры; Чаадаевъ постоянно доказывалъ превосходство католичества надъ прочими вѣроисповѣданіями и неминуемое и близкое его надъ ними торжество. Не менѣе настойчиво Чаадаевъ утверждалъ, что русская исторія пуста и безсмысленна, и что единственный путь спасенія для насъ есть безусловное и полнѣйшее пріобщеніе къ европейской цивилизаціи. Легко себѣ вообразить, что такія мнѣнія не оставались безъ сильныхъ возраженій со стороны Хомякова, и споры были столь же жаркіе, сколько и продолжительные. — Съ *Герценомъ* пренія были болѣе философскія и политическія. Начинались они всегда очень дружелюбно и спокойно, но часто кончались настоящими словесными дуэлями: борцы горячились и разставались съ непріятными чувствами другъ противъ друга. Грановскій, Н. Ф. Павловъ и другіе усердно поддерживали Герцена. — Эти препирательства ожесточали нашихъ противниковъ; и они позволяли себѣ противъ насъ вообще и противъ Хомякова въ

особенности даже клеветы. А мы пользовались дѣлаемыми намъ возраженіями для полнѣйшаго развитія нашихъ мнѣній и вовсе не относились враждебно къ нашимъ противникамъ. За недостаткомъ доводовъ, они осыпали насъ насмѣшками и сильно сердились; а мы смиренно имъ замѣчали: Tu te faches, Jupitère, donc tu as tort. Это особенно ихъ бѣсило.

Насъ всѣхъ и въ особенности Хомякова и К. Аксакова прозвали „*Славянофилами*“; но это прозвище вовсе не выражаетъ сущности нашего направленія. Правда, мы всегда были расположены къ Славянамъ, старались быть съ ними въ сношеніяхъ, изучали ихъ исторію и нынѣшнее ихъ положеніе, помогали имъ, чѣмъ могли; — но это вовсе не составляло главнаго, существеннаго отличія нашего кружка отъ противоположнаго кружка западниковъ. Между нами и ими были разногласія несравненно болѣе существенныя. Они отводили религіи мѣстечко въ жизни и пониманіи только малообразованнаго человѣка и допускали ея владычество въ Россіи только на время, — пока народъ не просвѣщенъ и малограмотенъ; мы же на ученіи Христовомъ, хранящемся въ нашей православной церкви, основывали весь нашъ бытъ, все наше любомудріе и убѣждены были, что только на этомъ основаніи мы должны и можемъ развиваться, совершенствоваться и занять подобающее мѣсто въ міровомъ ходѣ человѣчества. Они ожидали свѣта только съ Запада, превозносили все тамъ существующее, старались подражать всему тамъ установившемуся и забывали, что есть у насъ свой умъ, свои мѣстныя, временныя, духовныя и физическія особенности и потребности. Мы вовсе не отвергали великихъ открытій и усовершенствованій, сдѣланныхъ на Западѣ, — считали необходимымъ узнавать все тамъ выработанное, пользоваться отъ него весьма многимъ; но мы находили необходимымъ все пропускать черезъ критику нашего собственнаго разума и развивать себя съ помощью, а не посредствомъ позаимствованій отъ народовъ, опередившихъ насъ на пути образованія. Западники съ ужасомъ и смѣхомъ слушали, когда мы говорили о дѣйствіи народности въ областяхъ науки и искусства;

они считали послѣдния чѣмъ то совершенно отвлеченнымъ, не подлежащимъ, въ своихъ проявленіяхъ, измѣненію согласно съ духомъ и способностями народа, съ его временными и мѣстными обстоятельствами и требовали деспотически отъ всѣхъ безпрекословнаго подчиненія догматамъ, добытымъ или во Франціи, или въ Англіи, или въ Германіи. Мы, конечно, никогда не отвергали ни единства, ни безусловности науки и искусства вообще (in idea); но мы говорили, что никогда и нигдѣ они не проявлялись и не проявятся въ единой безусловной формѣ; что вездѣ они развиваются согласно мѣстнымъ и временнымъ требованіямъ и свойствамъ народнаго духа; и что нѣтъ догматовъ въ общественной наукѣ и нѣтъ непремѣнныхъ, повсемѣстныхъ и всегдашнихъ законовъ для твореній искусства. Мы признавали первою, самою существенною нашею задачею — изученіе самихъ себя въ исторіи и въ настоящемъ бытѣ; и какъ мы находили себя и окружающихъ насъ цивилизованныхъ людей утратившими много свойствъ русскаго человѣка, то мы считали долгомъ изучать его преимущественно въ допетровской его исторіи и въ крестьянскомъ бытѣ. Мы вовсе не желали воскресить древнюю русь, не ставили на піедесталъ крестьянина, не поклонялись ему и отнюдь не имѣли въ виду себя и другихъ въ него преобразовать. Все это — клеветы, ни на чемъ не основанныя. Но въ этомъ первобытномъ русскомъ человѣкѣ мы искали, чтó именно свойственно русскому человѣку, въ чемъ онъ нуждается и чтó слѣдуетъ въ немъ развивать. Вотъ почему мы такъ дорожили собираніемъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, узнаваніемъ народныхъ обычаевъ, повѣрій, пословицъ и пр. Замѣчательно, что то, чтó мы тогда говорили и утверждали, чтó возбуждало негодованіе и насмѣшки западниковъ, сдѣлалось теперь мнѣніемъ и воззрѣніемъ почти всѣхъ и каждаго. Кто теперь не за связь съ Славянами? Кто теперь не за изученіе русской старины, обычнаго народнаго права и другихъ особенностей нашего народнаго быта? Кто теперь не признаетъ въ нихъ глубокаго смысла и великаго для нашей будущности значенія? Кто теперь от-

вергаетъ дѣйствіе народности въ наукѣ и искусствѣ? Конечно, есть еще пункты, и весьма важные, въ которыхъ такъ называемые славянофилы стоятъ особнякомъ и весьма расходятся съ такъ называемыми западниками; но прежняя борьба и прежній антагонизмъ между ними ослабли и остались болѣе въ воспоминаніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Кстати здѣсь мимоходомъ сказать, что насъ всего болѣе обвиняли въ китаизмѣ, т. е. во враждѣ къ прогрессу и въ упорной привязанности къ старымъ обычаямъ и формамъ. Время въ этомъ отношеніи насъ, кажется, всего лучше оправдало. Мы стояли не за обветшалое, не за мертвящее, а за то, въ чемъ сохранялась жизнь дѣйствительная. Мы возставали не противъ нововведеній, успѣховъ вообще, а противъ тѣхъ изъ нихъ, которые ложно таковыми казались и которые у насъ корня не имѣли и не могли имѣть. Не мы ли были самыми усердными поборниками освобожденія крестьянъ, и притомъ съ надѣленіемъ ихъ въ большихъ по возможности размѣрахъ землею? Не мы ли оказались самыми ревностными дѣятелями въ земскихъ учрежденіяхъ? Подняли, одушевили, двинули впередъ Россію не доктрины французскія, англійскія, или нѣмецкія, а тѣ чувства и мысли, которыя живутъ въ русскомъ православномъ человѣкѣ, и которыя теперь почти противоположны западно-европейскимъ стремленіямъ и понятіямъ. Новѣйшія событія и настроеніе Англіи и даже Франціи во время борьбы Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ должны, кажется, отрезвить самыхъ ярыхъ западниковъ. Настоящими прогрессистами и либералами были и теперь оказывается — мы а не тѣ, которые этими эпитетами себя величали. А называть насъ слѣдовало *не славянофилами*, а въ противоположность западникамъ, скорѣе *туземниками* или *самобытниками;* но и эти клички не полно бы насъ характеризовали. Мы себѣ никакихъ именъ не давали, никакихъ характеристикъ не присвоивали, а стремились быть только не обезьянами, не попугаями, а людьми, и притомъ людьми Русскими.

Глава IX. (1851—1856.)

Поѣздка за границу и В. А. Жуковскій. — Поѣздка въ Лондонъ на Всемірную выставку 1851 г. — „Сборникъ“ И. С. Аксакова. — Война съ Турціей и Европой. — Смерть Николая I и вступленіе на престолъ Александра II. — „Записка о финансовыхъ средствахъ Россіи къ продолженію борьбы съ Турціей и Европой.“ — Изданіе „Русской Бесѣды.“ — Ея значеніе. — Смерть И. В. Кирѣевскаго 1856 г.

Зимою 1850/51 года, когда жена моя съ дѣтьми проводила зиму въ Баденъ-Баденѣ, и я туда поѣхалъ въ Февралѣ. Тамъ я нашелъ *В. А. Жуковскаго*, съ которымъ я прежде былъ въ сношеніяхъ довольно короткихъ, а въ это время особенно сблизился. Наши бесѣды были ежедневныя и весьма продолжительныя. Много мы съ нимъ гуляли и всего болѣе говорили о ближайшемъ будущемъ для Россіи; и онъ меня въ этомъ отношеніи, весьма успокоивалъ, утверждавши, что наслѣдникъ престола (нынѣшній Императоръ) одаренъ значительнымъ здравымъ смысломъ, весьма добръ и исполненъ благонамѣренности. Все это вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи. Для большаго меня въ томъ удостовѣренія, онъ давалъ мнѣ читать собраніе писемъ Великаго Князя къ нему. Одно изъ нихъ поразило меня своею дѣльностью и своимъ изложеніемъ. Письма эти писались, какъ видно, безъ всякаго приготовленія; мысли излагались по мѣрѣ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ приходили въ голову, и въ письмахъ много было помарокъ. Въ упомянутомъ, особенно меня поразившемъ письмѣ, вотъ въ чемъ было дѣло. Жуковскій писалъ къ Наслѣднику о томъ, чтобы побудить Императора къ освобожденію Іерусалима и ко взятію его подъ общее управленіе всѣхъ христіанскихъ державъ. Наслѣдникъ ему отвѣчаетъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ мнѣнія своего наставника на счетъ того, что такое событіе желательно: „пусть враги Христа“, говоритъ онъ, „оскверняютъ это священное мѣсто своими дѣйствіями; это все-таки споснѣе, чѣмъ оскверненіе его интригами и враждою христіанскихъ державъ; а это неминуемо при нынѣшнемъ положеніи католичества.“ Письмо

это, довольно длинное, проникнуто было замѣчательнымъ здравымъ, практическимъ смысломъ.

Жуковскій, съ особеннымъ удовольствіемъ, сообщалъ о своихъ предположеніяхъ на счетъ устройства своей дальнѣйшей жизни. Онъ хотѣлъ поселиться въ Москвѣ и предпринять разные литературные труды. Онъ распрашивалъ меня о московской молодежи, объ университетѣ, объ обществѣ любителей Россійской словесности и высказывалъ желаніе и надежду, содѣйствовать къ оживленію умственной дѣятельности въ Москвѣ. Мы отпраздновали въ Баденъ-Баденѣ день рожденія (29 Января) В. А. Жуковскаго*) и я, по моимъ дѣламъ, долженъ былъ отправиться въ Россію. Къ великому прискорбію, не суждено было мнѣ болѣе съ нимъ свидѣться: онъ скончался 12 Апрѣля 1852 года.

Въ томъ же 1851 году, въ Августѣ, я поѣхалъ изъ деревни, чрезъ Москву, Петербургъ, Берлинъ и Кале въ Лондонъ на *Всемірную выставку*. Все мною тамъ видѣнное, — мои впечатлѣнія и замѣчанія, я изложилъ въ особой статьѣ: „Поѣздка русскаго земледѣльца въ Англію и на Всемірную выставку“. Эту статью я напечаталъ въ Московскомъ „Сборникѣ“, изданномъ Ив. Сер. Аксаковымъ въ Москвѣ, въ 1852-мъ году. (Прилагаю эту статью подъ № III-мъ.)

Кстати объ этомъ „Сборникѣ“. Зимою 185½ года, мы сговорились издать общими силами сборникъ, въ которомъ предполагали хотя отчасти высказать наши мнѣнія по разнымъ вопросамъ, и который мы хотѣли выпустить въ четы-

---

*) На счетъ *дня рожденія* В. А. Жуковскаго возникли въ послѣднее время недоумѣнія и разногласія. Въ разрѣшеніе ихъ сообщаю письмецо, мною отъ него полученное.

„За 68 лѣтъ передъ симъ, т. е. 1783 года Января 29, случилось, что я родился. Нынче я праздную этотъ день съ моими родными. Прошу васъ у насъ отобѣдать и быть, за моимъ семейнымъ столомъ, представителемъ Россіи. Прошу и вашу супругу. Мы обѣдаемъ въ три часа ради моего тестя. Прошу васъ отвѣчать, можете ли быть къ намъ — преданный В. Ж.“

рехъ книгахъ. Высказали мы свои мнѣнія весьма скромно. Главныя статьи 1-го тома Сборника были: И. В. Кирѣевскаго „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“; А. С. Хомякова „Предисловіе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ, собраннымъ П. В. Кирѣевскимъ“; и К. С. Аксакова „О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности.“ Хотя въ этихъ статьяхъ не было ничего рѣзкаго, смѣлаго, а тѣмъ менѣе возмутительнаго, однако они произвели почти переполохъ въ Петербургѣ — въ администраціи и въ тамошнихъ повременныхъ изданіяхъ. Тамъ почуяли какой-то новый, высказывающійся духъ. Высшая цензура страшно взволновалась, однако не рѣшилась арестовать уже выпущенную съ одобренія цензуры, первую книгу Сборника; но предписано было Московскому цензурному комитету препроводить въ Петербургъ всѣ статьи, представленныя для 2-й книги. Эти статьи также не заключали въ себѣ ничего противнаго ни религіи, ни нравственности, ни даже существующему порядку вещей; однако онѣ не только были всѣ запрещены, но авторы ихъ были обязаны подпискою ничего не печатать безъ пропуска ихъ сочиненій высшею цензурою въ Петербургѣ. Во 2-й книгѣ Сборника имѣла быть также помѣщенною моя вторая статья: „Поѣздка въ Англію“, но хотя она и не подверглась запрещенію, но однако не была возвращена цензурою и *пропала безъ вѣсти*.

Въ 1853 году началась *война съ Турціею* и предчувствовалась *борьба съ Европою*. Уничтоженіе Турецкаго флота подъ Синопомъ всѣхъ русскихъ нѣсколько оживило. Правительство, занятое военными приготовленіями и дѣйствіями, менѣе обращало вниманіе на дѣла внутренняго управленія. Казалось, что изъ томительной, мрачной темницы мы какъ будто выходимъ если и не на свѣтъ Божій, то по крайней мѣрѣ въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 году, послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не слишкомъ огорчили; ибо мы

были убѣждены, что даже пораженія Россіи сноснѣе и даже для нея и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти безсознательное, было въ томъ же родѣ.

Не могу здѣсь не сказать нѣсколькихъ словъ объ объявленномъ въ 1854 году *ополченіи*. Не смотря на то, что войны противъ мусульманъ за единовѣрцевъ и единоплеменниковъ всегда встрѣчали въ Россіи народное сочувствіе, манифестъ объ ополченіи принятъ былъ всѣми сословіями не только холодно, но даже съ тяжелымъ чувствомъ. Какъ наборы рекрутовъ всегда возбуждали вой и плачъ, такъ и ополченцевъ провожали, какъ будто они отправлялись на тотъ свѣтъ; не видно было въ народѣ никакого одушевленія, хотя дѣло уже шло о защитѣ своей земли. Въ дворянскихъ собраніяхъ замѣтно было то же: шли въ ополченіе только тѣ дворяне, которые съ приличіемъ не могли отъ того уклониться; а кого освобождали лѣта, здоровіе, или особенныя семейныя обстоятельства, тѣ, съ едва скрываемою радостью, отказывались отъ чести и долга защищать свое отечество.

20-го Февраля 1855 года, получено было въ Москвѣ извѣстіе *о кончинѣ* Императора *Николая Павловича* и о возшествіи на престолъ Императора Александра II. Это извѣстіе не многихъ огорчило; ибо не легко было для Россіи только-что закончившееся продолжительное тридцатилѣтнее царствованіе; но особенно тяжко и удушливо оно было съ 1848 года. Тутъ подозрительности и своеволію администраціи не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ, послѣ присяги, Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ, и мы съ надеждами выпили за здоровіе новаго Императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершились освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей земской Думы. Слава Богу и великому нашему Государю, первое наше горячее желаніе уже исполнилось, а къ исполненію втораго положено необходимое и твер-

дое основаніе введеніемъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій.

Въ концѣ 1854 года, я составилъ *записку* „о финансовыхъ средствахъ Россіи къ продолженію борьбы съ Турціею и Европою.“ Въ этой запискѣ я изложилъ, что какъ во время войны нѣтъ возможности заключить внѣшній заемъ, то неизбѣжно обратиться только къ внутреннимъ средствамъ; — что при громадныхъ, уже произведенныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ, нельзя и думать объ ихъ значительномъ умноженіи; — что необходимо оживить, усилить и утвердить государственный кредитъ внутри государства; и что для этого вѣрнѣйшимъ средствомъ былъ бы созывъ выборныхъ отъ всей земли Русской; ибо это одно можетъ превратить государственную войну въ народную и тѣмъ открыть правительству доступъ къ частнымъ средствамъ страны, которыя теперь тщательно отъ него скрываются. Эта мысль была мнѣ внушена особенно тѣмъ, что объявленное ополченіе вызвало менѣе сочувствія, чѣмъ неудовольствія и жалобъ на то, что въ нуждѣ къ намъ обращаются, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ насъ и знать не хотятъ, и что вообще содержатъ въ тайнѣ всѣ дѣла государственнаго управленія. Эту записку я предполагалъ въ концѣ Февраля черезъ Государя Наслѣдника повергнуть на благоусмотрѣніе Государя Императора; но внезапно измѣнившіяся обстоятельства, т. е. кончина его, заставили меня отсылкою этой записки помедлить и я ее отправилъ только 9-го Мая къ молодому Императору. Судьба ея печальна и комична: въ концѣ Іюня, въ деревнѣ, черезъ становаго пристава я получилъ извѣщеніе, что мое „всеподданнѣйшее прошеніе“ съ запискою, черезъ коммиссію прошеній препровождено по принадлежности къ министру финансовъ. Болѣе объ этомъ я уже ничего не слыхалъ. Въ удостовѣреніе того, что мысль о созывѣ общей земской думы, о чемъ впослѣдствіи я такъ много писалъ, была плодомъ не внезапнаго вдохновенія, а многолѣтняго размышленія и изученія нашего быта, прилагаю эту записку подъ № IV-мъ.

Паденіе Севастополя, разныя другія пораженія и дипломатическіе переговоры хотя насъ и огорчали, однако мы не унывали, ибо чаяли наступленія лучшихъ для Россіи дней. Мы даже на столько ожили, что осенью 1855 года, приступили къ положительнымъ переговорамъ объ изданіи журнала, что̀ всегда составляло нашу любимую, самую пламенную мечту. А. С. Хомяковъ, К. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и я съѣхались въ Москву и порѣшили издавать журналъ, сперва въ видѣ четырехъ книгъ въ годъ, назвать этотъ журналъ „Русскою Бесѣдою“ и быть мнѣ его издателемъ-редакторомъ. И. В. Кирѣевскій не могъ пріѣхать въ Москву и письмомъ уполномочилъ меня дѣйствовать за него на нашихъ совѣщаніяхъ вполнѣ неограниченно. Затѣмъ предстояло намъ преодолѣть еще не мало препятствій къ осуществленію нашего намѣренія: исходатайствовать дозволеніе на изданіе журнала и выхлопотать снятіе запрещенія, наложеннаго на нѣкоторыхъ изъ насъ, какъ было сказано выше, по случаю задержаннаго 2-го тома „Московскаго Сборника“, издававшагося И. С. Аксаковымъ. Въ число постоянныхъ сотрудниковъ „Русской Бесѣды“ вошли: *Ив. С. Аксаковъ*, кн. *В. А. Черкасскій*, *И. Д.* и *М. В. Бѣляевы*, *Т. И. Филипповъ* и многіе другіе.

По поводу сотрудничества кн. *Черкасскаго*, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Хотя впослѣдствіи онъ часто считался такъ называемымъ славянофиломъ, а иногда даже становили его и во главу этой партіи; но онъ никогда таковымъ не былъ и расходился съ нами въ самыхъ существенныхъ убѣжденіяхъ. Онъ вовсе не считалъ православнаго Христова ученія основою нашего міровоззрѣнія, высказывался безпрестанно противъ сельской общины и любилъ насмѣхаться надъ народомъ-кумиромъ, коему, по его мнѣнію, будто поклонялись Хомяковъ и К. Аксаковъ. Черкасскій, — какъ отмѣнно умный человѣкъ, признавалъ, что въ нашемъ направленіи болѣе силы и будущности, чѣмъ въ противоположномъ, т. е. тогдашнемъ западномъ, — онъ находилъ особенное удовольствіе въ нашихъ бесѣдахъ и дорожилъ связями

съ нами. Ради этого онъ согласился предоставить мнѣ право вычеркивать изъ его статей все то, что окажется противнымъ нашему направленію, или требовать отъ него измѣненій въ этомъ же смыслѣ. Только на этихъ условіяхъ, мы и согласились принять кн. Черкасскаго въ постоянные сотрудники „Русской Бесѣды.“

Попечитель Московскаго учебнаго Округа *В. И. Назимовъ*, завѣдывавшій тогда цензурнымъ дѣломъ въ Москвѣ, былъ хорошо расположенъ ко мнѣ и еще лучше расположенъ къ Т. И. Филиппову, долженствовавшему быть моимъ помощникомъ по изданію „Русской Бесѣды.“ Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда *А. С. Норовъ*, мой внучатный братъ, съ которымъ я былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Оба они высказали намъ свое полнѣйшее сочувствіе и обѣщали свое покровительство. Казалось, дѣло въ шляпѣ. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Проявились опасенія и подозрѣнія; пошли справки; завязалась пространная переписка; и только, послѣ моей поѣздки въ Петербургъ, т. е. въ Февралѣ, получено было, наконецъ, желаемое разрѣшеніе. Но и этимъ дѣло еще не кончилось: необходимо было снять вышеупомянутое запрещеніе съ главныхъ сотрудниковъ Бесѣды; ибо иначе приходилось бы всѣ ихъ статьи предварительно посылать въ Петербургъ, что́ задерживало бы ихъ напечатаніе, по крайней мѣрѣ, на многіе мѣсяцы. Какъ я не былъ въ числѣ лицъ, подвергшихся запрещенію, то и не могъ ходатайствовать объ его снятіи. Тогда отправился въ Петербургъ А. С. Хомяковъ, которому съ помощью гр. Д. Н. Блудова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, удалось, наконецъ, достигнуть этого счастливаго результата.

„Русская Бесѣда“, имѣвшая выходить четыре раза въ годъ: въ Январѣ, Апрѣлѣ, Октябрѣ и Декабрѣ, появилась первою книгою только въ Апрѣлѣ. Хлопоты по полученію разрѣшенія на издаваніе журнала и по снятіи запрещенія съ сотрудниковъ были таковы, т. е. такъ продолжительны и томительны, что не разъ приходили мы почти въ отчаяніе. И. В. Кирѣевскій, жившій тогда въ деревнѣ и принимавшій

въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, настоятельно совѣтовалъ оставить намѣреніе издавать журналъ и тѣмъ избавиться отъ хлопотъ съ цензурнымъ вѣдомствомъ; но Хомяковъ и я, мы положили не отступать передъ препятствіями и истощить всѣ средства къ ихъ устраненію. Только въ началѣ Марта мы могли напечатать нашу программу и приступить къ печатанію самаго журнала. Хомяковъ написалъ прекрасное предисловіе, которое мы всѣ вполнѣ одобрили.*) Въ первой же книгѣ „Бесѣды" были помѣщены статьи: Ю. Ѳ. Самарина — „о народности въ наукѣ", И. Д. Бѣляева — „критика на обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи", соч. Чичерина, и замѣтка К. Аксакова „о русскомъ воззрѣніи." Эти статьи и предисловіе Хомякова вызвали ожесточенныя возраженія и насмѣшки со стороны всѣхъ повременныхъ изданій въ Петербургѣ и Москвѣ. Ни одна газета и ни одинъ журналъ не отнеслись къ намъ сочувственно. Истины, нынѣ сдѣлавшіяся почти общими мѣстами, тогда нами высказанныя, сочтены были журналистикою и въ обществѣ какими то парадоксами, заявленными нами въ припадкахъ сумашествія или въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ. Особенно поразило многихъ и очень многихъ, утвержденіе, что народность имѣетъ великое значеніе въ наукѣ; — что послѣдняя разработывается въ различныхъ видахъ различными народами; — что каждый изъ нихъ влагаетъ въ нее свою особенную лепту; — что чѣмъ народъ самобытнѣе, тѣмъ своеобразнѣе разработываетъ науку и тѣмъ большую услугу онъ ей оказываетъ и тѣмъ болѣе ее обогащаетъ; и что наука не есть отвлеченное твореніе человѣчества вообще, а произведеніе различныхъ народовъ, дѣйствовавшихъ на этомъ поприщѣ согласно особенностямъ своего духа и своихъ мѣстныхъ и временныхъ условій и обстоятельствъ. Это мнѣніе страшно оскорбило и взбѣсило г. г. ученыхъ, и *Катковъ*, издатель журнала „Русскій Вѣстникъ", разразился цѣ-

---

Оно напечатано и въ „Русской Бесѣдѣ", и въ сочиненіяхъ А. С. Хомякова — изданія 1861 и 1878 г.

лымъ рядомъ самыхъ ѣдкихъ статей. Петербургскіе журналы отъ него не отстали, но предпочли дѣйствовать болѣе сподручными орудіями: насмѣшками, колкостями и даже клеветами. Русская община, общественное землевладѣніе, обычное право, воззрѣніе православнаго на Божій міръ и пр. — все это вызвало всякаго рода глумленія, укоры, брани и клеветы. Отвѣчали мы мало и спокойно и продолжали свое дѣло безостановочно. Мы вели его въ такомъ согласіи и такъ единодушно, что въ теченіи пятилѣтняго существованія журнала, не возникло ни одного сколько нибудь серіознаго столкновенія, или недоразумѣнія между сотрудниками и издателемъ-редакторомъ. Хотя я дѣйствовалъ самостоятельно и твердо, а въ числѣ сотрудниковъ были люди весьма самобытные и въ особенности пылкій и вполнѣ своеобразный К. С. Аксаковъ, однако мнѣ удалось благополучно и успѣшно пройти чрезъ всѣ стремнины и между всѣхъ утесовъ. Конечно, въ этомъ мнѣ много помогалъ А. С. Хомяковъ, который своимъ добродушіемъ и своею діалектикою всѣхъ обезоруживалъ. Изъ этой эпохи не могу не разсказать нѣсколькихъ случаевъ, отчасти замѣчательныхъ, отчасти забавныхъ.

Насъ, такъ называемыхъ славянофиловъ, страшились въ Петербургѣ, т. е. въ администраціи пуще огня. Тамъ считали насъ не красными, а пунцовыми, не преобразователями, а разрушителями, не людьми, а какими-то хищными звѣрями. Министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ послѣ выхода нѣсколькихъ книгъ „Р. Бесѣды“, встрѣтилъ меня въ Петербургѣ слѣдующими словами: „ничего; продолжайте, какъ начали, и вы будете имѣть во мнѣ вѣрнаго защитника. Признаться: я васъ шибко боялся — думалъ, что вы занесетесь, Богъ вѣсть, куда. Нѣтъ — ничего. Васъ ругаютъ только журналы и газеты — это не бѣда.“ Когда однажды К. С. Аксаковъ посѣтилъ А. С. Норова, во время его пребыванія въ Москвѣ, то послѣдній, съ особеннымъ чувствомъ радости, сказалъ мнѣ: „Я видѣлъ Аксакова. Я ожидалъ найти въ немъ если не тигра, то медвѣдя; а онъ очень вѣжливъ и даже, кажется, благодушенъ.“

Когда напечатана была въ № 2 „Бесѣды“ 1858 года статья г. Дисколова подъ заглавіемъ: „Возрожденіе Болгаръ“, гдѣ говорилось о распряхъ между Царьградскимъ патріархатомъ и Болгарами, и обвинялся первый въ притязательности и корыстолюбіи; — то редакція „Русской Бесѣды“ получила, черезъ Московскій цензурный комитетъ, грозную бумагу отъ оберъ-прокурора Св. Синода. Эту бумагу я тотчасъ отправилъ къ А. С. Хомякову, находившемуся тогда въ деревнѣ, и просилъ его немедленно изготовить отвѣтъ. Хомяковъ составилъ прекрасный — скромный, но весьма твердый отвѣтъ, который я далъ переписать и тотчасъ подписалъ и отправилъ въ Цензурный Комитетъ. Этимъ дѣло и закончилось*).

Лѣтомъ 1857 года отправлена была къ цензору, *Н. Ѳ. Крузе, моя статья*: „по поводу журнальныхъ статей „о замѣнѣ обязанной работы наемною и о поземельной общественной собственности.“ Въ этой статьѣ говорилось объ общинномъ крестьянскомъ землевладѣніи, и намекалось довольно ясно о выгодахъ и необходимости уничтоженія крѣпостной зависимости людей. Цѣлыхъ два, три мѣсяца статья эта ко мнѣ не возвращалась. Въ Сентябрѣ, по возвращеніи изъ деревни въ Москву, я рѣшился ѣхать къ цензору, желавши узнать объ участи моей статьи. Н. Ѳ. Крузе мнѣ сообщилъ, что онъ въ крайнемъ затрудненіи: статья очень хороша, мысли, въ ней высказанныя, ему вполнѣ сочувственны; но имѣется въ немъ опасеніе, какъ бы за пропускъ этой статьи не досталось и ему, и журналу. Я прошу Н. Ѳ. Крузе возвратить мнѣ статью, ибо не желаю подвергать его отвѣтственности. Благородный цензоръ беретъ перо и съ пропускомъ статьи къ напечатанію мнѣ ее возвращаетъ. Къ счастію напечатаніе этой статьи совпадало съ обнародованіемъ Высочайшаго рескрипта 20 Ноября 1857 года; и такимъ образомъ, и цензоръ, и журналъ не подверглись никакой отвѣтственности. „Русс. Бесѣда“, нашъ кружокъ и я въ особенности, въ 1856 году понесли великую потерю: 11-го Іюня,

---

*) Онъ напечатанъ въ полномъ собраніи сочиненій Хомякова.

въ Петербургѣ, *скончался Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.* Онъ было принялся очень усердно и горячо за писаніе философскихъ статей для „Бесѣды“; но ему оказалось необходимымъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ старшій его сынъ держалъ въ Лицеѣ выходный экзаменъ. Тамъ, отъ холеры, въ нѣсколько дней, онъ скончался на рукахъ сына, А. В. Веневитинова и гр. Комаровскаго. Эта утрата насъ всѣхъ очень огорчила; а я съ нимъ схоронилъ какъ будто половину себя.

Не могу здѣсь не разсказать одного приключенія, незначительнаго самаго по себѣ, но хорошо характеризующаго какъ только-что тогда пережитыя времена, такъ и московскаго генералъ-губернатора гр. *Закревскаго*, вполнѣ пропитаннаго правилами покойнаго Императора.

Я прежде говорилъ о ненависти этого высокаго сановника къ намъ, такъ называемымъ славянофиламъ. Въ ожиданіи пріѣзда въ Москву молодаго Императора долженствовавшаго въ Августѣ короноваться,—гр. Закревскій рѣшился на подвигъ блистательный. Бороды и зипуны, которые носили Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ, возбуждали его крайнее негодованіе. Онъ вздумалъ обязать ихъ подпискою не показываться въ публикѣ въ этомъ „костюмѣ“ и не носить бороды. Хомяковъ и Аксаковъ, озадаченные такимъ требованіемъ, къ сожалѣнію, дали требуемую подписку. Затѣмъ пріѣзжаетъ и ко мнѣ Московскій оберъ-полицеймейстеръ. Какъ онъ былъ человѣкъ мнѣ знакомый и ко мнѣ ѣзжалъ и не по дѣламъ, то сперва онъ бесѣдуетъ со мною и о томъ, и о другомъ и, наконецъ, рѣшается сообщить просьбу генералъ-губернатора о сбритіи моей бороды. Предупрежденный случившимся съ моими друзьями, я отвѣчаю оберъ-полицеймейстеру, что прошу передать его сіятельству мою покорнѣйшую просьбу, — оставить мою бороду въ покоѣ. „Если же это невозможно“, прибавилъ я, „то придется взять меня силою и обрить меня въ цирюльнѣ“. Этимъ и закончился походъ генералъ-губернатора противъ моей бороды и болѣе о ней уже никакого разговора не было.

Глава X. (1857—1860.)

Эпоха уничтоженія крѣпостнаго права. — Рескриптъ 20 Ноября 1857 г. — Проэкты освобожденія. — Журналъ: „Сельское Благоустройство“ и его прекращеніе отъ цензурныхъ стѣсненій. — Рескриптъ на имя рязанскаго губернатора 1858 г. — Работы въ комитетахъ въ званіи члена отъ правительства. — Борьба партій. — Проэктъ освобожденія крестьянъ съ землею. — Слабохарактерность Ростовцева. — Отъѣздъ за границу. — Прага. — Вѣна. — Швейцарія. — Италія. — Встрѣча съ Кавуромъ. — Парижъ. — Брюссель. — Остенде. — В. К. Елена Павловна. — Брошюра: „Депутаты и Редакціонныя Коммиссіи по крестьянскому дѣлу.“ — Замѣчанія на доклады Ред. Коммиссіи. — Отъѣздъ въ деревню. — Недовольство ред. Коммиссіей. — Смерть А. С. Хомякова 1860 г. — Его личность.

Теперь подхожу я къ великой эпохѣ уничтоженія на Руси крѣпостной зависимости людей.

Еще въ 1856 году, Государь, принимая въ Москвѣ предводителей дворянства, сказалъ имъ, что въ бытѣ крѣпостныхъ людей необходимо сдѣлать измѣненія, и что желательно произвести ихъ сверху, прежде чѣмъ они потребуются снизу. Вслѣдствіе этого, и въ обществѣ и въ оффиціальныхъ, даже въ придворныхъ сферахъ, пошелъ сильный говоръ о предстоящихъ преобразованіяхъ въ бытѣ крѣпостныхъ людей. Но рѣшительный толчекъ этому дѣлу данъ былъ обнародованіемъ Высочайшаго *рескрипта*, отъ 20 Ноября 1857 года на имя *Виленскаго* генералъ-губернатора *Назимова*. Это обнародованіе произвело сильнѣйшее дѣйствіе во всей Имперіи: одни страшно перепугались, — были, такъ сказать, ошеломлены; другіе обрадовались; многіе и весьма многіе просто не поняли значенія этого событія. Изъ Петербурга и Москвы тревога перешла въ губерніи и тамъ недоумѣніямъ и страхамъ не было границъ: всѣ спрашивали другъ-друга: „что же теперь дѣлать?“ Копіи съ упомянутаго рескрипта разосланы были не только къ губернаторамъ, но и къ губернскимъ предводителямъ дворянства и сопровождались внушительными отношеніями. *Первый отвѣтный адресъ* на Высочайшее имя, по случаю этого рескрипта, поступилъ, кажется, изъ Нижняго Новгорода; затѣмъ всѣ губерніи, одна за другой, хотя

и съ горемъ въ душѣ, изъявили готовность приступить къ указанному великому дѣлу — улучшенія быта крѣпостныхъ людей. На представленные адресы давались каждой губерніи Высочайшіе рескрипты и учреждались губернскіе комитеты.

Разсказывали, что въ Петербургѣ, въ высшей администраціи, была сильная борьба противъ опубликованія рескрипта къ Виленскому генералъ-губернатору, и въ особенности противъ оффиціальной разсылки этого документа къ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства прочихъ губерній Имперіи. Во главѣ оппозиціи стоялъ предсѣдатель государственнаго совѣта кн. *Орловъ*; и онъ рѣшился, всѣмъ авторитетомъ своего званія и своей опытности, подѣйствовать на молодаго Императора. Онъ отправился во дворецъ, приказалъ о себѣ доложить Государю, и какъ въ это время, изъ кабинета Императора, выходилъ старикъ гр. *Адлербергъ*, то Орловъ сообщилъ ему въ короткихъ словахъ о цѣли своего пріѣзда. Входитъ онъ въ кабинетъ Императора, говоритъ ему самымъ сильнымъ и настойчивымъ образомъ противъ опубликованія упомянутаго рескрипта и почти на колѣняхъ умоляетъ Государя не открывать эры революціи, которая поведетъ къ рѣзнѣ, — къ тому, что дворянство лишится всякаго значенія и быть можетъ и самой жизни, а Его Величество утратитъ и престолъ. Когда кн. Орловъ выходилъ изъ кабинета Государя, то ожидавшій его выхода гр. Адлербергъ спросилъ его: „ну что?“ — „Потрясенъ“, отвѣтилъ съ довольною улыбкою кн. Орловъ, „и рескриптъ не будетъ опубликованъ“. Еще не успѣлъ кн. Орловъ отъѣхать отъ дворца, какъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ объ обнародованіи рескрипта былъ уже Государемъ утвержденъ и тотчасъ возвращенъ по принадлежности. На слѣдующій день этотъ рескриптъ появился въ оффиціальной газетѣ.

Когда въ обществѣ сильно заговорили объ освобожденіи крѣпостныхъ людей, и Правительство становилось во главѣ этого движенія, тогда я рѣшился принять въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Для достиженія этой благой, постоянно

бывшей у меня въ виду цѣли, я вздумалъ дѣйствовать двумя способами: составленіемъ и оглашеніемъ проэкта по этому предмету и издаваніемъ журнала, исключительно посвященнаго дѣлу уничтоженія крѣпостной зависимости людей на Руси.

Объ этомъ составлявшемся мною проэктѣ, котораго главныя основанія я охотно сообщалъ всѣмъ, кто только меня о томъ спрашивалъ, много заговорили въ Москвѣ; и въ Декабрѣ 1857 года, я получилъ отъ кн. Василья Андреевича Долгорукова, начальника 3-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи письмо, которымъ онъ, по Высочайшему повелѣнію, просилъ меня прислать, для представленія Государю Императору, копію съ моего проэкта. При этомъ, онъ удостовѣрялъ меня, что, въ этомъ случаѣ, онъ дѣйствуетъ не какъ начальникъ 3-го отдѣленія, а какъ мой знакомый и какъ генералъ-адъютантъ. Я тотчасъ ему отвѣтилъ, что за счастіе счелъ бы немедленно исполнить волю Государя Императора, но что записки мои еще не готовы; что теперь, съ особеннымъ рвеніемъ примусь за окончательную ихъ отдѣлку; и что не премину ихъ къ нему, кн. Долгорукову, препроводить, какъ скоро онѣ будутъ закончены. Тогда я сильно принялся за свои „*Записки*“, и черезъ три недѣли онѣ были готовы. Въ одно и то-же время, подобныя же записки были составлены Ю. Ѳ. Самаринымъ и кн. В. А. Черкасскимъ. Когда наши записки были готовы, т. е. въ Январѣ 1858 г., мы ихъ прочли другъ-другу; и оказалось слѣдующее: Ю. Ѳ. Самаринъ предлагалъ только расширить и сдѣлать болѣе удобоисполнимымъ прежній указъ объ обязательныхъ крестьянахъ. Кн. Черкасскій имѣлъ въ виду освобожденіе крестьянъ только съ усадьбами. *Мой проэктъ* былъ самый радикальный: я предлагалъ выкупъ крестьянъ съ землею, находящеюся въ ихъ владѣніи. Такое освобожденіе должно было совершиться въ *двѣнадцать лѣтъ*; предполагалось сперва предоставить помѣщикамъ право, въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, входить съ крестьянами въ добровольныя сдѣлки на счетъ количества выкупаемой земли, ея цѣны при maksimum'ѣ,

установленномъ отъ правительства по разнымъ губерніямъ и на счетъ сроковъ уплаты и границъ отводимаго надѣла. Потомъ имѣлось въ виду назначить трехгодичный срокъ, въ теченіи котораго условія о выкупѣ должны составляться при посредничествѣ выборныхъ отъ дворянства и отъ крестьянъ. Наконецъ, въ третій уже шестилѣтній срокъ, при продолженіи дѣйствія первыхъ двухъ способовъ, имѣло вступить въ дѣйствіе обязательное опредѣленіе всѣхъ условій выкупа черезъ чиновниковъ, отъ правительства назначенныхъ. По выслушаніи моихъ записокъ, Ю. Ѳ. Самаринъ пришелъ въ ужасъ отъ радикальности предлагаемыхъ мною мѣръ и сказалъ: „Нѣтъ! не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ идти назадъ.“ А кн. Черкасскій, напротивъ того, выразился такъ: „Нѣтъ! отправьте ихъ непремѣнно. Хотя ваши записки дѣйствительно радикальны; но не бѣда — изъ большаго можно убавить и все-таки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать.“ Записки мои были окончательно на бѣло переписаны въ трехъ экземплярахъ — для Государя, для кн. Долгорукова и для министра внутреннихъ дѣлъ; и въ первыхъ числахъ Февраля онѣ были отправлены въ Петербургъ. Впослѣдствіи мои записки, какъ и многія другія, были переданы сперва въ главный комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ, а потомъ въ редакціонныя коммиссіи, учрежденныя подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта І. И. Ростовцова. И тутъ, по отзывамъ членовъ комитета и коммиссій, мои записки оказались самыми радикальными; но мой радикализмъ остался таковымъ не на долгое время; вскорѣ онъ былъ значительно превзойденъ, и меня чуть-чуть не зачислили въ отсталые. (Помѣщаю эти записки въ приложеніи подъ № V.)

Зима 185⁷/₈ года была въ Москвѣ до крайности оживлена. Такого исполненнаго жизни, надеждъ и опасеній времени никогда прежде не бывало. Толкамъ, спорамъ, совѣщаніямъ, обѣдамъ съ рѣчами и проч. не было конца. Едва ли, выпущенный изъ тюрьмы, послѣ долгаго въ ней содержанія, чувствовалъ себя счастливѣе насъ, отъ души желав-

шихъ уничтоженія крѣпостной зависимости людей въ отечествѣ нашемъ, и, наконецъ, получившихъ возможность во всеуслышаніе говорить и писать о страстно любимомъ предметѣ и дѣйствовать какъ будто свободно. Другіе, и къ сожалѣнію весьма многіе, волновались отъ страха и успокоивали и утѣшали себя только тѣмъ, что это дѣло не можетъ осуществиться, что поговорятъ, поговорятъ о немъ и тѣмъ оно и покончится; а потому они не скупились на словоизверженія и пуще всего угощали своихъ собесѣдниковъ возгласами и застращиваніями. Въ обществѣ, даже въ салонахъ и клубахъ, только и былъ разговоръ объ одномъ предметѣ, — о началѣ для Россіи эры благихъ преобразованій, по мнѣнію однихъ, и всякихъ злополучій, по мнѣнію другихъ; и московскіе вечера, обыкновенно скучные и безсодержательные, превратились въ бесѣды, словно нарочно созванныя для обсужденія вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. Однимъ словомъ добрая старушка Москва превратилась чуть-чуть не въ настоящій парламентъ.

Въ это время, а именно въ концѣ Декабря 1857 года, я рѣшился, при издаваемой мною „Русской Бесѣдѣ“, выпускать ежемѣсячно, въ видѣ особаго прибавленія, книжки подъ заглавіемъ: „*Сельское Благоустройство*“, посвященное исключительно дѣлу освобожденія людей отъ крѣпостной зависимости. Постоянными сотрудниками обѣщались быть Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. Черкасскій и нѣкоторые другіе. Я поѣхалъ въ Петербургъ, выхлопоталъ тамъ, безъ особыхъ затрудненій, разрѣшеніе на издаваніе этого журнала и въ Февралѣ выпустилъ первую книжку „Сельскаго Благоустройства.“ Въ этомъ журналѣ, особенно въ первыхъ его книжкахъ, я помѣстилъ много своихъ статей; а библіографическія свѣдѣнія, съ краткими критическими отзывами, не подписанныя особыми буквами, всѣ составлены мною. „Сельское Благоустройство“ расходилось хорошо, сотрудники являлись со всѣхъ сторонъ; и это происходило главнѣйше отъ того, что я помѣщалъ статьи безъ всякой исключительности, наблюдая только за тѣмъ, чтобы статьи были дѣльныя и прилично на-

писанныя. У меня былъ не недостатокъ, а излишекъ въ статьяхъ; и главный трудъ заключался въ ихъ прочтеніи, въ выборѣ лучшихъ изъ нихъ къ напечатанію и въ составленіи примѣчаній къ тѣмъ статьямъ, которыя противорѣчили мнѣніямъ редакціи. Занявшись исключительно „Сельскимъ Благоустройствомъ", я воспользовался обязательнымъ предложеніемъ И. С. Аксакова и временно передалъ ему главные труды и заботы по изданію „Русской Бесѣды." Сначала „Сельское Благоустройство", въ цензурномъ отношеніи, мало меня затрудняло; коректуры возвращались мнѣ цензоромъ скоро и почти безъ помарокъ; но съ осени 1858 года пошли изъ Петербурга конфиденціальные циркуляры; а въ концѣ года, предписано было оттуда препровождать на процензорованіе въ Петербургѣ всѣ статьи сколько-нибудь несогласныя съ заявленными видами Правительства. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1859 года затрудненія по цензурѣ сдѣлались невыносимыми; почти всѣ статьи отправлялись въ Петербургъ; тамъ онѣ задерживались по два, по три мѣсяца, и возвращались оттуда не только съ помарками, но иногда даже со вставками, противорѣчащими главной мысли автора. Вслѣдствіе этого Январскій номеръ вышелъ только въ Февралѣ, а Февральскій — въ Апрѣлѣ, вмѣстѣ съ объявленіемъ о прекращеніи изданія „по причинамъ отъ редакціи не зависящимъ", т. е. по невозможности исполнять требованія цензуры. Хотя это прекращеніе изданія было для меня очень прискорбно, однако я вынужденъ былъ на это рѣшиться, потому что трудно противу рожна прати.

По воспослѣдованіи Высочайшаго рескрипта на имя рязанскаго губернатора, въ началѣ лѣта 1858 года, разосланы были къ дворянамъ приглашенія на уѣздныя собранія для выбора членовъ въ губернскій комитетъ. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось участвовать въ дѣятельности этого комитета; но я не имѣлъ никакой надежды на избраніе въ члены его сапожковскимъ дворянствомъ, считавшимъ меня однимъ изъ главныхъ виновниковъ предстоявшаго бѣдствія для россійскаго дворянства и потому заслуживающимъ, по крайней мѣрѣ, ко-

лесованія. Проѣзжая изъ Москвы черезъ Рязань, я посѣтилъ губернатора г. Клингенберга, который предложилъ мнѣ быть членомъ комитета отъ правительства. Я спросилъ его, не обязаны ли члены отъ Правительства поддерживать всѣ мнѣнія и требованія министерства внутреннихъ дѣлъ, и сказалъ ему, что, душою преданный дѣлу освобожденія крѣпостныхъ людей, я не могу принять на себя защиту того, что̀ счелъ бы для этого дѣла вреднымъ. По полученіи отъ него успокоительнаго отвѣта, я изъявилъ согласіе на принятіе на себя обязанностей члена отъ правительства и вскорѣ былъ утвержденъ въ этомъ званіи министромъ внутреннихъ дѣлъ. Точно также поступили Ю. Ѳ. Самаринъ и князь Черкасскій.

Отъ сапожковскаго уѣзда были выбраны въ члены губернскаго комитета двое Протасьевыхъ, — не крѣпостники, но люди очень и очень умѣренно либеральные. Мы сообща составили программу для будущихъ нашихъ дѣйствій въ губернскомъ комитетѣ, ибо желали тамъ не расходиться въ нашихъ мнѣніяхъ и требованіяхъ. Къ сожалѣнію, эта программа оказалась на дѣлѣ только бумагою, исписанною чернилами.

Въ концѣ Августа мы собрались въ Рязани и 26-го, въ день коронаціи, губернаторъ торжественно открылъ наши засѣданія. Предсѣдателемъ комитета былъ губернскій предводитель дворянства А. В. Селивановъ, человѣкъ не глупый, добрый, но мало развитой и отмѣнно неловкій и особенно, вслѣдствіе своего страннаго положенія, не дозволявшаго ему быть вполнѣ ни на сторонѣ правительства, желавшаго уничтоженія крѣпостной зависимости, ни на сторонѣ дворянства, надѣявшагося отдѣлаться одними словами и удержать въ сущности свою власть на крестьянъ и дворовыхъ людей. Другимъ членомъ отъ правительства былъ нѣкто М. Д. Масловъ, заклятой крѣпостникъ и человѣкъ, пропитанный всевозможными дворянскими предразсудками и претензіями. Я нашелъ въ немъ не товарища, не единомысленника, а постояннаго противника. Какъ только начались засѣданія и пошли въ ходъ работы, то не

замедлили своимъ началомъ и всякаго рода интриги. Большинство членовъ комитета состояло изъ крѣпостниковъ, а меньшинство — изъ робкихъ либераловъ. Во главѣ перваго стоялъ Ѳ. С. Офросимовъ, — человѣкъ умный, довольно образованный, весьма хитрый и ловкій. Мнѣ приходилось съ нимъ постоянно спорить и перечить большинству; рѣдко, почти никогда, мнѣ не удавалось проводить свои предложенія. Всего болѣе бѣсило большинство то, что я обнаруживалъ его тайные замыслы и заставлялъ противниковъ освобожденія яснѣе излагать свои мнѣнія. Неловкій нашъ предсѣдатель безпрестанно попадался въ просакъ и своими дѣйствіями, то въ ту, то въ другую сторону, страшно вредилъ и себѣ, и самому дѣлу. А вожакъ большинства Офросимовъ ловко пользовался промахами предсѣдателя и сплотнялъ большинство, особенно подъ благовиднымъ предлогомъ удержанія самостоятельности дворянства и защиты его правъ и интересовъ. Главнымъ препятствіемъ къ упроченію и усиленію власти Офросимова въ комитетѣ былъ я; а потому онъ изыскивалъ всѣ средства къ сокращенію и уничтоженію моего вліянія въ комитетѣ. Вскорѣ представился къ тому благопріятный случай и Офросимовъ рѣшился нанести мнѣ окончательный ударъ.

Въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ „Сельскаго Благоустройства“ помѣщена была статья кн. Черкасскаго, въ которой было сказано, что не желательно, чтобы теперь внезапно были отмѣнены тѣлесныя наказанія въ крестьянскомъ быту, и тѣмъ болѣе, что сами крестьяне считаютъ ихъ еще необходимыми. По этому поводу поднялись въ журналистикѣ ужасные крики, брани и глумленія. Кн. Черкасскій, какъ авторъ статьи, а я, какъ издатель журнала, въ которомъ она была помѣщена, были просто на просто привязаны журналистикою къ позорному столбу. Завѣдующій въ мое отсутствіе изъ Москвы изданіемъ „Русской Бесѣды“ и печатаніемъ „Сельскаго Благоустройства“, И. С. Аксаковъ, счелъ долгомъ за насъ заступиться и, въ статьѣ, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, имѣлъ неосторожность сказать, что странно и неприлично нападать на людей, которые въ

настоящее время борятся въ губернскихъ комитетахъ, отстаивая права и интересы крестьянъ „противъ своекорыстія и невѣжества". Эта статья подняла страшныя бури въ комитетахъ и въ Тулѣ противъ кн. Черкасскаго, и въ Рязани противъ меня. Члены большинства Рязанскаго комитета подошли ко мнѣ въ залѣ нашихъ засѣданій и спросили меня: буду ли я отвѣчать на клевету, напечатанную г. Аксаковымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ?" На это я имъ отвѣчалъ: „Какъ я буду дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ — еще не знаю; но во всякомъ случаѣ, не считаю себя обязаннымъ отдавать въ томъ кому либо отчетъ." Члены большинства убѣдили председателя комитета, г. Селиванова, имѣть на слѣдующій день чрезвычайное засѣданіе, въ которое долженствовали быть приглашенными всѣ кромѣ меня. Наканунѣ вечеромъ, пріѣхалъ ко мнѣ А. В. Селивановъ, сообщилъ мнѣ, что онъ вынужденъ былъ согласиться на требованіе большинства, и совѣтовалъ мнѣ отъ себя написать статью въ „Московскія Вѣдомости" въ опроверженіе отзыва г. Аксакова. Я рѣшительно отказался отъ исполненія такого требованія членовъ комитета, предоставивши имъ, буде пожелаютъ, отвѣчать г. Аксакову. На слѣдующій день, въ 3-мъ часу по полудни, явилась ко мнѣ депутація, состоявшая изъ шести членовъ комитета съ предложеніемъ, чтобы я подписалъ статью, ими сочиненную въ отвѣтъ на отзывъ г. Аксакова. Съ рѣчью ко мнѣ обратился кн. Волконскій, а Офросимовъ былъ въ числѣ остальныхъ пяти молчавшихъ. Я отвѣтилъ имъ, что хотя на своемъ вѣку подписывалъ свое имя подъ многими напечатанными статьями, но только подъ своими, а не чужими, и что и на сей разъ отступить отъ этого не могу. Кн. Волконскій спросилъ меня: не желаю ли я прочесть написанную ими статью? На отвѣтъ мой, что не имѣю на то никакого желанія, онъ грозно спросилъ меня: „Таково ли окончательное ваше рѣшеніе?" Послѣ утвердительнаго моего отвѣта, депутація отправилась обратно въ комитетъ; и черезъ часъ времени, пріѣхалъ ко мнѣ предсѣдатель, А. В. Селивановъ, съ извѣщеніемъ, что комитетъ постановилъ просить начальника губерніи объ устраненіи меня отъ за-

нятій комитета на томъ основаніи, что, при отказѣ моемъ подписать статью въ опроверженіе клеветы, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", члены комитета не могутъ засѣдать со мною за однимъ столомъ. — Я высказалъ г. Селиванову мое удивленіе на счетъ того, что онъ могъ допустить такое постановленіе, и присовокупилъ, что самъ буду просить г. Начальника губерніи объ увольненіи меня изъ комитета, въ которомъ, кромѣ непріятностей и противодѣйствія, я ничего не нахожу. Послѣ обѣда, я сѣлъ писать письмо къ губернатору съ изъявленіемъ желанія быть освобожденнымъ отъ званія члена комитета, и хотѣлъ это письмо къ нему везти. Но я не успѣлъ его докончить, какъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ губернаторъ. Я убѣждалъ его согласиться на мое увольненіе и тѣмъ возстановить въ комитетѣ миръ и согласіе, но онъ объявилъ мнѣ рѣшительно, что обо всемъ случившемся доноситъ по эстафетѣ министру внутреннихъ дѣлъ и требуетъ исключенія четверыхъ членовъ, всего болѣе виновныхъ въ происшедшихъ безпорядкахъ, а именно кн. Волконскаго, Офросимова, Афанасьева и члена отъ правительства, Маслова. Видя непреклонность губернатора, я объявилъ ему, что, въ такомъ случаѣ я и самъ поѣду въ Петербургъ.

На слѣдующій же день, я отправился изъ Рязани, съ искреннимъ желаніемъ туда болѣе не возвращаться; а потому я велѣлъ все уложить для перевозки въ Москву. Хотя мнѣ очень не хотѣлось возвращаться въ Рязань, однако я предвидѣлъ, что высшее правительство на это не согласится и что всячески будутъ меня уговаривать на возвратъ къ занятіямъ въ комитетъ; а потому, проѣзжая черезъ Москву, я видѣлся съ однимъ рязанскимъ помѣщикомъ и моимъ добрымъ пріятелемъ, *Д. Ѳ. Самаринымъ*, и заручился его согласіемъ на принятіе званія члена отъ правительства на мѣсто Маслова, который въ комитетѣ постоянно дѣйствовалъ противъ меня и съ которымъ я рѣшительно не хотѣлъ тамъ оставаться.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ тотъ же день я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, *Сергѣю Степановичу*

Ланскому, съ которымъ давно и хорошо я былъ знакомъ въ особенности потому, что онъ былъ братъ жены друга моего кн. Одоевскаго и что у нихъ я часто видался съ С. С. Ланскимъ. Какъ я взошелъ къ нему въ кабинетъ, то онъ мнѣ сказалъ: „Знаю всю рязанскую исторію и ваше нежеланіе туда возвращаться; но возвратиться туда вы должны, ибо иначе члены отъ дворянства вездѣ выживутъ членовъ отъ правительства. Не требуйте отъ насъ невозможнаго, но вы можете предписать намъ свои условія и мы должны ихъ принять.“ Послѣ довольно продолжительной бесѣды, было положено, что, на слѣдующій день, по утру, я пріѣду къ нему и привезу письмо, въ которомъ будутъ изложены мои условія.

На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, я явился къ министру съ письмомъ, въ которомъ высказалъ, что не считаю возможнымъ съ пользою продолжать мою дѣятельность въ рязанскомъ комитетѣ, если въ товарищи, т. е. въ званіе другаго члена отъ Правительства не будетъ назначенъ человѣкъ по моему указанію; если не признаютъ не бывшимъ все, что сдѣлано или еще будетъ сдѣлано въ комитетѣ со дня моего отсутствія по день моего возвращенія; если не возстановятъ меня торжественно въ званіе члена Комитета; и — если не уважутъ моей просьбы не дѣлать выговора комитету и не исключать кого-либо изъ его членовъ, кромѣ члена отъ правительства, Маслова. С. С. Ланской вполнѣ одобрилъ мои условія и въ тотъ же день поѣхалъ съ докладомъ къ Государю, который приказалъ этотъ докладъ разсмотрѣть на слѣдующій же день въ главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу.

Вечеромъ я поѣхалъ къ *I. И. Ростовцеву*, съ которымъ я былъ прежде знакомъ и который былъ членомъ упомянутаго главнаго Комитета. Я разсказалъ ему какъ случившееся въ Рязани, такъ и содержаніе моего письма къ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ обѣщалъ поддерживать въ комитетѣ мои условія.

Въ комитетѣ были, какъ мнѣ разсказывали, жаркія пренія. Одни предлагали раскасированіе всего рязанскаго губернскаго комитета, другіе требовали, согласно съ представ-

леніемъ губернатора, исключенія четырехъ членовъ и выговора комитету; но Ланской и Ростовцевъ настаивали на безусловномъ принятіи моихъ предложеній. Последнее мнѣніе, наконецъ, восторжествовало и оно удостоилось Высочайшаго утвержденія. *Д. Ѳ. Самаринъ*, по моей просьбѣ, былъ назначенъ вторымъ членомъ отъ правительства по Рязанскому комитету.

Въ Москвѣ я пробылъ не долго; и какъ только Д. Ѳ. Самаринъ собрался къ отъѣзду, то мы вмѣстѣ отправились въ Рязань. Въ Петербургѣ и Москвѣ думали, что члены рязанскаго комитета, по возвращеніи моемъ, откажутся отъ своего званія, и что комитетъ не будетъ имѣть возможности продолжать свои занятія; но я увѣренъ былъ, что, при грозномъ отзывѣ изъ Петербурга, все успокоится и придетъ въ порядокъ. Впрочемъ, въ Петербургѣ, было рѣшено произвести новые выборы членовъ отъ дворянства, въ случаѣ если бы настоящіе члены не захотѣли продолжать исполненія своихъ обязанностей.

Губернаторъ, г. *Клингенбергъ*, предложилъ Комитету собраться въ мундирахъ для выслушанія Высочайшаго повелѣнія и, по полученіи извѣщенія отъ губернскаго предводителя, что комитетъ въ сборѣ, онъ отправился съ нами въ это засѣданіе. Прочтено было Высочайшее повелѣніе, въ которомъ объявлялось комитету Высочайшее неудовольствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось: считать не дѣйствительнымъ все то, что въ немъ было сдѣлано въ отсутствіе члена комитета отъ правительства, Кошелева, — считать уволеннымъ отъ званія члена комитета отъ правительства, Маслова, со дня подписанія имъ комитетскаго журнала о ходатайствѣ на счетъ устраненія Кошелева отъ занятій по комитету и ввести въ должность вновь назначеннаго членомъ отъ правительства рязанскаго помѣщика, Дмитрія Самарина. По случаю этого рязанскаго событія состоялся для всѣхъ губернскихъ комитетовъ, по крестьянскимъ дѣламъ, указъ, объявляющій не дѣйствительными тѣ положенія комитетовъ, въ засѣданіяхъ которыхъ не участвуютъ члены отъ правительства или, по

крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ. Все это происходило въ концѣ Ноября 1858 года.

Съ слѣдующаго же дня, занятія комитета возобновились, и съ того именно вопроса, который былъ оставленъ не рѣшеннымъ въ послѣднемъ засѣданіи, въ которомъ я присутствовалъ. Большинство осталось вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, т. е. продолжало дѣйствовать въ крѣпостническомъ духѣ; мы, т. е. я и Самаринъ, почти всегда оставались вдвоемъ при особыхъ мнѣніяхъ. Когда всѣ вопросы были порѣшены и выбрана была редакціонная коммиссія, то я и Самаринъ объявили, что представимъ особый проэктъ, основанный на особыхъ, нами поданныхъ мнѣніяхъ. Мы всѣ сильно принялись за работу, и въ концѣ Марта составлены и разсмотрѣны были въ комитетѣ *три проэкта:* одинъ отъ большинства и два отъ двухъ меньшинствъ. Всѣ три проэкта были напечатаны, а потому упомяну о нихъ здѣсь весьма вкратцѣ. Проэктъ большинства былъ составленъ въ крѣпостническомъ духѣ съ малымъ надѣломъ крестьянъ землею, съ удержаніемъ разныхъ помѣщичьихъ правъ въ отношеніи къ крестьянскимъ обществамъ и безъ права выкупа. Второй — отличался отъ перваго тѣмъ, что устанавливалъ обязательный выкупъ съ незначительнымъ увеличеніемъ крестьянскихъ надѣловъ противъ тѣхъ, которые были установлены большинствомъ. Третій проэктъ, т. е. нашъ, былъ самый либеральный. Мы предлагали оставить крестьянамъ существующіе надѣлы съ установленіемъ высшихъ и низшихъ нормъ, т. е. съ предоставленіемъ помѣщикамъ права отрѣзывать тѣ количества земли, которыя превышаютъ первыя нормы, и съ возложеніемъ на помѣщиковъ обязанности пополнить, изъ господской земли, тѣ надѣлы, которые окажутся ниже послѣднихъ нормъ. Высшія нормы, глядя по мѣстностямъ губерніи, назначались нами отъ двухъ до трехъ десятинъ, а низшія отъ 1½ до 2 дес. Выкупъ нами предполагался добровольный съ пособіемъ отъ Правительства и допускался обязательный для помѣщиковъ только въ томъ случаѣ, если крестьяне внесутъ всю сумму, на капитализированную изъ 6% платимыхъ ими

повинностей, которыя, при высшемъ надѣлѣ ограничивались 40 днями или десятью рублями съ ревизской души. Сверхъ того, предоставлялись крестьянскимъ обществамъ самыя широкія права по самоуправленію. Въ началѣ Апрѣля, т. е. до Пасхи, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, засѣданія нашего комитета были закрыты.

Не могу при этомъ не сказать, что, во время засѣданій нашего комитета, отъ времени до времени происходили какъ во всякихъ дворянскихъ собраніяхъ и скандалы, и скандальчики. Вслѣдствіе одной дерзкой выходки противъ предсѣдателя комитета губернскаго предводителя дворянства, А. В. Селиванова, двое изъ членовъ, прежде, по моей исторіи, предположенныхъ къ исключенію, кн. Волконскій и Офросимовъ, были дѣйствительно исключены и возвращены, по общей нашей просьбѣ, только въ послѣднее засѣданіе комитета. Вслѣдствіе другаго скандала, губернскій предводитель, А. В. Селивановъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Товарищъ мой, Д. Ѳ. Самаринъ, вынужденъ былъ потребовать удовлетворенія за грубости, сказанныя ему однимъ изъ членовъ комитета Л.; дѣло окончилось тѣмъ, что этотъ членъ извинился передъ Самаринымъ. Что касается до меня, то, во все остальное время существованія комитета, я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ главными членами большинства и даже мы другъ другу не кланялись.

Въ Февралѣ, когда въ комитетѣ были покончены пренія о разныхъ вопросахъ по крестьянскому дѣлу и приступлено было къ редакціи проэктовъ, во время масляницы, я счелъ нужнымъ съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ. Тамъ уже были учреждены, подъ предсѣдательствомъ І. И. Ростовцева, редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу. Въ это мое тамъ пребываніе, я провелъ цѣлый вечеръ въ бесѣдѣ tête à tête съ Ростовцевымъ, и мои мнѣнія по этому дѣлу такъ ему понравились, что онъ пригласилъ меня, по окончаніи дѣлъ въ рязанскомъ комитетѣ, быть членомъ упомянутыхъ редакціонныхъ коммиссій. Я изъявилъ полную на то готовность и уѣхалъ изъ Петербурга, совершенно увѣрен-

ный, что буду участвовать въ разработкѣ крестьянскаго дѣла и въ высшей инстанціи. Въ Мартѣ кн. Черкасскій и Ю. Ѳ. Самаринъ получили письменныя приглашенія въ члены редакціонныхъ коммиссій, и первый по эстафетѣ изъ Тулы, а послѣдній, по почтѣ — изъ Самары, спросили меня о томъ, когда я думаю ѣхать въ Петербургъ для принятія участія въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій. Я отвѣтилъ и тому, и другому, что еще не получилъ никакого письменнаго приглашенія, но что, во всякомъ случаѣ, не уѣду изъ Рязани, не окончивши тутъ своего дѣла. Проходитъ и Апрѣль, а я все не получаю ожидаемаго приглашенія. Почти всѣ приглашенные уже туда отправились; начались тамъ самыя важныя работы, а я сижу у моря и жду погоды. Въ концѣ Апрѣля, я рѣшился уѣхать въ деревню.

Но на мѣстѣ мнѣ не сидѣлось, и я вздумалъ ѣхать за границу и проѣздомъ побывать въ Петербургѣ, а именно у Ростовцева. Мои сборы были не долгіе; въ половинѣ Мая я былъ уже на берегахъ Невы. По утру, въ 10 часовъ, я отправился къ Ростовцеву, который жилъ тогда на дачѣ, кажется, на аптекарскомъ островѣ. Я встрѣтилъ Ростовцева на крыльцѣ, отправляющагося на прогулку. Онъ хотѣлъ возвратиться домой, но я просилъ его дозволить мнѣ сопутствовать ему въ его прогулкѣ. Разговоръ, во все время нашего пѣшеходства, былъ самый живой и почти дружескій; но я замѣтилъ, что утонченною учтивостью и разными любезностями онъ старался скрыть или изгладить неловкость своего въ отношеніи ко мнѣ положенія. На вопросъ его: долго ли я пробуду въ чужихъ краяхъ? я отвѣчалъ, что, не имѣя теперь никакого особеннаго занятія, я хочу погулять и отдохнуть, и останусь за границею столько времени, сколько вздумается. Онъ спросилъ меня, гдѣ за границею я думаю нѣсколько времени оставаться, и просилъ у меня „позволеніе" присылать ко мнѣ журналы редакціонныхъ коммиссій, выразивъ желаніе, чтобы я сообщалъ ему мои на нихъ замѣчанія. По возвращеніи нашемъ въ его домъ, онъ передалъ мнѣ полный экземпляръ уже состоявшихся и напечатанныхъ

журналовъ редакціонныхъ коммиссій и взялъ мои адресы и въ Карлсбадѣ, и въ Остенде; затѣмъ мы распростились. Ни тогда, ни послѣ, я не могъ узнать навѣрное причины, почему меня не пригласили въ редакціонныя коммиссіи. Увѣренъ, что не Ростовцевъ тому виною, ибо онъ оставался ко мнѣ весьма благорасположеннымъ, и очевидно было его желаніе, чтобы я участвовалъ въ трудахъ, находившихся подъ его предсѣдательствомъ коммиссій. Говорятъ, что имя мое, включенное въ списокъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, вызвало въ главномъ Комитетѣ самыя сильныя пренія и что меня забраковали главнѣйше потому, что я былъ журналистомъ-издателемъ-редакторомъ „Русской Бесѣды" и „Сельскаго Благоустройства." Пуще всѣхъ, говорятъ, настаивалъ на моемъ исключеніи графъ *В. Н. Панинъ*, который говорилъ, что уже главу славянофиловъ не прилично и не возможно приглашать въ правительственную коммиссію.

Черезъ Берлинъ я поѣхалъ въ Карлсбадъ, гдѣ пилъ воды, бралъ ванны и старался освободить себя отъ желчи, накопленной въ Рязани. Тамъ я получалъ акуратно высылаемые на мое имя журналы Редакц. Коммисій. *)

Прага 1857-го г. „Іюля 6/18. По утру рано я отправился ходить по городу. Прелесть какъ городъ живописенъ и сверхъ того съ послѣдняго моего пребыванія въ немъ онъ много украсился. Особенно промышленная часть значительно развилась: магазины хороши и болѣе жизни на улицахъ. Въ 9 часовъ я отправился къ *В. В. Ганкѣ*, котораго нашелъ свѣжимъ, бодрымъ и отмѣнно радушнымъ. Съ нимъ мы долго бесѣдовали, отъ него узналъ многое на счетъ умственнаго движенія въ Чехіи. Движеніе идетъ впередъ; теперь оно глубже захватываетъ. Послѣ пошелъ къ *Шафарику*,

---

*) Здѣсь слѣдуетъ „вставка" изъ Дневника А. И—ча за 1857 г. — По окончаніи курса водъ въ Карлсбадѣ, Александръ Ивановичъ отправился въ Прагу и Вѣну; о пребываніи своемъ здѣсь онъ говоритъ въ своемъ „Дневникѣ" то, что слѣдуетъ далѣе.

(Примѣч. Издат.).

котораго я нашелъ въ болѣзненномъ и крайне разстроенномъ положеніи. Виденъ еще отмѣнно умный, исполненный потухающей жизни человѣкъ, но уже развалины того, что нѣкогда было. Ему запрещено писать, читать и даже говорить о предметахъ, могущихъ его волновать. Доктора полагаютъ, что у него водяная въ головѣ. Послѣ обѣда я гулялъ по городу, посѣтилъ сады на Schützen и Sophien островахъ, а вечеромъ былъ въ „Чешской Бесѣдѣ". Меня ввелъ туда В. В. Ганка, и тамъ провелъ я время крайне пріятно, найдя тамъ истинно славянское радушіе и гостепріимство. Тутъ познакомился я съ гг. *Ербеномъ*, *Шумовскимъ*, *Томичекомъ*, *Запомъ* и друг. Всего болѣе бесѣдовалъ я съ первыми тремя. Въ Ербенѣ я нашелъ отмѣнно умнаго, просвѣщеннаго, живаго, горячаго человѣка. Въ Шумовскомъ — умнаго и неутомимаго лексикографа, а въ Томичекѣ умнаго, милаго и крайне добродушнаго человѣка; невольно что-то къ нему притягиваетъ. Много было разговоровъ о томъ и о семъ. Но я ихъ запишу завтра, ибо еще кой что недостаточно объяснено. На счетъ цензуры, то хотя ея нѣтъ, но постановлено, что всякая книга должна быть представлена въ полицію за три дня до выпуска въ продажу, такъ что всякая полиція сдѣлалась цензоромъ. Газеты представляются до выпуска за 3 часа. Книга или газета воспрещается и конфискуется, и эта особенная милость (которую надобно выпрашивать), чтобы позволено было нѣкоторые листы перепечатать. Вообще свобода книго-печатанія менѣе, чѣмъ при цензурѣ. Еще вещь замѣчательная: въ Карлсбадѣ, въ Маріенбадѣ и въ Прагѣ я замѣтилъ, что всѣ Австрійцы, какъ Нѣмцы такъ и Славяне, никогда не говорятъ свободно, не оглянувшись: не подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь. Система доносовъ чрезвычайно сильно организована, и, поживши въ Австріи, чувствуешь, что какой то гнетъ на васъ лежитъ. Нельзя сказать, чтобъ Австрійское правительство много книгъ конфисковало, но страхъ этой мѣры таковъ, что писатели почти ничего не смѣютъ писать, а издатели еще менѣе издавать, что́ могло бы быть конфисковано; но вообще въ Австріи народъ пишу-

щій и издающій не богатъ, и такая мѣра для нихъ разорительна.

Іюля 7/19. По утру съ г. Ганкою и Московскимъ профессоромъ *Матушенковымъ* мы отправились сперва въ церковь Св. Тына (по нѣмецки Teyn), гдѣ было богослуженіе. Церковь прекрасная и богослуженіе отправлялось очень хорошо; органъ очень благозвучный, проповѣдь — по чешски. Потомъ пошли мы въ Градчины. Видъ Градчинъ и оттуда на Прагу, чудо какъ хорошъ, но нѣкоторыя церковныя башни въ городѣ уже уничтожены. Церквей такъ много, что нѣкоторыя уже заперты. Одна церковь въ Градчинахъ чисто византійской архитектуры. Г. Ганка, который свѣжъ, молодъ и бодръ, не смотря на седьмой десятокъ, имѣетъ сильнѣйшее желаніе, чтобы въ Прагѣ былъ Русскій Консулъ и чтобы одна изъ запертыхъ церквей отдана была Восточному Православію. Народъ здѣсь вовсе не Papistisch gemeint. Онъ набоженъ, но въ немъ не видно тѣсно католическаго направленія. Въ Градчинахъ мы посѣтили чудный Соборъ Св. Вита (Veit's Dom). Во дворецъ мы не пошли. Тутъ зимою живетъ Императоръ Фердинандъ; а лѣтомъ онъ въ своемъ замкѣ, который въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Праги. Его любятъ за его доброту; а нынѣшняго Императора шибко не жалуютъ. Его не считаютъ умнымъ, и говорятъ, что всѣмъ заправляетъ его мать, которая умна и хитра. Какъ Градчины, такъ и самая Прага представляютъ видъ города упадающаго. Чудные дворцы въ упадкѣ или пусты, или превращены въ Казармы и богоугодныя заведенія. — Потомъ мы исходили малую часть города (die kleine Seite) и послѣ 4-хъ часовой ходьбы возвратились домой. Г. Ганка все время былъ на ногахъ, ни разу не присѣлъ и былъ бодръ и живъ. Онъ всякій день купается и много плаваетъ и вообще наслаждается полнымъ здоровьемъ. Послѣ обѣда мы отправились въ экипажѣ на прогулку въ Бубенгахъ. Садъ прекрасный и виды чудные. Оттуда мы поѣхали на народный праздникъ Св. Маргариты, установленный съ древнихъ вре-

менъ. На этомъ праздникѣ народу было очень много, но какъ нашли тучи, то многіе уже возвращались, когда мы туда ѣхали. Были качели, разныя балаганныя представленія, но главное удовольствіе составляли танцы—*Вальсъ*. Вальсировали чисто по нѣмецки. Этотъ праздникъ носитъ на себѣ, какъ и все въ Прагѣ, преимущественно характеръ нѣмецкій. Вечеромъ былъ я въ „Бесѣдѣ“.

Іюля 8/20. По утру ходилъ къ Ганкѣ, Шумовскому, Томаку, Томичеку и, наконецъ, къ Шафарику. У послѣдняго сегодня сидѣлъ долѣе, чѣмъ въ первый разъ. Видны лишь развалины человѣка, но и въ развалинахъ замѣтна сила и умъ. Мы говорили довольно. Онъ самъ шелъ на разговоры серьезные, и я не имѣлъ духа его съ нихъ своротить. Онъ говорилъ, что теперь народное направленіе серіознѣе и общѣе, чѣмъ прежде, хотя въ немъ бодрости, силы и генія несравненно менѣе. Великая бѣда наша, говорилъ онъ, что у насъ нѣтъ денежныхъ средствъ, ибо всѣ наши вельможи во вражьемъ стану, — они всѣ сдѣлались нѣмцами, не живутъ въ Прагѣ, не говорятъ по Чешски и хотятъ быть Австрійцами; отъ чужихъ, т. е. изъ за границы, принимать намъ пособіе есть дѣло чисто невозможное. Эти деньги намъ сдѣлаютъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Какъ бы секретно это дано ни было, правительство Австрійское то узнаетъ, и оно насъ за это не накажетъ явно, но будетъ всячески притѣснять, лишитъ со временемъ мѣста и всячески вымѣститъ. Вы, Русскіе, особенно Погодинъ, заявлялъ онъ, имѣете всегда въ общеніяхъ съ нами какіе-то политическіе виды, — этимъ вы вредите и себѣ, и намъ, и дѣлу. Не заботьтесь о насъ, заботьтесь о себѣ; встаньте сами на ноги; глядя на васъ, и мы постараемся быть Чехами и дѣлать общее „Славянское дѣло“. — „Русскихъ-Чеховъ, говорилъ онъ, теперь остается только одинъ Ганка; — онъ остатокъ прежняго движенія; теперь Чехи хотятъ быть Чешскими Чехами. Мы не враждебны, напротивъ, кротки, благорасположены къ Русскимъ; но входить въ Русскіе интересы мы не только не можемъ, но даже и не желаемъ. Движеніе народное продолжается,

но оно идетъ глубже. Теперь во всѣхъ чешскихъ школахъ учатъ по Чешски; Чешскій языкъ между нами, не аристократами сдѣлался общественнымъ языкомъ, — чего прежде не было". Шафарику теперь 62 года, онъ родился въ 1795, (Ганка въ 1791, а Палацкій въ 1798 году). Онъ собирается путешествовать. Теперь онъ Библіотекаремъ, — получаетъ жалованія 1500 гульденовъ, квартиру и отопленіе. Онъ не въ нуждѣ. Палацкій въ деревнѣ, и я не могъ съ нимъ познакомиться. Я познакомился съ Шумовскимъ, издателемъ лексикона, съ Томичекомъ, переводчикомъ разныхъ русскихъ повѣстей; съ Запомъ, профессоромъ Реальныхъ школъ, издателемъ археологическихъ „Памятокъ"; съ *Пуркиньи*, — профессоромъ физіологіи; съ *Вoцеломъ*, — профессоромъ археологіи. Къ сожалѣнію не имѣлъ возможности познакомиться съ Томекомъ (не засталъ его дома и не встрѣтилъ въ „Бесѣдѣ") и съ Рителсбергомъ, который въ большой бѣдности, котораго нигдѣ не встрѣтилъ и о которомъ я къ сожалѣнію вспомнилъ только вечеромъ передъ отъѣздомъ. Послѣ обѣда пришли ко мнѣ Ганка и Ербенъ, и мы отправились съ послѣднимъ смотрѣть паровую мельницу, устроенную у заставы подъ Прагою.

Іюля 9/21. Ганка пришелъ меня проводить и въ 7 часовъ я былъ уже на желѣзной дорогѣ. Мы пріѣхали въ Вѣну въ 7½, но цѣлый часъ разбирались съ своими вещами и только къ 9 часамъ были въ гостинницѣ.

Іюля 10/22. Все утро провелъ я у М. Ѳ. Раевскаго, говорили очень много и о весьма многомъ. Положеніе Славянъ очень грустно: великая апатія; полное разъединеніе между славянскими народами. Дворянство славянское все превратилось въ нѣмецкое, и остальные Славяне безъ денежныхъ средствъ ничего дѣлать не могутъ. Сверхъ того: какъ только проявится между Славянами замѣчательный, энергичный человѣкъ, то правительство тотчасъ даетъ ему какое-либо выгодное мѣсто и онъ дѣлается австрійскимъ чиновникомъ. Чиновникамъ не позволено ничего печатать безъ согласія ихъ начальствъ; въ газетахъ же писать имъ безусловно запрещено. Славяне вообще бѣдны и казенное мѣсто достав-

ляетъ имъ средство существовать, — вотъ почему нѣтъ почти никакого движенія въ Славянствѣ. Ходили въ библіотеку къ Миклошичу, но не застали его тамъ. Возвратились въ городъ въ 7 часовъ, нашли у М. Ѳ. Раевскаго профессора и Декана здѣшняго Лютеранскаго Коллегіума Славянъ, *Кузмина* (Б. а. Л.). Очень радъ былъ я съ нимъ познакомиться. Человѣкъ онъ умный, живой и общительный. Мы говорили съ нимъ обо многомъ. „Матица“ чешская самая дѣятельная. Моравская — находится въ рукахъ католиковъ и они направили ее къ своей цѣли. Галицко-русская — во Львовѣ и иллирійская — въ Загребѣ (Аграмѣ) дѣйствуютъ порядочно. Сербская — въ Пестѣ и Славянская — въ Клагенфуртѣ чуть дышатъ. Вообще дѣятельности ихъ теперь очень слабы по недостатку матеріальныхъ средствъ. Старые члены умираютъ, а новыхъ поступаетъ мало, ибо правительство смотритъ весьма подозрительно на всѣхъ дѣятельныхъ и новыхъ членовъ „Матицъ“. Движеніе славянское вообще теперь слабо.

11/23 Іюля. Въ 12 часовъ были съ Раевскимъ у Миклошича въ Публичной Библіотекѣ и оттуда отправились къ *Вуку Стефановичу Караджичу.* Застали его дома; онъ старъ, но еще очень живъ; онъ говорилъ много, очень живо, былъ очень привѣтливъ. Онъ особенно работалъ надъ соединеніемъ Славянъ. Къ нему пришли Кузминъ, съ которымъ я вчера познакомился, и *Урбаръ,* протестантскій священникъ, очень ревностный Славянинъ. Оба они Словаки. Въ ½10-го мы всѣ вышли отъ Караджича и пошли вмѣстѣ, и зашли къ священнику Раевскому, у котораго просидѣли до 12-го часа. Словаки имѣютъ сильнѣйшее желаніе быть Славянами; для нихъ одно литературное единеніе кажется недостаточнымъ, но какое же имъ иное? Не должно ихъ обманывать и слѣдуетъ проповѣдовать одно духовное единеніе, ибо оно одно возможно. — Урбаръ очень пламенный человѣкъ и умный. Онъ сильно дѣйствуетъ на народъ. Славянская газета только одна издается въ Вѣнѣ Лихардомъ и имѣетъ около 1000 подписчиковъ. — Бѣдово положеніе Славянъ еще тѣмъ, что изъ своей

братьи они не знаютъ, кому можно довѣриться, ибо изъ нихъ безпрестанно переходятъ на сторону Австрійцевъ.

12/24. Въ 1-мъ часу имѣлъ долгій разговоръ съ словакомъ Гурбакомъ. Ихъ не должно называть Словаками; они себя называютъ *Словенами*, а нарѣчіе *словенскимъ*. Оно очень близко къ чешскому, такъ что *Чешское*, *Моравское* и *Словенское* можно считать однимъ языкомъ. *Руссинское* всего ближе къ малороссійскому, — *Шлезское* (Wasser-Polaken) къ польскому. Къ Сербскому очень близки Хорватское и Словенское, т. е. южныя нарѣчія. Изъ народнаго Словенскаго (словацкаго языка) часть нарѣчія всего ближе къ чешскому, другая къ польскому, третья къ руссинскому. Мы весьма уговаривали Гурбака, издавать журналъ, но политическаго издавать онъ не можетъ, ибо нужно представить обезпеченіе въ Вѣнѣ въ 6/т., а въ другихъ городахъ въ 3/т. гульденовъ; а чисто литературный журналъ, гдѣ нельзя разбирать и толковать объ общественныхъ вопросахъ, никто читать не будетъ. Теперь для новаго журнала минута не благопріятная, ибо Австрійское правительство даже на нѣмецкіе журналы все болѣе и болѣе налегаетъ. Бѣда Слявянъ, что рѣшительно у нихъ нѣтъ центра и что они всѣ совершенно безъ сообщеній. „Русская Бесѣда" произвела здѣсь вообще прекрасное дѣйствіе.

Вечеромъ былъ у Раевскаго, гдѣ познакомился съ докторомъ *Клуномъ*. Онъ живой, умный и пріятный въ обществѣ человѣкъ. Онъ обѣщался быть дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русской Бесѣды." Мы много говорили о разъединеніи славянскомъ въ отношеніи вѣры, языка, политическаго и общественнаго быта. Онъ бодръ и говорилъ, что между южными Славянами, т. е. Сербами, Хорватами и Словенцами есть движеніе и что единеніе подвигается.*)

Изъ Вѣны я отправился въ Швейцарію, и именно въ нѣмецкую Швейцарію, которую я менѣе зналъ, чѣмъ остальную. Я много тамъ ходилъ пѣшкомъ; но особенно сильное

---

*) Здѣсь оканчивается „Дневникъ" и продолжаются „Записки."

(Примѣч. Издат.).

впечатлѣніе произвело на меня семидневное пребываніе *на вершинѣ Риги.* Я взошелъ туда пѣшкомъ и именно къ закату солнца. Погода была чудная и небо совершенно безоблачное. Я предполагалъ, полюбовавшись закатомъ и восхожденіемъ солнца, отправиться на слѣдующій же день обратно въ Люцернъ. Но утренній нагорный воздухъ и видъ съ вершины Риги меня такъ очаровали, что я рѣшился остаться тамъ цѣлый день. Я провелъ время въ прогулкахъ, чтеніи и писаніи писемъ, и притомъ такъ пріятно, что положилъ остаться тамъ еще день. Такія мои рѣшенія повторялись нѣсколько разъ; и только на восьмой день и не безъ искренняго глубокаго сожалѣнія оставилъ я вершину Риги. Мнѣ было тамъ такъ хорошо, такъ свободно, такъ самобытно, что съ грустью я сошелъ въ среду обычнаго человѣческаго житья.

Оттуда, черезъ С. Готаръ, я направился въ Италію, гдѣ еще никогда не бывалъ и куда меня сильно тянуло, Мнѣ очень хотѣлось видѣть Римъ и Неаполь; но долженъ былъ отложить, до инаго времени, эту дальнюю поѣздку и ограничиться посѣщеніемъ Турина, Милана и Венеціи, ибо иначе я бы слишкомъ опоздалъ въ Остенде, гдѣ мнѣ необходимо было купаться въ морѣ. Великолѣпенъ С. Готаръ и очарователенъ спускъ въ Италію. Полюбовавшись озеромъ Maggiore, проѣхавши по немъ на пароходѣ изъ Белиццоны до Ароны, я отправился въ Туринъ, гдѣ пробылъ не долго и поспѣшилъ въ Миланъ. Тутъ въ первый разъ я увидѣлъ итальянскую жизнь, которая своею оригинальностью меня поразила. Днемъ всѣ окна закрыты, на улицахъ почти нѣтъ никого; словно городъ безлюдный. Какъ жаръ сваливаетъ, открываются окна; люди выходятъ изъ своихъ домовъ, а вечеромъ большая улица Corso, кажется, di porta Venezia, полна народа, гуляющаго, сидящаго у кофеенъ за столиками съ бокалами мороженаго и прохладительныхъ напитковъ, и бесѣдующаго со всевозможными возгласами и тѣлодвиженіями. Ѣзда по улицѣ въ это время прекращается; тротуары и самая улица превращаются въ многолюдные салоны и все ки-

шитъ жизнью самою полною и самою разнообразною. Великолѣпный соборъ въ Миланѣ меня поразилъ, и я не разъ его посѣщалъ; любовался имъ и снаружи, и внутри. Въ Венецію мнѣ давно хотѣлось, ибо я не могъ понять, какъ изъ каждаго дома можно выдти пѣшкомъ и обойти весь городъ, а равно сѣсть въ гондолу и весь его объѣхать. Если жизнь италіанская вообще своеобразна, то жизнь въ Венеціи оригинальна до невѣроятія. Во всей Венеціи нѣтъ ни одного экипажа, и только на одномъ островкѣ имѣется восемь верховыхъ лошадей, на которыхъ тамъ ѣздятъ почти какъ въ большомъ манежѣ. Какъ будто на водѣ выстроены великолѣпнѣйшіе мраморные дворцы, замѣчательные по своей архитектурѣ, и вездѣ подъ окнами снуютъ самыя разнообразныя гондолы. Площадь св. Марка, съ своимъ соборомъ, дворцомъ дожей и другими средневѣковыми зданіями поражаетъ вообще путешественника; но вечеромъ, освѣщенная высокими и яркими газовыми жирандолями и наполненная народомъ, услаждающимся въ шумныхъ кружкахъ за столиками мороженымъ, кофе, шоколадомъ и пр. Эта площадь переноситъ непривычнаго зрителя въ небывалыя времена или фантастическія страны. Невольно спрашиваешь себя: ужъ не во снѣ ли я все это вижу? Хотя Венеція въ это время была еще австрійскимъ владѣніемъ, но собственно нѣмецкаго тамъ не было ничего, и она являлась италіанскимъ по преимуществу городомъ.

Изъ Венеціи, черезъ Миланъ, я отправился по направленію къ Швейцаріи. Ѣхавши на лошадяхъ, въ коляскѣ, я долженъ былъ ночевать въ городѣ Domo d'Ossola. Въѣзжая въ городъ, вижу большое волненіе въ народѣ и шумъ необычайный. Узнаю, что причиною этого — пріѣздъ въ городъ знаменитаго *Кавура*, вышедшаго въ отставку по причинѣ Виллафранкскаго мира между Франціею и Италіею. Такъ счастливо случилось, что я на ночевку попалъ въ ту же гостинницу, гдѣ остановился и Кавуръ. По занятіи номера, я иду въ общую залу, выхожу на балконъ и вижу, какъ Кавуръ расхаживаетъ по улицѣ между народомъ, шумно его

привѣтствующимъ. Съ балкона любуюсь я этимъ зрѣлищемъ; немного времени спустя, входитъ на балконъ и самъ Кавуръ. Кланяюсь ему и прошу отъ иностранца принять дань уваженія и удивленія; завязывается между нами разговоръ. Затѣмъ мы вмѣстѣ ужинаемъ и узнаемъ, что ѣдемъ оба въ одно и то же мѣсто — въ Женеву. На другой день мы выѣзжаемъ въ одно время, — онъ въ своемъ, а я въ своемъ экипажѣ; останавливаемся довольно часто, выходимъ изъ колясокъ и вмѣстѣ любуемся прелестными видами отъ Domo d'Ossola go Martigny; обѣдаемъ и ужинаемъ вмѣстѣ. Послѣ ужина, на второй день, идемъ гулять, завязывается у насъ крайне интересный разговоръ о происходящемъ въ Россіи освобожденіи крѣпостныхъ людей и о русской общинѣ. Разговоръ этотъ былъ такъ живъ и завлекателенъ, что не чувствительно мы прогуляли до втораго часа ночи. Въ заключеніе, Кавуръ сказалъ мнѣ, на счетъ русской общины, слѣдующія замѣчательныя слова: „Да, я вижу, что вы имѣете такое учрежденіе, которое спасетъ васъ отъ многихъ бѣдствій, нынѣ терзающихъ Европу и грозящихъ ей въ будущемъ нескончаемыми безпорядками. Вы очень счастливы: для васъ будущность не страшна.“ — Тутъ же мы порѣшили, съ слѣдующаго дня ѣхать до желѣзной дороги не въ разныхъ экипажахъ, а въ одномъ. И по желѣзной дорогѣ, и на пароходѣ до Женевы мы ѣхали вмѣстѣ, и только тутъ мы разстались; онъ тотчасъ поѣхалъ на дачу къ другу своему Делариву, а я остался въ Женевѣ. Знакомство съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ доставило мнѣ великое наслажденіе: еще я не встрѣчалъ ни одного иностранца, который бы такъ хорошо, живо и полно понялъ нашъ народный духъ и превосходство нашей общины, какъ Кавуръ. Видно было, что онъ постигалъ не однимъ умомъ, а и душою. Имѣлъ я дѣло съ бар. Хакстгаузеномъ, которому, наконецъ, мы втолковали смыслъ и значеніе русской общины и который прекрасно о ней написалъ въ своей книгѣ о Россіи; но видно было, что это учрежденіе онъ понялъ только умомъ, — какъ статистическій фактъ, а вовсе не какъ зародышъ, какъ залогъ великой бу-

дущности Россіи. Въ Кавурѣ я нашелъ не пламеннаго Италіанца (да онъ и не Италіанецъ) и не болтливаго, живаго, легкомысленнаго Француза. Великое счастіе для Италіи, что судьбы ея попали въ руки Савойца, который соединялъ жаръ Италіанца съ основательностью и обширностью взгляда истиннаго государственнаго человѣка. Въ немъ были и замѣчательное спокойствіе, и большая сила воли, и рѣдкая положительность въ мнѣніяхъ, и неутомимая, жизни преисполненная дѣятельность. Въ немъ видѣнъ былъ истинно великій человѣкъ.

Погостивши не долго въ Женевѣ, я отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ около недѣли. Любовался я тутъ новыми бульварами, новыми улицами и новыми громадными зданіями; но скорбѣлъ объ участи Франціи, угнетенной ловкимъ мошенникомъ, вскарабкавшимся на ея престолъ.

Въ Брюсселѣ видѣлся съ Погенполемъ и много говорилъ о направленіи Nord'а; совѣтовалъ ему менѣе извиняться, менѣе насъ маскировать въ европейское платье и стараться быть болѣе русскимъ. Я говорилъ ему, что необходимо завести настоящихъ русскихъ корреспондентовъ въ Россіи и отдавать отчетъ о движеніи умовъ; — что Nord не долженъ принадлежать ни партіи Славянофиловъ, ни партіи западниковъ, но быть благонамѣреннымъ, самостоятельнымъ. Еще мы много говорили о необходимости завести книжную торговлю русскими книгами въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Тріестѣ, Брюсселѣ и Парижѣ. Вечеромъ я пріѣхалъ въ Остенде.

Въ Остенде я нашелъ цѣлую кипу ожидавшихъ меня журналовъ редакціонныхъ коммиссій. Прочитавши эти журналы, я увидѣлъ, что коммиссіи уже перешагнули чрезъ мой проэктъ относительно какъ величины надѣловъ, такъ и правъ, предоставляемыхъ крестьянамъ по самоуправленію, и что онѣ черезчуръ вдавались въ регламентацію. Въ Остенде я нашелъ также приглашеніе прибыть въ Петербургъ въ числѣ прочихъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, или, вѣр-

нѣе выразиться, — въ числѣ прочихъ представителей разныхъ сочиненныхъ комитетами проэктовъ.

Въ Остенде находились Великая Княгиня *Елена Павловна* и бывшій товарищъ министра *А. И. Левшинъ.* Однажды утромъ онъ приходитъ ко мнѣ и передаетъ, что Великая Княгиня спрашивала его: соглашусь ли я съ нею познакомиться? Онъ отвѣтилъ ей, что, конечно, за счастіе сочту быть ей представленнымъ, и поспѣшилъ въ томъ удостовѣриться. Я успокоилъ его въ этомъ отношеніи, и въ то же утро записался у Великой Княгини. На слѣдующій же день, я получилъ приглашеніе прибыть къ ней въ 3 часа; и наша первая бесѣда продолжалась болѣе часа, и единственнымъ предметомъ разговора было крестьянское дѣло. Послѣ того, я часто былъ приглашенъ къ Вел. Княгинѣ то на обѣды, то на вечера, то просто на бесѣду въ теченіи дня. Она была чрезвычайно любезна и поражала обширностью и развитостью своего ума; взглядъ ея на дѣла былъ истинно государственный.

Я былъ въ полной нерѣшимости: ѣхать ли мнѣ или нѣтъ въ Петербургъ по вызову, мною полученному въ качествѣ члена отъ Рязанскаго комитета? Изъ журналовъ редакціонныхъ коммиссій я видѣлъ, что не могу поддерживать многія изъ ихъ положеній; зная составъ губернскихъ комитетовъ, я былъ вполнѣ увѣренъ, что съ членами, имѣющими отъ нихъ прибыть, я еще менѣе могу согласиться. Слѣдовательно, мнѣ предстояло спорить и съ тѣми, и съ другими; а одному и у горшка каши не споро. Вслѣдствіе этого я вовсе не желалъ ѣхать въ Петербургъ и почти рѣшился отказаться отъ этой поѣздки. На полученное письмо отъ кн. Черкасскаго и Самарина, которые убѣждали меня скорѣе прибыть въ Петербургъ, я отвѣчалъ въ этомъ именно смыслѣ, о чемъ сказалъ и Вел. Княгинѣ. Она весьма не одобрила моего рѣшенія и всячески убѣждала меня не отказываться отъ поѣздки въ Петербургъ. Около 20 Августа, я получилъ телеграмму отъ кн. Черкасскаго и Самарина, которою они вновь убѣждали меня поспѣшить пріѣздомъ въ Петербургъ, прибавляя, что если я не пріѣду, то поступлю дурно. Великая Кня-

гиня, узнавши отъ меня объ этой телеграммѣ, еще болѣе настаивала, чтобы я немедленно отправился въ Петербургъ. Наконецъ, я рѣшился ѣхать и прибылъ туда, на пароходѣ изъ Штетина, 25 Августа въ тотъ самый часъ, когда члены отъ Комитетовъ были собраны подъ предсѣдательствомъ І. И. Ростовцева, въ первое торжественное засѣданіе.

Я не буду здѣсь разсказывать о томъ, что дѣлали депутаты въ Петербургѣ, и какія невзгоды они тамъ испытали; все это подробно описано *въ брошюрѣ*, изданной мною въ Лейпцигѣ въ 1860 году, подъ заглавіемъ: „Депутаты и Редакціонныя Коммиссіи по крестьянскому дѣлу.“ Перечитавши теперь эту брошюру, вижу, что все въ ней написанное вѣрно и написано дѣйствительно sine ira et stadio. (Прилагаю ее къ моимъ „Запискамъ“ подъ № VI). Позволю себѣ раскazать здѣсь только то, что лично до меня относится и что, само собою разумѣется, не могло войти въ составъ упомянутой книжки.

Опасенія, которыя я имѣлъ до пріѣзда въ Петербургъ, на счетъ того, что мнѣ придется разойтись съ моими пріятелями, членами редакціонныхъ коммиссій, — кн. Черкасскимъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ, на дѣлѣ оправдались и даже въ такихъ размѣрахъ, какихъ я и не предполагалъ. Въ первый день моего пріѣзда въ Петербургъ, они сильно и настойчиво убѣждали меня, не принимать участія въ совѣщаніяхъ депутатовъ и стать на почвѣ, усвоенной редакціонными коммиссіями. Какъ на это я не могъ согласиться, то впослѣдствіи они старались узнавать отъ меня о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ депутатовъ и склонить меня имъ не вторить и напротивъ защищать предположенія редакціонныхъ коммиссій. Какъ пріятелямъ моимъ не удалось ни то, ни другое, то вскорѣ почувствовалось между нами охлажденіе.

На первомъ совѣщаніи депутатовъ у гр. Шувалова, С.-Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства и депутата отъ Петербургской губерніи, встрѣтившись съ Рязанскими кн. Волконскимъ и В. И. Офросимовымъ, я протянулъ имъ руку, и они были этимъ очень довольны и тотчасъ

послѣ засѣданія пріѣхали ко мнѣ. „Здѣсь“, сказали они мнѣ, — „мы не должны расходиться въ нашихъ мнѣніяхъ“. „Это вполнѣ зависитъ отъ васъ“, отвѣтилъ я имъ, „вамъ извѣстны мои убѣжденія и я отъ нихъ, конечно, не отступлю ни на шагъ. Положимте въ основу мой проэктъ, и намъ не трудно будетъ высказывать мнѣнія, которыя не будутъ противорѣчить одно другому“. „На это мы вполнѣ согласны“, сказали оба мои прежніе оппоненты; и дѣйствительно, во все время нашего пребыванія въ Петербургѣ, значительныхъ разногласій между нами не было; съ этого времени мы даже такъ сблизились, что впослѣдствіи, въ земскихъ собраніяхъ, почти постоянно дѣйствовали сообща.

Составивши замѣчанія на всѣ доклады редакціонныхъ коммиссій, за исключеніемъ только тѣхъ, которые относились къ выкупу, я вечеромъ отвезъ мои записки къ І. И. Ростовцеву, который во все это время былъ ко мнѣ особенно благосклоненъ, и съ которымъ въ этотъ вечеръ мы пробесѣдовали довольно долго. На другой день по утру, я получилъ отъ него записку съ приглашеніемъ посѣтить его въ 11 часовъ утра. Когда я къ нему пріѣхалъ, тотчасъ онъ меня принялъ и сказалъ мнѣ, что не знаетъ, какъ меня благодарить „за мои глубоковѣрныя, лучезарныя замѣчанія; — что теперь онъ уже никакъ меня не отпуститъ изъ Петербурга, и что я долженъ помочь коммиссіямъ въ исполненіи великаго дѣла, Высочайшею властью на нихъ возложеннаго“. Въ добавокъ Ростовцевъ мнѣ сказалъ, что всю ночь онъ читалъ мои замѣчанія и пораженъ былъ ихъ основательностью и практичностью. Я благодарилъ его за лестные его отзывы о моемъ трудѣ и изъявлялъ готовность подъ его руководствомъ еще посильно потрудиться по этому дѣлу. Черезъ недѣлю я повезъ къ генер. Ростовцеву мои замѣчанія на послѣдніе доклады коммиссіи о выкупѣ; но не засталъ его дома. На слѣдующій день я вновь отправился къ генер. Ростовцеву, но не былъ принятъ; а когда я поручилъ служителю спросить, въ какое время угодно ему приказать мнѣ пріѣхать съ послѣднею моею работою, то Ростовцевъ велѣлъ

мнѣ сказать, что я могу теперь же оставить мои бумаги. Я исполнилъ его волю; но она показалась мнѣ довольно странною. Чрезъ нѣсколько дней, я возвратился къ генер. Ростовцеву въ то время дня, когда онъ обыкновенно принималъ; но швейцаръ очень положительно сказалъ мнѣ, что генералъ не принимаетъ, чего прежде никогда не бывало. На слѣдующій день, я опять поѣхалъ къ. генер. Ростовцеву, и какъ мнѣ сказали, что онъ не принимаетъ, то я отдалъ письмо, которымъ я просилъ разрѣшить мнѣ отъѣздъ изъ Петербурга, въ случаѣ если мое присутствіе болѣе не нужно. Черезъ три дня, я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіе, что какъ, по извѣщенію предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій, мною исполнены всѣ мои обязанности, то къ отъѣзду моему не предстоитъ никакихъ препятствій. Таковъ былъ окончательный результатъ послѣдняго восторженнаго отзыва Ростовцева о моей работѣ; и мы болѣе на сей землѣ съ нимъ не видались.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, я видѣлся съ. кн. Черкасскимъ, который мнѣ сказалъ, что мои замѣчанія или вѣрнѣе сказать — мой пасквиль на труды редакціонныхъ коммиссій были Ростовцевымъ переданы *Н. А. Милютину* и ему, и что они растолковали восторженному дураку настоящій смыслъ моего труда, который достоинъ занять видное мѣсто между твореніями губернскихъ комитетовъ. Этотъ отзывъ кн. Черкасскаго разъяснилъ мнѣ до того непонятную перемѣну отношеній ко мнѣ Ростовцева, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просто меня ошеломилъ. Неужели, подумалъ я, утрачена мною способность выражать мои мысли и лишился я смысла къ пониманію значенія словъ? Для успокоенія моей совѣсти я передалъ моимъ пріятелямъ, А. Н. Попову и кн. Одоевскому, черновой экземпляръ моихъ замѣчаній съ просьбою, ихъ прочесть и сказать мнѣ: заключается ли въ нихъ что-либо похожее на пасквиль? Оба они нашли, что мои замѣчанія очень дѣльны и что въ нихъ нѣтъ и тѣни пасквиля. Перечитавши ихъ теперь, я и самъ вполнѣ убѣдился что, кромѣ раздраженнаго самолюбія, никто не могъ

найти въ моихъ замѣчаніяхъ что либо похожее на пасквиль.*)

Раскажу кстати еще одинъ анекдотъ, довольно замѣчательный.

Великая Княгиня Елена Павловна, по возвращеніи своемъ изъ за границы, пригласила меня къ себѣ, много распрашивала о томъ, что ей было уже извѣстно изъ другихъ источниковъ, и старалась подѣйствовать на меня въ смыслѣ, благопріятномъ для редакціонныхъ коммиссій. Подобныя приглашенія и попытки были ею повторены нѣсколько разъ; а затѣмъ, въ теченіи шести недѣль, я не удостоился получить отъ Ея Высочества ни одного приглашенія. По полученіи разрѣшенія на отъѣздъ изъ Петербурга, считая не приличнымъ уѣхать безъ прощальной аудіенціи у Великой Княгини, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая подвергнуть себя непріятнымъ упрекамъ съ ея стороны въ несочувствіи редакціоннымъ коммиссіямъ, я отправился, за два дня до отъѣзда, къ гофмейстеру Вел. Княгини А. А. Абазѣ съ просьбою доложить Ея Высочеству, что вынужденъ внезапно отправиться въ Москву, и что какъ она теперь не здорова, то я не осмѣливаюсь испрашивать у нея аудіенціи. Къ великому моему удивленію, въ тотъ же день я получилъ отъ Вел. Княгини приглашеніе на слѣдующій вечеръ, въ 9 часовъ. Я думалъ, что у нея въ этотъ день вечеръ, что она скажетъ мнѣ нѣсколько словъ и что тѣмъ дѣло и кончится. Въ назначенный часъ я пріѣзжаю въ Михайловскій дворецъ; вижу, что гостей тамъ нѣтъ никого; ведутъ меня черезъ цѣлый десятокъ комнатъ; и, наконецъ, въ маленькой комнатѣ на диванѣ нахожу Великую Княгиню въ полулежачемъ положеніи. „Я не хотѣла", говоритъ она мнѣ, „отпустить васъ изъ Петербурга, не простившись съ вами, и полубольная рѣшилась васъ къ себѣ принять". Затѣмъ началась у насъ

*) Эти мои замѣчанія напечатаны на 167 страницахъ въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій, въ отдѣлѣ приложеній подъ заглавіемъ: „отзывы членовъ, вызванныхъ изъ губернскихъ комитетовъ."

бесѣда, продолжавшаяся цѣлые два часа. Она распрашивала меня обо всемъ, какъ будто все это время она была на лунѣ и ничего не знала о происходившемъ въ Петербургѣ по крестьянскому дѣлу. Она дала мнѣ полную возможность обстоятельно объяснить всѣ мои дѣйствія и побудительныя къ нимъ причины. Въ 11 часовъ она меня отпустила, сказавши мнѣ самыя милостивыя слова и пригласивши ее посѣщать всегда, когда впослѣдствіи я буду въ Петербургѣ. Не могу не сказать, что она, въ этотъ разъ, еще болѣе поразила меня и своимъ умомъ, и своею ловкостью; и тѣмъ она произвела на меня, при прощаніи, самое сильное и для нея самое выгодное впечатлѣніе.

По возвращеніи изъ Петербурга (Ноябрь 1859 года), я не долго остался въ Москвѣ и поспѣшилъ въ деревню, ради хозяйственныхъ моихъ дѣлъ. Тутъ и тогда, я счелъ долгомъ изложить на бумагѣ о дѣйствіяхъ и приключеніяхъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу въ Петербургѣ. Эту записку, какъ выше сказано, я напечаталъ за границею въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: „Депутаты и редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу.“

Въ Декабрѣ, возвратился я въ Москву на зиму. Тутъ разсказамъ, сужденіямъ и спорамъ не было конца, и мы провели очень оживленную зиму. Хомяковъ вполнѣ одобрилъ мои дѣйствія въ Петербургѣ, а равно и мои замѣчанія на труды ред. коммиссій, поданныя мною І. И. Ростовцеву. Хомякова особенно оскорбляли предположенія коммиссій, клонившія къ уничтоженію или потрясенію крестьянскаго общиннаго землевладѣнія, къ введенію, въ видѣ общаго правила, приговоровъ сельскихъ сходовъ по большинству голосовъ и къ установленію страшной регламентаціи по крестьянскому самоуправленію. К. С. Аксаковъ былъ до того взбѣшенъ предположеніями ред. коммиссій, что написалъ противъ ихъ проэктовъ свои возраженія въ видѣ писемъ, которыя и напечаталъ за границею. А. С. Хомяковъ изложилъ свое мнѣніе по этому дѣлу въ письмѣ къ І. И. Ростовцеву, которое и отправилъ къ нему, а копіи съ этого письма посланы имъ были къ раз-

нымъ высоко поставленнымъ лицамъ и въ томъ числѣ къ гр. Блудову. Это письмо въ недавнемъ времени было напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1876 г., а потомъ въ полномъ собраніи сочиненій А. С. Хомякова (изд. 1878 г.).

Депутаты 2-го созыва высказались еще рѣзче противъ предположеній ред. коммиссій, но какъ они большею частью руководствовались крѣпостническими соображеніями, и какъ между ними было мало людей съ самостоятельными мнѣніями, не согласными съ взглядами большинства, то замѣчанія этихъ депутатовъ произвели на труды ред. коммиссій еще менѣе дѣйствія, чѣмъ замѣчанія первыхъ депутатовъ. Вообще настроеніе общества, особенно въ Петербургѣ, былъ крайне враждебно успѣхамъ освобожденія крѣпостныхъ людей. А потому спасибо ред. коммиссіямъ, что онѣ, видя, откуда всего сильнѣе и рѣзче идетъ неодобреніе составленныхъ ими проэктовъ, и опасаясь полнаго крушенія этого дѣла, предпочли не исправлять своего далеко не совершеннаго труда, чѣмъ затянуть дѣло освобожденія крѣпостныхъ людей и тѣмъ помочь противникамъ его въ изуродованіи или даже въ полномъ его устраненіи или, что всего чаще и хуже бываетъ, — въ нулификаціи его, т. е. въ превращеніи его въ ничто, посредствомъ изданія закона неопредѣленнаго и ничего положительнаго не постановляющаго. Великая благодарность Государю за то, что онъ, не смотря на почти общее возстаніе людей, его окружавшихъ, противъ этихъ проэктовъ, рѣшился ихъ передать въ Государственный Совѣтъ съ своимъ предварительнымъ одобреніемъ главныхъ ихъ основаній. Этимъ онъ значительно сократилъ и почти уничтожилъ готовившуюся противъ нихъ сильную оппозицію главныхъ столбовъ крѣпостничества.

Весною 1860 года разъѣхались мы по деревнямъ и никакъ не думали, что съ Хомяковымъ мы болѣе не увидимся. Вдругъ, въ концѣ Сентября, я получаю въ деревнѣ эстафетъ о его кончинѣ, послѣдовавшей 23 Сентября въ Данковскомъ его имѣніи, въ селѣ Ивановскомъ. У него открылась холера; онъ лѣчилъ себя гомеопатически, не хотѣлъ обратиться ни

къ какому врачу и, на третій день болѣзни, окончилъ свою жизнь. При его кончинѣ былъ только сосѣдъ его Л. М. Муромцевъ. Старшій сынъ Хомякова, Дмитрій, пріѣхавшій по эстафетѣ, отправленной Муромцевымъ, уже не засталъ отца въ живыхъ и могъ только присутствовать при его отпѣваніи и предварительныхъ похоронахъ. Я пріѣхалъ въ с. Ивановское уже послѣ отъѣзда сына и имѣлъ только возможность отслужить панихиду по покойномъ и поклониться временной его могилѣ. Тѣло А. С. Хомякова было послѣ перевезено въ Москву и тамъ похоронено въ Даниловомъ Монастырѣ, подлѣ прежде скончавшейся его жены. Огорченіе мое было глубокое; я чувствовалъ, какъ будто лучшая часть меня отошла изъ сего міра.

Да! Хомяковъ былъ человѣкъ болѣе чѣмъ замѣчательный; онъ соединялъ въ себѣ рѣдкія способности при необычайной для Русскаго устойчивости. Онъ былъ богословъ православный и вполнѣ разумный: даже митрополитъ Филаретъ, спрошенный по предмету французскихъ брошюръ Хомякова, не могъ не признать ихъ православности и только полагалъ несвоевременнымъ обнародованіе ихъ на русскомъ языкѣ. Русскіе гегельянцы, насмѣхавшіеся надъ русскимъ платьемъ Хомякова, надъ его постниченіемъ и его руссоманіею, не находили въ его мнѣніяхъ ни отсутствія свободнаго обсужденія, ни влеченія къ мистицизму. Французскія брошюры Хомякова, напечатанныя за границею, раскрыли многимъ русскимъ духъ, смыслъ и значеніе православія и произвели сильное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ разумныхъ католиковъ и на протестантовъ, чувствовавшихъ въ своемъ церковномъ ученіи недостатокъ въ вѣрѣ и душевную въ ней потребность. Творенія Хомякова по этой части еще слишкомъ мало оцѣнены и должны въ будущемъ имѣть на человѣчество значительное дѣйствіе. Хомяковъ не былъ приверженцемъ нѣмецкой философіи, господствовавшей у насъ въ то время: онъ отдавалъ полную справедливость заслугамъ и достоинствамъ Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля; но онъ находилъ, что ихъ ученія страдаютъ безпочвенностью и что они такъ искусственно

и многосложно построены потому, что западное любомудріе утратило единый, возможный путь къ истинѣ. Какъ поэтъ и литераторъ, Хомяковъ положилъ въ русскую сокровишницу значительныя лепты, которыя имѣютъ особенную цѣнность потому, что онъ едва ли не единственный Русскій, который во всю жизнь, съ дѣтства и до гроба, неизмѣнно высказывалъ одни и тѣ же чувства и убѣжденія и постоянно старался направлять русскій умъ и сердце къ людямъ своимъ или единоплеменнымъ и къ предметамъ близкимъ и туземнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи, Хомяковъ оказалъ намъ, Русскимъ, услугу громадную. До него *отчизнолюбіе* и *отчизновѣдѣніе* проявлялись въ тощихъ, узкихъ и отчасти смѣшныхъ выходкахъ Шишкова и комп. Хомяковъ *первый* проникся истиннымъ духомъ русскаго народа и его исторіи и указалъ намъ настоящія наши нужды и потребности, наши народныя свойства и ту цѣль, къ которой мы должны стремиться. Онъ дѣйствительно былъ источникомъ новаго у насъ умственнаго направленія, которое прозвано нашими противниками славянофильскимъ, — но которое много объемистѣе и существеннѣе того, что подъ этимъ словомъ обыкновенно понимается и, конечно, благодарнымъ потомствомъ будетъ признано истинно русскимъ. Вѣчная память тебѣ, благовѣстителю!

Глава XI.

Отмѣна откупной системы.

По оставленіи мною откуповъ — въ 1849 или 1850 году, я составилъ *записку о необходимости замѣны откуповъ введеніемъ акцизнаго сбора* съ вина и пива. Я доказывалъ въ этой запискѣ, что откупа столь же вредны для народа и государства, — сколько они невыгодны и для казны; — что они развращаютъ народъ, препятствуютъ улучшенію его хозяйства и извлекаютъ изъ него всякими, самыми предосудительными способами послѣднія его трудовыя деньги; — что нѣтъ

возможности и думать о сокращенiи взяточничества, пока будутъ существовать привилегированные нарушители законовъ, вынужденные своимъ положенiемъ подкупать агентовъ власти; и что изъ тяжелаго питейнаго налога, при благопрiятныхъ обстоятельствахъ, часть его поступаетъ въ казну, а остальное въ карманы откупщиковъ, а при недовыручкахъ, казна должна не только разсрочивать платежи, но и слагать откупщичьи недоимки. Изъ этого я выводилъ необходимость уничтоженiя откуповъ и замѣны ихъ прямымъ акцизнымъ сборомъ въ пользу казны съ вина и пива. Эту записку, въ свое время, я препроводилъ къ министру финансовъ г. *Врончено;* никакого извѣстiя о дальнѣйшей судьбѣ ея я не имѣлъ. Проходитъ десять лѣтъ и вдругъ я получаю отъ министра финансовъ г. *Княжевича*, со ссылкою на упомянутую записку, приглашенiе принять участiе въ коммиссiи, учреждаемой въ Петербургѣ съ цѣлью составленiя проэкта о замѣнѣ откуповъ системою акцизнаго сбора. Коммиссiя эта, подъ предсѣдательствомъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, должна была состоять изъ нѣсколькихъ сановниковъ и чиновниковъ и изъ приглашенныхъ винокуренныхъ заводчиковъ. Будучи съ давнихъ временъ хорошо знакомъ съ г. Заблоцкимъ и живо интересуясь разрѣшенiемъ предлежащей задачи, я принялъ приглашенiе и въ Ноябрѣ отправился въ Петербургъ.

Членами коммиссiи были: *К. К. Гротъ* (директоръ департамента не окладныхъ сборовъ), *М. Х. Рейтернъ* (тогда только что возвратившiйся изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и уже предназначавшiйся въ преемники Княжевича), нѣсколько предсѣдателей казенныхъ Палатъ, и академики — *Купферъ, Якоби* и *Фришъ*. Изъ винокуренныхъ заводчиковъ были приглашены *А. А. Абаза, А. А. Гогемейстеръ* (братъ Ю. А.), я и нѣкоторые другiе. Въ первомъ же засѣданiи положено было образовать четыре подкоммиссiи: 1-ую административную подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота; 2-ю винокуренную подъ моимъ предсѣдательствомъ; 3-ю пивоваренную, въ которой не знали, кого назначить предсѣдателемъ, — предлагали мнѣ, но послѣ моего отказа, принялъ въ ней пред-

сѣдательство по необходимости К. К. Гротъ; наконецъ, 4-ю ученую подъ предсѣдательствомъ академика *Купфера*. Всѣ подкоммиссіи принялись за дѣло очень усердно; въ началѣ мы собирались въ засѣданія почти ежедневно; предсѣдатель общей коммиссіи, г. Заблоцкій, присутствовалъ почти во всѣхъ подкоммиссіяхъ, не стѣсняя насъ тѣмъ ни мало, а желая только обстоятельнѣе ознакомиться съ порученнымъ ему дѣломъ. Каждый изъ насъ имѣлъ право участвовать, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ засѣданіяхъ всѣхъ подкоммиссій.

Самая важная изъ подкоммиссій была винокуренная: тутъ происходили самыя жаркія и самыя продолжительныя пренія. Всѣ члены были, конечно, за отмѣну откуповъ; но затѣмъ подлежали разрѣшенію весьма важные вопросы. Главными работниками по этой подкоммиссіи были *А. А. Гагемейстеръ* и я. Оба мы были за замѣну откуповъ акцизомъ съ емкости квасильныхъ чановъ, съ предоставленіемъ заводчикамъ права затирать что́ и сколько чего угодно, т. е. за Прусскую систему. Какъ намъ вмѣнено было въ обязанность только удержать цифру тогдашняго дохода (106 мил. руб.), и какъ этого результата можно было достигнуть установленіемъ четырехъ-копѣечнаго акциза съ градуса алкоголя, то эта система была еще возможна: не убыточна для казны и весьма удобна для заводчиковъ. Но члены отъ правительства, т. е. чиновники-администраторы и во главѣ ихъ К. К. Гротъ, — безусловно отвергали эту систему и предлагали акцизъ съ выкуреннаго вина, принимая емкость квасильныхъ чановъ только какъ основаніе къ опредѣленію недокура и перекура. Вслѣдствіе этого разногласія, пренія были нескончаемыя; большинство — всѣ члены администраторы, — стояли за послѣднюю систему, а мы заводчики — за первую. Никакого соглашенія послѣдовать не могло. Наконецъ, предложеніемъ министра финансовъ былъ положенъ конецъ нашимъ преніямъ; и мы должны были приступить къ выработкѣ проэкта, на основаніи имъ указанномъ и вполнѣ согласномъ съ мнѣніемъ большинства. Въ засѣданіяхъ этой подкоммиссіи почти постоянно участвовали всѣ члены коммиссіи

и самъ предсѣдатель. Безпрестанно возникали весьма важные вопросы, а потому пренія были самыя оживленныя. Къ Февралю работа подкоммиссіи пришла къ концу; въ Мартѣ и Апрѣлѣ мы собирались почти ежедневно въ общей коммиссіи; и къ Маю проэктъ положенія о питейномъ сборѣ былъ готовъ и нами подписанъ. Затѣмъ, онъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ, по предложенію министра финансовъ, сдѣланы были въ немъ только двѣ существенныя перемѣны: акцизъ съ 4 коп. поднятъ на 5 за градусъ спирта, и продажа вина подчинена надзору акцизныхъ чиновниковъ и полиціи. Черезъ послѣднее измѣненіе, слова: „вольная торговля", сохраненныя въ Положеніи, сдѣлались чистою безсмыслицею. За нашу работу по коммиссіи Гагемейстеръ и я получили ордена Владиміра 3-й степени.

Не могу, при этомъ случаѣ, не разсказать одного забавнаго анекдота. Когда проэктъ Положенія объ акцизномъ сборѣ былъ Высочайше утвержденъ и предполагалось представить меня къ наградѣ, то А. П. Заблоцкій не рѣшился украсить меня этимъ орденомъ, не снесшись со мною предварительно и не получивши отъ меня согласіе на принятіе этой награды. Это произошло вслѣдствіе того, что Ю. Ѳ. Самаринъ, получивъ такой же орденъ за свои труды по крестьянскому дѣлу, возвратилъ его, при заявленіи, что онъ не считаетъ возможнымъ, за общественное дѣло, принять награду отъ Правительства. Я отвѣтилъ А. П. Заблоцкому, что приму награду съ благодарностью, ибо считаю, что потрудился и кой-что сдѣлалъ для Правительства.

Положеніе, нами составленное, имѣло, конечно, свои и довольно значительные недостатки, происходившіе главнѣйше отъ того, что большинство членовъ было заражено бюрократизмомъ; — состоя изъ чиновниковъ, могло ли оно иначе и дѣйствовать? Мы, заводчики, были безпрестанно заподозрѣваемы въ преслѣдованіи нашихъ частныхъ интересовъ; посредниковъ же, т. е. людей нейтральныхъ, коихъ положеніе придавало бы авторитетъ ихъ мнѣніямъ, между членами коммиссіи не было. Но главныя неудобства акцизной систе-

мы, которую вскорѣ стали ругать почти столько же, сколько прежніе откупа, произошли отъ того, что безчисленнымъ множествомъ циркуляровъ и отъ министерства, и отъ департамента неокладныхъ сборовъ, все болѣе и болѣе запутывали и затемняли статьи самаго положенія. Масса выпущенныхъ разъясненій и дополненій не замедлили образовать такой ворохъ ordres и contre ordres, что сами ихъ творцы потеряли голову и безпрестанно себѣ противорѣчили. Таковы необходимыя послѣдствія бюрократизма!

Во время этого моего пребыванія въ Петербургѣ, меня пригласили быть членомъ въ другихъ двухъ коммиссіяхъ: по начертанію *проэкта нормальнаго устава для поземельныхъ банковъ,* и по разсмотрѣнію составленнаго (кажется, въ министерствѣ юстиціи) *проэкта гипотечнаго положенія.* Мы составили первый, который впослѣдствіи и былъ утвержденъ, и высказали мнѣніе вполнѣ не благопріятное относительно втораго. Прошло съ тѣхъ поръ чуть-чуть не двадцать лѣтъ, а проэкты положенія или уставы о гипотечномъ обезпеченіи продолжаютъ странствовать изъ коммиссіи въ коммиссію, замерзаютъ по временамъ среди петербургскихъ льдовъ или садятся на тамошнія мели и никакъ не могутъ благополучно войти въ желанную пристань. А вѣдь дѣло тогда, какъ и послѣ было неотложное.

Въ это мое пребываніе въ Петербургѣ, я довольно коротко познакомился съ нѣсколькими лицами, которыя принимали болѣе или менѣе значительное участіе въ дѣлахъ администраціи. Я сошелся еще болѣе съ А. П. Заблоцкимъ, человѣкомъ умнымъ, просвѣщеннымъ, трудолюбивымъ и благонамѣреннымъ. Онъ былъ очень полезенъ своею службою по министерству государственныхъ имуществъ при гр. Киселевѣ и какъ статсъ-секретарь по Государ. Совѣту. Думаю, что, по званію члена этого Совѣта, онъ былъ въ состояніи оказать не малыя заслуги. Его книга о Прусскихъ финансахъ замѣчательна — Тутъ я познакомился съ *Юльемъ* и *Андреемъ Андр. Гагемейстерами,* съ К. К. Гротомъ, М. К. Рейтерномъ и *В. П. Безобразовымъ.* Оба Гагемейстеры были

весьма умны и образованы; но Андрей, мой товарищъ по акцизной коммиссіи, былъ много дѣльнѣе брата, хотя и являлся часто чисто-кровнымъ остзейцемъ. Гротъ, только что назначенный изъ губернаторовъ въ директоры департамента неокладныхъ сборовъ, былъ человѣкъ умный, милый, благонамѣренный, но совершенно не свѣдущій въ финансовомъ дѣлѣ. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта и занимался по департаменту государственной экономіи, но едва ли отъ того усилились и усовершенствовались его финансовыя способности и свѣдѣнія. Рейтернъ говорилъ въ засѣданіяхъ коммиссій мало, но казался человѣкомъ не глупымъ и пуще всего разсудительнымъ, осторожнымъ и добросовѣстнымъ. Какъ впослѣдствіи это о немъ мнѣніе оказалось ошибочнымъ! Изо всѣхъ бывшихъ у насъ министровъ финансовъ ни одинъ не надѣлалъ столько самыхъ грубыхъ финансовыхъ ошибокъ, не рѣшался такъ легкомысленно или безсмысленно на дерзкія и не всегда безкорыстныя предпріятія и не причинилъ Россіи столько вреда, сколько Рейтернъ, казавшійся сперва осторожнымъ и честнымъ человѣкомъ.*) В. П. Безобразовъ, нашъ товарищъ по банковой коммиссіи, гдѣ онъ былъ и дѣлопроизводителемъ, отличался трудолюбіемъ, благонамѣренностью и либерализмомъ, но менѣе практичностью и дѣльностью взгляда и сужденія по финансовому и въ особенности по банковому дѣлу, чѣмъ стремленіемъ пересадить въ Россію всякія иноземныя измышленія.

Вообще пребываніе мое въ Петербургѣ произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Открывшаяся борьба въ административномъ кругѣ и въ обществѣ между приверженцами старыхъ порядковъ и правилъ и сторонниками нововведеній и преобразованій видимо усиливалась и грозила обезсилить дѣйствія Правительства и дать перевѣсъ придворной партіи, съ негодованіемъ относящейся къ возвѣщеннымъ реформамъ.

---

*) Это писано въ 1872 году. Съ тѣхъ поръ преемники его, идя тѣмъ же путемъ, значительно его перещеголяли.

Глава XII. (1861—1862.)

19 Февр. 1861 г. — Новыя условія хозяйствованія. — Зима 1861—1862 г. „Моск. общ. сельскаго хозяйства и предсѣдательство въ немъ.“ — Брошюра о Земской Думѣ: „Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія?“ — Книга: „Конституція, самодержавіе и Земская Дума.“ — Отъѣздъ за границу. Бар. Гакстгаузенъ. — 2-я Всемірная выставка въ Лондонѣ, 1862 г. — Зима 1862—1863 г. — Семейное значеніе 1863 года.

Наконецъ, настало *19 Февраля 1861 года*. Всѣ положенія по крестьянскому дѣлу были Высочайше утверждены; но они не были обнародованы въ этотъ день только потому, что это число пришлось на масляницѣ, и что боялись безпорядковъ на этой пьяной недѣлѣ. Обнародованіе произошло почти во всей Россіи на первой недѣлѣ Великаго поста. Все совершилось тихо и спокойно. Всѣ предсказанія о волненіяхъ, безчинствахъ и даже бунтахъ въ крестьянствѣ оказались вполнѣ неосновательными. Если кой гдѣ и были небольшіе безпорядки, то они происходили отъ распоряженій мѣстной администраціи, черезъ-чуръ усердствовавшей при обнародованіи Высочайшаго манифеста.

Возвратившись въ Москву, я тамъ долго не остался, а поспѣшилъ съ семействомъ въ деревню, гдѣ слѣдовало вводить новый порядокъ хозяйства.

Крестьяне приняли дарованную имъ свободу очень благодушно и скромно, — безъ всякихъ шумныхъ изъявленій радости и безъ бурныхъ попытокъ пользованія волею. Всего труднѣе было: завести у нихъ правильное самоуправленіе, соблюденіе заключенныхъ ими условій и охраненіе помѣщичьихъ полей отъ потравы и помѣщичьихъ лѣсовъ отъ порубокъ; лѣса крестьяне продолжали считать своими и безъ удержи пускали въ нихъ своихъ лошадей. Надо отдать справедливость русскому дворянству: оно доставило въ началѣ *великолѣпныхъ посредниковъ*. Эти общественные дѣятели, за не многими исключеніями, дѣйствовали въ первые шесть лѣтъ, вовсе не въ сословномъ духѣ, а старались установить порядокъ, равно безобидный для землевладѣльцевъ и для кресть-

янъ. Уставныя грамоты были составлены и утверждены въ положенный двухъ годичный срокъ и надъ этимъ посредники вообще много и хорошо потрудились.

Осенью 1861 года, я предложилъ всѣмъ своимъ крестьянамъ переходъ съ барщины на оброкъ или на выкупъ; но они не согласились. Проявились по деревнямъ добрые люди, которые стали внушать крестьянамъ, чтобы они не шли ни на какія сдѣлки съ помѣщиками; — что вскорѣ выйдетъ новая воля съ предоставленіемъ имъ даромъ не только всего ихъ надѣла, но и всей остальной помѣщичьей земли; и что останутся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ только тѣ крестьяне, которые до того вошли съ ними въ какія-либо добровольныя сдѣлки. Крестьяне охотно вѣрили этимъ людямъ, и потому даже переходы на оброкъ, во многихъ мѣстностяхъ, пріостановились. У меня крестьяне, большею частью, въ слѣдующемъ году перешли на оброкъ; и мнѣ предстояло заняться устройствомъ вольнонаемной обработки полей.

Не такъ трудно было завести орудія, лошадей и для нихъ сбрую, какъ нанятыхъ рабочихъ заставить исполнять принятыя ими на себя обязанности и работать не побарщински, а какъ слѣдуетъ вольнымъ рабочимъ, получающимъ жалованіе и хорошія харчи. Это было чрезвычайно затруднительно въ первое время; но, къ прискорбію, эти трудности не устранены и по настоящее время, и главнѣйше потому, что крестьянское самоуправленіе идетъ вообще плохо. Въ этомъ особенно виноваты посредники, послѣдовавшіе за первыми: сколько прежніе посредники были дѣятельны и заботливы о крестьянахъ, столько ихъ преемники были лѣнивы, нерадивы и своими дѣйствіями воскрешали плохихъ помѣщиковъ былаго времени. Прямыхъ ослушаній со стороны рабочихъ было мало; но они портили лошадей и орудія и вообще работали лѣниво. Предстояло ихъ перевоспитывать, и это — трудъ былъ не малый. Они уходили домой и крестьянское начальство не оказывало надлежащей помощи къ ихъ возвращенію къ хозяевамъ. Лѣто провелъ я въ большихъ хлопотахъ и не малыхъ непріятностяхъ; съ радостью встрѣ-

тилъ зиму, которая давала мнѣ возможность нѣсколько отдохнуть въ Москвѣ. Но я нѣсколько забѣжалъ впередъ, а потому необходимо возвратиться вспять.

Зима 186½ года прошла въ Москвѣ довольно скучно; слышны были жалобы хозяевъ на затрудненія при удержаніи барщины и при устройствѣ вольнонаемной обработки полей, на разореніе помѣщиковъ, на нелѣпые распорядки мѣстной администраціи и пр. Слухи изъ Петербурга приходили самые грустные: партія реакціи брала рѣшительно верхъ надъ тѣми административными лицами, которыя желали продолженія реформъ. Цензура становилась все безсмысленнѣе и строже. Послѣ оживленныхъ и дѣльныхъ предшествовавшихъ годовъ, наставала какая-то странная, противорѣчіями исполненная, душу подавлявшая пора.

Раскажу здѣсь, что́ мнѣ доставило честь быть представителемъ въ „*Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства*“ и что́ особенно замѣчательнаго тамъ произошло во время моего предсѣдательства. Долго это общество имѣло предсѣдателемъ кн. Сергѣя Ивановича Гагарина, человѣка весьма умнаго, всѣми любимаго и уважаемаго, а непремѣннымъ секретаремъ *С. А. Маслова*. Сколько первый былъ привлекателенъ, милъ и добръ, но характеромъ нѣсколько слабъ, столько послѣднiй позволялъ себѣ деспотствовать и былъ особенно непріятенъ для новаго поколѣнія членовъ. Въ теченіе сорока лѣтъ г. Масловъ былъ почти единственнымъ работникомъ въ обществѣ, котораго почти все существованіе сосредоточивалось въ дѣятельности непремѣннаго его секретаря; вслѣдствіе того, онъ привыкъ дѣлать, что́ хотѣлъ, не обращая вниманія на потребности тѣхъ членовъ, которые дѣйствительно считали себя таковыми, а не просто пѣшками въ рукахъ непремѣннаго секретаря. Въ послѣднее время, особенно передъ освобожденіемъ крѣпостныхъ людей, умы вообще, а также и въ „Обществѣ сельскаго хозяйства“, замѣтно оживились и требовали самостоятельной и свободной дѣятельности; но г. Масловъ не признавалъ нужнымъ удовлетвореніе этой возникавшей потребности и хотѣлъ вести дѣло по прежнему.

Вслѣдствіе этого происходили между непремѣннымъ секретаремъ и членами общества столкновенія и случались даже скандалы. Престарѣлый кн. Гагаринъ сталъ уклоняться отъ предсѣдательствованія и его мѣсто часто занималъ вице-президентъ общества *С. П. Шиповъ*, который велъ дѣло очень неловко; часто спускалъ г. Маслову вовсе неприличныя выходки, а иногда и самъ прерывалъ пренія произвольно или закрывалъ засѣданія совершенно неумѣстно. Выведенные изъ терпѣнія члены общества, въ числѣ одиннадцати, сдѣлали предложеніе о пересмотрѣ устава общества; но долго это предложеніе не становилось на очередь для обсужденія. Наконецъ, собравшіеся въ засѣданіе члены, значительнымъ большинствомъ, въ Декабрѣ 1859 года, потребовали назначенія чрезвычайнаго засѣданія для обсужденія сдѣланнаго одиннадцатью членами предложенія. Въ назначенное засѣданіе съѣхалось очень много членовъ; предсѣдательствовалъ вице-президентъ; и избрана была коммиссія изъ девяти членовъ, въ которую поступили люди, очень непріятные какъ для вице-президента, такъ еще болѣе для непремѣннаго секретаря. Коммиссія эта избрала меня своимъ предсѣдателемъ, и мы ревностно принялись за дѣло. Въ Январское (1860 г.) засѣданіе, я уже имѣлъ возможность заявить въ ординарномъ засѣданіи общества, что работа коммиссіи почти готова, и просилъ назначить въ первыхъ числахъ Февраля экстраординарное засѣданіе для выслушанія доклада коммиссіи. Какъ въ послѣднихъ числахъ Января предстояло годичное собраніе, то экстраординарное засѣданіе было назначено на 7 Февраля. Въ годичномъ засѣданіи прочтено было прекрасное посланіе кн. Гагарина, который, по преклонности лѣтъ и упадку силъ, сложилъ съ себя президентство. Тотчасъ было рѣшено единогласно просить кн. *Гагарина* принять званіе почетнаго президента и положено было составить и чрезъ депутацію поднести ему адресъ. 7-го Февраля собрались члены общества; но г. Вице-президентъ, по болѣзни, передалъ предсѣдательствованіе члену совѣта, г. Альфонскому. По прочтеніи доклада коммиссіи, послѣдовали пренія о томъ, какъ лучше и успѣш-

нѣе обсудить выработанныя дополненія къ уставу. Всѣ нами предложенныя по сему предмету мѣры были приняты, а поправки, предложенныя, г. Масловымъ, были отклонены. Рѣшено было между прочимъ докладъ коммиссіи съ приложеніями напечатать и разослать къ членамъ; слѣдующее же засѣданіе было назначено на 16 Февраля. Въ этотъ вечеръ собрались члены; но ни вице-президентъ, ни членъ совѣта, г. Альфонскій, долженствовавшій предсѣдательствовать, не прибыли въ засѣданіе, а письменно заявили, что слагаютъ съ себя эти званія; непремѣнный же секретарь, по болѣзни, передалъ исправленіе своей должности помощнику секретаря, г. Киттарѣ. Вслѣдствіе этого рѣшено было избрать одного изъ наличныхъ членовъ собранія предсѣдательствующимъ въ этомъ засѣданіи. По запискамъ эта обязанность была возложена на меня. То-же соблюдалось и въ слѣдующія засѣданія; но когда впослѣдствіи я заявилъ, что общество, имѣя земледѣльческую школу, хуторъ и другія заведенія, не можетъ оставаться безъ административнаго органа, что нѣкоторыя распоряженія необходимы, а совѣта теперь нѣтъ, что безпрестанно обращаются ко мнѣ, какъ къ предсѣдательствовавшему въ засѣданіяхъ, за разными разрѣшеніями, которыхъ, разумѣется, я дать не могу, и что поэтому необходимо что-либо установить въ устраненіе упомянутыхъ неудобствъ. Тогда рѣшено было избрать временно исправляющихъ должности президента и вице-президента. Первымъ избранъ былъ я, а послѣднимъ *Ѳ. В. Чижовъ*. Въ засѣданіяхъ общества разсматривали дополненія къ уставу, предложенныя коммиссіею, очень усердно и разумно. Засѣданія бывали по два и по три раза въ недѣлю; число съѣзжавшихся членовъ всегда было значительное; пренія были очень оживленныя и продолжительныя; иногда оканчивались они послѣ полуночи. Въ восемь засѣданій, въ теченіе одного мѣсяца, все дѣло было покончено и 8-го Марта всѣ дополненія къ уставу были утверждены обществомъ. Какъ послѣднею статьею Высочайше утвержденнаго устава „общества“ предоставлено ему было „присовокупить къ уставу еще нѣкоторыя статьи, дол-

женствующія имѣть такую же силу, какъ бы включены были въ самый уставъ", то, въ засѣданіи 8-го Марта, признано было ненужнымъ представлять принятыя обществомъ дополненія на утвержденіе въ Петербургъ, а положено немедленно ввести ихъ въ дѣйствіе. Вслѣдствіе такого рѣшенія, назначено было засѣданіе для выбора всѣхъ должностныхъ лицъ общества; и были избраны президентомъ я, вице-президентомъ кн. Л. Н. Гагаринъ, а секретаремъ г. Киттара. С. А. Масловъ прислалъ очень энергичный протестъ противъ совершившихся дѣйствій „Общества". Лѣтомъ или осенью онъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ уничтоженіи беззаконій „Общества"; и получена была бумага отъ министра государственныхъ имуществъ, которою требовалось представленіе на утвержденіе высшаго правительства принятыхъ обществомъ дополненій къ уставу. Тогда общество положило ходатайствовать о разрѣшеніи ему окончательно пересмотрѣть и дополнить уставъ не тотчасъ, а послѣ годичнаго испытанія, введенныхъ дополненій, и тогда представить новый проэктъ на утвержденіе высшаго правительства. Это ходатайство было уважено.

Случилось еще въ „Обществѣ" въ 1862 году нѣчто, заслуживающее разсказа. Состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго всѣ сельско-хозяйственныя общества обязаны были не иначе учреждать отдѣлы и постоянные комитеты, какъ испросивши на то предварительно разрѣшеніе министра государственныхъ имуществъ. Получивши такой циркуляръ, я отвѣтилъ министру, что это Высочайшее повелѣніе не должно относиться къ Московскому обществу сельскаго хозяйства, ибо уставомъ ему предоставлено право учреждать отдѣлы и комитеты, а особыми Высочайшими грамотами за нимъ подтверждены всѣ права, прежде ему дарованныя. Но министръ отвѣтилъ, что вновь состоявшееся Высочайшее повелѣніе относится до всѣхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, а слѣдовательно и до Московскаго, и требовалъ, чтобы послѣднее немедленно приняло это повелѣніе къ исполненію. Тогда я внесъ эти бумаги сперва въ совѣтъ, а

потомъ, съ его согласія, и въ „Общество" съ докладомъ, въ которомъ обстоятельно были изложены законы и соображенія по сему предмету и предлагалось обществу — ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о сохраненіи за обществомъ права, прежде ему дарованнаго. Это предложеніе было единогласно принято собраніемъ и затѣмъ отправлено въ Петербургъ. Но тамъ оно не понравилось, и я получилъ лѣтомъ въ деревнѣ отъ министра отношеніе, которымъ онъ мнѣ сообщилъ, что докладывалъ Государю Императору о ходатайствѣ „Общества", и что Высочайше повелѣно дѣйствіе упомянутаго повелѣнія объ отдѣлахъ и комитетахъ распространить и на „Московское общество сельскаго хозяйства", а президенту и совѣту объявить Высочайшее строгое замѣчаніе „за возбужденную неумѣстную переписку и настоятельное ходатайство, дабы не распространялось на „Московское общество" объявленной министромъ государственныхъ имуществъ положительно выраженной Высочайшей воли о порядкѣ учрежденія при всѣхъ обществахъ постоянныхъ комитетовъ или отдѣловъ". Препровождая въ „Общество" это отношеніе министра, я повторилъ, въ особомъ посланіи къ „Обществу" мое глубокое убѣжденіе въ полной законности нашего ходатайства и высказалъ глубокую скорбь о полученномъ строгомъ замѣчаніи и сердечную боязнь, не согласнымъ съ г. Министромъ пониманіемъ законовъ, вновь навлечь на „Общество" и на себя Высочайшій гнѣвъ; вслѣдствіе чего и считалъ долгомъ сложить съ себя званіе президента. Слухъ объ этихъ полученныхъ въ „Обществѣ" бумагахъ быстро распространился между членами и привлекъ въ первое осеннее засѣданіе очень значительное ихъ число. Произошли жаркія пренія между С. А. Масловымъ, сильно меня обвинявшимъ, и гг. Чижовымъ, Кишкинымъ, Давыдовымъ и многими другими, горячо меня защищавшими. Результатомъ преній было то, что собраніе, большинствомъ всѣхъ голосовъ кромѣ одного, (С. А. Маслова), выразило мнѣ благодарность за мои добросовѣстные и полезные труды по „Обществу" и назначило чрезвычайное засѣданіе для произ-

водства выборовъ президента и тѣхъ членовъ совѣта, которые также сложили съ себя эти званія. Въ назначенный день, съѣхалось очень много членовъ и почти единогласно избрали меня президентомъ; при чемъ раздались громкія и продолжительныя рукоплесканія. Это вывело изъ себя С. А. Маслова, который позволилъ себѣ по этому поводу такія слова, что многіе члены закричали: „вонъ, вонъ Маслова.“ Прочіе члены совѣта были также вновь избраны.

Получивъ въ деревнѣ изъ Москвы какъ оффиціальное, такъ и частныя увѣдомленія о происшедшемъ въ „Обществѣ“, я оффиціально ничего не отвѣчалъ, а частно написалъ какъ вице-президенту, такъ и другимъ своимъ пріятелямъ, что отъ души благодаренъ имъ за добрыя ихъ ко мнѣ отношенія, — что считаю невозможнымъ теперь дать какой-либо рѣшительный отвѣтъ, — что поѣду въ Петербургъ, объяснюсь съ министромъ и тогда сообщу мое окончательное рѣшеніе. Въ концѣ Ноября я былъ уже въ Петербургѣ и у министра, которымъ тогда былъ *А. А. Зеленой.* Я объяснилъ ему очень обстоятельно причины, побудившія меня, совѣтъ и „Общество“ отстаивать дарованныя намъ права, удостовѣрилъ, что никто не имѣлъ въ виду ни при ходатайствѣ, ни при вторичномъ избраніи меня въ президенты, произвести оппозиціонную демонстрацію, и доложилъ ему, что этого званія я еще не принялъ, что не желаю становить „Общество“ въ непріятныя отношенія къ министерству и что вступлю въ должность президента въ томъ только случаѣ, если получу на то искреннее соизволеніе его высоко-превосходительства. Министръ *А. А. Зеленой* принялъ и выслушалъ меня очень благосклонно и отвѣчалъ мнѣ весьма благодушно; мы расцѣловались, и онъ обѣщалъ исполнить по возможности всѣ представленія общества. Это слово онъ сдержалъ добросовѣстно.

По возвращеніи въ Москву, я немедленно вступилъ въ должность президента и зимою, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующіе годы, засѣданія общества и вновь заведенныя бесѣды были и частыя, и весьма оживленныя. О чемъ мы не

толковали? И о разныхъ системахъ полеводства, и о всякихъ сельско-хозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ, и о выписныхъ сѣменахъ, коровахъ, быкахъ, овцахъ и свиньяхъ, и о рабочихъ книжкахъ, и о сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ и о поземельномъ кредитѣ и пр. пр. Рѣчи произносились и длинныя и краткія, и дѣльныя и пустыя, и блестящія и скучныя. Тутъ образовались тѣ ораторы, которые впослѣдствіи отличались въ земскихъ и городскихъ нашихъ собраніяхъ. Много учреждалось въ „Обществѣ", по разнымъ предметамъ, особыхъ коммиссій; и надо отдать имъ справедливость, что онѣ вообще работали усерднѣе и производительнѣе, чѣмъ нынѣшнія наши земскія и особенно думскія коммиссіи. Такъ шла дѣятельность нашего „Общества", и не было болѣе столкновеній ни съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, ни съ С. А. Масловымъ. Я пробылъ президентомъ общества до переселенія моего въ Варшаву, откуда въ Сентябрѣ 1864 года я увѣдомилъ „Общество", что за отсутствіемъ изъ Москвы, слагаю съ себя званіе президента.

Въ разсказѣ о моей дѣятельности по „Московскому обществу сельскаго хозяйства", я зашелъ нѣсколько впередъ по времени; а потому нужно возвратиться назадъ.

Въ теченіе зимы 1861/2 г., а именно между половинами Декабря и Января, я съѣздилъ въ Дрезденъ, гдѣ жена моя, по причинѣ нездоровія, проводила зиму. Осенью и въ началѣ зимы я написалъ *рядъ статей*, въ которыхъ я излагалъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ Россіи и указывалъ на единственный, по моему мнѣнію, путь къ ихъ упорядоченію. Напечатать эти статьи въ Россіи — было невозможно; а потому я рѣшился издать ихъ за границею, подъ заглавіемъ: „Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія." Я воспользовался моею поѣздкою за границу, для исполненія этого намѣренія, и напечаталъ эту книжку въ Лейпцигѣ. Въ ней наши внутреннія обстоятельства были изложены довольно вѣрно и наглядно, и, думаю, въ первый разъ печатно была высказана мысль, что для завершенія дѣла освобожденія крѣпостныхъ людей, для прекращенія существовавшихъ у насъ

вездѣ безпорядковъ и злоупотребленій и для водворенія единства и большаго смысла въ управленіи вообще, необходимо призвать на совѣтъ, какъ-то дѣлалось въ прежнія времена, представителей изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи, т. е. созвать *общую земскую думу.* Эта моя книжка прошла не безслѣдно; многіе соотечественники выразили мнѣ сочувствіе къ высказаннымъ въ ней мнѣніямъ; а баронъ *Гакстгаузенъ* напечаталъ ее въ нѣмецкомъ переводѣ, снабдивъ ее написаннымъ имъ введеніемъ, въ которомъ онъ воздалъ хвалы автору и подтвердилъ вѣрность его описанія и дѣльность его предположеній. Но мнѣ были сдѣланы и словесно, и письменно разныя возраженія и въ особенности противъ моего мнѣнія о необходимости удержанія самодержавія для Россіи и о непригодности для нея существующихъ въ западной Европѣ конституцій. Многіе думали, что я такъ высказался только потому, что желалъ этимъ средствомъ обезпечить себѣ безопасный возвратъ и пребываніе въ Россіи. Это побудило меня написать и издать въ Лейпцигѣ лѣтомъ 1862 года, *новую книжку* подъ заглавіемъ: „Конституція, самодержавіе и земская дума.“ Въ этой книжкѣ я еще болѣе уяснилъ свои мысли о самодержавіи и конституціи; старался доказать необходимость перваго и непригодность послѣдняго для Россіи и обстоятельно отвѣчалъ на сдѣланныя мнѣ по этимъ предметамъ возраженія. Эту книжку написалъ я за границею и напечаталъ въ три дня въ Лейпцигѣ передъ возвращеніемъ въ Россію.

Пребываніе жены за границею, желаніе видѣть вторую Лондонскую выставку, здоровье мое, нѣсколько потрясенное разными хлопотами и непріятностями, и пуще всего потребность въ оживленіи себя послѣ мертвящаго бездѣйствія, наступившаго вслѣдъ за крайне возбужденными годами 1858—1861, рѣшили меня въ Іюнѣ 1862 года ѣхать въ Карлсбадъ, а оттуда въ Англію на 2-ю Всемірную Лондонскую выставку.

Въ Карлсбадѣ я встрѣтилъ барона *Гакстгаузена,* котораго я не видалъ съ его отъѣзда изъ Россіи, т. е. съ 1844 года; а между тѣмъ такъ много новаго и великаго соверши-

лось въ Россіи; а потому нашимъ бесѣдамъ не было конца. Между прочимъ я благодарилъ его за переводъ моей брошюры, произведенной подъ его наблюденіемъ и за его предисловіе къ ней. Мы постоянно видѣлись на прогулкахъ, часто вечеромъ пили съ нимъ шоколадъ, не рѣдко навѣщали другъ друга на нашихъ квартирахъ и сверхъ того были много разъ приглашены на обѣды и ранніе вечера къ Вел. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Главнымъ предметомъ разговора было совершившееся въ Россіи освобожденіе крѣпостныхъ людей. Онъ сознавался, что никогда не воображалъ, чтобы такое великое дѣло могло совершиться такъ легко, чтобы дворянство такъ усердно помогло въ этомъ случаѣ Правительству и чтобы крестьяне, еще мало образованные, такъ разумно и такъ спокойно приняли дарованную имъ волю. Не мало толковали мы и о предлагаемомъ мною созывѣ земской думы. Онъ вполнѣ одобрилъ эту мысль и находилъ, что путь, мною указываемый къ сближенію Царя съ народомъ и къ водворенію порядка и разумности въ управленіи, есть единственно вѣрный и возможный въ Россіи. Я сообщилъ ему о намѣреніи моемъ нѣсколько пояснить и пополнить первую брошюру составленіемъ и изданіемъ второй брошюры, которую я предполагалъ тою же осенью издать. Изъ Берлина я отправилъ къ нему эту книжку въ постоянное его мѣсто жительства, кажется, куда-то въ Шлезію.

Вел. Княгиня Елена Павловна была вообще къ Русскимъ чрезвычайно любезна и удостоивала меня своимъ особеннымъ благорасположеніемъ. Съ ея согласія, я затѣялъ подписку между Русскими на сооруженіе церкви; она первая подписалась и мнѣ удалось собрать довольно значительную сумму, которую на храненіе я передалъ въ городское управленіе, изъявившее готовность отвести намъ безплатно мѣсто подъ церковь. Въ слѣдующіе годы занимались этимъ графъ Анд. Пет. Шуваловъ и Мусинъ-Пушкинъ. Они, къ сожалѣнію, предпочли устроить русскую церковь въ одномъ домѣ, уже существующемъ: отдѣлали его, снабдили всѣмъ нужнымъ и, кажется, через два года освятили церковь.

По окончаніи курса водопіенія и ваннъ, я направился на Франкфуртъ, по Рейну, въ Лондонъ, *на вторую Всемірную выставку.* Тамъ провелъ я три недѣли какъ нельзя лучше. Посѣщалъ я выставку почти ежедневно; но особенно интересовали меня испытанія разныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Эти испытанія производились такъ: значительнѣйшія фирмы сельско-хозяйственныхъ машинъ приглашали насъ на свои фабрики, устраивали испытаніе плуговъ, экстирпаторовъ, боронъ, молотилокъ и пр. на одной изъ ближайшихъ фермъ и угощали насъ славнымъ обѣдомъ и отличными винами. Я особенно много купилъ разныхъ орудій у Говарда, котораго издѣлія оказались лучшими на выставкѣ и получили всего болѣе наградъ. Особенно поразилъ меня паровой плугъ. Онъ пахалъ великолѣпно, въ первый разъ тогда къ пахотѣ прилагался паръ; но цѣнность этого орудія была такова, что намъ, русскимъ хозяевамъ, можно было имъ любоваться, но отнюдь не пріобрѣтать. Эта вторая Всемірная выставка была еще лучше, богаче и разумнѣе устроена, чѣмъ первая. Всякій могъ изучать свою часть, получать всѣ нужныя справки и Англичане были у себя дома столь же любезны, сколько они несносны въ чужихъ краяхъ.

Изъ Лондона я отправился въ Остенде, гдѣ нашелъ свое семейство, и прожилъ тамъ три недѣли, купавшись въ морѣ и пользовавшись морскимъ воздухомъ. Въ началѣ Сентября мы возвратились въ Россію, въ деревню.

Зима 1862/3 года прошла въ Москвѣ почти также, какъ и предъидущая: много толковали въ обществѣ о послѣдствіяхъ освобожденія крестьянъ. Помѣщики всего болѣе жаловались на рабочихъ, но доставалось и посредникамъ, и правительственной администраціи. Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, *П. А. Валуева*, и усиленіе строгости цензуры по дѣламъ печати особенно вызывали общее неудовольство.

1863 годъ былъ для меня лично очень важенъ тѣмъ, что сынъ мой женился, а дочь моя вышла замужъ. Свадьба сына совершилась въ Саратовѣ, а свадьба дочери у насъ въ деревнѣ. Эта свадьба заняла часть лѣта этого года.

Глава XIII. (1863—1867).

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. — Положеніе о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ. — Учредительный Комитетъ. — Аудіенція у Александра II. — Переѣздъ въ Варшаву. — Намѣстникъ гр. Бергъ. — Управленіе финансами въ Царствѣ Польскомъ. — Кн. Черкасскій. — Уставъ о питейномъ сборѣ. — Каменноугольныя копи въ Домбровѣ. — Разногласія. — Аудіенція у Императора. — Первое земское собраніе въ Сапожкѣ. — Бюджетъ Царства Польскаго на 1866 г. — Разработка каменнаго угля. — Н. А. Милютинъ. — Отъѣздъ изъ Варшавы за границу. — Записка Государю „о дѣлахъ Царства Польскаго.“

Зима 1863/4 года была особенно оживлена и интересна. Сперва извѣстія изъ Петербурга о предстоявшемъ, а впослѣдствіи сужденія о состоявшемся обнародованіи „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“ занимали всѣхъ и каждаго. Не только при случайныхъ съѣздахъ толковали объ этомъ нововведеніи, но были нами нарочно назначаемы частныя собранія, въ которыхъ обсуживались главныя статьи этого „Положенія“ и мѣры къ приведенію ихъ въ исполненіе. Многіе были недовольны „Положеніемъ“, находивши, что кругъ дѣйствія земскихъ учрежденій и права, предоставленныя земству, — слишкомъ ограничены. Другіе, и въ томъ числѣ и я, доказывали, что, на первыхъ порахъ, вполнѣ достаточно и того, что намъ дали; — что слѣдуетъ усердно заняться разработкою и пользованіемъ этого малаго, намъ отмѣреннаго; и что если мы исполнимъ эту нашу обязанность добросовѣстно и со смысломъ, то и большее придетъ само собою. — Эти наши бесѣды значительно послужили къ уясненію дѣла и положено было единогласно принять живое участіе въ предстоявшихъ съѣздахъ для выбора гласныхъ, а затѣмъ и въ самыхъ земскихъ собраніяхъ.

Въ концѣ Февраля 1864 года, пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву кн. *В. А. Черкасскій*, который вмѣстѣ съ Самаринымъ, подъ главнымъ руководствомъ Н. А. Милютина, участвовалъ въ составленіи новаго „крестьянскаго Положенія для губерній Царства Польскаго.“ „Положеніе“ это было окончательно утверждено Государемъ 19 Февраля 1864 года, и предстояло его приводить въ дѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ

предположено было произвести значительныя перемѣны въ устройствѣ самаго управленія этимъ краемъ; а именно: образовать на этотъ конецъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, особый, изъ немногихъ членовъ, „Учредительный комитетъ“ и на главныя административныя должности назначать Русскихъ. Вслѣдствіе этого, кн. Черкасскій, по соглашенію съ Н. А. Милютинымъ и по его порученію, предложилъ мнѣ быть членомъ „Учредительнаго комитета“ и сперва имѣть наблюденіе за финансовою администраціею Царства Польскаго, а впослѣдствіи и принять на себя обязанности „Главнаго Директора“ т. е. министра финансовъ. Какъ ни заманчиво было это предложеніе и какъ оно ни соотвѣтствовало моей наклонности къ финансовымъ дѣламъ, я боялся изъявить согласіе на принятіе предлагавшихся мнѣ тяжкихъ обязанностей. Я прочелъ новое „Положеніе“ для крестьянъ Царства Польскаго и увидѣлъ, что хотя права собственности польскихъ помѣщиковъ и принесены въ жертву цѣли лучшаго устройства быта тамошняго крестьянства, однако такая мѣра, въ виду прежнихъ страшныхъ притѣсненій его со стороны землевладѣльцевъ и недавнихъ дѣйствій дворянства противъ правительства, даже не грѣшитъ противъ справедливости. Сверхъ того, нельзя было не признать, что для окончательнаго закрѣпленія этого края русской державѣ совершенно необходимо было пріобрѣсти расположеніе крестьянъ и сократить власть и вліяніе шляхты. А потому самое „Положеніе“ не противорѣчило моимъ убѣжденіямъ; но, зная хорошо кн. Черкасскаго и Н. А. Милютина, я опасался, что этотъ законъ будетъ не послѣдней военною мѣрою для прекращенія волненій въ Царствѣ Польскомъ, а началомъ, источникомъ другихъ мѣръ къ стѣсненію и уничтоженію шляхетства, за которое я, конечно, въ сущности не стоялъ, но которое, въ настоящее время, я считалъ незамѣнимымъ, а потому заслуживающимъ нѣкотораго снисхожденія и охраненія. Къ тому же всякія натяжки и произвольныя дѣйствія всегда были мнѣ противны, а ихъ-то я и ожидалъ, и опасался отъ людей, представившихъ мои замѣчанія на труды редакціон-

ныхъ коммиссій чѣмъ то въ родѣ памфлета. Сверхъ того, мнѣ хотѣлось, съ самаго начала земскихъ учрежденій, принять въ нихъ самое дѣятельное участіе. Всѣ эти причины побудили меня отклонить предложенія, сдѣланныя мнѣ черезъ посредство кн. Черкасскаго. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Варшаву; откуда о томъ же предметѣ завязалась у насъ переписка. Кн. Черкасскій всячески уговаривалъ меня принять сдѣланное черезъ него предложеніе; Ю. Ѳ. Самаринъ, находившійся въ то время въ Москвѣ, убѣждалъ меня въ томъ же смыслѣ, выставляя преимущественно то, что мы обязаны въ крайнихъ случаяхъ жертвовать своими хотѣніями и даже убѣжденіями. Я заявлялъ нѣкоторыя условія; переписка продолжалась; а въ концѣ Апрѣля я уѣхалъ въ деревню. Тамъ въ самыхъ первыхъ числахъ Мая, я получилъ отъ *Н. А. Милютина,* какъ отъ статсъ-секретаря, оффиціальное письмо, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ отъ Высочайшаго имени, приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. Пришлось мнѣ туда ѣхать; и я немедленно отправился въ путь. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я тотчасъ навѣстилъ Н. А. Милютина, который немедленно докладною запискою довелъ до свѣдѣнія Государя о моемъ пріѣздѣ. На другой же день, я получилъ *приглашеніе на аудіенцію* въ Царское село на слѣдующее утро въ 1 часъ. Я отправился туда по желѣзной дорогѣ, бывши еще въ полной нерѣшимости, ѣхать ли мнѣ въ Варшаву или нѣтъ. Въ умѣ моемъ я рѣшилъ такъ: если Государь приметъ меня какъ человѣка, осчастливленнаго полученіемъ высокаго мѣста по управленію, то я, разумѣется, приму назначеніе на словахъ, поѣду въ деревню и оттуда скажусь больнымъ; если же пріемъ будетъ иной, то дѣлать нечего, я рѣшусь ѣхать въ Варшаву. Мнѣ случилось ѣхать въ вагонѣ съ г. *Платоновымъ*, статсъ-секретаремъ по дѣламъ Царства Польскаго; съ нимъ я прежде былъ знакомъ; тутъ мы еще болѣе познакомились. Придворная карета меня ожидала и во дворцѣ отвели мнѣ особое помѣщеніе. Безъ четверти въ часъ я отправился въ аппартаменты Государя; ему обо мнѣ доложили, и я тотчасъ былъ

принять. „Знаю“, сказалъ мнѣ Государь, что вамъ тяжело оставить частную жизнь, къ которой вы привыкли; но я васъ прошу принести эту жертву отечеству и принять на себя обязанности члена Учредительнаго Комитета съ управленіемъ финансами Царства Польскаго. Увѣренъ, что вы въ этомъ мнѣ „не откажете.“ Эти слова рѣшили мою поѣздку въ Варшаву; я изъявилъ полную готовность исполнить волю Государя, но просилъ его только не возлагать на меня тотчасъ управленіе польскими финансами, которые мнѣ были совершенно неизвѣстны, и дать мнѣ два, три мѣсяца хотя для поверхностнаго съ ними ознакомленія. Государь согласился на это и дозволилъ мнѣ ѣхать въ Москву и деревню, устроить тамъ мои дѣла и не позже какъ черезъ мѣсяцъ быть въ Варшавѣ. Послѣ чрезвычайно милостивой аудіенціи Государь отпустилъ меня, крѣпко пожавши мнѣ руку. Въ тотъ же день, вечеромъ, я былъ у Н. А. Милютина, который былъ очень доволенъ, что аудіенція произвела на меня хорошее впечатлѣніе; и я обѣщалъ ему въ самыхъ первыхъ числахъ Іюня быть въ Петербургѣ и отправиться въ Варшаву.*)

---

*) Примѣчаніе. Въ виду того, что *Ѳ. В. Чижовъ* написалъ свои записки, которыхъ напечатаніе онъ отсрочилъ до истеченія пятидесятилѣтія послѣ его кончины, считаю нужнымъ упомянуть здѣсь о случившейся между мною и имъ размолвкѣ.

Въ то время, когда кн. Черкасскій пріѣзжалъ въ Москву и предлагалъ мнѣ быть членомъ „Учредительнаго Комитета“ съ завѣдываніемъ финансовыми дѣлами Царства Польскаго, онъ убѣждалъ, В. Ѳ. Чижова, принять должность предсѣдателя вновь учреждавшейся въ Варшавѣ ликвидаціонной коммиссіи и имѣвшей завѣдывать тамошними выкупными дѣлами. Какъ Чижовъ былъ до крайности самолюбивъ и имѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе, то онъ обидѣлся тѣмъ, что ему предлагали второстепенную должность. Онъ отъ нея отказался и сталъ вездѣ о томъ разсказывать и говорить, что онъ не намѣренъ участвовать въ окончательномъ падавленіи и ограбленіи Польши. Вслѣдствіе этого, всякіе переговоры были съ нимъ порваны. Ю. Ѳ. Самаринъ, знавшій и отъ меня, и отъ кн. Черкасскаго, что я не на отрѣзъ отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія и что между

На слѣдующій же день, я отправился въ Москву, гдѣ далъ разнымъ моимъ знакомымъ порученіе — пріискать мнѣ молодыхъ людей, которые желали бы поступить на службу въ Царствѣ Польскомъ и которые могли бы мнѣ быть полезными по устройству ввѣрявшихся мнѣ дѣлъ. На обратномъ пути я приговорилъ въ Москвѣ троихъ молодыхъ людей на службу въ Варшаву и одного изъ нихъ (г. Остроумова) я даже взялъ съ собою.

Распорядившись своими дѣлами въ деревнѣ и въ Москвѣ, я поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ и 8 Іюня прибылъ въ Петербургъ. Тутъ я много видѣлся съ Н. А. Милютинымъ, отъ котораго я узналъ, что указъ о назначеніи меня членомъ „Учредительнаго Комитета“ и „Совѣта Управленія“ уже состоялся. 10-го по утру я отправился въ Варшаву и 11-го въ 5 часовъ по полудни я туда прибылъ. Кн. Черкасскій встрѣтилъ меня въ вокзалѣ, повезъ меня къ себѣ обѣдать и потомъ отвезъ меня въ Брюловскій дворецъ, гдѣ назначено было мнѣ помѣщеніе. Мнѣ отведены были великолѣпные парадные апартаменты этого дворца; но для спанья и работы

нами даже продолжались переговоры, отъѣзжая за границу, имѣлъ неосторожность сообщить это въ видѣ секрета Чижову, выразивъ ему сожалѣніе, что онъ отказался отъ совершенія добраго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: „а Кошелевъ вѣроятно туда поѣдетъ.“ Раздосадованный этими словами, Чижовъ поѣхалъ о томъ благовѣстить по всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ; какъ изъ нихъ нѣкоторые не были расположены въ пользу совершавшагося въ Царствѣ Польскомъ преобразованія, то, разумѣется, они одобрили его и осуждали мой поступокъ. Иные изъ нихъ пріѣхали ко мнѣ даже съ выраженіемъ удивленія на счетъ намѣренія моего ѣхать въ Варшаву. Я написалъ объ этомъ къ Самарину, находившемуся тогда еще въ Варшавѣ и онъ отвѣтилъ мнѣ очень милымъ письмомъ, съ самыми сердечными извиненіями и съ приложеніемъ очень рѣзкаго письма къ Чижову, которое Самаринъ просилъ меня по прочтеніи отослать къ Чижову. Отъ этого и произошелъ между мною и Чижовымъ разрывъ, который продолжался много лѣтъ и побуждалъ его не упускать никакого случая меня осуждать и мнѣ вредить.

я отыскалъ себѣ комнаты менѣе великолѣпныя и болѣе удобныя.

На слѣдующій день, я надѣлъ мундиръ и отправился къ Намѣстнику гр. *Бергу*, который заставилъ надворнаго совѣтника и Милютинскаго избранника ждать цѣлый часъ, принялъ меня стоя и даже руки мнѣ не подалъ. Въ этотъ и слѣдующіе дни я посѣтилъ всѣхъ, кого слѣдовало, и разсказывалъ особенно людямъ пользовавшимся благорасположеніемъ Намѣстника о странности и неприличіи сдѣланнаго мнѣ пріема, вполнѣ противорѣчившаго милостивой аудіенціи у Государя Императора. Это доведено было до свѣдѣнія Намѣстника, который въ первое же засѣданіе „Учредительнаго Комитета", минуя всѣхъ, прямо подошелъ ко мнѣ, подалъ мнѣ руку, очень любезно со мною разговаривалъ и въ засѣданіи посадилъ меня подлѣ себя. По окончаніи засѣданія, продолжавшагося отъ 9 до 1 часа ночи, Намѣстникъ позвалъ меня на слѣдующій день къ себѣ обѣдать. На обѣдѣ онъ былъ чрезвычайно любезенъ и въ завершеніе, по окончаніи обѣда, извинился, что въ первый день заставилъ меня долго ждать, потому что ему не такъ доложили, какъ слѣдовало, и что, бывши очень раздосадованъ разными докладами, онъ былъ въ разстроенномъ положеніи духа.

Первыя двѣ, три недѣли, я только знакомился съ людьми и дѣлами и мое присутствіе въ „Учредительномъ Комитетѣ" и въ „Совѣтѣ Управленія" было почти незамѣтно. Членами „Учредительнаго Комитета" кромѣ меня были: кн. Черкасскій, исправлявшій должность главнаго директора (министра) внутреннихъ дѣлъ; *Ѳ. А. Соловьевъ*, завѣдывавшій устройствомъ крестьянскихъ дѣлъ; *В. А. Арцымовичъ*, сенаторъ и по преимуществу наблюдавшій за судебнымъ вѣдомствомъ, а впослѣдствіи предсѣдатель юридической коммиссіи; генералъ *Заболотскій* и генералъ-полицеймейстеръ *Ѳ. Ѳ. Треповъ*. Впослѣдствіи былъ еще назначенъ *Р. И. Брауншвейгъ*; такъ что съ предсѣдателемъ гр. Бергомъ насъ было семеро. Г. Брауншвейгъ прежде гдѣ-то былъ губернаторомъ и затѣмъ, по представленію Намѣстника, былъ назначенъ предсѣдателемъ

ликвидаціонной коммиссіи по удовлетворенію землевладѣльцевъ за отшедшія отъ нихъ къ крестьянамъ земли. Въ Совѣтѣ управленія, кромѣ поименованныхъ лицъ, были членами генералъ-контролеръ, *И. И. Фундуклей,* главные директоры финансовъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія, гг. *Багневскій, Восинскій* и *Дембовскій.* Вскорѣ, вмѣсто послѣдняго, назначенъ былъ главнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія *Ѳ. Ѳ. Витте,* — чиновникъ въ полномъ смыслѣ слова. Не могу про него не разсказать одного характеристическаго анекдота. При открытіи Варшавской русской гимназіи былъ, разумѣется, завтракъ и разные тосты. Послѣ за здравія Императору, протестантъ Витте предлагаетъ „за здравіе Православія!“

Вскорѣ я увидѣлъ, что, и въ „Учредительномъ Комитетѣ“ и въ „Совѣтѣ Управленія“, имѣются *двѣ партіи,* изъ которыхъ одна, подъ вліяніемъ Намѣстника, составляла большинство, мало говорившая и еще менѣе руководившаяся настоящими государственными соображеніями; а другая, состоящая изъ кн. Черкасскаго и Соловьева и поддержанная изъ Петербурга Н. А. Милютинымъ, образовывала меньшинство и отличалась способностями и трудолюбіемъ, предпріимчивостью и дерзостью; она много превосходила большинство и даже его угнетала. И большинство, и меньшинство считали меня принадлежащимъ къ послѣднему; но я въ теченіе нѣкотораго времени держалъ себя совершенно неутрально и подавалъ свой голосъ то съ тѣми, то съ другими, глядя потому, чьи предложенія болѣе согласовались съ моими убѣжденіями. Всего дружнѣе я былъ съ кн. Черкасскимъ; часто я у него обѣдалъ; видались мы ежедневно, спорили мы много, но разставались безъ непріязни и дурнаго чувства другъ къ другу. Въ концѣ перваго мѣсяца моего пребыванія въ Варшавѣ, по одному вопросу, возбужденному кн. Черкасскимъ въ Совѣтѣ Управленія и клонившемуся къ новому, вовсе не необходимому нарушенію землевладѣльческихъ правъ, я высказалъ мнѣніе, противное мнѣнію кн. Черкасскаго; завязался между нами горячій и продолжительный споръ; къ моему

мнѣнію присоединился В. А. Арцымовичъ; и по большинству голосовъ, предложеніе кн. Черкасскаго было отклонено.

Послѣ обѣда, я поѣхалъ въ Лазенки и, тамъ гуляя, встрѣтилъ В. А. Арцымовича. Мы пошли вмѣстѣ; заговорили объ утреннемъ засѣданіи, и вслѣдствіе того, завязался у насъ такой живой и интересный разговоръ о ходѣ дѣлъ вообще, что мы, то садились, то ходили, и пробесѣдовали до часа ночи. Съ этого дня мы очень сблизились, — и вообще и Намѣстникъ, и прочіе члены „Учредительнаго Комитета“ и „Совѣта Управленія“ перестали на меня смотрѣть какъ на клеврета Милютина и увидѣли во мнѣ человѣка съ самостоятельными убѣжденіями.

Въ теченіе перваго мѣсяца моего пребыванія въ Варшавѣ я старался и имѣлъ возможность близко познакомиться съ ходомъ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ и съ правилами, которыми руководились главные дѣятели по этой части, т. е. кн. Черкасскій и Соловьевъ, и которыя они внушали предсѣдателямъ и членамъ мѣстныхъ коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Въ концѣ Іюня, былъ, по распоряженію кн. Черкасскаго и по случаю передачи имъ веденія этихъ дѣлъ только что пріѣхавшему Соловьеву, общій съѣздъ всѣхъ этихъ ими приглашенныхъ русскихъ дѣятелей; были почти ежедневныя ихъ собранія и самыя оживленные толки; а руководители не скупились на самыя откровенныя указанія и наставленія. Въ это первоначальное время, кн. Черкасскій и Соловьевъ еще говорили и дѣйствовали при мнѣ вполнѣ свободно, безъ всякой прикрышки; а потому я имѣлъ возможность все видѣть, все слышать и про себя дѣлать наблюденія. Я не замедлилъ убѣдиться, что справедливость и законность не были ихъ непремѣнными руководителями; и что они имѣли въ виду доконать польскихъ землевладѣльцевъ, т. е. шляхту и пановъ. Конечно, я не питалъ къ послѣднимъ никакого особеннаго сочувствія, вовсе не былъ одушевленъ какими-либо аристократическими убѣжденіями и стремленіями, и считалъ главную мѣру, положенную въ основу предпринятыхъ реформъ, т. е. надѣленіе крестьянъ землею,

отчуждаемою отъ помѣщиковъ, необходимою, даже справедливою и вполнѣ оправданною какъ прежними злоупотребленіями дворянства въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, такъ и недавними его дѣйствіями противъ русскаго правительства; — но мнѣ непріятно было и казалось противнымъ интересамъ Россіи, ежедневно, ежечасно, при всякихъ возможныхъ случаяхъ, высказывать польскому дворянству вражду и желаніе его притѣснять и изводить. Въ началѣ, я не высказывалъ моимъ товарищамъ, кн. Черкасскому и Соловьеву, что такія ихъ дѣйствія мнѣ не сочувственны и мною не одобряются, потому что я хотѣлъ глубже и всестороннѣе всмотрѣться въ дѣла; но вскорѣ я началъ по немногу и еще нерѣшительно обнаруживать свои недоумѣнія, взгляды и мнѣнія по предпринятымъ реформамъ. Я старался выяснить, что, мы, Русскіе, не въ состояніи одни справиться съ этимъ дѣломъ; — что намъ не слѣдуетъ становить польскую весьма способную интелигенцію во враждебныя противъ насъ отношенія; — что можно и необходимо было крѣпкимъ ударомъ её хватить и даже ошеломить, что́ и было уже сдѣлано; но что постоянно её щипать, и колоть, и раздражать вовсе не политично и въ интересахъ Россіи невыгодно, и что такой способъ дѣйствія мнѣ противенъ и вовсе не требуется и не оправдывается пользами русскаго дѣла.

Какъ имѣлось въ виду передать мнѣ завѣдываніе финансовыми дѣлами Царства Польскаго, и какъ такая передача отсрочена была только вслѣдствіе заявленной мною невозможности управлять дѣлами, мнѣ совершенно неизвѣстными, то даны были мнѣ всѣ средства къ ознакомленію съ ними. Мнѣ предоставлено было право требовать отъ Главнаго Управленія Финансовъ, всѣ свѣдѣнія и дѣла, какія мнѣ нужны, и сверхъ того, подъ предлогомъ согласованія польскихъ финансовыхъ мѣръ съ русскими имперскими, вмѣнено было главному директору финансовъ, г. *Багневскому*, вносить свои предложенія въ „Совѣтъ Управленія" не иначе, какъ съ моими заключеніями. Конечно, никто другой, кромѣ г. Багневскаго, не согласился бы, при такихъ условіяхъ, оставаться глав-

нымъ директоромъ; но онъ подчинился очень благодушно этимъ ограниченіямъ, помогалъ мнѣ въ ознакомленіи съ польскими финансами и разъяснялъ мнѣ очень благосклонно мои недоумѣнія и невѣдѣнія. Онъ былъ человѣкъ умный, хорошо зналъ свою часть, но нуждался въ казенномъ жалованіи; онъ зналъ, что я непремѣнно займу его мѣсто, — что этому воспрепятствовать нельзя, — что лучше, имѣть на своей сторонѣ будущаго главнаго директора финансовъ, и что Правительство, при увольненіи его, назначитъ его сенаторомъ и можетъ сохранить ему жалованіе главнаго директора. Все это впослѣдствіи такъ и исполнилось.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Варшаву, въ третьемъ или четвертомъ при моей бытности засѣданіи „Учредительнаго Комитета“ (29 Іюня), постановлено было образовать подъ моимъ предсѣдательствомъ и при участіи главнаго директора финансовъ, г. Багневскаго, въ качествѣ члена, коммиссію для пересмотра существовавшихъ тогда постановленій о прямыхъ налогахъ и для начертанія проэкта положенія по сему предмету, съ цѣлью обезпеченія правильнаго ихъ поступленія въ казначейства и уравнительнаго ими обложенія плательщиковъ. Эта задача была неотложная.

Прямыя подати, существовавшія въ Царствѣ Польскомъ, были разнообразны; всѣ онѣ очень устарѣли, относились нерѣдко къ предметамъ, уже переставшимъ существовать, и не захватывали многихъ статей, способныхъ нести налогъ. Вслѣдствіе этого недоимки по податямъ были огромныя; онѣ увеличивались съ каждымъ годомъ; и не было возможности ихъ взыскивать; ибо иные предметы обложеній уже перестали существовать, а на нѣтъ и суда нѣтъ. Нѣкоторыя подати были собственно *дворянскія*, а потому по переходѣ земель отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, послѣдніе не обязаны были платить дворянскихъ налоговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ эти земли еще не были обложены крестьянскими повинностями. Многія дворянскія имѣнія даже цѣликомъ перешли во владѣніе крестьянъ, и потому не было никакой возможности съ нихъ взыскивать дворянскихъ податей. Очень многія пахат-

ныя земли, особенно въ Августовской губерніи, расчищенныя изъ подъ лѣсовъ, не подлежавшихъ никакому налогу, оставались свободными отъ всякихъ платежей, хотя уже пахались и давали хорошіе доходы. Главная подать *офяра*, установленная еще въ 1789 году, во времена Косцюшки, въ видѣ добровольнаго со стороны дворянства пожертвованія, лежала только на дворянскихъ имѣніяхъ и соразмѣрялась съ доходомъ, въ ту эпоху получавшимся. Въ теченіе 75 лѣтъ эта подать не подвергалась никакимъ реформамъ и исправленіямъ, а только возвышалась на извѣстное количество процентовъ. Безъ переоцѣнокъ, безъ привлеченія къ обложенію новыхъ доходныхъ статей, она существовала, увеличивавшись только въ нарицательной цифрѣ сбора: она возрасла почти въ шесть разъ противъ первоначальнаго своего обложенія. — Другая подать — *Контингенсъ-ливерунковый* — установлена была Наполеономъ въ 1811 году, въ видѣ военной реквизиціи и взималась въ первыя времена натурою въ видѣ ржи и овса, но могла быть отбываема и деньгами. Впослѣдствіи она была превращена въ денежный налогъ, который постоянно увеличивался на извѣстные проценты, но взыскивался по обложенію спѣшно, въ военное время, состоявшемуся, и не измѣнявшемуся не смотря на то, что пахотныя земли изъ подъ лѣсовъ расчищались и чрезъ то значительно умножались. — Существовали прямыя подати съ мельницъ (канакъ съ мельницъ), съ заводовъ (гоповый) и другія; но всѣ онѣ установлены были съ давнихъ временъ, возвышались, но не преобразовывались. Еще въ 1832 году признано было необходимымъ измѣнить и переустроить эти налоги; назначены были на этотъ конецъ коммиссіи; за ними послѣдовали новыя коммиссіи; но дѣло впередъ не подвигалось. Въ концѣ 1848 года состоялось строгое Высочайшее повелѣніе объ образованіи новой коммиссіи для пересмотра и переустройства разныхъ податей. Эта коммиссія, вслѣдствіе неотступныхъ требованій Намѣстника, наконецъ, въ 1858 году, представила проэктъ преобразованія одной, менѣе прочихъ несовершенной подати — *подымной*, которая взималась съ дымовъ, т. е. съ домовъ

какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ. И эта подать была тогда преобразована и утверждена въ весьма незатѣйливой, вовсе не уравнительной формѣ. — Объ этой подати я выше не говорилъ потому, что хотя она довольно значительна, но на время еще могла быть удержана въ своемъ видѣ и не требовала непремѣннаго и немедленнаго преобразованія.

„Учредительный Комитетъ“, назначивъ меня предсѣдателемъ этой вновь предположенной коммиссіи, предоставилъ мнѣ право составить ее изъ лицъ по моему усмотрѣнію, и я долженъ былъ представить списокъ ея членовъ, на его утвержденіе. Сознавая всю трудность предлежащей мнѣ задачи и убѣжденный въ особенной важности мѣстныхъ свѣдѣній для удовлетворительнаго ея разрѣшенія, я включилъ въ списокъ всего болѣе Поляковъ и по преимуществу членовъ дирекціи Земскаго кредита, ибо главный предметъ обложенія составлялъ доходъ отъ земли. Кромѣ гг. Багневскаго и Янишевскаго, директора департамента казначейства и окладныхъ сборовъ, я предположилъ пригласить шестерыхъ Поляковъ и въ томъ числѣ одного отмѣнно умнаго, способнаго и трудолюбиваго г. *Штумера*, который, какъ я узналъ, со страстью занимался изученіемъ финансовой исторіи Польши и переустройствомъ ея податной системы. Его я намѣренъ былъ назначить и дѣлопроизводителемъ коммиссіи и для него испросить денежный окладъ на годичный срокъ. Изъ русскихъ кромѣ себя, я предполагалъ призвать только двоихъ. Представленный мой списокъ произвелъ въ „Учредительномъ Комитетѣ“ и особенно на кн. Черкасскаго, дѣйствіе поразительное. „Вы не сладите“, воскликнулъ онъ, „съ коммиссіею, въ которой будетъ вдвое болѣе голосовъ польскихъ, чѣмъ русскихъ!“ „Мнѣ особенно нужны мѣстныя свѣдѣнія“, отвѣчалъ я, „а въ удержаніи или усиленіи цифры налога и въ редакціи самаго проэкта я надѣюсь управиться и съ имѣющимися русскими силами.“ Возникли было по этому предмету сильныя пренія, но положенъ былъ имъ конецъ моимъ заявленіемъ, что я прошу утвердить представленный мною списокъ, иначе я не могу оставить за собою предсѣдательство

въ коммиссіи. Желаніе мое было исполнено, и число русскихъ членовъ увеличилось только однимъ, потому что членъ „Учредительнаго Комитета“, г. Брауншвейгъ, изъявилъ желаніе участвовать въ этой коммиссіи. Сверхъ того, предоставлено мнѣ было право приглашать въ засѣданія коммиссіи и другія лица, которыя я сочту могущими быть полезными для дѣла.

Трудъ предстоялъ великій; исполненіе его сопряжено было съ немалыми препятствіями; въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ безуспѣшно трачено было на него много времени и силъ; а потому отвѣтственность на мнѣ лежала тяжкая. Безъ всякаго промедленія, я открылъ коммиссію, и мы собирались два раза въ недѣлю по вечерамъ; а иногда имѣли сверхъ того и чрезвычайныя засѣданія. Въ первыхъ же засѣданіяхъ, мы рѣшили пока не касаться подымной подати, а обратить все наше вниманіе на тѣ подати, которыхъ преобразованіе было совершенно неотложно, т. е. офяры, контингенса-ливерунковаго и нѣкоторыхъ мелкихъ совсѣмъ устарѣлыхъ податей. Мы хотѣли было офяру и ливерункъ слить въ одну поземельную подать; но это оказалось невозможнымъ, ибо, по Высочайшему указу, часть офяры должна поступать на уплату процентовъ и на погашеніе ликвидаціонныхъ листовъ и взиматься только съ дворянскихъ имѣній. А потому мы рѣшили удержать обѣ подати и установить главною податью поземельную, а офяру оставить въ видѣ временнаго налога, которымъ должна покрываться только сумма, потребная на ликвидаціонные листы. Самымъ важнымъ и неотложнымъ дѣломъ оказалось собраніе свѣдѣній о земляхъ, ихъ доходности и цѣнности; ибо эти свѣдѣнія должны были служить основаніемъ для разложенія обоихъ налоговъ. Мы выработали формы для запросовъ по этому предмету, и съ изложеніемъ главныхъ началъ, нами одобренныхъ для дальнѣйшихъ нашихъ работъ, мы представили эти составленныя формы на утвержденіе „Учредительнаго Комитета“, испрашивая его разрѣшеніе на собираніе по нимъ свѣдѣній о всѣхъ земляхъ въ Царствѣ Польскомъ. Учредительный

Комитетъ безъ всякихъ затрудненій одобрилъ наши предположенія и разрѣшилъ намъ собирать необходимыя для насъ свѣдѣнія.

Затребовавши отъ владѣльцевъ эти свѣдѣнія о земляхъ, подъ угрозою собиранія этихъ данныхъ черезъ чиновниковъ, на счетъ землевладѣльцевъ, не удовлетворившихъ въ срокъ этому требованію, и обратившись съ просьбою въ коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ объ оказаніи содѣйствія относительно крестьянскихъ земель, и въ общество поземельнаго кредита о сообщеніи намъ свѣдѣній о цѣнности земли въ различныхъ мѣстностяхъ царства Польскаго, мы занялись установленіемъ порядка для провѣрки поданныхъ землевладѣльцами отвѣтовъ на наши запросы, и затѣмъ не замедлили приступить и къ обсужденію прежде нами устраненной подымной подати. Работа шла у насъ очень живо и успѣшно: всѣ члены исправно являлись въ засѣданія, которыя начинались въ восемь часовъ и продолжались часто за полночь. Но особенно дѣятеленъ, неутомимъ и много производителенъ былъ членъ и дѣлопроизводитель коммиссіи г. Штумеръ. Ему принадлежитъ главная честь въ успѣшности нашихъ работъ.

Въ Октябрѣ хотѣли было передать мнѣ управленіе польскими финансами; но какъ бюджетъ на слѣдующій годъ былъ уже составленъ и при томъ не мною и какъ онъ подлежалъ обсужденію въ государственномъ Совѣтѣ Царства Польскаго, то я просилъ отложить мое назначеніе до окончанія разсмотрѣнія бюджета въ упомянутомъ учрежденіи. Какъ членъ Совѣта Управленія, я былъ чрезъ то и членомъ государственнаго Совѣта; а потому я принималъ участіе въ обсужденіи въ немъ бюджета. Засѣданія Совѣта были не многочисленны и не продолжительны, хотя для меня и не безъинтересны. Они происходили подъ предсѣдательствомъ Высочайшею властью назначеннаго Президента, сенатора В. А. Арцимовича. Въ концѣ Ноября, бюджетъ былъ въ государственномъ Совѣтѣ одобренъ, и въ самыхъ первыхъ числахъ Декабря, я былъ назначенъ Главнымъ Директоромъ Финансовъ и тотчасъ вступилъ въ исправленіе моей новой должности.

Первымъ долгомъ я счелъ созвать къ себѣ всѣхъ служащихъ въ коммиссіи финансовъ и высказать имъ тѣ правила, которыми я буду руководствоваться при управленіи дѣлами. Я объявилъ имъ между прочимъ, что на основаніи Устава о гражданской службѣ въ Царствѣ Польскомъ, буду требовать знанія русскаго языка; — что чрезъ шесть мѣсяцевъ, болѣе не допущу перевода докладовъ съ польскаго на русскій языкъ, и что они должны будутъ составляться по русски; — что чиновники, не знающіе хорошо русскаго языка, не получатъ никакихъ наградъ, никакого повышенія, а впослѣдствіи не будутъ терпимы на службѣ; и что только немногія исключенія будутъ мною допущены въ пользу престарѣлыхъ заслуженыхъ чиновниковъ. Рѣчь моя произвела очень хорошее дѣйствіе: знавшіе порядочно русскій языкъ стали тотчасъ подавать свои доклады по русски; другіе сильно налегли на изученіе русскаго языка; и почти все дѣло производства, до назначеннаго мною срока, перешло на русскій языкъ. Я не зналъ польскаго языка, въ Варшавѣ я счелъ долгомъ ему не учиться; да и времени на то не было. Со всѣми я говорилъ по русски и, въ крайнихъ случаяхъ, допускалъ объясненія на французскомъ языкѣ. Поляки, какъ народъ отмѣнно способный, чрезвычайно скоро привыкли къ русскому языку, и все пошло у насъ какъ нельзя лучше. Два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, въ первомъ часу, главный директоръ оффиціально принималъ просителей. Просьбы писались по польски и я тотчасъ передавалъ ихъ находившемуся подлѣ меня директору моей канцеляріи, который переводилъ или заставлялъ ихъ переводить, и мнѣ ихъ представлялъ уже въ переводѣ. Кто-то изъ Поляковъ подалъ мнѣ просьбу, написсанную по русски; я тотчасъ ее прочелъ, написалъ на ней резолюцію и наблюлъ за немедленнымъ по ней исполненіемъ. Вслѣдствіе этого, просьбы по русски участились, и черезъ годъ почти перестали ко мнѣ поступатъ просьбы по польски.

Вскорѣ, по вступленіи моемъ въ должность, посѣтилъ меня предсѣдатель „Общества польскаго поземельнаго кредита“, гр. Тршетршевинскій, и я, взявъ въ руки бумагу только

что отъ него полученную, сказалъ ему, что, конечно, на точномъ основанiи Устава кредитнаго общества, онъ имѣлъ полное право писать ко мнѣ по польски, но что объ этомъ я желалъ съ нимъ объясниться; для чего и оставилъ эту бумагу у себя на столѣ. „Что́ лучше“, спросилъ я его, „что́ выгоднѣе для общества, — то — ли, чтобы главный директоръ дѣйствовалъ въ отношенiи къ Обществу на строгомъ основанiи закона или чтобы, не отступая отъ него, онъ оказывалъ обществу возможную благосклонность и снисходительность? Если вы предпочитаете послѣднее, то я попросилъ бы васъ писать ко мнѣ по русски.“ Предсѣдатель взялъ у меня польское свое отношенiе и на слѣдующiй же день прислалъ ко мнѣ бумагу по русски, и я изъ Общества поземельнаго кредита болѣе не получалъ польскихъ бумагъ. Зимою перваго года прiѣзжаетъ ко мнѣ тотъ же предсѣдатель поземельнаго Общества и приглашаетъ меня въ общее собранiе Общества, гдѣ по закону, главный директоръ финансовъ долженъ предсѣдательствовать. Я изъявляю желанiе исполнить эту обязанность моего званiя; но вмѣстѣ съ тѣмъ высказываю сожалѣнiе, что не имѣю возможности это сдѣлать, ибо какъ въ засѣданiи все происходитъ по польски, то не могу произнести обязательной рѣчи и глупо сидѣть и слушать отчетъ на языкѣ, котораго я не понимаю. Тогда предсѣдатель Общества, упрашивая меня не отказываться отъ посѣщенiя Общества, предложилъ мнѣ произнести рѣчь по русски и обѣщалъ устроить такъ, чтобы отчетъ былъ прочтенъ сперва по русски, а потомъ по польски. Такъ дѣло было нами улажено и исполнено. Вообще я долженъ сказать, что мнѣ удалось распространить употребленiе русскаго языка гораздо болѣе, чѣмъ въ томъ успѣлъ мой товарищъ, кн. Черкасскiй, и только потому, что онъ требовалъ и прибѣгалъ къ насилью, а я дѣйствовалъ учтивѣе и предоставлялъ самимъ Полякамъ, мнѣ въ угоду, исполнять мое желанiе. Учтивость въ Польшѣ могущественнѣе, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Доходилъ до меня слухъ, что Поляки находили мои отказы менѣе непрiятными, чѣмъ даже удовлетворенiя ихъ просьбъ кн. Черкасскимъ.

Осенью жена ко мнѣ пріѣхала, и въ Декабрѣ мы переѣхали въ великолѣпный по обширности дворецъ Коммиссіи финансовъ. Мы познакомились почти со всѣми Русскими и съ весьма многими Поляками. Мы принимали по Воскресеньямъ вечеромъ, и въ эти дни бывало у насъ часто до двухъ сотъ гостей. Поляки, и мужчины, и дамы, относились къ намъ очень дружелюбно, и вовсе не было замѣтно, чтобы они насъ избѣгали и не хотѣли насъ посѣщать. Мы также ѣздили на балы и вечера; и хотя это для меня было и тяжело, но особенно на первое время я считалъ долгомъ отъ этого не уклоняться. Мои сношенія съ гр. Бергомъ улучшались съ каждымъ днемъ и вскорѣ я пріобрѣлъ его довѣріе на столько полное, на сколько остзеецъ можетъ его имѣть къ коренному Русскому. Съ кн. Черкасскимъ мы старались оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ, часто посѣщали другъ друга, даже совѣтовались по дѣламъ, но много спорили и нерѣдко расходились въ мнѣніяхъ. Съ А. А. Соловьевымъ мы были на учтивостяхъ и никогда далѣе этого мы не пошли. Мы очень сблизились съ В. А. Арцымовичемъ и его семействомъ. Вообще со всѣми Русскими мы были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Въ теченіе зимы посѣтилъ насъ изъ Петербурга Н. А. Милютинъ. Между нами, т. е. имъ, кн. Черкасскимъ, Соловьевымъ и мною, были частыя и продолжительныя бесѣды, которыя все болѣе и болѣе меня убѣждали, что между нами существовали коренныя разномыслія, и что мы вполнѣ согласно дѣйствовать не могли. Даже однажды я сказалъ Н. А. Милютину, что не лучше ли мнѣ, по добру, по здорову, убираться изъ Варшавы, и просилъ его только доставить мнѣ къ тому приличную возможность. Я предвидѣлъ, что между нами неминуемо должны усиливаться разногласія, которыя могутъ перейти и въ большія непріятности; а потому я предпочиталъ заблаговременно удалиться. Но Н. А. Милютинъ и кн. Черкасскій сильно противъ этого возстали и убѣждали меня всѣми возможными доводами, выкинуть эту мысль изъ головы, настаивавши главнѣйше на томъ, что какъ цѣль у

насъ одна и та же, то въ существенныхъ мѣрахъ мы не можемъ расходиться.

Еще до назначенія меня главнымъ директоромъ въ Августѣ поручено было Коммиссіи финансовъ, составить *проэктъ Устава о питейномъ сборѣ*, съ примѣненіемъ къ Царству Польскому акцизной системы, существовавшей по сему предмету въ Имперіи. Въ то-же время, образована была, подъ моимъ предсѣдательствомъ коммиссія для разсмотрѣнія этого проэкта и представленія его, въ окончательной редакціи, въ Учредительный Комитетъ. Составъ этой коммиссіи имѣлъ быть утвержденнымъ, по моему представленію, Учредительнымъ Комитетомъ. Кромѣ главнаго директора и директора неокладныхъ сборовъ, я включилъ въ списокъ членовъ вновь образуемой коммиссіи нѣсколько винокуренныхъ заводчиковъ, очень умныхъ людей, — гр. *Островскаго*, *Гурскаго* и *Грушецкаго* и еще разныхъ Поляковъ, занимавшихся финансовыми вообще и консумаціонными дѣлами въ особенности. И на сей разъ я составилъ коммиссію изъ значительнаго большинства Поляковъ и изъ весьма немногихъ Русскихъ. Дѣлопроизводителемъ я однако назначилъ Русскаго, г. Семенова, служившаго въ Имперіи по акцизной части и присланнаго по моей просьбѣ изъ Петербурга. Я зналъ, что вводимая акцизная система шибко не нравилась Полякамъ и что по этой части были необходимы не столько мѣстныя свѣдѣнія, сколько положительныя и подробныя знанія о томъ, какъ дѣйствовала эта система въ Имперіи, и искреннее желаніе ввести ее въ Царство Польское. Списокъ мой, представленный въ Учредительный Комитетъ, былъ имъ утвержденъ безпрекословно. Предпринятое дѣло было отмѣнно важное; а потому стоитъ о немъ поговорить нѣсколько обстоятельно.

Въ Царствѣ Польскомъ существовали по питейному сбору разные налоги: 1) акцизъ съ выкурки вина и спирта, приносившій доходъ около 1,300,000 р.; 2) консумаціонный сборъ съ вина, спирта, пива и меду и съ убоя скота, взимаемый при ихъ ввозѣ въ города и дававшій дохода около 2½ мил. руб.; 3) пропинаціонный за распродажу вина въ

казенныхъ городахъ и селеніяхъ выручалъ около милліона рублей; и 4) разные мелкіе сборы съ патентовъ, шинковый съ Евреевъ и пр., доставлявшіе казнѣ около трехъ сотъ тысячъ рублей. — Акцизъ съ вина былъ прежде очень незначителенъ, — всего 34 коп. съ ведра 78 % спирта; въ 1864 году онъ разомъ былъ поднятъ до 1 руб. и долженъ былъ дать казнѣ отъ 3½ до 4 мил. руб. вмѣсто прежнихъ 1,300,000 р. Консумаціонный сборъ въ городахъ, сдававшійся на откупъ, былъ источникомъ страшныхъ стѣсненій для городскихъ обывателей и безпрестанныхъ жалобъ ихъ мѣстному и высшему начальствамъ. Къ тому же этотъ способъ собиранія дохода обходился странѣ очень дорого и по необходимости кардоновъ около каждаго города и по барышамъ, которые извлекали откупщики, большею частью, Евреи. Этотъ сборъ давно возбуждалъ въ городахъ общее неудовольствіе и давно хотѣли замѣнить его инымъ налогомъ, но все откладывали или до болѣе благопріятнаго времени или до составленія новаго проэкта устава о питейномъ сборѣ вообще; а между тѣмъ ни то, ни другое, по установившемуся въ Царствѣ Польскомъ обычаю, не наступало. — Разно- и многообразіе сборовъ по питейной части, ихъ неуравнительность, а тѣмъ еще болѣе трудность ихъ учета, были страшныя, а потому преобразованія и этой отрасли финансовой администраціи были неотложны.

До моего вступленія въ должность главнаго директора, занимались въ Коммиссіи финансовъ только собираніемъ разныхъ свѣдѣній и кой-какими подготовительными работами по питейнымъ сборамъ; а потому учрежденная по этому предмету подъ моимъ предсѣдательствомъ коммиссія, почти не собиралась, ибо ничего ей не было передано изъ Коммиссіи финансовъ. По вступленіи моемъ въ должность главнаго директора, я увидѣлъ необходимость, до приступа къ начертанію новаго питейнаго устава, разрѣшить нѣкоторые существенные вопросы; безъ чего невозможна всякая редакціонная работа. Соединяя въ своемъ лицѣ обязанности и права главнаго дитектора и предсѣдателя особой коммиссіи, мнѣ

было удобно вести это дѣло, какъ я считалъ лучшимъ; и работа у насъ закипѣла. Вопросы объ отмѣнѣ консумаціоннаго сбора и пропинаціи возбудили въ особой коммиссіи самыя жаркія и продолжительныя пренія. Поляки крѣпко стояли за удержаніе своихъ старыхъ порядковъ и, сознавая, что они плохи и требуютъ измѣненія, старались дѣло затянуть и отложить это преобразованіе до болѣе „благопріятнаго времени", т. е. до того времени, когда власть перейдетъ опять въ ихъ руки, на что они крѣпко надѣялись и расчитывали. Какъ и консумаціонный сборъ и пропинація въ городахъ относились до вѣдомства главной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, то я приглашалъ въ засѣданіе моей особой коммиссіи кн. Черкасскаго и просилъ его пригласить изъ своихъ служащихъ, кого онъ сочтетъ нужнымъ. Въ этомъ засѣданіи, послѣ самыхъ жаркихъ и продолжительныхъ преній, мы порѣшили, большинствомъ 11 голосовъ, противъ 5, представить Учредительному Комитету объ отмѣнѣ консумаціоннаго сбора, о собраніи еще нѣкоторыхъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о пропинаціонныхъ доходахъ, какъ составляющихъ штатные доходы разныхъ учрежденій и лицъ, т. е. казны, городскихъ кассъ, городскихъ обывателей, духовенства и частныхъ лицъ, и какъ требующихъ, при отмѣнѣ, особыхъ, довольно разнообразныхъ постановленій. Этотъ докладъ особой коммиссіи былъ немедленно и безъ всякихъ преній одобренъ Учредительнымъ Комитетомъ; а коммиссія финансовъ принялась за собираніе нужныхъ свѣдѣній, а особая коммиссія за подготовленіе проэкта устава о питейномъ сборѣ.

Зима прошла въ самой усиленной работѣ; кромѣ двухъ упомянутыхъ коммиссій и управленія весьма разнообразными и мнѣ еще мало извѣстными финансовыми дѣлами Царства Польскаго, занятія по Учредительному Комитету были очень утомительны. Безпрестанно ему передавали на разсмотрѣніе разные проэкты по крестьянскимъ и по духовнымъ дѣламъ, по вѣдомству народнаго просвѣщенія и юстиціи. Наши засѣданія бывали непремѣнно по два раза въ недѣлю, а иногда и чаще; они начинались въ 9 часовъ вечера и продолжались

до часа и до 2 часовъ ночи, а иногда затягивались и до 3 и 4 часовъ утра. Пренія часто были самыя жаркія между мною и кн. Черкасскимъ. Арцымовичъ, по большей части, поддерживалъ меня, а Соловьевъ всегда былъ на сторонѣ кн. Черкасскаго. Графъ Бергъ съ Заболотскимъ, Брауншвейгомъ и Треповымъ подавали неизмѣнно свои голоса за мои мнѣнія и такимъ образомъ большинство голосовъ было всегда на моей сторонѣ, но это не препятствовало тому, что въ Петербургѣ очень многое передѣлывалось по настоянію Н. А. Милютина, согласно мнѣнію нашего меньшинства, въ главномъ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, и Высочайше утверждалось.

Къ Пасхѣ надворный совѣтникъ Кошелевъ и коллежскій асессоръ кн. Черкасскій были украшены звѣздами и лентами Станислава 1-й степени. Признаться, не даромъ мы ихъ получили.

Какъ главный директоръ финансовъ, я завѣдывалъ горными заводами и всѣми дѣлами по горной части. Мнѣ безпрестанно приходилось подписывать резолюціи по дѣламъ, совершенно мнѣ неизвѣстнымъ, а иногда даже и мало для меня понятнымъ; и сверхъ того, я видѣлъ, что эта часть управлялась весьма плохо и что исправлявшій должность директора этого департамента навязывалъ мнѣ свои мнѣнія, которыя я по необходимости утверждалъ, но въ которыхъ я участвовалъ только перомъ и рукою. А потому, лѣтомъ 1865 года, какъ только я освободился отъ дѣлъ неотложныхъ, я рѣшился объѣхать казенные горные заводы и хотя нѣсколько ознакомиться съ краемъ, которымъ я долженъ былъ управлять, и съ дѣломъ, которымъ мнѣ приходилось завѣдывать. Къ счастью, въ управляющемъ западнаго горнаго округа, въ г. *Гемпелѣ*, я нашелъ человѣка очень умнаго, дѣльнаго, хорошо знающаго свою часть и весьма добросовѣстнаго. Съ помощью его, въ короткое время, я осмотрѣлъ и узналъ многое, что иначе пришлось бы мнѣ разузнавать и изучать съ трудомъ и въ теченіе долгаго времени. Особенно заинтересовали меня *каменноугольныя копи въ Домбровѣ*. Въ Царствѣ Польскомъ потреблялось тогда около трехъ милліоновъ

корцевъ, т. е. 6 пудовыхъ мѣръ угля; а добывалось въ казенныхъ копяхъ отъ 500 до 600 тысячъ, въ частныхъ около 400 тысячъ корцевъ и привозилось изъ прусской Шлезіи болѣе двухъ милліоновъ корцевъ каменнаго угля. Домбровскіе пласты богатѣйшіе, чрезвычайно толстые (до 8 сажень толщины) и качествомъ далеко превосходятъ этотъ прусскій уголь. Это обстоятельство меня особенно заинтересовало; я обратилъ на него все мое вниманіе; моимъ распросамъ не было конца; и въ заключеніе я поручилъ г. Гемпелю составить проэктъ о значительномъ усиленіи добыванія каменнаго угля изъ казенныхъ копей. Объѣздъ мой и по желѣзной дорогѣ, и въ коляскѣ продолжался восемь дней, и я возвратился въ Варшаву съ порядочнымъ запасомъ разныхъ свѣдѣній по горной части. Корреспонденція, напечатанная въ нѣмецкой Бреславской газетѣ, съ удивленіемъ говорила о моихъ глубокихъ свѣдѣніяхъ въ горномъ дѣлѣ и о томъ, что я былъ *первый* главный директоръ, посѣтившій горные заводы и копи. Послѣднее было вполнѣ справедливо, а первое успокоило меня въ томъ отношеніи, что видно безчисленные мои вопросы были разумны и не обличали полнаго моего невѣжества по этой части.

Управленіе финансами шло у меня порядочно: я былъ доволенъ своими служащими; они казались также мною довольными; доходы поступали исправнѣе прежняго; губернаторы помогали усердно; дѣла промышленныя видимо оживились. Просители, ко мнѣ обращавшіеся, (а ихъ было не мало, ибо Поляки страшные охотники подавать просьбы), оставались мною довольными даже въ случаѣ отказа, потому что я отказывалъ очень вѣжливо и съ обстоятельнымъ разъясненіемъ причинъ отказа. Намѣстникъ былъ ко мнѣ чрезвычайно хорошо расположенъ и совѣтовался со мною даже по дѣламъ, до моей части не относившимся. Непріятности встрѣчалъ я въ Совѣтѣ Управленія и въ Учредительномъ Комитетѣ только отъ своихъ прежнихъ пріятелей, кн. Черкасскаго и Соловьева, съ которыми я все больше и больше расходился, хотя и не въ цѣли, но въ средствахъ ея достиже-

нія. Они находили особенное удовольствіе натягивать въ пользу крестьянъ, нѣмцевъ и жидовъ и всячески притѣснять и оскорблять польскихъ пановъ и шляхтичей. Обстоятельства для всѣхъ жителей Царства были крайне тяжкія; необходимо было имъ всѣмъ по возможности помогать или, по крайней мѣрѣ, оказывать имъ участіе въ затруднительномъ ихъ положеніи. Пріятели мои, напротивъ того, какъ будто издѣвались надъ польскими панами и шляхтою и изыскивали всевозможныя средства къ отказу по самымъ справедливымъ ихъ ходатайствамъ. Изъ этого возникали у насъ разговоры, пренія, споры, даже непріятности. Дѣла, которыя вносились въ Совѣтъ Управленія и въ Учредительный Комитетъ и ими одобрялись, но требовали Высочайшаго утвержденія, передѣлывались въ Петербургѣ; ибо Милютинъ постоянно отстаивалъ мнѣнія меньшинства, т. е. кн. Черкасскаго и Соловьева, и представлялъ Государю свои доклады въ ихъ смыслѣ, которые и удостоивались Высочайшаго утвержденія. Многія мои представленія, одобренныя большинствомъ Совѣта Управленія и Учредительнаго Комитета, подвергались въ Петербургѣ, самой грустной участи: или просто отвергались или, что еще хуже, — передѣлывались такъ, что получали смыслъ противуположный своему первоначальному назначенію. Много было такихъ приключеній, но одно по дѣлу весьма важному, хотя и не мною внесенному, произвело на меня весьма тяжкое впечатлѣніе.

Подъ предсѣдательствомъ В. А. Арцымовича, образована была коммиссія изъ многихъ членовъ, въ числѣ коихъ находились кн. Черкасскій и я, для составленія проэкта правилъ къ полюбованнымъ сдѣлкамъ между помѣщиками и крестьянами по предмету разныхъ сервитутовъ, коими пользовались крестьяне въ лѣсахъ, лугахъ и пашняхъ помѣщичьихъ. Крестьяне почти вездѣ имѣли право брать изъ помѣщичьихъ лѣсовъ хворостъ на отопленіе и сухостойникъ на поправки своихъ строеній, и сверхъ того право пускать свою скотину въ лѣсъ. Крестьяне могли пасти свою скотину по господскимъ дачамъ, по лугамъ, послѣ покоса, и по пашнямъ,

по пару и послѣ уборки хлѣбовъ. Это чрезвычайно стѣсняло личныхъ землевладѣльцевъ: они не могли ни правильно устраивать свои лѣса, ни охранять ихъ надлежащимъ образомъ отъ расхищенія. Когда землевладѣльцы хотѣли вводить у себя плодоперемѣнное хозяйство, совершенно необходимое для тамошняго края, то крестьяне этому противились, говоря, что чрезъ то они лишаются пастбищъ; они жаловались коммиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ, которые и запрещали помѣщикамъ это нововведеніе. Изъ этого возникали безпрестанныя жалобы, а иногда доходило и до насилій и דракъ. Высочайше утвержденное положеніе о крестьянахъ оставляло за ними пользованіе этими сервитутами, *впредь до* полюбовныхъ сдѣлокъ или окончательныхъ правительственныхъ распоряженій. Слѣдовательно составленіе правилъ по сему предмету было необходимо и неотложно. В. А. Арцымовичъ пригласилъ въ свою коммиссію очень дѣльныхъ юристовъ и землевладѣльцевъ, работы въ ней шли очень успѣшно, и мы собирались весьма исправно. Всего болѣе спорилъ кн. Черкасскій; часто мы съ нимъ соглашались, но бывало и то, что онъ оставался одинъ при своемъ мнѣніи. Вообще можно сказать, что составленъ былъ проэктъ очень дѣльный и вполнѣ безпристрастный, ибо большинство, зная прискорбныя послѣдствія существованія сервитутовъ, одушевлено было искреннимъ желаніемъ положить имъ конецъ. Поляки иногда даже удивляли насъ своею сговорчивостью, такъ сильно было въ нихъ убѣжденіе въ необходимости прекращенія этого невыносимаго положенія и въ возможности только пожертвованіями достигнуть этой цѣли. Кн. Черкасскій вообще не желалъ отмѣны сервитутовъ и намъ, Русскимъ, говорилъ, что эта мѣра вообще преждевременная и для Россіи вредная: „надо“, говорилъ онъ, „поддерживать дурныя отношенія между крестьянами и землевладѣльцами; не поощрять добровольныхъ между ними сдѣлокъ, а имъ противодѣйствовать и всячески поддерживать существующую между ними вражду. Въ этомъ вѣрнѣйшій залогъ для Россіи не возобновленія волненій въ краѣ и попытокъ къ отложенію его отъ Имперіи.“ Послѣ

долгихъ и разнообразныхъ преній, наконецъ, состоялся проэктъ упомянутыхъ правилъ; мы его подписали просто, а кн. Черкасскій съ особымъ мнѣніемъ. Учредительный Комитетъ разсматривалъ этотъ проэктъ въ продолженіи нѣсколькихъ засѣданій. Кн. Черкасскій и Соловьевъ придирались ко всему и первый отвергалъ даже и то, на что въ особой коммиссіи онъ изъявлялъ согласіе. Наконецъ, проэктъ, большинствомъ голосовъ, былъ одобренъ въ представленномъ видѣ; а кн. Черкасскій и Соловьевъ подали особое мнѣніе, въ которомъ они доказывали несвоевременность этой мѣры и необходимость ея временнаго устраненія. Въ Петербургѣ, разумѣется, согласились съ мнѣніемъ меньшинства; и проэктъ закона необходимаго, тщательно, добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла выработанный, сданъ былъ въ архивъ.

Разныя непріятности въ Варшавѣ и въ особенности перерѣшенія, приходившія изъ Петербурга, заставили меня, въ концѣ Августа 1865 года, просить 28- дневный отпускъ и ѣхать въ Петербургъ для уясненія моего положенія. Намѣстникъ разрѣшилъ мнѣ передать исправленіе моей должности главнаго директора генералу *Гецевичу*, человѣку умному, добросовѣстному и пользовавшемуся довѣріемъ какъ моимъ, такъ и Намѣстника. Я отправился въ Петербургъ, гдѣ, черезъ посредство статсъсекретаря по дѣламъ Царства Польскаго, г. Платонова, я испросилъ у Государя *аудіенцію*. Принятый очень милостиво, я просилъ у Государя дозволеніе изложить ему обстоятельно положеніе дѣлъ въ Варшавѣ. Онъ сѣлъ, пригласилъ меня сдѣлать то-же и разрѣшилъ мнѣ вполнѣ откровенно и подробно высказать все, что я имѣю ему сообщить. Я доложилъ Его Величеству, что въ Варшавѣ, при веденіи дѣлъ имѣются два направленія; — что одно изъ нихъ имѣетъ въ виду, чрезъ доставляемое краю благосостояніе, окончательно укрѣпить его за Россіею, а другое думаетъ вѣрнѣе достигнуть этой цѣли поддержаніемъ существующей въ Польшѣ розни между сословіями и вмѣстѣ съ тѣмъ подавленіемъ и разореніемъ самаго достаточнаго изъ нихъ; — что люди перваго направленія считаютъ необходимымъ, для

болѣе успѣшнаго хода тамошнихъ дѣлъ, привлекать къ участію въ нихъ мѣстную интелигенцію, вообще очень способную и дѣятельную, а люди другаго направленія стараются вовсе ее устранять и замѣнять русскою интелигенціею, въ которой у насъ большой недостатокъ даже собственно для Россіи; — что эти несогласія, эта двойственность въ направленіяхъ чрезвычайно вредитъ ходу дѣлъ вообще и что необходимо водворить единство въ администраціи тамошняго края, безъ чего мы не достигнемъ никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Изложеніе мое было обстоятельное и продолжительное. Государь все время слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ и участіемъ, что я могъ видѣть изъ вопросовъ, которые онъ мнѣ дѣлалъ. Въ заключеніе моего доклада, я просилъ Государя уволить меня, если мои убѣжденія и дѣйствія не соотвѣтствуютъ его видамъ и желаніямъ. Тогда Государь всталъ, обнялъ меня и сказалъ: „Нѣтъ! ты исполняешь мои желанія; я вполнѣ одобряю твои дѣйствія; и прошу тебя продолжать такъ, какъ ты до сихъ поръ дѣйствовалъ.“ — Аудіенція была въ зимнемъ дворцѣ, въ кабинетѣ Государя, и продолжалась болѣе часа.

Ободренный такимъ милостивымъ и положительнымъ отзывомъ, я, конечно, рѣшился возвратиться въ Варшаву; но какъ я имѣлъ 28-дневный отпускъ, то отправился черезъ Москву, въ свое рязанское имѣніе. Этотъ мой пріѣздъ въ деревню совпалъ съ открытіемъ въ Сапожкѣ *перваго уѣзднаго земскаго собранія*, что я, признаться, имѣлъ въ виду и при отъѣздѣ изъ Варшавы. Я былъ выбранъ въ уѣздные гласные, хотя во время выборовъ, въ Іюнѣ, я былъ въ отсутствіи, т. е. въ Варшавѣ. Отъѣзжая оттуда, въ концѣ Августа, я очень желалъ видѣть первое наше земское собраніе, а въ случаѣ увольненія отъ службы по Царству Польскому, думалъ усердно заняться земскимъ дѣломъ. Это первое собраніе поразило меня во многихъ отношеніяхъ: гласные изъ крестьянъ, наши вчерашніе крѣпостные люди, сѣли между нами такъ просто и безцеремонно, какъ будто вѣкъ такъ сидѣли; они слушали насъ съ большимъ вниманіемъ, спрашивали объясненіе на счетъ того, чего

не понимали; и соглашались съ нами со смысломъ, и вовсе не въ силу преданій покойнаго крѣпостнаго права. Гласные вообще, не имѣя никакихъ свѣдѣній о положеніи передававшихся имъ земскихъ дѣлъ, — опасались дѣлать какія-либо обязательныя постановленія и ограничились указаніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыхъ собираніе они считали необходимымъ къ будущему очередному созыву. Главное занятіе собранія на этотъ разъ было производство выборовъ въ члены уѣздной управы и училищнаго совѣта и въ губернскіе гласные. Выборы вообще были очень разумны, и первыя дѣйствія земства были очень осторожны, вполнѣ правильны и произвели на меня вполнѣ отрадное впечатлѣніе. Меня выбрали въ губернскіе гласные, и, въ виду могущихъ произойти прикюченій въ Варшавѣ, я не отказался отъ принятія этого званія; чему впослѣдствіи я имѣлъ случай вполнѣ радоваться, ибо иначе, въ первое трехлѣтіе, я не имѣлъ бы возможности заняться земскимъ дѣломъ, которымъ я особенно дорожилъ.

Возвратившись въ Варшаву, я нашелъ, что исправлявшій мою должность генералъ Гецевичъ, велъ дѣла въ мое отсутствіе, совершенно такъ, какъ я желалъ, и всѣ важныя рѣшенія откладывалъ до моего возвращенія. Я разсказалъ Намѣстнику о моей аудіенціи у Государя; онъ вполнѣ одобрилъ мои дѣйствія и былъ очень доволенъ результатами аудіенціи. Признаться и я повѣрилъ словамъ Государя и съ новымъ жаромъ принялся за работу.

Давши надлежащій ходъ дѣламъ, отложеннымъ до моего возвращенія, я не замедлилъ возобновленіемъ засѣданій податной и питейной коммиссій. Вмѣстѣ съ тѣмъ предстояло мнѣ въ это время, заняться составленіемъ *бюджета на 1866 годъ*. До этихъ поръ, всѣ бюджеты Царства Польскаго являлись съ бо́льшими или меньшими дефицитами; и сверхъ того, изъ казны Имперіи уплачивалось ежегодно около 1 300 000 руб. на покрытіе недовыручки по соляному доходу, происходившей отъ того, что, при уничтоженіи таможенной линіи между Имперіею и Царствомъ, продажная цѣна на соль въ

послѣднемъ понижена была до цѣнъ, существующихъ въ первой, т. е. на 37 коп. на пудъ. Вслѣдствіе этого, Имперія платила Царству эту значительную сумму ради того, чтобы жители его пользовались солью по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Это мнѣ было тѣмъ противнѣе, что и безъ того жители Царства платили вообще менѣе налоговъ, чѣмъ обитатели Имперіи. Такая несообразность заставила меня изыскать средства къ отмѣнѣ этой страшной приплаты и я вовсе не затруднился въ этомъ дѣлѣ. Прежде составляли бюджеты съ умышленнымъ уменьшеніемъ доходовъ, изъ опасенія, чтобы Имперская казна не вздумала или отмѣнить упомянутую приплату или возложить на казну Царства какіе-либо расходы, оплачиваемые имперскими казначействами. Сверхъ того, свободно было уменьшить сумму ассигнуемую на недоимки, которыя при преобразованіи податей должны были сократиться и которыя и въ то время, по милости болѣе строгаго взысканія со стороны русскихъ властей, уже значительно уменьшились. Обдумавши хорошо предположеніе о похѣреніи этой статьи дохода изъ бюджета Царства Польскаго и написавши, на основаніи положительныхъ данныхъ, мой докладъ по этой статьѣ, я представилъ его предварительно на разсмотрѣніе Намѣстника. Въ немъ, какъ и ожидалъ, встрѣтилъ я сильнѣйшее сопротивленіе. „Какъ можете Вы это предлагать", воскликнулъ Намѣстникъ; „вы не управитесь съ необходимыми расходами; здѣсь мы будемъ нуждаться, а тамъ будутъ роскошничать. Возстановлять же впослѣдствіи эту доходную статью — будетъ крайне трудно — почти невозможно." Я настаивалъ на своемъ мнѣніи и предложилъ Намѣстнику разсмотрѣть мой докладъ въ особомъ Комитетѣ. Онъ на это согласился и спросилъ меня: кого же пригласить въ это засѣданіе? „Какъ Ваше Сіятельство сомнѣваетесь въ основательности моего предложенія", отвѣтилъ я Намѣстнику, „то извольте приглашать, кого Вамъ угодно." Онъ назначилъ Брауншвейга и Трепова. Тогда я спросилъ гр. Берга: не угодно ли ему пригласить также моего постояннаго противника, — кн. Черкасскаго? Намѣстникъ усмѣх-

нулся и согласился; и на слѣдующій же день, состоялось это предварительное, такъ сказать, конфиденціальное засѣданіе. По подробномъ разсмотрѣніи моего доклада и по выслушаніи нѣкоторыхъ моихъ словесныхъ объясненій, предложеніе мое было признано вполнѣ основательнымъ и одобрено единогласно, и Намѣстникъ разрѣшилъ мнѣ составить бюджетъ на 1866 годъ на предложенныхъ мною основаніяхъ. Какъ Государственный Совѣтъ Царства Польскаго былъ уже упраздненъ, то мой проэктъ бюджета былъ разсмотрѣнъ въ Совѣтѣ управленія, имъ одобренъ и въ Ноябрѣ отправленъ въ Петербургъ на утвержденіе. Въ этомъ бюджетѣ отмѣнялась упомянутая приплата Имперіею Царству за удешевленіе соли и затѣмъ оказывался излишекъ доходовъ надъ расходами суммою около 300/т. руб. Намѣстникъ поспѣшилъ донести о томъ собственноручно Императору и получилъ отъ него, чрезъ гр. Адлерберга, благодарность за радѣніе объ имперскихъ интересахъ. Мнѣ объ этомъ Намѣстникъ ничего не сказалъ, ибо выставилъ это дѣло своею заслугою.

Г. Гемпель не замедлилъ исполнить порученіе, мною ему данное и вышеизложенное по усиленію разработки каменнаго угля въ Домбровскомъ краѣ, представилъ мнѣ проэктъ по этому предмету съ прекрасною объяснительною запискою и со сметою необходимыхъ расходовъ. По этому проэкту предполагалось добывать до трехъ милліоновъ корцевъ угля и требовалось на заказы разныхъ машинъ, на постройки и первоначальныя работы до 800 тысячъ рублей. Съ помощью нѣкоторыхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ горнаго департамента, и главнѣйше на основаніи представленныхъ г. Гемпелемъ бумагъ, я составилъ докладъ и внесъ его въ Совѣтъ Управленія. Какъ въ горномъ департаментѣ имѣлся особый запасный капиталъ въ 400 тысячъ, то я просилъ о разрѣшеніи мнѣ употребить его на это дѣло и сверхъ того занять въ Польскомъ Банкѣ недостающія 400 тысячъ рублей. Въ Совѣтѣ Управленія я не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія въ утвержденіи этого моего предложенія. Гр. Бергъ съ восторгомъ его одобрилъ; кн. Черкасскій и Соловьевъ отозва-

лись о немъ также съ похвалою; и препровожденіе этого проэкта въ Петербургъ на утвержденіе было рѣшено единогласно.

Не такова судьба этого проэкта была въ Петербургѣ. Главный Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго забраковалъ его единогласно и безусловно и такое рѣшеніе удостоилось Высочайшаго утвержденія. Вскорѣ Намѣстникъ получилъ о томъ извѣщеніе и тотчасъ за мною прислалъ. По пріѣздѣ моемъ къ нему, онъ съ крайнимъ негодованіемъ на Главный Комитетъ объявилъ эту грустную вѣсть и далъ мнѣ прочесть полученную бумагу. „Что же, Ваше Сіятельство, думаете теперь по этому предмету дѣлать?“ спросилъ я Намѣстника. „Впередъ ни о чемъ полезномъ не представлять“, отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ. „А я поступилъ бы иначе“, сказалъ я ему, „на вашемъ мѣстѣ, я бы прямо написалъ Государю и объяснилъ ему всю пользу и неотложность этого дѣла.“ „Хорошо“, сказалъ гр. Бергъ, „я напишу это письмо и попрошу Государя повелѣть это мое представленіе вновь разсмотрѣть въ Главномъ Комитетѣ, съ приглашеніемъ въ его засѣданіе главнаго директора финансовъ Царства Польскаго. Согласны ли вы на это?“ Хотя это условіе было и очень тяжко, и къ тому же я не ожидалъ много пользы отъ моего присутствія въ Главномъ Комитетѣ, единогласно уже высказавшемся противъ представленнаго проэкта, однако я рѣшился дать отвѣтъ утвердительный. Намѣстникъ не замедлилъ написать и отправить письмо къ Государю; и черезъ недѣлю, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ, въ Главномъ Комитетѣ съ приглашеніемъ главнаго директора финансовъ, представленія Намѣстника по проэкту усиленія добыванія каменнаго угля въ западномъ горномъ округѣ Царства Польскаго.

Предстояло мнѣ ѣхать въ Петербургъ, и тамъ лицомъ въ грязь не ударить. Я взялъ съ собою г. Гемпеля и всѣ нужныя бумаги и планы, и отправился на берега Невы. Увѣренный, что въ Главномъ Комитетѣ, въ сонмѣ великихъ людей, проглотившихъ всю государственную премудрость,

провинціальный министрикъ ничего не сдѣлаетъ; — что его слова будутъ выслушиваться только съ снисхожденіемъ, и что они, конечно, не поколеблятъ рѣшенія, уже объявленнаго, такого высшаго учрежденія; — увѣренный сверхъ того, въ томъ, что въ Милютинѣ по этому дѣлу я сильной, а быть можетъ и никакой поддержки и не найду, — я рѣшился попытаться инымъ путемъ достигнуть желаемой цѣли. Я посѣтилъ и статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, Платонова, и Милютина, и предсѣдателя Главнаго Комитета, кн. Гагарина, человѣка ко мнѣ вообще благорасположеннаго, но главную батарею я направилъ на одного изъ членовъ Главнаго Комитета, человѣка хотя мнѣ мало знакомаго, но добросовѣстнаго и считавшагося и себя считавшаго спеціалистомъ и знатокомъ горнаго дѣла — *Конст. Влад. Чевкина.* Я отправился къ нему и просилъ его дозволить мнѣ подробно и документально объяснить ему все это дѣло. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, но объявилъ, что считаетъ всякія разъясненія излишними, — что онъ изучилъ это дѣло очень обстоятельно и что его мнѣніе о немъ уже измѣниться не можетъ. На замѣчаніе мое, что, быть можетъ, мои объясненія доставятъ ему еще новые доводы къ подтвержденію уже состоявшагося отказа, и что потому я надѣюсь въ его согласіи на выслушаніе моихъ объясненій, *К. В. Чевкинъ* мнѣ отвѣтилъ: „Если, съ этою цѣлью, вы желаете доставить мнѣ лишнія свѣдѣнія, то я охотно васъ выслушаю и прошу васъ ко мнѣ, если можно, послѣ завтра въ часъ дня.“ Въ назначенное время, съ полнымъ запасомъ всякаго рода бумагъ, я отправился къ К. В. Чевкину. Онъ слушалъ меня сперва снисходительно, потомъ съ возрастающимъ участіемъ, предлагалъ мнѣ разные вопросы, и послѣ двухчасовой бесѣды, онъ сказалъ мнѣ: „Поздравляю васъ, — вы вполнѣ меня убѣдили и изъ рѣшительнаго противника вы обратили меня въ горячаго защитника. Даю вамъ слово сильно поддерживать ваше предложеніе.“ Черезъ два дня, въ субботу состоялось засѣданіе Главнаго Комитета. Чевкинъ такъ горячо защищалъ представленіе Намѣстника, что мнѣ пришлось только

отвѣчать на нѣкоторые предложенные мнѣ вопросы и подтверждать ссылки, которыя на меня дѣлалъ Чевкинъ. Представленіе Намѣстника объ усиленіи добыванія каменнаго угля было единогласно одобрено Главнымъ Комитетомъ и затѣмъ Высочайше утверждено.

Конечно, я былъ очень радъ этой побѣдѣ; но Намѣстникъ былъ просто въ восторгѣ, и меня, возвратившагося въ Варшаву, принялъ съ распростертыми объятіями и не переставалъ превозносить оказанную мною услугу.

Считаю нужнымъ здѣсь сказать еще нѣсколько словъ о польскомъ обществѣ въ Варшавѣ, о Полякахъ и Полькахъ вообще. Конечно, я имѣлъ мало времени посѣщать польскія гостинныя и у себя принимать много гостей, но я долженъ былъ, по моему положенію, посѣщать нѣкоторые вечера у Поляковъ и имѣть, какъ выше сказалъ, день въ недѣлѣ, когда по вечерамъ мы принимали нашихъ знакомыхъ Русскихъ и Поляковъ. Вечера наши были обыкновенно очень многочисленны: и Русскіе, и Поляки охотно насъ посѣщали. Даже польскія дамы рѣшились бывать на нашихъ вечерахъ; въ этомъ, конечно, великая заслуга жены моей, которая относилась къ польскимъ дамамъ очень просто и дружелюбно и тѣмъ побѣждала ихъ нерасположеніе къ Русскимъ вообще. Почти съ самаго начала нашего пребыванія въ Варшавѣ, Поляки не только насъ не чуждались, но даже въ насъ заискивали; но польскія дамы долго не рѣшались посѣщать наши вечера. Замѣчательно, какъ Польки гораздо рьянѣе своихъ мужей и братьевъ за независимость и самобытность Польши. Между послѣдними я встрѣчалъ людей, уже убѣдившихся, что страна ихъ сама по себѣ существовать не можетъ; — что ей остается только выбирать между зависимостью отъ Россіи или отъ Германіи; — что даже присоединеніе къ разношерстной и многочленной Австріи для Польши невозможно; и что потому много лучше принадлежать къ Россіи добродушной, вовсе не себялюбивой, ведущей по большей части свои дѣла спустя рукава, чѣмъ къ акуратной, высоко о себѣ мнящей и строгой Германіи. Встрѣчалъ, хотя и очень немного, По-

ляковъ, убѣжденныхъ въ необходимости примкнуть къ Россіи безъ заднихъ мыслей и отъ души къ ней присоединиться, но я не нашелъ ни одной Польки, которая была бы такъ одушевленна и такъ мыслила: онѣ еще всѣ имѣютъ надежду на возстановленіе независимой, самостоятельной Польши. А Польки такъ господствуютъ надъ своими мужьями, что тѣ изъ послѣднихъ, которые высказываютъ въ отсутствіе первыхъ благоразумныя мысли, молчатъ въ ихъ присутствіи, улыбаются, но не смѣютъ высказываться. Говорятъ, что молодежь теперь иначе мыслитъ и иначе расположена и прямо, искренно сознаетъ необходимость сліянія съ Россіею. Желаю этого отъ души, но мало этому вѣрю. Не таковы наши порядки, чтобы кого-либо къ намъ привлечь; мы, пожалуй, сумѣемъ даже и Болгаръ отъ себя оттолкнуть*). Поляки очень способны, умны, но образованность ихъ странная: они считаютъ себя очень просвѣщенными, — чуть ли не самыми просвѣщенными людьми въ цѣломъ свѣтѣ; но собственнаго, самостоятельнаго образованія они не имѣютъ: ихъ образованіе до крайности поверхностно и отстало. Поляки питаются воспоминаніями изъ своей давней исторіи и изъ понятій Франціи отчасти аристократической дореволюціонной, отчасти же революціонной 1789—92 годовъ. Что касается до нѣмецкой науки, то съ нею они мало знакомы и относятся къ ней съ презрѣніемъ. Вообще должно сказать, что Поляки сами по себѣ очень умны, трудолюбивы и ловки; но основательности, самостоятельности и устойчивости въ нихъ очень мало; и если до сихъ поръ мы ихъ окончательно къ себѣ не примкнули и ими не овладѣли, то виноваты не они, а мы — мы — и только мы.

Изъ русскихъ, пребывавшихъ въ то время въ Варшавѣ, всего ближе мы сходились и всего чаще видѣлись съ семействами В. А. Арцымовича, кн. Черкасскаго, съ Ѳ. Ѳ. Треповымъ, М. А. Тихменьевымъ и бар. Мегденъ. — Арцымовича многіе подозрѣвали въ преданности польскимъ интересамъ;

---

*) Это писано въ 1878 г.; теперь (1882 годъ), это отчасти намъ уже удалось исполнить.

особенно его не долюбливалъ кн. Черкасскій и они часто не только спорили, но и другъ друга кололи словами до крови; но я зналъ Арцымовича очень коротко и могу сказать, что онъ, хотя католикъ и полякъ по происхожденію, однако былъ душою преданъ Россіи и въ немъ не было никакихъ сепаратическихъ тенденцій. Онъ убѣжденъ былъ, что Польшу надо присоединить къ Россіи не страхомъ, не разореніемъ, а доставленіемъ ей возможности жить и развиваться экономически, нравственно и умственно. Этого мнѣнія былъ не одинъ Арцымовичъ; и такія его убѣжденія всего болѣе насъ сблизили. Отношенія наши съ кн. Черкасскимъ были замѣчательны: мы спорили безпрестанно, почти рѣзались въ Учредительномъ Комитетѣ и въ Совѣтѣ Управленія; но мы никогда не ссорились и, по окончаніи засѣданій, очень часто отправлялись домой вмѣстѣ, бесѣдуя очень дружелюбно о предметахъ нашихъ споровъ. Кн. Черкасскій любилъ оскорблять не только своихъ подчиненныхъ, но и равныхъ и даже высшихъ; не разъ приходилось гр. Бергу глотать очень непріятныя пилюли; но во все время нашего пребыванія въ Варшавѣ, при самыхъ жаркихъ преніяхъ, кн. Черкасскій ни разу не позволялъ себѣ чѣмъ-либо меня оскорбить. Всего болѣе бѣсило его, когда я говорилъ ему: нѣтъ, этого я сдѣлать или съ этимъ согласиться не могу, ибо это противно моимъ убѣжденіямъ; тогда онъ выходилъ изъ себя и говорилъ: „оставимте безусловныя убѣжденія дуракамъ или фанатикамъ; а мы, люди практическіе, должны руководствоваться обстоятельствами, временными, мѣстными и изъ дѣла не посредственно истекающими соображеніями.“ — Съ Ѳ. Ѳ. Треповымъ мы сходились болѣе на почвѣ дѣловой, чѣмъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Онъ вѣчно былъ занятъ, и надо отдать ему справедливость, что свои обязанности онъ исправлялъ отлично и въ Варшавѣ не было и слуха о такихъ дѣлахъ, какія впослѣдствіи приписывали ему въ Петербургѣ. Онъ былъ строгъ, но справедливъ; и когда онъ выѣзжалъ изъ Варшавы на новое назначеніе въ Петербургѣ, то жители, въ

огромномъ числѣ, провожали его. Надо сказать, что онъ по себѣ оставилъ тамъ память добрую.

Намѣстникъ, графъ Бергъ, былъ человѣкъ очень умный, чрезвычайно дѣятельный, довольно просвѣщенный, очень вѣжливый, обходительный и весьма пріятный; но легкомысліе и неправдивость его доходили до невѣроятія. Онъ мѣнялъ часто свое мнѣніе два, три раза въ одинъ часъ; а сказать неправду — было для него легче, пріятнѣе, чѣмъ выразить просто то, что дѣйствительно есть или было. Онъ былъ трудолюбивъ до нельзя, спалъ очень мало, всегда расположенъ къ занятію, и разбуженный ночью онъ оказывался также свѣжъ и бодръ, какъ среди дня. Онъ былъ готовъ работать и день, и ночь, и никогда, и ничего не откладывалъ ради усталости или лѣни. Однажды въ Учредительномъ Комитетѣ, докладъ кн. Черкасскаго и обсужденія этого доклада продолжались до 3 часовъ ночи; затѣмъ долженъ былъ слѣдовать мой докладъ. Я думалъ, что гр. Бергъ мнѣ скажетъ самъ — отложить его до слѣдующаго засѣданія; но пришлось мнѣ объ этомъ просить, а Намѣстнику не входило и въ голову что-нибудь откладывать. Работать съ нимъ было очень пріятно: онъ быстро все понималъ, легко входилъ въ мысль докладчика и не затруднялся въ рѣшеніи дѣлъ. Вообще онъ былъ добръ и готовъ всякому сдѣлать угодное; вслѣдствіе этого всѣмъ и все обѣщалъ; но сказавши да, онъ болѣе объ этомъ не думалъ и на его слова никакъ нельзя было расчитывать и полагаться. Онъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ осуществлялъ мысль Талейрана: рѣчь дана человѣку, какъ средство къ сокрытію своихъ мыслей.

Составленіе проэктовъ о преобразованіи податной системы и о примѣненіи къ Царству Польскому имперской питейной акцизной системы подвигалось впередъ; другія существенныя, хотя и менѣе важныя дѣла шли также своимъ чередомъ; но изъ Петербурга, изъ Главнаго Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, постоянно я получалъ или отказы, или болѣе или менѣе измѣненныя рѣшенія по моимъ представленіямъ. Это препятствовало надлежащему ходу дѣлъ по финансовой части;

и я рѣшился, въ Февралѣ 1866 года письменно и довольно обстоятельно изложить Намѣстнику о невозможности вести успѣшно финансовыя дѣла Царства Польскаго, получая изъ Петербурга измѣненныя или совершенно переиначенныя рѣшенія по моимъ докладамъ; а потому, ради пользы дѣла, просилъ Намѣстника исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ занимаемой мною должности. Намѣстникъ горячо и долго уговаривалъ меня отказаться отъ этого рѣшенія и взять письмо назадъ; но я оставался непоколебимымъ. Намѣстникъ отправилъ прямо къ Государю свое письмо съ приложеніемъ моего. Вмѣсто увольненія я получилъ производство изъ надворныхъ совѣтниковъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники; и сверхъ того, гр. Адлербергъ, по Высочайшему повелѣнію, сообщалъ гр. Бергу, что Государь Императоръ поручаетъ Намѣстнику объявить мнѣ, что Онъ вполнѣ доволенъ моею службою и проситъ меня продолжать ее такъ, какъ доселѣ ее исправлялъ. Дѣлать было нечего и я опять потянулъ свою лямку.

Представленный мною еще въ Ноябрѣ бюджетъ на 1866 годъ я не получилъ изъ Петербурга обратно съ утвержденіемъ и въ послѣднихъ числахъ Декабря, а потому долженъ былъ, чрезъ Совѣтъ Управленія испрашивать разрѣшеніе на производство расходовъ съ 1-го Января на основаніи проэктированной мною сметы. Такое разрѣшеніе не замедлило послѣдовать; но непріятно было дѣйствовать, не бывши увѣреннымъ въ окончательномъ утвержденіи бюджета. При томъ очевидно было, что въ Петербургѣ готовилось по этому предмету что-то не доброе. Январь и Февраль прошли въ напрасныхъ ожиданіяхъ возвращенія сметы. Наконецъ, въ половинѣ Марта, она была возвращена и притомъ въ изуродованномъ видѣ; очевидно было, что перемѣны сдѣланы безъ всякаго знанія дѣла и только съ цѣлью взбѣсить меня и особенно Намѣстника. Нѣкоторые расходы были сокращены; противъ этого — я бы не возражалъ; ибо дѣйствительно сумма на сверхсметные расходы, которою распоряжался Совѣтъ Управленія и которая расходовалась довольно произ-

вольно, была слишкомъ велика — изъ 500 тыс. р. ее превратили въ 100 тыс. р. Это было особенно непріятно Намѣстнику. Но вздумали въ Петербургѣ увеличивать суммы приходовъ, не возвышая никакихъ налоговъ и сборовъ и руководствуясь совершенно произвольными соображеніями. Сверхъ того, значительно сократили сумму могущихъ быть недоборовъ. Изъ этого выходило то, что излишекъ доходовъ противъ расходовъ утроился, почти учетверился, и назначено было передавать его въ опредѣленные сроки, въ имперскія Казначейства. Намѣстникъ былъ внѣ себя отъ гнѣва; мнѣ было очень досадно, и въ особенности послѣ словъ, слышанныхъ мною лично отъ Государя и сообщенныхъ въ письмѣ гр. Адлерберга; но какъ я зналъ, что этой передачи въ 1866 году быть не могло, то мое негодованіе этимъ значительно умѣрялось.

Въ Апрѣлѣ былъ полученъ указъ объ увольненіи Платонова отъ управленія дѣлами статсъ-секретаріата по дѣламъ Царства Польскаго и о возложеніи этихъ обязанностей на Н. А. Милютина. Съ этимъ мы лишались послѣдней возможности что-либо докладывать Государю Императору помимо Милютина, который такимъ образомъ получилъ возможность дѣлать все, что хотѣлъ, и всячески тѣснить людей, ему непріятныхъ. Тогда же я сказалъ Намѣстнику, что, при этихъ обстоятельствахъ, я не долго останусь при своей должности, что теперь не хочу уйти, ибо желаю кончить составленіе двухъ мною вырабатываемыхъ проэктовъ о податной реформѣ и о введеніи въ Царствѣ Польскомъ акцизной питейной системы, — что послѣдній проэктъ почти готовъ, а первый будетъ мною представленъ недѣль черезъ шесть, и что тогда, по отсылкѣ этихъ проэктовъ въ Петербургъ, на другой же день я подамъ формальную просьбу, по причинѣ болѣзни, объ увольненіи меня отъ всѣхъ обязанностей по Царству Польскому. Намѣстникъ вообразилъ, что это, съ моей стороны, только вспышка въ родѣ тѣхъ, которыя онъ часто себѣ позволялъ, и что я не покину службы, много мнѣ обѣщавшей и по части чиновъ, и по части лентъ. А на со-

вѣтъ мой пріискивать человѣка, кѣмъ меня замѣнить, онъ улыбнулся и сказалъ: надѣюсь, что вы насъ не покинете.

Извѣстіе о покушеніи Каракозова на жизнь Императора насъ всѣхъ ужасно поразило; а послѣдовавшія затѣмъ распоряженія по полиціи, жандарміи и рескриптъ къ председателю комитета министровъ, кн. Гагарину, заставили насъ крѣпко призадуматься и опасаться, чтобы не настали въ управленіи вообще иныя времена и не совершился поворотъ отъ реформъ къ мѣрамъ только репресивнымъ, чего въ Петербургѣ многіе желали и сильно домогались.

Двухлѣтніе усиленные труды и разныя непріятности со стороны нѣкоторыхъ моихъ товарищей (кн. Черкасскаго и Соловьева) и въ особенности изъ Петербурга отъ всесильнаго тамъ Н. А. Милютина, дѣйствительно потрясло мое здоровіе: желчь все болѣе и болѣе меня мучила и нервы сильно разстроивались. Я крѣпко насѣлъ на окончаніе составляемыхъ мною проэктовъ; одинъ, т. е. проэктъ питейнаго устава, былъ вскорѣ оконченъ и препровожденъ на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе имперскаго министерства финансовъ; а другой проэктъ — „о преобразованіи прямыхъ налоговъ въ Царствѣ Польскомъ“, внесенъ былъ мною въ Уредительный комитетъ въ концѣ Мая. Тамъ онъ не встрѣтилъ возраженій почти ни отъ кого: даже кн. Черкасскій вполнѣ его одобрилъ, и только Соловьевъ вздумалъ представить нѣсколько если не глупыхъ, то вовсе къ дѣлу не относившихся замѣчаній. Въ началѣ Іюня, этотъ проэктъ, одобренный Учредительнымъ комитетомъ, былъ отправленъ въ Петербургъ; а я, на другой же день, вручилъ Намѣстнику мою просьбу объ увольненіи меня, по причинѣ разстроеннаго здоровья, отъ службы. Намѣстникъ былъ просто пораженъ этимъ моимъ поступкомъ: хотя онъ былъ мною давно о томъ предупрежденъ, но этому не вѣрилъ; онъ всячески уговаривалъ меня не покидать службы и предлагалъ мнѣ двухъ- или трехмѣсячный отпускъ; но я прямо ему объявилъ, что выхожу въ отставку не столько по разстроенному здоровію, сколько потому, что считаю невозможнымъ успѣшно вести финансовое

дѣло, когда изъ Петербурга постоянно и настойчиво тому противудѣйствуютъ, и что я увѣренъ въ утвержденіи составленныхъ мною проэктовъ только при уходѣ моемъ съ занимаемаго мѣста. Намѣстникъ долго держалъ мою просьбу у себя въ столѣ, но, наконецъ, ее отправилъ въ Петербургъ, гдѣ также ее задержали, ибо Милютинъ не зналъ, кого предложить на должность главнаго директора финансовъ. Послѣ нѣкотораго промедленія меня уволили и назначили на мое мѣсто г. *Маркуса*, одного изъ петербургскихъ чиновниковъ. По полученіи этого указа, Намѣстникъ опять нѣсколько дней держалъ его въ своемъ столѣ и мнѣ его не объявлялъ. По письмамъ изъ Петербурга, я узналъ, что я уволенъ и что назначенъ мнѣ и преемникъ. Тогда я отправился къ Намѣстнику и просилъ его объявить указъ и меня отпустить. Мнѣ необходимо было спѣшить въ Карлсбадъ, гдѣ мнѣ предстояло пить воды и брать ванны; а время года было уже довольно позднее. Я все подготовилъ къ отъѣзду, и какъ 9 Іюля Намѣстникъ мнѣ объявилъ указъ объ увольненіи, 10-го я сдалъ должность, и 11-го меня окончательно отпустилъ, то 12-го я уже выѣхалъ изъ Варшавы. Проводы, мнѣ оказанные, были самые пріятные и лестные: наканунѣ я прощался со всѣми служащими финансоваго вѣдомства, которые просили дать имъ мою фотографію и дозволить имъ прислать мнѣ въ Москву альбомъ съ ихъ фотографіями; а въ день отъѣзда, всѣ они провожали меня на вокзалѣ желѣзной дороги. Этотъ альбомъ, съ 300 карточками, въ прекрасномъ переплетѣ и съ самымъ лестнымъ адресомъ на русскомъ языкѣ, я получилъ въ Москвѣ, а изъ Берлина я отправилъ свою фотографію въ Варшаву къ бывшимъ моимъ подчиненнымъ. Многіе знакомые изъ Русскихъ и изъ Поляковъ пріѣхали также меня проводить.

По совѣсти могу сказать, что въ Варшавѣ я имѣлъ въ виду преимущественно русское дѣло и ему служилъ отъ души и всѣми силами, но не пренебрегалъ и благомъ тамошняго края. Думаю, что я кой-что сдѣлалъ тамъ для пользы Россіи вообще и для блага тамошняго края. Произведенное

мною преобразованіе податной системы побуждало Поляковъ, при всѣхъ послѣдующихъ встрѣчахъ, постоянно и горячо меня благодарить за упорядоченіе и уравненіе налоговъ, ими платимыхъ; а между тѣмъ, сумму ихъ я не понизилъ, а возвысилъ; и сверхъ того, ежегодныя недоимки, доходившія прежде до полутора милліоновъ, перестали существовать. Русскій языкъ я ввелъ въ финансовое дѣлопроизводство безъ всякаго насилія и при томъ во всей коллегіи и прочно, какъ не удалось то сдѣлать другимъ начальникамъ при помощи строгихъ распоряженій и взысканій. Вообще я оставилъ въ этомъ краю добрую память, и думаю, этимъ сослужилъ своему отечеству лучшую службу, чѣмъ тѣ, которые дѣйствовали иначе. Болѣе тѣсное пріобщеніе окраинъ къ центру, т. е. обрусеніе, можетъ быть произведено вѣрнѣе и надежнѣе не насиліями, не самоуправствомъ, не разными лишеніями, а доставленіемъ этимъ странамъ разныхъ выгодъ, бо́льшей обезпеченности и пуще всего — увѣренности, что тамъ — въ центрѣ — дѣйствуютъ въ отношеніи къ нимъ не непріязненно, — не чужеядно.

Послѣдніе дни въ Варшавѣ были хлопотливы, а потому, пріѣхавши утромъ въ Берлинъ, я цѣлый день никуда не выходилъ, ничего не дѣлалъ, а просто наслаждался dolce far niente. На слѣдующій день, проснувшись, я не вѣрилъ своему счастью, что я уже не въ Варшавѣ, что никто уже не придетъ ко мнѣ ни съ докладами, ни съ просьбами, что могу заниматься чѣмъ хочу, говорить просто что думаю, знаться съ кѣмъ желаю, — однимъ словомъ, что я опять свободный человѣкъ — самъ по себѣ. Въ Берлинѣ я остался нѣсколько дней, совѣтовался съ докторомъ Грефе на счетъ своихъ глазъ, которые въ послѣднее время очень меня озабочивали; даже я подвергнулъ ихъ маленькой операціи; взялъ съ собою нѣсколько русскихъ книгъ „преступнаго содержанія“ и, наконецъ, отправился въ Карлсбадъ. Онъ былъ почти пустъ; такъ всѣхъ напугали едва прекратившіяся военныя дѣйствія Пруссаковъ въ Богеміи. Мнѣ также не совѣтовали туда ѣхать; но пріѣхавши туда, я нашелъ только полную свободу

въ выборѣ квартиръ, отдававшихся въ наемъ по весьма дешевымъ цѣнамъ. Много я тамъ гулялъ, много читалъ и благодѣтельный Mühlbrunn, какъ и прежде, вполнѣ меня возстановилъ. Послѣ четырехнедѣльнаго курса лѣченія, я отправился на Эгеръ, Регенсбургъ, Линцъ и Зальцбургъ. Тутъ я пробылъ два дня, восхищавшись чудными видами. Оттуда я направился на Инспругъ, гдѣ отдохнулъ и много наслаждался прелестною мѣстностью; но дорога по горамъ и долинамъ до Мерана превзошла своими красотами всѣ мои ожиданія. Я ѣхалъ въ колясочкѣ, запряженной въ одну лошадь, и нисколько не торопилъ моего кучера; безпрестанно останавливался, шелъ пѣшкомъ, лазилъ по горамъ, садился, — однимъ словомъ утопалъ въ наслажденіяхъ. Подъѣздъ къ Мерану особенно очарователенъ: долго поднимаешься все въ гору; природа становится все суровѣе и однообразнѣе и вдругъ, на вершинѣ горы, открывается вдали видъ на раскошнѣйшую южную страну. Спускаясь, видишь все болѣе и болѣе прелестей италіанской природы, и Меранъ производитъ на путешественника самое чарующее дѣйствіе: хочется на каждомъ шагу остановиться и наслаждаться. Я думалъ пробыть въ Меранѣ три или четыре недѣли и лѣчиться виноградомъ; но узналъ, что онъ еще не поспѣлъ и что для медицинскаго употребленія онъ будетъ годенъ только черезъ двѣ или три недѣли. Меранъ защищенъ съ сѣвера, востока и даже отчасти съ запада почти отвѣсистыми горами и вполнѣ открытъ только къ югу. Отъ этого климатъ здѣсь самый благословенный; много больныхъ и слабосильныхъ, особенно изъ Нѣмцевъ, проводятъ здѣсь зиму. Проживши въ Меранѣ нѣсколько дней, я убѣдился, что жизнь тамъ не особенно интересна и завлекательна: книгъ, кромѣ нѣмецкихъ, никакихъ достать нельзя; общественныхъ собраній, кромѣ танцовальныхъ — нѣтъ; нѣмцы живутъ болѣе семейно, чѣмъ общественно; а потому я даже обрадовался, что виноградъ еще не поспѣлъ, и рѣшился отправиться, для винограднаго лѣченія, на берега Женевскаго озера. Какъ виноградъ и тамъ едва поспѣвалъ, то я вздумалъ сдѣлать маленькую экскурсію, т. е.

ѣхать туда не прямо, а на Верону, Миланъ и Туринъ въ Женеву. Въ дорогѣ я мало останавливался, ибо она по большей части мнѣ была уже извѣстна, и я ее выбралъ потому, что она была самая удобная. Въ Женевѣ я также пробылъ не долго; посѣтилъ знакомыя мнѣ мѣстности, вспоминалъ давно минувшее и поспѣшилъ въ Лозану. И тутъ я остался только день и, взявъ коляску и свои вещи, направился въ Вильневу искать себѣ квартиру для исполненія винограднаго леченія. Въ Веве я погулялъ, но не нашелъ себѣ помѣщенія по вкусу. Монтрё мнѣ не нравился тѣмъ, что на горѣ и расположенъ вдали отъ озера. Но подъ этимъ городомъ, на самомъ берегу, имѣется Hôtel des Alpes. Эта гостинница, комната, которую мнѣ предложили съ видомъ на озеро и на Mont-Blanc, — рѣшили меня тутъ и поселиться. Мнѣ обѣщали ежедневно доставлять сладкій, совершенно спѣлый виноградъ. Сверхъ того, въ утвержденіе моего рѣшенія поселиться въ этомъ отелѣ содѣйствовало и то, что случайно я узналъ, что въ близкомъ отъ него разстояніи живетъ мой старый и добрый пріятель поэтъ, *А. М. Жемчужниковъ*, съ своимъ семействомъ. Въ тотъ же день я его отыскалъ; очень рады были свидѣться и положили часто, ежедневно бывать другъ у друга и много вмѣстѣ гулять. Тутъ провелъ я двѣ недѣли, но долженъ былъ покинуть виноградное лѣченіе, потому что хотя виноградъ былъ сладокъ и совершенно зрѣлъ, но онъ разстроивалъ мой желудокъ. Съ А. А. Жемчужниковымъ мы гуляли и бесѣдовали много и ежедневно; и я настойчиво уговаривалъ его скорѣе возвратиться въ Россію, гдѣ земскія учрежденія, гласное судопроизводство и хотя нѣкоторая свобода печати открывали для насъ всѣхъ возможность гражданской дѣятельности. Къ сожалѣнію, слова мои слабо на него подѣйствовали; и онъ на долго и по сей день (1882) остался на чужбинѣ.

На возвратномъ пути, въ Женевѣ, присутствовалъ я при освященіи нашей церкви, и затѣмъ, черезъ Базель и Франкфуртъ, пріѣхалъ я въ Берлинъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, закупилъ много нѣмецкихъ книгъ и прочелъ вновь вышедшія

разныя русскія „преступнаго содержанія книжонки и журналы“. Удивительны въ нихъ безсмыслица, пустозвонство и даже незнаніе русскаго языка.

Въ Октябрѣ 1866 года, я возвратился въ Россію и прямо въ деревню — въ с. Песочню. Сапожковское уѣздное земское собраніе было уже закрыто; я ознакомился въ управѣ съ тѣмъ, что было имъ сдѣлано. Занимаясь своими хозяйственными дѣлами, я счелъ однако нужнымъ изложить Государю Императору въ особой запискѣ тѣ причины, которыя заставили меня просить объ увольненіи отъ должности, его довѣріемъ на меня возложенной. Откровенно и вполнѣ спокойно я изложилъ положеніе дѣлъ въ Варшавѣ и высказалъ въ заключеніи, что считалъ долгомъ удалиться, ибо видѣлъ, что существовавшее тамъ разногласіе въ управленіи страшно вредитъ ходу дѣлъ вообще. Странно: моя записка пришла въ Петербургъ на другой день послѣ случившагося съ Н. А. Милютинымъ удара, прекратившаго его политическую дѣятельность.*) Впослѣдствіи я узналъ отъ гр. П. А. Шувалова, что она очень понравилась Государю и что на ея поляхъ во многихъ мѣстахъ онъ написалъ: „совершенно вѣрно“ и „вполнѣ согласенъ.“

Глава XIV. (1867—1870).

Земская дѣятельность. — Зима 1866—1867 г. — Вторники. — Продажа Николаевской желѣзной дороги. — Рязанское земство. — Смерть кн. В. Ѳ. Одоевскаго 1869 г. — Книга: „Голосъ изъ Земства.“ — Противодѣйствіе правительства земству. — Изданіе журнала „Бесѣда“ 1871 г. — Предсѣдательство на съѣздѣ мировыхъ судей. — Коммиссія по уничтоженію подушнаго налога. — Эмсъ. — Парижъ. — Остенде. — Рязанское губернское земское собраніе. — Реакція въ правительствѣ.

Въ Ноябрѣ (9-го) созваны были, въ первый разъ, почетные и участковые мировые судьи, избранные еще въ Мартѣ, но утвержденные сенатомъ только въ Октябрѣ. Меня,

*) Прилагаю эту записку вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ моимъ письмомъ подъ № VII.

почетнаго мироваго судью, избрали предсѣдателемъ мироваго съѣзда; и я тотчасъ занялся устройствомъ какъ канцеляріи, такъ и прочихъ принадлежностей этого новаго учрежденія. 1-го Декабря, какъ губернскій гласный, я былъ уже въ Рязани, и въ этотъ день 2-е очередное губернское земское собраніе было открыто.

Это собраніе произвело на меня сильное и отрадное впечатлѣніе: оно продолжалось съ 1-го по 18-го Декабря и во все это время гласные собирались и засѣдали весьма усердно. Было сдѣлано много разныхъ предложеній; и хотя нѣкоторыя изъ нихъ отзывались недостаточнымъ знаніемъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, и предоставленныхъ земству правъ, и вообще порядка совѣщательныхъ учрежденій, однако всѣ предложенія исходили изъ добрыхъ чувствъ и убѣжденій. Особенно радовало меня то, что въ числѣ гласныхъ было много крестьянъ и купцовъ, что собраніе было всесословное, и что изъ дворянъ никто не проявлялъ крѣпостническихъ или сословныхъ стремленій. Какъ все это впослѣдствіи измѣнилось!

Губернская управа представила намъ много прекрасныхъ докладовъ и дѣльныхъ трудовъ. Предсѣдатель ея, кн. С. В. Волконскій, съ перваго же года, заявилъ, чѣмъ онъ впослѣдствіи и былъ постоянно: труженикомъ, разумнымъ и благонамѣреннымъ земцемъ. Перешедшія въ вѣдѣніе земства благотворительныя заведенія, бывшія прежде въ управленіи приказа общественнаго призрѣнія, оказались при ихъ пріемѣ въ ужасномъ положеніи; губернская управа и въ особенности ея предсѣдатель обратили на нихъ полное вниманіе, и по истеченіи одного года, эти заведенія были до того преобразованы и улучшены, что ревизіонная коммиссія и многіе гласные, посѣтившіе ихъ теперь и въ прошломъ году, сочли долгомъ предложить собранію выразить управѣ глубокую благодарность.

Губернское собраніе, съ перваго же года, положило избирать въ началѣ каждой сессіи общую коммиссію, которая предварительно обсуждаетъ всѣ передаваемые ей собраніемъ сложные доклады, предложенія и вопросы. Въ эту коммиссію избираются записками люди всѣхъ партій и по преиму-

ществу тѣ, которые могутъ быть для дѣла особенно полезными, или которые любятъ много говорить. Послѣдніе туда сажаются съ цѣлью дать имъ возможность наговориться въ коммиссіи и тѣмъ менѣе задерживать ходъ дѣлъ въ самыхъ засѣданіяхъ собранія. Число членовъ коммиссіи 12; но всѣ гласные могутъ участвовать въ ея засѣданіяхъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Я былъ избранъ въ эту коммиссію, и даже ея предсѣдателемъ. Мы собирались по вечерамъ ежедневно и наши засѣданія продолжались иногда за полночь. Особенно много хлопотъ надѣлало намъ Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 21 Ноября 1866 года, которымъ ограничивались установленными максимумами сборы съ патентовъ, свидѣтельствъ и пр. Пришлось, по предложенію губернатора, передѣлывать всѣ уѣздныя сметы, ибо вездѣ патенты и всѣ торговыя и промышленныя свидѣтельства были земствомъ обложены выше высшихъ, закономъ допущенныхъ, процентовъ.

Потрудившись не мало, ибо необходимо было почти все заводить вновь, придумывать, какъ все лучше устроить и какъ удобнѣе привести въ исполненіе, мы окончили наши занятія 17-го Декабря и 18-го собраніе было закрыто губернаторомъ. Изъ Рязани я отправился прямо въ Москву на зимовье.

Зима 1866/7 года прошла въ Москвѣ довольно оживленно. Гласные, пріѣзжавшіе изъ своихъ губернскихъ собраній, мировые судьи, почетные и участковые, только-что вступившіе въ отправленіе своихъ должностей, вновь открытыя въ Москвѣ общія судебныя учрежденія, возвратившійся, послѣ катастрофы съ Н. А. Милютинымъ, въ частную жизнь, кн. В. А. Черкасскій и ожидаемый въ Москвѣ славянскій съѣздъ, — все это чрезвычайно занимало, разнообразило и оживляло московское общество. У насъ возобновились вечерніе пріемы *по вторникамъ,* которые очень усердно посѣщались нашими пріятелями; разговорамъ и спорамъ не было конца; но между разномыслящими не было никакой непріязни. Кн. Черкасскій, Самарины, Погодинъ, Ив. С. Аксаковъ, Юрьевъ, Лопа-

тинъ и многіе другіе посѣщали насъ очень акуратно. Въ это время, я особенно сблизился съ С. А. Юрьевымъ, который своимъ умомъ, широкимъ взглядомъ на вещи и на все происходившее и своимъ чистосердечіемъ особенно меня плѣнилъ.

Никакъ я не ожидалъ, что кн. Черкасскій такъ скоро возвратится къ частной жизни въ Москву. Нервный ударъ, положившій конецъ дѣятельности Н. А. Милютина, заставилъ кн. Черкасскаго пріѣхать въ Петербургъ. Онъ надѣялся поступить на его мѣсто и оттуда заправлять польскими дѣлами; но его враги, а ихъ у него было много, и въ особенности гр. П. А. Шуваловъ, напрягли всѣ усилія, чтобы отвратить эту грозившую имъ бѣду. На аудіенціи у Государя, кн. Черкасскій имѣлъ неосторожность высказать опасеніе, что система управленія дѣлами Привислянскаго края теперь можетъ измѣниться и что потому онъ боится ѣхать въ Варшаву. Государь на это ему сказалъ: „нѣтъ! я эту систему поддержу.“ На другой же день состоялось назначеніе Д. Н. Набокова на мѣсто Н. А. Милютина и кн. Черкасскому приказано было возвратиться на его постъ въ Варшаву. Кн. Черкасскій подалъ просьбу объ увольненіи, по которой и былъ немедленно уволенъ.

Въ эту же зиму, мы особенно сблизились съ *М. П. Погодинымъ*, который чрезвычайно много работалъ, все глубже и глубже проникался духомъ нашей исторіи и очень былъ занятъ предстоявшимъ съѣздомъ Славянъ въ Москвѣ. Много мы бесѣдовали о послѣднемъ и составляли разные планы на счетъ того, какъ имъ воспользоваться для большаго сближенія Славянъ съ Россіею. Какъ жена и я были довольно коротко знакомы съ *Палацкимъ* и *Ригеромъ*, то письмомъ въ Прагу я пригласилъ ихъ остановиться у насъ въ домѣ; на что они съ благодарностью изъявили свое согласіе. *Этнографическая выставка*, по случаю которой Славяне съѣзжались въ Москвѣ, была не очень удачна; но пріемъ, имъ оказанный со стороны города, былъ какъ нельзя болѣе радушный. Городская дума приготовила для гостей квартиры, экипажи и смышленыхъ руководителей. При встрѣчѣ, город-

ской голова произнесъ краткое, но доброе привѣтствіе и пригласилъ ихъ въ приготовленныя для нихъ помѣщенія. Во главѣ Славянъ былъ Палацкій, который, въ отвѣтъ городскому головѣ, благодарилъ за радушное приглашеніе, но извинялся, что онъ и его зять Ригеръ лично не могутъ принять предлагаемой квартиры, ибо уже приняли ее у своего давняго пріятеля, г. Кошелева. Согласно прежде состоявшемуся соглашенію между мною и городскимъ головою, я уступилъ городу моихъ гостей и выговорилъ только, что первый обѣдъ будетъ у меня. На слѣдующій же день былъ обѣдъ у насъ, на который я пригласилъ всѣхъ Славянъ, меня посѣтившихъ, а изъ Русскихъ голову и нашихъ пріятелей. Обѣдъ былъ болѣе пріятельскій, чѣмъ какой нибудь демонстративный. Пили много здравицъ; но какъ я воздержался отъ многословной рѣчи, то и всѣ послѣдовали моему примѣру. За обѣдомъ и особенно послѣ обѣда, бесѣды были самыя радушныя и оживленныя. Разъѣхались поздно вечеромъ — послѣ 11 часовъ.

Интересенъ, простъ и милъ былъ русскій обѣдъ у Погодина; но особенно замѣчательнымъ хотя по результатамъ весьма неудачнымъ оказался обѣдъ, данный Славянамъ городомъ въ Сокольникахъ. Было произнесено тамъ много рѣчей; но одна изъ нихъ, кн. Черкасскаго, произвела на многихъ гостей непріятное впечатлѣніе, а Палацкій и Ригеръ ею даже оскорбились. Ораторъ вздумалъ давать разные уроки Славянамъ и высказывать, что православіе должно быть основою сближенія всѣхъ славянскихъ народовъ. Католикъ Ригеръ отвѣчалъ кн. Черкасскому и въ своей рѣчи, очень умной, но не совсѣмъ сдержанной, позволилъ себѣ возраженія даже колкія. Вообще обѣ рѣчи произвели не доброе впечатлѣніе и оставили по себѣ непріятные слѣды.

Вскорѣ Славяне уѣхали изъ Москвы, и я тотчасъ же отправился въ деревню, гдѣ, кромѣ хозяйственныхъ дѣлъ, я усердно занялся мировымъ съѣздомъ. Впрочемъ и зимою я не однократно ѣздилъ въ Сапожокъ, ибо необходимо было хорошенько устроить и самые съѣзды, и дѣлопроизводство на нихъ.

Въ Сентябрѣ (1867) собралось уѣздное земское собраніе, которое весьма усердно и дѣльно занялось разными вопросами, возбужденными управою и нѣкоторыми гласными по уѣздному хозяйству. Земли Сапожковскаго уѣзда чрезвычайно разнокачественны и разноцѣнны; а потому онѣ не могутъ платить одинакіе земскіе сборы; вслѣдствіе этого всѣ земли уѣзда были раздѣлены на пять разрядовъ и обложены по ихъ огульной цѣнности. Очень многія изъ земель, принадлежащихъ личному землевладѣнію, оставались, по неизвѣстности ихъ пространства, необложенными земскимъ сборомъ. Земское собраніе, по докладу управы, приняло противъ этого дѣйствительныя мѣры. Постоянная мостовая и дорожная повинности обратили на себя вниманіе земскаго собранія, но оно особенно занялось медицинскою частью, улучшеніемъ существовавшей въ городѣ больницы и устройствомъ подачи помощи больнымъ и въ уѣздѣ. Собраніе усердно засѣдало восемь дней и замѣчательно было единодушіе, въ немъ господствовавшее между личными землевладѣльцами и крестьянами.

Губернское собраніе, засѣдавшее въ Рязани въ Декабрѣ, занималось дѣломъ также очень усердно, утвердило много докладовъ Управы къ лучшему устройству земскаго хозяйства по губерніи, одобрило предположеніе управы по производству оцѣнки фабрикъ, заводовъ и торговыхъ заведеній и приняло разныя мѣры къ упорядоченію отчетности, какъ по губернской, такъ и по уѣзднымъ управамъ. Вообще собраніе дѣйствовало очень разумно и вовсе не увлекалось какими либо интересами партій.

Зима 1867/8 года прошла вообще тихо и довольно однообразно. Слухи и распорядки изъ Петербурга были не радостные; реакція тамъ усиливалась, и если не принимала мѣръ крутыхъ, то не упускала случаевъ исподтишка — конфиденціальными циркулярами всячески ограничивать и даже по своему истолковывать Высочайше утвержденныя Положенія. Предоставленная закономъ 5 Апрѣля 1865 года нѣкоторая свобода печати все болѣе и болѣе стѣснялась, а земскія учрежденія постоянно ограничивались въ своей дѣя-

тельности. Для меня начало 1868 года получило особое значеніе.

Въ концѣ истекшаго года, стало извѣстнымъ, что правительство желаетъ продать *Николаевскую желѣзную дорогу.* Въ Москвѣ начали объ этомъ много толковать, и вскорѣ изъ зажиточнѣйшихъ людей столицы составилось общество на эту покупку. Пригласили туда меня, и я охотно въ него вступилъ. Начались у насъ собранія; вскорѣ обо всемъ столковались и избрали депутацію для представленія ходатайства объ уступкѣ этой дороги Московскому Товариществу, предлагавшему собрать необходимый для того капиталъ. Въ число депутатовъ былъ выбранъ и я. Насъ было, кажется, пятеро; но главными дѣятелями были *В. А. Кокоревъ* и я.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мы узнали, что уступка Николаевской дороги Главному обществу желѣзныхъ дорогъ была почти рѣшена и на условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ для послѣдняго. Мы составили записку съ заявленіемъ предложеній весьма выгодныхъ для правительства и отправились съ нею по власть предержащимъ. Министръ путей сообщенія *П. П. Мельниковъ* принялъ насъ весьма дружелюбно и обѣщалъ намъ поддержку. Предсѣдатель коммиссіи по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ, *В. К. Константинъ Николаевичъ*, взялъ отъ насъ записку, но ничего намъ не сказалъ. Такой же нелюбезный пріемъ испытали мы и отъ министра финансовъ, г. *Рейтерна.* Чрезъ нѣсколько дней, мы узнали что, въ засѣданіи упомянутой коммиссіи, наше предложеніе, подъ разными предлогами, устранено. Какъ вышелъ намъ случай, черезъ Государя Наслѣдника, представить Государю Императору записку съ ходатайствомъ о допущеніи насъ къ торгамъ на Николаевскую желѣзную дорогу, то мы воспользовались этимъ случаемъ, и послѣдовало Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи вновь въ коммиссіи по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ поданной нами записки. Тогда мы сочли нужнымъ явиться къ В. К. Константину Николаевичу и представить ему нѣкоторыя объясненія. Мнѣ поручено было депутаціею обратиться съ рѣчью къ его Высочеству. Пріѣхали мы въ

его дворецъ; долго ждали аудіенціи; наконецъ, онъ выбѣгаетъ изъ своего кабинета, съ цигаркою во рту, и обращается къ намъ съ слѣдующими словами: „Вы вздумали дѣйствовать косвенными путями; но это вамъ не поможетъ. Вы не представляете никакихъ гарантій въ томъ, что исполните то, что обѣщаете. Дѣло это почти порѣшено; но въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, мы вновь разсмотрѣли ваши условія и даже пригласимъ отъ васъ депутата.“ Я началъ ему отвѣчать, но онъ меня прервалъ, кивнулъ головою, ушелъ и захлопнулъ за собою дверь. Черезъ два или три дня, мы получили приглашеніе избрать одного депутата, и въ его лицѣ явиться въ засѣданіе коммиссіи. Я не чувствовалъ себя въ силахъ исполнить эти обязанности и потому отказался; былъ избранъ и отправился въ коммиссію В. А. Кокоревъ. Тамъ были жаркія пренія, и особенно отстаивалъ наши предложенія П. П. Мельниковъ; голоса раздѣлились, и большинство оказалось, къ великой досадѣ предсѣдателя, на нашей сторонѣ.

Мы пробыли въ Петербургѣ по этому дѣлу цѣлые пять мѣсяцевъ, и, въ это время, я узналъ такія вещи, какихъ возможность даже не подозрѣвалъ. Взяточничество, личные денежные разсчеты, обходы законныхъ путей и пр. дошли въ Петербургѣ до крайнихъ предѣловъ. Всего можно достигнуть, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ справедливѣйшемъ, въ законнѣйшемъ можно получить отказъ. У большинства власть предержащихъ имѣются любовницы, жадно берущія деньги, имъ предлагаемыя, и затѣмъ распоряжающіяся деспотически своими возлюбленными. У иныхъ сановниковъ имѣются секретари или довѣренныя лица, исполняющія обязанности любовницъ и дѣлящія деньги съ своими довѣрителями. Безнравственность, безсовѣстность и безсмыслие высшей администраціи превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. Надо пожить въ Петербургѣ и имѣть тамъ значительныя дѣла, чтобы извѣдать всю глубину и ширь беспутства центральной нашей администраціи.

Въ Маѣ, мнѣ случилось встрѣтить Государя въ Лѣтнемъ

саду; онъ меня остановилъ и спросилъ о причинѣ моего прiѣзда въ Петербургъ. Я ее ему объяснилъ и тогда онъ мнѣ сказалъ: „Надѣюсь, что ты не понапрасно прiѣхалъ и останешься нами доволенъ.“

Наконецъ, въ первыхъ числахъ Iюня, назначается, подъ предсѣдательствомъ Императора, засѣданiе совѣта министровъ, для обсужденiя и рѣшенiя дѣла о продажѣ Николаевской желѣзной дороги. Докладывается дѣло; высказываются разныя мнѣнiя; отбираются голоса; оказывается въ нашу пользу огромное ихъ большинство; и только три голоса (В. К. Константинъ, Рейтернъ и еще кто-то) подаются въ пользу Главнаго общества. Государь утверждаетъ мнѣнiе меньшинства. Статсъ-секретарь *Корниловъ* не вѣритъ своимъ ушамъ и дерзаетъ переспросить Императора, который повторяетъ прежде сказанное; встаетъ и закрываетъ засѣданiе.

Это рѣшенiе поразило не насъ однихъ. Министры и другiе члены Совѣта, съ которыми мы прежде говорили о нашемъ дѣлѣ, увѣрены были въ благопрiятномъ его для насъ исходѣ; а П. П. Мельниковъ совѣтовалъ намъ даже приступить къ устройству управленiя, дабы, по объявленiи дороги за нами, мы не оказались неисправными ея преемщиками. Наканунѣ засѣданiя Совѣта, я былъ у гр. *П. А. Шувалова*, и онъ даже смѣялся надъ моимъ чрезмѣрнымъ скептицизмомъ по передачѣ намъ этой дороги.

По рѣшенiи этого дѣла, я поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга; не долго пробылъ въ Москвѣ, и 15 или 16 Iюня я былъ уже въ деревнѣ.

Въ мое отсутствiе, въ первыхъ числахъ Iюня, происходили выборы въ уѣздные гласные на второе трехлѣтiе, и я былъ таковымъ выбранъ почти единогласно и земледѣльцами, и Песочинскимъ участковымъ съѣздомъ крестьянъ. Замѣтивши, что на съѣздахъ крестьяне менѣе избирали изъ своей среды, чѣмъ изъ землевладѣльцевъ, и желавши, чтобы крестьянъ было какъ можно болѣе въ земскихъ собранiяхъ, я отказался отъ избранiя крестьянами и остался гласнымъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ. Лѣтомъ занимался хозяйствомъ,

дѣлами мироваго съѣзда и пуще всего много размышлялъ о томъ, что видѣлъ, узналъ и испыталъ въ резиденціи нашего центральнаго управленія.

Очередное уѣздное земское собраніе имѣло свои засѣданія въ Сентябрѣ и занималось очень усердно: въ 8 дней мы имѣли 10 общихъ засѣданій и почти столько же въ коммиссіяхъ. Утверждены были разныя очень хорошія постановленія и по мостовой, и по подводной, и по постойной повинностямъ. Первыя двѣ переложены были изъ натуральныхъ въ денежныя, а послѣдняя облегчена была для пригородныхъ слободъ устройствомъ земской конюшни съ принадлежностями. По медицинской части, собраніе рѣшило выстроить каменную больницу въ Сапожкѣ и усилить число врачей до трехъ, т. е. кромѣ врача, живущаго въ городѣ, имѣть для уѣзда, въ постоянныхъ пунктахъ, еще двоихъ врачей. Вообще собраніе дѣйствовало совершенно въ безсословномъ духѣ, видно было, что крестьяне принимали живое участіе въ дѣлахъ; а личные землевладѣльцы не руководились эгоистическими разсчетами. Въ заключеніе произведены были выборы: предводитель и члены управы остались тѣ же; почти тѣ же лица остались и губернскими гласными. Меня выбрали опять въ губернскіе гласные и сверхъ того въ члены училищнаго совѣта и въ ревизіонную коммиссію; а также поручено мнѣ было хлопотать объ устройствѣ въ г. Сапожкѣ уѣзднаго земскаго училища, въ которомъ хорошіе ученики первоначальныхъ школъ могли бы получить дальнѣйшее образованіе.

1-го Декабря открылось въ Рязани губернское земское собраніе. Въ числѣ гласныхъ оказалось много новыхъ лицъ, особенно изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ. Въ собраніи занимались вообще усердно и дѣльно. Управа представила много хорошихъ докладовъ, и изъ нихъ одинъ, весьма важный, объ уравненіи повинности, содержанія дорожныхъ сооруженій между уѣздами, возбудилъ жаркія и продолжительныя пренія. Я былъ не за предложеніе управы, ибо находилъ, что справедливѣе на уѣздахъ, пользующихся выгодами рѣкъ и большихъ дорогъ, оставить и тяжести по ихъ содержанію; нѣ-

сколько разъ я возражалъ кн. Волконскому, но мнѣніе Управы восторжествовало. Много толковали объ улучшеніи разныхъ заведеній, перешедшихъ отъ приказа общественнаго призрѣнія, о болѣе правильномъ устройствѣ взаимнаго страхованія, о неудовлетворительномъ положеніи сельскихъ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и пр. Приняты были по этимъ предметамъ разныя дѣльныя мѣры, и получилъ одобреніе проэктъ устава училища для образованія сельскихъ учителей. Это училище предположено было учредить еще въ 1866 году, въ память спасенія Государя отъ покушенія Каракозова и потому оно, съ Высочайшаго разрѣшенія, названо Александровскимъ; но Министерство народнаго просвѣщенія не утвердило проэкта устава и потребовало значительныхъ въ немъ измѣненій. Собраніе и его коммиссія, еще не подозрѣвавшія всѣхъ козней гр. Толстаго, приняли многія изъ предложенныхъ перемѣнъ, и проэктъ устава былъ отправленъ въ Петербургъ. Выборы на новое трехлѣтіе произведены были очень единодушно: кн. Волконскій выбранъ былъ вновь въ предсѣдатели управы и лучшіе ея члены тожь; и при этомъ шумно благодарили кн. Волконскаго и управу вообще. Въ число членовъ губернскаго училищнаго Совѣта поступилъ *Д. Д. Дашковъ*, о дѣятельности котораго, по учебной части, буду имѣть случай говорить впослѣдствіи не одинъ разъ.

Зима 1868/9 г. въ Москвѣ прошла довольно вяло и скучно; реакція въ Петербургѣ усиливалась, и это отзывалось на настроеніи Москвы и пріѣзжихъ изъ внутренности Россіи. Для меня эта зима была весьма грустна, потому что я лишился 27 Февраля моего друга съ дѣтства, кн. *В. Ѳ. Одоевскаго*, а 17 Марта добраго стараго пріятеля *Н. П. Шишкова*. Кн. Одоевскій переѣхалъ въ Москву въ 1865 или 6 году во время моего пребыванія въ Варшавѣ, очень усердно исполнялъ сенаторскія обязанности*) и посвящалъ свободное

*) Это не фраза, а фактъ: онъ оставилъ по себѣ болѣе 40 толстыхъ книгъ, въ которыя онъ записывалъ собственноручно содержаніе и рѣшенія по дѣламъ, въ разсмотрѣніи коихъ онъ участвовалъ.

время собиранію произведеній древней и нынѣшней народной музыки, все болѣе и болѣе проникался ея духомъ и имѣлъ въ виду содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, къ развитію у насъ своенародной музыки*). Онъ принималъ самое живое участіе въ нашихъ бесѣдахъ, даже земскихъ; ибо онъ всѣмъ интересовался и могъ вполнѣ вѣрно сказать: ничего человѣческаго не считаю для себя чуждымъ. Кн. Одоевскаго любили всѣ, кто только его зналъ; ибо трудно было встрѣтить человѣка добрѣе, ко всему доброму болѣе сочувственнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма умнаго и даровитаго. Если онъ мало произвелъ самобытнаго, то причиною тому — увлеченіе его всякою встрѣчавшеюся ему умною мыслью, всякимъ проявлявшимся высокимъ чувствомъ или благимъ намѣреніемъ. Всѣ его литературныя произведенія проникнуты сердечною добротою и отмѣнною благонамѣренностью и замѣчательны по ихъ изящной формѣ. Въ немъ я лишился послѣдняго изъ трехъ моихъ сердечныхъ съ юности друзей. Кн. Одоевскій имѣлъ намѣреніе, съ закрытіемъ Сената въ Москвѣ, выдти въ полную отставку и писать свои записки; для чего у него было собрано очень много матеріаловъ. Кончина его побудила меня, слѣдующимъ же лѣтомъ опять приняться за мои записки, которыя въ 1869 году я довелъ до поѣздки моей въ Варшаву, и набросить кой-что относительно моего тамъ пребыванія. Теперь (Іюнь 1882) надѣюсь довести ихъ до настоящаго времени.

Кончина Н. П. Шишкова была для меня не такимъ сердечнымъ горемъ; но я любилъ его и особенно его бесѣды. Мы постоянно съ нимъ толковали о сельскомъ хозяйствѣ, которымъ мы оба страстно занимались. Наши бесѣды были всегда очень продолжительныя и мы ихъ съ трудомъ преры-

---

Эти книги хранятся въ сундукѣ, переданномъ мною въ Московскую публичную библіотеку. Тамъ же находятся и другія рукописи кн. Одоевскаго.

*) Всѣ музыкальныя бумаги кн. Одоевскаго переданы еще его покойною женою въ Московскую Консерваторію.

вали. Когда онъ былъ предсѣдателемъ „Лебедянскаго общества сельскаго хозяйства“, тогда я былъ его вице-президентомъ; а впослѣдствіи, при бытности моей предсѣдателемъ „Московскаго общества сельскаго хозяйства“ онъ согласился быть членомъ совѣта этого общества. Ему особенно многимъ обязана наша свекло-сахарная промышленность; но онъ не мало сдѣлалъ и по прочимъ отраслямъ нашего сельскаго хозяйства.

Въ эту же зиму, я издалъ, особою книгою („Голосъ изъ земства“), разныя статьи, написанныя мною лѣтомъ, осенью и зимою, по главнымъ, тогда выдвинувшимся земскимъ вопросамъ. Перечитывая эти статьи теперь (1882) я пораженъ вѣрностью высказанныхъ мною тогда опасеній, и, къ несчастью оправдавшихся даже съ приростомъ; но, къ прискорбію, я уже не нахожу ни въ себѣ, ни въ земскихъ людяхъ вообще, тѣхъ надеждъ и чувствъ, которыя тамъ высказаны были живо и искренно. Да! если и тогда администрація противодѣйствовала земскимъ учрежденіямъ, то она это себѣ позволяла урывками и исподтишка; а теперь она дѣйствуетъ открыто и какъ бы во исполненіе служебнаго долга. Въ гражданахъ же самыхъ образованныхъ и ретивыхъ болѣе чѣмъ замѣтно сильное охлажденіе къ земскому дѣлу; а журналистика, если и помѣщаетъ статьи по земскимъ вопросамъ и дѣйствіямъ, то исполняетъ это какъ бы въ очищеніе совѣсти и безъ всякой вѣры въ успѣхъ.

Наше осеннее уѣздное земское собраніе было скромно, но дѣльно; мы разрѣшили много мѣстныхъ вопросовъ, возбужденныхъ управою и нѣкоторыми гласными и просителями, сдѣлали разныя полезныя постановленія и обратили особенное вниманіе на сельскія школы и медицинскую часть. Особенно замѣчательнымъ въ этомъ собраніи было слѣдующее: губернаторъ, г. Болдыревъ, вздумалъ опротестовать наши прошлогоднія постановленія о ходатайствахъ предъ высшимъ правительствомъ черезъ губернское земское собраніе: 1) о замѣнѣ воинскаго постоя у обывателей помѣщеніемъ ихъ въ особыя казармы, содержимыя на счетъ государственнаго

земскаго сбора; 2) объ упраздненіи должности мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; и 3) о дозволеніи крестьянамъ подавать мировымъ судьямъ жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ. По мнѣнію г. губернатора, всѣ эти постановленія уѣзднаго собранія были не законны, и потому не дѣйствительны, на основаніи ст. 7 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, какъ выходящія изъ круга дѣлъ, имъ указанныхъ. Мы обсудили эти протесты въ коммиссіи; признали ихъ съ своей стороны также не законными, и именно потому, что упомянутая статья относится до дѣйствій и распоряженій земскихъ учрежденій, а не до ходатайствъ, которыми не нарушаются ни чьи права и которыя могутъ быть отклонены правительствомъ; и потому коммиссія предложила собранію остаться при своихъ прежнихъ рѣшеніяхъ. Собраніе единогласно приняло наше предложеніе. — Въ слѣдующемъ году намъ было сообщено, что наши постановленія сенатомъ признаны законными, и протесты губернатора оставлены безъ послѣдствій.

Губернское наше земское собраніе, открытое 1-го Декабря, было по милости губернской управы и прекрасныхъ ея докладовъ, очень интересно. Управа не только распоряжалась какъ нельзя лучше ввѣренными ей дѣлами, но изучила очень тщательно всѣ предметы земскаго хозяйства, сообщала намъ свои на положительныхъ данныхъ основанныя заключенія и требовала нашихъ разрѣшеній. Общая коммиссія, которой передавались на предварительное разсмотрѣніе и обсужденіе главные доклады управы, очень серьезно къ нимъ относилась и наши вечернія засѣданія въ коммиссіи были очень оживленны и продолжительны, и привлекали къ себѣ многихъ гласныхъ, даже не членовъ коммиссіи. Въ этотъ (1869 года) созывъ состоялись многія важныя постановленія собранія. Губернская управа представила между прочимъ, что губернскіе земскіе сборы распредѣлены между уѣздами весьма неуравнительно, и что въ самыхъ уѣздахъ нѣтъ выработанныхъ основаній для опредѣленія цѣнности и доходности предметовъ обложенія; почему она предложила собранію:

поручить губернской управѣ или особой коммиссіи изъ гласныхъ совмѣстно съ управою разцѣнить и опредѣлить нормальный доходъ и цѣнность земель съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по свѣдѣніямъ, собраннымъ на самыхъ мѣстахъ. Общая коммиссія съ полнымъ сочувствіемъ разсмотрѣла и обсудила это предложеніе и представила собранію, что эту работу слѣдуетъ поручить Управѣ съ учрежденіемъ при ней совѣщательной коммиссіи изъ гласныхъ, по одному отъ каждаго уѣзда: — что этой коммиссіи слѣдуетъ собираться, по приглашеніямъ Управы въ Рязани, по всѣмъ предметамъ, требующимъ общаго обсужденія, и между прочимъ для разсмотрѣнія и одобренія главныхъ основаній къ раздѣленію земель на разряды по грунтамъ и угодіямъ, а равно и проэкта инструкціи лицамъ, имѣющимъ отправиться на мѣста для собиранія свѣдѣній о земляхъ, для ихъ распредѣленія и оцѣнки и пр.; — что выборъ членовъ этой коммиссіи слѣдуетъ произвести теперь же; — что для окончанія этихъ работъ надо назначить срокъ и именно двухлѣтній; и на расходы необходимо ассигновать сумму, которая на 1870 годъ должна бы состоять приблизительно изъ 6000 руб. Собраніе единогласно и безъ всякихъ измѣненій приняло всѣ эти заключенія коммиссіи.

Въ этомъ же созывѣ собранія, оно постановило выстроить каменное зданіе для вновь учрежденнаго училища для образованія сельскихъ учителей; ассигновало на это сумму до тридцати тысячъ руб. и поручило все это дѣло управѣ, съ предоставленіемъ ей права дѣлать въ утвержденномъ планѣ тѣ измѣненія, которыя она признаетъ полезными. Но главнымъ, самымъ рѣзкимъ событіемъ этой сессіи былъ докладъ члена губернскаго училищнаго совѣта, Д. Д. Дашкова, о состояніи народныхъ школъ въ рязанской губерніи.

Члены, избиравшіеся земствомъ въ губернскій училищный совѣтъ, еще никогда не представляли собранію докладовъ о положеніи первоначальныхъ училищъ въ губерніи. Д. Д. Дашковъ, избранный въ прошедшемъ году въ эту должность, объѣхалъ нѣсколько уѣздовъ, тщательно вникъ въ

положеніе школьнаго въ нихъ дѣла и представилъ собранію обстоятельный и очень живый докладъ, съ изображеніемъ школъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дѣйствительно находятся. Онъ вѣрно, но рѣзко выставилъ равнодушіе даже холодность земскихъ собраній и училищныхъ совѣтовъ къ развитію первоначальнаго народнаго образованія и особенно не пощадилъ Михайловскаго земскаго собранія, которое ничего не ассигновывало въ пособіе сельскимъ школамъ. Докладъ этотъ произвелъ чрезвычайно сильное дѣйствіе. Предсѣдатель объявилъ перерывъ и въ это время, нѣкоторые гласные сговаривались сдѣлать предложеніе, непріятное для Д. Д. Дашкова. Но мы, съ возобновленіемъ засѣданія, тотчасъ предложили изъявить ему благодарность собранія за обстоятельный и правдивый докладъ, и просить его и впредь представлять собранію такіе же дѣльные и благонамѣренные доклады. Это значительно умѣрило пылъ противниковъ; произнесены были нѣкоторыми гласными рѣчи въ оправданіе ихъ уѣздовъ; а конечнымъ результатомъ всетаки было — изъявленіе благодарности члену губернскаго училищнаго совѣта отъ земства Д. Д. Дашкову.

Зима 1869/70 года въ Москвѣ не представила ничего особеннаго: по вторникамъ у насъ собирались, толковали и о томъ, и о семъ; но ничего особенно оживлявшаго не было. Ѣздилъ я въ Петербургъ и узналъ тамъ, что, по Высочайшему повелѣнію, идутъ въ податной коммиссіи усиленныя работы по составленію проэкта о замѣнѣ подушной подати инымъ налогомъ, но что никакого серьезнаго преобразованія отъ этой коммиссіи ожидать нельзя и что все ограничится какимъ-либо чисто бюрократическимъ произведеніемъ. По возвращеніи въ Москву, въ частыхъ и дружескихъ бесѣдахъ съ С. А. Юрьевымъ зародилась у насъ мысль издавать, подъ его редакціею, ежемѣсячный журналъ. Мы окончательно ничего не порѣшили; разъѣхались по деревнямъ; но эта мысль засѣла въ наши головы; лѣтомъ мы объ этомъ переписывались; а осенью — въ Сентябрѣ или Октябрѣ С. А. Юрьевъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Песочню, и мы согласились привести въ

исполненіе это наше общее желаніе, и положили: ѣхать С. А. Юрьеву въ Петербургъ для полученія разрѣшенія на издаваніе такого журнала. Первую мыслью было назвать его Русскою Бесѣдою; но я этого не пожелалъ; и мы рѣшили, въ память покойной, но въ отличіе отъ издававшагося подъ моею редакціею журнала назвать просто: „*Бесѣда*.“ Впослѣдствіи, я особенно былъ этимъ доволенъ, ибо какъ Русская Бесѣда, съ начала и до конца, была проникнута однимъ духомъ, такъ въ Бесѣдѣ появлялись статьи, съ которыми я далеко не былъ согласенъ и которыя меня даже сердили. Она заключала въ себѣ много хорошихъ статей и, по направленію вообще, нельзя было ея не одобрять, но редакторъ ея, С. А. Юрьевъ, по своему добродушію, иногда принималъ и помѣщалъ произведенія вовсе не пригодныя и даже противныя нашимъ общимъ убѣжденіямъ.

Предсѣдательство на судебныхъ мировыхъ съѣздахъ меня чрезвычайно утомляло, особенно потому, что я былъ хотя не собственно глухъ, но постоянный шумъ въ ушахъ не позволялъ мнѣ явственно слышать, что другіе говорили и вслѣдствіе того, я долженъ былъ напрягать все свое вниманіе для услышанія того, что высказывали истцы, отвѣтчики, обвиняемые и свидѣтели, особенно изъ крестьянъ, которые часто выражались не ясно, а женскій полъ говорилъ вообще тихо и прикрывалъ еще ротъ рукою. Послѣднее всего болѣе меня затрудняло, и я вынужденъ былъ безпрестанно просить ихъ говорить по громче и отнимать руку отъ рта. Прослуживши три года, я думалъ сложить съ себя предсѣдательство; но мировые судьи, тѣ же вновь избранные, были такъ милы, дѣло шло такъ хорошо и я имъ такъ интересовался, что безпрекословно принялъ предсѣдательство на новое трехлѣтіе.

Какъ уѣздное Сапожковское, такъ и губернское Рязанское очередныя 1870 года земскія собранія были дѣльны, но довольно вялы. Послѣднее собраніе замѣчательно только тѣмъ, что земство представило Государю Императору благодарственный адресъ, по случаю распространенія воинской повинности на всѣ сословія, и что было предоставлено губернскимъ

земскимъ собраніямъ разсмотрѣть правительственный проэктъ о замѣнѣ подушной подати подворнымъ налогомъ и поземельною податью, и затѣмъ представить свои по сему предмету заключенія. Это порученіе было тѣмъ важнѣе и интереснѣе, что министръ финансовъ, при разсылкѣ проэкта, заявлялъ, что „ни одно изъ основныхъ его началъ не предрѣшено правительствомъ", и что земскія собранія могутъ совершенно свободно высказывать свои мнѣнія по всѣмъ статьямъ проэкта. Собраніе наше постановило: избрать коммиссіи изъ 12 членовъ и сверхъ того, пригласить въ оную всѣхъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ для всесторонняго обсужденія этого важнаго предмета и для подготовленія его къ будущему чрезвычайному собранію. Я былъ очень радъ моему выбору въ члены этой коммиссіи, ибо предметъ, ей порученный, меня крайне интересовалъ.

Какъ въ Декабрѣ, послѣ очереднаго нашего собранія, всѣ мы были крайне утомлены, то собрались только одинъ разъ для выбора предсѣдателя и для нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ. По запискамъ избрали въ предсѣдатели меня, но я просилъ отъ этого меня уволить, какъ потому, что по этому дѣлу, имѣю очень положительныя свои мнѣнія, къ которымъ не могу быть безпристрастнымъ, и намѣренъ много говорить, что неудобно и даже невозможно для предсѣдателя; такъ и потому, что для послѣдняго, въ нынѣ учрежденной коммиссіи, необходимо жить въ Рязани и наблюдать за доставленіемъ свѣдѣній, которыя будутъ затребованы отъ уѣздныхъ управъ. Я предложилъ просить предсѣдателя губернской Управы быть предсѣдателемъ коммиссіи. Всѣ на это согласились, и кн. Волконскій занялъ предсѣдательское кресло. Тогда мы условились собраться для нашихъ работъ въ первой половинѣ Января 10 или 12-го.

Съѣхавшись въ Январѣ, въ Рязани, мы имѣли ежедневныя утреннія и вечернія засѣданія, продолжавшіяся по четыре и болѣе часовъ. Пренія были самыя оживленныя и продолжительныя. Въ признаніи правительственнаго проэкта неудовлетворительнымъ всѣ согласились скоро и безъ большихъ

споровъ; но первый поставленный на очередь вопросъ: слѣдуетъ ли податную обязанность распространить на всѣ сословія? вызвалъ жаркія и почти нескончаемыя пренія. Помнится, что они продолжались два или три засѣданія; и тутъ рѣзко обозначилось большинство и меньшинство въ коммиссіи; первое было за распространеніе этой обязанности на всѣ сословія. Затѣмъ перебрали мы разные налоги, могущіе замѣнить подушныя подати; и подоходный, и поразрядный, и поземельный, и попечный, и со строеній и разные другіе налоги, и во всѣхъ находили значительныя трудности и неудобства, особенно при ихъ установленіи. Какъ предстояло преобразовать собственно подушную подать и подушный государственный земскій сборъ, то мы признали желательнымъ эти два налога, и на будущее время, оставить въ ихъ отдѣльныхъ видахъ, и послѣдній разложить на всѣ земли губерніи, кромѣ казенныхъ, не состоящихъ во владѣніи крестьянъ. Но вопросъ: чѣмъ замѣнить собственно подушную подать? продолжалъ возбуждать сильнѣйшія пренія, и мнѣнія членовъ распадались на нѣсколько меньшинствъ. Почти всѣ высказывались за подоходный налогъ, но признавали, при существующихъ обстоятельствахъ, невозможность его установленія. А потому одни были за предложенную кн. Волконскимъ и Ѳ. С. Офросимовымъ поразрядную или классную подать; а другіе за защищаемые мною налоги на печи или на строенія; а нѣкоторые высказывались противъ всѣхъ этихъ податей. Попечный налогъ былъ устраненъ особенно возраженіемъ, что онъ будетъ чрезвычайно неуравнителенъ для крестьянъ, ибо огромное ихъ большинство имѣетъ по одной печи, а между тѣмъ есть и богатые, и достаточные, и бѣдные крестьяне, и всѣ будутъ платить одно и то-же. Тогда я сталъ преимущественно отстаивать налогъ на строенія, и предлагалъ: обложить изъ нихъ жилыя, торговыя, фабричныя, заводскія и другія промышленныя; разсчитывать налогъ по занимаемой ими площади, по каждому этажу отдѣльно; и установить нѣкоторую прогрессію въ налогѣ на строенія, находящіяся въ селеніяхъ и въ городахъ уѣздныхъ, губернскихъ и столич-

ныхъ. Вскорѣ замѣтно было, что этотъ налогъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ; стали обсуждать его подробности и способы приведенія въ дѣйствіе; и, наконецъ, пришли по большинству голосовъ, къ заключенію, — поручить мнѣ составленіе проэкта положенія, хотя въ главныхъ основаніяхъ, объ этомъ налогѣ, а равно и о поземельномъ налогѣ, съ надлежащимъ пояснительнымъ докладомъ собранію. Меньшинство, съ кн. Волконскимъ во главѣ, заявило, что оно также выработаетъ и представитъ коммиссіи свой проэктъ положенія о поразрядномъ налогѣ. Не могу здѣсь не сказать, что пренія вообще велись очень хорошо, добросовѣстно и какъ бы безъ всякихъ интригъ. — Мы положили собраться въ Мартѣ или Апрѣлѣ, глядя потому, какъ получатся изъ уѣздныхъ управъ затребованныя свѣдѣнія и какъ я управлюсь съ работами.

Коммиссія собралась въ концѣ Апрѣля, какъ по причинѣ праздниковъ Пасхи и распутицы, такъ и вслѣдствіе медленности нѣкоторыхъ управъ въ доставленіи разныхъ свѣдѣній. Въ первомъ засѣданіи возобновились пренія о поразрядномъ налогѣ и хотя они были очень жаркія, однако тутъ же было порѣшено не представлять собранію проэкта объ этомъ налогѣ и прямо перейти къ обсужденію по пунктамъ представленныхъ мною проэктовъ. При очень обстоятельномъ ихъ обсужденіи сдѣланы были въ нихъ нѣкоторыя измѣненія и пополненія; и, наконецъ, какъ проэкты такъ и докладъ были утверждены коммиссіею, и положено ихъ напечатать и разослать къ губернскимъ гласнымъ. Условились также созвать собраніе на 28 Мая.

Любопытно, что заключеніе коммиссіи на счетъ напечатанія и розсылки доклада и проэктовъ не могло быть исполнено, потому что губернаторъ, г. Болдыревъ, извѣстилъ губернскую управу, что „какъ коммиссія упустила изъ виду Высочайшую волю, изложенную въ циркулярѣ отъ 9-го Сентября, о замѣнѣ платимыхъ нынѣ подушныхъ окладовъ другими сборами, нисколько не распространяющую податныхъ обязанностей на прочія сословія, то онъ не считаетъ себя

уполномоченнымъ признать такое отношеніе къ дѣлу — законнымъ.“

Чрезвычайное собраніе, созванное на 28 Мая, было очень многочисленно. Съ перваго же дня возникли продолжительныя пренія о томъ, съ чего начать, что́ обсуждать и какъ вести дѣло; и замѣтны были впередъ условленныя выходки. Крѣпостники дѣйствовали очень дружно и всячески противились распространенію податныхъ обязанностей на привилегированныя сословія. Они особенно упирали на то, что въ правительственномъ проэктѣ рѣчь идетъ только о преобразованіи податей, лежащихъ на крестьянахъ и мѣщанахъ, что мы не имѣемъ права выходить изъ указанныхъ намъ предѣловъ и нарушать чьи-либо привилегіи, и что вопросъ объ этомъ не можетъ даже быть поставленъ на балотировку. Спорили долго и съ запальчивостью; явно было, что предсѣдатель поддерживалъ сторону противниковъ мнѣній коммиссіи. Въ первый и во второй день ограничивались балотировкою только предварительныхъ вопросовъ. Наконецъ, на третій день признали проэктъ, составленный правительственною коммиссіею, неудовлетворительнымъ. Затѣмъ предложенъ былъ на балотировку вопросъ: угодно ли собранію распространить обязанность платежа податей на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи? Тутъ опять завязались жаркія пренія: одни противились включенію въ вопросъ, подлежавшій балотировкѣ, словъ „и личныя“, а другіе требовали еще добавки, хотя въ скобкахъ, слова (трудъ). Крѣпостники соединились съ сторонниками по разрядной подати, и вопросъ съ предложенными добавками былъ выбалотированъ значительнымъ большинствомъ.

Затѣмъ возникли опять пренія и о подоходномъ, и о поразрядномъ налогахъ, и о томъ, что понимать подъ словами „личныя силы“ и какія строенія должны подлежать податному обложенію; были разныя балотировки и рѣшали то такъ, то сякъ. Это продолжалось и на слѣдующій день; а затѣмъ 1-го Іюня гласные въ законномъ числѣ не съѣхались въ засѣданія ни утреннее, ни вечернее; и предсѣдатель, г. Реткинъ,

съ плохо скрываемою радостью, поспѣшилъ пригласить губернатора въ собраніе для его закрытія, — что́ г. Болдыревъ, съ не меньшею радостью, поспѣшилъ исполнить. Такъ кончилось чрезвычайное земское собраніе, для котораго мы такъ много поработали и отъ котораго такъ много ожидали.

Съ глубокою грустью въ душѣ, я возвратился въ деревню; но тамъ я долго не остался: мнѣ необходимо было пить воды въ Эмсѣ и купаться въ морѣ. Вскорѣ я отправился на Берлинъ и оттуда въ Эмсъ; а по окончаніи курса водъ, поѣхалъ, черезъ Парижъ въ Остенде. Въ Парижѣ ужасался, глядя на развалины Тюльерійскаго дворца и другихъ зданій, а одинъ знакомый Французъ обвелъ меня по всѣмъ мѣстамъ, ознаменованнымъ великими дѣйствіями коммуны, и разсказывалъ очень обстоятельно, гдѣ и что совершалось. Въ Остенде купался, пріятно провелъ время и черезъ Берлинъ отправился въ Россію. Во время этой заграничной поѣздки, ничего особеннаго со мною не случилось и ничего интереснаго мною не узнано и не сдѣлано.

Наше очередное уѣздное земское собраніе 1871 года прошло тихо и скромно; занимались текущими дѣлами, одобрили нѣсколько ходатайствъ, но замѣчательнаго ничего не было.

Не таково было очередное губернское земское собраніе. Хотя съ почвы дѣльности по мѣстнымъ дѣламъ оно еще не сходило и нѣкоторыя его постановленія по оцѣнкѣ земель, по взаимному земскому страхованію, по утвержденію нѣкоторыхъ ходатайствъ и пр., — были разумны и полезны; однако крѣпостническія наклонности все болѣе и болѣе проявлялись; рознь и интриги, начавшіяся въ чрезвычайномъ собраніи, продолжались и развивались и въ этомъ очередномъ. Реакціонное направленіе, видимо усиливавшееся въ Петербургѣ, ободряло и нашихъ крѣпостниковъ. Губернаторъ, г. Болдыревъ, губернскій предводитель, А. Н. Реткинъ, и гласный Егорьевскаго уѣзда, тамошній и предводитель, и предсѣдатель уѣздной управы, К. М. Аѳанасьевъ, человѣкъ умный, но интриганъ въ душѣ — всѣми силами противодѣйствовали намъ и въ особенности губернской управѣ и ея

председателю, кн. Волконскому. Какъ въ этомъ году предстояли выборы на всѣ земскія должности, то противники наши не упускали никакого случая, чтобы вредить губернской управѣ. Пренія изъ всякихъ пустяковъ затягивались; протесты и предложенія губернатора учащались и находили себѣ поддержку въ рѣчистомъ Аѳанасьевѣ и въ пристрастномъ председателѣ собранія. Особенно ободряло ихъ то, что въ новомъ составѣ губернскихъ гласныхъ оказались, по нѣкоторымъ уѣздамъ, лишніе крѣпостники. Они рѣшительно хотѣли и надѣялись забалотировать кн. Волконскаго и нѣкоторыхъ членовъ губернской управы и замѣстить ваканціи своими сторонниками. Къ счастью это имъ не удалось; и кн. Волконскій получилъ и по запискамъ, и шарами значительное большинство.

Глава XV. (1871—1875.)

Зима 1871—1872 г. — Статьи въ „Бесѣдѣ“ и между ними: „Въ чемъ мы нуждаемся?“ — Сожженіе двухъ книгъ „Бесѣды“ и ея прекращеніе. — Сапожковское земство. — Книга: „Наше Положеніе“, 1871 г. — Эмсъ и Ю. Ѳ. Самаринъ. — Положеніе о народныхъ училищахъ. — Крѣпостники, либералы и искатели мѣстъ въ Земствѣ. — Зима 1874—1875 г. — Валуевская коммиссія 1873 г. — Книга: „Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи“, изд. въ Берлинѣ. — Дополненіе къ книгѣ „Наше положеніе.“ — Знакомство съ Лорисъ-Меликовымъ. — Либеральный цензоръ. — Земскія дѣла въ рязанской губерніи. — Александровская учительская семинарія. — Смерть М. П. Погодина 1874 г. — Кончина Ю. Ѳ. Самарина 1875 г.

Зима 1871/2 года прошла въ Москвѣ и скучно, и грустно. По вторникамъ, собирались у насъ, какъ по обыкновенію, но разговоры были не живы и мало интересны. Даже издаваемая С. А. Юрьевымъ „Бесѣда“ мало насъ оживляла. Слухи и оффиціальныя извѣстія изъ Петербурга насъ тревожили и огорчали. Я писалъ для „Бесѣды“ разныя статьи, большею частью финансовыя; но писалъ болѣе по долгу, чѣмъ по охотѣ. Одна моя статья „Въ чёмъ мы всего болѣе нуждаемся?“ надѣлала много шуму; на нее обратили вниманіе и въ обществѣ, и въ журналистикѣ; и это доставило редактору „Бесѣды“ кон-

фиденціальное внушеніе впредь воздержаться отъ помѣщенія подобныхъ статей. Вообще цензура становилась все строже и безсмысленнѣе, и количество самыхъ стѣснительныхъ и нелѣпыхъ циркуляровъ, оффиціальныхъ и конфиденціальныхъ, росло съ каждымъ днемъ. Атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась, а жизнь становилась пустѣе и безотраднѣе.

Такъ протекли и 1872 и 1873 годы. Въ концѣ перваго изъ нихъ, т. е. втораго года существованія „Бесѣды", по опредѣленію комитета министровъ, *сожгли двѣ ея книги*, (VII, IX №№) и воздержались отъ сожженія третьей только вслѣдствіе обѣщанія, даннаго С. А. Юрьевымъ, прекратить изданіе журнала. О послѣднемъ, т. е. о прекращеніи журнала, оба мы не плакали, ибо трудъ этотъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, становился съ каждымъ днемъ все тяжче, менѣе производительнымъ и менѣе отраднымъ. Указъ Іюня 1872 года передалъ печать въ полную зависимость администраціи; и мы, закрывши „Бесѣду", почувствовали себя какъ-бы свободнѣе.

Въ Сапожковскихъ земскихъ собраніяхъ, очередныхъ и чрезвычайныхъ, обоихъ упомянутыхъ годовъ не произошло ничего особеннаго. Мы усердно занимались мѣстными дѣлами; заботились о дорожныхъ сооруженіяхъ, объ устройствѣ земской почты и обращали все болѣе и болѣе вниманіе на школы, которыхъ число постепенно увеличивалось, на больницу, уѣздные больничные пріемные покои и другія медицинскія пособія, которыя дорого намъ стоили и мало пользы приносили, и пр. Очень охотно мы предлагали и утверждали разныя ходатайства предъ высшимъ правительствомъ и прямо къ нему, и чрезъ губернское собраніе; но почти постоянно получали отъ перваго отказы, или наши представленія оставлялись даже безъ отвѣта.

Губернскія земскія собранія были, разумѣется, и живѣе, и интереснѣе уѣздныхъ. Губернская управа, имѣя во главѣ кн. Волконскаго, вела земскія дѣла отмѣнно хорошо: благотворительныя заведенія, переданныя отъ приказа общественнаго призрѣнія, видимо улучшились и управлялись съ надле-

жащею хозяйственностью; училище для образованія учителей для первоначальныхъ школъ уже давало очень хорошихъ наставниковъ; наблюденіе за дорожными сооруженіями въ губерніи, за счетоводствомъ въ управѣ и за ходомъ земскаго страховаго дѣла, было самое тщательное. Доклады губернской управы собранію были такъ разработаны, и ея соображенія и закюченія были такъ основательны, что намъ гласнымъ оставалось только съ ними соглашаться. Хотя въ собраніи крѣпостники уже начинали сплотняться и были сильно поддержаны и начальникомъ губерніи (г. Болдыревымъ), и предсѣдателемъ собранія (г. Реткинымъ) и устремляли самыя ожесточенныя усилія противъ губернской управы; но всѣ ихъ дѣйствія оставались безуспѣшны. Въ эти два года губернская управа, съ помощью избранной собраніемъ коммиссіи и разныхъ гласныхъ, составила очень хорошую разцѣнку земель, по ихъ доходности, во всѣхъ уѣздахъ губерніи, для раскладки губернскихъ сборовъ. Собраніе разсмотрѣло эту разцѣнку и ее утвердило. Управа предложила и собраніе приняло произвести черезъ техниковъ разцѣнку фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній, которыя до того времени очень низко и вовсе не уравнительно были обложены сборами. Для этого избрана была коммиссія, которой вмѣстѣ съ управою поручено было какъ составленіе инструкціи для оцѣнщиковъ, такъ и вообще наблюденіе за производствомъ этого дѣла. Само собою разумѣется, главная тутъ дѣятельность была со стороны управы или, вѣрнѣе сказать, ея предсѣдателя, но и коммиссія отнеслась къ дѣлу очень усердно. Какъ въ первой, такъ и въ этой коммиссіи я принималъ живое участіе.

Послѣ губернскаго земскаго собранія въ концѣ Декабря 1873 года, пріѣхалъ я въ Москву и нашелъ въ обществѣ то-же грустное, безжизненное настроеніе, какъ и въ предъидущіе годы. Да иначе и быть не могло. И печать, и земскія собранія, въ своихъ дѣйствіяхъ, были до крайности стѣснены. Собирались у насъ по вторникамъ, но живаго слова почти не было слышно.

Почти ежегодно зимою я ѣзжалъ въ Петербургъ и тамъ оставался около недѣли; и видѣлся тамъ съ людьми и во власти состоящими, и внѣ ея обрѣтающимися. Все тяжче и тяжче становились впечатлѣнія, которыя оттуда я увозилъ. До 1866 года пріятно и какъ бы животворно было туда ѣздить. Хотя уже и тогда такъ называемые консерваторы захватывали все болѣе и болѣе власти въ свои руки и старались, если и не уничтожать, то по крайней мѣрѣ сокращать благія дѣйствія предпринятыхъ реформъ; но они еще интересовались тѣмъ, что происходило въ Москвѣ и во внутренности имперіи, распрашивали, со вниманіемъ слушали то, что имъ сообщалось; и видно было, что они хотя нѣсколько уважали общественное мнѣніе и не совсѣмъ презирали заявлявшіяся потребности страны. Въ послѣднее время, и министры, и ихъ подчиненные, и даже люди, не во власти состоящіе, а такъ себѣ въ Петербургѣ живущіе, совершенно перестали распрашивать о томъ, что дѣлается внѣ Петербурга; вся наша пространная многолюдная страна перестала для нихъ какъ-бы существовать, и весь ихъ міръ сосредоточился въ Петербургѣ и почти въ сферѣ одной дворцовой жизни. Своимъ ушамъ не вѣришь и уму кажется не понятнымъ, какъ люди прежде и умные, и даже либеральные могли превратиться въ существа и бездушныя, и почти безсмысленныя.

Это крайне тяжкое положеніе нашей страны и грустное настроеніе моего духа заставили меня написать *книжку*, которую я озаглавилъ: „*Наше положеніе.*“ Въ Москвѣ я ее читалъ кой кому; и всѣ находили, что наше положеніе вполнѣ вѣрно мною изображено. И самъ я былъ доволенъ моимъ произведеніемъ, — что́ случалось со мною не часто. Напечатать эту книжку въ Россіи было не мыслимо. Двѣнадцать лѣтъ я ничего не печаталъ за границею и пробавлялся кое-какъ нашею свободою печати; но наступило такое время, что молчать считалъ невозможнымъ; а имѣть дѣло съ цензурою — не мыслимымъ; а потому я рѣшился ѣхать за границу по окончаніи нашихъ земскихъ выборовъ. (Въ

этомъ году избирались гласные на четвертое трехлѣтіе.) Я рѣшился на это тѣмъ охотнѣе, что чувствовалъ потребность въ Эмскихъ водахъ. 21 Іюля я отправился изъ Москвы, черезъ Смоленскъ въ Варшаву. Тутъ видѣлся я съ нѣсколькими Поляками и всего болѣе провелъ времени и много бесѣдовалъ съ переѣхавшимъ изъ Москвы проф. Симоненко. Мрачное мое настроеніе отъ этихъ бесѣдъ, нисколько не прояснилось, а напротивъ того оно еще болѣе сгустилось. Да! мы все дѣлаемъ, чтобы раздражать наши окраины.

24 Іюля я былъ уже въ Берлинѣ. Тутъ я познакомился съ книжнымъ магазиномъ *Бера* и особенно съ его главнымъ прикащикомъ Леманомъ, человѣкомъ очень умнымъ и милымъ: Онъ взялся напечатать мою книжку въ Лейпцигѣ и обѣщалъ присылать ко мнѣ корректуры въ Эмсъ. Перечитавши еще разъ мою рукопись и сдѣлавши въ ней нѣкоторыя исправленія я передалъ ее Леману и отправился изъ Берлина. Въ Эмсѣ пилъ воды, бралъ ванны, много гулялъ и читалъ, и особенно много бесѣдовалъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, который также туда пріѣхалъ пользоваться водами. Я сообщалъ ему корректуры моей книжки, которыя получалъ въ Эмсѣ, и онъ одобрилъ начертанную мною картину. Обыкновенно мы съ Ю. Ѳ. Самаринымъ много спорили, но на сей разъ, въ Эмсѣ, мы какъ-то пѣли въ унисонъ.

Изъ Эмса черезъ Франкфуртъ поѣхалъ я въ Лейпцигъ, для окончанія просмотра и исправленія корректуръ моей книжки. Тутъ я пробылъ нѣсколько дней, изъ которыхъ одинъ былъ посвященъ Нѣмцами празднованію Седанской побѣды. Удивительно, какъ Нѣмцы, отмѣнно умные въ книгахъ, крайне глупы въ практической жизни. Какихъ нелѣпостей, при этомъ празднованіи, они не совершили! — Получивши нѣсколько экземпляровъ отпечатанной моей книжки и отправивши одинъ изъ нихъ, при всеподданнѣйшемъ письмѣ въ Петербургъ *къ Государю Императору*, я поѣхалъ изъ Лейпцига на Берлинъ и Петербургъ; 2 Сентября я былъ уже въ Москвѣ, а 5-го въ Песочнѣ.

25 Мая въ этомъ году (1874) состоялось новое положеніе

о начальныхъ народныхъ училищахъ, которымъ значительно и въ враждебномъ земству духѣ измѣнялось прежнее по сему предмету положеніе 1864 года. Въ теченіе шести лѣтъ я былъ предсѣдателемъ уѣзднаго училищнаго совѣта, по его избранію; на основаніи новаго закона, предсѣдательство возлагалось на предводителя дворянства. Вслѣдствіе этого я передалъ ему эти обязанности и думалъ отказаться и отъ членства въ совѣтѣ. Къ этому побуждало меня особенно то, что власть казенныхъ инспекторовъ была страшно усилена; что земство имѣло только двоихъ отъ себя представителей; и что предводителю дрорянства были даны почти неограниченныя права по устраненію учителей и по закрытію школъ. Однако въ слѣдующемъ земскомъ собраніи устроилось такъ, что мнѣ пришлось остаться членомъ училищнаго совѣта отъ земства. При чтеніи отчета о школахъ Сапожковскаго уѣзда я предложилъ собранію не передавать вновь образованному училищному совѣту распоряженія деньгами, ассигнуемыми на школы, а оставить эти суммы въ вѣдѣніи управы съ тѣмъ, чтобы она распоряжалась ими не иначе, какъ съ согласія членовъ училищнаго совѣта отъ земства. Это очень понравилось собранію и было имъ единогласно утверждено; а за симъ убѣдительно меня просили остаться членомъ училищнаго совѣта и устроить это дѣло такъ, чтобы и при новомъ порядкѣ школы главнѣйше зависѣли отъ земства, могли умножаться и улучшаться. Какъ я дорожилъ ихъ существованіемъ и успѣхами, то пришлось мнѣ на это согласиться. — Прочія дѣйствія очереднаго уѣзднаго земскаго собранія не представили ничего особеннаго интереснаго, а выборы удержали всѣхъ служащихъ на мѣстахъ, ими занимаемыхъ.

Губернское наше земское собраніе замѣчательно по многимъ обстоятельствамъ. Новый губернаторъ *Н. С. Абаза* открылъ собраніе рѣчью довольно обстоятельною — такою, какой прежде мы никогда не слыхивали. Онъ высказалъ намъ, Рязанскому земству вообще, и комплименты, и весьма сочувственныя увѣренія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не пощадилъ нѣкоторыя уѣздныя земства и особенно Михайловское за его равнодушіе,

14*

какъ бы даже нерасположеніе, къ народному образованію и охраненію народнаго здравія. Предсѣдатель управы, кн. Волконскій, прочелъ собранію прекрасный обзоръ земской дѣятельности Рязанской губерніи за девятилѣтіе съ 1866 по 1875. Собраніе благодарило его единогласно, хотя, конечно, не всѣмъ этотъ обзоръ былъ по душѣ. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ до 1874 года были у насъ двѣ, такъ сказать, партіи — крѣпостники и либералы; и къ сожалѣнію первые чаще побѣждали, чѣмъ послѣдніе. Эту бѣду исправляла наша губернская управа, которая вела дѣла въ истинно-земскомъ духѣ. Но теперь, по милости указа 1874 года объ уѣздныхъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, куда непремѣнные члены имѣли избираться губернскими собраніями, явилась *новая партія* — искателей этихъ мѣстъ. Сперва они держали себя довольно неопредѣленно; но вскорѣ увидѣли, что легко подкупать своими голосами гг. крѣпостниковъ, и потому явно и отъ души къ нимъ присоединились. Еще никогда не было въ нашихъ собраніяхъ такихъ безобразій и въ рѣчахъ, и въ балотировкахъ. Изъ послѣднихъ особенно знаменательны были открытыя балотировки: ими подкупались голоса къ предстоявшимъ выборамъ. Чѣмъ предложеніе было болѣе въ чисто и узко дворянскомъ смыслѣ, тѣмъ оно могло разсчитывать на большее въ свою пользу число голосовъ. Гг. Крѣпостники торжествовали и съ жалостью на насъ смотрѣли. Однако губернская управа осталась въ прежнемъ ея составѣ и они не дерзнули ее низвергнуть. Кн. Волконскій и прочіе члены были вновь избраны хотя и меньшимъ противъ прежняго числомъ избирательныхъ шаровъ. Съ очень тяжкимъ чувствомъ вернулся я изъ Рязани въ Москву.

Эта зима (1874/5 г.), какъ и предъидущія, была вообще безжизненна и ничѣмъ замѣчательнымъ не ознаменовалась. Съ пріятелями видался я довольно часто; много мы толковали и о томъ, и о семъ и всего болѣе о недавно тогда изданныхъ трудахъ такъ называемой *Валуевской коммиссіи* „по изслѣдованію нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской

промышленности въ Россіи.“ Какъ эти труды напечатанные, раздававшіеся довольно щедро и даже пущенные въ продажу, возбудили вновь и въ обществѣ, и въ литературѣ жаркія пренія объ общинѣ и общинномъ владѣніи, и заставили меня написать книжку и напечатать ее за границею, то считаю нужнымъ на этомъ нѣсколько пріостановиться.

Въ 1872/3 году была учреждена, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, *П. А. Валуева*, коммиссія изъ разныхъ тайныхъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, представителей разныхъ вѣдомствъ: министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, удѣловъ и государственныхъ имуществъ. Для придачи ей пущей важности, были затребованы свѣдѣнія изъ 958 разныхъ источниковъ, и составлены изъ доставленныхъ свѣдѣній многотомные своды; сверхъ того приглашались въ засѣданія коммиссіи многіе эксперты изъ разныхъ сферъ и сословій. Обстановка коммиссіи, какъ изъ сказаннаго видно, была великолѣпная и напоминала или, по крайней мѣрѣ, имѣла въ виду напомнить англійскія парламентскія коммиссіи. Она имѣла не менѣе 52 засѣданій. Затѣмъ изданъ былъ обширный и очень обстоятельный докладъ съ четырьмя толстыми томами приложеній. Одна изъ главныхъ причинъ застоя сельскаго хозяйства въ Россіи и слабаго его развитія заключалась, по свѣдѣніямъ, собраннымъ коммиссіею, въ общинномъ крестьянскомъ землевладѣніи; а потому принятіе мѣръ, если и не къ немедленной, закономъ произведенной его отмѣнѣ, то къ постепенному его сокращенію и упраздненію, составляло, по мнѣнію коммиссіи, неотложную и непремѣнную задачу для администраціи и законодательной власти. Докладъ написанъ довольно ловко; всѣ показанія крестьянъ и приглашенныхъ экспертовъ, защищавшихъ общинное землевладѣніе, были изложены въ докладѣ коротко и въ общихъ выраженіяхъ, а доводы и соображенія противниковъ общины были тщательно собраны и рельефно выставлены. Въ бытность мою въ Петербургѣ зимою 1873 года, я былъ также приглашенъ *какъ экспертъ* въ эту коммиссію, и мои слова, въ сокращенномъ

видѣ, нашли мѣсто въ толстыхъ томахъ Приложеній. Замѣчательно, какъ бюрократія сумѣла, изъ разнородныхъ, даже противоположныхъ и самыхъ положительныхъ показаній, составить докладъ, какъ будто безпристрастный и на добытыхъ данныхъ строго основанный, а дѣйствительно выражавшій только личное мнѣніе министра — Русскаго по фамиліи, и Нѣмца-остзейца по понятіямъ и чувствамъ. Въ газетахъ, въ мѣсячныхъ журналахъ, даже въ салонахъ завязались вновь жаркіе споры объ общинѣ и общинномъ землевладѣніи; противники ихъ всячески старались представить ихъ и въ революціонно-соціалистическихъ, и въ ретроградныхъ видахъ, искали схоронить эти ненавистныя чудовища, и на ихъ могилахъ устроить панскіе или баронскіе суды и порядки. Началъ я писать по этому поводу статью для какого-нибудь русскаго журнала; но она разрослась, приняла образъ не вполнѣ цензурный и я рѣшился отправить ее въ Берлинъ, гдѣ она и была напечатана въ Мартѣ 1875 года, въ видѣ отдѣльной *книжки* подъ заглавіемъ: „Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи.“

Книжка моя: „Наше положеніе“, напечатанная въ прошломъ году въ Берлинѣ, прошла не безслѣдно. Хотя въ Россіи она подверглась безусловному запрещенію, однако проникнула туда въ значительномъ числѣ экземпляровъ; и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ много о ней говорили и по поводу ея предложено было мнѣ много вопросовъ и высказано много недоумѣній и возраженій. Она удостоилась перевода на нѣмецкій языкъ, а выписки изъ нея печатались въ Times'ѣ и другихъ англійскихъ журналахъ. Тайная наша полиція соблаговолила также обратить вниманіе на это мое произведеніе, произвела кой-гдѣ захваты и допросы, а Начальникъ III отдѣленія докладывалъ объ этомъ даже Государю Императору; но отъ Его Величества не послѣдовало по этому предмету никакого карательнаго повелѣнія. Предложенные мнѣ вопросы и заявленныя мнѣ недоумѣнія и возраженія побудили меня написать новую книжку, въ видѣ продолженія къ „Нашему положенію.“ Позволю себѣ здѣсь повторить сказанное

мною въ предисловіи къ новой моей книжкѣ: „Общая земская дума въ Россіи“, напечатанной въ Берлинѣ въ Августѣ 1875 года. Думаю, что это повтореніе будетъ здѣсь умѣстно:

„Книжка моя: „Наше положеніе“, встрѣченная многими съ сочувствіемъ и доставившая мнѣ нѣсколько пріятныхъ отзывовъ, подверглась въ Россіи, къ крайнему моему прискорбію, *безусловному запрещенію*.

За что?

За то ли, что въ ней проповѣдовались какія-либо безбожныя или безнравственныя нигилистическія мнѣнія? — Нѣтъ! самый строгій православный христіанинъ не найдетъ въ ней ни одного мнѣнія, ни одного выраженія, хотя сколько-нибудь противнаго ученію нашей церкви или заповѣдямъ христіанской нравственности.

За то ли, что въ этой книжкѣ содержатся выходки противъ самодержавія или противъ личности царствующаго Государя или вообще противъ верховной власти? — Конечно, нѣтъ! ибо не могъ я говорить чего не думаю; а я вполнѣ и глубоко убѣжденъ въ необходимости самодержавія для Россіи; считаю великимъ счастіемъ незыблимость верховной власти въ нашемъ отечествѣ; искренне преданъ своему Государю и отъ души Его люблю за великія имъ совершенныя преобразованія и за личныя Его ко мнѣ милости.

За то ли, что въ моей книжкѣ высказаны какія-либо революціонныя начала, возбужденія къ неповиновенію вообще или къ враждѣ одного сословія противъ другаго? — Нѣтъ! сто разъ нѣтъ! Я совершенно чуждъ революціонизма и по характеру, и по убѣжденіямъ, и по лѣтамъ, и по моему положенію вообще. Смѣло вызываю самаго придирчиваго слѣдователя и самаго беззастѣнчиваго доносщика указать, гдѣ я возбуждалъ какія-либо страсти или лица къ противудѣйствію правительству или къ борьбѣ сословій между собою, или къ какимъ-либо другимъ противузаконнымъ дѣйствіямъ.

За что же, наконецъ, *безусловно запрещена*, въ Россіи, моя книжка?

За то, что въ ней высказаны нѣкоторыя правды на счетъ

настоящаго нашего положенія и дѣйствительнаго веденія у насъ дѣлъ; что онѣ изложены хотя и безъ злобы и насмѣшки, но и безъ утайки и прикрышки; и что тѣмъ нарушается гармонія лжи, которою стараются все прикрыть.

Грустно, очень грустно, что дома, между своими, нельзя откровенно бесѣдовать о нашихъ общихъ нуждахъ, и что необходимо прибѣгать къ берлинскимъ или лейпцигскимъ станкамъ, чтобы свободно передавать свои мысли и чувства. Прискорбно и то, что надо ѣхать за границу или прибѣгать къ нарушенію таможенныхъ правилъ, чтобы достать и прочесть книги объ Россіи — книги не нигилистическія, не революціонныя, не безнравственныя, а только имѣющія свойство правдивости относительно нашего отечества. — Неужели это требуется государственною пользою и спокойствіемъ страны?

Объясню здѣсь, въ короткихъ словахъ, цѣль нынѣ печатаемой книжки.

Въ концѣ изданной, въ прошломъ году, книжки: „Наше положеніе“, мы вывели необходимость учрежденія у насъ государственной земской думы и не высказали нашего мнѣнія о томъ: какъ и изъ кого её составить? Какія права ей предоставить? Какія обязанности на нее возложить? Какой кругъ дѣятельности ей очертить? Къ этому мы присовокупили: „Эти и другіе вопросы — разрѣшить не трудно. Самое существенное — убѣдиться, что мы не можемъ долѣе оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ находимся, что намъ необходимо изъ него выдти, и что единственный къ тому путь и способъ есть учрежденіе сказанной думы.“ — Многіе, изъявляя свое сочувствіе къ этой мысли, предлагали мнѣ разные вопросы: Какъ согласовать существованіе такой думы съ самодержавіемъ? Предоставлять ли ей разсмотрѣніе государственной смѣты приходовъ и расходовъ? Будетъ ли эта дума вправѣ отказывать правительству въ расходахъ, которые она сочтетъ излишними, въ установленіи новыхъ налоговъ или въ усиленіи уже существующихъ? Если дума не будетъ вооружена рѣшительнымъ голосомъ, то будетъ ли она

имѣть какое-либо значеніе? Всѣ ли проэкты законовъ должны проходить черезъ думу или самодержавная власть сохранитъ за собою право издавать таковые и помимо думы? Какъ производить выборы гласныхъ? На какой срокъ ихъ избирать? Въ какое время имъ собираться и долго ли должны продолжаться ихъ собранія? — Еще много другихъ вопросовъ было мнѣ предложено; изъ нихъ я убѣдился, что большинство вопросителей сбивалось на европейскій конституціонализмъ, котораго я вовсе не имѣю въ виду, и что необходимо изложить обстоятельно то мнѣніе, которое я себѣ составилъ о дѣятельности предполагаемой мною земской думы.

Вотъ поводъ къ написанію и изданію этой книжки. Авось она заставитъ иныхъ призадуматься, другихъ — высказать свои, быть можетъ, лучшія, по сему предмету, мысли, а цензуру — наконецъ, убѣдиться въ моихъ анти-революціонныхъ, истинно консервативныхъ и искренне вѣрноподданническихъ чувствахъ и мнѣніяхъ.

Еще два слова.

И вновь изданная мною въ Берлинѣ книжка: „Объ общинномъ землевладѣніи“ — подверглась запрещенію!

Это за что́?

Разгадка причины этого запрещенія уже превышаетъ мои умственныя силы.

Думалъ, что упрекнутъ меня за то, что такое сочиненіе, русскимъ охранительнымъ духомъ проникнутое, напечатано мною не въ Россіи, и что тѣмъ я ограничилъ и затруднилъ его обращеніе въ странѣ нашей. — Нѣтъ! Цензура эту книжку запретила.

11/23 Іюля 1875.

Эмсъ.

Въ первыхъ числахъ Мая, отправился я въ деревню, объѣхалъ всѣ свои хозяйства, сдѣлалъ нужныя по нимъ распоряженія, произвелъ, какъ членъ училищнаго совѣта, экзамены по сельскимъ школамъ и былъ 16 Іюня уже въ Москвѣ, а 17-го отправился за границу. Въ Берлинъ пріѣхалъ 20-го, тамъ пробылъ не долго; уговорился съ Беромъ на счетъ печатанія моей новой книжки, и 23-го былъ уже въ Эмсѣ. Тамъ была жена моя, вскорѣ туда пріѣхали Погодины. Тутъ познакомился съ *М. Т. Лорисъ-Меликовымъ.* Вотъ какъ это случилось. Выпивши стаканъ Кесселя, я прогуливался; подходитъ ко мнѣ незнакомый русскій, называетъ себя и говоритъ: „Я прочелъ вашу книжку „Наше положеніе“, вполнѣ сочувствую вашимъ взглядамъ и желаніямъ и непремѣнно пожелалъ съ вами познакомиться.“ Тотчасъ мы разговорились; въ тотъ же день онъ былъ у меня и обѣдали мы вмѣстѣ. Съ этого дня и до отъѣзда мы были не разлучны; вмѣстѣ обѣдали, гуляли и вечера проводили. Никогда не забуду этихъ трехъ недѣль, проведенныхъ въ Эмсѣ съ Погодинымъ и Лорисъ-Меликовымъ. Наши бесѣды были столь же интересны, сколько и дружественны. Никакъ я не думалъ тогда, что съ Погодинымъ я проводилъ послѣдніе дни, и что разставшись въ Эмсѣ, мы болѣе не увидимся. Лорисъ-Меликовъ произвелъ на меня очень пріятное и сильное впечатлѣніе; онъ поражалъ не только своимъ умомъ и простотою обхожденія, но и сердечностью и полнотою жизненности во взглядахъ и понятіяхъ. На другой день послѣ нашей первой встрѣчи, мы были съ нимъ какъ старые пріятели и хотя военный, армянинъ, проведшій большую часть своей жизни на Кавказѣ, онъ смотрѣлъ на вещи и событія какъ Русскій гражданинъ и какъ человѣкъ современно развитый.

Погодину и Лорисъ-Меликову, по вечерамъ я иногда читалъ писавшуюся мною тогда книжку: „Общая земская дума“; они мнѣ дѣлали замѣчанія, предлагали вопросы; и изъ этого выходили очень интересныя и живыя бесѣды.

По окончаніи курса водъ, я отправился въ Франкфуртъ,

а оттуда на пароходѣ по Рейну, черезъ Кёльнъ, гдѣ еще разъ любовался соборомъ и мостомъ, въ Остенде. По преклонности лѣтъ моихъ, совѣтовали мнѣ не купаться въ морѣ, что́ я страстно любилъ, а только брать ванны морской воды. Не утерпѣлъ — пробовалъ купаться въ морѣ; но это сильно меня раздражало; и я ограничился ваннами. Много гулялъ; много вдыхалъ въ себя морскаго воздуха; окончилъ исправленіе моего сочиненія „объ общей думѣ" и отправилъ его въ Берлинъ для набора. Въ Остенде проводилъ время довольно пріятно; тутъ познакомился съ однимъ очень умнымъ человѣкомъ, г. *Ратынскимъ*, членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Онъ упрекалъ меня въ томъ, что я напечаталъ въ Берлинѣ мою книжку объ общинномъ землевладѣніи и увѣрялъ меня, что ее можно было бы издать и въ Россіи, за искюченіемъ или съ измѣненіемъ только нѣсколькихъ строкъ. Хотя я этому и плохо вѣрилъ, но слѣдующею зимою, въ бытность мою въ Петербургѣ, я вздумалъ убѣдиться въ справедливости словъ одного изъ заправителей нашею цензурою. Я подалъ начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, г. *Григорьеву*, старому моему знакомому, просьбу о дозволеніи мнѣ перепечатать въ Россіи эту книжку; а на словахъ я ему передалъ сказанное мнѣ г. Ратынскимъ. Г. Григорьевъ передалъ ему на разсмотрѣніе мою книжку и оказалось, что этотъ либеральный, какъ его называли, и какъ онъ себя заявлялъ, цензоръ потребовалъ исключенія *почти цѣлой трети* текста. Храню отзывъ Ратынскаго и его отмѣтки въ моей книжкѣ, какъ памятникъ цензорской правдивости и добросовѣстности.

На возвратномъ пути пробылъ я въ Берлинѣ цѣлую недѣлю; исправлялъ корректуры моей книжки и читалъ произведенія русскихъ нигилистовъ-анархистовъ. Имъ я просто дивился; безсмыслица, полное незнаніе духа и потребностей русскаго народа и даже его языка. Изъ Берлина я поѣхалъ на Петербургъ, и былъ 24 Августа въ Москвѣ, а 29-го уже въ деревнѣ — с. Песочнѣ. — Изъ Берлина, и эту мою

книжку, какъ и прежнія, при всеподданнѣйшемъ письмѣ отправилъ въ Петербургъ, къ Государю Императору.

Въ нашемъ очередномъ уѣздномъ земскомъ собраніи усердно занимались мѣстными дѣлами. Особенно замѣчательно было то, что о народномъ образованіи, т. е. о сельскихъ школахъ еще никогда такъ не заботились и не хлопотали, какъ въ этотъ разъ. Было даже сдѣлано предложеніе о ходатайствѣ предъ высшимъ правительствомъ объ установленіи для крестьянъ обязательно обученія; и это предложеніе, при поддержкѣ со стороны гласныхъ отъ крестьянъ, было принято даже большинствомъ голосовъ. Не смотря на всю мою ревность къ успѣхамъ распространенія грамотности въ народѣ, я, конечно, подалъ свой голосъ противъ этого предложенія. — Въ этомъ же году были выборы мировыхъ судей на новое трехлѣтіе. Выборы состоялись въ полномъ порядкѣ и почти всѣ участковые и почетные мировые судьи остались прежніе. Прослуживши три трехлѣтія предсѣдателемъ мироваго съѣзда, я, на сей разъ, не смотря на общія и настоятельныя просьбы мировыхъ судей, отказался отъ предсѣдательства; ибо эти обязанности меня, престарѣлаго и полу-глухаго, крайне утомляли.

Въ губернскомъ земскомъ собраніи, предсѣдательствовалъ уже не г. Реткинъ: запутавшись въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и позанявши еще кой-у кого сколько можно было денегъ, даже у чистыхъ бѣдняковъ, онъ скрылся за границу. Должность его исправлялъ и въ собраніи предсѣдательствовалъ рязанскій уѣздный предводитель дворянства, г. *Рюминъ*, человѣкъ еще менѣе умный, чѣмъ Реткинъ и еще болѣе пристрастный къ партіи крѣпостниковъ. Это собраніе наше было довольно бурно и особенно обильно интригами и разными безпорядками. Противная намъ партія, имѣвшая во главѣ Егорьевскаго-Афанасьева и Михайловскаго кн. Гагарина, и въ своихъ рядахъ Ряжскаго-Лукинскаго и Касимовскаго-Алѣева позволила себѣ самыя ярыя выходки противъ губернской управы и пуще всего противъ ея предсѣдателя, кн. Волконскаго. Главнымъ предметомъ нападеній была учи-

тельская семинарія. Упрекали управу въ томъ, что тамъ плохо и недостаточно преподается Законъ Божій, что ученикамъ даютъ слишкомъ много воли, и что страшная распущенность царитъ во всемъ управленіи семинаріи. Мы горячо защищали и управу, и семинарію; особенно сильно и много говорили Дашковъ, кн. Волконскій и А. Левашовъ. Эти пренія поглотили не менѣе цѣлыхъ трехъ засѣданій. Были столкновенія между партіями и по другому вопросу, — по отдачѣ подъ судъ членовъ Пронской земской управы. Но, не смотря на эти разногласія въ собраніи, оно еще не расходилось въ балотировкахъ по существеннымъ земскимъ вопросамъ; такъ, почти единогласно были утверждены рѣшенія по разнымъ административнымъ дѣламъ, и предложенія о ходатайствахъ предъ высшимъ правительствомъ объ упраздненіи посредническихъ коммиссій по размежеванію, о преобразованіи губернскаго статистическаго комитета, объ избраніи непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій не въ губернскихъ, а въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ и пр.

Въ Рязани, въ самый разгаръ нашихъ земскихъ преній и дѣйствій, я получилъ извѣстіе о *кончинѣ М. П. Погодина*. Это извѣстіе, хотя я его и ожидалъ, сильно меня огорчило. Послѣ того что мы разстались въ Эмсѣ, онъ съ женою своею поѣхалъ въ Гомбургъ къ кн. П. А. Вяземскому, а оттуда черезъ Мюнхенъ возвратился въ Россію. Въ Смоленской губерніи онъ остановился у сына и въ половинѣ Октября онъ былъ уже въ Москвѣ. Тутъ онъ бодро принялся за работу и писалъ ко мнѣ, что чувствуетъ себя очень хорошо. Въ Ноябрѣ онъ произнесъ въ „Славянскомъ обществѣ“ очень хорошую рѣчь по поводу борьбы Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Но вскорѣ затѣмъ сталъ чувствовать въ оконечностяхъ — въ рукахъ и ногахъ не свободное движеніе, которое постепенно усиливалось и распространялось на другія части тѣла. Затѣмъ лишился способности говорить и, наконецъ, въ послѣдніе десять дней даже пересталъ узнавать людей ему близкихъ. Онъ скончался 8 Декабря на 76

году своей жизни. — Мы знакомы были съ университета, т. е. болѣе пятидесяти лѣтъ, а очень сблизились послѣ кончины А. С. Хомякова, т. е. съ 1860 года. Тутъ мы сдѣлались другъ для друга необходимыми, и наши сношенія все болѣе и болѣе учащались и скрѣплялись. Въ М. П. Погодинѣ я лишился послѣдняго единомыслящаго друга.

Въ концѣ Марта (1876 г.) поражены мы были совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ *о кончинѣ Ю. Ѳ. Самарина* въ Берлинѣ. Въ Декабрѣ онъ уѣхалъ изъ Москвы, очень усердно занялся въ Берлинѣ изученіемъ внутренняго управленія Германіи, съѣздилъ на нѣсколько дней въ Парижъ и возвратился въ Берлинъ. Тутъ онъ занемогъ и, нашедши неудобнымъ лежать больнымъ въ гостинницѣ, онъ переселился въ одинъ извѣстный Krankenhaus, гдѣ и скончался. Грустно было для насъ лишиться такого прекраснаго человѣка и такого полезнаго и даровитаго дѣятеля; но трагичность его кончины насъ особенно поразила. Имѣя огромную семью — мать, братьевъ, сестру, и состоя въ дружбѣ и пріязни съ весьма многими, онъ умираетъ въ полномъ одиночествѣ, посреди людей чужихъ; сердечно и глубоко любя Россію и ея народъ, онъ оканчиваетъ жизнь на чужбинѣ; воевавши постоянно и горячо противъ Нѣмцевъ, онъ въ послѣдніе свои дни и часы, окруженъ только Нѣмцами; извѣстный не только въ Россіи, но и въ Европѣ, онъ умираетъ въ нѣмецкомъ Krankenhaus'ѣ подъ чужимъ именемъ; наконецъ, православный христіанинъ и ревностный поборникъ православія, онъ не имѣетъ утѣшенія вѣры при послѣднихъ страданіяхъ (Священникъ пріѣзжаетъ, но находитъ его уже въ безпамятствѣ), и церковь православная при Русскомъ посольствѣ не впускаетъ къ себѣ тѣло усопшаго, и онъ отпѣвается въ протестантской церкви! Это ужасно!

Утѣшительно только одно: это дѣйствіе, произведенное кончиною Ю. Ѳ. Самарина, и сочувствіе ему, заявленное обществомъ и печатью и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Всѣ газеты и журналы, безъ всякаго различія мнѣній, сожалѣли объ утратѣ скончавшагося и говорили о его значеніи для

Россіи, о его трудахъ и заслугахъ. Рѣчамъ и статьямъ по этому поводу не было конца. На панихиды въ Петербургѣ и Москвѣ стекались со всѣхъ концовъ города и знакомые, и незнакомые. На похоронахъ въ Москвѣ было стеченіе людей огромное и только блисталъ своимъ отсутствіемъ представитель власти, — Московскій генералъ-губернаторъ (говорятъ, что онъ изъ Петербурга получилъ телеграмму, воспрещавшую ему быть на похоронахъ).

Умирали и прежде значительные мыслители и дѣятели даже такіе, какъ Хомяковъ и Гоголь. Друзья и знакомые оплакивали ихъ и изъявляли покойнымъ свою любовь и уваженіе; но общество и печать относились къ нимъ холодно, и только на время умолкали осужденія и насмѣшки со стороны противниковъ на счетъ мнѣній покойниковъ. Но по случаю кончины Самарина, едва ли не въ первый разъ общество живо высказало сочувствіе къ скончавшемуся общественному дѣятелю; а печать забыла прежнія распри и разногласія и соединилась въ воздаяніи покойному заслуженной похвалы. Много этому содѣйствовало то, что Самаринъ никогда не кадилъ власти, печаталъ многія свои произведенія за границею и былъ если и не гонимъ, то заподозрѣнъ и не любимъ правительствомъ. Но и это обстоятельство не уменьшаетъ значенія общаго сочувствія. Наше общество и наша печать сильно страдаютъ лакействомъ. Слава Богу, что иныя чувства у насъ пробуждаются. Такое явленіе было немыслимо 30 лѣтъ тому назадъ. Видно хотя нѣсколько мы двинулись впередъ.

Похороны Погодина были многолюдны и торжественны. Но тогда хоронили тайнаго совѣтника, разныхъ орденовъ кавалера, заслуженнаго профессора, академика и никогда не бывшаго въ оппозиціи въ отношеніи къ правительству. Всѣ власти принимали участіе въ церемоніи, а жители хоронили своего роднаго. Теперь предавали землѣ коллежскаго совѣтника, не принявшаго орденъ Св. Владиміра, ему даннаго за общественную службу, и остававшагося болѣе 30 лѣтъ въ частной жизни.

Хотя въ послѣдніе годы отношенія между мною и Самаринымъ нѣсколько измѣнились, мы много спорили и расходились въ мнѣніяхъ по нѣкоторымъ даже важнымъ вопросамъ; однако мы сохранили другъ къ другу прежнія чувства благорасположенія и уваженія. А потому его неожиданная кончина меня очень огорчила.

Глава XVI. (1876—1877).

Зима 1875—1876 г. — 70-лѣтній возрастъ и передача хозяйства сыну. — Поѣздка на югъ Россіи. — Бразильскій Императоръ Донъ-Педро. — Зима 1876—1877 г. — Одушевленіе въ пользу Славянъ. — Война съ Турціею. — Народное воодушевленіе. — Пожертвованія. — Земскія дѣла. — Санъ-Стефанскій миръ. — Весна 1877 г. — Смерть кн. Черкасскаго. — Берлинскій трактатъ. — Рѣчь И. С. Аксакова въ Слав. Комитетѣ. — Всемірная выставка въ Парижѣ 1878 года.

Зима 1875/6 года въ Москвѣ вообще кое-какъ протекла: съѣзжались, сообщали другъ другу разные нерадостные слухи, толковали, даже спорили; вѣсти изъ Босніи и Герцоговины словно оживляли общество; но дѣйствительной жизни нигдѣ не было. Наступила весна и всѣ были рады разъѣхаться.

Лѣто съ семействомъ провелъ я въ селѣ Песочнѣ. Тутъ и тогда совершался новый переломъ въ моей жизни. Мнѣ стукнуло *70 лѣтъ*, до этого времени я энергично занимался своими хозяйственными дѣлами. Прежде я любилъ, даже съ увлеченіемъ, земледѣліе и вообще сельское хозяйство, винокуреніемъ и винною торговлею занимался я также довольно охотно. Но въ послѣдніе годы, эти занятія и хлопоты стали меня тяготить. Вслѣдствіе этого, я пригласилъ сына принять на себя, подъ моимъ наблюденіемъ, управленіе главнымъ имѣніемъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ первыхъ числахъ Іюня, и мы все лѣто до 1 Сентября вмѣстѣ занимались хозяйственными распорядками, а послѣ перваго Сентября съ дочерью и ея дочерьми отправился въ Крымъ, гдѣ я еще никогда не бывалъ. Мы пробыли нѣсколько дней въ Кіевѣ, посѣтили

Лавру, Николаевскій мостъ, церковь Андрея первозваннаго и вообще много ходили, ѣздили, любовались. Тутъ свидѣлся я съ старымъ пріятелемъ, *М. В. Юзефовичемъ,* котораго нашелъ очень подряхлѣвшимъ и еще болѣе приверженнымъ къ насильственной руссификаціи Поляковъ. Много мы съ нимъ поспорили; у него провелъ очень пріятно вечеръ, на который онъ пригласилъ для меня многихъ интересныхъ Кіевлянъ.

Одесса произвела на меня странное впечатлѣніе: городъ не русскій и не иностранный, а просто торговый. Навѣстилъ давняго своего знакомаго, попечителя учебнаго округа, г. *Голубцова*, обѣдалъ у него и познакомился со многими профессорами — Григоровичемъ, Дювернуа и др. Посѣтили мы университетъ и его музеи; но все это являлось какъ-то страннымъ, менѣе учеными и учебными учрежденіями, чѣмъ какими-то торгово-житейскими заведеніями. Объѣхали мы гавани, много по нимъ ходили; дивились ихъ оживленію; но безъ грусти, на третій день, сѣли на пароходъ, отправлявшійся въ Севастополь.

Переѣздъ изъ Одессы въ Севастополь былъ очень удаченъ: погода была великолѣпная; никто не страдалъ морскою болѣзнью, а я просто блаженствовалъ и еще разъ убѣдился, что мнѣ слѣдовало быть морякомъ. Вмѣстѣ съ нами ѣхалъ *Бразильскій Императоръ*, человѣкъ умный, совершенно простой въ обхожденіи и очень любезный въ разговорѣ. Много мы съ нимъ бесѣдовали. На слѣдующій день въ 10 часовъ утра, послѣ 19 часоваго плаванія мы были уже въ Севастополѣ.

Тутъ провели мы цѣлую недѣлю и пріятно, и грустно. Пріятно потому, что посѣтили Малаховъ курганъ, 4-й бастіонъ, французское кладбище, вновь строившійся соборъ, братское кладбище и пр. Соборъ обѣщалъ быть очень замѣчательнымъ по своей архитектурѣ; а братское кладбище было чрезвычайно интересно по памятникамъ и надписямъ на могилахъ падшихъ героевъ. Были мы также въ Инкерманѣ и любовались тамъ пещерами и особенно церковью, вырубленною въ горѣ. Цѣлый день посвятили мы Бахчисараю, Успенскому

скиту и Чуфутъ-Кале. Мы наслаждались и узнавали много новаго, крайне интереснаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Севастополь производилъ на насъ и очень тяжелое, грустное впечатлѣніе. Послѣ двадцати лѣтняго замиренія, Севастополь, — великолѣпнѣйшая гавань на Черномъ морѣ, святыня для Россіи въ патріотическомъ отношеніи, — оставался почти въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ послѣ ухода враговъ; почти три четверти зданій представлялась развалинами; городъ почти безлюденъ; на улицахъ почти никого не встрѣчали; лавченки пустыя, — во всемъ и вездѣ отсутствіе жизни и заботы о краѣ. Замѣчательно, что чудные доки, переданные, не знаю чего ради, обществу пароходства и торговли, являлись также не живымъ поприщемъ компанейской дѣятельности, а обязательнымъ мѣстопребываніемъ какъ бы казенной службы и работы.

Въ седьмой день нашего пребыванія въ Севастополѣ мы рѣшились на слѣдующее утро оттуда отправиться далѣе. Мы заѣхали въ Георгіевскій монастырь и ѣхали до Байдарскихъ воротъ, наслаждавшись только прекрасною погодою и хорошимъ воздухомъ. Но грустно было видѣть, что чудный край и по почвѣ, и по климату оставался какъ-бы пустынею, въ плохо обработанномъ, почти заброшенномъ видѣ: поля коекакъ всцарапанныя; луга кое-гдѣ скошенные и сѣнные стога, изрѣдка по нимъ разбросанные. У Байдарскихъ воротъ, при въѣздѣ къ прибрежью, мы остановились; картина моря и живописнаго берега насъ просто очаровала; не смотря на рѣзкій вѣтеръ и даже приближавшійся дождь, долго мы не могли рѣшиться — сѣсть опять въ коляску и ѣхать далѣе. Наконецъ, мы двинулись впередъ и не понукали нашего ямщика, а напротивъ того постоянно его удерживали, ибо на каждомъ шагу представлялись самые очаровательные виды.

Вся дорога до Ялты — восхитительная. Переночевавши въ Мердынѣ, мы по утру пріѣхали въ Ялту, гдѣ не безъ труда нашли для себя пригодную квартиру. Гулянья въ самой Ялтѣ не завлекательны; но окрестности ея прелестны. Мы постепенно объѣхали Ливадію (куда нужно было вы-

хлопотать билетъ), Оріанду, Алупку, Юрзуфъ, Массандру, Никитинскій ботаническій садъ, Могарачъ и пр. Природа вездѣ восхитительная; но и искусство кой-гдѣ не мало сдѣлало. Всего пріятнѣе и дольше мы пробыли въ Алупкѣ, гдѣ Воронцовы много сдѣлали для украшенія мѣстности, и кой-что для удобства посѣтителей. Въ Ялтѣ очень мало о нихъ заботятся: обѣды вездѣ только сносны; прогулки общественныя и тѣсны, и плохо содержимы; книжной лавки ни одной и газетъ нельзя было купить и можно было очень не многія изъ нихъ прочесть только въ клубѣ, помѣщавшемся на оконечности города. Вообще въ Ялтѣ мало сдѣлано для удовлетворенія потребностей пріѣзжей публики, но за то не упускали случаевъ брать съ нея за все втри — дорого.

Проживши въ Ялтѣ около мѣсяца, мы рѣшились оттуда выѣхать 16-го Октября. Испортившаяся погода и слухи, все болѣе и болѣе настоятельные, о приближающейся войнѣ съ Турціею заставляли многихъ, и насъ въ томъ числѣ, ускорить отѣздъ, который мы прежде назначили на самые послѣдніе дни Октября. Мы поѣхали на Алушту, гдѣ мы обѣдали, много гуляли и ночевали. На слѣдующій день мы отправились въ Симферополь, гдѣ также пробыли день. Дорога и самый городъ очень интересны и красивы. Оттуда, по желѣзной дорогѣ, поѣхали на Харьковъ и Тулу, гдѣ я своротилъ на Ряжскъ и къ себѣ въ с. Песочню.

Въ этомъ году (1876) я не участвовалъ въ засѣданіяхъ уѣзднаго земскаго собранія, ибо былъ въ Крыму, но оно было кратковременно (продолжалось только пять дней) и ничего замѣчательнаго не сдѣлало.

Въ декабрскомъ губернскомъ земскомъ собраніи также ничего особеннаго интереснаго не произошло. Пренія были и продолжительныя, и жаркія, но они заключались въ ожесточенныхъ нападкахъ на губернскую управу по поводу учительской семинаріи и дѣйствій по взаимному страхованію. Эти нападки, наконецъ, вывели изъ терпѣнія кн. Волконскаго и членовъ управы, и они всѣ заявили, что слагаютъ съ себя занимаемыя ими должности и просятъ избрать другихъ на

ихъ мѣста. Къ концу собранія всѣ были до крайности возбуждены и утомлены, а потому положено было собраться чрезвычайно въ Январѣ и тогда произвести выборы и порѣшить нѣкоторыя остававшіяся дѣла. Къ счастью, съѣхавшіеся въ Январѣ гласные были спокойнѣе и разумнѣе; огромнымъ большинствомъ (38 противъ 9) высказали довѣріе къ управѣ и просили предсѣдателя управы и ея членовъ остаться въ ихъ должностяхъ. Наконецъ, они согласились и это, хотя на время, упорядочило ходъ нашихъ земскихъ дѣлъ.

Зима 1876/7 года прошла въ Москвѣ много оживленнѣе предшествующей. Извѣстія съ Балканскаго полуострова всѣхъ живо интересовали. Толки объ отправляющихся туда добровольцахъ, дѣйствія Московскаго Славянскаго комитета и слухи о предстоявшей войнѣ съ Турціею волновали и общество, и печать. Еще никогда не было въ Россіи столько славянофиловъ, какъ тогда; одушевленіе въ пользу Славянъ росло и распространялось. „Голосъ", высказывавшійся противъ войны и за мирные переговоры, возбуждалъ сильные противъ себя негодованія, и даже я пересталъ его защищать, и читалъ его съ большимъ неудовольствіемъ. Слова, сказанныя Государемъ въ Кремлѣ при возвратномъ его проѣздѣ изъ Ливадіи въ Петербургъ, всѣми съ восторгомъ повторялись. И. С. Аксаковъ имѣлъ въ Москвѣ большое значеніе. Весною объявлена была *война* Турціи, и всеобщій восторгъ не имѣлъ границъ: земства, города, частныя лица, даже крестьянскія общества жертвовали, каждый по своимъ средствамъ, болѣе или менѣе значительныя суммы на военныя издержки, а также въ пособіе Славянамъ, или прямо, или чрезъ посредство Славянскаго комитета. Общее одушевленіе было таково, что оно напоминало 1812 годъ, когда для отраженія вторгнувшагося въ наши предѣлы врага, вся Россія вооружилась и готова была идти для спасенія отечества.

Въ началѣ лѣта, и земства, и города созвали чрезвычайныя собранія, для назначенія добровольныхъ пожертвованій на военные расходы. Въ Рязани въ земскомъ собраніи,

было положено поднести Государю Императору сто тысячъ рублей на этотъ предметъ и выразить готовность и на дальнѣйшія пожертвованія. Я туда не поѣхалъ, ибо не желалъ говорить противъ такого благаго порыва, но не считалъ себя, т. е. губернское земство, въ правѣ выходить изъ границъ своихъ полномочій и жертвовать не свои, а общія деньги на расходы не мѣстные, а общіе, не земствомъ утверждаемые.

Лѣто я провелъ спокойно въ деревнѣ, съ жадностью читая газеты и еще занимаясь, вмѣстѣ съ сыномъ, хозяйственными дѣлами. Извѣстія изъ арміи насъ и радовали, и сильно тревожили.

Уѣздное земское очередное собраніе было многочисленно и живо. Кромѣ обыкновенныхъ земскихъ хозяйственныхъ дѣлъ собраніе очень ревностно занималось разными вопросами, возбужденными по предмету призрѣнія больныхъ и раненыхъ воиновъ и на это ассигновало 3500 руб. и по поводу назначенія пособій женамъ и дѣтямъ нижнихъ чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія, призванныхъ на службу. Отчетъ членовъ училищнаго совѣта отъ земства возбудилъ также очень оживленныя и весьма сочувственныя пренія, и увеличеніе суммы на пособія сельскимъ школамъ было единогласно утверждено. Положено было также устроить въ городѣ пріютъ для сельскихъ мальчиковъ, которые учатся въ городскомъ училищѣ и не имѣютъ возможности жить въ городѣ у родныхъ; для бѣдныхъ, на ихъ содержаніе, назначена была сумма отъ земства, а для достаточныхъ установлена была годовая сумма ко взносу въ пріютъ. Собраніемъ было утверждено нѣсколько ходатайствъ къ высшему правительству, черезъ губернское земское собраніе, по народному образованію и по другимъ предметамъ, и между прочимъ по поводу состоявшагося указа, установившаго сборъ за бумагу по дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей. Какъ это узаконеніе состоялось по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земствъ, и какъ оно должно было составлять весьма незначительную денежную сумму и при томъ очень затруднять отчетность мировыхъ судей и ложиться тяжкимъ бременемъ на бѣднѣй-

шихъ жителей, то собраніе, по моему предложенію, положило ходатайствовать о предоставленіи, на усмотрѣніе уѣздныхъ земствъ, вводить у себя или нѣтъ этотъ сборъ. Выборы должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе произведены были вполнѣ добропорядочно и почти тѣ же лица остались при своихъ должностяхъ и званіяхъ. По малому пребыванію моему тогда въ уѣздѣ, я хотѣлъ сложить съ себя обязанности члена училищнаго совѣта, но долженъ былъ таковымъ остаться, ибо никого не оказалось, кто-бы меня замѣнилъ.

Губернское земское собраніе, открытое 1-го Декабря, было и очень многочисленно, и чрезвычайно продолжительно. Оно было многочисленно, потому что въ немъ предстояли выборы вообще и къ тому же выборы непремѣнныхъ членовъ въ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а на эти должности было чрезвычайно много охотниковъ. Оно было продолжительно, потому что были два дѣла, въ которыхъ интересы партій были живо затронуты; изъ этихъ дѣлъ одно заняло почти шесть засѣданій, а другое три; да и въ прочихъ засѣданіяхъ не разъ возвращались къ этимъ дѣламъ. Одно изъ нихъ было — закрытіе нашей земской учительской семинаріи или подчиненіе ея требованіямъ министерства народнаго просвѣщенія. Гр. Толстой, тогда завѣдывавшій этимъ министерствомъ, объявилъ войну всѣмъ земскимъ учительскимъ семинаріямъ и уже успѣлъ изуродовать или уничтожить нѣкоторыя изъ нихъ. Тяжко доставалось и нашей семинаріи, но губернская управа еще кое-какъ ее защищала и отстаивала. Графу Толстому хотѣлось всѣ земскія семинаріи превратить въ казенныя; вслѣдствіе этого его агенты предъявили къ управамъ требованія невозможныя. Наша управа очень искусно и настойчиво отражала нападеніе и директора первоначальныхъ школъ, и даже насылаемыхъ ревизоровъ. Наконецъ, гр. Толстой прислалъ формальное и категорическое требованіе, — закрыть семинарію или принять его условія, которыя заключались въ томъ, чтобы земство давало деньги на ея содержаніе, но нисколько не вмѣшивалось въ веденіе въ ней учебнаго дѣла и чтобы всѣ учителя на-

значались попечителемъ учебнаго округа. Управа внесла это требованіе съ своимъ докладомъ въ собраніе, гдѣ и завязались пренія, которыя велись съ особенною страстностью. Гласные распались по этому дѣлу на двѣ почти равныя части; преніямъ не было конца; балотировокъ, и по большей части письменныхъ, было очень много; рѣшенія постановлялись часто большинствомъ одного или двухъ голосовъ; а потому не рѣдко случалось, что они другъ другу противорѣчили. Конечнымъ результатомъ всѣхъ преній и балотировокъ вышло то, что собраніе положило семинаріи не закрывать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не изъявило согласія на условіе министерства народнаго просвѣщенія, и избрана была коммиссія для составленія какого-то проэкта устава для семинаріи. Ни я, ни единомышленники со мною не захотѣли войти въ составъ этой коммиссіи. Другое дѣло также весьма важное было — представленіе первому департаменту сената объ отдачѣ подъ судъ предсѣдателя Егорьевской управы за растрату земскихъ денегъ. Этотъ предсѣдатель былъ не кто иной, какъ прежній глава партіи крѣпостниковъ въ собраніи, предводитель дворянства Егорьевскаго уѣзда и предсѣдатель управы, соединявшій съ этимъ званіемъ и обязанности ея казначея — *К. М. Афанасьевъ.* Доклады губернской управы и коммиссіи, избранной по этому дѣлу прошлогоднимъ собраніемъ, были очень длинны, и чтеніе заняло болѣе одного засѣданія, а пренія были еще продолжительнѣе; но рѣшенія собранія были не двусмысленны: значительнымъ большинствомъ шаровъ было положено представить сенату о преданіи суду предсѣдателя Егорьевской управы. Кромѣ этихъ двухъ было много другихъ дѣлъ и сверхъ того было поднято много разныхъ вопросовъ и сдѣлано не мало предложеній. Все это было рѣшено разумно и толково. Въ заключеніе нашихъ трудовъ приступлено было къ самому любимому и для большинства самому интересному — къ выборамъ. Кн. *Волконскій* отказался отъ дальнѣйшей службы въ должности предсѣдателя губернской управы: онъ неутомимо и съ великою пользою для земскаго дѣла прослужилъ двѣнадцать лѣтъ,

и послѣдніе годы особенно его утомила безпрестанная борьба съ крѣпостниками. Затѣмъ явились два кандидата: одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ крѣпостниковъ, *Алѣевъ*, и исправлявшій должность губернскаго предводителя дворянства и предсѣдательствовавшій въ собраніи г. Рюминъ. Оба принадлежали къ партіи крѣпостниковъ; первый по запискамъ получилъ 34, а послѣдній только 20; а потому избраніе Алѣева казалось несомнѣннымъ. По балотировкѣ Алѣевъ получилъ 42 шара и уже началъ принимать поздравленія; а Рюминъ, отчаявшись въ избраніи, уже отказывался отъ балотировки; но мы, болѣе всего опасавшіеся распорядковъ, которые первый заведетъ въ управѣ, рѣшились просить Рюмина балотироваться. Вслѣдствіе этого Рюминъ получилъ слишкомъ 50 шаровъ. Остальные выборы были въ томъ же смыслѣ и почти всѣ остались ими недовольны. Наконецъ, послѣ 23 засѣданій въ 19 дней, собраніе было закрыто и мы съ радостью разъѣхались по домамъ.

Въ Ноябрѣ этого 1877 года *скончался* въ Москвѣ *Ѳ В. Чижовъ*, человѣкъ очень умный и дѣльный. Долго мы съ нимъ были въ короткихъ пріятельскихъ отношеніяхъ; но послѣ 1864 года, какъ было мною разсказано прежде, эти отношенія совершенно измѣнились. Сперва мы было вовсе раззнакомились, но А. П. Елагина, въ день Пасхи 1868 года, насъ свела, и мы стали опять другъ къ другу ѣздить; но добрая пріязнь между нами уже не возстановилась. Онъ написалъ свои „Записки“ и завѣщалъ отдать ихъ на храненіе въ Московскую публичную библіотеку, и не печатать ихъ до истеченія 50 лѣтъ послѣ его смерти. Это распоряженіе многимъ показалось довольно страннымъ, но оно нисколько не удивило людей, коротко его знавшихъ. Хотя Ѳ. В. Чижовъ былъ человѣкъ хорошій и по своимъ дарованіямъ и трудолюбію весьма замѣчательный и нѣкоторыя учрежденія (Купеческій и Взаимнаго кредита банки, Ярославская желѣзная дорога и др.) обязаны ему своимъ первоначальнымъ устройствомъ и веденіемъ; — однако онъ имѣлъ нѣкоторыя странныя слабости; онъ былъ до крайности самолюбивъ,

хвастливъ, и даже солгать ему ничего не стоило. Случалось мнѣ бывать вмѣстѣ съ нимъ при разныхъ приключеніяхъ и его о нихъ разсказы бывали таковы, что приходилось думать, что я или отсутствовалъ, или былъ въ забытьи во время разсказанныхъ имъ событій. Шибко боюсь, что записки Чижова сообщатъ потомству много небылицъ и представятъ дѣянія какъ его, такъ и другихъ въ иномъ видѣ, чѣмъ какъ они происходили.

Зима въ Москвѣ была очень оживленная. Сперва слухи о Сан-Стефанскихъ переговорахъ всѣхъ сильно интересовали и толки о нихъ были самые разнообразные. Иные Москвичи были довольны получавшимися извѣстіями и радовались, что дѣло идетъ хорошо и къ миру. Другіе крѣпко негодовали на то, что наши войска не взошли въ Царьградъ и что не тамъ подписывается мирный договоръ. Наконецъ, получено было извѣстіе, что 19 Февраля. въ Сан-Стефано подписанъ мирный трактатъ, но его условія долго оставались не положительно извѣстными. Это умножало слухи и усиливало споры. Когда условія перестали быть тайною, хотя и не были формально объявлены, то разногласія въ обществѣ и въ печати не стихли, а напротивъ того стали высказываться еще съ большею страстностью. Особенное негодованіе возбуждалъ „Голосъ" и его ругали съ пѣною у рта.

Въ это же время получено было извѣстіе *о кончинѣ кн. В. А. Черкасскаго*, который состоялъ при В. К. Николаѣ Николаевичѣ, командовавшемъ въ Турціи нашею дѣйствовавшею арміею. Кн. Черкасскій скончался въ самый день подписанія Сан-Стефанскаго трактата. Не рѣшаюсь судить объ его тамошней дѣятельности, ибо расказы о ней людей самыхъ достовѣрныхъ и добросовѣстныхъ такъ разнорѣчивы, даже противорѣчивы, что рѣшительно нѣтъ возможности составить себѣ вѣрное и положительное о ней заключеніе. Я зналъ кн. Черкасскаго болѣе тридцати лѣтъ, былъ свидѣтелемъ его дѣятельности въ Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ и находился съ нимъ въ весьма короткихъ отношеніяхъ, которыя временно измѣнялись, но никогда не прерывались.

Кончина его была для насъ утратою не столько сердечною, сколько реальною, ибо онъ могъ быть еще очень полезенъ для Россіи, гдѣ дѣльныхъ людей становилось какъ то мало. Когда тѣло его привезли въ Москву, то съ грустью мы его похоронили въ Даниловомъ монастырѣ.

Весною 1878 года я поѣхалъ въ деревню, и оттуда въ Іюнѣ возвратился въ Москву, гдѣ всѣ, кого я видѣлъ и какихъ бы мнѣній кто ни былъ, высказывали свое негодованіе по случаю изъявленнаго нашимъ правительствомъ согласія на конференціи въ Берлинѣ, и еще болѣе по поводу слуховъ о томъ, что тамъ происходило. И выборъ представителями Россіи одряхлѣвшаго кн. Горчакова и бывшаго начальника 3-го отдѣленія, гр. Шувалова, сильно тревожилъ людей, дорожившихъ достоинствомъ Россіи и участью Славянъ. И. С. Аксаковъ выразилъ эти чувства въ довольно сильныхъ словахъ въ засѣданіи Славянскаго комитета, бывшемъ въ Іюнѣ. Рѣчь свою И. С. Аксаковъ передалъ мнѣ, съ просьбою, ее напечатать за границею; чтó я охотно исполнилъ, ибо вполнѣ ей сочувствовалъ. Проѣздомъ изъ Москвы въ Берлинъ, заѣхалъ я къ *А. Д. Градовскому*, который проводилъ лѣто подъ Вильною, на своей дачѣ. Я нашелъ А. Д. Градовскаго въ такомъ же грустномъ настроеніи, въ какомъ и мы всѣ были. Въ Берлинѣ я увидѣлъ Нѣмцевъ, ликовавшихъ по поводу того, что, въ ихъ городѣ и подъ предсѣдательствомъ ихъ канцлера, собирался конгресъ и рѣшались судьбы Европы. Восторгъ Нѣмцевъ былъ безуменъ и оскорбителенъ для иностранцевъ и особенно для Русскихъ. Въ бытность мою въ Берлинѣ 1/13 Іюля подписанъ знаменитый трактатъ. Лилась рѣка пива и Нѣмцы отъ радости чуть не плясали Unter den Linden.

Въ Берлинѣ я остался не долго; общее ликованіе было слишкомъ тяжко для Русскаго. Прочитавши тамъ нѣсколько русскихъ брошюръ и купивши нѣсколько книгъ, я поспѣшилъ въ Эмсъ. Тамъ нашелъ много Русскихъ и особенно радъ былъ опять съѣхаться съ Лорисъ-Меликовымъ, тогда уже возведеннымъ въ графское достоинство. Много онъ мнѣ раз-

сказывалъ интереснаго о военныхъ событіяхъ за Кавказомъ, о взятіи Карса и пр. Мы ежедневно вмѣстѣ обѣдали, много гуляли и по вечерамъ часто сходились. Еще болѣе полюбилъ я этого человѣка. Въ Эмсѣ пробылъ я три недѣли, пилъ воды, бралъ ванны и пуще всего много гулялъ.

Оттуда пароходомъ я поѣхалъ на Майнцъ и по желѣзной дорогѣ на Люцернъ, гдѣ пробылъ день и возобновилъ въ памяти все, прежде тамъ видѣнное. Какъ нервы мои были въ очень дурномъ состояніи, то, до поѣздки моей въ Парижъ на выставку, я рѣшился провести нѣсколько времени на Риги, гдѣ въ 1866 году я такъ блаженствовалъ. Отправился туда на пароходѣ по озеру, и потомъ по желѣзной дорогѣ на Риги. Эта дорога въ гору изумительна и совершенно безопасна. Я поселился въ Риги-Калтбадѣ, гдѣ славная гостинница и воздухъ не такъ остеръ, какъ на Риги-Кульмѣ. Много тутъ гулялъ, посѣтилъ я не разъ Риги-Кульмъ, Риги-Шейденъ, Риги-Фюрстъ и другія окрестности; вездѣ виды прелестные; однимъ словомъ, наслаждался я вдоволь. Прожилъ тутъ двѣ недѣли, но чувствовалъ мало успокоенія въ нервахъ. Особенно разстроило и огорчило меня полученное извѣстіе изъ Москвы о закрытіи Славянскаго комитета и о высылкѣ изъ Москвы И. С. Аксакова. Онъ избралъ себѣ мѣстомъ пребыванія имѣніе свояченицы Е. Ѳ. Тютчевой въ Владимірской губерніи. Славянскій комитетъ и еще болѣе И. С. Аксаковъ были очень непріятны Петербургскимъ властямъ и они воспользовались его рѣчью, чтобы прихлопнуть первый и выпроводить послѣдняго изъ Москвы. Это извѣстіе такъ сильно на меня подѣйствовало, что я почувствовалъ себя неспособнымъ продолжать писаніе книжки, которую я предполагалъ окончить еще за границею и напечатать въ Берлинѣ. Не въ такомъ возбужденномъ и разстроенномъ положеніи можно написать что-либо разумное; а потому и отказался отъ мысли издать новую книжку.

Съ Риги-Калтбада я отправился въ Люцернъ, гдѣ съ гр. Лорисъ-Меликовымъ мы опять съѣхались и свидѣлись. Очень пріятно провели тутъ два дня; подѣлились извѣстіями, изъ

Россіи полученными, и чувствами, ими въ насъ возбужденными. Оттуда я отправился черезъ Бернъ и Уши́ въ Женеву, которую, по старой памяти я очень любилъ. Грустно и пріятно мнѣ было бродить по городу. Уже моей Женевы 1832 года почти и слѣдовъ не осталось. Уже нѣтъ не только дома, въ которомъ я тогда жилъ, но и улица уничтожена. Женева разрослась и вверхъ поднялась страшно; дома́ все 5, 6 и 7 этажные; берега, гдѣ были дачи, теперь вошли въ составъ города. Много настроено монументальныхъ зданій, а улицы, тротуары, площади, сады — просто прелесть. Тутъ пробылъ я съ небольшимъ одинъ день и поспѣшилъ въ Парижъ.

Пріѣхалъ я въ Парижъ по утру, до крайности усталый: французскія желѣзныя дороги и ихъ порядки бѣдовы: даже въ первомъ классѣ биткомъ набито; двери безпрестанно отворяются и затворяются; шумъ, крикъ и болтовня неумолчные. Во всю ночь я не могъ заснуть ни на минуту. Остановился въ Grand hôtel du boulevard des Capucines, гдѣ мнѣ дали хорошую комнату, окошкомъ на Grand Opera. Въ первый день я на Выставку не пошелъ, ибо чувствовалъ, что отъ усталости я не былъ способенъ воспринять то впечатлѣніе, которое она должна была на меня произвести. Бродилъ, купилъ Guide en poche Выставки, пообѣдалъ и поспѣшилъ лечь въ постель. На другой день, воскресеніе, я отправился сперва въ нашу церковь къ обѣднѣ, гдѣ было много Русскихъ, и встрѣтилъ даже знакомыхъ; а оттуда поѣхалъ на Выставку. Впечатлѣніе, ею на меня произведенное, было потрясающее: великолѣпныя зданія, огромное пространство, ими занимаемое, изумительное богатство и разнообразіе выставленныхъ предметовъ, и масса движущагося народа (по воскресеніямъ отъ 120 до 170 тысячъ, а по буднямъ отъ 60 до 80 тысячъ), — все это меня ошеломляло, и я ходилъ, смотрѣлъ, любовался, но ни въ чемъ не отдавалъ себѣ отчета. Былъ въ залѣ концертовъ, чтеній и собраній, называемой Трокадеро. Тамъ происходилъ концертъ, въ которомъ участвовало до тысячи музыкантовъ и

было до десяти тысячъ слушателей и зрителей. Проведши почти цѣлый день на Выставкѣ, я былъ какъ опьяненный и съ удовольствіемъ оттуда уѣхалъ.

Въ слѣдующіе дни, съ помощью Guide'a, я сталъ осматривать Выставку въ большемъ порядкѣ и съ бо́льшимъ смысломъ. Въ три дня обхода я уже составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о Выставкѣ вообще и затѣмъ обратился къ обзору сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Эти обходы Выставки меня очень утомляли; сперва я бывалъ на ней ежедневно, потомъ черезъ день и, наконецъ, черезъ два дня. Утомленіе увеличивалось главнѣйше отъ того, что какъ въ распредѣленіи предметовъ былъ страшный безпорядокъ, то приходилось много ходить, искать и недоумѣвать. Вскорѣ я убѣдился, что это — не настоящая Выставка, а громаднѣйшій пуфъ. Онъ былъ для Франціи нуженъ, и потому Французы расположили всѣ части и предметы не систематически, а по государствамъ. Франція заняла половину всего выставочнаго пространства, и чего она тутъ не выставила! Кромѣ всевозможныхъ предметовъ промышленности, кромѣ произведеній изящныхъ искусствъ, двѣ огромныя галереи были заняты всякими французскими древностями! Если бы машины и орудія, особенно сельско-хозяйственныя стояли всѣ вмѣстѣ, то Англія и Америка совершенно подавили бы Францію, которой пришлось бы по этой части уступить преимущество даже Бельгіи и почти Австріи (Германія вовсе не участвовала въ Выставкѣ). Франція, устраивая Выставку, не имѣла въ виду дѣйствительную прямую отъ нея пользу; ей хотѣлось показать, что она и теперь прежняя Франція, т. е. первенствующая держава въ Европѣ. Каталогъ Выставки заключался въ весьма толстѣйшихъ томахъ и при этомъ цѣлая треть вещей не нашли въ немъ себѣ мѣста. Награды за лучшія произведенія не были объявлены до окончанія Выставки. Все это лишало возможности настоящимъ образомъ изучить хотя одну какую-либо часть, и посѣтители растерянные, отуманенные, озадаченные бродили на Выставкѣ, дивились, разводили руками, но изъ всего этого

мало извлекали для себя настоящей пользы. Франціи хотѣлось пыль пустить въ глаза Европы, и это ей вполнѣ удалось.

Роскошь и ложь въ Парижѣ — ужасныя, просто невообразимыя! Прежде я приписывалъ ихъ преимущественно Имперіи и Наполеону III-му; но тутъ я увидѣлъ, что и при республикѣ Франція, въ этомъ отношеніи, не попятилась, а еще значительно двинулась впередъ. Взгляните на магазины, выставленные въ нихъ предметы, на кофейни, рестораны и прочее, — во всемъ страшная роскошь, ослѣпительный блескъ и обманъ! Очень забавнымъ и характернымъ показался мнѣ слѣдующій бывшій со мною случай: вижу я въ одномъ магазинѣ на выставкѣ одинъ очень красивый бюваръ съ надписью: 10 франковъ; вхожу въ магазинъ, требую этотъ бюваръ, но мнѣ подаютъ совершенно иной; повторяю мое требованіе и мнѣ отвѣчаютъ: „Il n'est pas à vendre, monsieur; il est simplement pour l'exposition.“

Въ Парижѣ деньги какъ бы непочёмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько людей безъ хлѣба и перебиваются кое-какъ со дня на день! Какія великолѣпныя фразы, широкія требованія и обѣщанія, и какая необезпеченная дѣйствительность! Какъ не быть тутъ соціалистамъ, комунистамъ и анархистамъ? Какъ людямъ, нуждающимся во всемъ, спокойно, безъ зависти, смотрѣть на десятки, сотни тысячъ, даже милліоны франковъ, расточаемые богачами изъ тщеславія или въ удовлетвореніе страстей самыхъ гнусныхъ? Какъ этимъ бѣднякамъ не принимать съ увлеченіемъ самыя нелѣпыя ученія, обѣщающія имъ довольство, и не рѣшиться, для ихъ осуществленія, на самыя дерзкія попытки? И не одинъ Парижъ въ этомъ положеніи, а вся Европа болѣе или менѣе находится въ той же бѣдѣ. И Россіи слѣдуетъ призадуматься, озаботиться и искать уврачеваніе отъ въѣдающагося въ нее недуга не въ ограничительныхъ и карательныхъ мѣрахъ, которыя безсильны въ отношеніи людей, не имѣющихъ ничего терять и нисколько жизнью не дорожащихъ. Нѣтъ! не тутъ наше спасеніе.

Въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Парижѣ видѣлся я съ Ригеромъ, который былъ мраченъ. Мы много бесѣдовали; неудовольствіе на Аксакова въ немъ не слабѣетъ. Какъ католикъ, онъ очень оскорбленъ тѣмъ, что Аксаковъ требуетъ для славянства непремѣнно православіе.

Изъ Парижа, черезъ Кёльнъ, поѣхалъ я въ Берлинъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, занимавшись преимущественно чтеніемъ разныхъ русскихъ брошюръ. Почти всѣ онѣ въ нигилистическомъ духѣ и крайне нелѣпы. Ка-бы можно было ихъ разбирать и опровергать въ Россіи! Много было бы спасенныхъ изъ нашей молодежи. Привозъ тайный этихъ запрещенныхъ плодовъ крайне вредно на нее дѣйствуетъ.

Глава XVII. (1878—1880).

Земскія дѣла 1878 г. — Зима 1877—1878. — Политическія убійства и безпорядки въ администраціи. — Книжка: „Что же теперь дѣлать?“ изд. въ Берлинѣ. — Земскія занятія. — Покушенія на жизнь Императора 19-го Ноября подъ Москвою. — Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ 5 Февр. — Назначеніе верховной коммиссіи. — 25-лѣтіе царствованія Александра II. — Облегченіе печати. — Совѣщанія рязанскаго земства съ министромъ нар. просв. о народныхъ школахъ. — Записка объ этомъ министру. — Изданіе газеты „Земство.“

Изъ Берлина, черезъ Петербургъ, возвратился я въ Москву, а оттуда отправился немедленно въ Песочню.

Наше очередное уѣздное земское собраніе 1878 года не представило ничего особенно замѣчательнаго: мѣстныя дѣла разрѣшены были вполнѣ добропорядочно и выборы участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей произведены были къ общему удовольствію.

Наше губернское земское собраніе было очень продолжительно (20 засѣданій), болтливо и бурливо. По открытіи его, новый предсѣдатель, губернскій предводитель дворянства, *Л. М. Муромцевъ*, сказалъ намъ очень приличную рѣчь съ обѣщаніемъ быть безпристрастнымъ. Учительская семинарія опять стала главнымъ предметомъ преній и почти семь засѣданій были ими заняты. Долго спорили о томъ, разсма-

тривать ли проэктъ устава этой семинаріи, составленный избранною собраніемъ коммиссіею; рѣшили разсматривать, приступили къ этому, но внесенное предложеніе о передачѣ семинаріи министерству народнаго просвѣщенія съ домомъ и движимостью, прервало это разсмотрѣніе и вызвало иныя, очень горячія пренія. Рѣшили сдѣлать правительству въ этомъ смыслѣ предложеніе, но перепутались въ условіяхъ этой передачи. Такимъ образомъ проэктъ устава семинаріи былъ устраненъ; но условія передачи были мало между собою согласованы и очень плохо выработаны. Другія дѣла, предложенія и ходатайства были обсужены и рѣшены добропорядочно; но вообще собраніе не отличалось земскимъ настроеніемъ. Крестьяне и купцы почти отсутствовали и были въ немъ только дворяне; а потому собраніе все болѣе и болѣе принимало характеръ дворянскихъ собраній, дѣло отодвигалось на второй планъ, а личныя выгоды или виды партіи руководили дѣятелями. Грустно, но несомнѣнно было, что наши губернскія земскія собранія въ началѣ и даже въ первые двѣнадцать лѣтъ своего существованія, являлись и дѣйствовали, по большей части, какъ учрежденія всесословныя, т. е. земскія, и въ нихъ съ интересомъ принимали участіе и крестьяне, и купцы, и что теперь, т. е. съ последнихъ выборовъ, эти собранія превращались все болѣе и болѣе въ сословныя собранія, и дворяне вслѣдствіе этого переставали уже себя сдерживать и позволяли себѣ высказывать чисто дворянскія понятія и требованія.

Зиму провели мы въ Москвѣ и тяжко, и грустно. Разсказы людей, пріѣзжавшихъ изъ внутренности страны и изъ Петербурга, о происходившихъ вездѣ безпорядкахъ въ ходѣ административныхъ дѣлъ, объ общемъ постепенномъ обѣднѣніи и объ ухудшающихся дѣйствіяхъ земскихъ, городскихъ и судебныхъ учрежденій, — сильно насъ тревожили и огорчали. Все болѣе и болѣе стѣсненная печать лишала возможности высказывать свободно и откровенно мысли и чувства и сообщать предположенія на счетъ мѣръ къ уврачеванію удручающихъ насъ недуговъ. Затѣи нигилистовъ, ихъ сборища,

волненія, ими причиняемыя, и разныя ихъ преступныя покушенія насъ крайне озабочивало. Извѣстія объ убійствѣ кн. Крапоткина въ Харьковѣ, о покушеніи 2-го Апрѣля на жизнь Императора — всѣхъ страшно поразили. Установленіе временныхъ генералъ-губернаторствъ, объявленіе нѣкоторыхъ мѣстностей на военномъ положеніи и усиленіе вообще власти мѣстной администраціи — мало насъ упокоивали и удовлетворяли. Въ Февралѣ я ѣздилъ въ Петербургъ, не по дѣламъ, а просто изъ любопытства; но оттуда привезъ я мало успокоительнаго. Нигдѣ о безпорядкахъ, происходившихъ въ высшихъ и среднихъ сферахъ администраціи, не пришлось мнѣ наслушаться столько, сколько въ Петербургѣ. Видѣлся я со многими сановниками и чиновниками, и они не воздерживались отъ разсказовъ о происходившемъ въ другихъ министерствахъ и въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ; они не скрывали даже и того, что̀ по необходимости они сами должны были допускать и у себя, и признавались, что не знаютъ что̀ имъ дѣлать. Несостоятельность высшаго управленія оказывалась еще большею и менѣе сомнительною, чѣмъ несостоятельность мѣстной администраціи. Очевидно было, что у лучшихъ людей отпадали руки отъ дѣла, и что не теряли бодрости и надеждъ только тѣ администраторы, которые не имѣли въ виду общее дѣло, а заботились только о своихъ личныхъ интересахъ. Такихъ людей было, конечно, не мало, но и они, приличія ради, вторили общимъ жалобамъ и сѣтованіямъ.

Не безъ внутренней, — правда, эгоистической — радости, уѣхалъ я въ деревню, съ намѣреніемъ, въ первыхъ числахъ Іюня, отправиться за границу, гдѣ жена моя съ дочерью и внучатами, ради лѣченія уже находилась въ Вѣнѣ. Объѣхавши свои хозяйства, занявшись ими, сколько было необходимо, отбывши свои обязанности члена училищнаго совѣта по экзаменамъ въ сельскихъ школахъ и окрестивши новорожденную дочь моего сына, я отправился въ Москву, а оттуда въ Петербургъ. Тутъ кой съ кѣмъ видѣлся и со-

бралъ кой какія мнѣ нужныя свѣдѣнія и отправился въ Берлинъ.

Еще зимою я задумалъ написать *новую брошюру*, по поводу тяжкаго переживаемаго нами времени, и напечатать ее въ Берлинѣ. Во время моихъ переѣздовъ въ вагонахъ я много объ этомъ думалъ, и въ Москвѣ, и Петербургѣ старался изъ газетъ и разговоровъ почерпнуть необходимыя по разнымъ предметамъ данныя и сообразить ихъ съ собственными свѣдѣніями и понятіями. Въ Берлинѣ я занялся почти исключительно чтеніемъ разныхъ русскихъ вновь вышедшихъ въ свѣтъ книгъ, книжекъ и газетъ, запрещенныхъ въ Россіи; также купилъ и взялъ съ собою нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о современномъ положеніи и о соціалистическихъ движеніяхъ. Изъ Берлина черезъ Дрезденъ, Прагу и Вѣну поспѣшилъ я на воды въ Глейхенбергъ, гдѣ уже находилось мое семейство. Тамъ, пробывши нѣсколько дней, мы отправились въ Эмсъ, гдѣ и мнѣ, и женѣ моей необходимо было пить воды и брать ванны. На сей разъ въ Эмсѣ никого особенно замѣчательнаго я не встрѣтилъ и ничего важнаго не узналъ: видѣлся и съ соотечественниками, и съ Нѣмцами; всѣ были недовольны существующими порядками и жаловались неустанно; Нѣмцы особенно усердно и сильно ругали Бисмарка, но во всемъ подчинялись его желѣзной волѣ. Изъ Эмса по Рейну поѣхали мы въ Шевенингъ (подлѣ Гааги) на морскія купанія, гдѣ я бралъ ванны изъ морской воды и вдоволь дышалъ морскимъ воздухомъ. Тутъ пробылъ я три недѣли и оттуда заѣхалъ въ Остенде, который я всегда любилъ и гдѣ остался съ недѣлю.

Въ Эмсѣ и Шевенингѣ я усердно писалъ и исправлялъ предполагавшуюся къ напечатанію въ Берлинѣ книжку, и 6 Августа отправилъ ее въ рукописи къ книгопродавцу Беру, издателю моихъ заграничныхъ произведеній, и обѣщалъ вскорѣ быть въ Берлинѣ для исправленія корректуръ. Я озаглавилъ свою книжку такъ: „Что же теперь дѣлать?“ Главный смыслъ ея высказанъ былъ въ заключеніи, которымъ она заканчивалась: „Да! Положеніе наше болѣе чѣмъ трудно.

Тревожитъ насъ нигилизмъ; но эта язва поразила тѣло Россіи только извнѣ и только вслѣдствіе другихъ недуговъ, которыми мы дѣйствительно страдаемъ. Обезпечьте нашъ частный бытъ; — осуществите мѣстное самоуправленіе согласно первоначальной мысли, его намъ даровавшей; — дайте землѣ русской возможность, черезъ людей, ею излюбленныхъ, высказывать общественное мнѣніе о пользахъ и нуждахъ страны и участвовать въ устройствѣ и веденіи ея общихъ дѣлъ; — предоставьте русскимъ людямъ то право, которымъ пользуются граждане всего образованнаго міра, — право свободно и за своею отвѣтственностью высказывать свои мнѣнія и чувства; и не станетъ у насъ нигилизма и, что̀ еще важнѣе, — не станетъ и другихъ недуговъ, какъ томящихъ, обезсиливающихъ и убивающихъ.“ — И эту книжку, какъ и предъидущія, я издалъ съ прописью своего имени и съ отсылкою одного ея экземпляра, при всеподданнѣйшемъ письмѣ, къ Государю Императору. И эта книжка, разумѣется, была въ Россіи цензурою запрещена.

Изъ Берлина отправился я, черезъ Вильну и Смоленскъ въ Москву, гдѣ пробылъ очень короткое время и поспѣшилъ въ деревню. Очередное наше уѣздное земское собраніе было весьма дѣльно: мы занимались мѣстными дѣлами усердно и разумно; народное здравіе, дороги, мосты и гати, сельскія школы и пр., словомъ — все было обсужено не спѣшно и добросовѣстно и по всѣмъ докладамъ постановили рѣшенія. На школы увеличили ассигновки и положили повторить наше ходатайство о разрѣшеніи земству имѣть своего инспектора или ревизора для сельскихъ школъ.

Наше губернское земское собраніе хотя было не такъ бурно и продолжительно, какъ предъидущее, однако виды и интересы партій сильно его волновали и затягивали пренія. Александровская учительская семинарія была предметовъ обсужденія только въ двухъ засѣданіяхъ, но за то мука̀, поставленная въ больницу и другія заведенія и оказавшаяся худокачественною, вызвала жестокія и многословныя обвиненія. Эти пренія окончились тѣмъ, что всѣ члены управы за-

16*

явили, что слагаютъ съ себя эти званія. Другія мѣстныя дѣла были разрѣшены какъ слѣдуетъ, но предложенія о ходатайствахъ предъ высшимъ правительствомъ о томъ, чтобы лица, за которыми имѣются недоимки по земскимъ сборамъ, не могли быть гласными, и о томъ, чтобы выборы гласныхъ отъ крестьянъ производились по волостямъ и непремѣнно изъ среды крестьянъ — потерпѣли полное крушеніе. Въ послѣднее засѣданіе произведены были выборы председѣдателя и членовъ управы, на остальное до трехлѣтія время, т. е. на 1 годъ. По краткости времени службы, выборы были очень затруднительны: почти никто не желалъ балотироваться. Упросили однихъ, согласились на другихъ и управа была устроена. Я радовался тому, что въ предсѣдатели попалъ *А. В. Алянчиковъ*, человѣкъ молодой, умный, либеральный, и хотя изъ купцовъ, но любящій земское дѣло. Наконецъ, собраніе было закрыто и всѣ гласные разъѣхались болѣе или менѣе недовольные его результатами.

Пріѣхавши въ Москву еще въ Октябрѣ, я нашелъ, что лѣтнія ваканціи и пребываніе въ деревнѣ никого не успокоили и не оживляли. Въ Москвѣ была та же духота и то-же невольное бездѣйствіе; вездѣ и всѣми повторялись тѣ же жалобы и сѣтованія; только такъ называемые нигилисты-анархисты отъ времени до времени пробуждали спавшихъ и дремавшихъ своими дерзкими и преступными выходками. Злодѣйское покушеніе 19 Ноября на жизнь Государя Императора посредствомъ подкопа близь Москвы подъ Московско-Курскую желѣзную дорогу и счастливое спасеніе Государя отъ этой опасности поразили въ Москвѣ все населеніе: и радовались, и печалились, и недоумѣвали; страхи и заботы охватили всѣхъ. Едва начинали было успокоиваться, какъ пришло изъ Петербурга еще болѣе ужасное извѣстіе о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Это случилось 5 Февраля, и на слѣдующій же день слухи объ этомъ наполнили Москву изумленіемъ. Сперва имъ не вѣрили, да и какъ было вѣрить покушенію, произведенному въ самомъ дворцѣ, — на его взрывъ! Наконецъ, получены были объ этомъ происшествіи

оффиціальныя извѣстія. Вскорѣ затѣмъ пришелъ и указъ объ учрежденіи, подъ главнымъ начальствомъ графа Лорисъ-Меликова, верховной распорядительной коммиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Графу Лорисъ-Меликову были даны огромныя права, и назначеніемъ этой коммиссіи было „положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ.“ Этотъ указъ и въ особенности возложеніе на гр. Лорисъ-Меликова этой великой и трудной задачи, произвели во всей Россіи отрадное дѣйствіе, ибо этотъ человѣкъ сумѣлъ пріобрѣсти общую любовь и довѣріе не только какъ полководецъ, но еще болѣе — какъ мудрый распорядитель на Волгѣ противъ распространившейся и свирѣпствовавшей чумы въ Ветлянкѣ. Выборъ людей въ коммиссію и прокламація, изданная гр. Лорисъ-Меликовымъ, нѣсколько успокоили и оживили общественное мнѣніе. Особенно всѣмъ нравились въ изданной прокламаціи слѣдующія слова: „На поддержку общества смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва которой наиболѣе страдаютъ интересы самаго общества.“

19-го Февраля было вездѣ торжественно, но грустно отпраздновано двадцатипятилѣтіе царствованія Императора. Народъ и значительная часть интелигенціи любили Государя, были ему благодарны за освобожденіе крѣпостныхъ людей и другія его реформы, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ чувствовали, что дѣла шли не такъ, какъ слѣдовало, и всѣ были болѣе или менѣе недовольны. Надежды, возлагавшіяся на верховную коммиссію и особенно на ея начальника, животворно дѣйствовали на населеніе и на общественное мнѣніе страны; но всѣ чего-то ждали и еще болѣе опасались.

Извѣстія о покушеніи въ Петербургѣ на жизнь гр. Лорисъ-Меликова и о казни виновнаго, свѣдѣнія о политическихъ процессахъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ, и о разныхъ арестахъ, обыскахъ и дознаніяхъ, произведенныхъ во

многихъ мѣстностяхъ имперіи, страшно тревожили и волновали общество. Въ Москвѣ, при встрѣчахъ, первыя слова непремѣнно были: „что́ новаго?“ — 10-го Марта я поѣхалъ въ Петербургъ и изъ любопытства, и изъ желанія видѣться съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Я нашелъ его бодрымъ, чрезвычайно занятымъ, спокойно мыслящимъ и дѣйствующимъ, и вовсе не отчаявавшимся въ успѣшномъ исполненіи возложенной на него задачи. Я пробылъ недѣлю въ Петербургѣ, видѣлся съ нимъ почти ежедневно, но все урывками, ибо у него съ утра, до поздней ночи постоянно бывало по нѣскольку лицъ съ докладами. Въ этотъ разъ, хотя я не имѣлъ съ гр. Лорисомъ продолжительныхъ и серьезныхъ разговоровъ, но могъ удостовѣриться только въ томъ, что онъ пребывалъ въ тѣхъ же убѣжденіяхъ, въ какихъ прежде былъ, и что главныя надежды онъ возлагалъ не на ограничительныя и карательныя мѣры, а на сближеніе власти съ населеніемъ, на непосредственное узнаніе отъ него общихъ нуждъ, и на его содѣйствіе усиліямъ правительства. „Не торопите насъ, не будьте слишкомъ взыскательны; дайте намъ время осмотрѣться, и тогда безъ вашего совѣта и содѣйствія мы не обойдемся“, — вотъ слова, которыя гр. Лорисъ-Меликовъ не однократно высказывалъ и мнѣ, и другимъ. Пріятно мнѣ было еще болѣе убѣдиться въ томъ, что онъ твердъ безъ самонадѣянности и вовсе не боится сознаваться въ своемъ невѣдѣніи того или другаго, просить совѣта, и съ большимъ вниманіемъ его выслушиваетъ. Какъ онъ не похожъ былъ на Петербургскихъ сановниковъ! Петербургъ былъ еще въ страхѣ и недоумѣніи и вслѣдствіе того всѣ партіи пріутихли. Я уѣхалъ изъ Петербурга съ нѣкоторыми надеждами на улучшеніе хода дѣлъ вообще, — чувство котораго я давно не испытывалъ при отъѣздахъ съ береговъ Невы.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее назначеніе рязанскаго губернатора, Н. С. Абазы, начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати и незамедлившееся увольненіе гр. Толстаго отъ должностей министра народнаго просвѣщенія и оберъ-

прокурора Св. синода, очень обрадовало и успокоило общественное мнѣніе. Еще бывши въ Петербургѣ, я уже зналъ, что Н. С. Абаза не принималъ предложенной ему должности иначе, какъ подъ условіемъ учрежденія коммиссіи для пересмотра положенія по дѣламъ печати, съ введеніемъ въ него взысканій *по суду* за проступки по этой части. Слухи объ этомъ быстро распространились и въ обществѣ, и въ печати; а потому вступленіе г. *Абазы* въ должность было привѣтствовано съ особенною радостью и съ надеждами. Что же касается до случившагося на канунѣ Пасхи увольненія гр. Толстаго, то оно было принято чуть-чуть не всѣми какъ лучшее красное яичко, какимъ Государь могъ похристосоваться съ Россіею. Ненависть къ этому министру была всеобщая; отцы и матери учившейся молодежи, узнавши объ этой отставкѣ, служили благодарственные молебны за спасеніе ихъ дѣтей отъ погибели. Конечно, еще никто и никогда, введенными порядками въ гимназіи и университеты, столько не содѣйствовалъ успѣхамъ крамолы, какъ гр. Толстой. Безжизненность и формалистика его классической системы притупляли юношей, заставляли ихъ выходить изъ учебныхъ заведеній недоучками и устремляли ихъ въ ряды нигилистовъ-анархистовъ. Назначеніе г. *Сабурова*, попечителя дерптскаго учебнаго округа, министромъ народнаго просвѣщенія, не обрадовало и не опечалило страны, ибо его вообще мало знали, и слухи о его способностяхъ были различны.

Лѣто провелъ я въ деревнѣ; но въ Іюлѣ, по дѣламъ былъ въ Москвѣ; и тутъ однажды вечеромъ, въ бесѣдѣ съ *В. Ю. Скалономъ*, возникла у насъ мысль издавать еженедѣльную земскую газету. Оба мы были увѣрены въ добромъ расположеніи гр. Лорисъ-Меликова къ земству вообще; оба вѣровали въ великое значеніе земства для Россіи и признавали необходимость для него сосредоточеннаго органа. Хотя мы ничего не порѣшили, однако эта мысль сильно засѣла въ наши головы.

Въ концѣ Августа я получилъ, отъ новаго рязанскаго губернатора, С. С. Зыбина, приглашеніе пріѣхать въ Рязань

для совѣщаній по первоначальнымъ школамъ, съ министромъ народнаго просвѣщенія, имѣвшимъ туда прибыть къ 11-му Сентября. Очень охотно я отправился въ Рязань, познакомился у губернатора съ г. Сабуровымъ, за обѣдомъ и послѣ обѣда много толковали, а вечеромъ происходило совѣщаніе. Въ немъ участвовало человѣкъ подъ двадцать какъ изъ губернскихъ гласныхъ, такъ и изъ служащихъ по инспекціи сельскихъ школъ. Министръ открылъ засѣданіе довольно длинною рѣчью, въ которой онъ высказалъ болѣе свои мнѣнія, чѣмъ желаніе узнать наши потребности. Всего болѣе онъ настаивалъ на томъ, что надо воздержаться отъ всякой ломки и измѣненія законовъ, и что можно и при существующихъ постановленіяхъ вести хорошо дѣло народнаго образованія. Я ему возражалъ и доказывалъ необходимость пересмотра положенія 1874 года о первоначальныхъ училищахъ, и что безъ этого пересмотра и измѣненія положенія въ весьма важныхъ частяхъ ничего существеннаго сдѣлать нельзя. Я указалъ семь главныхъ пунктовъ, требовавшихъ кореннаго измѣненія и имѣвшихъ возвратить земству веденіе школъ и оставить казенной инспекціи только надзоръ; и доказывалъ, что безъ этого школьное дѣло успѣшно идти не можетъ и останется въ зависимости отъ произвола гг. директора и инспекторовъ, и слѣдовательно въ недостаточномъ, не живомъ завѣдываніи земства. Въ заключеніе, я позволилъ себѣ выразить довольно рѣзко, что излишне насъ учить, какъ обходить законъ, — что по этой части мы профессора, и что напротивъ того, необходимо насъ поставить на законную почву и на ней утверждать. Многіе гласные поддерживали и еще болѣе развивали мое мнѣніе; министръ очень любезно отнесся къ нашимъ заявленіямъ, просилъ меня изложить письменно, если можно, мое мнѣніе и обѣщалъ принять во вниманіе и соображеніе указанныя нами нужды. Обстоятельную записку по этому предмету я представилъ ему въ Москвѣ, гдѣ опять я съ нимъ видѣлся и много бесѣдовалъ. Вообще онъ произвелъ на насъ доброе впечатлѣніе. На слѣдующій за совѣщаніемъ день, вечеромъ мы собрались у г.

Офросимова, и условились, каждый въ своемъ уѣздѣ, въ предстоявшихъ очередныхъ земскихъ собраніяхъ, возбудить ходатайство о пересмотрѣ положенія 1874 года о первоначальныхъ училищахъ.

Съ В. Ю. Скалономъ мы переписывались по поводу мысли, насъ обоихъ сильно занимавшей, объ изданіи еженедѣльной земской газеты. Въ началѣ Сентября, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ деревню, и тутъ мы окончательно все порѣшили. В. Ю. Скалону приходилось ѣхать въ Петербургъ для испрошенія разрѣшенія на это изданіе; и я далъ ему письмо къ Н. С. Абазѣ и другимъ моимъ Петербургскимъ пріятелямъ. Главныя, нами одобренныя условія заключались въ слѣдующемъ: во многомъ мы были единомысленны и оба искренно и крѣпко дорожили земскимъ дѣломъ, но кой въ чемъ, и особенно въ отношеніи къ всесословной волости, мы были разныхъ мнѣній; а потому уговорились безпрепятственно высказывать наши убѣжденія, но за каждымъ изъ насъ оставить право возражать не въ томъ же, а въ слѣдующихъ номерахъ газеты. Я обѣщалъ ссужать редакціи нужныя на изданіе деньги; издателемъ и редакторомъ имѣлъ быть В. Ю. Скалонъ, и слѣдовательно нести отвѣтственность за газету вообще; а я отвѣтственнымъ былъ только за мои статьи, которыя должны печататься за моею подписью.

Въ числѣ побудительныхъ причинъ къ издаванію собственной газеты было для меня слѣдующее обстоятельство: И. С. Аксаковъ также предполагалъ издавать еженедѣльную газету и даже приглашалъ меня быть его сотрудникомъ. Въ послѣдніе годы, хотя мы оставались въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, однако въ мнѣніяхъ, даже существенныхъ, мы значительно разошлись: онъ упрекалъ меня въ отступничествѣ отъ славянофильства и въ томъ, что я поддался вліянію моихъ пріятелей-либераловъ; я же обвинялъ его въ утратѣ того животворнаго духа, которымъ особенно отличался и былъ такъ великъ Хомяковъ, и въ упорномъ удержаніи нѣкоторыхъ особенностей и случайностей славянофильства, которыя въ свое время имѣли смыслъ, но нынѣ

вполнѣ его утратили. Въ обществѣ и литературѣ продолжали насъ обоихъ считать единомышленниками — славянофилами; и это было мнѣ очень непріятно; ибо я былъ глубоко убѣжденъ, что пора такъ называемыхъ славянофильства и западничества безвозвратно миновала; что теперь Русскіе не единицами, а вообще расположены къ своимъ единоплеменникамъ; и что теперь всѣ разумные наши соотечественники болѣе или менѣе глубоко сознаютъ необходимость изучать свое, развивать его и имъ проникаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не чуждаться того, что выработано народами, предупредившими насъ на поприщѣ общечеловѣческаго быта и образованія. Прежде споры съ И. С. Аксаковымъ бывали у насъ частые и продолжительные; казалось, что мы приходили даже къ соглашеніямъ; но затѣмъ писались имъ статьи и высказывались мнѣнія, которыя отзывались какимъ-то отжившимъ славянофильствомъ. Его статьи и рѣчи были талантливы, но грѣшили недостаткомъ единства, основательности и выработки. Мнѣ особенно непріятны были выходки Аксакова противъ либераловъ, противъ правоваго порядка, земскихъ учрежденій, новыхъ судовъ и пр. Этимъ онъ становился явно противъ насъ, сторонниковъ предпринятыхъ реформъ, и какъ бы подъ знамя Каткова, который всегда былъ противникомъ мнѣній, высказывавшихся въ „Русской Бесѣдѣ“, и котораго мы никогда не считали правомыслящимъ, добросовѣстнымъ и полезнымъ дѣятелемъ. Ни Хомяковъ, ни кто-либо изъ насъ никогда не высказывался противъ либерализма, либераловъ и всего того, чѣмъ ограждаются личныя и имущественныя права людей; мы даже упрекали западниковъ въ недостаткѣ либерализма, ибо они навязывали народу учрежденія, постановленія и мнѣнія, которымъ онъ нисколько не сочувствовалъ. Прибавка „лже“ къ слову либералъ нисколько не измѣняла смысла нападокъ, а показывала только самомнѣніе человѣка, употреблявшаго это слово: онъ считалъ только себя здравомыслящимъ либераломъ, а остальной людъ — глупцами или мошенниками. — Молчать, при наступившихъ обстоятельствахъ, было для меня трудно, почти невозможно;

помѣщать же мои статьи кой-гдѣ и въ изданіяхъ, мнѣ несочувственныхъ, было непріятно и ничѣмъ не вынужденно; а участвованіе въ газетѣ И. С. Аксакова могло повести къ полному съ нимъ разрыву, — чего я вовсе не желалъ. Это обстоятельство особенно побудило меня сойтись съ В. Ю. Скалономъ и дѣятельно участвовать въ его газетѣ. Газета, подъ заглавіемъ „Земство", была разрѣшена: ея издатель остался весьма доволенъ пріемами въ Петербургѣ со стороны лицъ, во власти состоявшихъ, и мы положили, съ первыхъ чиселъ Декабря, начать выпуски номеровъ нашего изданія.

Глава XVIII. (1881—1882.)

Эпоха добрыхъ вѣяній. — Зима 1880—1881 г. — Статьи для газеты: „Земство." — Циркуляръ министра внутр. дѣлъ. — Рязанское земство. — Встрѣча съ гр. Лорисъ-Меликовымъ за границею. — Брошюра: „Гдѣ мы? куда и какъ идти?" — Указъ 30-го Мая 1882 г. о назначеніи гр. Д. А. Толстаго министромъ внутр. дѣлъ и общественное настроеніе поэтому. — Дача въ с. Волынскомъ. — Брошюра: „Что же теперь?" — Статья въ Голосѣ: „Наша великая бѣда." — Губернское земское собраніе въ Рязани и „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по рязанской губерніи." — Эгоисты и анархисты.

Сапожковское земское собраніе, въ Сентябрѣ, прошло очень благополучно: добрыя „вѣянія" изъ Петербурга оказали благія дѣйствія и въ нашемъ уголкѣ. Разныя ходатайства предъ высшимъ правительствомъ — о пересмотрѣ положенія, о первоначальныхъ училищахъ, объ измѣненіяхъ въ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ волостныхъ судовъ и пр. были одобрены единогласно. Пренія вообще были оживленныя, но благодушныя и не имѣли характера состязаній враждебныхъ партій. Отчетъ членовъ училищнаго совѣта былъ выслушанъ со вниманіемъ и сочувствіемъ и вновь испрашивавшаяся прибавка къ ассигновкѣ суммы на школы была единогласно разрѣшена. Выборы должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе были произведены всѣ безъ всякихъ приключеній.

Закрытіе верховной распорядительной коммиссіи, упраз-

неніе III отдѣленія Собственной Канцеляріи, передача дѣлъ, въ нихъ производившихся въ министерство внутреннихъ дѣлъ и назначеніе во главу этого министерства гр. Лорисъ-Меликова, произвели въ Москвѣ и во внутренности Имперіи самое радостное и успокоительное дѣйствіе. Это совершилось 6-го Августа. Такое скорое и неожиданное возвращеніе къ обычному законному ходу дѣлъ всѣхъ поразило, ибо привыкли къ тому, что у насъ долговѣчно лишь временное, чрезвычайное и никто не полагалъ, что лица, облеченныя сверхзаконными полномочіями, такъ скоро ихъ съ себя сложатъ и поспѣшатъ стать на почву закона. Это оживило и значительно успокоило страну. Хорошо помню, какъ вдругъ измѣнилось общее настроеніе и какъ усилились общія надежды на лучшее будущее и чувства благодарности Государю и исполнителямъ его воли за возвратъ къ прежде предпринятымъ благимъ реформамъ.

Порадовались также земцы состоявшейся 23 Августа отмѣнѣ указа 1879 года, въ силу котораго губернаторы имѣли право не утверждать въ должности и даже требовать увольненія отъ службы, безъ всякаго объясненія причинъ, лицъ, служащихъ по выборамъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи. Высочайшее повелѣніе о производствѣ ревизіи сенаторами въ нѣсколькихъ губерніяхъ, особенно выдававшихся административными безпорядками, произвело равнымъ образомъ на умы весьма хорошее впечатлѣніе. Такое же дѣйствіе имѣли слова, сказанныя въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 30 Августа на имя гр. Лорисъ-Меликова. „Вы достигли такихъ успѣшныхъ результатовъ, что оказалось возможнымъ, если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ чрезвычайныхъ мѣръ; и нынѣ Россія можетъ *вновь спокойно вступить на путь мирнаго развитія.*“

Слухи и газетныя извѣстія о бесѣдѣ министра внутреннихъ дѣлъ съ редакторами Петербургской повременной печати распространились по Россіи быстро и вездѣ возбудили надежды и оживленіе. Долго общество и остальное населеніе

страдали отъ перерыва по приведенію въ исполненіе начатыхъ реформъ и даже отъ попятнаго отъ нихъ движенія; что̀ особенно было тяжко послѣ перваго оживленнаго десятилѣтія царствованія. Программа администраціи, сообщенная гр. Лорисъ-Меликовымъ, была такъ же благонамѣренна, какъ и благоразумна: она обѣщала то, въ чемъ всѣ нуждались и чего всѣ желали — развитіе дарованныхъ правъ и учрежденій. Она не понравилась только крѣпостникамъ, но и тѣ въ себѣ затаили свое неудовольствіе. Вскорѣ затѣмъ учрежденная, подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева, коммиссія для пересмотра законоположеній и временныхъ правилъ о печати возбудила надежды на обезпеченіе ей нѣкоторой самостоятельности и отвѣтственности не по произволу администраціи, а по суду.

Возвратившись изъ деревни въ Москву, я поспѣшилъ отправиться въ Петербургъ, гдѣ мнѣ очень хотѣлось видѣть гр. Лорисъ-Меликова и побесѣдовать съ нимъ о предполагаемыхъ имъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по управленію. Отъ него узналъ я много интереснаго. На созваніе земской думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволеніе Государя; но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную коммиссію изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ. Не однократно мы объ этомъ толковали, и если не во всемъ соглашались то, по крайней мѣрѣ, я вынесъ изъ этихъ разговоровъ убѣжденіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ расположенъ все возможное сдѣлать для оживленія и утвержденія земскихъ учрежденій. Видѣлся и много толковалъ о нашихъ финансовыхъ дѣлахъ съ вновь назначеннымъ министромъ финансовъ, А. А. Абазою, и съ его товарищемъ, Н. Х. Бунге. Оба они были старые мои знакомые, а потому наши бесѣды были живы и интересны. Ихъ тогда очень занималъ соляной налогъ, котораго отмѣна отъ нихъ требовалась. Я видѣлся въ Петербургѣ и со многими другими во власти состоящими людьми и всѣ казались мнѣ какъ-бы перерожденными и иными, чѣмъ какими были прежніе сановники.

Давно, очень давно я не выѣзжалъ изъ Петербурга съ такими хорошими воспоминаніями и надеждами.

Наше декабрское очередное губернское земское собраніе было странно и безалаберно: одни слишкомъ много ожидали отъ новыхъ вѣяній; другіе слишкомъ ихъ опасались; а третьи, не раздѣляя надеждъ первыхъ, ни страховъ послѣднихъ, думали только о томъ, какъ бы вѣрнѣе себѣ обезпечить большинство голосовъ при балотировкахъ въ непремѣнные члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Толковали въ засѣданіяхъ очень много и обо многихъ весьма важныхъ дѣлахъ: и о пересмотрѣ положенія о первоначальныхъ училищахъ, и объ Александровской семинаріи, и о мелкомъ поземельномъ кредитѣ для землевладѣльцевъ, и о разныхъ финансовыхъ дѣлахъ и порядкахъ, и о дорожныхъ сооруженіяхъ, и о лучшемъ устройствѣ медицины въ уѣздахъ, и о пьянствѣ, и о призрѣніи нищихъ и еще обо многихъ важныхъ земскихъ предметахъ. Рѣшенія большинства были часто весьма странныя и даже одно другому противорѣчащія: очевидно было, что ни одно изъ направленій не преобладало, крѣпостники напрягали свои послѣднія усилія для удержанія существующихъ безпорядковъ, а либералы распадались на умѣренныхъ и крайнихъ преобразователей. Засѣданій было много (23); преніямъ не предвидѣлось и конца, а предложенія съ каждымъ днемъ умножались. Наконецъ, положено было имѣть въ Февралѣ или Мартѣ чрезвычайное собраніе для разсмотрѣнія остальныхъ не обсуженныхъ докладовъ, и приступили къ выборамъ. Съѣхавшихся гласныхъ было такъ много, какъ никогда: изъ 88 гласныхъ по положенію присутствовало 82. Выборы дали результаты неожиданные; избирались, большею частью, люди порядочные и либеральные; и крѣпостники страшно бѣсились. Наконецъ, утомленные гласные на 21 день собранія разъѣхались по домамъ.

Зима 1880/1 года была въ Москвѣ довольно оживлена. Мы, т. е. я и Скалонъ, писали много статей для „Земства“ по преобразованію и улучшенію земскихъ учрежденій и много такихъ же статей намъ доставляли и пересылали.

И. С. Аксаковъ съ немногими своими единомышленниками проповѣдовалъ въ своей „Руси“ какой-то странный возвратъ къ самобытности, позволялъ себѣ самыя рѣзкія выходки противъ либераловъ, противъ правоваго порядка и пр., и ограничивался общими фразами на счетъ предлагавшихся имъ преобразованій. Мы съ нимъ не полемизировали, но явно расходились въ нашихъ стремленіяхъ. С. А. Юрьевъ издавалъ, при денежныхъ пособіяхъ г. Лаврова, человѣка благонамѣреннаго, искренно любившаго просвѣщеніе, но недостаточно развитаго, ежемѣсячный журналъ „Русскую Мысль.“ Въ немъ помѣщались очень хорошія статьи; но это изданіе не имѣло однако рѣшительнаго направленія, — оно выражало и настоящій русскій духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оглашалось (и не рѣдко) беллетристикою въ чисто западномъ направленіи. Юрьевъ оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, но, изъ уваженія къ г. Лаврову, нерѣдко помѣщалъ статьи, которымъ не могъ сочувствовать. Вечера у насъ по вторникамъ и у разныхъ пріятелей, по другимъ днямъ, были живы и интересны; чувствовалось, что-то животворившее и обѣщавшее водворить насъ на почву производительную. Вдругъ, 1-го Марта вечеромъ прошелъ слухъ, а втораго утромъ получено было и положительное извѣстіе объ ужасной кончинѣ Императора.

Это извѣстіе всѣхъ страшно поразило, огорчило, ошеломило. Подробности о совершенномъ злодѣяніи исполнили всѣхъ ужасомъ. Во всѣхъ слояхъ народа, грусть, страхъ и изумленіе овладѣли людьми. Гдѣ и чего тогда не говорили. По селамъ стали распространять слухи о томъ, что дворяне убили Царя за лишеніе ихъ крѣпостныхъ людей. Въ городахъ — пугали смутами по деревнямъ. Даже въ войскахъ не было совершенно спокойно. Расказы о безпорядкахъ противъ Евреевъ въ Елисаветградѣ, Кіевѣ и другихъ южныхъ городахъ усиливали общее безпокойство. Цѣлые два мѣсяца Россія была въ какомъ-то странномъ смущеніи и оцѣпенѣніи; не только руки отпадали отъ всякаго дѣла, но даже умъ и чувства какъ будто омертвѣли. Покойнаго Государя любили, обожали освобожденные крестьяне и бывшіе дворовые люди;

но душевно были къ нему расположены и преданы въ обществѣ всѣ лично его знавшіе и тѣ, которые много слышали о его сердечной добротѣ, о его всегдашнемъ расположеніи ко всякому доброму дѣлу. Едва ли кто изъ русскихъ Самодержцевъ былъ вообще такъ любимъ какъ Александръ II. Всякій Русскій съ чувствомъ отъ души говорилъ: Вѣчная тебѣ память!

10-го Марта собралось въ Рязани наше чрезвычайное губернское земское собраніе; но никто не былъ въ состояніи заниматься дѣлами. Мы отслужили панихиду, составили и подписали адресъ вновь вступившему на престолъ Императору и выбрали коммиссію для составленія проэкта отвѣта на циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ Декабря, разосланный къ губернаторамъ только въ концѣ Января, а земскому собранію сообщенный 10 Марта. Какъ этотъ циркуляръ весьма важенъ самъ по себѣ и особенно замѣчателенъ тѣмъ, что разосланъ и встрѣченъ былъ при однихъ и окончательно обсуждался при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, то считаю нужнымъ остановиться на этомъ документѣ и событіи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, разослалъ къ губернаторамъ циркуляръ, которымъ онъ поручилъ имъ предложить земскимъ собраніямъ, уѣзднымъ и губернскимъ, а равно присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ высказать свое мнѣніе по нѣкоторымъ обстоятельно изложеннымъ вопросамъ, возникшихъ въ разныхъ губерніяхъ, относительно преобразованія учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и крестьянскаго самоуправленія. Въ заключеніи этого циркуляра было сказано: „могутъ быть представлены соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя земства или присутствія сочтутъ полезными для дѣла.“

Эти послѣднія слова и возбудили въ коммиссіяхъ и земскихъ собраніяхъ самыя ожесточенныя и самыя продолжительныя пренія. Крѣпостники надѣялись устроить дѣло такъ, чтобы дворянскій надзоръ слѣдилъ всюду за крестьян-

скимъ самоуправленіемъ и чтобы гг. землевладѣльцы всегда являлись рѣшителями судебъ темной массы населеній; нѣкоторые же либералы, особенно крайніе изъ нихъ, желали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы привести свою любимую мысль о мелкой земской единицѣ, т. е. о всесословной волости или округѣ. Въ нашей Рязанской коммиссіи оказалось значительное большинство въ пользу послѣдняго мнѣнія. Хотя я не былъ крѣпостникомъ, однако я не былъ и за всесословную волость, которую считалъ и теперь считаю совершенно невозможною и нежелательною. Этотъ вопросъ возбудилъ въ коммиссіи самыя жаркія и очень продолжительныя пренія. Когда, наконецъ, онъ былъ рѣшенъ и я оказался въ меньшинствѣ, тогда я просилъ уволить меня отъ предсѣдательства, ибо боялся не быть безпристрастнымъ и не умѣть вести какъ слѣдуетъ обсужденіе дѣла, не согласнаго съ моими убѣжденіями; но всѣ единогласно и убѣдительно просили меня остаться предсѣдателемъ, и я вынужденъ былъ подчиниться желанію коммиссіи. Къ тому же нѣкоторые члены вызывались написать докладъ и исполнить всѣ письменныя обязанности. Затѣмъ обсуждались разные вопросы по устройству всесословной волости; и между ея сторонниками оказались страшныя разномыслія и даже совершенно противоположныя объ ней мнѣнія. Если бы я былъ прежде и за всесословную волость, то бывшихъ въ коммиссіи преній достаточно было бы убѣдить меня въ совершенной ея неосуществимости. Послѣ шести весьма продолжительныхъ и очень оживленныхъ засѣданій, большинство окончило свой трудъ; я объявилъ, что подамъ особое мнѣніе съ изложеніемъ своего проэкта; и положили мы для выслушанія всего этого собраться 1-го Мая. Въ назначенный день мы собрались; докладъ коммиссіи былъ большинствомъ одобренъ; я прочелъ свое отдѣльное мнѣніе, основанное на нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ мною въ „Земствѣ“*), и мы разъѣхались подъ

*) „О преобразованіи уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ.“ № 6 Земства.

тяжкимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ извѣстіемъ о выходѣ въ отставку графа Лорисъ-Меликова.

Собрались мы 10-го Мая; докладъ коммиссіи былъ напечатанъ и розданъ гласнымъ; и мое особое мнѣніе съ брошюрами изъ „Земства" также было имъ роздано. Для лучшаго съ ними ознакомленія положено сперва разсмотрѣть и рѣшить дѣла, оставшіяся отъ очереднаго собранія, и уже затѣмъ приступить къ обсужденію доклада коммиссіи и моего особаго мнѣнія по циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ. Много докладовъ было утверждено безъ всякихъ преній; доклады по Александровской земской семинаріи, по пересмотру положенія 1874 года о первоначальныхъ школахъ, даже о выдачѣ земледѣльцамъ ссудъ на покупку земли, — не вызвали особенно горячихъ и продолжительныхъ преній; всѣ сдерживались и берегли себя для пораженія противниковъ при обсужденіи доклада коммиссіи и моего особаго мнѣнія по переустройству крестьянскихъ учрежденій. Когда, наконецъ, дорвались до этого лакомаго куска, тогда собраніе видимо оживилось. Первымъ вопросомъ было постановлено: признаетъ ли собраніе удовлетворительными и подлежащими частнымъ преобразованіямъ существующія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ скоро и почти единогласно въ отрицательномъ смыслѣ. Но затѣмъ предложеніе кн. Волконскаго и общей коммиссіи объ образованіи мелкой земской единицы или всесословной волости возбудилъ самыя ожесточенныя пренія. Но какъ предметъ этотъ былъ уже многократно обсужденъ прежде, то оказалось возможнымъ въ то же засѣданіе поставить его на балотировку. Результатомъ письменной балотировки оказалось отклоненіе этого предложенія 26 голосами противъ 16. Этимъ рѣшеніемъ былъ устраненъ весь докладъ коммиссіи и положено

„О сословіяхъ и состояніяхъ въ Россіи." № 21 Земства.

„О мелкой земской единицѣ." № 22 Земства.

„О крестьянскомъ самоуправленіи и присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ." № 23 Земства.

приступить на слѣдующій день къ обсужденію моего особаго мнѣнія. Первый пунктъ моего предложенія былъ принятъ большинствомъ голосовъ почти безъ преній; но второй вызвалъ самые горячіе споры, — возраженіямъ не было конца. Тогда одинъ гласный очень ловко предложилъ отсрочить до очереднаго собранія дальнѣйшее обсужденіе этого дѣла и избрать коммиссію для составленія отвѣтовъ на частные вопросы по преобразованію упомянутыхъ присутствій, ибо ни докладъ общей коммиссіи, ни мое особое мнѣніе такихъ отвѣтовъ не предлагали. Почти всѣ гласные съ радостью ухватились за это предложеніе. Пренія прекратились, приступили къ избранію коммиссіи; и какъ я и многіе другіе гласные отказались быть ея членами, то выбрали пять членовъ изъ лицъ, не сочувствовавшихъ ни докладу коммиссіи, ни моему мнѣнію. Затѣмъ пригласили губернатора и собраніе было закрыто.

Въ деревнѣ остался я не долго и поспѣшилъ за границу, гдѣ находились жена и дочь съ дѣтьми. Въ Москвѣ пробылъ только одинъ день, и въ Берлинѣ тоже, и 29 Мая я былъ уже въ Парижѣ. Эта республиканская столица на сей разъ не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія; но еще болѣе утвердился въ мнѣніи, что республика тутъ не во свояси, а пребываетъ гостьею. Нѣтъ! съ такою роскошью и безнравственностью, эта форма управленія какъ-то не вяжется. Ѣздилъ въ Виши, гдѣ жена моя пила воды и гдѣ я еще никогда не бывалъ. Тамъ убѣдился въ одномъ, — что французскія водолѣчебныя заведенія содержатся много хуже нѣмецкихъ. Изъ Парижа, черезъ Кёльнъ и по Рейну, я поѣхалъ въ Эмсъ, для свиданія съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Съ нимъ провелъ я цѣлыя сутки и узналъ отъ него очень много весьма интереснаго. Нашелъ я его въ весьма растроенномъ, нервномъ положеніи; но онъ по обыкновенію, былъ очень милъ и уменъ. Оттуда я поѣхалъ въ Вильдбадъ, куда мнѣ совѣтовали ѣхать для поправленія и укрѣпленія моихъ нервовъ. Мѣстность этихъ водъ прелестная; много тутъ я гулялъ, наслаждался видами, началъ писать новую брошюру;

но ванны вскорѣ оказались для меня непригодными; онѣ не успокоивали, а возбуждали меня; я лишился сна по ночамъ, а днемъ чувствовалъ себя какъ-бы не самимъ собою. Наконецъ, и тамошній докторъ нашелъ, что для Вильдбадскихъ водъ я слишкомъ бодръ и совѣтовалъ мнѣ для успокоенія моей нервной системы ѣхать въ Шлангенбадъ; на что́ я тѣмъ охотнѣе согласился, что зналъ, что гр. Лорисъ-Меликовъ долженъ былъ тамъ съ семействомъ провести три недѣли. Я однако не поѣхалъ туда прямо, а направился на Парижъ, гдѣ взялъ свою жену и отвезъ ее въ Эмсъ. Устроивши ее тамъ, я направился на Шлангенбадъ, гдѣ уже нашелъ гр. Лориса съ семействомъ. Виды, прогулка, воздухъ, квартира и обѣды — все мнѣ очень нравилось. Ванны производили на меня просто чарующее дѣйствіе: онѣ меня успокоивали такъ, что сидя въ нихъ и выходя изъ нихъ, я чувствовалъ себя какъ бы инымъ — помолодѣвшимъ, окрѣпшимъ человѣкомъ. Съ гр. Лорисомъ и его семействомъ мы ежедневно вмѣстѣ обѣдали, иногда гуляли и часто проводили вечера въ живой бесѣдѣ. Чѣмъ болѣе узнавалъ этого человѣка, тѣмъ лучшее производилъ онъ на меня впечатлѣніе. Многіе упрекали Лориса въ крайней хитрости и утверждали, что какъ Армянинъ онъ чуждъ русскаго духа. Зная его коротко, могу положительно сказать, что въ немъ русскаго духа болѣе, чѣмъ въ весьма многихъ русскихъ, и что хотя онъ провелъ свою жизнь преимущественно въ военной службѣ, однако въ немъ замѣчательны способности государственнаго человѣка. Въ этомъ я особенно убѣдился во время кратковременнаго его управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; онъ не былъ ни легкомысленъ и спѣшенъ, какъ его преемникъ, ни умственно-близорукъ и косенъ, какъ преемникъ его преемника. Великое достоинство Лориса, то, что онъ не страдаетъ довольно общею болѣзнью нашихъ сановниковъ — всевѣдѣніемъ и очень внимательно выслушиваетъ то, что ему говорятъ, и относится хотя критически, однако уважительно къ высказываемому другими.

Въ Шлангенбадѣ я окончилъ свою брошюру. Изъ

Шлангенбада я отправился въ Берлинъ. Тутъ прожилъ я цѣлую недѣлю и напечаталъ свою книжку. Главная мысль и цѣль ея была выразить то невыносимое положеніе, въ которомъ мы тогда находились, и еще разъ, и какъ можно сильнѣе, указать, что единственное для насъ спасеніе есть созывъ общей земской думы. Я высказывался вполнѣ за самодержавіе, противъ бюрократіи и конституціи и за прекращеніе той неизвѣстности и неопредѣленности, которыя, послѣ 1-го Мая душили Россію. Одинъ экземпляръ этой книжки при всеподданнѣйшемъ письмѣ я отправилъ къ Государю и по одному экземпляру къ гр. Игнатьеву и Коханову. Многимъ моя книжка очень понравилась, и я получилъ о ней даже письменные весьма лестные отзывы; но не знаю, удостоилась ли она прочтенія со стороны Императора. Видѣлъ многихъ лицъ изъ Петербурга; но никакихъ объ этомъ свѣдѣній не получилъ.*)

3 Іюня 1882. Указъ 30 Мая о назначеніи гр. Толстаго министромъ внутреннихъ дѣлъ всѣхъ поразилъ. Что это такое? Давно ли вся Россія ликовала по случаю его удаленія съ поста министра народнаго просвѣщенія, — и вдругъ черезъ 14 мѣсяцевъ его назначаютъ на важнѣйшій у насъ постъ — министра внутреннихъ дѣлъ?! что́ это насмѣшка надъ общественнымъ мнѣніемъ или чистое безуміе? Неужель этотъ человѣкъ еще недостаточно сдѣлалъ вреда Россіи? Неужель думаютъ охранить себя тѣмъ, что призываютъ Катковщину къ управленію и принятію насильственныхъ мѣръ? Просто руки отъ всякаго дѣла отпадаютъ.

4-е Іюня с. Волынское. Странно, грустно, отчаянно теперешнее наше положеніе: всѣ недовольны, даже и тѣ, у кого

---

*) Здѣсь оканчиваются собственно „Записки“ Александра Ивановича; но въ его „Дневникѣ“ за 1882—1883 годъ находятся „матеріалы“ для „Записокъ“, которымъ онъ не успѣлъ дать надлежащей обработки. Эти матеріалы составляютъ прямое продолженіе „Записокъ“ и потому я помѣщаю ихъ здѣсь непосредственно за „Записками“ безъ измѣненій, въ формѣ „Дневника.“ *Издательница.*

власть въ рукахъ и тѣ, по чьимъ рецептамъ какъ будто дѣйствуютъ. Понятно, что мы, разныхъ сортовъ либералы, до крайности недовольны; ибо все дѣлается какъ будто намъ на смѣхъ и намъ въ раздраженіе; но консерваторы, какіе-то самобытники и пр., должны бы радоваться и торжествовать; а между тѣмъ и они недовольны. По мнѣнію однихъ, — черезъ чуръ выдвигаютъ крестьянъ, не возстановляютъ власти дворянства и дѣлаютъ шагъ впередъ и два назадъ. По мнѣнію другихъ, какъ будто проповѣдуютъ русскую самобытность, а на дѣлѣ и во внѣшней политикѣ всѣмъ уступаютъ, а въ внутренней оставляютъ всю силу и власть въ рукахъ бюрократіи и сами не знаютъ, что говорятъ. Третьи же (Катковъ и комп.), требующіе самыхъ быстрыхъ и крѣпкихъ мѣръ къ прекращенію якобы завѣщанной прошлымъ царствованіемъ распущенности, къ обузданію крамолы въ жизни вообще и въ печати, и къ водворенію, хотя едва ли ими самими понимаемой и во всякомъ случаѣ ими еще не указываемой энергіи, — приходятъ въ отчаяніе, что дѣйствіе законовъ не пріостанавливается, что администраціи не предоставляютъ полной воли въ дѣйствіи, и что висѣльницы не воздвигаются и ружья не заряжаются для разстрѣливанія всѣхъ тѣхъ, кто имъ не по вкусу. Этихъ господъ всѣхъ трехъ разрядовъ гораздо труднѣе удовлетворить, чѣмъ либераловъ даже самыхъ крайнихъ. Правда, Катковъ и комп. причисляютъ и крамолу къ либеральному стану; но ее также справедливо причислить и къ консерваторамъ всѣхъ оттѣнковъ. Думаю, что даже послѣднее будетъ много справедливѣе, чѣмъ первое, ибо крамола зародилась на почвѣ недовольныхъ, имъ питается и развивается. Всѣ разряды населенія недовольны нынѣшнимъ положеніемъ, необъясненностью ихъ правъ, произволами администраціи и законами, какъ прежнимъ временемъ завѣщанными, такъ и нынѣ какъ Deus ex machina появляющимися. Либералы проповѣдуютъ въ томъ или другомъ видѣ предоставленіе народу, т. е. всѣмъ гражданамъ Имперіи участіе въ законодательствѣ и въ администраціи. Противники либераловъ это именно отвергаютъ,

а желаютъ все это сосредоточить въ своихъ рукахъ. Слѣдовательно кто раздражаетъ и усиливаетъ общее неудовольствіе, тѣ и приготовляютъ и утучняютъ почву для развитія крамолы.

4 Іюня. Страшная у насъ теперь путаница не только въ дѣлахъ, но и въ мнѣніяхъ, и даже въ чувствахъ. Есть, конечно, люди, и ихъ не мало, безъ собственныхъ мнѣній и повторяющіе то, что слышали отъ другихъ или прочли въ газетахъ или журналахъ, но люди, хоть нѣсколько мыслящіе, теперь звонятъ каждый въ свой колоколъ. Какая тому причина? Конечно, въ этомъ отчасти виновны: во 1-хъ, поверхностность полученнаго нами въ юности образованія; во 2-хъ, двойственность всего нашего быта въ теченіе послѣдняго 26 лѣтняго царствованія и въ 3-хъ, полнѣйшая неопредѣленность и неизвѣстность нынѣшняго нашего положенія. Послѣдняго царствованія нельзя не помянуть добрымъ словомъ: въ теченіе его много совершено великихъ и благихъ дѣлъ; но къ сожалѣнію мало было послѣдовательности въ осуществленіи предпринятыхъ реформъ: возвѣщалась, предпринималась великая реформа и вдругъ дѣлались шаги назадъ и администрація дѣйствовала какъ будто вопреки только что обнародованнаго закона. Заподозрѣвались люди, всего болѣе расположенные къ предпринятымъ реформамъ, и въ послѣдніе пять, шесть лѣтъ до катастрофы въ Зимнемъ дворцѣ, 5-го Февраля 1880 года, полнѣйшее бездѣйствіе верховной власти и коверканіе администраціею всѣхъ прежде утвержденныхъ реформъ. Кратковременная диктатура гр. Лорисъ-Меликова и его министерство было оживили Россію и возбудили и надежды, и дѣятельность; но ужасная катастрофа 1 Марта погрузила Россію въ горе, уныніе и ужасное недоумѣніе. Манифестъ 29 Апрѣля 1881 года и увольненіе Лориса, Милютина и Абазы еще болѣе усилили упомянутыя тяжкія чувства. Съ тѣхъ поръ появляются: то положеніе объ усиленной охранѣ, правила о поднадзорныхъ, то указъ объ обязательномъ выкупѣ, о частной отмѣнѣ подушной подати, о крестьянскомъ

поземельномъ банкѣ слѣд. и благія, и стѣснительныя мѣропріятія въ одно и то же время.

Какъ при этихъ обстоятельствахъ, при безпрестанно смѣняющихся ожиданіяхъ и опасеніяхъ, при поддерживаемыхъ и администраціею, и ходомъ дѣлъ колебаніяхъ быть намъ спокойными и устойчивыми въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ? Очевидно, что Правительство болѣе склонно къ мнѣнію тѣхъ, которые проповѣдуютъ мѣры репрессивныя, недовѣріе къ земству и даже къ суду и сокращеніе свободы во всѣхъ возможныхъ видахъ. Они пользуются не только полною свободою въ высказываніи своего мнѣнія, но безнаказанно и дерзко говорятъ о томъ, о чемъ другимъ не позволено и заикаться (о земскихъ соборахъ и пр.). Ихъ противники-либералы должны говорить иносказательно, или неясно и не полно, а „Москов. Вѣд.“ и „Русь“ пользуются этимъ, чтобы упрекать либераловъ въ неясности, неопредѣленности и даже въ сродствѣ съ крамолами.

Наконецъ, указъ 30 Мая положилъ конецъ этимъ неопредѣленностямъ. Тотъ человѣкъ, котораго увольненіе отъ министерства просвѣщенія было съ восторгомъ принято во всей Россіи, — этотъ человѣкъ теперь назначается на важнѣйшій постъ въ Имперіи — министра внутр. дѣлъ. Что это такое: насмѣшка надъ общественнымъ мнѣніемъ или желаніе нанести ему оскорбленіе.

Этотъ указъ долженъ обрадовать крамолу и Каткова съ комп., и погрузить въ печаль и отчаяніе всѣхъ искренно преданныхъ отечеству и верховной власти. Какъ-бы это не было началомъ смутъ и другихъ бѣдствій! Это просто ужасно.

Берлинъ 16 Августа 1882. Отъ нечего дѣлать, пишу матеріалы для моихъ записокъ.

Зиму провели довольно скучно и тяжко. Въ виду закончивающихся мнѣ 76 лѣтъ и при теперешней безурядицѣ и безтолочи, я рѣшился погрузиться въ прошедшее и закончить мои „Записки.“ Для этого сговорились съ женою провести лѣто не въ деревнѣ и не за границею, а на дачѣ подъ

Москвою. Въ Апрѣлѣ мы наняли скромную дачу въ с. Волынскомъ.

Въ первыхъ числахъ Мая и я, и жена поѣхали въ Песочню, ибо мнѣ нужно было объѣхать всѣ мои имѣнія и тамъ закончить годовые счеты, а ей произвести экзамены въ Сапожковской прогимназіи.

28 Мая я возвратился въ Москву и первые три дня посвятилъ преимущественно осмотру Выставки. Она оказалась много лучшею, чѣмъ я ожидалъ. Не только наши фабрики и заводы доставили много хорошихъ вещей, но сама Выставка хорошо и умно устроена, благодаря тому, что ея предсѣдатель, кн. В. А. Долгорукій, не мѣшаясь въ дѣло самъ, предоставилъ волю умнымъ и знающимъ людямъ; и Выставка вышла хоть-куда.

1-го Іюня переѣхалъ я въ с. Волынское, а жена пріѣхала 8-го. Разложился, устроился и принялся перечитывать свои „Записки" и приводить въ порядокъ разные для нихъ матеріалы. Полученное 31 Мая и подтвержденное 1 Іюня извѣстіе о назначеніи гр. Толстаго министромъ внутреннихъ дѣлъ меня ошеломило, и только дозволяло мнѣ тѣлесную, а не умственную работу. При перечтеніи моихъ „Записокъ", гр. Толстой не сходилъ у меня съ ума; я бросалъ чтеніе и отправлялся гулять по рощамъ, окружающимъ с. Волынское; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней, такъ проведенныхъ, я рѣшился переломить себя и приняться за свои „Записки." Съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, читалъ, исправлялъ и переписывалъ свои „Записки", но гр. Толстой тутъ какъ тутъ. Даже эпоха моего пребыванія въ Варшавѣ 1864—6 годовъ не могла вполнѣ освободить меня отъ этого призрака. Онъ меня давилъ и прерывалъ нить моихъ мыслей и занятій. Кое-какъ продолжалъ свои занятія; но во время прогулокъ гр. Толстой особенно мною овладѣвалъ; его прошедшее и отъ него ожидаемое и Катковскія торжествующія статьи постоянно меня придавливали. Зарождалась у меня мысль — написать брошюру и напечатать ее за границею. Въ концѣ Іюня эта мысль мною овладѣла и я принялся за эту работу.

Эта работа шла у меня быстро, ибо весь я былъ ею захваченъ. Къ сожалѣнію 4-го Іюля я долженъ былъ ѣхать въ Сапожокъ въ чрезвычайное земское собраніе, но 9-го утромъ я уже былъ обратно въ Волынскомъ. Въ Сапожкѣ собиралось чрезвычайное собраніе по причинѣ неурожая и необходимости кредита изъ губернскаго продовольственнаго капитала для выдачи ссудъ крестьянамъ на обсѣмененіе озимыхъ полей въ нѣкоторыхъ селеніяхъ. Кредитъ былъ признанъ необходимымъ и вечеромъ въ тотъ же день собраніе закрыто. На другой день мы собирались въ управѣ по дѣламъ школъ, и послѣ обѣда я уѣхалъ въ „Дегтяные Барки", гдѣ не было управляющаго (онъ былъ на Кавказѣ), а на слѣдующій день, т. е. 7-го, я уѣхалъ въ Рязань, гдѣ хотѣлось мнѣ видѣться съ старымъ моимъ пріятелемъ, В. П. Титовымъ, и узнать отъ него, какое дѣйствіе въ Петербургѣ произвело назначеніе Толстаго.

У Титова я провелъ время очень пріятно и узналъ отъ него, что и въ Петербургѣ назначеніе Толстаго всѣхъ поразило, хотя и ожидали увольненія Игнатьева. Это назначеніе главнѣйше и почти исключительно — дѣло Побѣдоносцева. Узналъ отъ Титова, что и въ Петербургѣ недовольство всеобщее и что никто ничего не знаетъ и ни въ чемъ не увѣренъ. Это я зналъ и прежде, но онъ еще болѣе меня въ этомъ удостовѣрилъ. Послѣ обѣда я отъ него уѣхалъ и вечеромъ былъ въ Москвѣ.

По возвращеніи принялся опять за свою брошюру и придумалъ ей заглавіе: „Что же теперь?" Къ 1-му Августу она была готова, прочелъ ее Скалону и женѣ. Въ слѣдующіе дни исправлялъ ее, а 8-го вечеромъ отправился въ Берлинъ. Путешествіе было довольно спокойное и 11-го пріѣхалъ въ Берлинъ, не чувствовавъ себя даже очень утомленнымъ. Въ первый же день все устроилъ и обѣщали мнѣ въ 8 дней ее напечатать. Берлинъ растетъ и народоселеніе его все усиливается. Теперь уже посреди Берлина 7 мѣстъ, откуда можно отправляться по желѣзнымъ дорогамъ.

Забылъ сказать, что 29 Іюля я отправился въ Рязан-

ское чрезвычайное губернское собраніе по случаю требованія нѣкоторыми уѣздными собраніями кредита на обсѣмененіе полей. Тутъ намъ сообщили только-что полученное распредѣленіе изъ Петербурга о специальныхъ положеніяхъ выкупныхъ платежей по уѣздамъ Рязанской губерніи. Это распредѣленіе составлено статистическимъ комитетомъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Оно нелѣпо до крайности. Для предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія избрана коммиссія; я отказался отъ членства въ ней. Рѣшили собраться 20 Сентября для обсужденія доклада этой коммиссіи.

Песочня 31 Августа 1882. Возвратились изъ Берлина въ Москву 25 Августа; настроеніе — то-же, т. е. крайне тяжкое. На счетъ коронаціи никто ничего не знаетъ. Слухи самые тревожные и изъ Питера, и изъ внутреннихъ губерній. 27-го отправился въ „Дегтяные Барки", а 30-го въ Песочню.

Въ Берлинѣ напечаталъ свою брошюру: „Что же теперь?" Я ею доволенъ. При всеподданнѣйшемъ письмѣ отправилъ ее къ Государю, и одинъ экземпляръ къ Коханову.

21 Декабря 1882 г. Возвратился я изъ Рязанскаго губернскаго собранія съ самыми тяжкими чувствами. Въ началѣ шло тамъ очень сонно и дѣла подвигались медленно и почти безучастно со стороны гласныхъ. Но вдругъ Николай Муромцевъ обратилъ вниманіе собранія на изданный „Статистическій Сборникъ" и въ особенности на приложенныя къ нимъ примѣчанія и указалъ, какъ осуждаются въ нихъ помѣщики-дворяне. Онъ прочелъ нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній и возгорѣлись страшныя обвиненія и возраженія. Затѣмъ, три дня были страшные скандалы. Замѣчательно, что въ нашемъ земскомъ собраніи не было ни одного крестьянина, ни одного купца, а было чисто дворянское собраніе. Затѣмъ, послѣдовали бѣдовыя постановленія — объ уничтоженіи вторыхъ частей этихъ сборниковъ, объ увольненіи всѣхъ статистовъ и приглашеніи новыхъ. Я сло-

жилъ съ себя обязанности предсѣдателя и члена статистической коммиссіи. Другіе члены послѣдовали моему примѣру. Измученный этими преніями, я ушелъ въ 5 часу 19-го, а на слѣдующій день уѣхалъ изъ Рязани. 20-го коекакъ состоялось собраніе; 21 губернскій предводитель дворянства передалъ должность уѣздному; гласные разъѣхались и собраніе было закрыто.

Въ Ноябрѣ я написалъ статью: „Великая наша бѣда", и послалъ ее въ „Голосъ." Тамъ напечатали въ № (?) 11 Декабря. Эта статья очень не понравилась Толстому, который за нее сдѣлалъ предостереженіе „Голосу" и запретилъ розничную продажу „Московскому Телеграфу", перепечатавшему отрывки изъ этой статьи. Все это произвело на меня самое тяжелое дѣйствіе, и я лишился возможности что-либо дѣлать и даже читать. — Тяжело! —

20 Января 1883. Всегда, или почти всегда (за исключеніемъ Ноября 1880, т. е. времени управленія гр. ЛорисъМеликова), выѣзжалъ я изъ Петербурга съ тяжелыми впечатлѣніями; но они никогда не были таковы, какъ въ нынѣшній разъ. Всегда было больно видѣть людей самонадѣянныхъ, собою довольныхъ, вѣрующихъ въ бюрократизмъ, или, по крайней мѣрѣ, не признающихъ возможности ничего инаго, — людей, заправляющихъ дѣлами страны, которой они вовсе не знаютъ, не чувствующихъ потребности её узнать и считающихъ населеніе какъ бы для нихъ, для ихъ административныхъ занятій созданнымъ. Въ нынѣшній разъ я нашелъ въ Петербургѣ нѣкоторую перемѣну: самонадѣянность замѣнилась отсутствіемъ всякаго довѣрія къ чему или къ кому бы то ни было и отсутствіемъ всякаго положительнаго мнѣнія; они вѣрятъ мало въ бюрократизмъ, но еще менѣе во все остальное; страхъ ими овладѣлъ, и они ищутъ спасенія или, по крайней мѣрѣ, охраны въ однихъ произвольныхъ ограничительствахъ и карательныхъ (repressives) мѣрахъ. Петербургъ своимъ невѣдѣніемъ, что завтра будетъ чего опасаться и чего ожидать, — просто поразителенъ. Это не домъ ума-

лишенныхъ, а домъ слабоумныхъ. А между тѣмъ онъ управляетъ огромнымъ русскимъ государствомъ.

Жить со дня на день, — безъ опредѣленнаго плана на будущее, — не удобно и для частнаго человѣка; но это совершенно не возможно для администраціи какого-либо государства. А между тѣмъ, такъ живетъ теперь наша администрація; никто изъ лицъ, во власти состоящихъ, не имѣетъ опредѣленнаго плана на завтрашній день; всѣ думаютъ, какъ-бы прожить нынѣшній день и протянуть до вечера. Такая неопредѣленность и неизвѣстность — бѣдовы, убійственны. Одинъ (Побѣдоносцевъ) говоритъ: надо сообразить; со всѣхъ сторонъ изучить дѣло; можетъ оказаться и то, и другое, и третье; пуще всего нельзя торопиться — повременимъ; другой, (гр. Толстой): ужъ слишкомъ много было у насъ преобразованій и нововведеній; необходимо остановиться и поотдохнуть и всѣмъ дать поосмотрѣться; пока я министръ, всячески буду удерживать statu quo; а остальные заявляютъ дѣломъ: мы на все согласны, — лишь бы намъ остаться на своихъ мѣстахъ. Вотъ, въ короткихъ словахъ, смыслъ нынѣшней нашей администраціи.

Видѣлъ въ Петербургѣ многихъ: гр. Лорисъ-Меликова, Градовскаго, Кавелина, Валуева, Салтыкова, Унковскаго, Абаза (Н. С.), Т. Филиппова, Трепова, Титова, Евреинову и многихъ другихъ. Теперь оптимисты тѣ, которые думаютъ, что такъ администрація долго идти не можетъ и ударитъ въ стѣну лбомъ черезъ годъ и никакъ ни дольше двухъ лѣтъ. А пессимисты думаютъ, что пожалуй и пять, и десять лѣтъ пройдутъ такъ, по милости общей уступчивости и апатіи. Готовъ присоединиться скорѣе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ; развѣ заботящійся о насъ грѣшныхъ, Николай Чудотворецъ выведетъ насъ изъ бѣды.

Очень любопытную для меня вещь узналъ я въ Петербургѣ: статья моя: „Великая наша бѣда", напечатанная въ „Голосѣ" 11 Декабря 1882 г., произвела въ Петербургѣ страшный шумъ. Никакая моя брошюра и статьи не производили такого дѣйствія, какъ эта, и главнѣйшая причина

этому то, что на нее прогнѣвался Государь, что Толстой далъ „Голосу" предостереженіе и что въ высшихъ сферахъ вообще она возбудила негодованіе. Номера „Голоса" съ этою статьею продавались по 1, 2, 3 и до 5 руб. за экземпляръ. Въ Англійскомъ клубѣ знакомые выражали мнѣ полное сочувствіе, и даже незнакомые знакомились со мною и благодарили меня за эту статью. Вотъ что значитъ запрещать статьи или книги!

1 Февраля 1883. Крайне тяжкіе дни (25—30 Января) прожилъ я въ Рязани; они были для меня даже тяжче, чѣмъ дни, проведенные въ Петербургѣ. Тамъ я видѣлъ, что намъ нечего вскорѣ ожидать добраго отъ высшаго правительства: оно пошло путемъ противоположнымъ тому, которымъ Александръ II было оживилъ Россію и готовилъ намъ гражданское, истинно человѣческое существованіе. Теперь Побѣдоносцевы и Толстые въ силѣ; пожалуй, долго они ее удержатъ. Въ этомъ вина наша только отчасти. Въ Рязани — въ мірѣ земскомъ, вся вина лежитъ на насъ. Самый просвѣщенный, самый развитой классъ людей въ Россіи составляетъ дворянство; а между тѣмъ, попавши во власть случайно, по милости нѣкоторыхъ узаконеній и обстоятельствъ, оно одушевляется и руководится узкосословными и даже чисто личными интересами. Особенно больно то, что молодые члены этого сословія болѣе примыкаютъ къ этому направленію, чѣмъ къ противоположному. Всѣ засѣданія наши были заняты нападками на статистовъ, усердно и добросовѣстно, но не въ угодномъ дворянству смыслѣ, исполнившихъ данное имъ порученіе, и на предсѣдателя управы, Алянчикова, личнаго врага главы узкодворянской партіи. Мы защищали ихъ, но противники наши телеграммами вызывали своихъ единомышленниковъ и не пренебрегали ни клеветами, ни всякими заподозрѣваніями лишь бы достигнуть своей цѣли. Мы были побѣждены большинствомъ 29 противъ 26; управа вся кромѣ одного члена (Титова) вышла въ отставку. Тогда торжество этихъ господъ было полное; полилось шампанское въ гостинницѣ Варварина. Грустно, что болѣе другихъ

образованное и развитое сословіе дѣйствуетъ въ узко-дворянскомъ смыслѣ; но еще грустнѣе то, что эта партія составлена изъ людей не старыхъ, а скорѣе молодыхъ. Числомъ голосовъ мы оказались въ меньшинствѣ, но если бы считали по прожитымъ годамъ, то мы были бы въ большинствѣ. Неужель Россія идетъ назадъ и молодые больше реакціонеры, чѣмъ даже тѣ, которые уже жили и дѣйствовали во время крѣпостнаго права. — Грустно! —

Кто хуже, — эти своекорыстники или анархисты? Послѣдніе — безумцы, — лично становятся даже преступниками; но большинство изъ нихъ дѣйствуетъ не изъ личныхъ выгодъ, а согласно своимъ ошибочнымъ убѣжденіямъ и съ цѣлью помочь страждущей темной братьѣ; они жертвуютъ жизнью и безстрашно подвергаютъ себя наказаніямъ. А первые — очень холодно, разсудительно, разсчетливо преслѣдуютъ свои выгоды, а, до другихъ, до земства, до отечества, — имъ нѣтъ дѣла. Дѣйствія этихъ своекорыстниковъ и вызываютъ, и порождаютъ анархистовъ; а потому первые много хуже послѣднихъ. — Грустно!

Конецъ „Записокъ.“

Болѣзнь, сведшая Александра Ивановича въ могилу, началась въ Апрѣлѣ 1883 года плевритомъ, который затѣмъ осложнился болѣзнью сердца. — Май, Іюнь и Іюль онъ провелъ въ Эмсѣ, Висбаденѣ и Остенде; это лѣченье нѣсколько оживило его, но онъ не чувствовалъ полнаго облегченія. Въ Августѣ мы возвратились съ нимъ въ деревню (Песочню) и оттуда въ концѣ Сентября въ Москву. Хотя Александръ Ивановичъ по временамъ и чувствовалъ болѣзненные припадки, тѣмъ не менѣе вообще онъ былъ бодръ, свѣжъ и дѣятеленъ, какъ всегда, и ни въ чемъ не отступалъ отъ своего обычнаго образа жизни. На канунѣ своей смерти онъ былъ на столько бодръ и крѣпокъ, что занимался вечеромъ въ финансовой коммиссіи Московской городской думы до 10 часовъ

и, воротясь домой, онъ еще провелъ около двухъ часовъ въ кругу семьи и нѣкоторыхъ друзей, а утромъ въ 9-мъ часу 12 Ноября (1883 года) его уже не стало. Онъ скончался почти безъ агоніи. — Тѣло Александра Ивановича похоронено на Даниловскомъ кладбищѣ подъ Москвою. Періодическая наша печать дружно и сердечно почтила память своего усопшаго собрата и земскаго дѣятеля теплымъ словомъ сочувствія и уваженія.

Отъ Издательницы.

Приложеніе первое:

а) Письмо А. И. Кошелева къ Министру вн. дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, 1847 г. б) Отвѣтъ Л. А. Перовскаго. в) Предложеніе А. И. Кошелева дворянству рязанской губерніи о томъ же.

а) Письмо А. И. Кошелева.

Милостивый Государь

Левъ Алексѣевичъ.

Утвердить на законномъ основанiи бытъ крестьянъ и дворовыхъ людей и отношенiя къ нимъ помѣщика, — было всегда живѣйшимъ моимъ желанiемъ. Съ особенною радостью привѣтствовалъ я Указы объ обязанныхъ крестьянахъ и о дозволенiи давать дворовымъ людямъ отпускныя по условiямъ. Къ несчастiю, благодѣтельныя сiи мѣры не получаютъ до сихъ поръ надлежащаго развитiя: онѣ не переходятъ въ жизнь и остаются лишь въ Сводѣ Законовъ, какъ свидѣтельства желанiй Правительства.

Конечно, крѣпостные люди вообще и въ особенности въ нѣкоторыхъ губернiяхъ еще не требуютъ перемѣны въ своемъ положенiи; большая часть даже объ этомъ и не помышляетъ. Этимъ-то состоянiемъ дѣла, смѣю думать, и должно воспользоваться, чтобъ произвести постепенный и сколько можно менѣе чувствительный переходъ къ иному быту.

Должно сознаться также, что большинство дворянъ стоитъ за нынѣшнiй порядокъ вещей и противно измѣненiю отношенiй ихъ къ крестьянамъ; — иначе и быть не можетъ. Наше дворянство столь же многочисленно, сколько оно и бѣдно; просвѣщенiе обхватило только верхнiй слой этого званiя; остальныя же его подраздѣленiя болѣе или менѣе остаются въ прежнемъ неподвижномъ положенiи. Измѣненiе крѣпостнаго права въ отношенiи людей сопряжено съ пожертвованiями. Богатому жертвовать несравненно легче, чѣмъ бѣдному; бѣдность же есть нынѣшнiй удѣлъ безчисленнаго нашего дворянства.

Указъ объ условныхъ отпускныхъ мало по малу приноситъ

полезные плоды, но положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ не имѣетъ рѣшительно никакого дѣйствія. Въ этомъ должно обвинять не одно нежеланіе дворянства измѣнить неестественное право въ отношеніи крѣпостныхъ людей; есть люди, сильно желающіе по совѣсти устроить бытъ доставшихся имъ крѣпостныхъ людей; но не приступаютъ къ дѣлу, потому что у нихъ руки связаны. Причина совершеннаго неразвитія сего законоположенія, смѣю доложить Вашему Высокопревосходительству, лежитъ въ самомъ законѣ и въ особенности въ статьяхъ 906 и 912, Тома IX Свода Законовъ.

Измѣненіе крѣпостнаго права въ отношеніи людей должно быть результатомъ усилій какъ Правительства, такъ и самаго дворянства. Смѣю даже думать, что дворянство для собственнаго своего охраненія и для собственныхъ своихъ выгодъ должно принять въ этомъ дѣлѣ первое и главное участіе. Обстоятельства сего вопроса такъ многосложны; нѣкоторыя пожертвованія такъ необходимы, что дворянство одно можетъ, каждое для своей мѣстности, составить по сему предмету надлежащее предположеніе.

Сіе то убѣжденіе возлагаетъ на меня долгъ, на предстоящихъ выборахъ на основаніи статьи 104-й, Тома IX Свода Законовъ, предложить дворянству рязанской губерніи испросить Высочайшее соизволеніе на составленіе Комитета для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній и для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ и дворовыхъ къ своему помѣщику.

Зная всю важность сего вопроса, не скрывая себѣ сопротивленій, которыя разрѣшеніе онаго должно встрѣтить въ здѣшней мѣстности, я не иначе рѣшусь сдѣлать сіе предложеніе, какъ предварительно получивши на то соизволеніе Вашего Превосходительства.

Нужнымъ считаю присовокупить, что предложеніе сіе намѣренъ сдѣлать не молодой мальчикъ, но 42-лѣтній человѣкъ; не теоретикъ, а хозяинъ, постоянно живущій въ деревнѣ и ревностно занимающійся своимъ хозяйствомъ; и, наконецъ, не безпріютный, ищущій въ перемѣнахъ улучшенія своего состоянія, но человѣкъ, имѣющій нынѣ въ своемъ владѣніи, при достаточномъ количествѣ земли, 3500 ревизскихъ душъ мужеска пола.

Осмѣливаюсь препроводить при семъ къ Вашему Высокопревосходительству проэктъ предложенія, которое я желаю сдѣлать на предстоящихъ (10 Декабря сего года) рязанскихъ губернскихъ выборахъ и всепокорнѣйше прошу почтить меня разрѣшеніемъ, могу ли я сдѣлать сіе предложеніе или нѣтъ?

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства

А. Кошелевъ.

Октября дня 1847 года.
Рязан. Губ. Сапожков., У.
с. Песочня.

б) Отвѣтъ Л. А. Перовскаго. *Конфиденціально.*

Милостивый Государь

Александръ Ивановичъ!

По всеподданнѣйшему докладу моему письма Вашего отъ 23-го Октября, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ отозваться, что предполагаемое Вами предложеніе на дворянскихъ выборахъ, при всей благонамѣренности своей, не совсѣмъ удобно, какъ и самое составленіе Комитета, для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній въ рязанской губерніи и для начертанія мѣръ къ опредѣленію отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Но если бы Вы, Милостивый Государь, съ своей стороны заключили съ крестьянами своими условія, для обращенія ихъ въ обязанные, то это было бы вполнѣ согласно съ желаніями Его Величества и подало бы поощрительный примѣръ для другихъ владѣльцевъ. —

Исполняя симъ Высочайшую волю, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашимъ Милостивый Государь

покорнѣйшимъ слугою

А. Перовскій.

№ 3489.
23 Ноября 1847 г.

Его Высокоб. А. И. Кошелеву.

в) **Рѣчь А. И. Кошелева дворянамъ рязанской губерніи объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.**

Милостивые Государи,

Почтеннѣйшіе Дворяне!

Знаю всю важность предложенія, которое я намѣренъ Вамъ сдѣлать; угадываю предъубѣжденія, съ которыми оно, вѣроятно, будетъ встрѣчено; не скрываю себѣ даже опасности навлечь чрезъ то на себя неудовольствіе, быть можетъ, даже негодованіе нѣкоторыхъ изъ сочленовъ моихъ. Если я на это рѣшился, то это единственно потому, что совѣсть не дозволяетъ мнѣ дѣйствовать иначе. Я могу въ своихъ убѣжденіяхъ ошибаться, но смѣю надѣяться, что Почтеннѣйшее Дворянство оцѣнитъ чистоту моихъ намѣреній.

Отношенія помѣщика къ своимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ, и отношенія крестьянъ и дворовыхъ людей къ своему помѣщику въ настоящемъ положеніи, кажется, долго оставаться не могутъ. И православная наша вѣра, и просвѣщеніе, все болѣе и болѣе распространяющееся, безусловно требуютъ измѣненія въ крѣпостномъ правѣ. Не буду говорить о неестественности сего права; — совѣсть и просвѣщеніе каждаго изъ моихъ почтеннѣйшихъ сочленовъ суть въ семъ дѣлѣ лучшіе, краснорѣчивѣйшіе ходатаи за меньшихъ нашихъ братій. Считаю даже, по нѣкоторымъ причинамъ, которыя Вы, Милостивые Государи, легко оцѣните, неудобнымъ пространно доказывать, что *теперь*, именно *теперь*, должно заняться симъ дѣломъ, что откладывать оное столь же неудобно, сколько и опасно, и что всякая холодность Дворянства въ семъ случаѣ можетъ имѣть для него самыя неблагопріятныя послѣдствія. Всеавгустѣйшій Монархъ нашъ изъяснилъ свою высокую волю въ указахъ объ обязанныхъ крестьянахъ и объ условномъ освобожденіи дворовыхъ людей. Онъ предоставилъ Дворянству право дѣлать условія, то есть, по собственному усмотрѣнію, устроивать на законномъ основаніи наши отношенія къ крѣпостнымъ людямъ. Времени прошло много, а что сдѣлали мы? Такъ ли мы должны исполнять желанія Отца Отечества? Оставимъ ли на себѣ нареканіе, что мы одни помѣхою къ исполненію благихъ Его намѣреній? — Если нѣкоторыя постановленія въ сихъ законоположеніяхъ препятствуютъ къ приведенію оныхъ въ исполненіе, то развѣ статья 104, Тома IX Свода Законовъ не

даетъ намъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ, и въ важныхъ случаяхъ приносить всеподданнѣйшія прошенія Его Императорскому Величеству? Нѣтъ, почтеннѣйшіе сочлены, холодность наша въ семъ дѣлѣ не извинительна, и она тѣмъ менѣе извинительна, что удерживаетъ насъ одна боязнь лишиться нѣкоторыхъ выгодъ.

Конечно, Милостивые Государи, мы не обязаны жертвовать достояніемъ семействъ нашихъ для достиженія цѣли даже высокой. На насъ лежитъ долгъ сохранить дѣтямъ полученное нами по наслѣдству. Сей-то именно долгъ и побуждаетъ меня настаивать особенно на необходимости разрѣшенія сего вопроса въ настоящее время. Положеніе дворянскихъ помѣстій вообще бѣдственно: никогда не было столько имѣній описанныхъ и назначенныхъ въ продажу, какъ нынѣ; никогда кредитъ между Дворянствомъ не былъ безсильнѣе настоящаго времени; никогда Дворянство не было болѣе, чѣмъ нынѣ обременено долгами частными и казенными. Причины сего бѣдственнаго положенія нашего дворянства, конечно, многоразличны, но главнѣйшая, смѣю думать, заключается въ неопредѣленности и нетвердости нашихъ отношеній къ крестьянамъ. При теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ нельзя и думать о существенныхъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ въ хозяйствѣ. Барщинская работа есть всегдашній камень преткновенія для всѣхъ нашихъ усилій по сему предмету. Съ другой стороны крестьяне такъ убѣждены въ вспомоществованіи со стороны помѣщика, что собственными работами занимаются они еще хуже, чѣмъ господскими. Одно средство, выдти изъ сего ложнаго положенія, заключается въ томъ, чтобы намъ совершенно выдѣлить свою собственность, свою настоящую принадлежность, а въ крестьянахъ возбудить дѣятельность выгодами труда собственно для нихъ самихъ. Если правительство одно приступитъ къ разрѣшенію сего вопроса, то оно неминуемо издастъ правила общія; и многіе, весьма многіе изъ насъ, потерпятъ убытки не вознаградимые. Обстоятельства сего дѣла крайне многосложны; весьма нужны для онаго мѣстныя свѣдѣнія; но еще нужнѣе соображенія людей, у корня дѣла находящихся. Не ужель мы добровольно откажемся отъ участія, предлагаемаго намъ правительствомъ въ семъ важномъ дѣлѣ и предоставимъ на произволъ обстоятельствъ то, что теперь можемъ устроить для собственной пользы, для пользы дѣтей нашихъ и всего Государства. Нѣтъ, почтеннѣйшіе сочлены, за бездѣйствіе въ семъ случаѣ мы будемъ отвѣчать передъ самими собою, передъ дѣтьми и внуками нашими.

Нѣкоторые скажутъ, быть можетъ, что разрѣшеніе сего вопроса трудно, весьма трудно, почти невозможно. По этой-то самой причинѣ дѣло сіе и есть необходимое достояніе нынѣшняго достославнаго царствованія. Мирное присоединеніе къ нашей Православной церкви двухъ милліоновъ нашихъ братій, отторгнутыхъ Уніею; изданіе Свода Законовъ; размежеваніе черезполосныхъ дачъ; переходъ черезъ Балканы; — всѣ сіи чудеса совершены во дни нынѣ благополучно царствующаго Императора, и послѣ сего можно ли сомнѣваться, чтобы какое либо благое дѣло было нынѣ невозможнымъ?

Вотъ обстоятельства, которыя долгомъ считалъ представить въ благоусмотрѣніе Ваше, Милостивые Государи, и которыя побуждаютъ меня предложить Вамъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, черезъ гг. Начальника губерніи и Министра внутреннихъ дѣлъ, испросить Высочайшее соизволеніе на составленіе Комитета изъ двоихъ депутатовъ отъ каждаго уѣзда для обсужденія настоящаго положенія дворянскихъ имѣній рязанской губерніи и для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ по рязанской губерніи.

Приложеніе второе.

Охота пуще неволи.*)

*) Напечатана въ земледѣльческой газетѣ 1847 г. подъ заглавіемъ: „Добрая воля спорѣе неволи“.

Часто повторяемъ мы сію пословицу, но рѣдко, весьма рѣдко, думаемъ о глубокомъ ея смыслѣ. Чего не дѣлаемъ мы по охотѣ! Скачемъ по большимъ дорогамъ, не спимъ ночи, работаемъ съ утра до вечера, и намъ все это не тяжело. Успѣхъ большею частью увѣнчиваетъ наши усилія; почему? — Потому именно, что мы все это дѣлаемъ добровольно; что мы имѣемъ въ виду достиженіе нашей цѣли и работаемъ для себя. Какъ тяжело всякое принужденіе! Мнѣ хочется служить въ военной службѣ, а меня опредѣляютъ въ гражданскую; я не люблю деревню, а родители посылаютъ меня хозяйничать въ отдаленную губернію; для излеченія отъ болѣзни мнѣ хочется ѣхать за границу, а меня отправляютъ на Кавказъ. Гражданская служба, деревня, Кавказъ — сами по себѣ суть вещи не дурныя, не тяжелыя и для многихъ они составляютъ предметы пламенныхъ желаній; но во всемъ этомъ дурно, тяжело лишь одно, — именно то, что мы должны это дѣлать не по убѣжденію, не по охотѣ, а по неволѣ.

Если непріятно, тяжело совершать по неволѣ нѣсколько дѣлъ въ жизни, то каково цѣлую жизнь, почти всѣ дѣйствія оной производить не по охотѣ, а по неволѣ. Сидора мы назначаемъ въ повара, Андрея въ лакеи, Гаврилу въ портные и такъ далѣе, между тѣмъ какъ они, быть можетъ, имѣютъ наклонности къ совершенно инымъ занятіямъ. Федоръ желаетъ жениться, онъ сотворенъ для семейной жизни, а я не дозволяю ему жениться, потому что какъ человѣка характера тихаго, его личная услуга мнѣ нужна, я хочу имѣть его всегда въ господскомъ домѣ. Родители желали бы сохранить при себѣ дѣтей своихъ и лично наблюсти за ихъ нравственностью, а мы отдаемъ ихъ въ ученіе въ Москву, гдѣ и мальчики, и дѣвочки болѣе развращаются поведеніемъ, чѣмъ научаются ремесламъ. — И мы еще удивляемся, что у насъ мастеровые умѣютъ только перенимать и ничего не выдумываютъ и не улучшаютъ! Мы ставимъ въ примѣръ Нѣмцевъ, Англичанъ, которые постоянно доводятъ до большаго совершенства всѣ ремесла, которыми они занимаются. Да,

разница тутъ велика. Они посвящаютъ себя тому, чему хотятъ; добрая воля развиваетъ ихъ умъ съ дѣтства; они хлопочутъ, трудятся — для себя, а не для другаго.

Взглянемъ на барщинскую работу. Придетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколько возможно чаще и дольше, а работаетъ сколь возможно меньше, — ему не дѣло дѣлать, а день убить. — На господина работаетъ онъ три дня и на себя также три дня. Въ свои дни онъ обработываетъ земли больше, справляетъ всѣ домашнія дѣла, и еще имѣетъ много свободнаго времени. Господскія работы, особенно тѣ, которыя не могутъ быть урочными, приводятъ усерднаго надсмотрщика или въ отчаяніе или въ ярость. Наказываешь не хотя, но прибѣгаешь къ этому средству, какъ къ единственно возможному, чтобъ дѣло впередъ подвинуть. Съ этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все горитъ; матеріаловъ не наготовишься; времени проработаютъ они менѣе барщинскаго крестьянина; отдохнутъ они болѣе его; но надѣлаютъ они вдвое, втрое. Отъ чего? — Охота пуще неволи.

Взойдите въ мануфактуру, гдѣ работаютъ по наряду, даже гдѣ въ видѣ поощренія дается нѣкоторая задѣльная плата. Что вы тамъ найдете? Инструменты непремѣнно въ худомъ видѣ, ибо работники ихъ не берегутъ, они за нихъ не отвѣчаютъ; можно этихъ людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причинѣ работа производится и дурно, и неотчетливо; что же касается до сработаннаго количества, то вѣрно едва въ половину противъ вольнаго работника. — Какая разница войти въ мануфактуру, истинно на коммерческой ногѣ устроенную! Какъ тамъ одинъ передъ другимъ боится переработать, такъ тутъ они другъ друга одушевляютъ и подстрекаютъ. Вычетъ заставляетъ каждаго, строже всякаго надсмотрщика, наблюдать за чистотою работы. Собственная выгода будитъ его до свѣта и освѣщаетъ ему вечеромъ. — Охота пуще неволи.

У насъ въ домахъ слугъ много, а прислуги мало. Всякій имѣетъ свою часть, и даже свою часть исправляетъ столько, сколько необходимо, а всего чаще и гораздо менѣе, чѣмъ сколько нужно. — За границею; даже въ С.-Петербургѣ у иностранныхъ купцовъ въ домѣ одинъ слуга; а между тѣмъ все чисто, все убрано; за столомъ онъ одинъ служитъ пятнадцати, двадцати человѣкамъ; вездѣ онъ поспѣваетъ; нигдѣ нѣтъ за нимъ остановки. Почему? Потому

что онъ получаетъ жалованье хорошее, т. е. то, чего намъ стоятъ двое, трое нашихъ невольныхъ слугъ; потому что если онъ не будетъ исполнять всѣхъ требованій своего хозяина, не будетъ предупреждать его желаній, — то его сошлютъ и возьмутъ слугу болѣе усерднаго. Спросите иностранцевъ въ Петербургѣ, какъ они довольны нашими такъ называемыми артельщиками; одинъ человѣкъ служитъ за троихъ. — Отъ чего? Охота пуще неволи.

Мы часто жалуемся, что слуги наши глупы, безпечны, лѣнивы, — да какъ же имъ быть иными? — О чемъ имъ заботиться? Они знаютъ, что баринъ ихъ накормитъ и одѣнетъ. Къ чему имъ радѣть? Что не больше они будутъ работать, то тѣмъ больше навалятъ на нихъ дѣла, и одно средство быть покойнымъ: дѣла не дѣлать, а отъ дѣла не бѣгать. Что же касается до ума, то въ ихъ теперешнемъ положеніи эта самая опасная и безполезная вещь: почти всѣ умные слуги или пьяницы или отчаянныя головы. Самая лучшая вещь въ слугѣ, — чтобы онъ былъ не уменъ и не глупъ. Дѣло другое въ вольномъ человѣкѣ: онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобъ припасти къ старости, на случай болѣзни; ему надобно подумать или объ отцѣ и матери, или о женѣ и дѣтяхъ. Если онъ будетъ — служить плохо, то его прогонятъ; если онъ можетъ въ домѣ исправлять только одну часть, то онъ и жалованіе получитъ за $\frac{1}{4}$, за $\frac{1}{2}$ слуги, однимъ словомъ всякій слуга служитъ безъ устали; мечется во всѣ углы; все имъ приведено въ порядокъ, — потому что онъ служитъ по доброй волѣ, потому что онъ получаетъ для себя по мѣрѣ, какъ онъ служитъ для другаго.

Часто слышимъ мы жалобы на пьянство русскаго народа. Да какъ, почтенные читатели, не быть имъ пьяницами! Какое главное дѣйствіе пьянства? Что въ пьянствѣ всего привлекательнѣе. По мѣрѣ какъ вино разыгрывается, человѣкъ чувствуетъ, что все около него преобразовывается, предметы смѣшиваются, воспоминанія покидаютъ и онъ входитъ въ иной какой-то міръ. Онъ забываетъ горе, становится смѣлѣе, живетъ какою то другою жизнью, — пьяному море по колѣно, говоритъ пословица. — Можно ли ставить въ вину нашимъ людямъ, что имъ хочется хоть изрѣдка отвѣдать иной жизни. Пьянство есть необходимое утѣшеніе въ ихъ положеніи, и горе намъ, когда они въ настоящемъ своемъ быту перестанутъ пьянствовать.

Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнѣе) лѣнь удерживаетъ насъ въ освобожденіи себя отъ крѣпостныхъ людей. Почти всѣ мы убѣждены въ превосходствѣ труда свободнаго передъ

барщинскою работою, вольной услуги передъ принужденною, — а остаемся при худшемъ, зная лучшее. Многое можно сказать на счетъ невозможности теперь превратить нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, но что удерживаетъ насъ всѣмъ дворовымъ людямъ, на основанiи указа 12 Iюня 1844 года, дать отпускныя съ заключенiемъ съ ними обязательствъ? Обезпеченiя имѣемъ мы полныя: если они не заплатятъ слѣдующихъ намъ денегъ въ назначенные сроки, то удовлетворяемся мы преимущественно предъ всѣми прочими ихъ долгами и даже передъ казенными повинностями; если имущество ихъ недостаточно, то отдаются въ рекруты, и зачетныя квитанцiи намъ выдаются, а негодные въ рекруты отправляются въ крѣпостныя работы. — Чего же намъ требовать болѣе? Средства намъ даны; исполненiе зависитъ отъ насъ однихъ. Есть уже и примѣры, но къ несчастью они не столь многочисленны, какъ бы того слѣдовало ожидать. Пусть люди благонамѣренные примутся за дѣло дружнѣе и тогда вѣрно отсталыхъ будетъ не много.

1 Ноября, 1847, — с. Песочня.

Приложеніе третье.

„Поѣздка русскаго земледѣльца въ Англію на Всемірную выставку, — Александра Кошелева. Москва 1852.“

Этотъ отчетъ *впервые* познакомилъ русскихъ сельскихъ хозяевъ съ усовершенствованіями, которыя были сдѣланы въ Западной Европѣ и Америкѣ, въ устройствѣ земледѣльческихъ орудій и въ способахъ обработки сельскихъ произведеній. Въ настоящее время, благодаря этому труду и дѣятельности А. И. Кошелева въ „Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства“ въ должности предсѣдателя, — все то, о чемъ писалъ въ этомъ отчетѣ Александръ Ивановичъ, сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ сельскихъ хозяевъ, да и самыя орудія земледѣльческія во многомъ усовершенствовались съ того времени. Поэтому не представляется нужнымъ воспроизводить здѣсь этотъ трудъ во всѣхъ его подробностяхъ теперь, т. е. описаніе машинъ, относительное ихъ достоинство и способы ихъ дѣйствія. Для характеристики этого труда и для уясненія, какъ Александръ Ивановичъ самъ понималъ дѣло и какіе выводы онъ сдѣлалъ изъ обзора Всемірной выставки, здѣсь приводятся наиболѣе характерныя *выдержки* изъ вышеназваннаго труда, его мысли, замѣчанія, взгляды, разсужденія, которые могутъ имѣть интересъ и въ настоящее время.

Примѣч. Издательницы.

„Ровно въ 8 часовъ съ Expresstrain'омъ мы отправились въ Лондонъ; быстрота бѣга была чрезвычайная. Отъ Дувра до Фолькстона прорѣзано нѣсколько горъ; красота дороги, длина тунелей и прочность устройства рельсовъ удостовѣряли, что мы въ Англіи. Мы мчались по садамъ, по пашнямъ, обработаннымъ такъ, какъ въ другихъ странахъ не обдѣлываются и огороды; мимо домовъ, изъ которыхъ каждый можетъ служить украшеніемъ любой дачи. Я ѣхалъ и едва вѣрилъ своимъ глазамъ, что я точно на яву вижу всѣ эти чудеса человѣческаго труда. Когда я подъѣхалъ къ Лондону, то удивленіе мое превратилось въ восторгъ. Я былъ въ Лондонѣ тому 20 лѣтъ назадъ, но теперь я ничего не узнаю. Изъ домовъ сдѣлались огромныя палаты; желѣзная дорога проложена по Лондону

выше домовыхъ крышъ; мосты превратились въ сооруженія, передъ которыми римскія работы — ученичьи начатки; народъ вездѣ копошится, словно на каждомъ мѣстѣ ярмарка. Мнѣ казалось, что я былъ здѣсь не 20, но 200 лѣтъ тому назадъ, — такъ видъ всего въ Англіи и около Лондона казался мнѣ измѣненнымъ. Посмотрите, какъ все огромно! какъ все массивно! Словно устроено все для вѣчности. Откуда взяли они руки, время, капиталы". Стр. 11—12.

„Я ничего не хотѣлъ въ первый день разсматривать; ходилъ, восхищался видами, глядѣлъ на совокупность разныхъ отдѣленій, изучалъ мѣстности и проч. Подойдя къ Трансенту въ верхнемъ этажѣ, я сѣлъ и долго любовался не исключительно чѣмъ нибудь, но всѣмъ: — и общимъ видомъ выставки, и порядкомъ, вездѣ господствующимъ, и полною свободою народныхъ волнъ, туда и сюда стремящихся. Никто не приказываетъ, куда должно идти; разнообразно двигаются народныя массы; застоя нѣтъ, тѣсноты мало, а народу бездна. Смыслъ людской, если не окованъ излишними формами, есть, конечно, первый распорядитель." Стр. 18.

„Въ Англіи ежегодно въ разныхъ мѣстахъ бываютъ выставки земледѣльческихъ орудій; производители по этой части привыкли выставлять свои издѣлія; орудія и машины, получившія премію, въ короткое время дѣлаются необходимою потребностію всякой благоустроенной фермы въ Англіи и Шотландіи; и машинисты, обезпеченные патентами противъ поддѣлокъ, не только ничего не утаиваютъ, но при машинахъ или сами бываютъ или присылаютъ лучшихъ своихъ прикащиковъ для объясненія всего устройства механизма: они охотно развинчиваютъ машины, толкуютъ все весьма обстоятельно и даже снабжаютъ васъ подробными каталогами съ рисунками машинъ. Для назначенія премій выбираются не кабинетные агрономы, не оффиціальные диллетанты земледѣлія, но знатоки дѣла изъ фермеровъ, которые пробуютъ орудія и машины не въ продолженіе получаса, но въ продолженіе дней и мѣсяцевъ на своихъ и чужихъ фермахъ. Таковы бываютъ провинціальныя выставки въ Англіи. Легко себѣ вообразить, какъ изготовились агрономическіе механики ко Всемірной выставкѣ". Стр. 20—21.

„Одна изъ самыхъ разительныхъ вещей на этой выставкѣ есть значительное приспособленіе паровой силы къ земледѣлію. Молотятъ, вѣютъ, рѣжутъ солому и корнеплодныя овощи, плющатъ зерна, мелятъ хлѣба и проч., посредствомъ паровыхъ машинъ. Въ большихъ производствахъ употребляются предпочтительнѣе неподвижныя машины, которыхъ отопленіе и содержаніе обходится почти въ половину противъ перевозныхъ машинъ; но и сіи послѣднія, по акуратнымъ расчетамъ, за отчисленіемъ процентовъ на капиталъ, истраченный для пріобрѣтенія ихъ и на погашеніе этого капитала, замѣняютъ ручную работу съ убавкою цѣны на двѣ трети. Подвижныя паровыя машины устроены различно; въ каждой замѣтно какое нибудь усовершенствованіе.“ Стр. 21—23.

„Всѣ онѣ топятся каменнымъ углемъ. Я видѣлъ въ дѣйствіи эти паровыя машины, и нельзя надивиться быстротѣ и точности, съ которою онѣ производятъ работы. Въ Англіи простые работники уже умѣютъ съ ними обходиться, и не слышно, чтобъ какія либо несчастія были слѣдствіемъ введенія этой силы въ хозяйство; но я не осмѣлился пріобрѣсти для себя подвижную паровую машину, во первыхъ потому, что таковую надобно заказать: всѣ устроены для каменнаго угля, а намъ необходимо употреблять дрова; а во вторыхъ потому, что считаю это введеніе у насъ еще преждевременнымъ. Англичане совершенно сроднились съ парами; почти всякій въ состояніи ими управлять, и въ случаѣ порчи въ машинѣ, они всегда и вездѣ могутъ найти подъ руками механика для исправленія оной. Намъ должно, конечно, это усовершенствованіе имѣть въ виду; но пока еще привыкнемъ къ парамъ на желѣзныхъ дорогахъ и на фабрикахъ, — и постараемся усвоить себѣ многія другія хозяйственныя улучшенія, которыя можемъ ввести у себя безъ всякихъ опасностей и мѣстныхъ неудобствъ.“ Стр. 23.

„Вообще теперь пришли къ той мысли, что пахать успѣшно плугомъ нельзя, и думаютъ пахоту замѣнить вскапываніемъ. Извѣстно, что лучшій инструментъ для подъема и взрыхленія земли есть заступъ; надѣются устройствомъ цѣлаго ряда или нѣсколько рядовъ заступовъ достигнуть цѣли, тщетно искомой при посредствѣ лемеховъ и отваловъ.“ Стр. 24.

„Бороны всѣ желѣзныя; иныя — легкія, другія — среднія, третьи — тяжелыя. — Зубья отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ вершковъ. Но всѣ эти бороны имѣютъ въ ширину отъ 12 до 16 вершковъ, и ихъ сцѣпляютъ по двѣ и по три вмѣстѣ и работаютъ обыкновенно на парѣ лошадей.

Распредѣленіе зубьевъ и сцѣпленіе боронъ между собою чрезвычайно хороши, и я рѣшился купить одну борону для испытанія ея у насъ въ Россіи. Я думаю, что по этому образцу можно дѣлать у насъ съ желѣзными зубьями деревянныя бороны, которыя будутъ на нашихъ земляхъ очень полезны.“ Стр. 26.

„Въ послѣднее время обратили въ Англіи большое вниманіе на усовершенствованіе помѣщеній для рабочаго народа, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Для улучшенія быта рабочихъ составилось въ 1844 году общество (for improving the condition of the labouring classes) подъ предсѣдательствомъ принца Альберта. Богатые и средняго состоянія люди, лорды и банкиры, землевладѣльцы и фабриканты, ученые и торговцы приняли въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе. Значительныя денежныя суммы составились изъ добровольныхъ пожертвованій; явилось множество книгъ, книженокъ и журнальныхъ статей съ добрыми совѣтами и умными предложеніями; сдѣлано много опытовъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціяхъ съ цѣлью доставить удобныя и дешевыя помѣщенія для рабочаго народа. Въ столицѣ выстроено нѣсколько домовъ для семейныхъ людей, для холостыхъ и вдовыхъ мужчинъ и женщинъ. Цѣна за квартиры оставлена прежняя, безъ малѣйшаго повышенія; но каждое семейство, вмѣсто одной сырой, тѣсной, душной комнаты, получило отдѣльное помѣщеніе, — одну общую жилую комнату (living room) съ нѣсколькими спальнями (bed rooms); а холостымъ и незамужнимъ, каждымъ въ особыхъ домахъ, даны отдѣльныя комнатки съ постелью и всею нужною принадлежностію. Всюду проведена вода; ватерклозеты, помойные ящики устроены гдѣ нужно; не забыта и баня; роскоши нѣтъ нигдѣ и ни въ чемъ, но всѣ жизненныя потребности удовлетворены съ смысломъ и доброжелательствомъ. Необходимыя условія для здоровья: сухость, провѣтриваніе (ventilation) и надлежащій просторъ соблюдены здѣсь вполнѣ. Даже въ мелочахъ все придумано для спокойствія живущихъ; видно, что избѣжаніе лишнихъ расходовъ одно полагало границы на Англійскую изобрѣтательность. Правила сожительства коротки, умны и всѣ удобоисполнимы. Каждый

сохраняетъ полную свободу въ своемъ образѣ жизни, и положены этой свободѣ лишь такія ограниченія, которыя необходимы для спокойствія общаго, т. е. каждаго изъ живущихъ. Я посѣтилъ два такихъ дома (near Bagnigge Wels Pentonville, и in Spitalsfields), и изъ обоихъ вышелъ глубоко проникнутый благоговѣніемъ къ мысли, исполненной съ полнымъ ея сознаніемъ, съ истинною любовію къ добру и съ мѣстною обдуманностію. Внѣ Лондона, во внутренности Англіи сдѣлано еще болѣе опытовъ въ устройствѣ удобныхъ помѣщеній для рабочаго народа. Герцогъ Бедфордъ обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе: онъ уже выстроилъ на своихъ земляхъ до 100 крестьянскихъ домовъ (cottages), отличающихся какъ удобствами для жизни рабочихъ, такъ и соотвѣтственностію требованіямъ гигіены. Въ отношеніи своемъ къ президенту Королевскаго Общества Сельскаго Хозяйства, онъ говоритъ: „при постройкѣ этихъ cottages, моя постоянная мысль была, — пріобщить сельское народоселеніе къ пользованію выгодами и удобствами того благосостоянія, которымъ по милости его мы наслаждаемся, и утвердить между владѣльцами, наемщиками земли и рабочими, то взаимное благорасположеніе, котораго равно требуютъ здравая политика и высшія побужденія человѣколюбія.“ Герцогъ Нортумберландъ не замедлилъ послѣдовать благому примѣру герцога Бедфорда и устроилъ у себя по его образцу много такихъ cottages. Другіе землевладѣльцы также пошли этимъ путемъ, и теперь, во многихъ краяхъ Англіи, уже построены для рабочихъ дома удобные и для здоровья благопріятные. Но не всѣ опыты были равно удачны; много встрѣтилось затрудненій и неудобствъ, которыя нужно было устранить. Въ послѣднее время напали на разныя счастливыя мысли по этому предмету, и въ числѣ ихъ одна изъ самыхъ обильныхъ послѣдствіями есть изобрѣтеніе полыхъ кирпичей, т. е. съ пустотою внутри (hollow bricks). Замѣтили, что дома рабочихъ обыкновенно сыры, что воздухъ въ нихъ тяжелъ и смраденъ, и что все деревянное очень скоро приходитъ въ гнилость. При сломкахъ этихъ строеній увидѣли, что кирпичи превратились въ несженную глину, которая, какъ губка, принимаетъ въ себя сырость. Сдѣлали опытъ: выстроили домъ изъ кирпичей, коихъ середка, т. е. внутренность, была пуста; полъ былъ выстланъ такими же кирпичами. Послѣдствія этого опыта были самыя удовлетворительныя; дома съ перваго года оказались сухими, теплыми и удобными во всѣхъ отношеніяхъ. Одно было неудобство, — дороговизна сего рода кирпичей, дѣлаемыхъ станками и руками.

Къ счастію Англійская изобрѣтательность вскорѣ пришла на помощь: изобрѣли машины, которыя легко и поспѣшно дѣлаютъ кирпичи съ такою пустотою, какая нужна по роду постройки и употребленія. Выгоды этого рода построекъ, опытомъ доказанныя, суть слѣдующія: 1-ая сухость, потому что посредствомъ трубокъ, образованныхъ пустотою, всякая сырость вытягивается, 2-ая теплота, потому что пустота въ кирпичахъ менѣе пропускаетъ холодъ, и стѣны остаются недоступными морозу, такъ, что до $^{1}/_{3}$ расходовъ на отопленіе было сбережено жильцами этихъ домовъ; 3-я дешевизна постройки, потому что стали класть стѣны тоньше, что известки на заливку болѣе не требовалось и на стѣны нужно было одною третью меньше и что полъ начали дѣлать не изъ дерева, которое въ Англіи чрезвычайно дорого, а изъ полыхъ кирпичей; и наконецъ, 4-ая выгода этихъ построекъ та, что стѣны изъ полаго кирпича не пропускаютъ звуковъ, и что разныя семьи, ихъ лица, живущія въ одномъ домѣ, другъ друга не тревожатъ шумомъ.“ Стр. 47—50.

„Будемъ надѣяться, что и у насъ обратятъ вниманіе на крестьянскіе избы и дворы, которые своею первобытностію, тѣснотою и отсутствіемъ всякихъ удобствъ вызываютъ на подвиги умъ и дѣятельность архитекторовъ, помѣщиковъ и всѣхъ вообще благонамѣренныхъ людей. Само собою разумѣется, что не постройки cottage'евъ должны быть цѣлью ихъ трудовъ, но слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы русской избѣ со всѣми ея принадлежностями доставить тѣ удобства, которыя нужны крестьянину при его образѣ жизни и при условіяхъ нашей мѣстности и суроваго климата.“ Стр. 53—54.

„Послѣ Англіи, Сѣверо-Американскіе Штаты по земледѣлію занимаютъ первое мѣсто, а для насъ Русскихъ едва ли ихъ хозяйства не интереснѣе и самыхъ Великобританскихъ фермъ. Англія, по своему огромному народоселенію, по дороговизнѣ земель и по распредѣленію, отчасти искусственному, ея богатства и нищеты, слишкомъ далеко отстоитъ отъ нашего пространнаго, еще мало населеннаго и юнаго отечества. Америка къ намъ ближе; условія, при которыхъ развивается и совершенствуется тамъ земледѣліе, имѣютъ болѣе сходства съ условіями нашихъ хозяйствъ. Почва, климатъ, избытокъ земель при недостаткѣ рукъ, и многія другія обстоятель-

ства, болѣе или менѣе общи намъ и Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Давно питаю сильное желаніе посѣтить этотъ край и на мѣстѣ изучить нѣкоторые вопросы, предлежащіе намъ къ разрѣшенію, а тамъ уже разрѣшенные или приближающіеся къ окончательному разрѣшенію. Съ особеннымъ любопытствомъ посѣтилъ я Американское отдѣленіе земледѣльческихъ орудій и машинъ, и хотя прислано изъ за Океана вообще мало предметовъ на Выставку, но и въ маломъ по числу, нашелъ я много по содержанію.“ Стр. 54—55.

„На меня сильно подѣйствовали Пауерова Греческая Невольница и Мазепа, Итальянца Піероти. Первая статуя признается почти всѣми знатоками искусства, бывшими на выставкѣ, за лучшее твореніе нынѣшняго времени; въ ней, конечно, нѣтъ обиходной натуральности въ позахъ и выраженіяхъ и мелочной оконченности въ подробностяхъ — отличительныхъ свойствъ британскаго искусства; но за то идеальность лица Гречанки, его спокойствіе и красота всего тѣла таковы, что чувствуешь, какъ вѣрно, хотя съ нѣкоторою осторожностью, выразилъ Шеллингъ сущность искусства: — „безконечное проявлять въ конечномъ“. Трудно оторваться отъ Греческой Невольницы, которая плѣняетъ васъ и прелестью формъ и въ особенности глубокою, хотя спокойною грустью, внушенною ей бѣдственнымъ ея положеніемъ. Мазепа, привязанный къ дикой лошади, есть группа, поражающая зрителя силою и смѣлостью выраженія въ чертахъ Мазепы и вообще непринужденностью всѣхъ положеній.“ Стр. 74.

„По части Мануфактуръ, Соединенные Штаты прислали мало предметовъ на Выставку. Здравый ихъ смыслъ не дозволилъ имъ состязаться по этимъ предметамъ съ старымъ міромъ, гдѣ бѣдное, въ города сжатое, народонаселеніе доставляетъ фабрикантамъ возможность тратить мѣсяцы и годы работы за дешевую плату, на выдѣлку тончайшихъ тканей, рѣзной и мозаичной мебели и другихъ предметовъ роскоши.“ Стр. 76.

„Душа, основная мысль всѣхъ американскихъ изобрѣтеній и учрежденій, — есть возможно большее упрощеніе, удешевленіе

н обобщеніе всѣхъ предметовъ, служащихъ для удобства и полноты жизни.“ Стр. 77.

„Португалія и Испанія доставили отлично богатое собраніе образцовъ по части естественныхъ произведеній. Страны сіи преизбыточествуютъ и металлами, и строительными матеріалами, всякаго рода хлѣба и травы роскошно прозябаютъ на ихъ почвѣ; тропическія деревья, кустарники и растенія охотно тамъ произрастаютъ; мериносы, обогащающіе шерстью Европу, произошли изъ сего полуострова и до нынѣ тамъ разводятся почти безъ ухода, шелки добываются при самомъ маломъ трудѣ; Португальскія и Испанскія вина, табаки и многія другія произведенія считаютъ Европу своею данницею. Но какъ богатъ полуостровъ естественными произведеніями, такъ бѣденъ онъ на Выставкѣ мануфактурными издѣліями, и — за исключеніемъ ружей нарядныхъ пистолетовъ и другихъ стальныхъ предметовъ роскоши; за исключеніемъ нѣсколькихъ образцовъ тончайшихъ суконъ и багатѣйшихъ бархатовъ (издѣлій двухъ, трехъ въ Европѣ фабрикъ), — нѣтъ ничего достойнаго замѣчанія. Странно, горестно, непонятно это усыпленіе людей посреди богатствъ природы. Какъ бы для разгадки этого явленія, прислана на Выставку модель Мадритскаго цирка, гдѣ 4000 человѣкъ сидятъ и услаждаютъ свое зрѣніе разными приключеніями боя быковъ.“ Стр. 81—82.

„Не смотря на всѣ механическія усовершенствованія въ Европѣ, еще не удалось намъ добыть ни фарфора, ни писчей бумаги, равняющихся доброкачественностью Китайскимъ произведеніямъ сего рода. Тонкость, легкость, звучность и прелесть Китайскаго фарфора недостижимы; то же должно сказать о плотности писчей бумаги, при чрезвычайной ея тонинѣ, и объ ея легкости при желаемой непромокаемости. Китайскія шелковыя матеріи съ рисунками такъ изящны, что восхищеніе умѣряется лишь тѣмъ, что расчитываешь съ ужасомъ сумму истраченной работы на произведеніе этихъ безполезныхъ чудесъ. При обозрѣніи этого отдѣленія не переставали меня тревожить два чувства: то удивленіе къ совершенству, до котораго человѣческое прилежаніе можетъ довести ремесла, то сожалѣніе о томъ, что людской трудъ расточается такъ суетно и безполезно.“ Стр. 83—84.

„Чугунныя издѣлія не менѣе удивительны и разнообразны. Употребленіе чугуна въ Англіи усиливается постоянно, и должно думать, что въ непродолжительномъ времени онъ изгонитъ почти совершенно изъ построекъ дерево, которое въ Англіи очень дорого и которое видимо упадаетъ въ общемъ къ нему благорасположеніи. Здѣсь дѣлается изъ чугуна почти все — отъ самыхъ огромныхъ до самыхъ мелкихъ, отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ затѣйливыхъ вещей. Въ рукахъ Англичанъ чугунъ превратился въ послушный воскъ, сохранивши при томъ и даже усиливши свою пословичную твердость. Нашъ чугунъ очень хорошъ, но все таки видны въ немъ крупинки и ноздрины; Англійскій чугунъ представляетъ совершенно плотную массу.“ Стр. 90.

„Главные выводы изъ осмотра выставки были для меня слѣдующіе: 1-е нѣтъ въ мірѣ народа, который бы почти по всѣмъ отраслямъ промышленности ушелъ далѣе Англичанъ; а потому чему бы кто ни хотѣлъ учиться, долженъ ѣхать въ школу Англіи; 2-е теорія Луи Блана и вообще болѣе или менѣе всѣхъ Французовъ, требующихъ, чтобъ правительство вмѣшивалось во всѣ промышленныя производства и оказывало имъ дѣятельное содѣйствіе, побѣдоносно опровергнуты примѣромъ Англіи, достигшей въ промышленномъ отношеніи высшей степени развитія, а между тѣмъ извѣстно, что Британское правительство совершенно не вмѣшивается въ дѣла частныхъ лицъ и компаній; 3-е, эта земля, преклоняющая колѣно передъ королевою — символомъ власти, повидимому самая аристократическая, но въ существѣ своемъ, если не самая общинная, то, конечно, самая общественная, направила теперь всю дѣятельность своего ума, силъ и капиталовъ на удешевленіе товаровъ и на обобщеніе употребленія всѣхъ предметовъ, служащихъ для жизни и благосостоянія народа; 4-е въ Англіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо науки прямо и обширно примѣнены къ ремесламъ и къ вещественному быту людей; здѣсь убѣждены, что теперь безъ науки нельзя шагу сдѣлать ни въ какомъ производствѣ, что плоды наукъ созрѣваютъ только при свободномъ ихъ развитіи, и что желать плодовъ безъ исполненія сего условія, — значитъ посягать на жатву безъ посѣва, безъ живительныхъ дождя и солнца. Однимъ словомъ, разсматривая вещественныя произведенія Англіи, исполняешься высокаго мнѣнія о нравственномъ и умственномъ ея величіи.“ Стр. 92—93.

„Если пребываніе въ Англіи располагаетъ васъ къ настоящей оцѣнкѣ мудрости, жизненности и силы этой земли; если обзоръ ея естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній возбуждаетъ въ васъ высокое мнѣніе о богатствѣ, ловкости и смышленности ея жителей; то осмотръ Англійскихъ машинъ и орудій раскрываетъ вамъ тайну вещественнаго величія этого острова и заставляетъ васъ смотрѣть на его обитателей съ особеннымъ какимъ-то чувствомъ, скажу даже, съ удивленіемъ. Чѣмъ болѣе вы всматриваетесь въ изобрѣтенныя и усовершенствованныя ими орудія и машины, чѣмъ болѣе вникаете въ глубокій ихъ смыслъ и учитываете обиліе даваемыхъ ими результатовъ, — тѣмъ понятнѣе становится для васъ статистика Великобританіи. Англичане — не какъ прочіе люди; силы ихъ возведены въ какую-то степень x; массы, тяжести, пространство и время — повинуются ихъ разуму и волѣ. Все это произвели — машины, главный двигатель ихъ — паръ; а потому и не удивительно, что Англичанинъ смотритъ на каменный уголь и на пары, какъ на краеугольные камни своего могущества.“ Стр. 93—94.

„По части гражданской архитектуры, Англійское отдѣленіе чрезвычайно богато: выставлена бездна моделей мостовъ, сводовъ, лѣстницъ, трубъ и пр. Два предмета привлекли всеобщее вниманіе: модели трубообразнаго моста, соединяющаго островъ Енглези съ Англіею и висячаго моста, сооружаемаго въ Кіевѣ. — Въ этомъ отдѣленіи я встрѣтилъ одного русскаго архитектора, повидимому человѣка умнаго и смышленнаго; съ восторгомъ говорю ему о важныхъ открытіяхъ и чудесахъ, совершенныхъ въ Англіи по строительной части, объ удивительныхъ цементахъ и пр. пр.; отвѣтъ его меня просто сразилъ: „Помилуйте, — сказалъ онъ, — здѣсь нѣтъ ничего новаго — все это намъ извѣстно.“ — Вообще немного нашихъ соотечественниковъ перебывало на выставкѣ, но даже изъ этихъ немногихъ большая часть извлекла изъ ея осмотра мало пользы; и почему? Потому самому убѣжденію, которое такъ чистосердечно высказалъ нашъ архитекторъ. Да, намъ все извѣстно, а на дѣлѣ выходитъ, что мы знаемъ очень немного. Мы схватили верхушки Европейской образованности и думаемъ, что просвѣщеніе мы себѣ усвоили. Мы приняли и принимаемъ манеры, платье, внѣшній образъ жизни Запада, и воображаемъ, что у своихъ старшихъ братьевъ по просвѣщенію, мы взяли все, что составляетъ принадлежность об-

разованнаго человѣка; а на повѣрку выходитъ, что мы взяли то, чего могли бы и не брать; и не взяли именно того, чѣмъ намъ слѣдовало воспользоваться. На Западѣ науки, художества, ремесла и многія другія проявленія человѣческой дѣятельности достигли значительнаго развитія; они содержатъ въ себѣ опытность, завѣщанную человѣчеству вѣками, тысячелѣтіями. Главнымъ производителемъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой жизни былъ и есть трудъ; его то болѣе всего мы чуждаемся. Всякое дѣло тамъ, какъ и вездѣ, успѣвало на столько, на сколько оно соотвѣтствовало мѣстнымъ и временнымъ нуждамъ народа, т. е. потребностямъ его духа, нравственнаго и умственнаго его развитія, общественнаго его устройства и пр. Мы ѣздимъ въ Европу, беремъ тамъ все, что насъ поражаетъ, и часто возвращаемся съ презрѣніемъ ко всему своему — старинному и родному. Мы водворяемъ къ себѣ роскошь запада, его безнравственность, его холодность къ религіи, его умничанье; а не понимаемъ, что это лишь больные побѣги дерева просвѣщенія. Намъ слѣдуетъ не перенимать у Запада, а изучать его; мы должны не бросаться на плоды его образованности, но вникать въ самую эту образованность съ тѣмъ, чтобы отдѣлять въ ней все доброе отъ худаго, пользоваться первымъ и устраняться отъ послѣдняго. — Мы дѣлаемъ совершенно тому противное; и не удивительно, что вообще производимъ мало въ наукахъ, и въ художествахъ и въ прочихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности; что многое, нами производимое, слабо, безхарактерно и безплодно. Мы, т. е. люди, получившіе, такъ называемое Европейское образованіе, мы чужды труда; мы насыщаемся больными плодами видимаго западнаго просвѣщенія, не развивая своего кореннаго живительнаго начала. Да, намъ все извѣстно, повторяемъ на разные лады слова архитектора; а не знаемъ лишь одного: не свѣдѣніе о чемъ либо составляетъ знаніе, но знаніе заключается главнѣйше въ знаніи этого знанія, т. е. его источника, существа и составныхъ частей. Тогда знаніе плодотворно; а безъ этого оно есть знаніе попугая, который повторяетъ слова, даже цѣлый рядъ словъ, но эти слова для него безъ смысла и безъ результата. Будемъ изучать Европу и ея просвѣщеніе; но перестанемъ по почтѣ получать оттуда только свѣдѣнія; будемъ изучать свою землю и въ настоящемъ, и въ старинномъ ея быту; постараемся сродниться съ нею и глубоко проникнемъ себя истиною, что дерево просвѣщенія ростетъ не вѣтвями, а корнями. Срубленная елка, хотя бы и была обвѣшана виноградомъ, апельсинами и

яблоками, — своего плода не дастъ. Намъ предстоитъ не сѣмя класть въ землю для произведенія дерева; Русское дерево возращено столѣтіями; оно глубоко пустило въ землю свои сильные корни; оно уже не дичёкъ; къ нему издавна привито Святое Православіе; молодыя, но сильныя вѣтви уже осѣнили нашу землю. Если мы въ этомъ сомнѣваемся, то вина въ томъ наша; мы старались получать свѣдѣнія объ Европѣ; изучать же Русь мы считали дѣломъ излишнимъ. Да и могли ли мы прежде, ослѣпленные искусственностью и многообразіемъ Запада, изучать свое Русское — истинное по его простотѣ, — высокое по его смиренію, — существенное по его жизненности. — Но время кончить. — Завтра выѣзжаю изъ Лондона для обзора Англійскихъ сельскихъ хозяйствъ на мѣстѣ.“ Стр.97--99.

Въ текстѣ „отчета“ Александра Ивановича находятся рисунки слѣдующихъ машинъ и орудій: 1) Паровая подвижная машина Тёксфорда, 2) плугъ Гауарда, 3) бороны Чильямса, 4) глыбодробъ Кросскиля, 5) шведская борона Кросскиля, 6) сѣялка Гаррета, 7) пропашникъ Гаррета, 8) сѣносушилка Смита, 9) конныя грабли, 10) ручныя грабли Смита, 11) молотилка съ подвижною паровою машиною Гаррета, 12) молотилка Голмеса, 13) конный приводъ Гаррета, 14) зернодробъ Гаррета, 15) сортовка Гиллама, 16) фура Бёсбія, 17) фура Крауля, 18) жатвенная машина, или жнея, Маккормика, 19) жатвенная машина Гусеа, 20) жатвенная англійская машина Гаррета, 21) маслобойня.

Какъ завершеніе сельскаго хозяйства въ текстѣ находится планъ и описаніе образцоваго Кóтэджа для рабочаго семейства.

По возвращеніи съ выставки, Александръ Ивановичъ сдѣлалъ сообщенія о видѣнномъ и слышанномъ „Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства“. Въ слѣдующемъ году выписанныя имъ машины и орудія были подвергнуты испытанію сначала въ селѣ Спѣшневѣ (Данков. уѣзда Рязан. губ.), а потомъ въ селѣ Песочнѣ (Сапожков. уѣзда Рязанск. губ.). Къ испытанію были приглашены какъ члены „Общества“, такъ и всѣ желавшіе сельскіе хозяева окрестные и отдаленные.

Результаты испытаній Александръ Ивановичъ изложилъ въ особой брошюрѣ: „объ испытаніи англійскихъ и американскихъ машинъ и орудій въ 1852 году.“ „Москва. Въ Унив. Типографіи. 1852.“

При испытаніи и оцѣнкѣ машинъ и орудій, Александръ Ивановичъ руководился не только чисто сельско-хозяйственными цѣлями, но и гуманными. Такъ, оцѣнивая относительное достоинство жатвенныхъ машинъ, онъ говоритъ: „Сверхъ того жатвенная машина имѣетъ право на вниманіе почтеннѣйшихъ нашихъ сочленовъ и всѣхъ вообще помѣщиковъ не по однимъ вещественнымъ выгодамъ: — это орудіе должно облегчить самый тяжкій трудъ женщины, уже и безъ

того обремененной разными физическими страданіями. Вѣрно каждый съ радостію воспользуется первою возможностію уплатить свой долгъ человѣчеству; а при введеніи жатвенныхъ машинъ, даже несовершенныхъ, улучшенія не замедлятъ послѣдовать, и, смѣемъ надѣяться, что современемъ, онѣ совершенно упразднятъ тягостный для работъ серпъ.“

(„Объ испытаніи Англійскихъ и Американскихъ машинъ и орудій въ 1852 г. Москва. 1852. А. Кошелевъ.“ Стр. 19—20.)

Издат.

Приложеніе четвертое:

а) Письмо къ Государю и б) Записка о денежныхъ средствахъ Россіи.

Всемилостивѣйшій Государь!

Трудно, почти невозможно, для частнаго человѣка у насъ составлять какія-либо, на вѣрныхъ данныхъ основанныя, предположенія по дѣламъ государственнымъ; но есть случаи, когда мысль невольно къ нимъ несется и когда любовь къ Отечеству и Царю не позволяетъ таить въ себѣ то, чѣмъ душа и умъ преисполнены. Теперь, когда Севастополь и значительная часть нашихъ границъ находятся подъ ударомъ враговъ и когда грозитъ Россіи война многолѣтная, нерѣдко высказываемыя опасенія на счетъ слабости денежныхъ средствъ Россіи, глубоко огорчаютъ всякаго вѣрноподданнаго. Денежныя наши средства казались мнѣ всегда гораздо болѣе значительными, чѣмъ вообще полагаютъ. Я изложилъ свои убѣжденія по сему предмету; полная увѣренность въ силы и будущность Россіи еще болѣе проникла душу мою и внушила мнѣ смѣлость повергнуть ихъ на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Быть можетъ, что записка моя недѣльна и несвоевременна; въ такомъ случаѣ благоволите, Государь, видѣть въ ней только порывъ вѣрноподданнической преданности.

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподданный

Апрѣля дня 1855 года.

А. И. Кошелевъ.

Отставн. надв. совѣтникъ.

О денежныхъ средствахъ Россіи въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Положеніе нашего отечества, въ настоящее время, такъ затруднительно, такъ важно и такъ опасно, что невольно оно дѣлается предметомъ всѣхъ нашихъ думъ и заботъ. Конечно, Царь и его совѣтники стоятъ у руля, наблюдаютъ за ходомъ корабля и принимаютъ, по лучшему своему усмотрѣнію, мѣры для благоуспѣшнаго его направленія. Но не случается ли иногда, что малосвѣдущій рыбакъ указываетъ искусному кормчему подводный камень и обходъ вокругъ него, и тѣмъ предохраняетъ корабль отъ грозящей ему бѣды? Иное виднѣе для простаго человѣка, чѣмъ для людей и умнѣйшихъ и опытнѣйшихъ, но устремившихъ свое вниманіе на самыя видныя стороны дѣла. А какое теперь въ ходу дѣло? и сколько у него сторонъ? Умъ цѣпенѣетъ при одной думѣ объ немъ; каково же тщательно наблюдать за нимъ, направлять многоразличныя отрасли его, устранять встрѣчающіяся препятствія, исправлять частныя неудачи, побѣждать открывающіяся невозможности и проч. и проч. и проч.? Страшно объ этомъ и подумать. А потому не долгъ ли каждаго Русскаго, преданнаго своему отечеству, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, высказывать мысли, которыя по его убѣжденію, могутъ быть полезными Царю и людямъ, помогающимъ ему нести бремя настоящаго дня? Если мысль дѣльна, то ею воспользуются; если она пуста, то ее откинутъ; а изъ десяти мыслей, отъ глубокаго убѣжденія высказанныхъ, едва ли не будетъ хоть одна дѣльная; а одна мысль дѣльная можетъ уже сдѣлать много добра. Подъ вліяніемъ сей то надежды и по требованію совѣсти, счелъ я долгомъ изложить, по возможности кратко, слѣдующія мысли.

Важность денежныхъ средствъ въ военномъ дѣлѣ.

И прежде деньги имѣли сильное вліяніе на исходъ войны; а теперь финансы заключаютъ въ себѣ чуть-чуть не всю военную задачу. Чьи денежныя средства дольше вытерпятъ, тотъ и побѣдитъ. На семъ то основаніи многіе Европейскіе публицисты обѣщаютъ несомнѣнную побѣду западнымъ державамъ, ибо они считаютъ ихъ несравненно богаче Россіи, которая, по ихъ мнѣнію, при крайнихъ усиліяхъ, можетъ выдержать еще одну кампанію, а въ 1856 году, разоренная и побѣжденная, должна будетъ принять тѣ условія, которыя побѣдителямъ угодно будетъ ей даровать. Не будемъ обманывать себя льстивыми надеждами, но и не станемъ убивать своей дѣятельности излишними опасеніями; а потому разсмотримъ нѣсколько обстоятельно положеніе нашихъ финансовъ и средства, намъ предлежащія.

Государственные долги Россіи.

Нашъ государственный долгъ внѣшній и внутренній на 1-е Января 1854 года (по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ) простирался до 417,746,425 рублей сер. Послѣ того сдѣланъ былъ заемъ чрезъ посредство банкира Штиглица въ 50 милліоновъ рублей сер.; были также выпуски билетовъ Казначейства. Допустимъ, что нашъ государственный долгъ дошелъ даже до пяти сотъ милліоновъ рублей сер. Эта сумма представляетъ съ небольшимъ нашъ двухгодовой доходъ. Франція имѣетъ долгъ, равняющійся четырехгодичному ея доходу; а Англія должна не болѣе и не менѣе, какъ пятнадцатилѣтнюю сложность своихъ доходовъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи наше финансовое положеніе не страшно.

Но у насъ, кромѣ этого долга, есть еще другой долгъ. Сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ по 1-е Сентября 1854 года (по показанію г. Тенгоборскаго), простиралась до 345,227,000 руб. сер., а размѣннаго фонда имѣлось 146,563,000 руб. сер. Слѣдовательно еще годъ государственнаго дохода должно отнести къ покрытію государственнаго долга.

Государственные доходы Россіи.

Государственные наши доходы, по показанію г. Тенгоборскаго, дошли въ 1853 году до 224 мил. руб. сер., изъ которыхъ 100 мил.,

по его же показаніямъ, расходовались на содержаніе военныхъ силъ. Трудно не усомниться въ истинѣ сей послѣдней цифры; вѣроятно многія статьи, содержаніе крѣпостей, флота и другіе расходы не включены въ эту сумму; ибо извѣстно, что три пятыхъ государственныхъ доходовъ едва покрывали, въ мирное время, издержки военнаго и морскаго вѣдомствъ. Теперь, при умножающейся арміи и при чрезвычайныхъ издержкахъ на содержаніе, передвиженіе и пр. нашихъ войскъ, сумма, потребная для военнаго вѣдомства, должна слишкомъ удвоиться, и я думаю, что можно безъ ошибки назначить на чрезвычайныя издержки по случаю войны еще отъ 100 до 150 мил. рублей сер. въ годъ. — Откуда получать ежегодно такую сумму?

Если-бъ война должна была продолжиться одинъ или два года, то выпускомъ кредитныхъ билетовъ и билетовъ Казначейства и другими обыкновенными средствами можно было бы кое-какъ покрыть предстоящіе государству расходы. Но война грозитъ быть многолѣтнею; размѣры ея становятся все огромнѣе и огромнѣе; и со дня на день дѣлается очевиднѣе, что одолѣніе врага достанется на часть того, чьи денежныя средства долѣе вытерпятъ. Слѣдовательно, нельзя уже болѣе обманывать себя надеждами на миръ и должно наконецъ рѣшиться на войну, безъ оглядки вспять. Какія же денежныя средства имѣемъ мы, чтобъ вести войну многотрудную и многолѣтнюю?

Денежныя средства Россіи.

Средства наши суть: усиленіе налоговъ, займы, выпускъ кредитныхъ билетовъ и пожертвованія.

I. *Усиленіе налоговъ.*

Первое средство, при настоящемъ развитіи нашихъ производительныхъ силъ, едва ли удобно вообще; теперь же оно совершенно невозможно. Цифра нашихъ налоговъ, конечно, не велика сама по себѣ, но она значительна потому, что наши, въ обращеніи находящіяся, богатства и наши добывки нельзя не назвать крайне ограниченными. Англичанину легче заплатить причитающіеся съ него 17, а Французу 12 руб. сер., чѣмъ Русскому взнести слѣдующіе съ него $3\frac{1}{2}$ руб. сер., а за исключеніемъ женъ, дѣтей и престарѣлыхъ, не менѣе

14 руб. сер.*) Наши налоги, по слабому развитію нашихъ средствъ, вовсе не легки. Едва уменьшилась наша вывозная торговля, — и она, составляющая менѣе, чѣмъ двадцатую часть нашихъ денежныхъ оборотовъ, такъ подавила всю внутреннюю торговлю, что чувствуется тяжкій застой вездѣ и во всемъ. При неурожаѣ, почти повсемѣстномъ, цѣны на хлѣбъ во всѣхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ низки; крестьяне и помѣщики едва въ состояніи уплатить подати и взнести проценты въ кредитныя установленія. Мануфактуристы уменьшили свои производства, а торговцы не могутъ сбыть на деньги свои товары. Къ тому же третій наборъ въ теченіе менѣе полутора года, почти удвоилъ подати. Теперь рѣшительно ничего болѣе нельзя взять съ крестьянъ; и даже едва ли нынѣшнія повинности такъ исправно уплатятся, какъ онѣ доселѣ платились. — Въ таможенныхъ доходахъ должна быть довольно значительная недовыручка; и питейный сборъ, доведенный до размѣровъ чрезвычайныхъ, едва доставитъ слѣдующія съ него деньги; къ тому же онъ основанъ на контрактахъ, и слѣдовательно и не можетъ быть увеличенъ. Усиленіе подати на соль есть средство, на которое можетъ быть указано въ отвѣтахъ на статьи Европейскихъ публицистовъ; но мы Русскіе знаемъ всю невозможность его приведенія въ дѣйство: этотъ прибавокъ налога легъ бы преимущественно на низшій классъ, который и безъ того бѣденъ и платитъ все, что онъ только можетъ уплатить; и сверхъ того имѣлъ бы самое вредное вліяніе на общественное здоровье и на земледѣліе. Прочіе наши налоги такъ незначительны, что удвоеніе ихъ не дастъ Казнѣ и десяти милліоновъ рублей сер. Слѣдовательно налоги не могутъ доставить намъ нужныхъ средствъ къ продолженію войны.

II. *Займы.*

Займы могутъ быть внѣшніе и внутренніе. Уже опытъ доказалъ, какъ тягостенъ заемъ внѣшній въ настоящихъ обстоятельствахъ. Онъ едва состоялся лѣтомъ текущаго года; онъ вѣроятно совсѣмъ не можетъ состояться теперь, когда область войны все болѣе и болѣе расширяется. Слѣдовательно возможенъ только заемъ внутрен-

*) Эта цифра, какъ и всѣ прочія, быть можетъ, не совсѣмъ вѣрна; ибо частному человѣку невозможно имѣть вѣрныхъ свѣдѣній по дѣламъ нашего Государственнаго Хозяйства. Впрочемъ онѣ служатъ здѣсь не доводами, а только приблизительными данными для соображеній.

нiй. Нельзя не сознаться, что вообще мы бѣдны капиталами, что капиталы, которые мы и имѣемъ, уже всѣ находятся въ кредитныхъ учрежденiяхъ, т. е. въ рукахъ правительства, что мы особенно страдаемъ недостаткомъ капиталовъ и отсутствiемъ частнаго кредита, и что эти два бѣдствiя суть главныя причины теперешняго застоя нашей торговли. Заемъ внутреннiй извлечетъ послѣднiя деньги изъ народа, и сверхъ того онъ не доставитъ казнѣ денегъ въ дѣйствительности, ибо мы должны будемъ взять ихъ изъ банковъ, которые имѣютъ незначительные наличные фонды и которымъ Казна должна огромныя суммы; слѣдовательно она должна будетъ возвратить кредитнымъ учрежденiямъ почти тѣ же суммы, которыя она получитъ отъ частныхъ лицъ.

Многiе думаютъ, что мы можемъ сдѣлать заемъ внутреннiй посредствомъ выпуска билетовъ казначейства. Конечно, эти билеты пользуются общимъ къ себѣ благорасположенiемъ. Они ходятъ во внутренности Россiи даже съ премiею и ихъ довольно трудно доставать. Но до сихъ поръ, по показанiю г. Тенгоборскаго, ихъ выпущено только на 75 мил. рублей сер. При теперешнемъ застоѣ торговли и промышленности, значительный выпускъ сихъ билетовъ едва ли разойдется безостановочно. Къ тому же для прiобрѣтенiя сихъ билетовъ усилятся выемки изъ банковъ и уменьшатся вклады въ сiи учрежденiя, и барышъ будетъ только для частныхъ лицъ, которыя, вмѣсто 4 процентовъ въ годъ, получатъ $4\frac{32}{100}$ процента. Слѣдовательно къ этому внутреннему займу должно отнести то-же, что мною сказано о внутреннихъ займахъ вообще.

Нѣкоторые финансовые люди говорятъ, что казна въ обезпеченiе внутренняго займа можетъ представить свои рыбныя ловли, земли и другiя имущества. Это обезпеченiе могло бы удовлетворить Европейскихъ капиталистовъ при внѣшнемъ займѣ; но наши денежные люди сочтутъ ихъ менѣе, чѣмъ за ничто. Мы вѣримъ нашему правительству, его стойкости и добросовѣстности, вѣримъ совокупности его доходовъ и нравственной его отвѣтственности за долгъ; но если оно представитъ въ обезпеченiе часть своихъ доходовъ или иной вещественный залогъ, сохраняя при томъ неограниченную свою власть на распоряженiе всѣмъ и всѣми, то общее довѣрiе къ казнѣ не только не усилится, но ослабнетъ; ибо въ этомъ дѣйствiи всякiй Русскiй увидитъ лишь грустный признакъ затруднительности ея положенiя. Огромность капиталовъ, вложенныхъ въ банки, свидѣтельствуетъ о нашемъ довѣрiи къ правительству. Теперь

оно у насъ не можетъ болѣе занять, потому что уже все, или почти все, что имѣемъ, мы ему уже довѣрили. Слѣдовательно и этотъ источникъ необиленъ и не можетъ соотвѣтствовать потребностямъ настоящаго времени.

III. *Выпускъ кредитныхъ билетовъ.*

Выпускъ кредитныхъ билетовъ есть, конечно, источникъ богатый, и могущій, повидимому, удовлетворить всѣмъ государственнымъ нуждамъ въ настоящее время. Но этотъ благодѣтельный и обильный ключъ исходитъ изъ такой вершины, которая даже не подлежитъ дѣйствію верховной власти. Усилить его труднѣе, чѣмъ даже въ началѣ открыть, и указами его не оживишь, когда онъ начнетъ изсякать. Не говорю о Франціи и Австріи, гдѣ бумажки доходили до безцѣнности, но собственная наша Исторія нынѣшняго столѣтія сохранила для насъ урокъ, который мы не должны забывать. Еще люди, нынѣ живущіе, помнятъ, какъ ассигнаціи пользовались общимъ довѣріемъ и какъ онѣ были любимою ходячею въ государствѣ монетою. При усиленныхъ выпускахъ онѣ начали упадать: въ 1803 году рубль серебромъ сталъ уже ровняться 1 руб. 25 коп. ассигнаціями; въ 1810 году онъ дошелъ до 3 рублей, а въ 1815 году онъ представлялъ не болѣе, не менѣе, какъ 4 руб. 18 коп. ассигнаціями. Извѣстно, какое разстройство произведено было этимъ государственнымъ банкротствомъ въ частныхъ и казенныхъ оборотахъ и богатствахъ; но тогда весь нашъ бытъ частный, общественный и государственный былъ гораздо проще и малосложнѣе. Въ половину меньшее банкротство казны нынѣ произведетъ вдвое большее разстройство въ государствѣ; единство и твердость нашихъ кредитныхъ установленій, высоко цѣнимыхъ даже иностранцами, безпристрастно въ оныя вникнувшими, погибнутъ безвозвратно, и Россія поставлена будетъ на краю погибели. — Извѣстны усилія нашего правительства съ 1817 года къ возстановленію цѣнности бумажекъ; но извѣстно также, что результаты далеко не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. Нашъ государственный кредитъ нѣсколько утвердился только съ 1843 года, когда установлена была новая система билетовъ съ размѣннымъ фондомъ. Конечно, нашъ размѣнный фондъ значителенъ, и онъ можетъ снести выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ на 50, на 100, даже, быть можетъ, на 200 мил. руб. сер. Но 50 или 100, или даже 200 мил. рублей, выпущенныхъ билетами,

не истощатъ ли всей возможности дальнѣйшихъ выпусковъ? Выпускъ такой значительный, произведенный въ теченіе одного или полутора года, не уронитъ ли ихъ цѣнности? Не наводнитъ ли онъ государства капиталами, которые тотчасъ не найдутъ себѣ дѣятельнаго помѣщенія и поступятъ въ кредитныя учрежденія? Не страшна ли уже и безъ того цифра вкладовъ въ наши банки? — Дерзко было бы отвѣчать отрицательно на эти вопросы. Мы знаемъ, какъ твердо довѣріе народа къ кредитнымъ билетамъ; но мы знаемъ также, съ какою похвальною осторожностью правительство доселѣ ихъ выпускало. Конечно, важенъ при бумажныхъ деньгахъ размѣнный фондъ, но еще важнѣе для ихъ цѣнности итогъ выпущенныхъ билетовъ. Для каждаго государства во всякое время есть извѣстная сумма денегъ, потребная для его оборотовъ. Если эта цифра ниже мѣстной потребности, то дорожаютъ деньги и дешевѣютъ товары, и извнѣ мало по-малу пополняется недостатокъ въ деньгахъ привозомъ драгоцѣнныхъ металовъ. Если сумма денегъ въ государствѣ выше мѣстной потребности, то дешевѣютъ деньги и дорожаютъ товары, — и металическія деньги выходятъ изъ государства. Какъ первый недостатокъ нѣсколько стѣсняетъ развитіе промышленности, но ограждаетъ государство отъ внезапныхъ потрясеній въ торговлѣ и кредитѣ; такъ послѣдній недостатокъ, оживляя временно мануфактуры и торговлю, готовитъ имъ болѣе или менѣе тяжкіе кризисы. До сихъ поръ мы удерживались до нѣкоторой степени въ золотой рединѣ между сими двумя крайностями. Усиленіе цифры кредитныхъ билетовъ слѣдовало постепенно за развитіемъ торговли и промышленности; но теперь, при остановкѣ денежныхъ оборотовъ, не чувствуется ли уже излишекъ въ кредитныхъ билетахъ? Звонкая монета исчезаетъ изъ обращенія; полуимперіалы вымѣниваются въ Москвѣ по 5 руб. 25 коп., а въ Варшавѣ цѣна на нихъ 5 руб. 35 коп. и даже 38 коп.; и требованія размѣна билетовъ на золото, какъ слышно, усиливаются. Не смотря на запрещеніе вывоза золота за границу, развѣ не вывезутъ его жиды, умѣвшіе, какъ говорятъ, провезти контробандою нѣсколько тысячъ штуцеровъ? Не будетъ ли правительство въ необходимости пріостановить размѣнъ билетовъ на золото, и чрезъ то не лишитъ ли ихъ того основанія, которое доставляло имъ доселѣ даже предпочтеніе предъ золотомъ и серебромъ? Цѣны у насъ на товары и имущества въ послѣднія 15 или 20 лѣтъ хотя возвысились, но это возвышеніе было постепенное, едва чувствительное и еще вовсе не чрезмѣрное въ сравненіи съ прочими Европей-

скими государствами. Если мы теперь, при общемъ застоѣ торговли, въ теченіе года выпустимъ 50 или 100 мил. рублей сер., то отнюдь не должны льстить себя надеждою, что такой выпускъ, значительный и внезапный, не произведетъ потрясенія въ денежныхъ оборотахъ. Конечно, и за муку, и за сукно, и за подводы билеты будутъ сначала приниматься охотно и безостановочно, потому что ими можно уплатить и подати въ казну, и проценты въ банковыя учрежденія; но будутъ отъ этихъ денегъ излишки и эти излишки неминуемо произведутъ повышеніе цѣнъ внутри государства и уронятъ курсы въ отношеніи къ чужимъ краямъ. Правительство должно будетъ впослѣдствіи покупать и провіантъ, и вино, и прочія нужныя для него вещи по возвышеннымъ цѣнамъ; и въ той мѣрѣ, какъ выпуски билетовъ будутъ усиливаться, цѣны на произведенія будутъ возвышаться, и мы дойдемъ до худшаго положенія, чѣмъ то, въ которомъ столько лѣтъ находилась Австрія, гдѣ билеты Wiener Wehrung имѣютъ почти ничтожную цѣнность. Я сказалъ, что наше положеніе будетъ худшее, потому что у насъ всѣ банки въ рукахъ правительства, что наши банки, за отсутствіемъ частнаго кредита, представляютъ весь кредитъ Россіи, и что сколько этотъ порядокъ вещей твердъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, и даже во времена чрезвычайныя при большой осторожности правительства, столько же онъ будетъ безсиленъ, но совершенно безсиленъ при потрясеніи довѣрія къ правительству. У насъ довѣріе къ правительству еще сильно, — оно еще продержится; но если оно начнетъ упадать, то, какъ единое въ Россіи, оно будетъ упадать не постепенно, а быстро и такъ быстро, что ничѣмъ нельзя будетъ его удержать. Слѣдовательно и этотъ источникъ, сколько онъ ни богатъ, ни заманчивъ, не можетъ дать намъ средствъ къ продолженію войны многотрудной и многолѣтней.

IV. *Пожертвованія.*

Послѣднее средство, которое остается намъ разсмотрѣть, есть пожертвованія. Конечно, нельзя сомнѣваться въ готовности Русскихъ жертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Мы видѣли, съ какимъ единодушіемъ Россія, прошедшею зимою, готова была на пожертвованія, когда дѣло шло только о вспомоществованіи единоплеменнымъ и братьямъ во Христѣ. Теперь дѣло касается насъ еще ближе: хотятъ унизить, сжать Россію. Конечно, въ послѣднее время, желаніе жертвовать видимо поослабло, но это единственно пото-

му, что мы не знаемъ, необходимы ли для правительства пожертвованія, что мы смущены его уступчивостью въ отношеніи къ Европейскимъ державамъ и что даже мы боимся, чтобъ пожертвованныя нами деньги не послужили на уплату военныхъ издержекъ Франціи и Англіи. Наши пожертвованія прошедшаго года были только заявленіями нашего желанія жертвовать. Теперь для пожертвованій мы ждемъ, чтобъ цѣль войны болѣе уяснилась, чтобъ Царь сказалъ, какъ некогда сказалъ Императоръ Александръ I, что онъ не положитъ оружія, пока земля Русская не будетъ совершенно очищена отъ враговъ и пока святое дѣло, для котораго начата была война, не будетъ исполнено; и сверхъ того мы ждемъ, чтобъ дана была намъ возможность принести на алтарь Отечества дѣйствительныя жертвы. Въ настоящемъ видѣ наши пожертвованія могутъ мало доставить пользы казнѣ: за дворянствомъ считается съ небольшимъ 10 мил. душъ, или около 4,000,000 тяголъ. Тягло обыкновенно даетъ отъ 15 до 25 руб. сер. дохода. Слѣдовательно доходъ дворянства съ помѣстій можетъ быть опредѣленъ въ 80 мил. рублей сер. Но большая часть имѣній заложены въ кредитныхъ установленіяхъ, и взносится процентовъ въ оныя не менѣе 30 мил. рублей сер. Сверхъ того, сколько дворянъ обремененныхъ частными долгами, разными взысканіями и многочисленными семействами, изъ которыхъ по одному или по нѣсколько лицъ содержатся ими въ войскахъ. Если дворянство пожертвуетъ десятый процентъ съ своихъ доходовъ, то и въ такомъ случаѣ менѣе 5 мил. поступитъ въ казну. Допустимъ, что купечество пожертвуетъ около той же суммы. Это составитъ только 10 милліоновъ. Сверхъ того дворянство и купечество, жертвующія каждое съ своей губерніи и въ своемъ городѣ, не могутъ жертвовать ни съ равнымъ единодушіемъ, ни въ равныхъ размѣрахъ. Непремѣнно они будутъ смотрѣть другъ на друга; и какъ они спѣшили заявлять о своемъ желаніи жертвовать, такъ нынѣ они будутъ мѣшкать дѣйствительными пожертвованіями, ибо никто не захочетъ много отстать отъ другихъ, но никто не согласится, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ для земледѣлія, мануфактуръ и торговли, взвалить на плеча своего общества преимущественную тяжесть пожертвованій. Впрочемъ, допустимъ почти невозможное: положимъ, что дворянство и купечество въ сложности пожертвуютъ вдвое противъ нашихъ исчисленій; это уже будетъ крайній, разорительный предѣлъ ихъ возможности жертвовать; а между тѣмъ сумма дойдетъ только до 20 милліоновъ. Сумма сама по себѣ, конечно,

значительная, но въ сравненіи съ потребностями войны весьма недостаточная. Къ тому же подобныя пожертвованія породятъ тѣ же неудобства, которыя мы выше указали, говоря о налогахъ и внутреннихъ займахъ: они извлекутъ изъ народа остальные капиталы, умножатъ выемки изъ банковъ и уменьшатъ вклады въ оные. Слѣдовательно и этотъ источникъ, сколько онъ ни святъ, ни важенъ, однако не достаточенъ для покрытія необходимыхъ издержекъ войны.

Обыкновенныя денежныя средства не достаточны.

Изъ всего вышеписаннаго ясно, что обыкновенныя, доселѣ употребленныя, средства достаточны въ совокупности для покрытія расходовъ одной, быть можетъ, двухъ кампаній; но кто поручится, чтобъ не было трехъ, четырехъ кампаній, а быть можетъ и болѣе? Европейскія державы убѣждены въ слабости финансовыхъ средствъ нашего правительства. Конечно, отвѣтъ г. Тенгоборскаго на статью Леона Фоше не могъ измѣнить ихъ убѣжденій. На эту нашу слабость онѣ расчитываютъ, конечно, болѣе, чѣмъ на свои пекзаны, револьверы и пловучія батареи. Можно ли надѣяться, что онѣ въ концѣ 1855 или 1856 года будутъ къ намъ милостивѣе, чѣмъ теперь, когда онѣ требуютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ нашего униженія и посрамленія? Европа думаетъ, что безъ ея денегъ мы безсильны, и что наше правительство въ скоромъ времени окажется совершенно несостоятельнымъ къ продолженію войны. Не важно ли, не необходимо ли теперь ей показать, что наши средства огромны, и что они также неизсякаемы, какъ и собственныя ихъ средства? Такое заявленіе не будетъ ли путемъ къ миру болѣе надежнымъ, чѣмъ принятіе нотъ, обманчиво намъ изъ Вѣны предлагаемыхъ? Но какія же иныя средства мы имѣемъ?

Богатство и бѣдность Россіи.

Не даромъ Россія издавна слыла и еще нынѣ слыветъ страною богатою: почва ея плодородна; морей, рѣкъ и озеръ въ ней обиліе большое; горы ея исполнены всякихъ металловъ, и народъ здоровъ и смышленъ. Конечно, богаты мы отъ природы, но бѣдны лишь отъ самихъ себя: пути сообщенія у насъ крайне недостаточны; земледѣліе находится въ дѣтствѣ; мануфактуры живутъ лишь

займами извнѣ; торговля внутренняя очень слабо развита, а внѣшняя дышетъ почти однимъ иностраннымъ кредитомъ; довѣріе между частными лицами едва существуетъ; общественныхъ предпріятій нѣтъ, или почти нѣтъ; науки у насъ питаются лишь крохами, падающими съ трапезы богатыхъ. — Грѣшно скрывать въ землю дарованные таланты. Не въ наказаніе, смѣемъ надѣяться, а въ назиданіе наше начинается теперь у насъ великая борьба съ Западомъ, гдѣ всякія производительныя силы, въ послѣднія 40 лѣтъ, развились до размѣровъ едва вѣроятныхъ. Въ Европѣ по желѣзнымъ дорогамъ товары и войска летятъ изъ одного конца земли въ другой; мануфактуры почти всѣ приводятся тамъ въ движеніе парами, удесятеряющими силы человѣческія; обращающихся капиталовъ столько, что даже при значительныхъ государственныхъ займахъ торговля и промышленность не терпятъ отъ того большой остановки; кредитъ частный такъ силенъ, что случающіяся банкротства ни мало его не подрываютъ, и всякій, предпринимающій что либо дѣльное, всегда находитъ деньги; общественныхъ предпріятій столько, что правительства считаютъ даже долгомъ налагать нѣкоторыя границы слишкомъ заносчивымъ предпріятіямъ; наконецъ, науки втянули въ кругъ своей дѣятельности земледѣліе, мануфактуры, кредитъ, финансы и проч., и по всѣмъ частямъ онѣ творятъ неслыханныя доселѣ чудеса. Даже военное дѣло до того усовершенствовано тамъ наукою, что среди мира сдѣланы въ немъ значительныя улучшенія: оружія французскія и англійскія имѣютъ рѣшительное превосходство надъ нашими, французскіе стрѣлки уничтожаютъ нашихъ артиллеристовъ и смущаютъ наши колонны; а флоты Англіи и Франціи, воспользовавшіеся новѣйшими усовершенствованіями, ходятъ по морямъ, какъ люди ходили доселѣ по суху.

Что Россіи теперь дѣлать?

Что же намъ теперь дѣлать? Какъ развивать намъ свои силы и разработывать тѣ богатства, которыми мы такъ щедро надѣлены отъ Бога! Средствъ къ тому много, указать ихъ не трудно; но теперь нужнѣе всего достать денегъ, много денегъ, и не въ будущемъ, а въ настоящемъ, — или мы должны подвергнуть себя униженію предъ врагами нашими.

Конечно, ни одинъ Русскій не согласится купить миръ, хотя для насъ крайне нужный, цѣною униженія предъ врагами, и всякій

готовъ, хоть себя заложить, лишь бы только покончить съ честью дѣло, начатое съ цѣлью благою. Мы бѣдны деньгами, но богаты преданностью къ нашей родинѣ и тѣми неисчерпаемыми кладами, которые заключаются въ землѣ и въ насъ самихъ. Эта преданность къ отечеству можетъ насъ самихъ преобразить и создать даже деньги, которыхъ у насъ нѣтъ въ наличности.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ и средства должны быть чрезвычайныя.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ и средства должны быть чрезвычайныя. Доселѣ правительство и народъ составляли двѣ силы, хотя связанныя чувствами любви, но часто разъединенныя видами, интересами и способами дѣйствія. Сліяніе этихъ двухъ силъ теперь нужнѣе, чѣмъ когда либо. Оно одно можетъ спасти насъ въ настоящую минуту. Доселѣ наше довѣріе къ казнѣ было болѣе вынужденное, чѣмъ добровольное, ибо мы ввѣряли свои наличныя деньги Государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, потому что за отсутствіемъ частнаго кредита, мы почти не могли ихъ иначе помѣстить. Теперь предстоитъ намъ довѣрить казнѣ то, чего нѣтъ еще въ наличности, и что должно быть у насъ только со временемъ. Такое довѣріе можетъ быть только добровольное и должно истекать изъ полнаго и глубокаго убѣжденія въ великой будущности Россіи: властью такого довѣрія не породишь и силою не опредѣлишь и не возьмешь того, чего еще нѣтъ. Оно возможно только при полномъ, искреннемъ довѣріи, т. е. при сліяніи во едино правительства и народа. Одни слова не въ состояніи произвести такого великаго дѣла; нужно для того личное, изустное общеніе между правительствомъ и народомъ. Пусть Царь созоветъ въ Москву, какъ настоящій центръ Россіи, выборныхъ отъ всей земли Русской; пусть Онъ прикажетъ изложить дѣйствительныя нужды Отечества, — и мы всѣ готовы пожертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ для спасенія Отечества. Какъ такая готовность можетъ выражать только наши чувства, ибо нельзя ни всѣмъ идти на войну, ни все достояніе Россіи употребить на военные расходы; то выборные, съ общаго совѣта, опредѣлятъ способъ осуществленія этой готовности. Въ людяхъ у насъ недостатка не было, нѣтъ и не будетъ. Мы не Англичане; наемниковъ искать не будемъ; всякій, и старый и малый, готовъ идти за Отечество.

Новый видъ внутренняго займа, обезпеченнаго всѣмъ достояніемъ Россіи.

Но выборные наши изыщутъ средства къ добытію денегъ для войны; они опредѣлятъ извѣстный сборъ съ деревень, съ заводовъ, съ фабрикъ, съ капиталовъ и съ другихъ имуществъ для составленія суммы не той, которую они предоставятъ въ распоряженіе правительства, и которая не можетъ быть значительною, но той суммы, которая будетъ служить только для уплаты процентовъ съ погашеніемъ на билеты, имѣющіе быть выпущенными, на основаніи сего пожертвованія, и которая слѣдовательно будетъ въ много разъ болѣе итога суммъ, назначаемыхъ къ ежегодному сбору. Если выборные на первый разъ опредѣлятъ ежегодный взносъ только шести милліоновъ рублей сер., то эта сумма изъ расчета шести процентовъ дастъ уже казнѣ возможность выпуска билетовъ сего новаго, такъ сказать, народнаго займа на 100 мил. руб. сер. Проценты на сіи билеты опредѣлены будутъ вѣроятно тѣ же, какіе нынѣ платятся на билеты казначейства, т. е. $4\frac{32}{100}$, и слѣдовательно останется одинъ процентъ на погашеніе, и $\frac{68}{100}$ процента на необходимо долженствующіе быть расходы и на недоимки по сбору этихъ денегъ. Сборъ сей долженъ продолжиться 36 лѣтъ, и по мѣрѣ развитія нашихъ производительныхъ силъ, будетъ все менѣе и менѣе для насъ обременительнымъ. Билеты сего займа отличатся отъ нынѣшнихъ билетовъ Государственнаго Казначейства тѣмъ, что они будутъ уплачиваться не всѣ сполна по истеченіи 8 лѣтъ, какъ то доселѣ было, а по истеченіи извѣстнаго срока, ежегодно по частямъ; и что для уплаты процентовъ и погашенія долга назначена будетъ особая сумма, имѣющая собираться со всѣхъ имуществъ Россіи. Они будутъ тверды, ибо обезпеченіемъ ихъ будетъ служить все достояніе Россіи. Видъ этого пожертвованія возможенъ, ибо не все достояніе Россіи принесется въ жертву, но лишь процентъ съ онаго, т. е. часть доходовъ съ этого достоянія. Этотъ пожертвованный налогъ будетъ менѣе тягостенъ, чѣмъ налогъ отъ правительства установленный, потому что онъ будетъ добровольно утвержденъ, что онъ падетъ на такія имущества, которыя по мнѣнію выборныхъ, могутъ оный снести, и что онъ будетъ по возможности уравнительно разложенъ. Онъ извлечетъ изъ народа и изъ кредитныхъ установленій не много де-

негъ, ибо изъ 100 рублей, предоставляемыхъ въ распоряженіе казны, только 6 рублей потребуются теперь, и поступятъ большею частію изъ доходовъ, а не изъ капиталовъ. Этотъ налогъ въ 6 мил. руб. сер. доставитъ казнѣ 100 мил. руб. сер., и можетъ быть со временемъ повторенъ столько разъ, сколько нужды войны того требовать будутъ. Подобный выпускъ не уронитъ кредитныхъ билетовъ, ибо билеты сего займа будутъ не деньгами, ищущими помѣщенія, но деньгами, уже помѣщенными и проценты приносящими.

Быть можетъ, что одобряя предлагаемую мною мѣру, иные скажутъ, что они не видятъ необходимости созывать выборныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, когда наше правительство само можетъ установить всякій нужный налогъ. На это я долженъ отвѣчать, что налоги у насъ и теперь не легки, что новаго налога на какіе либо вещественные, осязательные предметы придумать теперь трудно, что правительство справедливо опасается усиливать налоги уже существующіе, что усиленные налоги никогда не даютъ ожидаемаго отъ нихъ сбора, что Государь принимаетъ пожертвованія, и что даже Онъ своимъ послѣднимъ манифестомъ насъ на то вызываетъ. Слѣдовательно, пожертвованія самимъ Правительствомъ считаются нужными. Главная цѣль моего предложенія есть доставить для продолженія войны суммы значительныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать пожертвованіямъ видъ разумный и цѣли соотвѣтственный, ибо нельзя не сознаться, что бывшія доселѣ пожертвованія, въ которыхъ участвовалъ болѣе или менѣе, посредственно или непосредственно, почти всякій Русскій, доставили казнѣ мало, очень мало денегъ. — Попытайтесь указомъ установить налогъ съ доходовъ, и вы увидите, что онъ доставитъ казнѣ еще менѣе денегъ, чѣмъ сколько ей доставили пожертвованія, даже въ настоящемъ видѣ. — Переложите его даже на имущества, и вы въ десять лѣтъ не опредѣлите цѣнности имуществъ, или разверстаете его такъ, что иной будетъ платить мало, а другой несоразмѣрно много, и вы, какъ разъ, установите премію въ пользу обмана и безсовѣстности и налогъ на честность и усердіе къ Отечеству. — Чтобъ этотъ налогъ былъ производителенъ, надобно, чтобъ онъ былъ доброволенъ, чтобъ онъ доставлялся по собственному личному убѣжденію въ необходимости и пользѣ этого взноса, и чтобъ клеймо стыда налагалось общимъ мнѣніемъ на уклоняющихся отъ сей повинности.

Возраженія противъ предлагаемаго способа.

Противъ сего единственнаго, по моему мнѣнію, способа къ спасенію Отечества въ предстоящей борьбѣ съ Европою могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія:

1. Собраніе выборныхъ можетъ затруднить дѣйствія правительства.

2. Созваніе выборныхъ неудобно по огромному пространству Россіи и по медленности нашихъ сообщеній. Также щекотливо рѣшить, отъ какихъ сословій выборные должны явиться въ собраніе.

3. Сборъ процентный для выпуска билетовъ предлагаемаго займа не доставитъ ожидаемыхъ отъ него суммъ, какъ потому, что невозможно опредѣлить съ нѣкоторою вѣрностію стоимость имуществъ Россіи, такъ и потому, что взносъ этихъ денегъ будетъ едва ли исправенъ.

Разсмотримъ сіи возраженія одно послѣ другаго.

Созваніе выборныхъ можетъ затруднить дѣйствія правительства. Опроверженіе.

Первое возраженіе истекаетъ изъ знанія Европы и ея Исторіи и изъ незнанія Россіи и ея Исторіи. Какъ оппозиціонный духъ присущъ Западу, такъ онъ чуждъ человѣка Русскаго. Исторія наша можетъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Выборные отъ всей земли Русской собирались много разъ въ Земскую Думу, представляли Царямъ свои приговоры и не оставили въ Исторіи ни единаго слѣда оппозиціоннаго направленія. Думы думали, Царь рѣшалъ, и дѣйствія правительства ничѣмъ не ограничивались. Подобныя Думы созывались при предкахъ нынѣ царствующаго Императора, даже въ первые годы царствованія Петра Великаго. При Императрицѣ Екатеринѣ были созваны депутаты для составленія общаго уложенія для Имперіи; дѣло не удалось по разнымъ причинамъ, но, конечно, не по оппозиціонному духу, въ немъ развившемуся. Даже Императоръ Александръ, въ годину вторженія Наполеона въ наши предѣлы, созывалъ Московское дворянство и купечество, какъ представителей Россіи, ибо тогда не доставало времени для созыва вы-

борныхъ отъ всей земли русской; и въ этомъ собраніи союзъ Государя съ народомъ скрѣпленъ былъ такъ, что вся Россія одушевилась однимъ чувствомъ, что встала вся, какъ одинъ человѣкъ, и готова была положить и себя, и все достояніе на алтарь Отечества. — Собранія дворянства, купечества, мѣщанства и крестьянъ бываютъ у насъ постоянно въ узаконенные сроки; и ни въ одномъ подобномъ собраніи не проявляется никогда духъ оппозиціонный. Почему? По слабости ли, по разъединенности ли, и по необразованности этихъ собраній? Но развѣ слабыя, еще болѣе разъединенныя и еще менѣе просвѣщенныя, французскія, итальянскія, нѣмецкія и другія общины и сословія съ древнѣйшихъ временъ не проявляли оппозиціи и противъ королевской власти, и одинъ противъ другаго? Мы любимъ власть, вѣримъ ей и убѣждены въ томъ, что она должна быть сильна, чтобъ быть благотворною; и сопротивленіе власти, потребность ее ограничить, также чужды Русскаго народа, какъ и самаго Православія, составляющаго сущность всего нашего быта. Для иностранцевъ это непонятно; для людей, хотя Русскихъ, но образованныхъ духомъ Запада, оно также кажется страннымъ; но для всякаго истинно Русскаго оно такъ естественно и разумно, что онъ даже не допускаетъ возможности противнаго направленія у насъ въ Россіи, и съ сожалѣніемъ смотритъ на мутящуюся Европу. Созваніе выборныхъ въ Москву въ теперешнее, крайне важное и грозное время, оживитъ всю Россію, скрѣпитъ союзъ Царя съ народомъ и воздвигнетъ такую силу, которая въ состояніи будетъ сокрушить всѣ замыслы искусственно соединенной Европы.

Собраніе выборныхъ затруднительно по пространству Россіи.

Опровержение.

Второе возраженіе столь же мало основательно. Конечно, Россія пространна и сообщенія у насъ медленны, но созывъ, избраніе и пріѣздъ выборныхъ въ Москву потребуетъ не болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ. Если изъ отдаленныхъ странъ они и не пріѣдутъ къ сроку, то бѣда не велика. Одинъ манифестъ объ этомъ созывѣ уже произведетъ большое одушевленіе въ Россіи и въ ея войскахъ. Европа кознями и софизмами соединяетъ силы вещественныя, нравственныя и умственныя противъ Россіи. Неужели штыками и одними массами мы думаемъ ихъ одолѣть? Необходимо обратиться къ живымъ

русскимъ силамъ, — къ сочувствію, къ смышленности, къ самоотверженію Русскихъ. Этого теперь нельзя произвести одними манифестами. Въ такую минуту, какова настоящая, необходимо Царю и народу стать лицемъ къ лицу, и въ живомъ общеніи скрѣпить соединяющія ихъ узы. — Такое созваніе и на Европу произведетъ дѣйствіе весьма сильное. Тамъ увидятъ, что уже имѣютъ дѣло не съ однимъ С.-Петербургскимъ Кабинетомъ, а со всѣмъ народомъ русскимъ; а тамъ знаютъ, что такое войны противъ народовъ. Западныя державы видятъ, что наши дипломаты, нѣкогда заносчивые, теперь мягки и уступчивы, и что избранный нами способъ войны оборонительной предоставляетъ имъ выгоды огромныя; а потому онѣ надѣются, что Россія постепенными уступками доведена будетъ до того, что она возвратитъ все пріобрѣтенное ею въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ. Одно созваніе выборныхъ въ Москву подниметъ духъ Русскій и подавитъ дерзкіе замыслы Европы. — Что же касается до рѣшенія того, отъ какихъ сословій должны быть созваны выборные, то это зависитъ совершенно отъ воли правительства. Отъ кого ожидаютъ и желаютъ пожертвованій, отъ тѣхъ должно созывать и выборныхъ.

Сборъ процентный для выпуска билетовъ предлагаемаго займа не доставитъ ожидаемыхъ отъ него суммъ. — Опровержені.

Наконецъ, должно разсмотрѣть послѣднее возраженіе. Основаніемъ ему служатъ, какъ кажется, или чиновничьи понятія о вещахъ, или отчаяніе въ будущности Россіи. Конечно, опредѣленіе цѣнности имуществъ въ Россіи крайне затруднительно для правительства, дѣйствующаго за номерами, на бумагѣ и чрезъ чиновниковъ, вообще не пользующихся ни его, ни нашимъ уваженіемъ; но теперь, когда всѣ трепещутъ за честь, безопасность и судьбу Россіи, и когда всѣ пламенно желаютъ помочь Царю въ предстоящей борьбѣ съ Европою, то и это, конечно, трудное дѣло окажется не только возможнымъ, но даже и менѣе многосложнымъ, чѣмъ вообще полагаютъ. Впрочемъ всякая вещь трудна и легка, невозможна и удобна, глядя потому, съ какого конца за нее возьмешься. Ученый кадастръ, какъ его дѣлали во Франціи и Баваріи, для насъ невозможенъ; но приблизительная оцѣнка, подъ вліяніемъ общей готовности всякаго Русскаго пожертвовать всѣмъ для спасенія Отечества,

сдѣлается такъ легко и скоро, что изумятся даже тѣ, которые считаютъ это дѣло не крайне труднымъ. Русскій человѣкъ одаренъ чудною способностью дѣла дѣлать просто: плотникъ выстраиваетъ и выдѣлываетъ избу съ помощію одного топора; счеты съ деревянными катушками замѣняютъ ему всякую бухгалтерію. Почему и выборные въ нѣсколько дней изустныхъ совѣщаній болѣе и лучше все это устроятъ, чѣмъ могли бы то сдѣлать чиновники въ продолженіе многихъ годовъ. Съ помощію нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ, имѣющихся въ министерствахъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, и свѣдѣній, которыя доставятъ сами выборные, это опредѣленіе цѣнности имуществъ легко можетъ быть составлено. На первый разъ оно будетъ не совершенно; впослѣдствіи оно можетъ быть исправлено самими выборными на мѣстахъ; но главное дѣло уже будетъ сдѣлано. — Сомнѣваться же въ сборѣ сихъ процентныхъ денегъ, значитъ отчаяваться въ Россіи. Если правительство не имѣетъ вѣры въ насъ, если мы не имѣемъ вѣры въ него и въ самихъ себя, то остается намъ просить, Христа ради, помилованія у враговъ нашихъ. Какъ такія мысли чужды всякаго Русскаго, то не считаю нужнымъ останавливаться болѣе на опроверженіи сего мнѣнія.

Самыя существенныя возраженія противъ предлагаемаго займа.

Самыя существенныя возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ выпуска билетовъ новаго, мною предлагаемаго займа, заключаются, во первыхъ въ томъ, что огромное ихъ количество, прибавленное къ суммѣ уже выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, уронитъ цѣнность бумажныхъ денегъ вообще; и во вторыхъ, что для пріобрѣтенія сихъ билетовъ усилятся выемки изъ кредитныхъ установленій и уменьшатся вклады въ оныя; и что слѣдовательно сказанное мною противъ выпуска кредитныхъ билетовъ и противъ внутреннихъ займовъ вообще можетъ быть сказано и противъ этого займа. Въ этомъ много справедливаго, хотя и не все. Конечно, масса денегъ прибавится, ибо часть билетовъ новаго займа замѣнитъ деньги, обращающіяся въ народѣ, а равно и лежащія въ кассахъ на случай надобности въ оныхъ; но не должно выпускать изъ виду существенную разницу, имѣющуюся между кредитными билетами и билетами новаго займа: первые требуютъ помѣщенія, послѣдніе суть

уже деньги помѣщенныя и проценты приносящія. Правда, что сіи билеты отчасти увеличатъ денежный итогъ въ государствѣ, но только *отчасти,* ибо значительнѣйшая часть изъ нихъ будетъ лежать, какъ билеты банковые, въ шкатулкахъ, въ залогахъ и проч., и слѣдовательно не будетъ собою умножать обращающійся денежный капиталъ. Что же касается до умноженія выемокъ и уменьшенія вкладовъ, то, конечно, необходимо будетъ усилить резервный фондъ банковъ, т. е. выпустить кредитныхъ билетовъ на нѣкоторую сумму; но этотъ выпускъ, соединенный съ выпускомъ билетовъ, приносящихъ проценты, будетъ незначителенъ и во всякомъ случаѣ несравненно менѣе обременитъ денежный обращающійся фондъ, чѣмъ еслибъ допущено было умноженіе онаго чрезъ выпускъ однихъ кредитныхъ билетовъ. Сверхъ того этотъ заемъ, заключая въ самомъ себѣ и свое погашеніе, не готовитъ правительству въ будущемъ никакихъ затрудненій, чего, конечно, нельзя сказать о выпускѣ однихъ кредитныхъ билетовъ. Само собою разумѣется, что гораздо было бы выгоднѣе для государства и для частныхъ лицъ не умножать кредитныхъ билетовъ и не дѣлать новаго займа; но какъ война не грозитъ намъ въ будущемъ, а уже есть въ настоящемъ, то лучше откровенно занять у будущаго, и тяжесть ея разложить на всѣхъ гражданъ, чѣмъ молча, такъ сказать, украдкою разорять государство, подвергать значительному убытку всѣхъ производителей въ теченіе продолжительнаго времени и готовить въ близкой будущности полное государственное банкротство въ Россіи. — Главная моя надежда при предлагаемой мною мѣрѣ основана на оживленіи Россіи въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Какъ мы страдаемъ не худосочіемъ и не истощеніемъ силъ, а только застоемъ крови во всѣхъ частяхъ нашего огромнаго тѣла, то при одушевленіи, которое неминуемо произведетъ въ насъ съ искренностію написанный манифестъ о собраніи выборныхъ отъ всей земли Русской, и при нѣкоторыхъ мѣрахъ къ поощренію торговли, промышленности и земледѣлія, всѣ наши силы — умственныя и вещественныя быстро устремятся къ развитію. Въ этомъ великомъ дѣлѣ существенную пользу должно принести собраніе выборныхъ: люди разныхъ сословій и изъ разныхъ мѣстностей укажутъ на причины застоя внутренней торговли, на препятствія, удерживающія развитіе мануфактуръ и земледѣлія, и на мѣры, которыя могутъ быть приняты для усиленія и распространенія всѣхъ отраслей народной промышленности. При нынѣшнемъ застоѣ, денегъ у насъ, быть можетъ, уже слишкомъ много;

при оживленіи же промышленности почувствуется въ нихъ даже недостатокъ; и одновременные выпуски билетовъ кредитныхъ и билетовъ заемныхъ не только не переполнятъ чашу денежнаго обращенія, но будутъ источниками умноженія народныхъ богатствъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ насъ принудить къ разработкѣ нашихъ сокровищъ, и если война это исполнитъ, то милліоны, которые она поглотитъ, возвратятся къ намъ съ лихвою.

Франція произвела одинъ значительный заемъ и рѣшилась учинить другой; Австрія прибѣгла къ этому средству въ размѣрахъ огромныхъ; и Англія также готовится на подобную мѣру. Россія заняла 50 мил. рублей чрезъ посредство банкира Штиглица, выпустила нѣсколько серій билетовъ Казначейства и усилила на 50 мил. резервный фондъ банковъ; но всѣхъ этихъ денегъ едва должно быть достаточно на расходы истекающаго года, будущія же потребности войны остаются, кажется, непокрытыми. Къ какимъ средствамъ прибѣгнетъ нынѣ правительство для полученія нужныхъ денегъ? Прибѣгнетъ ли оно къ усиленію налоговъ, или къ внутреннему займу, или къ выпуску кредитныхъ билетовъ, или къ пожертвованіямъ, или къ совокупности всѣхъ этихъ средствъ? Или, изъ опасеній финансовыхъ, рѣшится оно на миръ неславный? . . . Всѣ эти опасенія терзаютъ Россію, подавляютъ духъ ея и убиваютъ ея промышленность и торговлю. Тайна нужна въ нѣкоторыхъ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ; но она есть гробъ для государственнаго кредита. Мы вѣримъ вполнѣ людямъ и правительствамъ, которыхъ дѣла намъ вполнѣ извѣстны. Какъ скоро они начинаютъ свои распоряженія прикрывать тайною, то довѣріе наше слабѣетъ, и, наконецъ, изсякаетъ. Доказательствъ тому много и въ частной, и въ государственной жизни. Кто долженъ болѣе Англіи? и чей вмѣстѣ съ тѣмъ кредитъ крѣпче Англійскаго? Почему? — Потому что всѣ дѣйствія Англійскаго правительства по финансовой части совершенно гласны. Могъ скрывать свои дѣла Наполеонъ, стремившійся покорить міръ подъ свою державу и разорившій чрезъ то Францію и всю Европу; но Россія въ настоящей войнѣ стоитъ за дѣло святое, всѣ сыны ея вполнѣ сочувствуютъ въ этомъ своему Царю и готовы отдать все для достиженія благой цѣли настоящей войны. Правительство можетъ сказать: мнѣ нужно столько-то денегъ и на

такія то потребности; и Россія со всѣми ея физическими, нравственными и умственными силами окружитъ Царя и составитъ Ему противъ европейскихъ домогательствъ оплотъ несокрушимый! Какая вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь разовьется во всей Имперіи: прекратится тяжкая неизвѣстность, убивающая нынѣ торговыя и промышленныя предпріятія; всякій, зная, что добывать деньги нужно, будетъ изыскивать къ тому средства; съ оживившимся довѣріемъ къ правительству возникнутъ у насъ новые фабрики и заводы; составятся компаніи для устройства нужнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, и внутренніе обороты такъ усилятся, что съ излишкомъ вознаградятъ насъ за временное отсутствіе внѣшней торговли. Нужно для всего этого лишь одно довѣріе Царя къ народу; народъ же съ своимъ довѣріемъ уже стремится къ Нему на встрѣчу. Да утвердитъ Господь довѣріе между Царемъ и народомъ и да будетъ оно для нихъ источникомъ крѣпости, богатства и славы.

Декабря 1854 года, Москва.

Приложеніе пятое.

Записки по уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Россіи.*)

А. И. Кошелева.

I. О необходимости немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго состоянія.
II. О различныхъ способахъ освобожденія крестьянъ.
III. Предполагаемыя мѣры къ освобожденію крестьянъ.
IV. Предполагаемыя мѣры къ освобожденію дворовыхъ людей.

---

*) Эти записки были отправлены Государю въ началѣ 1858 года.

I.

О необходимости уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи.

Мало теперь людей, безусловно отрицающихъ справедливость и необходимость уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи; а потому излишнимъ было бы доказывать какъ то, такъ и другое и опровергать доводы упорныхъ и застарѣлыхъ приверженцевъ этого учрежденія, высказываемые безъ всякаго разумнаго основанія и съ явною преданностію личнымъ выгодамъ. Но прежніе защитники крѣпостнаго состоянія все сильнѣе, громче и настойчивѣе проповѣдуютъ о несвоевременности этого преобразованія въ Россіи въ настоящую пору. Они чувствуютъ, что безуспѣшно и неблаговидно защищать самое крѣпостное право на людей, уже осужденное на смерть, какъ общественною совѣстію, такъ и современными требованіями промышленности народнаго благосостоянія и государственной безопасности; и потому, допуская неминуемость этой перемѣны, они соглашаются теперь на строгія распоряженія противъ помѣщиковъ, употребляющихъ во зло свою власть, и изъявляютъ даже, готовность содѣйствовать къ смягченію и къ постепенной отмѣнѣ этого права. Но доводы ихъ противъ немедленнаго и дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ и дворовыхъ людей, и мѣры, ими предлагаемыя къ достиженію со временемъ этой цѣли таковы, что въ нихъ явно высказывается намѣреніе признать право свободы съ тѣмъ только, чтобы оно всегда оставалось въ туманной будущности и никогда не переходило въ неприятную для нихъ дѣйствительность. А потому разсмотрѣть главныя ихъ возраженія, показать всю несостоятельность и лишь кажущуюся дѣльность оныхъ, обнаружить настоящую причину

ихъ словъ и дѣйствій, объяснить, что всѣ ограниченія помѣщичьей власти суть чистая невозможность и одинъ оптическій обманъ въ родѣ турецкаго хатти-хумаіюна, и доказать, что теперь, такъ сказать, *не завтра*, а *нынѣ* должно приступить рѣшительными мѣрами къ великому дѣлу уничтоженія крѣпостнаго состоянія: вотъ задача, налагаемая настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи на совѣсть всякаго, истинно любящаго свое отечество. Не филантропическія увлеченія, не изъ умозрѣнія истекшія убѣжденія, не требованія иноземной цивилизаціи заставляютъ меня взяться за перо; побуждаютъ меня къ тому: двадцати пяти лѣтняя, почти постоянная жизнь въ деревнѣ, распоряженіе значительными имѣніями не черезъ управляющихъ, а личное, непосредственное и, могу сказать, неусыпное, — сношенія почти ежечасныя съ своими и чужими крестьянами и дворовыми людьми, съ отпущенниками и съ лицами свободныхъ состояній и наблюденіе за господскими и крестьянскими хозяйствами въ разныхъ мѣстностяхъ. Никакъ не льщу себя мыслью представить вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса, но думаю, что могу сказать нѣсколько изъ опытности почерпнутыхъ словъ.

Главныя возраженія противъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

Противники немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго состоянія утверждаютъ.

Во 1-хъ, что крѣпостные люди еще такъ необразованы, что опасно, просто невозможно теперь даровать имъ свободу.

Во 2-хъ, что они безпечны, лѣнивы и преданы пьянству, и что, безъ побужденія къ труду со стороны помѣщиковъ, они еще болѣе впадутъ въ бѣдность и развратъ.

Въ 3-хъ, что при уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, послѣдуетъ разстройство въ общемъ государственномъ хозяйствѣ, ибо люди, получивъ свободу, не захотятъ работать; что не только помѣщичьи поля останутся безъ обработки, но что даже фабрики и заводы остановятся за недостаткомъ рабочихъ.

Въ 4-хъ, что наши земскія и городскія полиціи и вообще все управленіе такъ худо устроено и такъ предано лихоимству, что невозможно теперь уничтожить помѣщичью власть, еще нѣсколько поддерживающую общій порядокъ въ Государствѣ.

Въ 5-хъ, что, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права на людей, помѣщики будутъ разорены, крестьяне подпадутъ подъ хищническую власть чиновниковъ и выйдетъ для тѣхъ и для другихъ положеніе худшее противъ настоящаго; для Государства же послѣдуетъ отъ того окончательное разстройство въ управленіи.

Въ 6-хъ, что, нѣтъ достаточныхъ средствъ для побужденія крестьянъ къ исполненію обязанностей, которыя на нихъ лягутъ вслѣдствіе освобожденія, въ отношеніи къ помѣщикамъ или казнѣ.

Въ 7-хъ, что, до отмѣны крѣпостнаго права, необходимо заблаговременно устроить сельское управленіе, которое могло бы замѣнить власть помѣщичью.

Въ 8-хъ, что, при освобожденіи крѣпостныхъ людей произойдутъ безпорядки и даже рѣзня.

Въ 9-хъ, что, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, должны послѣдовать разныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ, которыхъ конечнымъ послѣдствіемъ будетъ потрясеніе самодержавія.

Наконецъ, въ 10-хъ, что, при уничтоженіи крѣпостнаго права, нужно подумать и о вознагражденіи за оное помѣщиковъ, на что, кажется, Правительство теперь средствъ не имѣетъ.

Вотъ главныя возраженія противъ немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго состоянія. Есть еще много другихъ доводовъ, выставляемыхъ въ пользу удержанія существующаго порядка вещей, но они или еще менѣе дѣльны или всѣ сводятся къ вышеизложеннымъ возраженіямъ. Разберемъ ихъ обстоятельно одно за другимъ.

I. *Крѣпостные люди еще такъ необразованы, что опасно, просто невозможно даровать имъ свободу.*

Неоспоримо, что крѣпостные люди вообще мало образованы; но кто опредѣлилъ и чѣмъ опредѣляется степень образованія, на которой не опасно, возможно даровать людямъ свободу? Чѣмъ доказали наши крѣпостные люди, что они стоятъ на степени низшей противъ той, на которой можно дать человѣку право распоряжаться своими дѣйствіями? Нѣтъ ли недоразумѣнія въ самомъ понятіи объ образованіи, обусловливающемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, возможность для человѣка быть хозяиномъ своего тѣла, своихъ членовъ, своихъ способностей и трудовъ? Не упущено ли въ этомъ случаѣ изъ вида нѣчто, стоящее выше образованія, — просвѣщеніе, которое человѣка дѣлаетъ человѣкомъ?

Для того чтобы распоряжаться своими дѣйствіями, не нужны, думаю, свѣдѣнія, впрочемъ весьма полезныя, изъ географіи или исторіи, не нужна самая грамотность, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ, вожделѣнная, еще менѣе необходимы нѣкоторые обычаи и привычки, такъ называемыхъ, благовоспитанныхъ людей; достаточно для этого, полагаю, здраваго смысла, просвѣтленнаго и утвержденнаго искреннею вѣрою. Неужели наши крѣпостные люди этого условія не выполняютъ? Въ замѣчательной смышленности не отказываютъ нашему народу даже иностранцы; неужели же мы, живущіе посреди его, говорящіе однимъ съ нимъ языкомъ, еще до того ослѣплены нашимъ пристрастіемъ ко всему иноземному, что не въ состояніи видѣть настоящее просвѣщеніе, живущее въ нашемъ народѣ, и что не можемъ оцѣнить его образованіе иначе, какъ заграничными мѣрками и образцами. Настоящее просвѣщеніе для всякаго человѣка истекаетъ изъ кореннаго понятія объ отношеніяхъ его къ Богу и людямъ; — это коренное понятіе заимствовано нашимъ народомъ изъ спасительнаго ученія Христова. Для простолюдина это ученіе есть не умозрительная какая либо система, не плодъ выводовъ и заключеній, а истина живая, воплощенная во всѣ его понятія и частности жизни. Нѣкоторые, я знаю, думаютъ, что въ нашемъ народѣ суевѣріе сильнѣе вѣры; но такое мнѣніе показываетъ лишь то, что они не вникли въ бытъ и смыслъ нашего народа и что собственные предразсудки мѣшаютъ имъ видѣть дѣйствительность.*)

Конечно, есть въ нашемъ народѣ суевѣрія, но въ комъ же ихъ нѣтъ? Самые великіе мудрецы не были отъ нихъ совершенно свободны, основа же вѣрованій нашего народа есть душевная, горячая вѣра въ Христа. Она для Русскаго есть то солнце правды, которымъ освѣщается и согрѣвается весь міръ его чувствъ, мыслей и дѣяній. Путешествуя по Европѣ, я изучалъ съ особеннымъ тща-

*) Впрочемъ не у насъ однихъ люди высшихъ сословій не знаютъ народа и въ особенности крестьянъ. Вотъ что объ этомъ говоритъ А. Токвиль, имѣя въ виду Францію: „Ce n'est jamais qu'à grande peine que les hommes des classes élevées parviennent à discerner nettement ce qui se passe dans l'âme du peuple, et en particulier dans celle des paysans. L'éducation et le *genre* de vie ouvrent à ceux-ci sur les choses humaines des jours qui leur sont propres et qui demeurent fermés à tous les autres. Mais quand le riche et le pauvre n'ont presque plus d'interêt commun, de communs griefs, ni d'affaires communes, cette obscurité qui cache l'esprit de l'un à l'esprit de l'autre devient insondable, et ces deux hommes pourraient vivre éternellement côte à côte sans se pénetrer jamais. (L'ancien regime et la révolution. Paris 1856 pag. 227.)

ніемъ нравы и обычаи различныхъ народовъ; почему смѣло могу сказать, что нигдѣ не находилъ я такого глубокаго сочетанія жизни съ религіею, какъ у насъ, особенно въ крестьянскомъ сословіи. Нашъ крестьянинъ не начинаетъ никакого дѣла, не призвавши предварительно Бога къ себѣ на помощь; по совершеніи дѣла, Ему онъ воздаетъ славу и благодареніе; въ бѣдахъ къ Нему же онъ обращается съ молитвою; отчаяніе рѣдко овладѣваетъ душою русскаго человѣка; онъ и умираетъ легко и спокойно, не по равнодушію къ жизни, не изъ усталости, ибо жизнь любятъ и въ темницахъ, и въ ссылкѣ, и въ невольничествѣ, а потому, что нашъ народъ видитъ во всемъ волю Божію и что онъ глубоко вѣритъ въ жизнь будущую. Въ сношеніяхъ съ другими людьми, крестьянинъ нашъ терпѣливъ, снисходителенъ, общителенъ и вовсе не чуждъ любви къ ближнимъ; милостыню подаетъ онъ въ истинно-христіанскомъ духѣ безъ распросовъ, съ крестнымъ знаменіемъ; и самый отказъ, при невозможности что либо подать, сопровождается у него добрымъ пожеланіемъ (Богъ подастъ). Нашъ народъ покоренъ властямъ и законамъ, не изъ раболѣпства и не изъ трусости, а изъ убѣжденія, что всякая власть отъ Бога, и что исполняющій волю начальства, исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и волю Божію. Кажется, что въ этомъ отношеніи нашъ народъ безукоризненъ, и если бывали и бываютъ ослушанія и возмущенія, то виною онымъ не крестьяне, а помѣщики и начальства, которые своимъ корыстолюбіемъ, наглостію и жестокостію сокрушали всякое терпѣніе и вынуждали, наконецъ, людей дѣлать то, чего у нихъ не было и на умѣ. Семейственныя связи въ крестьянствѣ еще такъ крѣпки, что большія семейства встрѣчаются въ немъ сплошь и рядомъ, и послѣ смерти отца, старшій братъ, а иногда и другой, болѣе способный, становится всему семейству вмѣсто отца. Что же касается до общественныхъ отношеній въ крестьянскомъ сословіи, то они весьма разумны, сильны и тверды; это доказывается благоустройствомъ весьма многихъ селъ, оброчныхъ, предоставленныхъ самоуправленію, и еще, тѣмъ, что, при ослабленіи помѣщичьей власти общинный духъ, мірскія сходки, судъ стариковъ и проч. возвращаются въ полной силѣ, какъ будто всегда были въ ходу. И народъ, проникнутый такими чувствами, одаренный такими способностями и такимъ благоразуміемъ и снабженный такими какъ бы присущими ему учрежденіями, считать неспособнымъ распоряжаться своими членами, дѣйствіями и трудами!

Впрочемъ допустимъ даже то, чего допустить нельзя: согла-

симся, что крѣпостные люди крайне необразованы; но кто же и когда ихъ образуетъ? Не помѣщики ли? За исключеніемъ нѣсколькихъ выродковъ изъ этого сословія, большинство дворянъ никогда не заботилось и впредь, конечно, не озаботится образованіемъ крѣпостныхъ людей. Теперь болѣе 50 лѣтъ толкуютъ о предстоящемъ освобожденіи крѣпостныхъ людей, а много ли школъ дворянство устроило по своимъ деревнямъ? Думало-ли оно о представленіи имъ большаго досуга на поученіе въ церквахъ, на изученіе грамоты и на пріобрѣтеніе нѣкотораго довольства? Изъ среды самихъ помѣщиковъ едва ли кто отвѣтитъ на эти вопросы утвердительно. Къ несчастію всѣмъ извѣстно, что школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ для крестьянъ почти вовсе нѣтъ, что сходки и суды стариковъ все болѣе и болѣе замѣняются произвольными дѣйствіями управляющихъ, что оброчныя имѣнія переводятся на барщину, что трехдневная работа почти нигдѣ не соблюдается, что воскресенія и праздники, въ большей части помѣщичьихъ имѣній, отличаются отъ будничныхъ дней не освобожденіемъ отъ работы, а высылкою, часто поголовною, на иную, почти всегда конную работу.*) А что касается до довольства крестьянъ, то помѣщики заботятся только о томъ, чтобы крестьяне не умирали съ голода и чтобы они имѣли достаточное количество лошадей для работы. Помѣщики очень хорошо понимаютъ, что грамотность, образованіе и довольство враждебны крѣпостному праву на людей, что послѣднее существуетъ только на счетъ первыхъ, что прежде крѣпостное состояніе удерживалось у насъ одинаковостью просвѣщенія, нравовъ и обычаевъ и тѣмъ, что называется патріархальностію, которой теперь ужъ нѣтъ и которая возвратиться не можетъ, и что теперь это положеніе, выгодное для помѣщиковъ, можетъ на нѣкоторое время быть сохранено только тщательнымъ подавленіемъ всякаго самостоятельнаго духа и умственнаго развитія въ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, и содержаніемъ ихъ въ недостаточномъ положеніи. Извѣстно, какъ большая часть помѣщиковъ возстаютъ противъ грамотности и боятся, чтобы ихъ люди съ жира не бѣсились**). Если помѣщики еще не удушили просвѣщенія въ народѣ, то

*) „Сѣять, пахать въ праздникъ грѣшно, но хлѣбъ свезти съ поля, отправить его на пристань или заводъ, дровецъ привести, строеніе перетащить съ мѣста на мѣсто, городьбу починить и проч. Это вѣдь чисто праздничная работа“: вотъ обычное разсужденіе помѣщиковъ и управляющихъ.

**) Помѣщики, откровенные защитники крѣпостнаго состоянія, высказываютъ очень мило помѣщичью политику: „людей нужно держать на подножномъ корму такъ, чтобы они съ голоду не умирали, да и съ жира не бѣсились.“

это только потому, что сами они Русскіе, что не всѣ люди имъ крѣпки, что крестьяне и дворовые люди имѣютъ самыя частыя сношенія съ вольными людьми, и что помѣщики лѣнивы, безпечны и еще не вникли (хотя успѣхи ихъ въ этомъ значительны) во всѣ утонченности своего званія душевладѣльцевъ. Нѣтъ, нельзя ожидать образованія для крѣпостныхъ людей отъ ихъ помѣщиковъ: цѣлое сословіе на себя никогда рукъ не наложитъ. Слѣдовательно это возраженіе противъ немедленнаго освобожденія крѣпостныхъ людей, не заслуживаетъ никакого уваженія.

II. *Крѣпостные люди безпечны, лѣнивы и преданы пьянству; безъ побужденія къ труду и безъ надзора со стороны помѣщиковъ, они еще болѣе впадутъ въ бѣдность и развратъ.*

Крестьяне и дворовые люди безпечны, лѣнивы и преданы пьянству; безъ побужденія къ труду и безъ надзора со стороны помѣщиковъ, они еще болѣе впадутъ въ бѣдность и развратъ: вотъ возраженіе, которое обыкновенно слѣдуетъ за первымъ, нами только что разсмотрѣннымъ.

Въ первой половинѣ этого возраженія есть: нѣкоторая доля правды; но намъ ли дѣлать этотъ упрекъ крѣпостнымъ людямъ? Лишивъ ихъ драгоцѣннѣйшаго для человѣка благо-права располагать самимъ собою, мы хотимъ, чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили качества свободныхъ людей, — любовь къ труду и заботу о самихъ себѣ! Взгляните на вольныя села, даже на оброчныя и барщинскія имѣнія, гдѣ, при достаточномъ надѣлѣ крестьянъ землею, оброкъ не чрезмѣренъ и барщина не отяготительна; и вы увидите тамъ избы крѣпкія, просторныя, хорошо покрытыя, дворы, тщательно обгороженные, а поселянъ чисто, даже нарядно одѣтыхъ. А сколько ежегодно людей, откупающихся отъ рекрутства и на волю! Нѣтъ! такое сословіе винить въ лѣни и безпечности — грѣшно вообще и въ особенности намъ, проводящимъ жизнь большею частію въ бездѣльѣ и удовольствіяхъ и рѣдко передающимъ родовое достояніе дѣтямъ нашимъ. Конечно, въ барщинскомъ имѣніи, гдѣ вмѣсто трехъ дней требуютъ четыре, пять, а иногда и всѣ шесть дней, или гдѣ оброкъ и при томъ тяжкій, — не съ угодій, а съ личности тяглецовъ, и гдѣ сверхъ того имѣется *отеческій надзоръ* за крестьянами, тамъ дѣло совершенно иное: при такомъ положеніи, помѣщикъ долженъ

имѣть въ запасѣ и деньги на покупку лошадей для крестьянъ, и хлѣбъ для довольствованія ихъ при малѣйшемъ неурожаѣ. При подобныхъ распорядкахъ, крестьяне не заботятся ни о своихъ поляхъ, ни о заработкахъ на сторонѣ; ибо они знаютъ, что есть пекущійся о нихъ помѣщикъ, который, по своей *отеческой предусмотрительности*, взялъ съ нихъ впередъ вдвое, втрое больше, чѣмъ что слѣдовало, или работою, или деньгами. Но въ такомъ случаѣ кого винить? Того ли, кто, изнемогая подъ тяжестію текущаго дня, не заботится о будущемъ, или того, кто, накладывая на плеча другаго неудобоносимое бремя, жалуется, что этотъ другой не наваливаетъ на себя добровольно еще лишней тяжести. Нѣтъ! постоянный, многолѣтній опытъ убѣдилъ меня, что въ лѣни и беззаботности крестьянъ всегда виноватъ помѣщикъ, и онъ одинъ. Нашъ народъ не лѣнивъ и не безпеченъ, а напротивъ того трудолюбивъ и весьма предусмотрителенъ, — любитъ беречь деньги на черный день: это доказывается многолѣтними, уже посѣдѣлыми кладушками и часто вырываемыми кладами; но убійственна для народной нравственности *отеческая попечительность* помѣщиковъ или ихъ управляющихъ. Требуйте съ крестьянъ то, что слѣдуетъ, и не заботьтесь о собственномъ ихъ хозяйствѣ и вамъ не придется жаловаться ни на ихъ лѣнь, ни на ихъ безпечность. Что же касается до пьянства, то этотъ порокъ въ Русскомъ народѣ не сильнѣе, чѣмъ въ другихъ народахъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ онъ не слабѣе, чѣмъ въ вольныхъ селахъ и деревняхъ. Если въ имѣніи, изнуренномъ барщиною, выпивается вина менѣе, чѣмъ въ казенномъ селеніи, то въ немъ еще менѣе съѣдается хлѣба, и причиною такого воздержанія есть не лучшая нравственность, воспитанная помѣщикомъ, а большая нищета, цѣною которой доставляется помѣщику возможность или держать большую стаю собакъ или тратить лишнія деньги на роскошь и развратъ. Слѣдовательно отъ воздержанія, насаждаемаго помѣщиками въ опекаемыхъ ими крестьянахъ, нѣтъ пользы ни для государства, ни для крестьянъ, ни даже для самихъ *опекуновъ*, которые по большой части чѣмъ усерднѣе занимаются крестьянскою *опекою*, тѣмъ болѣе сами нуждаются въ опекунахъ. Извѣстно, что опека учреждается надъ помѣщичьими имѣніями, за неплатежъ кредитнымъ учрежденіямъ, по частнымъ долгамъ и проч. такъ много, что дворянскія опеки крайне затруднены пріисканіемъ опекуновъ и часто принуждены назначать въ эту должность людей, у которыхъ имѣнія уже находятся въ чужомъ опекунскомъ управленіи. И такіе люди упрекаютъ крѣ-

постныхъ людей въ безпечности и говорятъ о необходимости помѣщичьяго надзора и попечительства! Занимаясь сельскимъ управленіемъ не со вчерашняго дня и наблюдая за хозяйствомъ другихъ собратій помѣщиковъ въ разныхъ мѣстностяхъ, я постоянно замѣчалъ, что, чѣмъ помѣщичья попечительность о крестьянахъ усиливалась, тѣмъ собственная заботливость крестьянъ о самихъ себѣ уменьшалась и на оборотъ; что у *попечительныхъ* помѣщиковъ крестьяне рѣдко бываютъ въ хорошемъ положеніи; и что благосостояніе крестьянъ возрастаетъ, по мѣрѣ предоставленія имъ большаго простора въ ихъ дѣйствіяхъ. Слѣдовательно крестьяне не лѣнивы, не безпечны, не преданы пьянству, по присущимъ имъ къ тому склонностямъ, а всѣ эти пороки въ нихъ усиливаются и развиваются по винѣ помѣщиковъ, и уничтоженіе помѣщичьей опеки не ввергнетъ ихъ въ большую бѣдность и развратъ, напротивъ того послужитъ къ уничтоженію этихъ, крѣпостнымъ состояніемъ укореняемыхъ въ нихъ пороковъ.

III. *При уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, послѣдуетъ разстройство въ общемъ государственномъ хозяйствѣ, ибо люди, получивъ свободу, не захотятъ работать; не только помѣщичьи поля останутся безъ обработки, но даже фабрики и заводы остановятся за неимѣніемъ достаточнаго количества рабочихъ.*

Защитники крѣпостнаго состоянія опасаются, что, при освобожденіи крестьянъ и дворовыхъ людей, ощущаемый нынѣ недостатокъ въ вольнонаемныхъ людяхъ усилится, что не только помѣщичьи поля останутся безъ обработки, но что фабрики и заводы остановятся за неимѣніемъ достаточнаго числа рабочихъ, и что отъ того послѣдуетъ разстройство въ общемъ государственномъ хозяйствѣ. Что теперь ощущается недостатокъ въ вольнонаемныхъ работникахъ, это, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ извѣстныя времена, справедливо; но столь же справедливо и то, что въ другихъ краяхъ и гораздо чаще люди нуждаются въ работѣ, и я не знаю, какой изъ этихъ недостатковъ сильнѣе. Извѣстно, что толпы людей, приходящихъ въ Москву, Петербургъ, на пристани и въ другіе города, долго ищутъ работы и часто уходятъ домой, не нашедши себѣ занятія, или нанимаются за ничтожныя платы. А въ деревняхъ какое огромное количество людей, алчу-

щихъ работы и остающихся дома только потому, что не имѣютъ въ виду заработокъ на сторонѣ и не надѣются таковыхъ пріискать. И при томъ какія платы стоятъ у насъ на рабочихъ! Хорошій плотникъ, мастеръ своего дѣла, съ радостію нанимается на мельницу въ годъ за 150 руб. ассиг. на хозяйскихъ харчахъ; взрослый, добрый пахарь поступаетъ въ годовые работники за 80, 90, и не дороже 100, а съ Святой до заговѣнья, т. е. за 7 лѣтнихъ мѣсяцевъ онъ беретъ 60 или 70 руб. ассиг. также на хозяйскихъ харчахъ; зимою же можно имѣть настоящаго работника, даже для труднаго дѣла, за 10 руб. ассиг. въ мѣсяцъ на собственныхъ его харчахъ или за 7 руб. ассиг. на хозяйскихъ харчахъ. Существующія цѣны на рабочихъ при сельскихъ хозяйствахъ, фабричныхъ и заводскихъ производствахъ доказываютъ, что у насъ нѣтъ недостатка въ рабочихъ и что скорѣе у насъ есть недостатокъ въ работѣ. Жалобы на первый недостатокъ происходятъ болѣе отъ помѣщиковъ, заводящихъ фабрики на *коммерческомъ основаніи* и привыкшихъ даромъ пользоваться работою своихъ крѣпостныхъ людей, или отъ купцовъ, недобросовѣстно расчитывающихъ своихъ рабочихъ. Бываютъ дѣйствительные недостатки въ рабочихъ по временамъ и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ: такъ въ послѣдніе годы, при учащенныхъ наборахъ и при ополченіи, дѣйствительно нуждались въ работникахъ; такъ въ Москвѣ передъ коронаціею, за Волгою при урожаяхъ пшеницы, въ портахъ при приходѣ необыкновеннаго количества судовъ и въ другихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, точно, цѣны на рабочихъ доходятъ до невѣроятной высоты, но эти случаи рѣдки и кратковременны; вообще же недостатокъ въ заработкахъ гораздо чувствительнѣе и постояннѣе. Причина обоихъ недостатковъ заключается въ худыхъ сообщеніяхъ, не позволяющихъ рабочимъ легко переноситься туда, куда нужно. Опасеніе, что, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, недостатокъ въ рабочихъ усилится, кажется совершенно не основательнымъ. И теперь отдѣльные люди и цѣлыя деревни становятся свободными, и не видно, чтобы они предавались *dolce far niente* и избѣгали работы. Напротивъ того: они трудятся тѣмъ усерднѣе, чѣмъ болѣе убѣждены въ томъ, что все выработанное есть ихъ неотъемлемая собственность. Сверхъ того огромная масса лишнихъ людей, содержимыхъ нами въ переднихъ, на кухняхъ, на конюшняхъ, въ садахъ и проч. потребуютъ работы; барщинскіе крестьяне, занимаемые у насъ теперь разными пустыми, не производительными работами, будутъ свободны и станутъ также искать

себѣ занятій; время, теряемое теперь при разныхъ господскихъ работахъ по правилу: „дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай“, остается равнымъ образомъ въ экономіи и будетъ предлагаться въ наемъ. Въ оброчныхъ же имѣніяхъ, заработки пойдутъ обычнымъ своимъ порядкомъ. Если нѣкоторые думаютъ, что люди, не будутъ работать, потому что не будетъ необходимости уплачивать оброкъ, то въ успокоеніе ихъ должно сказать, что крѣпостные люди сдѣлаются свободными, вѣроятно, не даромъ и что въ продолженіе многихъ лѣтъ они должны будутъ выплачивать за свое освобожденіе повинность, почти равную нынѣ платимому ими оброку. Мнѣніе, что крестьяне вырабатываютъ по мѣрѣ помѣщичьихъ требованій, и что, при уменьшеніи ихъ, они будутъ менѣе заботиться о заработкахъ, или ни на чемъ не основано, или основано на томъ, что у насъ, вопреки положеніямъ науки политической экономіи, плата за работу понижается, при возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, и возвышается при пониженіи оныхъ. Это явленіе очень понятно и ни мало не подтверждаетъ предъидущаго мнѣнія. У насъ рабочая плата вообще низка, мало вознаграждаетъ за трудъ, доставляя рабочему только возможность кое-какъ себя прокормить, одѣть, обуть и повинности уплатить. При неурожаяхъ всѣ постройки прекращаются, хлѣбная молотьба и извозы уменьшаются и огромное количество рабочихъ бѣжитъ на заработки. Помѣщики обыкновенно въ такія времена отмѣняютъ барщину и отпускаютъ своихъ крестьянъ для прокормленія. Естественно, что цѣны упадаютъ и что народъ работаетъ уже просто, какъ онъ говоритъ, *изъ живота*, т. е. изъ одного пропитанія. Это однако вовсе не доказываетъ, что крестьяне работаютъ только по необходимости, и что какъ ихъ потребности ограничены, то они предпочитаютъ лежать на печи, чѣмъ добывать лишнюю деньгу. Мы видимъ богатыя и бѣдныя селенія, и едва ли кому пришлось замѣтить, что благосостояніе оныхъ возрастаетъ съ увеличеніемъ помѣщичьихъ требованій и упадаетъ съ пониженіемъ оныхъ. Сколько мнѣ случалось наблюдать за господскими и крестьянскими хозяйствами, я всегда находилъ, что, при малыхъ и умѣренныхъ повинностяхъ, крестьяне усердно добывали себѣ деньги на покупку лучшихъ построекъ, на болѣе сытное продовольствіе, на нужныя и даже на нарядныя одежды; находилъ я также, и это, къ великому прискорбію, встрѣчалось гораздо чаще, что при высокихъ, чрезмѣрныхъ оброкахъ и при тяжкой барщинѣ, люди упадали духомъ, жили въ полуразвалившихся лачугахъ, ходили въ лохмотьяхъ и заплатахъ,

ѣли одинъ хлѣбъ, и тотъ часто съ мякиною, и для уплаты повинностей, въ огражденіе своей шкуры отъ побоевъ, продавали послѣднюю телку или свинью. Конечно, потребности нашихъ крѣпостныхъ людей не велики, но средства ихъ къ удовлетворенію оныхъ еще ограниченнѣе, и имъ предстоитъ еще много трудовъ и заботъ, чтобы дойти до нѣкотораго довольства. — Нашъ крестьянинъ бѣденъ не потому, что онъ лѣнивъ, безпеченъ, или нечувствителенъ къ прелестямъ довольства, а потому, что его повинности вообще тяжелы при скудости добывокъ. Слѣдовательно мнѣніе, что крестьянинъ не будетъ работать, если помѣщикъ не будетъ толкать его въ затылокъ, — есть чистая клевета; слѣдовательно и разстройство въ общемъ государственномъ хозяйствѣ, предвѣщаемое защитниками крѣпостнаго права на людей, есть одно изъ пугалъ, которыми они такъ удачно устрашаютъ малодушныхъ и малосвѣдущихъ людей.

IV. *Наши земскія и городскія полиціи и все управленіе вообще такъ худо устроено и такъ предано лихоимству, что невозможно теперь уничтожить помѣщичью власть, еще нѣсколько поддерживающую существующій порядокъ въ Государствѣ.*

Что наши земскія и городскія полиціи и все управленіе вообще худо устроено и предано лихоимству: это мы готовы допустить, но мы не постигаемъ, чѣмъ помѣщичья власть помогаетъ Правительству въ поддержаніи существующаго порядка въ Государствѣ? Прочія сословія не опекаемыя, помѣщиками, становятъ рекрутовъ, платятъ подати и исправляютъ всѣ повинности не хуже, если не лучше, помѣщичьихъ крестьянъ. Правда, что помѣщикъ судитъ и рядитъ своихъ людей, но, при отмѣнѣ его власти, эти обязанности будутъ исполняться избираемыми отъ общества головами и старшинами, точно такъ, какъ это водится въ обществахъ мѣщанъ и крестьянъ государственныхъ имуществъ. Чѣмъ же помѣщикъ помогаетъ Правительству? Очевидно, что это одно изъ тѣхъ мнѣній, которое тѣмъ смѣлѣе и чаще повторяется, чѣмъ менѣе вникаютъ въ его смыслъ. При тщательномъ разсмотрѣніи этого положенія, оказывается напротивъ, что крѣпостное право на людей есть именно то начало, которое всего болѣе искажаетъ наше частное, общественное и государственное устройство, и которое, для своего поддержанія, требуетъ са-

мыхъ жестокихъ и самыхъ исключительныхъ мѣръ. Еслибъ мы не слышали довольно часто, что тутъ крестьяне не повинуются своему владѣльцу; что тамъ они его высѣкли или убили, что въ одномъ имѣніи Начальникъ губерніи для усмиренія пересѣкъ отъ 50 до 100 человѣкъ, что въ другомъ мѣстѣ должны были прибѣгнуть къ военной силѣ и что стрѣляли пулями и даже ядрами; если бы мы не читали то тайныхъ, то гласныхъ циркуляровъ для внушенія покорности крестьянамъ; если бы не знали, что сословіе крѣпостныхъ людей своимъ внѣзаконнымъ положеніемъ всего болѣе озабочиваетъ Правительство; то быть можетъ мы еще могли бы повѣрить словамъ *отечески заботливыхъ* помѣщиковъ и вообразить, что дѣйствительно слишкомъ 20 милліоновъ людей управляются очаровательнымъ жезломъ патріархальности. Къ несчастію защитниковъ крѣпостнаго права на людей, дѣла вовсе не оправдываютъ ихъ словъ и превозносимое ими право является не пособіемъ для Правительства, а язвою, проѣдающею весь его составъ, заражающею собою жизнь общественную и частную и уничтожающею всякую нравственность. Оно есть, конечно, одна изъ главныхъ причинъ лихоимства, ибо при немъ невозможна гласность, а безъ гласности не можетъ быть общественнаго мнѣнія, единой твердой опоры всякаго законнаго управленія. При владѣніи людьми, мы постоянно, ежечасно нарушаемъ священнѣйшую заповѣдь человѣколюбія и попираемъ самыя неотъемлемыя права людей; а потому, сидя въ судѣ или распоряжаясь въ званіи высшихъ или низшихъ правителей, неужели мы остановимся передъ какою нибудь менѣе значительною неправдою? Нѣтъ! ни древнія, ни среднія, ни новѣйшія времена не представляютъ намъ примѣра нравственнаго общества, при существованіи въ немъ рабства. Безнравственность есть Божія казнь за овеществленіе человѣка. Говорятъ часто, что нельзя уничтожить крѣпостнаго права на людей, пока у насъ суды и полиціи не улучшатся; невозможно ли послѣднее безъ перваго? Наше прошедшее и настоящее положеніе, кажется, достаточно доказываетъ всю неудобоисполнимость этого преобразованія, отдѣльно взятаго. Принимались разныя мѣры къ искорененію лихоимства; разнообразили и усиливали надзоръ, умножали указы и предписанія; упрощали и сокращали способъ преслѣдованія; увеличивали наказанія и проч., а зло росло и росло и все глубже и глубже укоренялось. Самое бдительное наблюденіе со стороны казны, даже самыя висѣлицы, не въ состояніи улучшить судебный и полицейскій порядокъ. Это измѣненіе можетъ быть произведено только улучше-

ніемъ частной и общественной нравственности, а къ этому первымъ шагомъ должно быть уничтоженіе крѣпостнаго права на людей. Примѣръ Пруссіи въ 1806—13 годахъ, въ этомъ отношеніи, крайне назидателенъ. Слѣдовательно не должно откладывать уничтоженія крѣпостнаго состоянія до улучшенія судебнаго и полицейскаго порядка; но необходимо начать съ перваго, чтобы дойти до послѣдняго.

V. *Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права на людей, помѣщики будутъ разорены, крестьяне подпадутъ подъ хищническую власть чиновниковъ и выйдетъ для тѣхъ и для другихъ положеніе худшее, въ сравненіи съ настоящимъ ихъ бытомъ; для Государства же послѣдуетъ окончательное разстройство въ управленіи.*

Опасеніе, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права на людей, помѣщики будутъ разорены, совершенно неосновательно. Вѣроятно, Правительство не совершитъ этого переворота, не назначивъ имъ за то вознагражденія. Если оцѣнка потерь и опредѣленіе вознагражденія будутъ справедливы, то помѣщики какъ будто продадутъ часть своихъ имѣній, и вырученныя за то деньги они могутъ употребить или на погашеніе лежащихъ на нихъ долговъ, или на устройство своихъ хозяйствъ, или на покупку земель казенныхъ, могущихъ и, вѣроятно, долженствующихъ въ этомъ случаѣ поступить въ продажу. Ни въ одномъ изъ сихъ предположеній не заключается еще разоренія для помѣщиковъ. Конечно, распоряженіе господскими хозяйствами будетъ тогда нѣсколько хлопотливѣе, чѣмъ нынѣ. Теперь если нужны рабочіе, то вотчинное Начальство высылаетъ крестьянъ поголовно и держитъ ихъ столько времени, сколько необходимо или даже сколько ему угодно. Теперь множество работъ не нужныхъ, убыточныхъ, производится въ господскомъ хозяйствѣ единственно потому, что время крестьянъ, особливо въ нерабочую пору, для помѣщиковъ, а тѣмъ еще болѣе для управляющихъ нипочемъ. Теперь, куда нужно на работу послать десять человѣкъ, туда назначаютъ двадцать, тридцать человѣкъ, имѣя въ виду лишь одно, чтобы дѣло было сдѣлано. Теперь для умноженія доходовъ, прибѣгаютъ къ средствамъ самымъ простымъ, — къ увеличенію оброка и запашки, не признавая въ этомъ другихъ границъ, кромѣ физической возможности крестьянъ уплатить первый и управиться съ послѣднею. По унич-

тоженіи крѣпостнаго права на людей, дѣло будетъ совершенно иное: учетъ, — вещь совершенно неизвѣстная Русскому помѣщику, сдѣлается первою необходимостію всякаго хозяйства; каждый лишній работникъ будетъ представлять лишній расходъ; всѣ убыточныя производства или уничтожатся или будутъ устроены разумнымъ образомъ; помѣщики или ихъ управляющіе должны будутъ озаботиться сокращеніемъ и упрощеніемъ работъ, ибо иначе расходы не будутъ покрываться доходами. Тогда нужда обратитъ вниманіе помѣщиковъ на усовершенствованныя орудія, на машины, на улучшеніе рабочаго скота и проч. Тогда и только тогда, наука сельскаго хозяйства двинется у насъ впередъ, ибо доселѣ она была лишь забавою для однихъ и карьерою для другихъ; настоящимъ же дѣломъ она не была ни для кого. Впрочемъ для землевладѣльцевъ, не желающихъ имѣть собственныя хозяйства, будетъ возможность отдавать въ аренду, чего доселѣ они не дѣлали, почти и дѣлать не могли, и что̀ тогда непремѣнно войдетъ въ обычай. При такомъ переворотѣ, доходы съ имѣній не только не упадутъ, а возвысятся, какъ это произошло во всѣхъ странахъ, гдѣ земля перешла въ воздѣлываніе вольныхъ рукъ. Всѣмъ извѣстно, что окончательное освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи, въ другихъ Германскихъ Государствахъ и въ послѣднее время въ Австріи, имѣло послѣдствіемъ возвышеніе цѣнности земли и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличеніе владѣльческихъ доходовъ. Въ нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ помѣщичьи доходы не быстро поднялись только потому, что освобожденіе крестьянъ было произведено слишкомъ стѣснительнымъ для нихъ образомъ и что отъ того произошли колебанія, которыя долго лишали тамошнія хозяйства необходимой устойчивости. Весьма памятны для насъ совѣщанія въ Англійскомъ парламентѣ, во Французскихъ камерахъ и въ Голландскихъ штатахъ, по поводу уничтоженія невольничества въ колоніяхъ: тамошніе владѣльцы увѣряли, что предполагаемый переворотъ ихъ разоритъ, что они должны будутъ прекратить свои производства, по невозможности получать достаточное количество вольнаго труда и по необходимости платить за него высокія цѣны, и что влѣдствіе этого метрополія какъ бы лишится своихъ колоній. Теперь сами эти колоніальные хозяева сознаютъ, что доходы ихъ увеличились, что цѣнность ихъ угодій поднялась, что хотя они платятъ за работу высшія цѣны, но что эта работа несравненно производительнѣе невольничьяго труда, и что колоніи приносятъ метрополіямъ болѣе дохода, чѣмъ прежде. Какъ нельзя допустить, что наши крѣпостные люди лѣнивѣе, безпеч-

нѣе и невѣжественнѣе колоніальныхъ невольниковъ, и что наши помѣщики менѣе образованы, менѣе способны заняться дѣломъ и менѣе заботливы, чѣмъ тамошніе плантаторы, то и нѣтъ никакого разумнаго основанія думать, что освобожденіе людей разоритъ у насъ сословіе землевладѣльцевъ, какого дѣйствія оно не произвело даже въ колоніяхъ. Эти опасенія, на счетъ разстройства хозяйственныхъ дѣлъ, внушаются нашимъ помѣщикамъ не прозорливымъ угадываніемъ будущаго, но боязнью труда, въ особенности умственнаго, привычкою пользоваться чужою работою, любовью къ бездѣлью и болѣзненнымъ страхомъ всего, что можетъ ихъ безпокоить и тревожить. Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія не только не разоритъ матеріально дворянскаго сословія, но оно подниметъ его возбужденіемъ въ немъ личной дѣятельности, изощреніемъ его умственныхъ способностей, развитіемъ въ немъ самостоятельности и улучшеніемъ его нравственности. Впрочемъ объ этомъ еще будетъ рѣчь впослѣдствіи. Что же касается до того, что съ освобожденіемъ крестьяне подпадутъ подъ хищническую власть чиновниковъ и что ихъ положеніе чрезъ то не улучшится, а станетъ еще хуже, — то это утвержденіе еще менѣе справедливо, чѣмъ предъидущее. Знаю, что оно составляетъ любимое возраженіе многихъ противъ предполагаемаго преобразованія, но оно вполнѣ опровергается слѣдующимъ фактомъ: всѣ крестьяне помѣщичьи, не исключая и тѣхъ, которые принадлежатъ добрѣйшимъ господамъ, готовы поступить въ званіе государственныхъ крестьянъ, - что они и доказываютъ, откупаясь на волю, часто за большія деньги и приписываясь, также не безъ значительныхъ издержекъ, къ этому сословію; изъ казенныхъ же крестьянъ самые бѣдные ни за что не согласятся поступить въ крѣпостные крестьяне добрѣйшаго помѣщика. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, выводить заключенія, что нынѣшнее управленіе государственными крестьянами хорошо и что всѣ помѣщики дурны, — конечно, ни того ни другаго никто не рѣшится утверждать; но такое положеніе необходимо истекаетъ изъ самаго существа крѣпостнаго и государственнаго крестьянскаго состоянія. Чиновникъ самый дурной беретъ съ крестьянъ лишь взятки, не можетъ завести барщину, лежитъ своею тяжестію на плечахъ не нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ, а многихъ тысячъ людей и не можетъ давать своему произволу полнаго разгула. Помѣщикъ же есть полный безотчетный владѣлецъ принадлежащихъ ему крестьянъ: онъ обхватываетъ своею властію весь бытъ крѣпостныхъ своихъ людей, онъ позволяетъ или запрещаетъ имъ же-

ниться; распоряжается ихъ женами и дѣтьми по своему усмотрѣнію, и добрѣйшій изъ душевладѣльцевъ есть все-таки судья въ своемъ дѣлѣ, распорядитель другими въ свою пользу и законодатель по своему произволу. Къ тому же добрый помѣщикъ есть счастливый случай, рѣдкое исключеніе изъ общаго правила; огромное же большинство владѣльцевъ, конечно, не таково, чтобы выгодно или пріятно было находиться подъ ихъ управленіемъ. Не буду для этого ссылаться на примѣры особенно корыстолюбивыхъ и жестокихъ помѣщиковъ, какихъ въ каждомъ уѣздѣ довольно, но скажу, что даже у помѣщиковъ, считающихся добрыми, жизнь крестьянъ и дворовыхъ людей крайне тяжела. Они не знаютъ, кто завтра будетъ ихъ владѣльцемъ и что завтра придетъ ихъ господину на мысль; они могутъ каждый часъ быть отправлены на край Имперіи, отданы въ рекруты, сосланы въ Сибирь на поселеніе и пр., дѣти ихъ, по волѣ помѣщика, берутся во дворъ или отдаются, куда попало, въ ученье, плоды много-лѣтнихъ трудовъ крѣпостнаго человѣка постоянно могутъ быть обращаемы на уплату штрафовъ, налагаемыхъ на нихъ помѣщикомъ по его усмотрѣнію и пр. Всѣ эти случаи не рѣдки; они составляютъ правило, а не исключеніе, и вотъ почему самый бѣдный, не увѣренный въ кускѣ хлѣба, казенный крестьянинъ не согласится поступить во владѣніе лучшаго изъ помѣщиковъ. Что касается до того, что владѣльцы заботятся о благосостояніи принадлежащихъ имъ людей и защищаютъ ихъ отъ постороннихъ лицъ и отъ полиціи, чиновники же не имѣютъ никакого попеченія о дѣлахъ казенныхъ крестьянъ, то въ этомъ есть лишь кажущаяся правда. Конечно, для помѣщика и выгодно, и пріятно, чтобы его крестьяне были въ хорошемъ положеніи, но ему еще выгоднѣе и пріятнѣе, чтобы они доставляли ему большій, по возможности, доходъ, и чтобы большія по возможности деньги находились въ его, а не въ крестьянскомъ карманѣ; онъ, конечно, защищаетъ своихъ крестьянъ отъ другихъ, но онъ не ограждаетъ ихъ отъ самого себя; и слѣдовательно для крестьянъ въ этомъ не барышъ, а убытокъ: чиновникъ притягиваетъ крестьянина случайно и изрѣдка, а помѣщикъ тяготѣетъ надъ нимъ всегда и вездѣ. Помѣщичья защита и помѣщичье попеченіе обходятся крѣпостнымъ людямъ такъ дорого, что они весьма охотно бы отъ нихъ отказались.

Но помѣщикъ, говорятъ защитники крѣпостнаго состоянія, суть отличные полицеймейстеры, они отправляютъ свою должность безвозмездно и заинтересованы своими выгодами въ лучшемъ по возмож-

ности управленіи. Вотъ еще одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя повторяются вопреки всѣмъ фактамъ, доказывающимъ совершенно противное. Помѣщики не даровые для Правительства чиновники; напротивъ того, они дорого ему стоятъ: не будь ихъ, люди были бы вольные, они вырабатывали и тратили бы болѣе, слѣдовательно они платили бы казнѣ прямо и косвенно гораздо болѣе, чѣмъ они теперь платятъ. Уголовныхъ дѣлъ, по которымъ замѣшаны помѣщичьи крестьяне, не менѣе, чѣмъ такихъ же дѣлъ, къ которымъ прикосновенны крестьяне государственныхъ имуществъ; если, быть можетъ, наказаній по суду налагается менѣе на первыхъ, то это только потому, что помѣщики о нихъ хлопочутъ и что по освобожденіи ихъ отъ суда и слѣдствія, они немедленно отдаются въ рекруты. Извѣстные конокрады въ каждомъ уѣздѣ принадлежатъ большею частію мелкопомѣстнымъ дворянамъ, которые извлекаютъ изъ ихъ ремесла значительный доходъ. Сверхъ того, нерѣдко эти хваленые полицеймейстеры обращаются къ Исправникамъ, Становымъ и частнымъ Приставамъ съ просьбою о наказаніи принадлежащихъ имъ людей. Ослушаній и возмущеній противъ помѣщичьей власти бываетъ довольно, и если ихъ не столько, сколько слѣдовало бы ожидать, то это только потому, что всѣми властями признано за правило наказывать крестьянъ во всякомъ случаѣ безъ разбора, правы ли они, или виноваты. Признаться, трудно считать хорошими полицеймейстерами людей, чью власть должны поддерживать другіе полицеймейстеры, и притомъ средствами, противными всякимъ понятіямъ о правѣ и законѣ.

Излишнимъ было бы еще доказывать, что уничтоженіе крѣпостнаго права не произведетъ предвозвѣщаемаго нѣкоторыми разстройства въ государственномъ управленіи. — Отмѣна всякой неправды, устраненіе всякаго насилія и прекращеніе всякаго внѣзаконнаго положенія должны утвердить, упрочить и улучшить государственное управленіе, а отнюдь не разстроить его окончательно, какъ увѣряютъ защитники крѣпостнаго состоянія. Обязанность, наложенная на себя Правительствомъ, охранять и защищать помѣщичью власть, — есть, конечно, то правило, которое всего болѣе озабочиваетъ нашихъ Правителей, искажаетъ ихъ дѣйствія и распоряженія и роняетъ ихъ въ общемъ мнѣніи.

VI. *Нѣтъ достаточныхъ средствъ для побужденія крестьянъ къ исполненію обязанностей, которыя на нихъ лягутъ вслѣдствіе освобожденія въ отношеніи къ помѣщикамъ или къ казнѣ.*

Защитники крѣпостнаго права на людей утверждаютъ, что нѣтъ достаточныхъ средствъ для побужденія крестьянъ къ исполненію обязанностей, которыя на нихъ лягутъ, вслѣдствіе освобожденія, въ отношеніи къ помѣщикамъ или къ казнѣ. Теперь, говорятъ эти защитники, помѣщикъ имѣетъ право неплательщиковъ обращать на барщину, наказывать тѣлесно, отдавать въ рекруты или даже продавать на свозъ; тогда всѣ эти средства будутъ неудобопримѣнимы; и крестьяне, конечно, воспользуются возможностію не платить, а полиція, какъ уѣздная, такъ и губернская, не будутъ въ состояніи сладить со всѣми недоимочниками. Нельзя не сознаться, что въ этомъ возраженіи много правды, но и оно не неопровержимо. Если освобождать крестьянъ лично или семейно и предоставлять землю въ частную собственность освобождаемыхъ крестьянъ, то это возраженіе всесильно; но если средства къ замѣнѣ помѣщичьей власти и помѣщичьяго настоянія при взысканіи оброковъ и повинностей искать въ общинномъ владѣніи землею и въ круговой отвѣтственности крестьянъ другъ за друга, то возраженіе значительно теряетъ свою силу и дѣльность. *Міръ* въ этомъ случаѣ, можетъ вполнѣ замѣнить для Правительства прежняго владѣльца; а для обезпеченія сего послѣдняго, выпускающаго власть изъ своихъ рукъ, необходимо одно, — чтобы казна явилась посредницею между нимъ и крестьянами. Впрочемъ объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи подробнѣе и обстоятельнѣе.

VII. *Прежде уничтоженія крѣпостнаго права на людей, необходимо заблаговременно устроить сельское управленіе, которое могло бы впослѣдствіи замѣнить власть помѣщичью.*

Нѣтъ сомнѣнія, что желательно было бы, до уничтоженія помѣщичьей власти на людей, учредить сельское управленіе на прочныхъ основаніяхъ; но возможно ли это? Мы видѣли, что нельзя ожидать

отъ помѣщиковъ просвѣщенія крестьянъ; можно-ли полагать, что большинство изъ нихъ согласится устроить сельское управленіе съ цѣлью пріучить крестьянъ къ самоуправленію и тѣмъ подготовить ихъ къ освобожденію, котораго дворяне, или большая часть изъ нихъ, опасаются столько же, сколько чумы или пожара? Конечно, во многихъ оброчныхъ и въ нѣкоторыхъ барщинскихъ имѣніяхъ существуетъ мірское управленіе, или безъ вмѣшательства въ оное помѣщика, или подъ его надзоромъ; но это учрежденіе обязано своимъ бытіемъ не столько положительной волѣ помѣщиковъ, сколько ихъ лѣни и безпечности. Если теперь устроеніе такого порядка будетъ вмѣнено помѣщикамъ въ обязанность, то должно опасаться, чтобы это постановленіе не произвело совершенно противнаго дѣйствія, т. е. чтобъ помѣщики не вздумали ограничивать мірскую власть тамъ, гдѣ она существуетъ, и учреждать какое-либо подѣльное мірское устройство тамъ, гдѣ его доселѣ не было, съ цѣлью потрясти къ нему довѣріе Правительства и самихъ крестьянъ. Помѣщики допускаютъ теперь существованіе этого порядка, зная, что отъ нихъ всегда и вполнѣ зависитъ его ограничить или измѣнить, но при малѣйшемъ вмѣшательствѣ Правительства, при узаконеніи этой власти, они, вѣроятно, озаботятся превратить ее въ ничто, въ призракъ того, что даже теперь существуетъ. Нѣтъ! вмѣнить помѣщикамъ въ обязанность подготовленіе крестьянъ къ освобожденію, — есть то же, что заставлять человѣка острить ножъ на самого себя. Предложеніе этой мѣры со стороны помѣщиковъ есть только уловка къ отсрочкѣ, на неопредѣленное время, уничтоженія права оплачивать чужимъ трудомъ возможность предаваться лѣни и бездѣлью. Къ счастью это подготовленіе и не нужно: во многихъ селахъ и деревняхъ мірское устройство находится въ болѣе или менѣе полномъ ходу; едва ли есть во всей Великой Россіи одинъ уѣздъ, въ которомъ не было бы хоть одного имѣнія, управляемаго этимъ порядкомъ; корень, основныя его начала сохраняются вездѣ, способъ его дѣйствія простъ и удобенъ; нужно только, при уничтоженіи помѣщичьей власти, утвердить закономъ главныя его основанія, и дальнѣйшее его развитіе будетъ дѣломъ времени. Всякое положительное, точное опредѣленіе этого порядка можетъ дѣло не упростить и не упрочить, а исказить и усложнить. Мы уже видимъ тому разительные примѣры на мірскомъ управленіи въ казенныхъ селеніяхъ. Введеніе излишней письменности, разныхъ формальностей и внѣшней опредѣлительности, уронило это устройство во мнѣніи поселянъ и превратило его въ *казен-*

щину, — въ какой-то ублюдокъ официальнаго дѣлопроизводства. Сходки, судъ стариковъ, избраніе повѣренныхъ и проч. такъ сродны нашему народу, что устраните только враждебныя имъ стихіи и они явятся, сами собою, какъ бы вѣкъ существовали.

VIII. *При немедленномъ и общемъ освобожденіи крѣпостныхъ людей, неминуемо произойдутъ безпорядки и даже рѣзня.*

Противники и ложные друзья освобожденія крѣпостныхъ людей опасаются, что, при немедленномъ и общемъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, произойдутъ безпорядки и даже рѣзня. Изъ исторіи, сколько извѣстно, еще *никогда* и *нигдѣ* прекращеніе рабства и *предоставленіе* людямъ большей свободы не порождали неустройствъ и кровопролитій. Сверхъ того, на нашей памяти уничтожено большее или меньшее рабство въ Пруссіи, въ другихъ нѣмецкихъ Государствахъ, въ Австріи, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Дунайскихъ Княжествахъ, въ Бессарабіи, въ колоніяхъ англійскихъ, французскихъ, голландскихъ и др., способы уничтоженія были различные: внезапные и постепенные, общіе и частные, полные и условные; и не было ни одного примѣра, чтобъ такая перемѣна, сверху начатая и совершенная, сопровождалась неустройствами и кровопролитіемъ. Не понимаю, на какомъ основаніи, вопреки опытности всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, полагаютъ, что именно у насъ при освобожденіи произойдутъ большіе безпорядки и рѣзня. Развѣ наши крестьяне и дворовые люди невѣжественнѣе и глупѣе колоніальныхъ невольниковъ? Развѣ вообще они буйны, злы и неукротимы? Развѣ мы не видимъ, что освобождающіеся люди и деревни вступаютъ въ новую свою жизнь тихо и спокойно, и что сосѣди или однодачники съ ними продолжаютъ свое крѣпостное существованіе мирно, какъ и прежде, и какъ будто до нихъ освобожденіе не можетъ и коснуться? Развѣ мы не знаемъ, что въ одномъ и томъ же селеніи, у одного помѣщика житье для крестьянъ бываетъ привольное, у другаго крайне тяжкое, а люди повинуются равно обоимъ владѣльцамъ, и примѣръ хорошаго обхожденія одного изъ нихъ не служитъ вовсе побужденіемъ для крестьянъ другаго къ возмущенію или даже къ принесенію начальству жалобы и доносовъ. Нѣтъ! крѣпостные наши люди явили и доселѣ ежедневно являютъ примѣры такой покорности, такого благоразумія и такого терпѣнія, что стыдно клеветами на

нихъ возбуждать страхи и опасенія на счетъ будущихъ ихъ дѣйствій. Теперь крестьяне еще въ такомъ расположеніи, что они примутъ всякую льготу съ благодарностію, не подумаютъ мстить за прежнія притѣсненія и спокойно начнутъ новое свое существованіе. Конечно, трудно сказать, на долго ли хватитъ ихъ терпѣнія, и что можетъ произойти въ случаѣ, если, утративъ оное, они рѣшатся добыть силою то, чего не могли достигнуть покорностью и добрымъ, безукоризненнымъ поведеніемъ. Если исторія и личная наша опытность свидѣтельствуютъ, что предоставленіе людямъ свободы *никогда* и *нигдѣ* не сопровождалось безпорядками и убійствами, то онѣ же насъ научаютъ, что возстанія для прекращенія рабства и полученія большихъ правъ *всегда* и *вездѣ* сопровождались такими ужасами, что страшно объ нихъ вспомнить, и что Правительство, сословія и лица, удерживавшія, во что бы ни стало, противоестественное владѣніе людьми, дорого платили за свое корыстолюбіе, жестосердіе и ослѣпленіе. Именно въ отвращеніе такихъ бѣдствій, необходимо приступить къ немедленному полному и общему уничтоженію крѣпостнаго состоянія. Но *немедленное* не значитъ *внезапное*; *полное* и *общее* не однозначуще *съ революціоннымъ*, нарушающимъ всѣ права и разоряющимъ однихъ въ пользу другихъ. Мы столько стоимъ за предоставленіе людямъ свободы, сколько противъ того, чтобъ люди у насъ ее выхватили; и для того именно, чтобъ они у насъ ея не выхватили, мы настаиваемъ на томъ, чтобъ приняты были рѣшительныя законныя мѣры къ прекращенію крѣпостнаго состоянія. Къ сожалѣнію у противниковъ этой мѣры память коротка; иначе многіе бы изъ нихъ вспомнили, что, менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, они готовы были согласиться на большія пожертвованія и на всякое, самое для нихъ убыточное прекращеніе крѣпостнаго состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности, при вторженіи враговъ въ наши предѣлы. Мнѣ случилось тогда видѣть нѣсколько поборниковъ крѣпостнаго права на людей, уговаривавшихъ меня, какъ можно скорѣе окончить и подать мой проэктъ объ освобожденіи крестьянъ. Теперь это все забыто; корысть, пристрастіе къ лѣни и роскоши и какое-то непостижимое ослѣпленіе, заставляетъ ихъ цѣпляться за существующій порядокъ владѣнія; они готовы вновь подвергнуться прежнимъ страхамъ и опасеніямъ, лишь бы удержать еще на сколько-нибудь времени нынѣшнее вождѣленное для нихъ положеніе. Пусть помѣщики говорятъ о своихъ правахъ и интересахъ, — это ихъ долгъ, ибо никто не вправѣ

отъ другаго требовать пожертвованій, но желательно, чтобъ они не забывали исторіи и событій, на нашихъ глазахъ совершившихся, не клеветали на людей безукоризненныхъ и не навлекали дѣйствительно на самихъ себя и на отечество тѣхъ неустройствъ и ужасовъ, которыми теперь они насъ пугаютъ и которые должны необходимо произойти, не изъ освобожденія крѣпостныхъ людей, а изъ отказа имъ въ ономъ.

IX. *Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права должны послѣдовать разныя перемѣны въ общественномъ и государственномъ устройствѣ, которыхъ конечнымъ послѣдствіемъ будетъ потрясеніе самодержавія.*

Нельзя отрицать, что, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права на людей, послѣдуютъ разныя перемѣны въ общественномъ и государственномъ устройствѣ; но эти перемѣны едва ли не входятъ въ число самыхъ пламенныхъ желаній всякаго, искренно любящаго свое отечество. Всѣ мы знаемъ, что, полиціи, суды и разныя управленія устроены дурно, и что дѣла ведутъ они еще хуже; что лихоимство и разграбленіе казны усиливаются и умножаются; что Правительство не въ силахъ прекратить это зло; что общественная нравственность шатка и слаба; что общественное мнѣніе совершенно безсильно; и что, при существующемъ порядкѣ вещей, нѣтъ исхода изъ бѣдственнаго нашего положенія. Уничтоженіе крѣпостнаго права на людей, конечно, разомъ не измѣнитъ нашего состоянія; но нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ самою существенною мѣрою къ его улучшенію. Владѣніе намъ подобными существами, обхожденіе съ ними, какъ съ вещами, неограниченный разгулъ произвола въ дѣйствіяхъ и постоянное опасеніе утраты этого не естественнаго и постыднаго, но крайне удобнаго и для нашей лѣни благопріятнаго, обладанія, суть для каждаго изъ насъ и для всѣхъ вообще такія язвы, которыя искажаютъ въ насъ умъ, чувство, волю, словомъ все существо наше. Не уважая основной истины нашей вѣры и нашего разума о братствѣ людей, заглушая совѣсть, защемляя ее въ изгибы помѣщичьей логики, можемъ-ли мы разсуждать прямо, чувствовать здраво и дѣйствовать честно? Нѣтъ! пока грѣхъ владѣнія людьми лежитъ на насъ, пока онъ проѣдаетъ нашъ бытъ во всемъ его составѣ до самыхъ мелкихъ частностей, до тѣхъ поръ не можетъ у насъ быть

ни общественной нравственности, ни общественнаго мнѣнія, до тѣхъ поръ мы должны сносить лихоимство, воровство, кривосудіе, самоуправство и пр. Нельзя безнаказанно попирать требованія права; всегда затѣмъ слѣдуетъ коренная порча въ сословіи, пользующемся неправедными выгодами и великая слабость въ Правительствѣ, терпящемъ такое нечестивое пользованіе. Для убѣжденія себя въ этомъ, стоитъ взглянуть, какъ дворянство все болѣе и болѣе разоряется отъ роскоши, лѣни и безпутства, какъ оно поступаетъ на службу не изъ рвенія къ общему благу, а изъ постыднаго чинобѣсія, какъ оно избираетъ своихъ предводителей, судей, исправниковъ и засѣдателей, какъ оно отличилось при выборахъ и при пожертвованіяхъ по ополченію и пр. Правительство, равнодушно смотрящее на угнетеніе крестьянъ помѣщиками, само себя отрѣшаетъ, по доброй волѣ, отъ 20 мил. подданныхъ, оставляемыхъ имъ въ какихъ то странныхъ посредственныхъ отношеніяхъ и такимъ образомъ утрачиваетъ ихъ любовь и уваженіе къ себѣ, и не ихъ однихъ, но и прочихъ свободныхъ сословій. Дворянство, вооруженное крѣпостнымъ правомъ на людей, самымъ этимъ поставлено въ болѣе или менѣе враждебныя отношенія къ купечеству, мѣщанству и государственнымъ крестьянамъ; это даетъ ему кажущуюся силу, а въ дѣйствительности обезсиливаетъ его, и эта немощь дворянства служитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, опорою для Правительства и уничтоженіемъ оной должно потрясти самодержавіе! Нѣтъ! не таково самодержавіе у насъ, не на такомъ гниломъ началѣ оно основано. Оно коренится въ глубинѣ убѣжденій всего народа Русскаго. Царь, въ глазахъ его, есть олицетвореніе силы, единства и величія всей земли Русской. Ни одно сословіе не служитъ ему преимущественною опорою; самодержавіе у насъ тѣмъ сильнѣе; чѣмъ шире опирается оно на всѣ сословія, составляющія народъ Русскій; и каждое сословіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тверже оно стоитъ на своемъ основаніи и не относится враждебно къ прочимъ сословіямъ. Дворянство имѣетъ у насъ высокое значеніе въ государствѣ, какъ сословіе по преимуществу землевладѣльческое, по преимуществу образованное и по преимуществу правительственное: оно должно быть сильно; всю его нынѣшнюю слабость составляетъ неправедное его владѣніе душами, и эту свою слабость оно сообщаетъ Правительству, составленному почти исключительно изъ душевладѣльцевъ. Слѣдовательно мы обязаны не откладывать уничтоженія крѣпостнаго права на людей изъ опасенія перемѣнъ въ частномъ, общественномъ и государственномъ быту, а

напротивъ того всячески ускорить этотъ переворотъ, дабы, вмѣстѣ съ нимъ и отчасти чрезъ него, водворились у насъ разныя преобразованія, которыя неминуемо должны усилить Правительство, самое дворянство и все Русское государство.

X. *При уничтоженіи крѣпостнаго права на людей, необходимо вознаградить за оное помѣщиковъ, на что, кажется, Правительство теперь не имѣетъ никакихъ средствъ.*

Нѣтъ сомнѣнія, что при уничтоженіи крѣпостнаго права на людей, необходимо вознаградить за то помѣщиковъ, и въ этомъ, конечно, заключается одна изъ главныхъ трудностей этого дѣла. На изысканіе средствъ къ тому должно быть обращено особенное вниманіе всякаго, желающаго ускорить, по возможности, ходъ этого великаго дѣла, а указаніе оныхъ должно быть одною изъ самыхъ существенныхъ принадлежностей всякаго составляемаго по сему предмету проэкта. Но думать, что Русское Правительство не въ силахъ совершить это дѣло, показываетъ или странную близорукость, или полное невѣдѣніе силы кредита и нашихъ финансовыхъ средствъ, или явную неблагонамѣренность. Россія изобилуетъ, конечно, не наличными капиталами, но огромными пространствами земель, лѣсовъ, рудниками и другими естественными источниками богатства. Выпускъ кредитныхъ билетовъ и билетовъ казначейства на сумму болѣе 200 мил. руб. сереб., совершенный въ теченіе двухъ лѣтъ для продолженія войны (дѣла не производительнаго), не уронилъ нашего государственнаго кредита; какъ же думать, что выпускъ разныхъ кредитныхъ бумагъ, произведенный въ теченіе не краткаго двухълѣтняго срока, а несравненно должайшаго времени, учиненный съ надлежащею постепенностью и умѣніемъ, и въ пользу дѣла, по преимуществу производительнаго (каковымъ нельзя не признать освобожденіе крѣпостныхъ людей), будетъ не по силамъ нашего государственнаго кредита? Впрочемъ это обстоятельство такъ важно, что здѣсь вкратцѣ говорить о немъ нельзя: финансовая часть проэкта объ освобожденіи крѣпостныхъ людей заключаетъ въ себѣ чуть-чуть не узелъ всего дѣла; — на ней оно стоитъ и съ нею оно падаетъ. Крѣпостное достояніе должно быть уничтожено; денежныхъ средствъ къ вознагражденію помѣщиковъ не можетъ у насъ не быть; слѣдовательно все дѣло въ томъ, чтобъ изыскать къ тому способы удоб-

нѣйшіе и вѣрнѣйшіе. Это составитъ главный предметъ третьей моей записки, а теперь возвратимся къ разсматриваемымъ нами возраженіямъ.

Общее заключеніе по разсмотрѣннымъ возраженіямъ.

Перебравши всѣ доводы, представленные противъ немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго права на людей, мы должны сознаться, что они всѣ не истекаютъ ни изъ особеннаго знанія внутренняго нашего устройства, ни изъ глубокаго изученія сельскаго хозяйства или крестьянскаго быта, что они внушены не пламенною любовью къ отечеству, не горячими заботами о его будущности, но изобрѣтены, развиты и изукрашены однимъ желаніемъ удержать, во что бы то ни стало, нынѣшній порядокъ владѣнія людьми, доставляющій дворянству возможность предаваться бездѣлью, тратить много денегъ и пресыщаться всѣми наслажденіями комфорта и роскоши. Люди откровенные изъ этого сословія соглашаются, что лишь безпокойство и убытки, неизбѣжные на первыхъ порахъ при освобожденіи крѣпостныхъ людей, заставляютъ ихъ противиться этому перевороту, но его неизбѣжность и пользу въ общественномъ и государственномъ смыслѣ они вполнѣ признаютъ; прочіе же помѣщики тщательно собираютъ всякіе, по видимому, дѣльные, а на дѣлѣ пустые и ложные доводы въ пользу своего права или по крайней мѣрѣ въ пользу удержанія онаго за собою на должайшее по возможности время. Они выводятъ оттуда правильно, или неправильно, выгодныя для себя заключенія и главнѣйшимъ образомъ основываютъ защиту своего мнѣнія на предсказаніяхъ о неустройствахъ, безпорядкахъ и убійствахъ, которые, по ихъ убѣжденію, или точнѣе сказать, по отзыву ихъ совѣсти, должны неминуемо сопровождать ненавистное для нихъ освобожденіе крѣпостныхъ людей. А потому всѣ доводы противниковъ этой мѣры сводятся на слѣдующее: имъ выгодно пользоваться чужою работою; имъ непріятно быть ограниченными въ разгулѣ своего произвола, имъ страшно подумать о необходимости устроивать управленіе своими имѣніями на основаніи разумной отчетности, на сбереженіе труда и на усовершенствованіе сельско-хозяйственныхъ орудій. Трудъ вообще и умственный трудъ въ особенности, добровольное соглашеніе съ рабочими и законность въ отношеніяхъ съ ними: — вотъ что, при уничтоженіи крѣпостнаго со-

стоянія, особенно устрашаетъ нашихъ помѣщиковъ и заставляетъ ихъ всячески отстаивать нынѣшнее благодатное для нихъ положеніе. Слѣдовательно корыстолюбіе, преданность роскоши и бездѣлію, боязнь труда и опасенія нечистой совѣсти, — вотъ основы, содержаніе и конечный смыслъ всѣхъ нами разсмотрѣнныхъ возраженій.

О нѣкоторыхъ ограниченіяхъ помѣщичьей власти.

Чувствуя невозможность удержанія крѣпостнаго права на людей во всей его чистотѣ и цѣльности, противники освобожденія предлагаютъ разныя ограниченія помѣщичьей власти. Они соглашаются, чтобъ строже наблюдали за исполненіемъ положенія о трехъ-дневной работѣ, чтобъ положительно опредѣлено было, сколько угодій слѣдуетъ давать на каждое тягло, чтобъ воспретили помѣщику брать крестьянъ *во дворъ,* безъ собственнаго ихъ на то желанія, чтобъ права на принадлежащія имъ имущества были признаны закономъ, чтобъ браки совершались безъ предварительнаго на то разрѣшенія со стороны владѣльца, и пр. Всѣ эти наблюденія, опредѣленія и ограниченія, прекрасныя, быть можетъ, на бумагѣ, совершенно ничтожны и неудобоисполнимы на дѣлѣ. Предлагаютъ строже наблюдать за исполненіемъ положенія о трехъ-дневной работѣ; но развѣ теперь за этимъ не наблюдаютъ? Развѣ нѣтъ циркуляровъ, подтверждающихъ усиленіе этого надзора и возлагающихъ на отвѣтственность исправниковъ, предводителей и губернаторовъ всѣ не ими открытыя и прекращенныя злоупотребленія помѣщичьей власти. А вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ ли имѣніяхъ это положеніе соблюдается? Предводители, судьи и исправники суть первые его неисполнители, и они преимущественно потому и избираются въ это званіе, что дворяне увѣрены въ ихъ потворствѣ. Сверхъ того, чтобъ это положеніе могло исполняться, необходимо издать урочное положеніе для сельско-хозяйственныхъ и домашнихъ работъ; но возможно-ли это? Есть бездна сельско-хозяйственныхъ, а тѣмъ еще болѣе домашнихъ работъ, которыя не подлежатъ урочному употребленію; слѣдовательно самое положеніе о трехъ-дневной работѣ, независимо отъ лицъ, надзирающихъ за его исполненіемъ, совершенно къ дѣлу не примѣнимо; а потому и неудивительно, что оно существуетъ въ сводѣ законовъ, а на дѣлѣ какъ бы его вовсе не бывало. Что же касается до надѣла крестьянъ положительно опредѣленнымъ количествомъ угодій, то это еще менѣе возможно: есть имѣнія много — и малоземельныя; есть

земли приближнія и запольныя; спрашивается, какъ, при этомъ разнообразіи условій и при безчисленныхъ степеняхъ доброты земли, исполнить смыслъ и букву закона? Можно дать крестьянину и много земли и онъ будетъ умирать съ голоду; можно дать ему и мало земли и онъ будетъ въ довольствѣ. Надѣлъ крестьянъ землею можетъ быть опредѣленъ только на мѣстѣ или волею помѣщика, или путемъ добровольныхъ соглашеній; законъ же въ этомъ случаѣ безсиленъ, и его положенія только безъ пользы запутаютъ дѣло. Что касается до запрещенія помѣщику брать крестьянъ *во дворъ* вопреки ихъ желанію, то это ограниченіе стоитъ предъидущихъ: во 1-хъ, что значитъ: *брать во дворъ*? Я оставлю семейство въ крестьянствѣ, но сына или брата изъ этого дома опредѣлю въ скотники, ключники, конюхи, дроворубы и пр. Нарушилъ ли я чрезъ то законъ или нѣтъ? Трудно вообще отдѣлить хозяйственныя должности отъ домашнихъ, но у мелкопомѣстныхъ дворянъ это совершенно не возможно; во 2-хъ, помѣщикъ, вооруженный правомъ наказывать, отдавать въ рекруты, ссылать на поселеніе, всегда будетъ имѣть возможность получить отъ любаго крестьянина полное его согласіе на взятіе его во дворъ, и въ 3-хъ, кто будетъ наблюдать за исполненіемъ этого постановленія? Вѣроятно опять исправники, становые, стряпчіе и проч.? Пора убѣдиться, что этотъ надзоръ дѣйствителенъ лишь въ одномъ — въ доставленіи надзирателямъ средствъ получать болѣе денегъ. Собственность крестьянъ, по выше упомянутому предположенію, должна быть неприкосновенною для помѣщика; но личность ихъ остается въ полной его власти: не заключается ли въ этомъ грубая насмѣшка надъ цѣлымъ сословіемъ? Существуетъ нынѣ законъ, дозволяющій крестьянамъ съ разрѣшенія помѣщика покупать земли; но многіе ли имъ воспользовались? Предоставленіе права собственности людямъ, которые сами себѣ не принадлежатъ, есть несообразность, которая сама себя таковою заявляетъ, и должно удивляться только тому, что она могла получить силу закона. Дозволеніе людямъ вступать въ бракъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія помѣщика есть также дѣло вполнѣ неудобное: помѣщикъ сохраняетъ право отправлять жениха и невѣсту, куда ему угодно, наказывать ихъ по своему усмотрѣнію, опредѣлять ихъ къ самымъ тяжкимъ должностямъ, назначать имъ самое скудное содержаніе и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ эти люди будутъ имѣть право заключать браки безъ согласія владѣльца? но это право страннѣе предъидущихъ.

Нельзя не сознаться, что всѣ эти ограниченія помѣщичьей власти

совершенно невозможны, пока существуетъ право помѣщика распоряжаться личностію крѣпостныхъ людей по своему усмотрѣнію. Одно уничтоженіе принадлежности человѣка человѣку устанавливаетъ возможность право-мѣрныхъ отношеній между людьми; пока эта принадлежность сохраняется, можно для опредѣленія положенія крѣпостныхъ людей сочинить другой сводъ законовъ, не уступающій обширностью нынѣ существующему и толку не будетъ никакого, и всѣ издаваемыя по этому предмету постановленія будутъ только ложью и обманомъ. Всѣ эти ограниченія помѣщичьей власти предлагаются людьми, или не знающими дѣла, или недобросовѣстными. Первые, не имѣя понятія о многосложности и запутанности отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ людямъ и крѣпостныхъ людей къ помѣщику, думаютъ, что закономъ можно опредѣлить ихъ взаимныя права и обязанности; но они упускаютъ изъ вида, что право одного, располагать личностію другаго, устанавливаетъ *всеправіе* на одной и *безправіе* на другой сторонѣ. Люди не добросовѣстные охотно соглашаются на ограниченія помѣщичьей власти, зная, что ограниченія будутъ существовать только на бумагѣ и что пока въ ихъ рукахъ розги, палки, право отдавать въ рекруты и ссылать на поселеніе, до тѣхъ поръ помѣщичья ихъ власть сохранена во всей ея полнотѣ. Всѣ ограниченія помѣщичьей власти поведутъ не къ сокращенію оной и не къ облегченію участи крестьянъ и дворовыхъ людей, а къ измѣненію способовъ дѣйствія владѣльцевъ и къ отягченію положенія крѣпостныхъ людей. Помѣщики будутъ дѣйствовать въ отношеніи къ нимъ, не прямо, не откровенно, не по домашнему, какъ это водится теперь, а облекая въ законныя формы излишнія высылки на работу и излишнія денежныя взысканія; тогда проявятся штрафы, умножатся наказанія, отдача въ рекруты, ссылка въ Сибирь и пр., а этихъ средствъ достаточно, чтобъ выжать изъ крестьянъ послѣдніе соки и превратить людей въ чистыхъ невольниковъ.

Главныя причины къ немедленному уничтоженію крѣпостнаго состоянія.

Слѣдя за ходомъ помѣщичьихъ хозяйствъ и крѣпостнаго быта, прислушиваясь къ словамъ дворянъ, крестьянъ и дворовыхъ людей, и наблюдая за дѣйствіями тѣхъ и другихъ, — исполняя все это не въ столичномъ кабинетѣ, не въ уединенномъ сельскомъ домикѣ, не

силою воображенія, не кратковременными урывками, — а постоянно на мѣстѣ, по разнымъ губерніямъ, съ помощью собственнаго зрѣнія и слуха, при непрестанныхъ и дѣятельныхъ сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ, я пришелъ къ полному убѣжденію въ томъ, что насталъ крайній срокъ къ принятію рѣшительныхъ мѣръ для уничтоженія крѣпостнаго состоянія у насъ въ Россіи. Изъ сказаннаго мною въ опроверженіе вышеизложенныхъ возраженій уже видно, откуда преимущественно истекаетъ сіе мое убѣжденіе, но для большей очевидности рѣшаюсь, хотя съ нѣкоторыми повтореніями, вкратцѣ изложить главнѣйшія обстоятельства, побуждающія меня настаивать на необходимости немедленнаго освобожденія крѣпостныхъ людей. Вотъ эти главнѣйшія обстоятельства:

Во 1-хъ, неудовольствія крестьянъ противъ помѣщиковъ усиливаются съ каждымъ днемъ. Число дѣлъ по ослушаніямъ, по насильямъ противъ помѣщиковъ и по убійствамъ сихъ послѣднихъ крѣпостными ихъ людьми, умножается; это извѣстно всякому, живущему во внутренности Имперіи, и можетъ быть доказано цифрами изъ свѣдѣній, имѣющихся въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Если въ послѣдніе два года было менѣе подобныхъ дѣлъ, чѣмъ въ предшествовавшіе онымъ годы, то причиною тому отправка изъ имѣній огромнаго числа людей менѣе покорныхъ въ рекруты и въ ополченіе; теперь же при возвращеніи ратниковъ, безсрочныхъ и отставныхъ солдатъ и при объявленной трехъ-годичной льготѣ отъ рекрутства, должно ожидать значительнаго усиленія жалобъ, возмущеній, насилій и проч. противъ помѣщиковъ. Горе! если ко всему этому присоединится неурожайный годъ! Послѣдствія такого бѣдствія теперь могутъ быть ужасны.

Во 2-хъ, желаніе крестьянъ и дворовыхъ людей быть свободными проявляется съ возрастающею силою и откровенностью. Указъ о морскомъ ополченіи поднялъ въ двухъ губерніяхъ многія тысячи людей, надѣявшихся чрезъ эту службу добыть свободу себѣ и своимъ семействамъ. Манифестъ о государственномъ ополченіи подалъ поводъ еще къ большимъ толкамъ и во многихъ мѣстахъ начальства должны были вооруженною силою удерживать желавшихъ поступить въ ополченіе, съ цѣлью чрезъ то сдѣлаться свободными. Нынѣ возвратившіеся ратники говорятъ во всеуслышаніе, что имъ обѣщана была свобода, что Царь хотѣлъ ее дать, да бары ему того не позволили. Народъ горевалъ о кончинѣ Императора Николая I, особенно потому, что имѣлъ увѣренность изъ его рукъ получить осво-

божденіе отъ крѣпостнаго состоянія. Теперь всѣ надежды крѣпостныхъ людей обращены на нынѣ царствующаго Императора, и они ожидали Манифеста о вольности по случаю коронованія. Однимъ словомъ, убѣжденіе, что всѣ люди съ часу на часъ должны сдѣлаться свободными, теперь такъ сильно въ народѣ, что при малѣйшей искрѣ, снизу пущенной, пожаръ можетъ сдѣлаться всеобщимъ.

Въ 3-хъ, обѣднѣніе помѣщичьихъ крестьянъ видимо возрастаетъ. Этотъ фактъ несомнѣненъ: конечно, трудно, почти невозможно подтвердить его положительными статистическими данными, но память о многочисленныхъ старыхъ кладушкахъ, о цѣлыхъ стадахъ лошадей и прочаго скота, принадлежавшихъ одному крестьянскому дому, о прежнемъ довольствѣ и обиліи еще такъ жива въ народной памяти, что нынѣшнее оскудѣніе крестьянъ составляетъ предметъ ихъ безпрестанныхъ жалобъ и сѣтованій. Впрочемъ это обстоятельство становится очевиднымъ и изъ нижеслѣдующаго: оброки по большей части дошли до размѣровъ едва вѣроятныхъ, теперь годовой оброкъ въ 25 или 30 руб. сереб. считается умѣреннымъ; а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ онъ доходитъ до 40 и даже до 50 руб. сер. Эта повинность соразмѣряется не столько съ количествомъ и качествомъ крестьянской земли, сколько съ личными ихъ добывками, съ нуждами и требованіями расточительныхъ и корыстолюбивыхъ помѣщиковъ. Усиливающіяся недоимки по платежу тяжкихъ оброковъ имѣютъ слѣдствіемъ переводъ крестьянъ съ оброка на барщину, которая даетъ помѣщику болѣе средствъ почти незамѣтно извлекать изъ крестьянъ всякія сверхъ законныя выгоды. По этой причинѣ число имѣній, переводимыхъ съ оброка на барщину, возрастаетъ; а между тѣмъ, почти не слышно, чтобъ барщинскія имѣнія сажались помѣщиками на оброкъ. Что же касается до господскихъ запашекъ, то онѣ на нашихъ глазахъ удвоились и утроились. Размежеваніе, мѣра столь полезная и благодѣтельная сама по себѣ, нанесла чувствительный ударъ благосостоянію деревень. Прежде помѣщики не знали, сколько земли у крестьянъ, и вѣрили ихъ жалобамъ на счетъ недостаточности надѣловъ. По размежеваніи вездѣ помѣщики были въ состояніи дать крестьянамъ больше земли, чѣмъ сколько за ними, по ихъ словамъ, было прежде, и, за всѣмъ тѣмъ, они значительно усилили свои запашки. Это усиленіе запашекъ потребовало отъ крестьянъ излишнихъ работъ, и, сверхъ того, къ великому ихъ прискорбію, многіе помѣщики усердно принялись за хозяйство; нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались даже агрономами, свеклосахарными заводчиками и

проч., что имѣло слѣдствіемъ значительную вывозку назёма, углубленіе и улучшеніе пахаты, умноженіе господскаго скотоводства, возведеніе разныхъ господскихъ построекъ и пр. Всѣ эти усовершенствованія сельскаго хозяйства, весьма полезныя для помѣщиковъ и для государства, легли всею своею тяжестію на плеча крестьянъ. Прежде въ барщинскихъ хозяйствахъ бывали времена, что нечего дѣлать и тогда отпускали крестьянъ на заработки для уплаты подушныхъ; теперь, по милости агрономіи, всегда есть дѣло для крестьянъ, такъ что никогда нѣтъ свободнаго времени къ увольненію ихъ на сторону для заработокъ. Прежде хлѣба у помѣщиковъ производилось гораздо менѣе, чѣмъ нынѣ, и изъ этого количества большую часть поѣдали дворня да собаки; теперь почти весь хлѣбъ идетъ въ продажу и хлѣбные отвозы — повинность, для крестьянъ крайне тяжелая, — утроилась и учетверилась. Прежде бывали или оброчныя или барщинскія имѣнія; теперь, при малоземеліи, заводятся оброчно-барщинскія имѣнія, т. е. одинъ братъ на оброкѣ, а другой на барщинѣ, первый платитъ большій по возможности оброкъ (двоимъ легко, говорятъ помѣщики, заплатить порядочный оброкъ за одного), а другой, въ дѣловую пору, работаетъ ежедневно на господина, потому что „вѣдь у него оброчный братъ можетъ убрать домашній хлѣбъ.“ Прежде помѣщики содержали огромную дворню для всякихъ домашнихъ и хозяйственныхъ прислугъ; теперь, понявши невыгоду этого заведенія, они начинаютъ брать изъ крестьянъ на *господскій хлѣбъ* молодыхъ ребятъ холостыхъ, приставляютъ ихъ на конные заводы, на скотные дворы, въ сады и проч. и возвращаютъ ихъ въ семейство по минованіи ими 22, 23 или 25-ти лѣтняго возраста. Замѣчательны также устраеваемые помѣщиками фабрики и заводы на коммерческомъ основаніи: помѣщики назначаютъ свои цѣны и принуждаютъ крестьянъ работать ежедневно на своихъ промышленныхъ производствахъ, утѣшаясь, что люди работаютъ изъ платы, и гнѣваясь на нихъ за то, что они на такіе заработки идутъ изъ-подъ палки. Сверхъ того, прежде были пространныя общія пустопорожнія земли и крестьяне водили много скота; теперь все подпахано, и скотоводство, одинъ изъ главныхъ источниковъ ихъ богатства, значительно уменьшилось. Прежде почти каждый старикъ имѣлъ свою пчелу и прибылью отъ нея поддерживалъ свое семейство; теперь послѣ продажъ лѣсовъ и расчистокъ земли подъ пашню, произведенныхъ помѣщиками въ огромныхъ размѣрахъ, число пчельниковъ значительно сократилось. Вотъ главнѣйшія перемѣны, происшедшія въ

положенiи крестьянъ, и можно смѣло сказать, что оно сдѣлалось до того тяжкимъ, что запасъ крестьянскаго терпѣнiя едва ли не на исходѣ. Многiе говорятъ, что нравы помѣщиковъ смягчились, что уже не слышно тѣхъ ужасовъ, которые, лѣтъ 50, даже 30 тому назадъ, были какъ будто въ обычаѣ, что управленiе крестьянами и содержанiе дворовыхъ людей сдѣлалось вообще сообразнѣе съ законами человѣколюбiя и проч. Конечно, есть доля правды въ этихъ словахъ: крѣпостное право на людей является теперь рѣже съ плетью, снабженною кошками, съ посыпкою солью ободранныхъ спинъ, съ изнасилованiемъ женъ, сестеръ и дочерей крестьянъ и пр., но, утративъ свою жестокость, оно стало несравненно тяжче въ другихъ отношенiяхъ. Мы уже указали на многiя измѣненiя, введенныя помѣщиками въ свои хозяйства и тяжко отозвавшiяся на крестьянскомъ быту; но способы извлеченiя помѣщиками изъ крестьянъ всякихъ выгодъ усиливаются, усложняются и разнообразятся съ каждымъ днемъ и доходятъ до такой утонченности, что страшно объ этомъ и подумать. По мѣрѣ развитiя помѣщичьей изобрѣтательности, обѣднѣнiе ихъ крестьянъ усиливается и обобщается. Видя это, помѣщики и ихъ управляющiе сочли долгомъ имѣть *отеческую попечительность* о людяхъ имъ подвластныхъ. Мы уже говорили о бѣдственномъ ея дѣйствiи на крестьянъ, но здѣсь нельзя вновь о ней не упомянуть. Этотъ надзоръ за крестьянами, направленiе ихъ дѣятельности и полное стѣсненiе ихъ личнаго произвола довершили разоренiе крестьянъ: они все болѣе и болѣе упадаютъ духомъ, теряютъ охоту за что-либо взяться, и хозяйства крестьянскiя видимо уничтожаются. Въ заключенiе должно сказать, что, конечно, прежде обходились съ крестьянами грубѣе и по временамъ жесточе, теперь же, если мягче стелятъ, то спать становится имъ все жостче и жостче.

Въ 4-хъ, увѣренность помѣщиковъ въ справедливости ихъ права на владѣнiе людьми слабѣетъ видимо; вслѣдствiе этого способы ихъ къ приведенiю въ исполненiе собственныхъ распоряженiй становятся со дня на день не достаточные; а между тѣмъ при умноженiи барщинскихъ работъ, при желанiи производить оныя лучше и отчетливѣе и при постепенномъ возвышенiи оброковъ, необходимость болѣе строгихъ и болѣе частыхъ понужденiй и наказанiй усиливается съ каждымъ днемъ. Слѣдовательно взыскивать надобно все болѣе и болѣе, средствъ же къ тому все менѣе и менѣе; а потому для совѣстливаго помѣщика управленiе имѣнiемъ становится чистою невозможностью и настоящею каторгою. Правительство, съ своей

стороны, циркулярами то въ пользу помѣщиковъ, то съ цѣлью умѣрить ихъ власть и усилить надзоръ за ихъ дѣйствіями, приводитъ въ еще большій безпорядокъ и безъ того уже крайне запутанныя и натянутыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ помѣщикамъ. Добрые помѣщики дѣйствуютъ слабо, по душѣ и по убѣжденіямъ; дурные владѣльцы сокращаютъ свои наказанія по необходимости, и помѣщичья власть ясно слабѣетъ, отъ чего умножаются ослушанія и возмущенія. Неопредѣлительность и зыбкость отношеній между помѣщиками и крестьянами становятся ощутительнѣе съ каждымъ днемъ и грозятъ въ близкой будущности величайшими бѣдствіями.

Въ 5-хъ, помѣщики, видя, что освобожденіе крестьянъ неминуемо, и опасаясь, чтобъ оно не было произведено внезапно и притомъ съ землею, начинаютъ въ огражденіе себя отъ убытковъ принимать разныя мѣры, самыя для крестьянъ разорительныя. Я знаю многихъ помѣщиковъ, которые уже сократили или теперь сокращаютъ надѣлы крестьянъ угодьями, страшась повторенія того, что было въ Кіевской и другихъ губерніяхъ, т. е. чтобъ не уровняли въ повинностяхъ въ отношеніи къ помѣщику крестьянъ, пользующихся какъ большимъ, такъ и малымъ количествомъ земли. Другіе помѣщики стараются прибрать къ своимъ рукамъ ближнюю землю, отдавая крестьянамъ запольныя земли. Иные переселяютъ крестьянъ на отдаленные участки, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, и потому овладѣвая коноплянниками, выгономъ и всѣми ближними унавоженными землями. Сверхъ того, и это гораздо ужаснѣе: я знаю, что нѣкоторые помѣщики *покупаютъ теперь голые пески и туда выселяютъ крестьянъ,* имѣя въ виду отдать имъ при освобожденіи эти пески и остаться при хорошей землѣ; извѣстно, что земля безъ крестьянъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, даже теперь дороже цѣнится, чѣмъ земля съ крестьянами.

Въ 6-хъ, послѣдняя война возбудила во многихъ сильныя опасенія на счетъ возмущеній, могущихъ вспыхнуть въ случаѣ, если непріятель проникнетъ во внутренность Имперіи и провозгласитъ вольность. Не знаю, на сколько эти опасенія были справедливы, но всѣмъ извѣстно, что въ народѣ дѣйствительно ходили слухи, что Французы и Англичане хотѣли объявить вольность. На сей разъ эта бѣда насъ миновала, но она можетъ опять возвратиться. Притомъ есть другая, несравненно большая, къ намъ ближайшая, домашняя бѣда, которая грозитъ намъ ежечасно и на которую, къ

крайнему удивленію, не обращаютъ вниманія. Число раскольниковъ постоянно увеличивается; новые безусловно враждебные Правительству толки возникаютъ и усиливаются; связи между ними становятся все тѣснѣе и тѣснѣе; Боже сохрани, если явится какой-нибудь Пугачовъ: кровь польется рѣкою; не только люди, болѣе образованные, но и само Правительство не будетъ въ состояніи себя защитить ни войсками, ни крѣпостями. Это обстоятельство такъ важно, что его одного достаточно, чтобъ убѣдить въ необходимости, всячески ускорить уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, какъ вѣрнѣйшаго и опаснѣйшаго орудія въ рукахъ всякаго, кто вздумаетъ возстать противъ существующаго порядка вещей.

Въ 7-хъ, усовершенствованія по части сельскаго хозяйства непремѣнно требуютъ приложенія къ нему вольнаго труда. Пока у насъ существуетъ барщина, пока мы можемъ брать на работу людей, сколько хотимъ, и при томъ даромъ, пока эти люди являются къ намъ съ своими хотя кой-какими, но даровыми орудіями, пока помѣщикъ каждый часъ можетъ измѣнить крестьянскіе надѣлы земляныхъ угодій: до тѣхъ поръ земледѣліе не двинется впередъ. А между тѣмъ постоянное истощеніе почвы требуетъ мѣръ дѣйствительныхъ противъ этого бѣдствія. Размежеваніе доставило намъ возможность распахать много новей, — что́ нѣсколько поддержало наши урожаи; но теперь это средство истощается и вскорѣ наши жатвы значительно оскудѣютъ. Единственное средство къ отвращенію *недородовъ* есть утвержденіе нашего хозяйства на разумныхъ началахъ, т. е. на вольномъ трудѣ, на приложеніи мысли къ сельскохозяйственнымъ производствамъ и на введеніи отчетности по всѣмъ частямъ хозяйства.

Въ 8-хъ, успѣхи заводской и фабричной промышленности требуютъ увеличенія числа вольныхъ работниковъ. Теперь огромное число людей задерживается помѣщиками при не производительныхъ работахъ (въ переднихъ, на конюшняхъ и пр.). Сверхъ того, всякая барщинская неурочная работа (а сколько ихъ въ хозяйствѣ), поглащаетъ вдвое, втрое болѣе рабочаго времени, нежели сколько нужно. Все это время, всѣ эти рабочіе обратятся по необходимости къ промышленности, и нынѣ ощущаемый недостатокъ въ рукахъ значительно уменьшится. —

Еще многія другія обстоятельства заставляютъ желать скорѣйшаго уничтоженія крѣпостнаго состоянія; не буду излагать ихъ, считая достаточнымъ то, что выше сказано, но не могу умолчать объ

одномъ изъ нихъ, которое настойчивѣе прочихъ требуетъ этого преобразованія. Это обстоятельство есть страшная, все болѣе и болѣе укореняющаяся порча въ Правительственномъ составѣ — въ дворянствѣ. Вѣрнѣйшее одно дѣйствительное средство къ улучшенію его нравственности, какъ и прежде я сказалъ, есть уничтоженіе его права владѣть подобными ему людьми. Кто самъ помѣщикъ, кто строго наблюдалъ за своими дѣйствіями и тщательно вглядывался въ способы дѣйствія прочихъ владѣльцевъ, тотъ, конечно, долженъ быть убѣжденъ, что эта мѣра для собственнаго блага нашего сословія необходимѣе, чѣмъ даже для самихъ крѣпостныхъ людей. Уничтоженіе права располагать людьми, какъ вещами или какъ скотами, есть столько же *ихъ* освобожденіе, сколько *наше* собственное: ибо теперь мы подъ игомъ права, которое уничтожаетъ въ насъ болѣе, чѣмъ въ крѣпостныхъ людяхъ всякое человѣчество. Вглядитесь въ деревенскую жизнь помѣщиковъ, побывайте на ихъ праздничныхъ и будничныхъ съѣздахъ, побесѣдуйте съ ними, примите участіе въ дворянскихъ собраніяхъ, — или обратитесь къ городскому или столичному дворянскому быту, обратите вниманіе на занятія дворянъ; прислушайтесь къ ихъ разговорамъ, посмотрите, какъ они преданы лѣни, бездѣлію, роскоши и разврату: и тогда вы подивитесь не тому, что въ судахъ, расправахъ и мѣстахъ управленія они дѣйствуютъ безсмысленно и безсовѣстно, но тому, что у такихъ людей дѣла не идутъ еще хуже, — тогда, если только человѣко-владѣльческое ослѣпленіе вами вполнѣ не овладѣло, вы скажете: „да! немедленное уничтоженіе крѣпостнаго права на людей еще необходимѣе для дворянства, чѣмъ даже для того сословія, которое находится подъ его гнетомъ.“

Скажемъ въ заключеніе: всѣ изложенныя нами обстоятельства налагаютъ на настоящее время долгъ неукоснительно заняться дѣломъ освобожденія крѣпостныхъ людей. Конечно, оно можетъ быть совершено не въ одинъ, не въ два, не въ три года, но приняться за него надобно *сей часъ*, ибо каждая грядущая минута можетъ произнести страшныя слова: *теперь уже поздно*.

II.

О различныхъ способахъ освобожденія крестьянъ.

Въ предъидущей запискѣ мы старались доказать необходимость немедленнаго прекращенія крѣпостнаго права на людей. Теперь предстоитъ намъ разсмотрѣть различные способы къ достиженію этой цѣли. Здѣсь мы будемъ имѣть въ виду однихъ крестьянъ; о дворовыхъ-же людяхъ мы будемъ говорить въ особой запискѣ.

Различные способы освобожденія крестьянъ.

Крестьяне могутъ быть освобождаемы:

во 1-хъ безъ земли или съ землею;

во 2-хъ ограниченно условно, или вполнѣ и безусловно;

въ 3-хъ постепенно — съ переходами отъ меньшей къ большей свободѣ, или прямо и окончательно;

въ 4-хъ по губерніямъ — или одновременно вездѣ;

въ 5-хъ лично, семейно или обществами;

въ 6-хъ съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ, или только за угодія, предоставляемыя имъ въ собственность; наконецъ, въ 7-хъ, правительственнымъ распорядкомъ или путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами.

Разсмотримъ эти различные способы одинъ послѣ другаго.

I. *Освобожденіе крестьянъ безъ земли.*

Освобожденіе крестьянъ безъ земли, т. е. дарованіе имъ права свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому, считалось у

нас долгое время вѣрнѣйшимъ и удобнѣйшимъ средствомъ къ прекращенію крѣпостнаго состоянія; и, въ царствованіе Императора Александра I-го оно было приведено въ исполненіе въ Остзейскихъ губерніяхъ. Неудовлетворительность этого способа вскорѣ оказалась на дѣлѣ, и въ слѣдующее же за симъ царствованіе должно было принять мѣры къ сокращенію зла, имъ порожденнаго. Остзейскіе помѣщики нашли болѣе выгоднымъ обработывать свои земли наймомъ, чѣмъ отдавать оныя крестьянамъ въ пользованіе; сихъ же послѣднихъ они нанимали, по какимъ цѣнамъ хотѣли, ибо нужда заставляла этихъ несчастныхъ соглашаться на всѣ предложенія помѣщиковъ; и положеніе поселянъ, послѣ освобожденія, стало хуже, чѣмъ даже прежде. Теперь же отдѣлены земли, которыя не могутъ быть помѣщиками обработываемы изъ найма, и которыя должны отдаваться крестьянамъ въ пользованіе; сверхъ того, учрежденіемъ банковъ имъ облегчены способы къ пріобрѣтенію земель въ полную собственность. Эти разныя перемѣны производили волненіе въ народѣ; тамошнія хозяйства долго лишены были необходимой устойчивости, и только теперь Правительство приходитъ къ тому, что́ слѣдовало установить съ самаго начала. Какъ этотъ опытъ, такъ и примѣръ Германіи, признавшей необходимость утверждать за поселянами полную осѣдлость, а равно и большее знакомство съ нравами нашего народа и съ потребностями нашихъ хозяйствъ, поколебали вѣру многихъ въ превосходство, простоту и удобство этого вида освобожденія, и убѣдили ихъ во вредѣ и невозможности отторгнуть крестьянъ отъ земли. Но, къ сожалѣнію, еще остались люди при прежнихъ мнѣніяхъ, и до сихъ поръ слышны нерѣдко предположенія, основанныя на дарованіи крестьянамъ права свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому. Нѣкоторые защищаютъ этотъ способъ потому, что онъ кажется имъ всего ближе ведущимъ къ прекращенію крѣпостнаго состоянія; надѣленіе же крестьянъ землею, какъ дѣло крайне многосложное, трудное и едва возможное, отсрочиваетъ, по ихъ мнѣнію, самое уничтоженіе крѣпостнаго состоянія на неопредѣленное время. Другіе стоятъ за освобожденіе безъ земли изъ личныхъ выгодъ, ибо они знаютъ, что плодородныя ихъ земли безъ людей будутъ стоить дороже, чѣмъ съ людьми, что ихъ земли впустѣ не останутся, и что при свободныхъ переходахъ онѣ непремѣнно поднимутся въ цѣнахъ. Сверхъ того многіе не убѣждены ни въ безобидности оцѣнокъ, по которымъ отъ нихъ отойдутъ земли, ни въ исправности слѣдующихъ за оныя платежей. При безпристрастномъ и нѣсколько вни-

мательномъ разсмотрѣніи и обсужденіи этого способа, при соображеніи его съ мѣстными и народными нашими обстоятельствами, трудно даже понять: какъ люди дѣльные, искренно преданные Отечеству, могутъ малѣйше останавливаться на мысли объ удобоисполнимости сего рода освобожденія у насъ въ Россіи. Стоитъ взглянуть на карту нашей обширной земли, вспомнить, что половина Имперіи пользуется самою плодородною почвою, а другая имѣетъ земли самыя неблагодарныя, что количество крестьянъ, почти равное числу крѣпостныхъ людей, имѣетъ и будетъ имѣть осѣдлость на казенныхъ и удѣльныхъ земляхъ, и что наши крѣпостные крестьяне издавна живутъ на земляхъ, съ которыми они какъ бы срослись; стоитъ вникнуть немного въ эти соображенія и мысль объ осужденіи двадцати милліоновъ людей на кочевую жизнь, — должна замереть при самомъ ея рожденіи. Трудно даже въ воображеніи представить себѣ это огромное народонаселеніе, переходящее съ мѣста на мѣсто по неизмѣримымъ пространствамъ Россіи, не знающее, гдѣ ему придется жить и умереть, и превращенное, вопреки всѣмъ его обычаямъ и убѣжденіямъ, въ какихъ то бездомныхъ цыганъ. Такого рода кочевая жизнь противна нравамъ и привычкамъ почти всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, но она была-бы совершенно нестерпимою для Русскихъ, для нашихъ крестьянъ въ особенности, крайне дорожащихъ отцовскими и дѣдовскими могилами, мѣстомъ своего происхожденія и жительства, обычаями, одеждами и повѣрьями своей родины. Кто былъ хоть разъ свидѣтелемъ крестьянскаго переселенія, у того вѣрно никогда не изгладятся изъ памяти тѣ сердце раздирающія впечатлѣнія, которыя оно не преминуло на него произвести, и тотъ, конечно, не подумаетъ соединить освобожденіе крестьянъ съ бѣдственнымъ правомъ, а часто и съ горестною для нихъ необходимостію переходить съ мѣста на мѣсто. Нѣтъ! Они сочли бы такое освобожденіе за новое, помѣщиками изобрѣтенное, средство къ окончательному ихъ разорѣнію и сокрушенію. Слишкомъ двѣсти пятьдесят лѣтъ оплодотворяя землю своимъ потомъ, крестьяне пріобрѣли чрез то, кажется, право оставаться на мѣстахъ своего теперешняго жительства, гдѣ они себѣ все усвоили и себя ко всему приноровили, и гдѣ пережили многихъ, такъ часто у насъ смѣняющихся, владѣльцевъ. Къ тому же лишеніе крестьянъ постоянной осѣдлости породило бы у насъ такой пролетаріатъ, какого не представляетъ даже Европа, и отняло бы у Россіи надежнѣйшія сдедства къ дальнѣйшему спокойному и правильному развитію ея внутренняго благосостоянія и

государственнаго могущества. Эта мѣра вмѣстѣ съ тѣмъ разорила бы въ край половину помѣщиковъ, т. е. почти всѣхъ, имѣющихъ свои земли въ промышленныхъ губерніяхъ, ибо крестьяне, лишенные своей вѣковой осѣдлости, ушли-бы въ страны болѣе хлѣбородныя, и мы, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, увидѣли-бы повтореніе тѣхъ народо-переселеній, которыя изумляютъ насъ въ исторіи среднихъ вѣковъ. Защитники освобожденія крестьянъ безъ земли говорятъ, что переходы земледѣльцевъ могли бы быть ограничены извѣстными сроками и мѣстными предѣлами. Правда, что посредствомъ сихъ предосторожностей возможно отвратить хозяйственные убытки помѣщиковъ, но развѣ ихъ выгоды однѣ должны быть приняты въ соображеніе? Вы лишаете крестьянина его дома, его хозяйственныхъ строеній, съ избыткомъ унавоженнаго коноплянника, привычныхъ угодій, однимъ словомъ — вы осуждаете его на кочевую жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ вы хотите заключить его въ тѣсные предѣлы его губерніи и не позволяете ему уходить въ мѣста болѣе привольныя. Нѣтъ! при такихъ условіяхъ ужъ лучше не освобождать и оставить людей въ крѣпостномъ состояніи, которое по большей части, предоставляетъ имъ хоть домъ и кусокъ хлѣба. А зло нравственное, которое порождено было бы въ крестьянствѣ этими вѣчными странствованіями, этимъ бездомствомъ, — его нельзя ни опредѣлить, ни измѣрить, а можно только отчасти съ ужасомъ предъугадывать. Не говорю о разбояхъ, которые, вслѣдствіе кочевой жизни огромной массы народа, могутъ устроиться на большихъ дорогахъ, о воровствахъ, насиліяхъ и убійствахъ, которыя изъ крайней нужды будутъ, вѣроятно, совершаться толпами переходящихъ крестьянъ, но не могу умолчать о томъ, что не только можетъ, а необходимо должно произойти при такомъ вѣчномъ народномъ передвиженіи: утрата крестьянами домовитости, привязанности къ родинѣ, — тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ Русскихъ народомъ по имуществу устройчивымъ и соблюдательнымъ (conservateur). Сверхъ того, и это крайне важно, освобожденіе крестьянъ безъ земли противорѣчитъ всему нашему историческому ходу: этимъ мы какъ бы вздумали уничтожить дѣло протекшихъ двухъ съ половиною вѣковъ и возвратиться ко временамъ до-Годуновскимъ. Прикрѣпленіе предковъ къ землѣ было мѣрою для крестьянъ, конечно, тяжкою; оно развилось далеко за предѣлы, въ началѣ ему положенные, но за то оно произвело одно великое добро, искупляющее бѣдствія, имъ причиненныя, а именно: доставило крестьянамъ прочную осѣдлость.

Теперь предстоитъ намъ удержать, упрочить самое добро и искоренить только злоупотребленія, вмѣстѣ съ нимъ и отчасти изъ него истекшія. Но ужель мы не найдемъ къ тому инаго средства, кромѣ уничтоженія самаго добытаго Россіею вѣковыми трудами и страданіями? Это было-бы величайшимъ несчастіемъ для нашего Отечества, ибо срощеніе народа съ землею есть, конечно, одна изъ надежнѣйшихъ стихій нашего народнаго и государственнаго быта. Смѣло можно сказать, что нѣтъ къ тому не только никакой необходимости, но даже ни малѣйшей возможности. Отчасти мы это уже доказали; надѣемся въ послѣдующемъ довести это до очевидности; впрочемъ глубоко убѣдится въ истинѣ сказаннаго всякій, кто приметъ на себя трудъ вникнуть какъ въ Исторію Россіи, такъ и въ нынѣшній народный бытъ, въ его средства, потребности и нужды. Нѣтъ! освобожденіе крестьянъ безъ земли было бы не шагомъ впередъ, а нѣсколькими (и еще какими!) шагами назадъ. Нѣтъ! лучше не освобождать крестьянъ, чѣмъ выталкивать ихъ изъ домовъ и оставлять подъ открытымъ небомъ съ правомъ умирать и съ голода, и съ холода! къ великому счастію Россіи, такое освобожденіе и не возможно: крестьяне его не примутъ, а насильственно освобождать половину народонаселенія, не рѣшится не только Правительство, но и самый отчаянный защитникъ сего способа прекращенія крѣпостнаго состоянія.

Сверхъ всего вышесказаннаго заслуживаетъ уваженія и слѣдующее обстоятельство: крестьянинъ безъ земли, что рыба безъ воды: вы можете превратить поселянина въ горожанина, ремесленника, солдата и проч., но, оторвавъ его отъ земли, вы убили бы въ немъ земледѣльца. Поселяне вообще любятъ земледѣліе, но тѣ изъ нихъ, которые отъ него отстаютъ, рѣдко къ нему возвращаются, и это очень понятно: земледѣліе есть одна изъ самыхъ тяжкихъ работъ; она не льститъ людямъ вѣрною и скорою мздою; урожаи смѣняются неурожаями, а трудъ — постоянный, безотлагательный и тяжкій. Европа жалуется на уменьшеніе земледѣльческаго сословія и на умноженіе горожанъ и жителей мѣстечекъ. Причина тому очевидная: земледѣльческое сословіе въ корень разстроено отрѣшеніемъ его отъ земли, и поселяне охотнѣе нанимаются въ городахъ на фабрики, чѣмъ на обработку чужой земли по дождю и въ грязи. Во Франціи, конечно, поселяне большею частію даже землевладѣльцы, но тамъ причина упадка земледѣльческаго сословія заключается въ неправильномъ распредѣленіи собственности. Личное крайне мелкое владѣніе

землею разрознило народонаселеніе до того, что земледѣльцы сдѣлались какими то странными одиночками, и что духъ общественности исчезъ между ними почти совершенно, а безъ общественности можетъ ли быть какой либо и въ чемъ либо успѣхъ? Если хотите имѣть настоящихъ земледѣльцевъ, если желаете, чтобъ воздѣлываніе земли было у васъ не ремесломъ, не фабрикою, а родомъ жизни, источникомъ дѣятельности для особеннаго сословія, то устроивайте такъ, чтобы это сословіе могло быть самостоятельнымъ, а что за земледѣлецъ безъ земли? Въ Россіи, государствѣ по преимуществу земледѣльческомъ, это особенно важно; въ этомъ вопросѣ заключается чуть-чуть не вся ея будущность.

Освобожденіе крестьянъ съ землею.

Признавши, что крестьяне могутъ быть не иначе освобождаемы, какъ съ землею, мы имѣемъ теперь разсмотрѣть слѣдующій вопросъ: земля должна-ли оставаться собственностію помѣщика и быть только во владѣніи крестьянъ, обязанныхъ за то платить ему деньгами, или хлѣбомъ, или работою; или же эта земля имѣетъ перейти въ полную собственность крестьянъ. Какъ тотъ, такъ и другой способъ освобожденія существуютъ у насъ на дѣлѣ: первый установленъ указомъ *объ обязанныхъ крестьянахъ*, а послѣдній указомъ *о свободныхъ хлѣбопашцахъ.* Можно предположить еще другіе особенные виды освобожденія крестьянъ съ землею; но они всѣ необходимо выйдутъ въ тотъ или другой разрядъ; а потому мы разберемъ съ нѣкоторою подробностію упомянутые два способа прекращенія крѣпостнаго состоянія.

Освобожденіе крестьянъ на основаніи положенія объ обязанныхъ крестьянахъ.

Указъ *объ обязанныхъ крестьянахъ* изданъ въ 1842 году, но доселѣ дѣйствіе его было крайне не значительно: по 9-й народной переписи числилось обязанныхъ крестьянъ обоего пола 32765 душъ; въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ихъ нѣсколько прибыло; но количество ихъ, думаю, еще не дошло до 50 т. душъ обоего пола. На бумагѣ, въ теоріи, этотъ видъ прекращенія крѣпостнаго состоянія мо-

жетъ казаться простымъ, удобнымъ, не слишкомъ радикальнымъ и даже выгоднымъ для помѣщиковъ и для крестьянъ; но на самомъ дѣлѣ, — скажу болѣе, — даже при предварительномъ соображеніи его съ мѣстными обстоятельствами и съ существующими обычаями, онъ является крайне многосложнымъ, неудобнымъ и противнымъ какъ помѣщичьимъ, такъ и крестьянскимъ нравамъ. Онъ порождаетъ какое-то странное, двусмысленное положеніе: крестьяне перестаютъ быть крѣпостными по смыслу закона, а помѣщикъ сохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право на барщину, разбираетъ тяжбы между крестьянами, взыскиваетъ за ихъ проступки, подвергаетъ ихъ даже тѣлеснымъ наказаніямъ и проч. Крестьяне какъ будто освобождены и вмѣстѣ съ тѣмъ остаются прикрѣпленными къ землѣ, и не къ своей, а къ чужой, и видятъ въ землевладѣльцѣ своего судью, исправника и чуть-чуть не прежняго полнаго помѣщика. Съ другой стороны, — помѣщикъ, лишаясь части своихъ прежнихъ правъ и долженствуя уважать постановленныя ограниченія ого власти, сохраняетъ преимущество судить и наказывать, но при неисполненіи договора крестьянами имѣетъ жаловаться полиціи и, съ неубраннымъ хлѣбомъ или съ нсѣянными полями, ожидать отъ нея должнаго удовлетворенія. Крестьяне имѣютъ право жаловаться на помѣщика и въ то же самое время они подлежатъ прямому, ежечасному его взысканію за малѣйшіе проступки. Въ случаѣ, если обязанные крестьяне по условію освобождены отъ барщины и должны платить помѣщику хлѣбомъ или деньгами, то ихъ положеніе, конечно, болѣе обезпечено, но въ замѣнъ того помѣщикъ несравненно менѣе огражденъ отъ опасности недоимокъ. Одно противъ этого средство: жалоба полиціи, предводителю и Начальнику губерніи. Допустимъ, что всѣ эти три разряда чиновниковъ вполнѣ расположены оказать содѣйствіе помѣщику, но въ силахъ ли они это исполнить теперь, а еще болѣе тогда, когда всѣ помѣщичьи крестьяне перейдутъ въ обязанные? Помѣщики, вѣроятно, потребуютъ съ крестьянъ по условію платежей, равныхъ нынѣ получаемымъ ими доходамъ; слѣдовательно платежи будутъ довольно значительны; какъ же исправникъ, предводитель и самъ начальникъ губерніи заставятъ крестьянъ исполнить лежащія на нихъ обязанности? Какія имѣются у нихъ къ тому средства? Согнать крестьянъ съ земли? — Нельзя. Отдать въ опеку? — Кому? и что сдѣлаетъ съ ними опека? Продать ихъ движимость? А потомъ? — Неудивительно поэтому, что указъ объ обязанныхъ крестьянахъ остался почти безъ дѣйствія; виною

тому не дворянство, весьма впрочемъ довольное тѣмъ, что законъ неудобоисполнимъ, и вѣроятно содѣйствовавшее къ сообщенію ему этого качества; виною тому даже не тотъ или другой пунктъ этого положенія; но коренной смыслъ, самое основаніе этого указа. — Согласить свободу и неволю, помѣщичью власть и самостоятельность крестьянъ — есть задача чисто невозможная, а между тѣмъ она-то лежитъ въ основаніи указа объ обязанныхъ крестьянахъ. Допустимъ, что можно отмѣнить право помѣщика подвергать крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и что расправа и судъ могутъ быть поручены мірскимъ выборнымъ, подъ главнымъ надзоромъ помѣщика, но въ этомъ случаѣ его обезпеченіе, и безъ того недостаточное, еще значительно убавится. Положеніе, порождаемое этимъ указомъ, таково, что жалобамъ, судамъ и взысканіямъ нѣтъ конца, а это непріятно, неудобно не только при нынѣшней, но при всякой самой лучшей полиціи. Неудобоисполнимость, присущая этому закону, значительно усиливается слѣдующими обстоятельствами: съ одной стороны являются дворяне, воспитанные въ духѣ самоуправства, еще привыкшіе къ неограниченному своеволію въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ; съ другой стороны представляются крестьяне, которые вообразятъ себя вольными и которые на каждомъ шагу будутъ встрѣчать помѣщиковъ, желающихъ еще удержать свою прежнюю власть надъ ними. Однимъ словомъ, этотъ указъ не разрѣшаетъ затрудненій, не уничтожаетъ крѣпостнаго состоянія, не учреждаетъ новаго сословія на положительныхъ и твердыхъ основаніяхъ, но усложняетъ и запутываетъ вопросъ и что всего хуже полагаетъ начало борьбѣ между двумя сословіями, обязанными всегда жить вмѣстѣ, возбуждаетъ ненависть одного противъ другаго и доставляетъ обильную пищу взаимному раздраженію другъ на друга. Самое крѣпостное право на людей не укоренило у насъ вражды между владѣльцами и ихъ людьми, по причинѣ очень простой и весьма понятной: полновластіе было на сторонѣ первыхъ и совершенное безправіе на сторонѣ послѣднихъ; при такихъ обстоятельствахъ борьба не была возможна, а борьба въ особенности закаляетъ вражду. При положеніи обязанныхъ крестьянъ дѣло будетъ совершенно иное: законъ провозглашаетъ ихъ права и возбуждаетъ въ нихъ надежду, а дѣло противорѣчитъ словамъ закона и ихъ справедливымъ ожиданіямъ. Изъ этого должна завязаться чистая война, которой границы трудно опредѣлить, но которой исходомъ должно, безъ сомнѣнія, быть полное освобожденіе крестьянъ съ землею на усло-

віяхъ, вѣроятно крайне невыгодныхъ для помѣщиковъ и при полной утратѣ сими послѣдними всякой возможности будущаго полезнаго дѣйствія на крестьянъ. Вѣроятно, скажутъ намъ, что можно такъ измѣнить и пополнить существующее положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ, чтобъ отношенія между ими и помѣщикомъ были положительно опредѣлены, чтобъ сей послѣдній былъ обезпеченъ въ исполненіи повинностей крестьянами и чтобъ они были ограждены отъ его произвола. — Много я объ этомъ думалъ, ибо имѣлъ сильнѣйшее желаніе обратить своихъ людей въ обязанныхъ крестьянъ, но чѣмъ болѣе вникалъ въ смыслъ существующаго по сему предмету закона и придумывалъ для него разныя измѣненія и пополненія, съ цѣлью довести его до удобоисполнимости, тѣмъ болѣе я убѣждался въ несостоятельности самаго основанія и невозможности создать на немъ что либо могущее удовлетворить помѣщиковъ и крестьянъ. Необходимо выходитъ одно изъ двухъ: или помѣщики остаются безъ всякаго обезпеченія или крестьяне безъ всякаго огражденія; нѣтъ средины между этими двумя крайностями. Да и возможно-ли примиреніе двухъ сторонъ иначе, какъ при добровольномъ соглашеніи? А добровольное соглашеніе можетъ-ли дѣйствительно состояться, когда одна сторона прикрѣплена къ чужой землѣ, а другая сторона владѣетъ именно этою землею. Возможно, не противно разуму освобожденіе людей безъ земли, но оно бѣдственно по послѣдствіямъ; полуосвобожденіе же съ землею противно здравому смыслу и неудобоисполнимо въ дѣйствительности; слѣдовательно остается намъ разсмотрѣть другой видъ освобожденія крестьянъ съ землею, осуществленный въ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о введеніи инвентарей, предпринятомъ отъ Правительства въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

Какъ мѣра временная, *введеніе инвентарей* могло быть полезнымъ и необходимымъ для Западнаго края, ибо тамъ положеніе крестьянъ было не выносимо, и инвентари не были собственно нововведеніемъ, а уже прежде отчасти существовали. Къ сожалѣнію должно сказать, что даже и тамъ они не принесли ожидаемой отъ нихъ пользы: помѣщики остались почти тѣми же полновластными распорядителями надъ крестьянами, а крестьяне мало воспользовались обѣщанными имъ огражденіями, и одной только Полиціи стало хлопотливѣе, но за то и сытнѣе. Въ сущности положеніе объ инвентаряхъ тожественно съ положеніемъ объ обязанныхъ крестьянахъ, съ тою только разницею, что добровольныя частныя соглашенія по-

мѣщиковъ съ крестьянами замѣнены общимъ правительственнымъ распоряженіемъ. Слѣдовательно все сказанное нами о послѣднемъ постановленіи относится и къ первому, но съ слѣдующими добавленіями: при добровольныхъ сдѣлкахъ мѣстныя обстоятельства принимаются въ соображеніе; положеніе же объ инвентаряхъ рѣшаетъ всѣ вопросы съ плеча, безъ разбора: кого награждаетъ, кого наказываетъ, какъ попало, но по большей части награждаетъ дурныхъ и наказываетъ добрыхъ помѣщиковъ, ибо утверждаетъ равныя или почти равныя повинности при различныхъ надѣлахъ крестьянъ землею. Инвентарное положеніе въ Кіевской, Польской и Волынской губерніяхъ преимущественно благопріятствуетъ крестьянамъ, и потому, особенно при управленіи генерала Бибикова этимъ краемъ, эта мѣра, не смотря на всю ея недостаточность, нѣсколько улучшила бытъ крестьянъ; инвентарное же положеніе въ прочихъ Западныхъ губерніяхъ, несравненно болѣе выгодное для помѣщиковъ, чѣмъ предъидущее, едва ли малѣйше измѣнитъ къ лучшему бѣдственный бытъ Бѣлоруссцевъ. Что же касается до вражды, которую инвентарное положеніе, подобно постановленію объ обязанныхъ крестьянахъ, могло поселить между владѣльцами и крестьянами, то эта опасность въ упомянутомъ краѣ ничтожна: глубочайшая ненависть между панами-католиками и крестьянами православными существовала издавна, и ее едва ли что-либо можетъ усилить. Слѣдовательно инвентарное положеніе могло быть введено въ Западномъ краѣ, какъ временная мѣра; для Россіи же вообще эта мѣра невозможна, она хуже самаго положенія объ обязанныхъ крестьянахъ, нами подробно разсмотрѣннаго.

Освобожденіе крестьянъ на основаніи указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

Указъ 20-го Февраля 1803 года установилъ *званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ;* но въ теченіе слишкомъ 50 лѣтъ, онъ также имѣлъ, къ сожалѣнію, дѣйствіе незначительное: по 9-й народной переписи числится государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, 296,428 душъ обоего пола; съ 1850 года это число не много увеличилось, ибо въ послѣдніе годы отпуски на волю были слабы, а увольненіе съ землею было еще ничтожнѣе. Основная мысль этого законоположенія есть полное освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ земли въ собственность и права самоуправленія на основаніи общихъ государственныхъ законовъ. Къ сожалѣнію,

частныя постановленія, содержащіяся въ семъ указѣ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ его слабой цѣли и основной мысли. Имъ установлена личная собственность отдѣльныхъ участковъ въ общей дачѣ; отвѣтственность передъ помѣщикомъ въ уплатѣ денегъ за выкупъ возложена на каждое лицо въ особенности, а не на весь міръ; и сверхъ того, и это весьма важно, нѣтъ достаточнаго обезпеченія въ пользу помѣщиковъ на счетъ исполненія крестьянами принятыхъ ими на себя обязанностей. Узаконеніе личной собственности въ общей дачѣ такъ противно русскому духу, что оно почти нигдѣ не установилось; гдѣ же его ввели, тамъ оно подало поводъ къ безчисленнымъ тяжбамъ между однодачниками; а предоставленіе же имъ права продавать и закладывать принадлежащіе имъ участки, сосредоточило владѣніе землею въ рукахъ немногихъ крестьянъ, а прочіе дѣлались чистыми бобылями. Это обѣднѣніе нѣкоторыхъ селъ, отпущенныхъ въ свободные хлѣбопашцы, служитъ противникамъ освобожденія крѣпостныхъ людей любимымъ доводомъ въ защиту ихъ мнѣнія; но они не обращаютъ вниманія на то, что виною этого обѣднѣнія не освобожденіе, а одно изъ условій, при которомъ оно совершилось. Возложеніе отвѣтственности передъ помѣщикомъ на отдѣльныя личности ослабило связь между членами общества, и какъ эта мѣра, такъ и предъидущая потрясли мірское устройство въ главныхъ его основаніяхъ и лишили его надлежащей устойчивости. Сверхъ того, эти законоположенія усилили недовѣріе помѣщиковъ къ сдѣлкамъ сего рода. Но развитіе этого указа болѣе всего остановлено тѣмъ, что помѣщики были недостаточно обезпечены въ исправномъ полученіи слѣдующихъ имъ суммъ съ освобождаемыхъ крестьянъ. Въ законѣ стоитъ весьма строгая и повидимому вполнѣ удовлетворительная въ этомъ отношеніи статья, гдѣ сказано: „крестьяне, въ случаѣ неустойки, возвращаются по прежнему въ крѣпостное состояніе.“ Но возможно ли исполненіе этой угрозы? Крестьяне, еще не вкусившіе блага свободы, едва сносятъ помѣщичью власть; каково же владѣльцу съ ними возиться послѣ нѣсколько-лѣтней независимости? Опасаясь этого, помѣщики, большею частію, освобождаютъ крестьянъ только въ томъ случаѣ, когда они, сверхъ переводимаго на нихъ долга Опекунскаго Совѣта, вносятъ наличными всѣ остальныя съ нихъ причитающіяся деньги, а какъ капиталовъ у крестьянъ вообще мало, то и неудивительно, что весьма немногія деревни вышли на волю. Вслѣдствіе недовѣрія помѣщиковъ къ сдѣлкамъ этого рода, бываютъ слѣдующіе случаи: помѣщики обѣщаютъ крестьянамъ освобожденіе

по полной уплатѣ ими извѣстныхъ суммъ; крестьяне исправно оныя взносятъ по срокамъ; но владѣльцы умираютъ до полученія послѣднихъ денегъ, а ихъ наслѣдники объ этихъ уплатахъ часто знать не хотятъ; и крестьяне, истощенные многолѣтними, тяжкими взносами, остаются по прежнему въ крѣпостномъ состояніи. Вотъ главныя причины слабаго дѣйствія сего указа; — къ нимъ присоединились, въ послѣдніе годы, два обстоятельства, которыя еще болѣе замедлили его дальнѣйшее развитіе. Первое изъ нихъ заключается въ переименованіи свободныхъ хлѣбопашцевъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, съ подчиненіемъ ихъ Окружнымъ Начальникамъ и Палатамъ, которыхъ видимая патріархальность и дѣйствительная алчность и самовластіе удерживаютъ многихъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ огромныхъ пожертвованій, съ коими обыкновенно сопряженъ выкупъ на волю. Второе обстоятельство состоитъ въ усложненіи, въ силу указа 4-го Августа 1853 года, порядка увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе государственныхъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ.

Утвержденіе договора помѣщика съ крестьянами, на основаніи этого постановленія, зависитъ отъ согласія не менѣе шести, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, семи и восьми разновѣдомственныхъ лицъ; и только послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ представляется условіе на Высочайшее утвержденіе. Тяжело имѣть дѣло съ однимъ вѣдомствомъ, и помѣщики хорошо это зная, всячески избѣгаютъ связываться съ присутственными и начальственными лицами; каково же, при освобожденіи крестьянъ, имѣть дѣло съ двумя вѣдомствами въ уѣздномъ, потомъ въ губернскомъ городѣ, и, наконецъ, въ С.-Петербургѣ? Это устрашаетъ самаго ревностнаго эмансипатора. Къ тому же дѣла этого рода длятся обыкновенно такъ долго, что утомляютъ всякое терпѣніе, а иногда, во время производства оныхъ, встрѣчаются такія обстоятельства, которыя совершенно ихъ прекращаютъ. Мнѣ извѣстно, что одна старушка хотѣла отпустить своихъ крестьянъ на волю, т. е. въ вольные хлѣбопашцы; подана была просьба съ проэктомъ договора, часть денегъ была, кажется, ею получена; но дѣло тянулось два года, въ это время помѣщица скончалась и крестьяне перешли въ крѣпостное владѣніе наслѣдниковъ. По всѣмъ нами изложеннымъ причинамъ понятно, почему число свободныхъ хлѣбопашцевъ мало прибываетъ; къ этому должно присоединить и то, что, по большей части, исправники, предводители и губернаторы весьма неохотно принимаютъ бумаги отъ помѣщиковъ по освобожденію кресть-

янъ, весьма радушно показываютъ, съ какими затрудненіями это дѣло сопряжено, и совѣтуютъ не впутываться въ оное, приговаривая: „начать легко, да кончить трудно.“ Высшее Правительство также оказываетъ этому способу освобожденія мало сочувствія, не учреждая особаго Банка для вспомоществованія въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ, и даже не дѣлая никакихъ особыхъ льготъ по залогамъ земель, населенныхъ свободными хлѣбопашцами.

Вникая въ основную мысль указа 20-го Февраля 1803 года и разсматривая дѣйствія его по увольненію крестьянъ, должно сознаться, что онъ дѣйствительно ихъ освобождаетъ, основываетъ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ на положительныхъ началахъ и ясно опредѣляетъ отношенія ихъ какъ къ прежнему помѣщику, такъ и къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Въ этомъ заключается великое превосходство этого указа надъ положеніемъ объ обязанныхъ крестьянахъ, которые, какъ мы прежде видѣли, не разрѣшаетъ затрудненій, а отодвигаетъ ихъ только въ даль, не освобождаетъ крестьянъ, а говоритъ имъ о какихъ-то правахъ, которыхъ на дѣлѣ оно имъ вовсе не предоставляетъ, и устанавливаетъ между помѣщиками и крестьянами такія двусмысленныя отношенія, что изъ нихъ, кромѣ раздраженія и вражды, ничего выйти не можетъ. Слѣдовательно указъ 20-го Февраля 1803 года, по устраненіи нѣкоторыхъ заключающихся въ немъ неудобствъ и по восполненіи недостатковъ, временемъ указанныхъ, можетъ служить основаніемъ и исходомъ для будущихъ мѣръ къ прекращенію крѣпостнаго состоянія.

Сперва мы доказали, что крестьяне, какъ сословіе по преимуществу земледѣльческое, не могутъ быть освобождаемы безъ земли; потому ввели, что дѣйствительное освобожденіе съ прикрѣпленіемъ къ чужой землѣ невозможно; теперь мы можемъ заключить, что освобожденіе крестьянъ необходимо должно быть соединено съ предоставленіемъ имъ земли въ собственность.

Съ какимъ количествомъ земли слѣдуетъ освобождать крестьянъ.

Прежде чѣмъ идти далѣе, нужно разсмотрѣть вопросъ, съ какимъ количествомъ земли слѣдуетъ освобождать крестьянъ? Одни предлагаютъ дать имъ въ собственность усадьбу съ коноплянникомъ и выгономъ, т. е. ту землю, на которой они поселены. Другіе при-

бавляютъ къ этому нѣсколько пахотной земли, требуя однако, чтобъ надѣлъ оставался *недостаточнымъ* для безнуждного существованія крестьянъ, дабы они были въ необходимости принимать земли или отпускать излишнихъ людей въ работники. Нѣкоторые соглашаются на оставленіе за крестьянами нынѣшнихъ ихъ земляныхъ надѣловъ; но большинство людей считаетъ болѣе удобнымъ предоставить это обстоятельство добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами. Послѣднее мнѣніе, съ перваго взгляда, кажется самымъ справедливымъ и ближе всего къ цѣли ведущимъ, но въ приложеніи оно выходитъ неудобоисполнимымъ и напрасно замедляющимъ ходъ дѣла. Конечно, частные случаи и условія не могутъ быть разрѣшаемы ничѣмъ такъ вѣрно и безобидно, какъ добровольнымъ соглашеніемъ; но основанія для него должны быть положены законодательнымъ порядкомъ; иначе случится то-же, что было и, къ несчастію, еще есть, при полюбовномъ размежеваніи: многія дачи долго не размежевывались, а нѣкоторыя и до сихъ поръ остаются въ чрезполосномъ владѣніи единственно оттого, что одни основывали или основываютъ свои права на безспорномъ, свыше десяти-лѣтнемъ, владѣніи; другіе — на крѣпостяхъ; Правительство же не рѣшало: владѣніе ли должно имѣть преимущество надъ крѣпостями или на оборотъ. А потому, не входя въ частности, законъ долженъ опредѣлить общія начала, на основаніи коихъ надѣленіе крестьянъ землею имѣетъ быть произведено; этимъ устранятся значительные споры и разрѣшатся многія недоумѣнія. Предоставленіе однихъ усадебъ съ коноплянниками и выгономъ въ собственность крестьянъ, есть не освобожденіе ихъ съ землею, а недобросовѣстная ловушка, противъ нихъ поставленная, или дѣло полнаго невѣдѣнія сельско-хозяйственнаго быта. Крестьяне, окруженные чужими землями, будутъ въ необходимости ихъ нанимать по цѣнамъ, назначаемымъ отъ владѣльцевъ. Земля, въ этомъ случаѣ, есть не такая вещь, которую можно купить или нанять тамъ, гдѣ сходнѣе, а надобно её взять, гдѣ для обработки она способнѣе, ибо крестьянину вовсе невозможно ѣздить на работу за 100, даже за 50 верстъ. Извѣстно, что многія села имѣютъ дачи на протяженіи 10,20 и болѣе верстъ и принадлежатъ одному, или двумъ, тремъ помѣщикамъ, которые сообща могутъ поднять цѣны на наемъ земли по своему желанію. Помѣщики цѣлаго околодка, или уѣзда, даже цѣлой губерніи, могутъ сговориться на счетъ повышенія цѣнъ на землю, и крестьяне должны будутъ платить помѣщикамъ все, что они потребуютъ. Слѣдовательно положе-

ніе крестьянъ, при полученіи ими въ собственность усадебъ съ коноплянниками и выгонами, будутъ несравненно тяжче, чѣмъ бы оно было даже при освобожденіи ихъ безъ земли съ правомъ перехода. Установленіе такой привиллегіи въ пользу помѣщиковъ и такого стѣсненія крестьянъ, совершенно противно цѣли освобожденія людей отъ крѣпостнаго состоянія; а потому о подобномъ надѣлѣ нечего долго и толковать. Второе предположеніе, т. е. предоставленіе крестьянамъ, сверхъ усадьбы, коноплянниковъ и выгона, еще не большаго количества пахотной земли, поддерживается многими даже ревностными поборниками освобожденія крестьянъ. Не смотря на это, мнѣніе сіе кажется намъ также несправедливымъ и къ исполненію затруднительнымъ. Человѣкъ, обреченный на воздѣлываніе земли, долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть оной столько, сколько ему необходимо нужно для существованія; если онъ желаетъ воздѣлывать земли сверхъ своихъ крайнихъ нуждъ, то пусть онъ принимаетъ, если у него въ семьѣ лишніе люди, то пусть отпускаетъ ихъ въ работники, но *необходимое* онъ долженъ имѣть *у себя дома, независимо отъ произвола другихъ*. При такихъ условіяхъ крестьянинъ будетъ дѣйствительно освобожденъ; иначе одна неволя замѣнится другою и, быть можетъ, худшею. Сказанное нами противъ перваго надѣла относится и ко второму, ибо не имѣть земли и имѣть оную въ совершенно недостаточномъ количествѣ, почти одно и то-же. Помѣщики могутъ притѣснять крестьянъ во второмъ случаѣ почти столько же, сколько и въ первомъ; а потому между этими двумя надѣлами нѣтъ существенной разницы, развѣ второй надѣлъ будетъ подходить ближе къ безнуждному обезпеченію крестьянъ землею, чѣмъ къ отсутствію надѣла, каковымъ должно считать утвержденіе за ними усадебъ съ огородомъ и выгономъ. Притомъ опредѣленіе того, какое именно количество земли должно считать недостаточнымъ для безнуждного существованія крестьянина, есть вещь крайне затруднительная, и произвольнымъ разсужденіямъ не будетъ конца. Законъ не можетъ цифрою означить это количество, ибо, какъ извѣстно, десятина земли въ одномъ мѣстѣ стоитъ 3, 4, 5 даже 10 десятинъ въ другомъ мѣстѣ. Это различіе въ достоинствахъ земли встрѣчается не только въ одной и той же губерніи, но даже въ одномъ и томъ же уѣздѣ, даже въ одной и той же дачѣ. Нынѣ существующій надѣлъ не представляетъ также данныхъ для опредѣленія этого *недостаточнаго* количества. Слѣдовательно должно будетъ положиться на совѣсть или произволъ помѣщика, или на добровольное соглашеніе его съ

крестьянами. Первое слишкомъ опасно; второе же совершенно невозможно. Всякій, кто передѣлялъ или передвигалъ крестьянскія поля, знаетъ, какъ крестьяне стоятъ за существующій надѣлъ, и первое ихъ слово и кровная забота: не будетъ у нихъ земли! Слѣдовательно при отрѣзкѣ изъ ихъ владѣнія половины или третьей части угодій, они не изъявятъ согласія ни на какую сдѣлку съ помѣщикомъ. Расчитывать на сдѣлки такого рода значитъ не знать русскаго крестьянина, который такъ убѣжденъ въ своихъ правахъ на владѣемую имъ землю, что можно скорѣе лишить его жизни, чѣмъ этого убѣжденія. Къ тому же цѣль освобожденія есть основаніе земледѣльческаго сословія на твердыхъ и справедливыхъ началахъ, при подобномъ надѣлѣ эта цѣль будетъ вполнѣ не достигнута. Неудовольствіе крестьянъ будетъ всеобщее; начала, на которыхъ предлагается надѣлить ихъ землею, суть самыя произвольныя; и само правительство не будетъ знать, что дѣлать при усильныхъ требованіяхъ крестьянъ и при упорныхъ отказахъ помѣщиковъ. Притомъ необходимость каждаго крестьянина въ наймѣ земли или въ поступленіи въ батраки и умножитъ сдѣлки, слѣдовательно и тяжбы до безконечности. Сверхъ того, нѣтъ большаго ущерба для помѣщика отъ надлежащаго надѣленія крестьянъ землею, если при этомъ онъ получитъ за нее справедливое вознагражденіе, а крестьянину, при безнуждномъ надѣлѣ, легче платить болѣе, чѣмъ даже нести меньшую повинность тогда, когда онъ долженъ биться, какъ рыба объ ледъ. По этому предоставленіе крестьянамъ во владѣніе того количества угодій, которое теперь находится у нихъ въ пользованіи, есть предположеніе самое справедливое, самое безопасное и ближе всѣхъ прочихъ ведущее къ скорѣйшему окончанію дѣла; конечно, нынѣшніе надѣлы крестьянъ землею не равны; но и вознагражденіе помѣщиковъ за отходящую отъ нихъ землю должно быть различно. Нынѣшніе надѣлы имѣютъ за себя то, что они установились, послѣ долгихъ колебаній, въ видѣ сдѣлки, если не совершенно добровольной, то покрайней мѣрѣ такой, на которую помѣщики согласны и противъ которой крестьяне большею частію не возражаютъ. Сверхъ того эти надѣлы вообще достаточно обезпечиваютъ безнуждное существованіе крестьянина, ибо они состоялись въ такое время, когда помѣщику невыгодно было имѣть крестьянъ нищими, которымъ необходима постоянная помощь. Время исправило многіе недостатки этихъ надѣловъ; ими теперь въ общей сложности остаются довольными и помѣщики, и крестьяне; и тѣ, и другіе къ нимъ привыкли, что также

дѣло не маловажное. Нынѣшніе надѣлы представляютъ такую положительную данную, которою пренебречь было-бы великою ошибкою при предстоящемъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Впрочемъ не возможно закономъ безусловно утверждать и нынѣшніе надѣлы, ибо въ нихъ необходимо должны быть сдѣланы нѣкоторыя перемѣны, потому во 1-хъ, что теперь большею частію, помѣщичьи и крестьянскія земли черезполосны, и необходимо ихъ пріурочить къ однимъ мѣстамъ; во 2-хъ, что много угодій находится теперь въ общемъ владѣніи помѣщиковъ и крестьянъ, таковыя угодія необходимо раздѣлить между ними; въ 3-хъ, что при этомъ пріурочиніи, по причинѣ различія въ добротѣ угодій, можетъ быть надобность въ нѣкоторыхъ добавкахъ или убавкахъ по существующимъ надѣламъ; въ 4-хъ, что по инымъ имѣніямъ необходимо умѣрить крестьянскіе надѣлы даже значительно, ибо особенно въ оброчныхъ имѣніяхъ за крестьянами такъ много разныхъ угодій, что имъ отяготительно было-бы платить за нихъ, тѣмъ болѣе, что эти угодія часто и не состоятъ въ дѣйствительномъ ихъ владѣніи.

Не говорю о Костромской, Ярославской, Вологодской и другихъ удобныхъ губерніяхъ, но даже въ Саратовской губерніи есть имѣнія, гдѣ у крестьянъ земли еще такъ много, что огромныя степи остаются въ залежи, помѣщики же, довольствуясь оброками, не извлекаютъ особыхъ доходовъ изъ этихъ степей. Слѣдовательно самые нынѣшніе надѣлы не могутъ быть приняты за непремѣнныя количества, но они драгоцѣнны какъ нормы, какъ основанія для будущихъ вѣчныхъ надѣловъ; положительное, точное же ихъ опредѣленіе должно быть предоставлено добровольнымъ соглашеніямъ помѣщиковъ съ крестьянами. Для уменьшенія же произвола со стороны помѣщика въ сдѣлкахъ сего рода, а равно и для отвращенія излишнихъ разговоровъ и споровъ, необходима была-бы предварительная оцѣнка земель и назначеніе цифры, выше которой стоимость надѣла не должна простираться; но объ этомъ подробнѣе будемъ говорить въ иномъ мѣстѣ.

II. *Должно-ли освобождать крестьянъ ограниченно и условно, или вполнѣ и безусловно?*

Теперь слѣдуетъ намъ разсмотрѣть второе обстоятельство изъ выставленныхъ нами въ началѣ нашей записки: должно ли освобож-

дать крестьянъ ограниченно условно, или вполнѣ и безусловно? Отчасти этотъ вопросъ уже разрѣшенъ при обсужденіи перваго обстоятельства, ибо выставлены были всѣ неудобства, всѣ невозможности условнаго освобожденія обязанныхъ крестьянъ и всѣ выгоды окончательнаго увольненія свободныхъ хлѣбопашцевъ. Здѣсь нужно добавить немногое. Освобожденіе людей отъ крѣпостнаго состоянія есть дѣло такого рода, что какъ оно просто и удобно, если полагается въ основаніе онаго право каждаго на личную свободу, такъ оно сложно и затруднительно при оставленіи ограниченій этого права. Можно на время подавить въ людяхъ присущее каждому человѣку чувство личной свободы и понятіе объ оной, но трудно — невозможно обставить оную такими ограниченіями, которыя не препятствовали бы ею пользоваться и которыя могли бы хоть сколько нибудь устоять противъ ея дѣйствія. Личная свобода человѣка есть такое дѣло, что если оно дѣйствительно дано людямъ, то ограниченія невозможны и служатъ только къ возбужденію борьбы и къ раздраженію какъ человѣка, подверженнаго ограниченію, такъ и человѣка, въ пользу котораго это ограниченіе существуетъ, если свобода только обѣщана, а дѣйствительно ея нѣтъ, то ограниченія окончательно ее удушатъ, и благія слова закона послужатъ лишь къ большему стѣсненію людей подвластныхъ. Личная свобода и ограниченія оной вмѣстѣ существовать не могутъ; они порождаютъ лишь борьбу, равно опасную и вредную для владѣльцевъ, для освобождаемыхъ людей и для правительства. — Еще никогда и нигдѣ не удавалось установить такія ограниченія, которыя бы предоставляли крѣпостнымъ людямъ извѣстную степень свободы и которыя бы вмѣстѣ съ тѣмъ удерживали власть господъ въ границахъ, закономъ опредѣленныхъ: или ограниченія уничтожаютъ свободу, или свобода потоками крови разрушаетъ ограниченія. Какъ возбужденіе подобной борьбы не можетъ быть въ видахъ правительства, то слѣдуетъ или не уничтожать крѣпостнаго состоянія, или даровать людямъ дѣйствительную свободу. Если первое невозможно, то послѣднее оказывается необходимымъ.

Говоря, что крестьяне должны быть освобождаемы вполнѣ — безусловно и, сказавши прежде, что увольненіе ихъ имѣетъ быть соединено съ землею, мы подъ этимъ вовсе не разумѣемъ, что помѣщикъ долженъ остаться безъ вознагражденія. Напротивъ, я уже и прежде упоминалъ о вознагражденіи, а здѣсь считаю необходимымъ объ этомъ повторить. Подробно о семъ предметѣ будемъ говорить послѣ, но необходимо заранѣе устранить ложныя понятія, которыя

могутъ возникнуть по поводу вышесказанныхъ словъ. Впрочемъ самый указъ, который мы полагаемъ въ основанiе освобожденiя, говоритъ весьма положительно о вознагражденiи помѣщиковъ.

III. *Должно-ли освобождать крестьянъ постепенно съ переходами отъ меньшей къ большей свободѣ, или прямо и окончательно?*

Должны-ли крестьяне быть освобождаемы постепенно, т. е. съ переходами отъ меньшей къ большей свободѣ, или прямо и окончательно? вотъ вопросъ, который слѣдуетъ непосредственно за предъидущимъ. Многiе того мнѣнiя, что опасно и неудобно изъ крѣпостнаго состоянiя ввести людей прямо въ полныя права свободныхъ гражданъ; а потому, не одобряя въ сущности положенiя объ обязанныхъ крестьянахъ, они считаютъ необходимымъ провести людей чрезъ это состоянiе прежде полнаго и окончательнаго ихъ освобожденiя. Они полагаютъ, что условiя съ обязанными крестьянами послужатъ основанiемъ для будущаго опредѣленiя какъ помѣщичьяго вознагражденiя, такъ и крестьянскихъ повинностей за окончательный выпускъ на волю. Въ этомъ мнѣнiи утверждаетъ ихъ отчасти примѣръ Германiи, которая повела своихъ поселянъ изъ рабства (Leibeigenschaft) чрезъ состоянiя крѣпостныхъ и обязанныхъ крестьянъ въ свободные земледѣльцы. Не раздѣляя убѣжденiя людей, считающихъ опаснымъ дарованiе нашимъ крестьянамъ полной личной свободы, о чемъ пространно было говорено въ первой запискѣ, мы еще менѣе можемъ согласиться въ удобности таковаго переходнаго освобожденiя на самомъ дѣлѣ. Отношенiя дворянъ къ свободнымъ людямъ существуютъ у насъ издавна, всѣмъ очень привычны, и нѣтъ ни одного самаго бѣднаго помѣщика, который неоднократно не имѣлъ бы дѣла по найму съ вольными людьми. Крестьяне самаго глухаго уголка Россiи бываютъ въ постоянныхъ сношенiяхъ съ вольными людьми, знаютъ ихъ бытъ и отношенiя къ прочимъ сословiямъ и сами, отправляясь на заработки, поступаютъ къ хозяевамъ въ отношенiя какъ бы вольныхъ людей. Слѣдовательно эти отношенiя у насъ довольно общи, всѣмъ извѣстны и въ нихъ нѣтъ ничего, что оскорбляло, или стѣсняло, или было бы особенно не выгоднымъ или для помѣщиковъ, или для рабочихъ. Самое важное въ этомъ дѣлѣ, то, что сiи отношенiя существуютъ, развиты временемъ и освящены

обычаемъ. Напротивъ того отношенія помѣщика къ обязаннымъ крестьянамъ и сихъ послѣднихъ къ бывшему ихъ владѣльцу не существуютъ, — они должны быть созданы и по существу своему неопредѣленны, двусмысленны и странны, какъ мы то прежде доказали. Нельзя не сознаться, что ввести и укоренить легче извѣстное, чѣмъ неизвѣстное, существующее, чѣмъ еще не существующее и положительное, чѣмъ сомнительное и неопредѣленное. Всѣ сіи отрицательныя свойства принадлежатъ положенію обязанныхъ крестьянъ; такъ какъ же употребить оное въ видѣ удобнаго и безопаснаго перехода отъ крѣпостнаго состоянія къ полной свободѣ? Сверхъ того, нравы какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ ясно противорѣчатъ роду отношеній, имѣющихъ быть установленными между землевладѣльцами и ихъ обязанными крестьянами. Всякій русскій помѣщикъ скорѣе согласится лишиться человѣка или людей своихъ, чѣмъ стать къ нимъ въ отношенія условныя и притомъ такія условныя, которыя измѣнить онъ не можетъ ни теперь, ни послѣ, ибо какъ извѣстно, условія съ обязанными крестьянами заключены на всегда (т. е. на неопредѣленное число лѣтъ); слѣдовательно это есть нѣчто въ родѣ брака безъ права развода. Крестьяне, конечно, предпочтутъ условную зависимость полной принадлежности, но трудно, крайне трудно, будетъ имъ понять границы помѣщичьей власти и своей свободы, они будутъ безпрестанно увлекаться своими свѣдѣніями о весьма имъ знакомыхъ правахъ свободныхъ людей, отъ чего произойдутъ между ими и помѣщиками безпрестанныя столкновенія, которыя породятъ бездну жалобъ и неудовольствій, поселятъ и укоренятъ сильнѣйшую вражду между крестьянами и землевладѣльцами. Едва ли такое пріуготовленіе удобно и безопасно какъ переходъ къ полной свободѣ? Къ тому же изъ нашей исторіи мы знаемъ, что всѣ положительныя, прямыя, даже рѣзкія мѣры исполнялись и усвоивались у насъ легко и безопасно, и что, напротивъ того, полумѣры, распоряженія подготовительныя и такія, въ которыхъ видны были нерѣшительность и какъ бы недоумѣніе, или оставались безъ дѣйствія, или порождали одни толки и безпорядки. Крутыя преобразованія Петра I и Екатерины II, даже тѣ изъ нихъ. которыя были несогласны съ духомъ и потребностями народа, утверждались довольно легко и скоро потому только, что власть говорила ясно и твердо. Многія благія намѣренія Александра I и Николая I остались безъ дѣйствія единственно оттого, что законодатель высказывалъ свою волю неопредѣленно и окружалъ ее такими ограниченіями, которыя почти вовсе

уничтожали силу оной. Къ крайнему прискорбію людей блогомыслящихъ, великое дѣло уничтоженія крѣпостнаго состоянія, затронутое болѣе полувѣка тому назадъ, сопровождалось доселѣ только мѣрами послѣдняго рода, и потому понятно, почему оно почти вовсе не двинулось впередъ. Понятія о личной свободѣ такъ просты и всякому человѣку такъ присущи, права изъ нея проистекающія такъ естественны и сподручны, что всякія къ тому подготовленія не облегчатъ, а затруднятъ и усложнятъ освобожденіе людей. Главное затрудненіе въ этомъ дѣлѣ есть опредѣленіе помѣщичьяго вознагражденія; но эту задачу разрѣшить легче теперь, чѣмъ послѣ: люди, чаящіе удовлетворенія самой существенной своей потребности — личной свободы, охотно согласятся на всякія справедливыя требованія помѣщиковъ. Не таково будетъ положеніе дѣла, если крестьяне воспитаны будутъ къ сопротивленію разными удачными и неудачными попытками утвердить свою самостоятельность на основаніи закона объ обязанныхъ крестьянахъ. Сверхъ того, выгодно и удобно ли вообще устроивать положеніе, которое въ мысляхъ законодателя и въ общихъ понятіяхъ помѣщиковъ и крестьянъ будетъ только переходнымъ? Какъ всякая операція, дѣлаемая надъ тѣломъ, бываетъ гораздо сноснѣе и удачнѣе, если можетъ быть окончена въ одинъ разъ, такъ и всякая перемѣна въ общественномъ и государственномъ быту легче переносится и сопряжена съ меньшими опасностями, если она производится прямо и окончательно. Двадцать, тридцать лѣтъ непремѣнно пройдутъ, прежде чѣмъ отношенія между обязанными крестьянами и землевладѣльцами установятся (если впрочемъ они когда либо могутъ установиться); въ продолженіе всего этого времени, Правительство, помѣщики и крестьяне будутъ думать о предстоящей перемѣнѣ, и никто не будетъ устроиваться въ корень. Выгодна — удобна ли такая зыбкость, такая неустойчивость въ сельско-хозяйственномъ, нравственномъ, общественномъ и государственномъ отношеніяхъ? Едва ли кто отвѣтитъ на это утвердительно. Мы знаемъ, что прибѣгаютъ къ мысли о переходномъ положеніи и держатся за нее только потому, что, сознавая свое невѣдѣніе настоящаго нашего быта, видя необходимость принятія какихъ либо мѣръ къ удовлетворенію требованія времени и не находя средствъ къ прямому и окончательному разрѣшенію затрудненій, многіе предпочитаютъ отодвинуть оныя въ даль и хватаются за находящееся у нихъ подъ руками положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ. „Oui, il y a quelque chose à faire dans cette question“, говорятъ наши

государственные и негосударственные люди, пьютъ и пируютъ; отправляются въ театръ или садятся за карты, предоставляя времени произнести грозный и не отвратимый его приговоръ надъ безпечностію и безсмысліемъ.

IV. *Слѣдуетъ ли освобождать крестьянъ по губерніямъ, или одновременно вездѣ?*

Нынѣ считаютъ болѣе безопаснымъ и болѣе удобнымъ произвести освобожденіе крестьянъ не разомъ по всей Россіи, а постепенно по губерніямъ. На счетъ отсутствія опасности при всякомъ освобожденіи, сверху начатомъ и разумно веденномъ, мы уже высказали наше мнѣніе въ первой запискѣ, а потому считаемъ излишнимъ что либо къ тому прибавлять; но мы не понимаемъ, какъ люди боящіеся безпорядковъ и неустройствъ при освобожденіи вообще, находятъ большую безопасность при ограниченномъ по мѣстности, чѣмъ при всеобщемъ освобожденіи. Если народъ нашъ дикъ и самоуправенъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, то при удержаніи большей части его въ крѣпостномъ состояніи въ то время, какъ меньшая часть онаго по сосѣдству будетъ освобождаема, опасность безпорядковъ и возмущеній настоитъ несравненно большая, чѣмъ при равномъ и для всѣхъ одновременномъ удовлетвореніи. Если же они думаютъ употребить крѣпостныхъ людей на прекращеніе неустройствъ по освобождаемымъ губерніямъ, то такое мнѣніе показываетъ чрезмѣрную близорукость. Вѣдь не разъ приходившіе для усмиренія переходили на сторону подлежащихъ усмиренію особенно, когда послѣдніе стоятъ за то, чего желаютъ первые. Что же касается до большихъ удобствъ ограниченнаго по мѣстности освобожденія передъ повсемѣстнымъ, то это кажется намъ еще болѣе сомнительнымъ. Для помѣщиковъ гораздо споснѣе быть всѣмъ сословіемъ поставленными въ новыя отношенія къ крестьянамъ, чѣмъ по единочкѣ. Для Правительства также выгоднѣе совершить такой значительный переворотъ разомъ вездѣ, чѣмъ сперва тутъ, потомъ тамъ, наконецъ, въ остальныхъ мѣстахъ; что же касается до крестьянъ, то ихъ расположеніе къ немедленному повсемѣстному освобожденію не подлежитъ никакому сомнѣнію. Притомъ, какимъ правиломъ будутъ руководствоваться при выборѣ губерній для освобожденія? Большимъ ли, меньшимъ ли богатствомъ и просвѣщеніемъ? Лучшею ли, худшею ли почвою? Сосѣдствомъ

ли, отдаленностію ли отъ границъ? Всѣ эти обстоятельства таковы, что изъ каждаго можно вывести причины, какъ къ ускоренію, такъ и къ замедленію уничтоженія крѣпостнаго состоянія. По нашему мнѣнію, самое большое неудобство этого предположенія заключается въ томъ, что оно безполезно замедляетъ ходъ дѣла, которое должно быть совершено съ меньшимъ, по возможности, отлагательствомъ. Ни въ одной губерніи, ни въ цѣлой Россіи неудобно освободить людей внезапно однимъ подписомъ пера, и для окончанія этого дѣла какъ на маломъ, такъ и на большомъ пространствѣ, требуется почти равный объемъ времени, а потому не вижу причинъ къ продленію тяжкаго кризиснаго состоянія далѣе необходимо нужнаго срока. Къ тому же производство этого преобразованія въ одной части Россіи будетъ тревожно дѣйствовать на все остальное Государство; а всего хуже то, что это дастъ время безсовѣстнымъ помѣщикамъ извлечь изъ настоящаго положенія всѣ возможныя выгоды къ крайнему стѣсненію принадлежащихъ имъ крестьянъ. Если защитники разсматриваемаго нами мнѣнія, находятъ этотъ способъ освобожденія особенно удобнымъ потому, что лучше испытать прежде оный въ маломъ, чѣмъ въ большомъ видѣ, то еще удобнѣе не осуждать никакого края на испытанія, а предварительно вникнуть въ сущность дѣла и зрѣло обдумать предполагаемыя мѣры съ помощію людей, спеціально занимающихся этимъ вопросомъ и знакомыхъ съ дѣйствительными потребностями различныхъ мѣстностей; а потомъ издать такія положенія, которыя могли быть исполнены каждою губерніею, каждымъ уѣздомъ и каждою деревнею, съ большими по возможности выгодами и съ меньшими по возможности неудобствами. Притомъ опытъ, производимый по нѣсколькимъ губерніямъ, покажетъ въ Правительствѣ или трусость, или недостатокъ убѣжденія въ превосходствѣ принимаемыхъ имъ мѣръ, чтó можетъ имѣть самыя худыя дѣйствія на общій ходъ этого важнаго дѣла.

V. *Слѣдуетъ ли освобождать крестьянъ лично и семейно или обществами?*

Теперь предстоитъ намъ разсмотрѣть вопросъ весьма важный: слѣдуетъ ли освобождать крестьянъ лично и семейно или обществами? Иные стоятъ вообще за личное освобожденіе съ землею; другіе допускаютъ его въ видѣ мѣры временной, чрезвычайной, под-

готовительной къ общему уничтоженію крѣпостнаго состоянія, и предлагая таковое увольненіе съ землею или безъ земли, они назначаютъ въ послѣднемъ случаѣ высшій окупъ (maximum), по взносѣ коего всякій крѣпостной человѣкъ имѣетъ право требовать отпускную для себя и своего семейства. На счетъ перваго вида освобожденія, мы отчасти уже высказали наше мнѣніе, изложивъ неудобства указа 20 Февраля 1803 года, узаконившаго личное освобожденіе съ землею; но какъ еще многіе доселѣ считаютъ этотъ способъ лучшимъ, удобнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ, то нужно его обсудить по обстоятельнѣе. Главнѣйшіе доводы, выставляемые въ его пользу, суть: 1) освобождаются люди достойнѣйшіе, т. е. тѣ, которые умомъ, дѣятельностію и хорошимъ поведеніемъ составили себѣ порядочное состояніе; 2) освобожденіе идетъ постепенно, безъ всякихъ потрясеній; 3) оно ни мало не разоряетъ помѣщиковъ и 4) личное владѣніе землею выгодно въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Первые три довода сами по себѣ основательны и неопровержимы; но къ настоящему дѣлу они вовсе не относятся. Теперь нужно уничтожить крѣпостное состояніе вообще, а не освободить однихъ лучшихъ людей изъ этого сословія. Къ сему послѣднему увольненію возможность существуетъ болѣе 50 лѣтъ, а успѣхи онаго ничтожны, какъ это доказано на дѣлѣ цифрами, и какъ это иначе и быть не могло по существу самаго способа, что нами выведено при разсмотрѣніи указа 20 Февраля 1803 года. Общихъ, дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ освобожденію этотъ способъ не представляетъ и не можетъ представить, ибо онъ основанъ на свойствахъ личностей, а не всего народа, — на началахъ закономъ создаваемыхъ, а не на собственно русскихъ нравахъ и обычаяхъ. Можно измѣнить и пополнить постановленія указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, но пока главное его основаніе, т. е. личное освобожденіе съ землею, сохранится, до тѣхъ поръ онъ останется частнымъ видомъ освобожденія и не можетъ сдѣлаться общею къ тому мѣрою. Слѣдовательно, когда рѣчь идетъ о немедленномъ и полномъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, то нельзя указывать на этотъ способъ, какъ на такой, который разрѣшаетъ затрудненія, представляемыя этимъ дѣломъ. Къ тому же кромѣ существеннаго, кореннаго недостатка, нами указаннаго, этотъ способъ освобожденія самъ порождаетъ бездну недоумѣній, которыя трудно, почти невозможно устранить. Если крестьяне отпускаются отдѣльно, а не цѣлою деревнею, то куда приписаться имъ по отправленію государственныхъ повинностей? Какому общественному

управленію быть имъ подвѣдомыми? Какою расправою и какимъ судомъ первой степени имъ разбираться? Какія должны быть ихъ отношенія какъ къ прежнему владѣльцу, въ дачѣ котораго они остаются на жительствѣ, такъ и къ прежнимъ ихъ одновотченникамъ, пребывающимъ еще въ крѣпостномъ состояніи? Въ случаѣ болѣзни, обѣднѣнія, смерти главы семейства и проч., кто будетъ имѣть о нихъ попеченіе? Удобно, возможно-ли отвести каждому крестьянину особо отмежеванный участокъ, выдать ему планъ и межевую книгу, какъ то постановлено въ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ? Какъ при такомъ дробномъ владѣніи землею устроятъ они свои поля? Сверхъ сихъ и многихъ тому подобныхъ недоумѣній, возникающихъ изъ самаго существа этого способа, есть еще другіе вопросы, которые заслуживаютъ уваженія: выпускъ на волю богатыхъ крестьянъ не уменьшитъ ли для остальныхъ возможности вскорѣ также откупиться? Не послужитъ ли это освобожденіе къ скрѣпленію узъ менѣе достаточнаго народонаселенія? Не разорветъ ли оно связей нынѣ существующихъ между одновотченниками? Не уничтожитъ ли оно въ крестьянствѣ того единства, той крѣпости, которыя въ немъ развиты общимъ владѣніемъ землею, матеріальною или нравственною, дѣйствительною или возможною отвѣтственностію общества за каждаго изъ его членовъ, и полновластіемъ міра надъ его членами? Подобнымъ вопросамъ и описаніямъ нѣтъ конца, потому что этотъ способъ противорѣчитъ убѣжденіямъ, привычкамъ, всему быту нашего народа. Что касается до большихъ удобствъ въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ личнаго владѣнія землею передъ общественнымъ, то объ этомъ многое можно сказать и за, и противъ. Конечно, одно общее владѣніе землею въ Государствѣ можетъ крайне замедлить въ ономъ успѣхи земледѣлія, но и одна личная, дробная земляная собственность крайне невыгодна въ агрономическомъ отношеніи, чему живымъ доказательствомъ служитъ Франція. Лучшимъ устройствомъ земляной собственности было бы соединеніе въ Государствѣ личной и общей собственности: первая была бы для людей богатыхъ, другая же для людей менѣе достаточныхъ; та обратила бы на себя дѣятельность и средства личностей слишкомъ могучихъ въ общинѣ; эта уничтожила бы даже возможность бобыльства. При одномъ личномъ владѣніи, огромное число земледѣльцевъ останется безъ земли и должно поступить со всѣми своими семействами въ батраки; при одномъ общинномъ владѣніи всѣ большіе капиталы должны покинуть хлѣбопашество и обратиться на промышленность и торговлю при со-

четаніи же личнаго и общиннаго владѣнія, всѣ земледѣльцы суть землевладѣльцы, и капиталы самые значительные находятъ помѣщеніе въ хлѣбопашествѣ. Такое выгодное устройство собственности, къ счастію, существуетъ нынѣ у насъ на дѣлѣ; но объ этомъ обстоятельнѣе будемъ говорить послѣ, теперь же изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что личное или семейное освобожденіе съ землею не можетъ считаться надежнымъ и удобнымъ способомъ къ немедленному и полному уничтоженію крѣпостнаго состоянія.

Предположеніе о личномъ выкупѣ съ землею или безъ земли, въ видѣ мѣры временной, чрезвычайной, подготовительной къ общему освобожденію, не заслуживаетъ большаго довѣрія и одобренія, чѣмъ предъидущій, нами только что разсмотрѣнный способъ. Въ защиту этого мнѣнія выставляется: 1-е, назначеніе высшаго окупа положитъ границы произвола помѣщиковъ, которые теперь часто назначаютъ за отпускъ на волю цѣны огромныя; 2-е, эта мѣра усилитъ движеніе къ общему освобожденію; 3-е, она выведетъ изъ деревень слишкомъ богатыхъ крестьянъ, которые для остальныхъ бываютъ тяжче самихъ помѣщиковъ; 4-е, она уменьшитъ значительно суммы, которыя, при общемъ освобожденіи, должны надлежать уплатѣ помѣщикамъ и наконецъ, 5-е, такимъ средствомъ большія количества земли останутся за сими послѣдними. Разсмотримъ эти доводы въ подробности. — Назначеніе высшаго окупа, конечно, ограничитъ произволъ добрыхъ помѣщиковъ, — въ чемъ нѣтъ большой надобности, но дурные, тѣ, которыхъ всего нужнѣе обуздать, легко найдутъ средства обойти этотъ законъ. Правда, при изданіи онаго, нѣкоторые крестьяне, которыхъ теперь помѣщики не отпускаютъ отчасти по расчету, отчасти изъ самолюбія, воспользуются этимъ постановленіемъ; впослѣдствіи же, дурные помѣщики, которыхъ къ сожалѣнію довольно, или не дадутъ крестьянамъ средствъ наживать излишнія деньги, или сумѣютъ заблаговременно штрафами ихъ къ себѣ поворотить. Доставивъ свободу нѣкоторымъ лицамъ, законъ сей можетъ и долженъ послужить къ стѣсненію несравненно большаго числа людей; слѣдовательно онъ не положитъ дѣйствительныхъ предѣловъ помѣщичьему произволу, а изъ бумажныхъ ограниченій дворяне сумѣютъ всегда выйти цѣлыми и невредимыми. Что же касается до движенія къ освобожденію, которое эта мѣра должна усилить, то теперь, кажется, нужно увеличивать не столько стремленіе къ освобожденію, сколько возможность къ нему: расположеніе въ людяхъ къ полученію свободы сильно, есть даже помѣщики, готовые къ отпущенію людей на

волю; но недостаточны удобства къ полученію и къ дачѣ оной — вотъ предметъ, на который необходимо теперь обратить преимущественное вниманіе. Третій доводъ въ пользу личнаго освобожденія кажется намъ совершенно неосновательнымъ: богатые крестьяне не зло, а благо для деревень; ихъ нужно не выгонять, не уничтожать, а привлекать и умножать. Говорятъ, что богатый крестьянинъ для деревни тяжче самаго помѣщика, — но чѣмъ? Тѣмъ, что онъ даетъ деньги въ займы, — что вмѣсто процентовъ заставляетъ крестьянъ на себя работать, — что такимъ образомъ онъ извлекаетъ изъ нихъ лихвенные проценты, — что беретъ у нихъ землю въ наймы и превращаетъ ихъ въ чистыхъ бобылей. Есть доля правды въ этихъ словахъ, но и то только при отсутствіи общиннаго начала. Я знаю это по опыту: въ моихъ имѣніяхъ всѣ пособія крестьянамъ выдаются или изъ мірскаго амбара, или изъ мірской денежной суммы, сверхъ того за неисправныхъ обработываютъ міромъ. При такомъ устройствѣ крестьяне другъ за другомъ смотрятъ очень бдительно; они помогаютъ нуждающимся, опасаясь, чтобъ они вовсе не обѣдняли и „не сѣли міру на шею". Если общинное начало сильно, т. е. если всѣ отвѣчаютъ за всѣхъ, и міръ самостоятеленъ, то богатый крестьянинъ не зло, а благо для крестьянскаго общества, ибо онъ помогаетъ своимъ роднымъ, торгуетъ, нанимаетъ на сторонѣ земли или владѣетъ своими собственными дачами, имѣетъ мельницу или крупорушалку, или маслобойню, снимаетъ подряды и проч. и крестьяне, менѣе достаточные и менѣе промышленные, около него кормятся, добываютъ деньги на подати и необходимые расходы. Безъ нѣсколькихъ богатыхъ крестьянъ никакое селеніе не можетъ пользоваться довольствомъ, ибо у насъ въ деревняхъ ощущается великій недостатокъ въ предпріимчивости; это же качество есть принадлежность богатыхъ крестьянъ, потому что крестьянское богатство есть почти исключительно личное, а не наслѣдственное богатство: предпріимчивъ, добропорядоченъ крестьянинъ, — онъ и богатъ; богатый же домъ приходитъ въ упадокъ тотчасъ по смерти виновника богатства. Если удалить достаточныхъ крестьянъ изъ помѣщичьихъ имѣній, то окажется въ нихъ еще большее отсутствіе всякой промышленности и торговли, и слѣдовательно еще большая бѣдность будетъ ихъ удѣломъ. Богатый крестьянинъ есть душа деревни. Я это видѣлъ не разъ, и въ собственныхъ имѣніяхъ всегда старался не только размножать богатыхъ крестьянъ, но привлекать постороннихъ людей, желающихъ заводить какія либо промышленности или

торговыя производства. Сверхъ того мы думаемъ, что отвлеченіе изъ крестьянскихъ обществъ богатыхъ и предпріимчивыхъ людей значительно уменьшитъ средства деревень къ уплатѣ повинностей, имѣющихъ быть на нихъ возложенными по освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія; иной крестьянинъ въ состояніи поддержать цѣлую деревню, подвинуть ее на условія къ освобожденію и потомъ побудить ее къ уплатѣ слѣдующихъ съ нея денегъ. Не можемъ считать дѣльными и послѣдніе два довода. Не думаемъ, что личный выкупъ значительно уменьшитъ суммы, которыя, при общемъ освобожденіи, должны подлежать уплатѣ помѣщикамъ. Число людей, которые выйдутъ на волю, на основаніи установленнаго закономъ окупа, не можетъ быть значительно, какъ потому, что у крестьянъ нѣтъ большихъ денегъ, такъ и потому, что многіе изъ нихъ не захотятъ покинуть свою родину, свои усадьбы и своихъ родныхъ. Впрочемъ нельзя не найти даже страннымъ расчетъ на такія мелкія пособія при великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Это показываетъ лишь то, что у насъ не имѣютъ достаточнаго понятія о силѣ кредита и о томъ, что онъ можетъ совершить въ дѣлѣ истинно производительномъ, каковымъ нельзя не принять уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Финансовую сторону вопроса будемъ мы разсматривать впослѣдствіи и изъ нея мы надѣемся извлечь новыя доказательства въ пользу удобствъ общаго, немедленнаго и полнаго освобожденія крѣпостныхъ людей. Что касается до земель, которыя, на основаніи закона о личномъ увольненіи, должны въ большомъ количествѣ остаться во владѣніи дворянъ, то на счетъ этого слѣдуетъ сказать, что сохранятся за ними большею частію одни земли негодныя, ибо если еще есть деньги у крестьянъ, то это только въ промышленныхъ губерніяхъ, тамъ, гдѣ помѣщики не будутъ знать, что дѣлать съ землею; въ хлѣбородныхъ же мѣстахъ личный выкупъ будетъ ничтоженъ, ибо тутъ крестьяне такъ стѣснены помѣщиками, что у нихъ почти нѣтъ залишнихъ денегъ. Слѣдовательно ожиданія отъ личнаго выкупа и въ этомъ случаѣ останутся неисполненными. Въ заключеніе должно сказать, что при выкупѣ на волю лучшихъ, богатѣйшихъ изъ крестьянъ, которые всѣ припишутся къ селеніямъ Государственныхъ Имуществъ, разница между помѣщичьими и казенными крестьянами будетъ еще рѣзче: на сколько эти поднимутся, на столько тѣ упадутъ, и Правительство будетъ въ крайнемъ затрудненіи въ прісканіи какой либо мѣры къ освобожденію остальныхъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Слѣдовательно личный выкупъ крестьянъ, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ, съ землею или безъ земли, какъ правило постоянное или какъ временная мѣра, долженъ быть признанъ у насъ способомъ не только безсильнымъ къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, но и крайне вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ. Это сознаніе должно быть въ насъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже мы убѣждены въ томъ, что имѣемъ, къ общему, немедленному и полному освобожденію крестьянъ, такое средство, какого не имѣла ни одна страна, и которое должно совершить въ Россіи этотъ переворотъ легко, безопасно, окончательно и вполнѣ плодотворно для будущаго развитія нашего народнаго и государственнаго быта. Это средство состоитъ въ имѣющемся у насъ *мірскомъ устройствѣ, съ общимъ владѣніемъ землею,* съ круговою отвѣтственностію ея членовъ другъ за друга и съ обычаями собственнаго суда и самоуправленія. Такого мірскаго устройства въ другихъ земляхъ нѣтъ; у насъ-же, къ счастію оно есть, въ немъ наша сила въ настоящемъ и залогъ нашей крѣпости и нашего могущества въ будущемъ. Правда, есть люди, которые не признаютъ общины ни въ русской исторіи, ни въ теперешнемъ быту нашего народа. Съ умомъ образованнымъ по иностраннымъ учебникамъ и съ зрѣніемъ, испорченнымъ иностранными очками, они не видятъ того, что кидается въ глаза и не понимаютъ вещей, ясныхъ какъ день, ожидая, чтобъ какой нибудь Гизо или Тьеръ отыскалъ мірское устройство въ извѣстныхъ ему исторіяхъ и дозволилъ имъ, на основаніи европейскаго авторитета, признать существованіе того, что однако посреди насъ живетъ, высказывается въ осязательныхъ явленіяхъ и глубоко укоренено въ нравахъ и обычаяхъ нашего народа. Не мѣсто здѣсь заводить ученые споры; къ счастію люди, глубоко изучавшіе русскую исторію и русскій народный бытъ, единогласны въ признаніи такой общины у насъ на Руси, въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ также то, что мы видѣли, слышали и замѣчали въ разъѣздахъ нашихъ по Россіи и въ продолженіе 25-лѣтнихъ сельско-хозяйственныхъ нашихъ трудовъ. Вникая въ устройство крестьянскихъ обществъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, оброчныхъ и барщинскихъ, по разнымъ губерніямъ, мы вездѣ находили мірское начало лежащимъ болѣе или менѣе явно въ основаніи сельскаго суда и управленія, встрѣчали его въ постоянномъ видѣ по деревнямъ и во временномъ, переходящемъ видѣ въ городскихъ и подвижныхъ крестьянскихъ артеляхъ, и замѣчали, что оно уступаетъ лишь насильству со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ, что вновь высту-

паетъ наружу, какъ скоро слабѣетъ или прекращается враждебное противъ него дѣйствіе, и что возрождаясь, оно является въ такой силѣ и зрѣлости, какъ будто всегда было въ ходу. Имѣвъ случай пріобрѣсти вотчины отъ помѣщиковъ, которые сами или чрезъ управляющихъ ломали крестьянскій бытъ по своей прихоти, я всегда удивлялся, какъ многолѣтнія помѣщичьи, искусственныя заведенія быстро замѣнялись учрежденіями, основанными на мірскомъ судѣ и управленіи. На всякое предложеніе, дѣлаемое крестьянамъ, они отвѣчаютъ: „позвольте объ этомъ на міру потолковать"; въ случаѣ тяжбъ между крестьянами или совершеннаго кѣмъ либо изъ нихъ проступка, старики собираются для суда; при распросахъ о положеніи крестьянъ, о работахъ въ пользу помѣщика, объ ихъ повинностяхъ они большею частью отвѣчаютъ: „да, батюшка, міру тяжело;" — на спросъ: чья эта земля или чьё это стадо, они говорятъ: не крестьянское, а мірское; наконецъ, въ случаѣ просьбъ или предложеній со стороны крестьянъ, на спросъ: „кто же изъ васъ за это будетъ отвѣчать"; они, съ полною увѣренностію и нѣкоторымъ самодовольствомъ, объясняютъ: „міръ де отвѣтитъ". Надобно быть странно ослѣпленнымъ и сильно предъубѣжденнымъ, чтобъ не видѣть, какъ у насъ въ крестьянствѣ мірское начало живо, сильно и всеобъемлюще. Не разыскивая того, присуще ли оно намъ, какъ Славянамъ, или привито оно къ намъ неизвѣстно откуда, мы не можемъ не признать факта его существованія, его благотворнаго и могущаго дѣйствія на крестьянъ. При предстоящемъ ихъ освобожденіи, на какомъ началѣ, кромѣ мірскаго, можемъ мы основать исполненіе этой великой мѣры? Не возможно ни Правительству, ни помѣщикамъ имѣть дѣло съ отдѣльными крестьянскими личностями; при общемъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, — это умножило-бы количество сдѣлокъ до безконечности, чрезмѣрно увеличило бы число дѣлъ по взысканіямъ и породило-бы истинный хаосъ при новомъ устроеніи крестьянскаго сословія. Еслибъ у насъ не было мірскаго устройства въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, то слѣдовало бы всячески постараться его создать; неужель мы отвергнемъ то, что само собою представляется для разрѣшенія нашихъ недоумѣній, для устраненія всякихъ затрудненій и для совершенія съ легкостью, удобствомъ и безопасностью того, что иначе было бы почти неудобоисполнимо? Мірское начало, положенное въ основаніе освобожденія крестьянъ, даетъ намъ возможность обезпечить удовлетворительно выкупные ихъ платежи и взносы государственныхъ податей, устроить земляную собственность согласно съ существую-

щими сельско-хозяйственными обычаями, отвратить на всегда опасность бобыльства и, что всего важнѣе, учредить разомъ, безъ проволочекъ и излишнихъ хлопотъ, какъ правильное судопроизводство, такъ и сильное управленіе въ деревняхъ. Какъ выкупъ личный значительно ослабитъ связи между крестьянами, такъ выкупъ обществами существенно ихъ скрѣпитъ, ибо они будутъ знать, что общая отвѣтственность лежитъ на всѣхъ, и богатые, вмѣсто того, чтобъ притѣснять своихъ собратій, будутъ всячески ихъ поддерживать, дабы всѣ были исправны и дабы не пришлось имъ поплатиться за неисправныхъ или подвергнуться общей отвѣтственности. При освобожденіи обществами, земля остается общимъ достояніемъ; слѣдовательно не будетъ никакого затрудненія въ устройствѣ полей, выгона и проч. Размежеваніе будетъ только между помѣщиками и обществами, а не между отдѣльными крестьянами. Сверхъ того, по мѣрѣ умноженія народонаселенія послѣ извѣстныхъ сроковъ, будутъ передѣлы земли, и опять всѣ работники получатъ земляные участки, и бобыльство будетъ крайне ограничено: оно останется въ нынѣшнихъ его предѣлахъ. Такой порядокъ не есть вымыселъ утопіи; онъ существуетъ во многихъ оброчныхъ благоустроенныхъ имѣніяхъ: въ Костромской, Ярославской, Вологодской, Нижегородской и другихъ губерніяхъ; есть села и деревни, гдѣ раскладка оброчныхъ и подушныхъ денегъ не по душамъ, не по тягламъ, а по достаткамъ каждаго крестьянина, потому что отвѣчаетъ общество, — что общественныя связи крѣпки и что имѣются богатые люди въ селеніи. Конечно, нельзя удерживать въ крестьянствѣ людей, желающихъ быть купцами, ремесленниками, художниками, учеными и проч., но это увольненіе должно зависѣть отъ общества, уже уволеннаго. Тогда число людей, желающихъ выйти изъ крестьянскаго общества, будетъ не значительно; выбудутъ изъ онаго только люди, желающіе перейти по склонностямъ или обстоятельствамъ въ иное сословіе, а не всѣ люди, домогающіеся быть свободными. Тогда лица, покидающія свое общество, взнесутъ въ пользу онаго извѣстный окупъ, который послужитъ къ облегченію платежей остальныхъ крестьянъ, а не къ отягченію ихъ участи, какъ это теперь бываетъ, ибо доселѣ крестьяне, остающіеся крѣпостными, платятъ за освобожденныхъ подушныя и прочія повинности и отправляютъ за нихъ рекрутчину. Но и въ случаѣ отмѣны этой обязанности, или при возложеніи ея на личную отвѣтственность помѣщиковъ, выпускъ богатыхъ былъ бы для деревень не выгоденъ, какъ мною уже доказано.

Слѣдовательно освобожденіе должно быть цѣлыми обществами, въ собственность коихъ имѣетъ поступить земля, и на отвѣтственности коихъ должно оставаться выполненіе обязанностей, имѣющихъ лечь на освобождаемыхъ крестьянъ.

VI. *Слѣдуетъ ли вознаграждать помѣщиковъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ или только за угодія, предоставляемыя имъ въ собственность?*

Слѣдуетъ ли вознаграждать помѣщиковъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ, или только за угодія, предоставляемыя имъ въ собственность? Мнѣнія по этому предмету весьма различны: одни утверждаютъ, что несправедливо, революціонно лишать людей собственности, издавна освященной закономъ и требуютъ возмездія помѣщикамъ за землю и за людей, отъ нихъ отходящихъ; другіе, основываясь на томъ, что человѣкъ не можетъ принадлежать человѣку и что въ старину люди поступили къ дворянамъ въ крѣпость не за деньги, а въ видахъ государственнаго благоустройства, полагаютъ, что Правительство не только можетъ, но даже должно уничтожить такое злоупотребленіе и обязано вознаградить лишь за угодія, переходящія въ собственность освобождаемыхъ крестьянъ. Намъ кажется, что нельзя безусловно согласиться ни съ тѣми, ни съ другими, во 1-хъ, потому, что возмездіе за освобождаемыхъ людей, совершенно необходимое въ промышленномъ краѣ Россіи, было бы вовсе излишнимъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, — и во 2-хъ, потому, что плата за землю, отходящую отъ помѣщиковъ, вполнѣ вознаградила бы ихъ въ послѣдней мѣстности и была бы ничтожнымъ, разорительнымъ для нихъ возмездіемъ въ первомъ краю. Намъ кажется, что въ этомъ дѣлѣ нельзя руководствоваться ни общимъ положеніемъ, что какъ человѣкъ не можетъ принадлежать человѣку, то это злоупотребленіе должно быть отмѣнено безъ вознагражденія за то владѣльцевъ, ни безусловнымъ правиломъ, что всякая собственность священна и что за отнятіемъ оной должно необходимо слѣдовать полное вознагражденіе. Необходимо допустить, кажется намъ, что возмездіе за собственность, коей человѣкъ лишается, должно быть по возможности справедливое, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ вникнуть, въ чемъ именно заключается собственность и за что необходимо вознаградить? При покупкѣ хлѣбороднаго имѣнія, мы обращаемъ

особенное вниманіе на количество и качество земли и по большей части даемъ за землю тѣмъ высшую цѣну, чѣмъ менѣе при ней душъ; слѣдовательно люди не составляютъ въ этомъ случаѣ предмета, который самъ по себѣ имѣлъ бы цѣнность. Напротивъ того, при покупкѣ имѣнія въ промышленныхъ мѣстностяхъ, мы преимущественно смотримъ на оброкъ, платимый крестьянами, и на ихъ добывки, часто вовсе не зависящія отъ угодій, которыя находятся у нихъ въ пользованіи; земля же поступаетъ въ владѣніе уже какъ необходимая придача къ людямъ. Слѣдовательно и вознагражденіе должно быть двоякое: или за землю, или за людей, т. е. за платимый ими оброкъ; но вознагражденіе за то и за другое вмѣстѣ было бы излишнимъ обогащеніемъ помѣщиковъ и чрезмѣрнымъ отягощеніемъ крестьянъ. Выборъ того или другаго способа вознагражденія можетъ быть предоставленъ помѣщикамъ, какъ лицамъ, держащимъ, на основаніи законовъ, власть въ своихъ рукахъ; но для предупрежденія излишнихъ разговоровъ, а равно и для огражденія крестьянъ отъ чрезмѣрныхъ требованій со стороны помѣщиковъ, слѣдуетъ предварительно оцѣнить имѣнія: барщинскія по цѣнности земли, а оброчныя по бездоимочно платимому ими оброку. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимо отдѣльно оцѣнить тѣ угодія, которыя находятся въ пользованіи крестьянъ. Какимъ способомъ произвести сію оцѣнку, мы разсмотримъ подробно въ третьей запискѣ; здѣсь же считаемъ необходимымъ доказать еще одно, а именно то, что освобожденіе крестьянъ можетъ пойти успѣшно лишь въ томъ случаѣ, если Правительство приметъ на себя посредничество между помѣщиками и крестьянами по уплатѣ этого вознагражденія. Крестьяне не могутъ уплатить помѣщикамъ наличными деньгами за предоставляемыя имъ угодья или за освобожденіе отъ ежегоднаго оброка, ибо не имѣютъ капиталовъ въ наличности; помѣщики же, выпуская изъ рукъ свою теперешнюю власть надъ крестьянами, не захотятъ сдѣлать имъ довѣрія, не будучи убѣждены въ исправности платежей со стороны крестьянъ, а тѣмъ еще менѣе въ готовности и въ средствахъ Правительства къ удовлетворенію ихъ жалобъ въ случаѣ невзноса повинностей крестьянами. Сверхъ того, помѣщикамъ не выгодно получать по частямъ, погодно въ продолженіе многихъ лѣтъ вознагражденіе за землю или за оброкъ, которыхъ они лишены въ одинъ разъ и по нынѣшней оцѣнкѣ. Эта уплата за землю или капитализація оброка должна быть произведена Правительствомъ, и крестьяне должны процентную повинность платить уже ему, ибо одно

Правительство въ силахъ это совершить, какъ потому, что рычагъ кредита въ его рукахъ, такъ и потому, что при освобожденіи крестьянъ, они становятся къ нему въ прямыя, непосредственныя отношенія. Какъ это устроить и какъ обезпечить казну отъ недоимокъ, это составитъ тоже предметъ третьей записки, но здѣсь нужно было указать начало, на которомъ это вознагражденіе должно быть основано.

VII. *Освобожденіе крестьянъ имѣетъ быть произведено правительственнымъ ли распорядкомъ или путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?*

Остается намъ разсмотрѣть послѣдній, но крайне важный вопросъ, а именно: какимъ путемъ имѣетъ быть произведено освобожденіе крестьянъ? Правительственнымъ-ли распорядкомъ, или посредствомъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? Многіе стоятъ за первый способъ, опасаясь, что послѣдній поведетъ дѣло въ такую оттяжку, что до окончанія онаго никто не доживетъ. Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія почеркомъ пера, т. е. постановленіемъ, не соображеннымъ ни съ мѣстными, ни съ другими обстоятельствами, не обращающимъ вниманія на справедливое вознагражденіе помѣщиковъ, или не соразмѣряющимъ тяжести, которыя имѣютъ быть возложены на плеча крестьянъ, есть, конечно, дѣло возможное и удобоисполнимое; но желательно ли совершить это великое преобразованіе такимъ легкомысленнымъ образомъ? Произвести же освобожденіе крестьянъ административнымъ порядкомъ, съ соблюденіемъ выгодъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, безъ нарушенія требованій справедливости въ отношеніи той и другой стороны, и притомъ съ необходимою безотлагательностію, есть дѣло совершенно невозможное. Мы отчасти уже коснулись этого предмета, говоря о веденіи инвентарнаго положенія; здѣсь мы добавимъ нѣсколько словъ для большаго уясненія нашего мнѣнія. Для надлежащаго совершенія этого дѣла правительственнымъ порядкомъ, нужно предварительно произвести подробнѣйшее и вѣрнѣйшее снятіе на планъ всѣхъ помѣщичьихъ участковъ съ обозначеніемъ доброты почвы, качествъ всякихъ угодій, удобствъ для сбыта сельскихъ произведеній и проч. и съ учиненіемъ возможно справедливой оцѣнки всѣхъ имѣній, — однимъ словомъ нужно произвести кадастръ. Безъ кадастра Прави-

тельство не можетъ никакъ приступить къ опредѣленію мѣры вознагражденія помѣщичьяго и повинностей крестьянскихъ. Спрашивается, возможно ли это дѣло совершить въ скорое время? Извѣстно, что Франція, государство, несравненно менѣе пространное, чѣмъ Россія, и располагающее несравненно большими учеными и вещественными средствами для произведенія кадастра, въ 50 лѣтъ далеко не окончила этого великаго дѣла и пришла даже къ сознанію, что этотъ трудъ почти не возможенъ, ибо, по мѣрѣ производства кадастра, цѣнность земель въ различныхъ мѣстностяхъ различно поднимается, земляные участки то дѣлятся, то совокупляются во едино, и потому положеніе страны постоянно измѣняется. Слѣдовательно мы не можемъ и думать о кадастрѣ; безъ кадастра же Правительство не въ состояніи приступить путемъ административнымъ къ освобожденію крестьянъ съ землею; развѣ прибѣгнуть къ отчаянному средству препорученія этого дѣла особымъ сановникамъ, имѣющимъ отправиться въ различныя губерніи и дѣйствовать неограниченно въ силу данной имъ власти, разрѣшая всѣ недоумѣнія, устраняя всѣ препятствія и разрубая всѣ вопросы. Едва ли такая передача самодержавія желательна, удобна и даже возможна. Слѣдовательно остается для совершенія великаго дѣла освобожденія крѣпостныхъ людей путь добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами. Вообще опасаются, что этотъ путь медленъ и опасенъ: медленъ потому, что помѣщики не будутъ торопиться выпустить власть изъ своихъ рукъ; опасенъ же потому, что какъ полновластіе на одной сторонѣ, а безправіе на другой; то помѣщики могутъ навязать крестьянамъ такія условія, которыя сіи послѣдніе не будутъ въ состояніи исполнить. Нельзя не признать справедливости того и другаго опасенія; а потому этотъ путь, отдѣльно взятый, столько же не возможенъ, сколько и предъидущій, нами разсмотрѣнный, способъ. Слѣдовательно должно искать разрѣшенія предложенной задачи въ сочетаніи этихъ двухъ способовъ. Правительство должно дать толчекъ этому дѣлу, ибо иначе дворянство никогда за него не примется. Этого мало, Правительство должно постановить главныя начала, на основаніи коихъ освобожденіе крестьянъ съ землею имѣетъ быть произведено; самое же исполненіе дѣла, т. е. примѣненіе общихъ основаній къ различнымъ мѣстностямъ должно быть предоставлено добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами. Эти Правительствомъ изданныя положенія должны быть не многочисленны, не слишкомъ положительны, по возможности общи и широки, ибо иначе они стѣс-

нятъ полюбовныя сдѣлки, которыя однѣ могутъ разрѣшить затрудненія для всѣхъ равно удовлетворительно. Во избѣжаніе медленности со стороны помѣщиковъ, необходимо постановить сроки, въ теченіе коихъ освобожденіе крестьянъ имѣетъ быть произведено, и выставить дѣйствительныя и достаточно строгія мѣры, имѣющія быть принятыми по истеченіи сроковъ. Для достиженія этой цѣли, достаточно объявить, что по минованіи сроковъ, Правительство само произведетъ освобожденіе остальныхъ крестьянъ, безъ участія въ томъ помѣщиковъ.

Повторимъ вкратцѣ выведенныя нами въ сей запискѣ заключенія:

Крестьяне должны быть освобождаемы:

Во 1-хъ, съ землею и притомъ съ такимъ количествомъ оной, чтобъ они могли существовать безнуждно.

Во 2-хъ, вполнѣ и безусловно.

Въ 3-хъ, прямо и окончательно, безъ переходовъ отъ меньшей къ большей свободѣ.

Въ 4-хъ, единовременно вездѣ.

Въ 5-хъ, мірскими обществами, а не лично и семейно.

Въ 6-хъ, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за земли, имѣющія поступить въ мірскую собственность, или за оброкъ, коего они лишатся и наконецъ —

Въ 7-хъ, путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, при побужденіи со стороны Правительства, подъ его надзоромъ и подъ угрозою произвести освобожденіе правительственнымъ порядкомъ.

III.

Предполагаемыя мѣры къ освобожденію крестьянъ.

Опредѣливши въ предъидущей запискѣ начала, на которыхъ должно быть основано освобожденіе крестьянъ, мы осмѣлимся теперь, по крайнему нашему разумѣнію, начертать главныя положенія этой мѣры и указать, какъ оныя могутъ быть приведены въ исполненіе.

Въ пополненіе, разъясненіе и измѣненіе св. зак. тома IX, статей 760—787, относящихся до свободныхъ хлѣбопашцевъ, (именуемыхъ нынѣ государственными крестьянами, поселенными на собственныхъ земляхъ), нужно, по мнѣнію нашему, постановить нижеслѣдующее.

Главныя мѣры къ освобожденію крестьянъ.

1. Помѣщики, заключающіе условія съ своими крестьянами на увольненіе ихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ,*) могутъ, слѣдующія имъ по договорамъ съ увольняемыхъ крестьянъ деньги, получать изъ кредитныхъ учрежденій на основаніяхъ ниже сего изложенныхъ.

2. Селенія, такимъ образомъ увольняемыя, поступаютъ со всѣми угодіями, съ которыми они отпущены, въ залогъ въ кредитныя учрежденія и имѣютъ вносить въ оныя ежегодно проценты, причи-

---

*) Весьма желательно возстановленіе этого наименованія, какъ потому, что въ обычномъ употребленіи, оно и не отмѣнялось, такъ въ особенности потому, что народъ очень его любитъ и что многіе крестьяне не выкупаются отъ того, что не желаютъ быть *казенными* (государственными) крестьянами.

тающіеся, какъ на выданную за нихъ кредитными учрежденіями капитальную сумму, такъ и на погашеніе самаго долга.

3. Опредѣленіе суммъ означеннаго вознагражденія зависитъ отъ добровольнаго согласія между помѣщиками и ихъ крестьянами, но оныя никакъ не могутъ превышать или стоимости угодій, предоставляемыхъ крестьянамъ въ собственность, или стоимости оброка, бездоимочно ими до-толѣ платимаго при извѣстномъ надѣлѣ ихъ землею.

4. Для огражденія, въ семъ случаѣ, кредитныхъ учрежденій отъ ссудъ, превышающихъ стоимость угодій, которыя поступаютъ въ залогъ или стоимость оброка, платимаго крестьянами, имѣетъ быть произведена оцѣнка помѣщичьимъ имѣніямъ во всей Имперіи, за исключеніемъ губерній, въ которыхъ крѣпостное состояніе уже болѣе не существуетъ.

5. Для произведенія сей оцѣнки, должны быть учреждены, въ каждомъ губернскомъ городѣ — губернскій и въ каждомъ уѣздномъ — уѣздный, комитеты изъ членовъ, особо на сей предметъ отъ дворянства избранныхъ и имѣющихъ произвести оцѣнку подъ собственною своею отвѣтственностію.

6. Оцѣнка земель производится безъ ученаго опредѣленія внутренняго ихъ достоинства, а по настоящей ихъ стоимости, т. е. *по ходячей ихъ цѣнности*. Что же касается до оцѣнки имѣній по платимому оброку, то слѣдуетъ удостовѣриться въ бездоимочномъ взносѣ онаго крестьянами въ теченіе послѣднихъ (трехъ) лѣтъ, и выведенное изъ этихъ чиселъ среднее ежегодное количество оброка должно быть помножено изъ расчета 6 на 100, т. е. на $16^2/_3$ лѣтъ, что и дастъ сумму стоимости имѣнія по платимому оброку (капитализація оброка изъ 6%).

7. Выборъ способа оцѣнки, т. е. опредѣленіе стоимости имѣнія, по угодіямъ или по количеству платимаго оброка, при заключеніи договоровъ, долженъ зависѣть отъ воли помѣщика.

8. Кредитныя учрежденія имѣютъ назначать ссуды на основаніи договоровъ, заключаемыхъ между помѣщиками и ихъ крестьянами, и свидѣтельствъ, установленныхъ св. зак. т. IX, ст. 766, не входя ни въ какія дальнѣйшія справки и изслѣдованія. Само собою разумѣется, что при выдачѣ денегъ вычитаются долги кредитнымъ установленіямъ, лежащіе на имѣніяхъ, а равно и прочія взысканія предъявленныя законнымъ образомъ на помѣщиковъ и прописанныя въ выше упомянутыхъ свидѣтельствахъ. Если долгъ кредитному

учрежденію превышаетъ сумму денегъ, слѣдующихъ съ крестьянъ за освобожденіе, то сей излишекъ долга можетъ быть обезпеченъ землями, остающимися во владѣніи помѣщика. Если сумма частныхъ взысканій превышаетъ сумму денегъ, подлежащихъ къ выдачѣ помѣщику, то кредитныя учрежденія назначаютъ ссуду не иначе, какъ по полученіи на то согласія со стороны кредиторовъ по правиламъ, установленнымъ для посредническихъ коммиссій. — Если кредиторы не изъявляютъ согласія на договоръ, заключенный должникомъ съ своими крестьянами, то имѣніе остается на крѣпостномъ положеніи до окончательнаго освобожденія крестьянъ по распоряженіямъ Правительства.

9. Договоры между помѣщиками и крестьянами, объ увольненіи сихъ послѣднихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, заключаются при соблюденіи слѣдующихъ правилъ:

а) Въ собственность крестьянъ должны *по возможности* *) поступать угодія въ томъ количествѣ, въ какомъ оныя нынѣ у нихъ находятся въ пользованіи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ими нынѣ владѣютъ. — Само собою разумѣется, что помѣщичьи и мірскія земли, находящіяся въ чрезполосности, должны быть *по возможности* пріурочены къ однимъ мѣстамъ, съ соблюденіемъ выгодъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. — Равнымъ образомъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ во владѣніи крестьянъ имѣется значительное количество земли, превышающее ихъ дѣйствительныя потребности, это излишнее *количество земли можетъ быть* отрѣзано и оставлено во владѣніи помѣщиковъ.

б) Сумма стоимости угодій, поступающихъ въ собственность крестьянъ, не можетъ по упомянутымъ договорамъ, превышать 00 руб. сереб. на ревизскую душу; за излишнія угодія крестьяне, буде пожелаютъ удержать ихъ за собою, должны или взнести помѣщику наличными деньгами или выплачивать ихъ по особому съ нимъ заключаемому условію.

в) Земля имѣетъ поступить въ нераздѣльную собственность всего общества, и отвѣтственность за исправный взносъ процентовъ имѣетъ лежать *на мірѣ*, а не на отдѣльныхъ лицахъ.

*) Смыслъ и необходимость этого нѣсколько неопредѣленнаго положенія объяснены во 2-ой запискѣ.

10. Договоры, заключаемые помѣщиками съ крестьянами для увольненія ихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, утверждаются немедленно въ губернскомъ городѣ присутствіемъ, составленнымъ изъ начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства и губернскаго прокурора. Это присутствіе предварительно справляется: обязанности, принимаемыя крестьянами, не превышаютъ ли оцѣнки, утвержденной комитетомъ для оцѣнки дворянскихъ имѣній? и дѣйствительно ли по мірскому приговору изъявлено крестьянами добровольное согласіе на представляемый договоръ и даны руки на подписаніе онаго? Для удостовѣренія въ семъ послѣднемъ обстоятельствѣ, крестьяне допрашиваются на мѣстѣ присутствіемъ, составленнымъ изъ уѣзднаго предводителя, земскаго исправника и уѣзднаго стряпчаго, при 24-хъ понятыхъ изъ селеній уже освобожденныхъ, или государственныхъ крестьянъ.

11. По утвержденіи помянутаго договора, крестьяне устраиваютъ у себя сельское управленіе на основаніи главныхъ положеній по сему предмету, отъ Правительства изданныхъ.

Желательно, чтобъ свободные хлѣбопашцы не оставались въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, а поступили въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ; иначе слѣдующій § будетъ неудобоисполнимъ, а между тѣмъ онъ необходимъ во многихъ отношеніяхъ.

12. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ, по увольненіи въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, крестьяне обязаны избирать себѣ попечителя изъ дворянъ того же уѣзда. — Обязанности попечителя должны состоять въ нижеслѣдующемъ: во 1-хъ, рѣшать окончательно всѣ дѣла, которыя за разногласіемъ не могутъ быть окончены на мірскихъ сходкахъ и мірскими начальниками; во 2-хъ, оказывать имъ заступленіе въ присутственныхъ мѣстахъ и предъ начальственными лицами.

Главныя положенія, служащія основаніемъ предъидущимъ статьямъ, уже объяснены по возможности въ первыхъ двухъ запискахъ. Здѣсь остается обсудить нѣкоторые вопросы, по сему дѣлу возникающіе и еще нами не разсмотрѣнные.

Вопросы по поводу предложенныхъ мѣръ.

Во 1-хъ, откуда кредитнымъ учрежденіямъ взять деньги для выдачи огромныхъ суммъ, слѣдующихъ помѣщикамъ за освобождаемыхъ крестьянъ?

Во 2-хъ, достаточно ли обезпеченъ возвратъ денегъ, подлежащихъ къ выдачѣ помѣщикамъ за освобождаемыхъ крестьянъ и какія средства имѣютъ кредитныя учрежденія къ взысканію процентовъ въ случаѣ, если освобождаемые крестьяне не будутъ ихъ исправно платить?

Въ 3-хъ, значительный выпускъ бумажныхъ денегъ, безъ котораго кредитныя учрежденія не могутъ обойтись при удовлетвореніи помѣщиковъ за отходящія отъ нихъ земли или за оброки, которыхъ они лишатся, не уронитъ ли государственнаго кредита, не переполнитъ ли денежнаго рынка и не произведетъ ли разстройства въ общемъ денежномъ обращеніи?

Въ 4-хъ, возможна ли предполагаемая нами оцѣнка имѣній?

Въ 5-хъ, не произвольна ли будетъ оцѣнка *по ходящей ихъ цѣнности?*

Въ 6-хъ, какъ удостовѣриться въ дѣйствительно бездоимочно получаемомъ количествѣ оброка, и изъ какого числа лѣтъ слѣдуетъ выводить среднее количество оброка?

Въ 7-хъ, изъ какихъ процентовъ слѣдуетъ расчитывать стоимость имѣнія, цѣнимаго оброку?

Въ 8-хъ, нѣтъ ли опасности въ томъ, что на крестьянъ, вопреки ихъ волѣ, могутъ быть возложены обязанности, которыя они не будутъ въ состояніи выполнить, и что допросъ, на мѣстѣ произведенный уѣздною коммиссіею, можетъ быть пристрастенъ?

Въ 9-хъ, въ чемъ должны состоять главныя положенія, имѣющія быть изданными отъ Правительства, для устройства мѣстнаго управленія и суда въ селеніяхъ, поступающихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ?

Въ 10-хъ, благонадежные помѣщики согласятся ли быть попечителями надъ крестьянами и будутъ ли эти попечители въ состояніи исполнять свои обязанности?

Въ 11-хъ, не упадетъ ли дворянство, лишившись около половины своихъ земель?

Разсмотримъ эти сомнѣнія въ послѣдовательномъ порядкѣ и постараемся доказать ихъ неосновательность.

I. *Откуда кредитнымъ учрежденіямъ взять деньги для выдачи огромныхъ суммъ, слѣдующихъ помѣщикамъ за освобождаемыхъ крестьянъ.*

Помѣщичьихъ крестьянъ, по 9-й народной переписи, числится 10,074,060 душъ мужеска пола; (въ наличности ихъ должно быть менѣе, ибо, какъ извѣстно, очень много дворовыхъ записано въ числѣ крестьянъ), изъ которыхъ часть на барщинѣ и часть на оброкѣ. Хотя неизвѣстно въ точности, сколько крестьянъ состоитъ на барщинскомъ и сколько на оброчномъ положеніи, но можно довольно безошибочно полагать, что эти двѣ половины почти равны. Въ барщинскихъ имѣніяхъ обыкновенно считается по $2\frac{1}{2}$ души на тягло; земли полагается большею частію на тягло по $1\frac{1}{2}$ и по 2 десятины въ каждомъ полѣ (есть имѣнія, гдѣ крестьяне имѣютъ по одной десятинѣ и даже менѣе; тамъ же, гдѣ они пользуются 3-мя десятинами и болѣе и гдѣ земля цѣнна, удобнѣе отрѣзать излишнюю землю, дабы не слишкомъ возвышать сумму выкупа крестьянъ); слѣдовательно принявши среднимъ числомъ $1\frac{3}{4}$ десятины въ каждомъ полѣ, а въ трехъ по $5\frac{1}{4}$, и положивши по 1 десятинѣ лугу и $\frac{3}{4}$ десятины подъ усадьбу, коноплянники, выгонъ, дороги и проч. мы получимъ цифру 7 десятинъ какъ среднее число десятинъ тягловаго участка*). Цѣнность земель въ хлѣбородныхъ губерніяхъ весьма различна, — отъ 5 до 50 р. за десятину; въ большей части губерній черноземной полосы земли стоятъ отъ 20 до 36 руб. сереб. Если принять среднимъ числомъ 28 руб. сер. за десятину, то наша оцѣнка будетъ приблизительно вѣрна. Слѣдовательно каждое тягло, имѣющее по 7 десятинъ цѣною по 28 руб. сер., представляетъ владѣнія на 196 р., для круглаго счета примемъ по 200 р. на тягло, а на душу по 80 руб. сер. Эту цифру также я принимаю не въ видѣ нормы, а

*) Эту цифру, я принимаю только для приблизительнаго опредѣленія крестьянскаго окупа, *а вовсе не въ видѣ нормы для надѣловъ.* Невозможно опредѣлить такую норму, какъ мною уже было доказано во 2-ой моей запискѣ. Иные крестьяне должны сохранить по 10 и болѣе десятинъ земли; такъ за Волгою, въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, нужно дать крестьянину на тягло не менѣе 15 дес. и то при цѣнности земли по 8, 10, 12 руб. за десятину, сумма окупа будетъ весьма не значительна, вообще можно будетъ оставлять за крестьянами тѣмъ менѣе земли, чѣмъ она цѣннѣе, дабы излишними надѣлами не поднимать сумму выкупа.

только для приблизительной оцѣнки крестьянскихъ надѣловъ. Могутъ быть по барщинскимъ имѣніямъ надѣлы крестьянъ землею и въ 250 р. на тягло, т. е. въ 100 на душу, но сію послѣднюю цифру я предлагаю какъ maximum стоимости крестьянскаго надѣла на душу. Оброчные крестьяне платятъ оброка отъ 6 до 50 р. въ годъ; обыкновенный оброкъ есть отъ 12 до 20 р. сер., а среднимъ количествомъ оброка одного тягла можно принять безъ большой ошибки для всей Россіи цифру 16 р. сер. Въ оброчныхъ имѣніяхъ бываетъ по большей части противъ душъ половинное число тяголъ, слѣдовательно на душу выйдетъ по 8 р. сер. Если этотъ оброкъ капитализировать изъ 6%, т. е. упомянутые 8 руб. помножить на $\frac{100}{6}$, т. е. на $16\frac{2}{3}$ годовъ, то каждая душа представитъ цѣнность въ 133 руб. 33 коп. Хотя эта цифра*) для опредѣленія цѣнности оброчныхъ имѣній вообще приблизительно вѣрна, однако она, при залогѣ въ кредитныхъ учрежденіяхъ можетъ и должна быть сокращена отрѣзкою излишнихъ угодій изъ мірскаго владѣнія. Цѣль этого сокращенія троякая: во 1-хъ, чтобъ не обременять крестьянъ излишними не необходимо нужными платежами; во 2-хъ, чтобъ сохранить какъ можно болѣе земель во владѣніи дворянства и въ 3-хъ, чтобъ сумму, которую должно будетъ выплачивать помѣщикамъ, уменьшить по возможности. Maximum крестьянскаго окупа можетъ быть опредѣленъ въ 80, 90 и никакъ не выше 100 р. сер. на душу, какъ по барщинскимъ, такъ и по оброчнымъ имѣніямъ; ибо при такой цифрѣ крестьяне должны сохранить достаточно земли для безнуждаго существованія, а помѣщики безобидно вознаграждаются за личный оброкъ съ крестьянъ. Упомянутая отрѣзка земли въ оброчныхъ имѣніяхъ тѣмъ удобнѣе, что обыкновенно при оныхъ имѣются пространныя угодія, изъ которыхъ значительною частію крестьяне даже не пользуются. Эти излишнія земли могутъ быть по оцѣнкѣ отрѣзаны изъ мірскаго владѣнія и на столько сумма стоимости каждаго тягла убавится, — угодія же эти, въ томъ числѣ лѣса, останутся за помѣщиками и на столько болѣе земель сохранится во владѣніи дворянства. Назначивши 100 р. сер., какъ maximum окупа за крестьянскую душу, не опредѣляя никакого minimum, и принимая цифру 80 руб., какъ *среднюю* сумму стоимости угодій на душу по барщин-

*) Считаемъ нужнымъ повторить, что и эта цифра вовсе *не нормальная*, а принята нами только для приблизительнаго учета стоимости общаго по Россіи оброка.

скимъ имѣніямъ, мы получаемъ право считать въ сложности окупъ крестьянской души по 90 руб. сер., слѣдовательно на выкупъ 10 мил. душъ крестьянъ потребна сумма 900 милліоновъ. На 1-е Января 1856 года состояло крестьянъ въ залогѣ по опекунскимъ совѣтамъ 5,393,272, по государственному заемному банку 635,522 души, слѣдовательно слишкомъ 6 милліоновъ душъ. По приказамъ неизвѣстно въ точности число заложенныхъ душъ; но по суммамъ, выданнымъ въ ссуду должно полагать, что оное подходитъ къ одному милліону. Итогъ ссудъ изъ кредитныхъ учрежденій (по опекунскимъ совѣтамъ 518 мил., по государственному заемному банку 398 мил., по приказамъ общественнняго призрѣнія 104 милліона) превышаетъ тысячу милліоновъ рублей серебромъ. Соображая эти разныя данныя, мы можемъ не безъ основанія положить, что число заложенныхъ душъ доходитъ до 7 милліоновъ, а что сумма ссудъ съ недоимками, считая въ сложности по 65 руб. сер. на душу, простирается до 450 милліоновъ руб. сер., слѣдовательно, по переводѣ этого долга на освобождаемыхъ крестьянъ, будетъ еще почти такая же сумма для совершенія всей этой операціи. Конечно, 450 милліоновъ есть цифра огромная, но она значительно убавляется слѣдующими обстоятельствами: во 1-хъ, тѣмъ, что, по моему предположенію, какъ ниже будетъ подробно объяснено, освобожденіе должно совершиться въ теченіе 12 лѣтъ, слѣдовательно нужно въ годъ отъ 35 до 40 милліоновъ руб. сер., и во 2-хъ тѣмъ, что эта сумма можетъ быть почерпнута изъ двухъ источниковъ: *для выкупа барщинскихъ имѣній*, т. е. тѣхъ, которыя оцѣнены по угодіямъ, можно выпускать билеты казначейства съ извѣстными процентами $4\frac{32}{100}$; а для выкупа *оброчныхъ имѣній* можно прибѣгнуть къ выпуску *облигацій* въ 500 или 1000 руб. сер., приносящихъ по 5 процентовъ. Первые будутъ приниматься во всѣ платежи частные и казенные на томъ же основаніи, на какомъ они теперь въ ходу, а послѣднія будутъ продаваться и покупаться на биржахъ точно такъ, какъ расторговываются (негоцируются) всѣ государственныя долговыя обязательства. Выдача билетовъ подъ первыя имѣнія могла бы производиться опекунскими совѣтами, которымъ казна уплачивала бы по мѣрѣ надобности свой долгъ этими билетами казначейства, а выдачу облигацій подъ имѣнія, оцѣненныя по бездоимочному сбору оброка, слѣдовало бы производить изъ государственнаго заемнаго банка. Проценты на капиталы и на погашеніе крестьянскихъ долговъ имѣютъ выплачиваться освобождаемыми крестьянами по 6 на 100 въ теченіе 37 лѣтъ

(въ случаѣ разсрочекъ при неурожайныхъ или иныхъ бѣдствіяхъ, этотъ срокъ можетъ нѣсколько продолжиться); въ этотъ періодъ времени весь долгъ долженъ быть погашенъ и всѣ билеты и облигаціи будутъ изъяты изъ обращенія, по уплатѣ за нихъ сполна по нарицательной цѣнѣ.

II. *Достаточно ли обезпеченъ возвратъ денегъ, подлежащихъ къ выдачѣ помѣщикамъ за освобождаемыхъ крестьянъ и какія средства имѣютъ кредитныя учрежденія ко взысканію процентовъ въ случаѣ, если освобождаемые крестьяне не будутъ ихъ исправно платить.*

Въ этомъ дѣлѣ главное, самое существенное, есть вѣрная оцѣнка помѣщичьихъ имѣній, и въ особенности той части изъ оныхъ, которая имѣетъ поступить во владѣніе крестьянъ, или которую они представляютъ своею личностію. О способѣ и принадлежностяхъ оцѣнки мы будемъ говорить ниже. Допустимъ, что оцѣнка произведена добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, и разсмотримъ здѣсь, какъ на основаніи такой оцѣнки, достигнуть, чтобы взносы производились исправно. Для этого весьма важно, чтобъ сроки для взносовъ были назначаемы по каждому имѣнію именно тѣ, которые особенно для крестьянъ удобны; такъ для хлѣбопашественныхъ деревень зимніе термины суть самые выгодные; для фабричныхъ же селеній, раздѣленіе годовыхъ взносовъ на равные періоды особенно удобно. Думаю вообще, что одинъ срокъ платежа для крестьянъ неудобенъ, ибо при великихъ ихъ нуждахъ, трудно имъ вообще сберегать деньги; а потому учащеніе сроковъ, для уплаты въ кредитныя учрежденія, есть дѣло весьма полезное и даже необходимое. Что касается до понудительныхъ взысканій, то эта статья требуетъ самаго тщательнаго соображенія. Если допустить, чтобы земскія полиціи побуждали крестьянъ ко взносу слѣдующихъ съ нихъ денегъ, то этимъ средствомъ мы дойдемъ до того, что крестьяне будутъ разорены въ край, и что кредитныя установленія останутся безъ уплатъ. Полумѣры, или способы мягкіе, въ этомъ дѣлѣ сдѣлаютъ больше зла, чѣмъ добра, иная мѣра крутая, жестокая, гораздо человѣко-любивѣе по послѣдствіямъ, чѣмъ какой-либо способъ, повидимому, растворенный любовью и попечительностію о крестьянахъ. Отдать вольныя селенія подъ опекунское управленіе неудобно; продавать ихъ невоз-

можно; а потому необходимо, кажется намъ, постановить, что въ случаѣ невзноса крестьянами въ положенный срокъ и льготные три мѣсяца, слѣдующихъ съ нихъ платежей въ кредитныя учрежденія, — становой приставъ, при понятыхъ изъ селъ свободныхъ хлѣбопашцевъ или государственныхъ крестьянъ, объявляетъ: что если и за симъ въ 3-хъ мѣсячный срокъ они не взнесутъ такой то, опредѣлительно обозначенной, суммы, слѣдующей съ нихъ въ кредитныя учрежденія, то они имѣютъ выселяться въ сибирскія губерніи; за невзносъ же въ срокъ денегъ, кромѣ причитающихся на оныя процентовъ, крестьяне должны заплатить по 1 коп. пени, въ пользу кредитныхъ учрежденій. Изъ этихъ денегъ образуется капиталъ, объ употребленіи коего будетъ рѣчь ниже сего. Если крестьяне и въ сіи льготные 3 мѣсяца не очистятъ недоимки, то земскій судъ, составляя временное отдѣленіе, объявляетъ крестьянамъ на мѣстѣ, что они подлежатъ переселенію, развѣ въ мѣсячный срокъ очистятъ всю недоимку и сверхъ того внесутъ пени по 3 коп. на рубль. По истеченіи сего новаго срока, крестьяне выселяются и ихъ угодія назначаются въ продажу. Это отправленіе производится на счетъ *попеннаго* капитала, имѣющаго образоваться изъ 1 и 3 коп. на рубль, взыскиваемыхъ за просрочки платежей. Мѣра сія, хотя съ виду жестокая, значительно смягчается тѣмъ, что она почти никогда не будетъ приводиться въ исполненіе, ибо крестьяне станутъ весьма заботиться о томъ, чтобъ остаться на своей родинѣ, и эта мѣра, при круговой отвѣтственности другъ за друга, будетъ существовать въ законѣ болѣе въ видѣ угрозы, чѣмъ какъ дѣйствительное, къ исполненію предназначенное постановленіе; а между тѣмъ цѣль будетъ вполнѣ достигнута и кредитныя учрежденія будутъ исправно получать слѣдующіе имъ платежи. Въ подтвержденіе этихъ словъ скажу, что во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне платятъ оброкъ *обществомъ,* рѣдко бываютъ недоимки, разумѣется, если оброкъ не чрезмѣренъ, и если крестьяне знаютъ, что въ случаѣ неплатежа помѣщикъ можетъ ихъ перевести на барщину или взыскать съ нихъ иначе. Знаю я также имѣнія, гдѣ крестьяне платятъ каждый за себя, но гдѣ помѣщикомъ установлено, что въ случаѣ неуплаты въ назначенный день и часъ, они переселяются изъ одной губерніи въ другую. Хотя эта мѣра безъ круговой отвѣтственности крестьянъ другъ за друга, и жестока, но она достигаетъ вполнѣ своей цѣли: недоимокъ вовсе нѣтъ и переселенія были только въ началѣ, пока

крестьяне думали, что помѣщикъ только грозитъ, а на дѣлѣ своей угрозы не исполнитъ.

Само собою разумѣется, что при совершенно неурожайныхъ годахъ или при иныхъ бѣдствіяхъ, можно крестьянамъ дѣлать отсрочки, точно также, какъ нынѣ допускаются льготы помѣщикамъ въ уплатѣ годовыхъ процентовъ.

При могущихъ и долженствующихъ иногда случаться переселеніяхъ крестьянъ въ отдаленныя губерніи, если сумма долга не будетъ покрыта деньгами, вырученными за землю, то недовыручка обращается на виновныхъ, т. е. если продажа состоится ниже оцѣнки, то отвѣчаютъ оцѣнщики, которые о срокахъ продажи земель извѣщаются и чрезъ вѣдомости, и чрезъ уѣзднаго предводителя; если же продажа превышаетъ оцѣнку, но не покрываетъ недоимки, то отвѣчаютъ тѣ лица, которыя допустили накопленіе оной сверхъ размѣровъ, назначенныхъ закономъ о льготахъ. Если при продажѣ имѣній, оцѣненныхъ по платимому оброку, сумма, вырученная за земли, недостаточна на уплату всего долга, то онъ пополняется изъ попеннаго капитала, о которомъ было говорено выше, или сносится на счетъ казны. Эти послѣдніе случаи должны быть крайне рѣдки, если даже они когда либо встрѣтятся.

III. *Значительный выпускъ бумажныхъ денегъ, безъ котораго кредитныя учрежденія не могутъ обойтись при удовлетвореніи помѣщиковъ за отходящія отъ нихъ земли или за оброки, которыхъ они лишатся, не уронитъ ли Государственнаго кредита, не переполнитъ ли денежнаго рынка и не произведетъ ли разстройства въ общемъ денежномъ обращеніи?*

Отвѣчая на первый вопросъ, мы хотя уже нѣсколько устранили это опасеніе; но теперь нужно поговорить объ этомъ дѣлѣ обстоятельнѣе. Выпускъ кредитныхъ бумагъ будетъ, какъ мы выше сказали, не единовременный, а постепенный, т. е. имѣющій совершиться въ теченіе 12 лѣтъ, и сверхъ того не однородный и не безпроцентный, а двоякій и приносящій проценты. Слѣдовательно никакого внезапнаго переполненія денежнаго рынка быть не можетъ отъ ежегоднаго выпуска 35 или 40 милліоновъ руб. сер., произведеннаго притомъ такими билетами, которые, давая доходъ, не потре-

буютъ для себя немедленнаго помѣщенія. Эти билеты будутъ храниться большею частью въ шкатулкахъ и въ залогахъ въ видѣ такъ сказать обумаженныхъ вотчинъ (valeurs territoriales mobilisées) приносящихъ доходъ, который имѣетъ уплачиваться не казною, а тѣми же самыми деревнями, но только освобожденными, и чрезъ посредство кредитныхъ учрежденій. Эти билеты будутъ какъ бы заемныя письма отъ крестьянъ на имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ. — Конечно, часть этихъ бумагъ будетъ находиться въ обращеніи, но эта часть не можетъ быть значительною; ибо многіе удовольствуются полученіемъ безъ хлопотъ $4\frac{32}{100}$ или 5 процентовъ. Къ тому же теперь при предстоящемъ построеніи желѣзныхъ дорогъ, при ожидаемомъ и необходимо долженствующемъ послѣдовать развитіи промышленности и торговли, и при новомъ, послѣ освобожденія крестьянъ, устройствѣ помѣщичьихъ хозяйствъ, которое потребуетъ оборотнаго капитала, выпускъ этихъ новыхъ бумагъ разольется по Государству почти не чувствительно. Можно даже сказать болѣе: такой выпускъ самъ по себѣ почти необходимъ, ибо если при выпускѣ слишкомъ 200 милліоновъ руб. сер. кредитными билетами, совершенномъ въ теченіе двухъ лѣтъ на покрытіе военныхъ издержекъ, при стѣсненной торговлѣ, при дремавшей промышленности, нашъ Государственный кредитъ не только не упалъ, но не былъ даже потрясенъ, и все дѣйствіе этого огромнаго, почти внезапнаго бумажнаго изверженія ограничилось тѣмъ, что цѣны во внутренности Государства поднялись въ уровень съ повсемѣстнымъ возвышеніемъ оныхъ въ Европѣ;*) то теперь, при ощущаемомъ уже оживленіи торговли и промышленности, которое, какъ мы надѣемся, должно со дня на день усиливаться и распространяться, потребность въ денежныхъ знакахъ должна постоянно возрастать. Если мы снесли безъ банкротства этотъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, то, конечно, мы едва замѣтимъ постепенное умноженіе бумагъ, приносящихъ проценты. Хотя этотъ долгъ на уплату за освобождаемыхъ крестьянъ не есть собственно долгъ государственный, а болѣе долгъ общественный, ибо онъ обезпечивается землями, имѣющими перейти въ собственность увольняемыхъ людей и проценты за него платятся ими, а не изъ доходовъ казначейства; но если даже считать этотъ заемъ какъ бы внутреннимъ Государственнымъ займомъ, то сравне-

---

*) Это несомнѣнно доказано тѣмъ, что денежный курсъ нашъ на Парижъ, Лондонъ и Гамбургъ почти возвратился на прежнюю высоту.

ніе итога нашего Государственнаго долга съ итогами долговъ Франціи и Англіи отнюдь не должно насъ устрашать. — На 1-е Января 1856 г. нашъ Государственный долгъ состоялъ изъ 533.273.782 руб., кредитныхъ билетовъ было выпущено на 509.181.397 руб. сер. Слѣдовательно долгъ нашъ простирается до 1.042.455.782, а при 60 мил. душъ народонаселенія*) причитается на душу по 17 руб. сер. — Во Франціи государственный долгъ, при народонаселеніи 36 мил. душъ, дошелъ до 1750 мил. руб. сер., а въ Англіи при 28 мил. жителей, онъ простирается до 5000 мил. руб. сер. — Слѣдовательно во Франціи причитается по 50 руб. сер., а въ Англіи по 180 руб. сер. на душу. Конечно, цифра даже нашего долга не мала, но во Франціи она втрое, а въ Англіи въ десятеро значительнѣе, слѣдовательно насъ должна пугать не цифра долга, а трудность уплаты процентовъ и постепеннаго погашенія самаго капитальнаго долга. Трудность эта, при значительно меньшемъ итогѣ долговъ, чувствительнѣе у насъ, чѣмъ даже во Франціи и Англіи. — Слѣдовательно на этотъ предметъ должно быть преимущественно обращено вниманіе Государственныхъ людей и всѣхъ вообще, заботящихся о благоденствіи нашего отечества. А потому развитіе земледѣлія, фабричной промышленности и торговли, — вотъ въ чемъ должно искать уменьшенія тягости Государственнаго долга; и въ этомъ отношеніи уничтоженіе крѣпостнаго состоянія должно доставить къ тому самыя вѣрныя средства. Это преобразованіе, какъ мы видѣли, должно само себя оплатить, и ни мало не должно лечь своею тяжестію на Государственное казначейство. — Вполнѣ одобрительнымъ примѣромъ для насъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Франція. Послѣ 1814 года ей пришлось заплатить иностраннымъ державамъ и французскимъ эмигрантамъ слишкомъ 2.000.000.000 франковъ. Она ихъ заплатила сполна и въ пятнадцать лѣтъ устроила свои финансовыя дѣла такъ, что кредитъ ея достигъ высоты небывалой; — что народное благосостояніе развилось до размѣровъ неслыханныхъ, — и что казна, пользуясь общимъ къ ней довѣріемъ, могла значительно уменьшить свои годовые процентные платежи. Выпускъ огромнаго количества кредитныхъ бумагъ не наводнилъ Франціи; а напротивъ того, процвѣтаніе ея, во времена Реставраціи, по милости мудраго

---

*) Мы исключаемъ народонаселеніе Царства Польскаго, потому, что тамъ особое финансовое управленіе и особые государственные долги.

устройства финансовъ, осталось на всегда въ памяти народа и признается самими порицателями старшей линіи Бурбоновъ.

IV. *Возможна ли предполагаемая нами оцѣнка помѣщичьихъ имѣній?*

Правительству произвести эту оцѣнку не только трудно, но даже не возможно, какъ это было доказано во 2-ой запискѣ; дворянству же напротивъ исполнить сіе дѣло даже не весьма трудно. Помѣщики, живущіе въ деревняхъ, знаютъ хорошо не одни имѣнія сосѣднія, но и остальныя того же уѣзда и даже значительныя вотчины смежныхъ уѣздовъ. Они, конечно, не могутъ положительно сказать, сколько душъ и десятинъ земли находится при такомъ-то селеніи, (эти свѣдѣнія легко получить на мѣстѣ изъ ревизскихъ сказокъ и плановъ); но имъ вполнѣ извѣстна настоящая стоимость различныхъ имѣній: качество земли, сбыты, положеніе крестьянъ, доходы помѣщиковъ и проч. Съ помощію этихъ свѣдѣній, нынѣ безполезно пропадающихъ, можно произвести оцѣнку всѣмъ имѣніямъ и легко, и скоро; въ три года можно окончить это важное дѣло. Форма для этихъ описаній и оцѣнокъ должна быть самая простая, въ родѣ той, которая существуетъ для предводительскихъ описаній, по коимъ выдаются изъ опекунскихъ совѣтовъ надбавочныя ссуды*). Для произведенія этихъ описаній съ оцѣнкою должны быть учреждены въ каждомъ губернскомъ городѣ губернскій и въ каждомъ уѣздномъ городѣ уѣздный комитеты. Они должны быть составлены изъ помѣщиковъ, на сей предметъ нарочно избранныхъ дворянствомъ, подъ отвѣтственностію его за членовъ, могущихъ оказаться несостоятельными. Число членовъ должно быть не менѣе 5 и не болѣе 9, глядя по пространству уѣзда и по количеству дворянскихъ имѣній.

Какъ отъ дѣятельности и способности предсѣдателя комитета весьма много зависитъ успѣхъ этого дѣла, и какъ необходимо всячески связать членовъ общею отвѣтственностію, то избраніе въ званіе предсѣдателя должно имъ принадлежать: они имѣютъ изъ среды своей ежемѣсячно назначать въ это званіе, кого сочтутъ болѣе способнымъ. Необходимо постановить, что никто изъ дворянъ не имѣ-

*) При семъ приложена форма для оцѣночныхъ описаній какъ барщинскихъ, такъ и оброчныхъ имѣній.

етъ права отказываться отъ званія члена этого комитета*). Уклоняющіеся отъ этой должности штрафуются дворянствомъ, по его усмотрѣнію, въ пользу общей дворянской казны, теряютъ право голоса при оцѣнкѣ ихъ имѣній и могутъ даже быть лишены участія въ дворянскихъ выборахъ на будущее время. Принявшій званіе члена комитета по одному уѣзду, не можетъ быть избраннымъ въ эту же должность по другому уѣзду или губерніи, гдѣ имѣется у него также вотчина. Помѣщики, состоящіе на службѣ по другимъ должностямъ, зависящимъ отъ выбора дворянства, могутъ, по желанію дворянъ, быть назначаемы въ званіе членовъ сего комитета, съ замѣщеніемъ ихъ въ прежнихъ должностяхъ кандидатами. По открытіи засѣданій уѣзднаго комитета, слѣдуетъ разослать ко всѣмъ помѣщикамъ формы этихъ оцѣночныхъ описаній и назначить шестимѣсячный срокъ для представленія въ комитетъ оцѣночнаго описанія по каждому имѣнію. Это описаніе должно быть составлено и подписано самимъ помѣщикомъ или его повѣреннымъ, на сей предметъ особою довѣренностію уполномоченнымъ; оно имѣетъ быть подтверждено не менѣе какъ двумя или тремя сосѣдними помѣщиками, владѣющими въ совокупности не менѣе двойнаго количества земли или душъ противъ количества описываемыхъ и оцѣниваемыхъ. Для оцѣнки имѣній значительныхъ (свыше 1000 душъ) можно по усмотрѣнію комитета, допустить въ число дворянъ, подтверждающихъ такое описаніе помѣщиковъ другихъ уѣздовъ, или ограничиться числомъ 12 помѣщиковъ того же уѣзда, владѣющихъ въ совокупности хотя менѣе чѣмъ вдвое противъ описываемыхъ душъ или земли, но имѣющихъ каждый не менѣе 100 душъ крестьянъ или земли, стоющей не менѣе 15 тысячъ руб. сер. Во избѣжаніе того, чтобъ помѣщики не подтверждали другъ на друга всякія, самыя неумѣренныя описанія, слѣдуетъ постановить правиломъ, что помѣщикъ А, удостовѣрившій описаніе помѣщика В, уже не можетъ пригласить сего послѣдняго для утвержденія собственнаго своего описанія. Составленныя, подписанныя и подтвержденныя такимъ образомъ описанія должны быть представляемы въ уѣздный комитетъ и имъ разсматриваемы. Если комитетъ найдетъ оцѣночное описаніе справедливымъ, то онъ его утверждаетъ, въ противномъ случаѣ онъ при-

*) Слѣдовало бы привлечь къ исполненію этой обязанности также дворянъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ и числящихся по коннозаводству, по почтовому вѣдомству и проч. и такимъ образомъ уклоняющихся отъ всякихъ сословныхъ обязанностей.

зываетъ въ свое присутствіе помѣщика описаннаго имѣнія или его повѣреннаго, и предлагаетъ ему сдѣлать нужныя измѣненія или пополненія; если помѣщикъ или его повѣренный согласится съ замѣчаніями комитета, то описаніе исправляется и потомъ утверждается комитетомъ. Въ противномъ случаѣ комитетъ прилагаетъ къ таковому описанію свое мнѣніе и вмѣстѣ съ прочими описаніями представляетъ, по окончаніи своихъ трудовъ, на разсмотрѣніе губернскаго комитета, который уже окончательно рѣшаетъ, утверждая представленное помѣщикомъ описаніе, или измѣняя оное по замѣчаніямъ уѣзднаго комитета. По истеченіи шестимѣсячнаго срока, комитетъ приводитъ въ извѣстность количество неописанныхъ имѣній и дѣлитъ ихъ между своими членами, отдавая преимущественно каждому изъ нихъ тѣ селенія, которыя ближе къ мѣсту его жительства. Члены разъѣзжаются и остается въ городѣ одинъ предсѣдатель. Члены обязаны доставить всѣ недостающія оцѣночныя описанія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Члены комитета, отправляясь на мѣсто, заступаютъ вполнѣ помѣщиковъ, не представившихъ въ законный срокъ описанія своего имѣнія и тѣмъ потерявшихъ право голоса. Послѣ того комитетъ окончательно разсматриваетъ всѣ описанія, соображаетъ ихъ между собою, приводитъ въ порядокъ и представляетъ ихъ въ губернскій комитетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздный комитетъ избираетъ изъ среды своей одного члена и на случай его болѣзни двухъ кандидатовъ для присутствованія въ губернскомъ комитетѣ. На окончаніе всѣхъ дѣлъ по уѣздному комитету, съ его открытія, назначается пятнадцати мѣсячный срокъ. — Губернскій комитетъ, въ собраніи членовъ, избранныхъ для засѣданія въ ономъ, какъ прямо отъ дворянства, такъ и отъ уѣздныхъ комитетовъ, разсматриваетъ всѣ представленныя въ оный оцѣночныя описанія. Онъ окончательно утверждаетъ описанія, прежде утвержденныя уѣзднымъ комитетомъ, а равно и всѣ описанія, по которымъ комитеты не согласны съ помѣщиками и представили свои мнѣнія. Слѣдуетъ дозволить помѣщикамъ представлять губернскому комитету свои доводы въ пользу сдѣланныхъ ими описаній. Если губернскій комитетъ найдетъ нужнымъ что-либо пополнить или измѣнить, то онъ долженъ имѣть право командировать одного изъ своихъ членовъ. Всѣ дѣйствія губернскаго комитета, съ первоначальнаго его открытія, должны быть окончены въ тридцати-мѣсячный срокъ. Въ случаѣ крайности, начальникъ губерніи долженъ имѣть право продлить срокъ для занятія уѣздныхъ комитетовъ на три мѣсяца; отсрочка же для окончанія

дѣлъ въ губернскомъ комитетѣ испрашивается отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но во всякомъ случаѣ въ три года описаніе и оцѣнка помѣщичьихъ имѣній должны быть совершенно окончены. — Всѣ описанія должны представляться въ трехъ спискахъ, дабы одинъ могъ быть возвращенъ въ уѣздный городъ къ предводительскимъ дѣламъ; другой оставленъ въ губернскомъ городѣ при дѣлахъ губернскаго предводителя, а третій представленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Для обезпеченія вѣрности этихъ описаній и справедливости оцѣнокъ, слѣдуетъ возложить отвѣтственность за оныя сперва на помѣщика, описывающаго и оцѣнивающаго свое имѣніе, потомъ на сосѣдей, удостовѣряющихъ эти оцѣночныя описанія, потомъ на членовъ комитета, разсматривающихъ и утверждающихъ оныя, наконецъ, на дворянство, избравшее членовъ въ уѣздные комитеты. Если описаніе по разногласію уѣздныхъ комитетовъ съ помѣщиками, утверждено губернскимъ комитетомъ, то отвѣтственность падаетъ послѣ владѣльца имѣнія и помѣщиковъ, подтвердившихъ это описаніе, на тѣхъ членовъ уѣзднаго и губернскаго комитетовъ, которые окончательно утвердили описаніе, а при ихъ несостоятельности на дворянство, ихъ избравшее.

При составленіи сихъ оцѣночныхъ описаній могутъ быть четыре опасенія: 1) что земли могутъ быть оцѣнены слишкомъ дорого; 2) что никто не пойдетъ въ члены этихъ комитетовъ; 3) что дворянство изберетъ въ это званіе людей неимущихъ и безгласныхъ, которые будутъ дѣлать все, что ему угодно, и 4) что помѣщики не представятъ описаній и тѣмъ затруднятъ дѣйствія комитетовъ. Въ отвращеніе первой опасности предполагается возложить отвѣтственность на разныя лица, по мѣрѣ ближайшей виновности въ невѣрности описаній и въ несправедливой оцѣнкѣ имѣній. — Въ устраненіе втораго неудобства слѣдуетъ предоставить дворянству штрафовать своихъ членовъ по своему усмотрѣнію, лишать ихъ права голоса при описаніи и оцѣнкѣ ихъ имѣній и даже воспретить имъ участіе впослѣдствіи въ дѣлахъ дворянскихъ собраній. Что касается до того, чтобъ не были избираемы въ комитетъ люди неблагонадежные, то предполагается отвѣтственность за членовъ отнести на самое дворянство, какъ сословіе, ихъ избирающее. — Наконецъ, для того, чтобъ помѣщики не уклонялись отъ представленія требуемыхъ отъ нихъ описаній, мы предполагаемъ постановить правило, что такіе владѣльцы лишаются права голоса при описаніи и оцѣнкѣ

К

имѣнiй и должны оставаться довольными тѣмъ, что будетъ сдѣлано членомъ комитета.

Въ отношенiи къ имѣнiямъ людей, находящихся за границею и малолѣтнихъ, можно шестимѣсячный срокъ продлить еще на три мѣсяца, дабы первые въ это время могли или возвратиться въ Россiю, или прислать довѣренности, а опекуны, занимавшiеся описью и оцѣнкою своихъ имѣнiй, были бы въ состоянiи въ этотъ излишнiй срокъ исполнить эту обязанность въ отношенiи къ имѣнiямъ, состоящимъ въ ихъ опекунскомъ управленiи. Я счелъ необходимымъ говорить объ этомъ предметѣ съ нѣкоторою подробностью, ибо въ составѣ комитетовъ, въ ихъ способѣ дѣйствiя и въ ихъ отвѣтственности заключается все ручательство за точное и добросовѣстное исполненiе этого важнаго дѣла.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнiю слѣдующаго вопроса, считаю необходимымъ устранить одно возраженiе, которое съ нѣкоторою основательностью можетъ быть сдѣлано противъ предложеннаго мною способа описи и оцѣнки помѣщичьихъ имѣнiй. Это возраженiе состоитъ въ томъ, что нынѣ, при неоконченномъ размежеванiи, нельзя положительно сказать, сколько земли находится при иныхъ деревняхъ; а потому невозможно будетъ помѣщикамъ представлять оцѣночныя описанiя съ потребною опредѣлительностiю. Конечно, неоканчанiе межеваго дѣла можетъ нѣсколько замедлить опись и оцѣнку помѣщичьихъ имѣнiй, но если умно и усердно поведутъ коштное спецiальное межеванiе, которое слѣдовало бы давнымъ давно начать; если при томъ не остановятъ полюбовнаго размежеванiя и преимущественно озаботятся отдѣленiемъ казенныхъ земель отъ владѣльческихъ, ибо главная остановка по размежеванiю за министерствомъ государственныхъ имуществъ, которое не изъявляетъ согласiя на отводы даже и тогда, когда сами крестьяне его вѣдомства находятъ оные выгодными, и тянетъ дѣло въ ущербъ себѣ и частнымъ людямъ, — то дѣло размежеванiя быстро двинется впередъ и едва ли задержитъ предположенное нами окончанiе описи и оцѣнки дворянскихъ имѣнiй въ трехлѣтнiй срокъ. Необходимо для успѣшности полюбовныхъ раздѣловъ объявить законодательнымъ порядкомъ, что какъ размежеванiе не есть судебное производство, а только прiуроченiе къ однимъ мѣстамъ чрезполосно владѣемыхъ участковъ, то оно производится *по владѣнiю*, а разборъ крѣпостей, принадлежа къ вѣдѣнiю судебныхъ мѣстъ, долженъ идти своимъ порядкомъ. Впрочемъ тяжебныя дѣла по крѣпостямъ могли бы

также значительно быть подвинуты, если бы въ видѣ временной мѣры установленъ былъ третейскій судъ, для рѣшенія нынѣ производящихся или при размежеваніи возникающихъ дѣлъ по крѣпостямъ на землю. Можно также узаконить, что въ случаѣ, если не состоится соглашеніе на счетъ третейскаго суда, то земли межуются по владѣнію и назначается общая цѣна за землю въ межуемой дачѣ, на тотъ конецъ, что послѣ рѣшенія дѣла судомъ, дача уже не перерѣзывается, а расчеты дѣлаются деньгами. — Специальное размежеваніе, еслибъ принялись за него надлежащимъ образомъ, могло бы быть окончено въ весьма непродолжительное время. —

V. *Не произвольна ли будетъ оцѣнка земель по ходячей ихъ цѣнности?*

Всякая другая оцѣнка, т. е. по внутреннему достоинству земель, по нормальнымъ цѣнамъ, по доходамъ и проч. гораздо произвольнѣе, чѣмъ оцѣнка *по ходячей цѣнности*, ибо сія послѣдняя такъ хорошо извѣстна всѣмъ нѣсколько дѣльнымъ помѣщикамъ, что возвышеніе оной на лишній рубль за десятину возбудитъ споръ и сомнѣнія между людьми, обязанными отвѣчать за вѣрность оцѣнки. Конечно, всякій помѣщикъ захотѣлъ бы поднять цѣну на свои земли, но сосѣди и члены комитета, обязанные отвѣчать за недовыручку при продажѣ земель, никогда не согласятся на слишкомъ возвышенную оцѣнку. Оцѣнка земель по ходячей цѣнности, т. е. по цѣнамъ, по какимъ земли можно купить и продать, есть оцѣнка всѣхъ менѣе произвольная; она возможная и удобная. —

VI. *Какъ удостовѣриться въ дѣйствительно бездоимочно получаемомъ количествѣ оброка, и изъ сколькихъ лѣтъ слѣдуетъ выводить среднее количество оброка?*

Если въ оброчномъ имѣніи нѣтъ конторы, то Бурмистръ или староста, собирающій оброкъ, обыкновенно самъ ведетъ счетъ всѣмъ получкамъ и отправкамъ, и за небольшое число лѣтъ легко узнать количество собраннаго оброка. Сами крестьяне хорошо знаютъ, что̀ они платятъ, и что̀ за ними въ недоимкѣ. Трудно, невозможно было бы дознать количество получаемаго оброка за десять лѣтъ; но весьма

удобно это исполнить за три года, а потому мы и предполагаемъ избрать трехлѣтній срокъ, для опредѣленія количества получаемаго помѣщикомъ оброка, какъ такой періодъ времени, который въ памяти у крестьянъ и который вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько опредѣлительно обозначаетъ возможность для крестьянъ уплаты положеннаго оброка.

VII. *Изъ какихъ процентовъ слѣдуетъ расчитывать стоимость имѣнія цѣнимаго по оброку.*

Отвѣчая на вопросъ V, мы предположили расчитывать цѣнность оброчнаго имѣнія изъ 6 процентовъ. Эта цифра кажется намъ справедливою, во 1-хъ, потому, что по большей части оброчныя имѣнія продаются и покупаются изъ такихъ процентовъ, а во 2-хъ, потому, что крестьянамъ, освобожденнымъ по расчету такого процента, будетъ не отяготительно; сверхъ того, крестьянинъ, платя свой нынѣшній оброкъ, будетъ имѣть въ виду, что черезъ 37 или около того лѣтъ, онъ можетъ быть совершенно свободнымъ. Помѣщикъ же, продавши такимъ образомъ свое имѣніе и получивъ за то облигаціи, приносящія 5%, терпитъ убытокъ только на 1 процентъ, но за то не будетъ имѣть никакихъ хлопотъ съ крестьянами и обезпеченъ противъ недоимокъ. Слѣдовательно предложенный процентъ кажется намъ сколько удобнымъ, столько и справедливымъ.

VIII. *Нѣтъ ли опасности въ томъ, что на крестьянъ, вопреки ихъ волѣ, могутъ быть возложены обязанности, которыя они не въ состояніи будутъ выполнить, и что допросъ, на мѣстѣ произведенный уѣздною коммиссіею, можетъ быть пристрастнымъ?*

Въ отвращеніе этой опасности существовали разныя правила, которыя указомъ 1853 года были еще усложнены, хотя, сколько намъ извѣстно, настоящихъ побудительныхъ къ тому причинъ не было; это измѣненіе произведено только ради единобразія и изъ желанія усилить дѣйствія министерства государственныхъ имуществъ. Но, какъ мы показали во 2-й нашей запискѣ, это умноженіе различныхъ формальностей и переходовъ крайне замедляетъ ходъ дѣла и удерживаетъ многихъ помѣщиковъ отъ освобожденія крестьянъ. При

отмѣнѣ сихъ многосложныхъ обрядовъ, нѣтъ ли основанія къ вышеизложеннымъ опасеніямъ? Мы полагаемъ, что можно отвѣчать отрицательно, по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, потому, что *міръ*, какъ совокупность крестьянъ, въ общемъ дѣлѣ стоекъ; и какъ крестьяне, отдѣльно взятые, готовы согласиться и исполнить все имъ приказываемое, такъ обществомъ они же никогда не изъявятъ согласія на то, что было бы для нихъ обременительно; всякій помѣщикъ, имѣвшій дѣло съ *міромъ*, можетъ подтвердить истину этихъ словъ; во 2-хъ, потому, что оцѣнка, предварительно произведенная, будетъ служить также нѣкоторымъ огражденіемъ противъ излишнихъ требованій помѣщика; и наконецъ, въ 3-хъ, потому, что спросъ *міра* о томъ, дѣйствительно ли онъ согласенъ на такую-то сдѣлку, долженъ быть произведенъ уѣзднымъ присутствіемъ *при 24-хъ понятыхъ* изъ селъ уже освобожденныхъ или, за неимѣніемъ таковыхъ въ сосѣдствѣ, изъ вѣдомства государственныхъ крестьянъ. Въ этомъ дѣлѣ важно лишь одно: удостовѣриться, что крестьянамъ *хорошо объяснены* принимаемыя ими на себя обязанности и что они *дѣйствительно* изъявили согласіе на таковую сдѣлку; прочія же опасенія излишни и истекаютъ изъ недостаточнаго знанія быта нашихъ крестьянъ. Кто съ ними имѣлъ дѣло, тотъ знаетъ, что они прекрасно понимаютъ свои выгоды, если только имъ хорошо переведутъ сказанное приказнымъ языкомъ на ихъ обычное нарѣчіе, и что *міромъ* они никогда не согласятся на отяготительную сдѣлку. Конечно, никто не поручится вообще за добросовѣстность нашихъ чиновниковъ, а потому всякія мѣры предосторожности противъ ихъ самоуправства и небрежности должны быть приняты. По этой причинѣ, если вышеупомянутыя обезпеченія покажутся недостаточными, можно на каждую губернію назначить отъ одного до 3-хъ особыхъ чиновниковъ, отъ правительства уполномоченныхъ, какъ на присутствованіе въ губернской коммиссіи, такъ и на нахожденіе при вышеупомянутомъ допросѣ крестьянъ. Въ такое званіе могли бы назначаться *молодые люди,* еще не утратившіе на службѣ уваженія къ людямъ и къ правдѣ, ибо отъ этихъ чиновниковъ требуются не глубокое знаніе дѣла и не государственныя соображенія, а только добросовѣстность и усердіе. Мы думаемъ, что это добавленіе было бы не безполезнымъ, особенно если, во избѣжаніе свычки этихъ чиновниковъ съ мѣстными властями и помѣщиками, срокъ ихъ службы, по каждой губерніи, будетъ не болѣе какъ годовой. Эта срочность службы будетъ имѣть и другую выгоду, — уѣзжающіе чиновники должны будутъ по-

кончить всѣ дѣла своего года, и при отчетѣ своемъ они будутъ подлежать меньшему искушенію въ изукрашеніи его ложью и общепринятыми оффиціальными фразами.

IX. *Въ чемъ должны состоять главныя положенія, имѣющія быть изданными отъ Правительства, для устройства мѣстнаго управленія и суда въ селеніяхъ, поступающихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ.*

Положенія эти должны быть немногочисленны, въ нихъ не слѣдуетъ входить въ большія частности, необходимо избѣгать всякой мелочной опредѣлительности и они должны быть написаны не чиновниками, усвоившими себѣ языкъ *казенный*, исполненный формальности, общихъ мѣстъ, безсмысленныхъ выраженій и совершенно непонятный для простолюдиновъ. При составленіи сихъ правилъ должно имѣть въ виду: сохранить по возможности изустность производства всѣхъ дѣлъ; — обращаться болѣе къ совѣсти общественной, чѣмъ къ буквѣ закона, — заботиться объ устройствѣ благонадежнаго, мірскимъ довѣріемъ пользующагося управленія и суда, а не о томъ, чтобъ на каждый случай установить точное правило, что́ невозможно и поведетъ только къ изгнанію правды и справедливости изъ судовъ и расправъ; — однимъ словомъ, вызывать всячески жизнь общественную, а не заранѣе убивать ее формами, невозможностію исполнить положенія и необходимостію прибѣгать ко всякимъ изворотамъ для прикрытія отсутствія истины въ отчетахъ, донесеніяхъ, распоряженіяхъ и приговорахъ. Правила, потребныя на первый случай, составить не трудно: стоитъ вызвать нѣсколько дѣльныхъ помѣщиковъ, расположенныхъ въ пользу уничтоженія крѣпостнаго состоянія и знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ, и первоначальное положеніе можетъ быть составлено въ самый непродолжительный срокъ. Усовершенствованіе, пополненіе, даже измѣненіе этого положенія будетъ уже дѣломъ времени дальнѣйшаго развитія сельской общины и ближайшаго соображенія положенія съ мѣстными потребностями. Со временемъ, вѣроятно, нужно будетъ составить особенныя положенія не только для каждаго края, но даже для каждой сельской общины, но „довлѣетъ дневи злоба его."

X. *Благонадежные помѣщики согласятся ли быть попечителями надъ крестьянами и будутъ ли эти попечители въ состояніи исполнять свои обязанности?*

Конечно, невозможно для приведенія закона въ исполненіе расчитывать на безкорыстное, одною любовью ко благу общественному одушевленное содѣйствіе сословія, которое вообще не расположено къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, и которое, по крайней мѣрѣ на первое время, будетъ считать себя стѣсненнымъ; а потому вышеизложенное сомнѣніе весьма естественно. Впрочемъ помѣщики, живущіе въ деревняхъ, легко и скоро поймутъ, что сохраненіе нѣкоторой власти и уваженія въ околодкѣ явно соединено съ званіемъ попечителя надъ большимъ по возможности числомъ освобожденныхъ крестьянъ. Главное дѣло въ томъ, чтобъ это званіе сдѣлать довольно важнымъ и чтобъ соединена была съ нимъ власть дѣйствительная, потребная для исполненія обязанностей этого званія, съ пользою для общества крестьянскаго и безъ излишняго отягощенія самыхъ попечителей. Для этого намъ кажется необходимымъ постановить слѣдующія правила: во 1-хъ, помѣщикъ, принявшій званіе попечителя надъ обществомъ или надъ обществами, изъ 500 душъ и болѣе, не можетъ быть противъ воли привлеченъ къ службѣ по дворянскимъ выборамъ и назначенъ опекуномъ къ дворянскому имѣнію; во 2-хъ, попечителю слѣдуетъ предоставить право передавать свою власть на случай его болѣзни, отсутствія или другихъ препятствій иному лицу, къ тому же обществу крестьянъ принадлежащему, или, съ согласія общества, даже постороннему человѣку; въ 3-хъ, должно предоставить попечителю право окончательнаго рѣшенія по всѣмъ распорядительнымъ дѣламъ, по которымъ міръ, или избранные отъ міра начальники, будутъ въ разногласіи; также слѣдуетъ утвердить за нимъ право окончательнаго рѣшенія по судебнымъ дѣламъ, въ границахъ, опредѣленныхъ для сельскаго суда, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ рѣшеніе будетъ не единогласное; въ 4-хъ, предоставить попечителю, по ходатайству по дѣламъ крестьянскаго общества, дѣйствовать ex officio, сообщеніями и требованіями, а не на правахъ просителя; въ 5-хъ, дать попечителю право участвовать въ дворянскихъ выборахъ наравнѣ съ помѣщиками, имѣющими 100 душъ, хотя бы онъ лично и не имѣлъ за собою такого количества, и, на-

конецъ, въ 6-хъ, предоставить сельскому обществу, въ случаѣ необходимости, назначить попечителю вознагражденіе по своему усмотрѣнію. На основаніи сихъ главныхъ положеній, званіе попечителя будетъ такъ почетно и выгодно, что люди весьма благонадежные не будутъ имъ пренебрегать, и можно надѣяться, что оно доставитъ ожидаемыя отъ него обезпеченія въ сохраненіи порядка по дѣламъ крестьянскихъ обществъ.

XI. *Не упадетъ ли дворянство, лишившееся половины своихъ земель?*

Хотя мы коснулись этого предмета въ предъидущихъ нашихъ запискахъ и отчасти показали основательность этого опасенія, но здѣсь слѣдуетъ положительно его устранить. Владѣніе землею есть, конечно, самый надежный источникъ силы и богатства, но это владѣніе бываетъ таковымъ только въ случаѣ, если оно твердо, законно и несоединено съ обстоятельствами, умаляющими его полноправность. Мы знаемъ, что владѣніе землею въ Англіи есть основа могущества аристократіи; но мы знаемъ также, что владѣніе землею въ Россіи не доставляетъ дворянству ни силы, ни значенія, ни богатства. Отъ чего такая разница? Отъ того, что у насъ владѣніе землею не полное, — не полное потому, что вся земля принадлежитъ намъ нераздѣльно съ крестьянами. Хотя по закону мы имѣемъ право переселять крестьянъ, продавать ихъ на свозъ и располагать землею по нашему усмотрѣнію, но такія распоряженія суть исключенія изъ обычнаго права, а на дѣлѣ болѣе половины земель въ мірскомъ владѣніи, и даже остальная часть оныхъ состоитъ въ какомъ-то странномъ, далеко не безусловномъ нашемъ распоряженіи: мы не можемъ ввести тотъ сѣвооборотъ, который считаемъ болѣе выгоднымъ, потому что наши поля въ чрезполосности съ мірскими полями и что невозможно даже для помѣщика идти на перекоръ общему обычаю; мы не вводимъ усовершенствованныхъ орудій, потому что у насъ есть крестьяне, которые должны являться на нашу работу съ своими лошадьми и орудіями и изъ которыхъ иначе мы не можемъ извлечь настоящей выгоды; мы должны вести наше хозяйство кое-какъ, чрезъ управляющихъ невѣждъ или мошенниковъ, потому что сами, отвлеченные другими занятіями, мы не можемъ посвятить наше время сельскому хозяйству, а въ аренду землю съ крестьянами мы

не смѣемъ отдавать; наконецъ, владѣніе людьми и распоряженіе невольною работою притупляютъ нашъ умъ, искажаютъ нашу совѣсть, сокращаютъ наши силы и, владѣя по закону людьми и землею почти неограниченно, мы оказываемся не владѣющими дѣйствительно вполнѣ ни тѣмъ, ни другимъ. Сверхъ того наше владѣніе землею какъ-то не твердо, не вѣрно: мы знаемъ, что должно послѣдовать уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, не увѣрены въ безобидности развязки этого вопроса и потому на самое владѣніе землею смотримъ, какъ на нѣчто временное, колеблющееся. По уничтоженіи крѣпостнаго состоянія дѣло будетъ совершенно иное: половина земель и почти всѣ лѣса (ибо сохраненіе ихъ необходимо оставить въ личномъ владѣніи помѣщиковъ*) будетъ полною собственностію помѣщиковъ, и дворянству будетъ настоять необходимость лично распоряжаться своимъ хозяйствомъ или отдавать свои земли въ аренду людямъ, могущимъ дѣльно заняться этою отраслью промышленности. Доходы наши должны отъ того не убавиться, а усилиться, какъ мною доказано въ 1-й запискѣ; сверхъ того нынѣшній помѣщикъ, душевладѣлецъ, при лучшихъ качествахъ души, не внушаетъ прочимъ сословіямъ ни довѣрія, ни уваженія, а напротивъ того возбуждаетъ противъ себя подозрѣніе, ненависть и проч. Помѣщикъ-земледѣлецъ, напротивъ того, будетъ патрономъ, попечителемъ всего околодка, какъ человѣкъ болѣе просвѣщенный, болѣе богатый и болѣе сильный. Конечно, мелкопомѣстные дворяне потерпятъ отъ этой перемѣны, но въ этомъ нѣтъ большой бѣды. Теперь они большей частію живутъ лишь извлеченіемъ самыхъ незаконныхъ выгодъ изъ крестьянъ и суть для нихъ истинные бичи. Если для правительства, для его твердости и могущества, для прогрессивнаго его хода, нужна сильная аристократія, то аристократія сильною бываетъ не количествомъ, а качествомъ, и въ этомъ отношеніи сокращеніе числа дворянъ должно содѣйствовать не къ упадку, а къ усиленію настоящей аристократіи.

Сверхъ того, казенныя земли, отдаваемыя теперь въ оброчное

---

*) Вотъ еще для помѣщиковъ обильный источникъ доходовъ: до сихъ поръ крестьяне пользуются дровами, хворостомъ, кольями, даже лѣсомъ на постройки, не платя за то помѣщикамъ ничего, и тратятъ лѣсъ тѣмъ безпощаднѣе, что денегъ за то не взносятъ и что они считаютъ лѣсъ общимъ достояніемъ. Когда лѣса сдѣлаются исключительною собственностію помѣщиковъ, то истребленіе лѣсовъ уменьшится и помѣщики будутъ получать съ нихъ болѣе дохода.

содержаніе за ничтожныя цѣны, могутъ быть проданы съ торговъ и поступить во владѣніе дворянства. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ казенные крестьяне имѣютъ огромные надѣлы земли, которую они обработывать не могутъ, а отдаютъ въ наймы, значительные участки земли могли бы, по усмотрѣнію правительства, быть назначены съ торговъ въ продажу и поступить во владѣніе дворянства.

Какъ вышеизложенныя мѣры привести въ исполненіе.

Теперь слѣдуетъ намъ разсмотрѣть: какъ удобнѣе вышеизложенныя мѣры привести въ исполненіе? Правительство, по нашему мнѣнію, должно дѣйствовать слѣдующимъ порядкомъ:

Въ указѣ, который имѣетъ быть изданъ по предмету сдѣлокъ помѣщиковъ съ крестьянами и залога въ кредитныя учрежденія, — не должно содержаться ничего понудительнаго въ отношеніи къ дворянству, но чрезъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей должна быть объявлена всѣмъ помѣщикамъ положительная воля Государя Императора на счетъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія; съ приглашеніемъ ихъ приступить къ тому на основаніяхъ, изложенныхъ въ указѣ. При семъ случаѣ *умѣстно упомянуть* о всегдашней готовности дворянства исполнять Высочайшую волю, объ увѣренности Государя Императора въ томъ, что и на сей разъ помѣщики поспѣшатъ привести оную въ дѣйствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ сказать, что въ противномъ случаѣ правительство должно будетъ дѣйствовать понудительно, порядкомъ распорядительнымъ. Одновременно съ этимъ должны быть изданы указъ и положеніе объ учрежденіи комитетовъ для оцѣнки дворянскихъ имѣній. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, пока будетъ производиться сія оцѣнка, нельзя ожидать, чтобъ многіе изъ помѣщиковъ освободили своихъ крестьянъ, но люди, особенно ревнующіе объ этомъ дѣлѣ, конечно, воспользуются данною возможностію, и такимъ образомъ установятся въ разныхъ мѣстностяхъ самыя благопріятныя для крестьянъ нормы освобожденія.

По окончаніи описи и оцѣнки имѣній, т. е. по истеченіи трехъ лѣтъ слѣдуетъ уже указомъ пригласить помѣщиковъ къ заключенію сдѣлокъ съ крестьянами *и назначить для того опредѣленный срокъ;* при чемъ объявить, что за истеченіемъ этого срока, правительство

приступитъ къ дѣлу этому уже административными мѣрами. Въ этотъ срокъ многіе помѣщики учинятъ сдѣлки съ своими крестьянами, и можно навѣрное полагать, что во всякомъ уѣздѣ будетъ нѣсколько освобожденныхъ имѣній.

По истеченіи втораго срока правительство должно *назначить по одному или по два посредника въ каждомъ уѣздѣ* изъ среды дворянъ, уже освободившихъ своихъ крестьянъ, для содѣйствія къ заключенію сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами. Нельзя предоставить дворянамъ выборъ этихъ посредниковъ, ибо они непремѣнно выберутъ самыхъ безгласныхъ помѣщиковъ, и цѣль назначенія посредниковъ не будетъ достигнута. Необходимо самому правительству опредѣлять въ эту должность, и это тѣмъ удобнѣе, что люди, учинившіе прежде прочихъ сдѣлки съ своими крестьянами, будутъ тѣмъ самымъ на виду у правительства, которому не трудно будетъ избирать изъ нихъ болѣе способныхъ и особенно ревностныхъ къ окончанію этого дѣла. Если въ какомъ либо уѣздѣ не будетъ ни одного помѣщика, освободившаго своихъ крестьянъ, то въ такой уѣздъ правительство можетъ послать, кого оно заблагоразсудитъ.

По истеченіи третьяго срока, который также долженъ быть трехлѣтній, слѣдуетъ предоставить посредникамъ право дѣлать сдѣлки съ крестьянами, замѣняя вполнѣ помѣщиковъ, которые въ этомъ случаѣ теряютъ право дѣлать какія либо возраженія на договоры, заключаемые посредниками съ ихъ крестьянами. Если требованія помѣщика справедливы, крестьяне же по упорству на оныя не соглашаются, то посредникъ приглашаетъ повѣренныхъ отъ ближайшихъ освобожденныхъ селъ и обще съ ними составляетъ журналъ и доноситъ министерству внутреннихъ дѣлъ съ подробнымъ изложеніемъ требованій помѣщика, предложеній крестьянъ и своего мнѣнія.

Должно полагать, что по истеченіи 12 лѣтъ весьма не многія имѣнія останутся не освобожденными. Выгоды предложеннаго способа очевидны:

а) Самыя благопріятныя для крестьянъ нормы будутъ установлены сначала въ каждой мѣстности, по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами.

б) Для третьяго и четвертаго сроковъ, въ которые начнется дѣйствіе уже нѣсколько понудительное, въ каждомъ краѣ будутъ уже образцы, ограничивающіе произволъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ.

в) Хотя положительнаго понужденія не будетъ въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ, однако помѣщики должны будутъ спѣшить заключеніемъ условій, какъ потому, что въ началѣ крестьяне будутъ сговорчивѣе, такъ и изъ опасенія распорядительныхъ мѣръ со стороны правительства.

Наконецъ, г), сдѣлки эти будутъ составляться на мѣстѣ, у корня самаго дѣла, и при томъ самыми заинтересованными сторонами, слѣдовательно удобно будетъ разрѣшать всякія затрудненія и уничтожать могущія возникать недоумѣнія.

Одновременно съ обнародованіемъ вышеизложенныхъ мѣръ необходимо постановить нижеслѣдующее:

Необходимыя предварительныя распоряженія по уничтоженію крѣпостнаго состоянія.

Во 1-хъ, воспретить переводъ крестьянъ во дворовые. Если такое запрещеніе не будетъ сдѣлано, то помѣщики, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, переведутъ многихъ крестьянъ во дворовые, дабы удержать за собою большее по возможности количество земли; число же дворовыхъ чрезъ то значительно умножится. Теперь, по случаю новой народной переписи, очень удобно это сдѣлать, объявивъ, что дворовые должны быть показаны въ дворовыхъ, а крестьяне въ крестьянствѣ, что, какъ извѣстно, рѣдко соблюдается. При семъ необходимо постановить, что крестьянинъ, показанный въ числѣ дворовыхъ, или дворовый, записанный крестьяниномъ, или крестьянинъ, взятый во дворъ послѣ обнародованія сего запрещенія, чрезъ то самое становится свободнымъ и помѣщикъ теряетъ всякое право на вознагражденіе. Малолѣтки, взятые во дворъ изъ крестьянскихъ семействъ, возвращаются въ первобытное состояніе; а тѣ изъ нихъ, которые уже достигли 20-лѣтняго возраста, могутъ быть оставлены въ числѣ дворовыхъ, если сами того пожелаютъ, почему должны, съ согласія своихъ помѣщиковъ, подать о томъ просьбу лично въ ревизскую коммиссію. Малолѣтки, взятые изъ крестьянъ, не имѣющіе семействъ, остаются въ дворовыхъ или возвращаются въ крестьянство по усмотрѣнію помѣщиковъ.

Во 2-хъ, постановить, что всѣ крестьяне мѣсячники, т. е. неимѣющіе земли и получающіе свое содержаніе отъ помѣщика, должны

или быть надѣлены землею съ льготою двухъ-лѣтнею отъ работъ на обзаведеніе, или получить свободу съ ихъ семействами. Необходимо воспретить помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ домашнюю прислугу, ибо подъ этимъ видомъ будетъ продолжаться взятіе во дворъ, но необходимо оставить за помѣщиками право приставлять изъ крестьянъ въ сельско-хозяйственныя должности, т. е. въ старосты, ключники, пастухи и проч.

Въ 3-хъ, воспретить продажу крестьянъ безъ земли на свозъ, и даже не дозволять помѣщикамъ переселеніе крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, до заключенія договоровъ съ крестьянами на счетъ ихъ освобожденія; по сдѣлкамъ же сего рода могутъ быть съ общаго согласія допущены переселенія. Причины къ такому запрещенію изложены въ 1-й запискѣ.

Въ 4-хъ, воспретить, со дня изданія указа, имѣющаго по сему предмету состояться, всякія измѣненія въ настоящемъ надѣлѣ крестьянъ землею, до учиненія помѣщиками добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами на счетъ ихъ освобожденія; ибо иначе помѣщики примутся обрѣзывать мірскіе надѣлы или отводить крестьянамъ въ пользованіе земли запольныя; изъ сего легко могутъ возникнуть возмущенія. При семъ необходимо постановить, что помѣщики, которые въ противность сего постановленія, измѣнятъ земляные надѣлы крестьянъ, лишатся права дѣлать съ ними добровольныя сдѣлки и что правительство само, чрезъ особо назначенныхъ чиновниковъ, заключитъ таковыя условія съ крестьянами, безъ участія помѣщиковъ.

Въ 5-хъ, пріостановить залогъ и перезалогъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ, до учиненія добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами на счетъ ихъ освобожденія.

Въ 6-хъ, объявить, что никакія льготы въ уплатѣ процентовъ не будутъ допущены помѣщикамъ, не воспользовавшимся способами, предоставляемыми отъ правительства къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ ихъ имѣніяхъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю высказать глубокое убѣжденіе, что для успѣха этого дѣла, для мирнаго и для всѣхъ равно выгоднаго рѣшенія онаго, необходимо *снять* съ него *покрывало таинственности*, которымъ его теперь окутываютъ. Опасность не въ гласности, а въ отсутствіи оной. Что печатается, то подлежитъ надзору, то можетъ быть обсужено, утверждено или опровергнуто; а то, что говорится въ домахъ, на улицахъ, въ трактирахъ, кабакахъ

и проч., то ничѣмъ и никѣмъ не можетъ быть контролировано. Всякій надзоръ за частными дѣйствіями, всякое преслѣдованіе оныхъ производитъ всегда противное ожидаемому дѣйствію. Чѣмъ менѣе люди будутъ знать о дѣлѣ для нихъ близкомъ, кровномъ, тѣмъ болѣе они будутъ предаваться предположеніямъ, вѣрить самымъ нелѣпымъ слухамъ и распространять ихъ съ прибавками и измѣненіями. Тайну сохранить крайне трудно; къ тому же скрываемое въ тайнѣ выходитъ наружу всегда въ преувеличенномъ и переиначенномъ видѣ. Доказательствомъ тому между прочимъ можетъ служить и то, что случилось въ С.-Петербургѣ 7 Января. Причиною тому не указъ, изданный о порядкѣ свидѣтельствованія договоровъ въ гражданскихъ палатахъ, не положительный какой либо фактъ, а слухъ, что было засѣданіе подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императора и что тамъ признана необходимость уничтожить крѣпостное состояніе. Пошли по этому поводу росказни и увѣренія, и народъ сталъ ожидать изъ сенатской типографіи указа объ освобожденіи. Большая по возможности гласность есть одно вѣрное средство противъ ложныхъ слуховъ и толковъ; а потому самый безопасный путь при производствѣ этого великаго переворота состоитъ въ томъ, чтобъ издавать по сему предмету указы сколь возможно ясные, опредѣлительные и написанные языкомъ общепонятнымъ;*) — чтобъ дозволено было печатать подъ надзоромъ цензуры всякія благонамѣренныя, съ знаніемъ дѣла составленныя разсужденія о предметахъ, относящихся къ этому дѣлу; — чтобъ общества сельскаго хозяйства приглашены были къ разъясненію и обсужденію вопросовъ по сему предмету; однимъ словомъ, — чтобъ вызвана была къ содѣйствію всякая опытность и чтобъ ничего не оставалось въ туманной неизвѣстности и неопредѣлительности. Должно бояться не гласности въ обсужденіи сего вопроса, а ложныхъ толковъ и слуховъ, а они питаются лишь отсутствіемъ вѣрныхъ свѣдѣній, подавленіемъ всякихъ разсужденій и пуще всего таинственностію. Вопросъ не страшенъ самъ по себѣ, а грозенъ онъ по худому направленію, которое могутъ ему дать изъ ложнаго страха, по милости предосторожностей, которыми захотятъ его окружить и отъ недостатка въ знаніи дѣла. По невѣдѣнію можно сдѣлать зла столько, столько же и даже больше, чѣмъ

---

*) Слово *свобода* отнюдь не должно быть употребляемо въ указахъ; это тѣмъ удобнѣе, что слова: *отпускъ на волю* однозначущи и не возбуждаютъ въ народѣ никакихъ ложныхъ понятій.

по злонамѣренности. Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія есть дѣло святое; оно и должно совершиться на Божьемъ свѣтѣ, а не во мракѣ, — не тайно и не одним умомъ — разумомъ нѣсколькихъ лицъ, лишенныхъ по своему оффиціальному положенію возможности знать дѣйствительный бытъ помѣщиковъ и крестьянъ, ихъ отношенія, ихъ нужды и потребности.

ФОРМА.

. . . . губерніи . . . . . . уѣзда, село или деревня . . . . помѣщика (чинъ, имя, отчество и прозваніе).

Описаніе учинено (число, мѣсяцъ и годъ).

Крестьянъ *) по 9 народной переписи мужеска 000, женска 000 душъ. Въ наличности мужеска 000, женска 000 душъ. Въ бѣгахъ 00 душъ мужеска, 00 душъ женска.

Земли въ единственномъ и безспорномъ **) владѣніи.

	десятинъ.
Пахотной	0,000
Луговой	0,000
Подъ крестьянскими усадьбами, огородами, коноплянникомъ и выгономъ	000
Подъ господскою усадьбою, коноплянникомъ и выгономъ (буде таковой имѣется)	000
(Если нѣтъ господской усадьбы то оговорить.)	
Лѣсу строеваго	000
Лѣсу дровянаго	000
Кустарнику	000
Неудобной земли подъ рѣками, озерами, оврагами и дорогами	000

Всего земли 0,000 десятинъ, (количество обозначить прописью.)

Тяголъ имѣется 000, каждое тягло имѣетъ пахотной въ трехъ поляхъ 0 десятинъ, луговой 0 десят. подъ усадьбами, огородами, коноплянникомъ и выгономъ 0 десятинъ.

Всего на каждое тягло причитается 0 десят. (послѣднее количество прописью).

Оговорить: пользуются ли крестьяне лѣсомъ по слѣдующимъ статьямъ: на отопку, на городьбы, на холодныя строенія, на избы и на продажу.

---

*) Дворовыхъ не включать.

**) Буде споръ, то вкратцѣ изложить, о чемъ идетъ споръ и гдѣ производится дѣло.

Тяглы состоятъ на барщинѣ, или на оброкѣ, или отчасти на барщинѣ, а отчасти на оброкѣ, или на оброкѣ при барщинѣ. Все оное изложить обстоятельно съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ крестьянскихъ повинностей.

Господской запашки (буде таковая имѣется) имѣется въ трехъ поляхъ 000 десят., господскаго лугу 000 десят., подъ господскими коноплянниками 000 десятинъ.

Промышленность крестьянъ.

Сбытъ произведеній.

Рѣки и озера.

Большія дороги или отдаленность отъ нихъ.

Проѣзжія проселочныя дороги.

Оцѣнка	пахотной земли	за десятину	по	00	руб.	сер.
„	луговой „	„	„	00	„	„
„	усадебной „	„	„	00	„	„
„	лѣсу строеваго	„	„	00	„	„
„	лѣсу дровянаго	„	„	00	„	„
„	кустарнику	„	„	00	„	„

Примѣчаніе: Если въ имѣніи угодія въ разныхъ мѣстностяхъ различнаго достоинства, то и оцѣнку дѣлать имъ различную.

Общая оцѣнка земли полагается по 00 руб. за десятину, а всей дачи по угодіямъ назначается 00,000 руб. сер.

Примѣчаніе: Если имѣніе на оброкѣ, то сверхъ того производится оцѣнка имѣнію и получаемому оброку.

Дохода съ оброчныхъ тяголъ 000 по 000 руб., 0,000 руб. сер. Недоимки накопилось въ 0 годовъ 000 р. 00 к., а потому на годъ приходится по 00 р. 00 к. сер. — Слѣдовательно, за исключеніемъ недоимки, ежегодно получается оброку съ 00 тяголъ бездоимочно 000 руб. сер., а расчитывая изъ 6% имѣніе оцѣнивается въ 00,000 р.

Особыя доходныя статьи: Заводы, мельницы, пруды и проч. съ приблизительнымъ обозначеніемъ, сколько они приносятъ дохода.

Примѣчаніе: Этотъ доходъ показывается приблизительно, а потому за вѣрность сего, лица, удостовѣряющія описаніе, не отвѣчаютъ.

Планъ и межевыя книги при семъ представляются.

(Если ихъ не имѣется на лицо, то обозначить, гдѣ оные находятся; если же ихъ вовсе нѣтъ, то оговорить, почему ихъ нѣтъ. Если оные не высланы изъ межевой канцеляріи, то комитетъ имѣетъ

ихъ оттуда требовать, и межевая канцелярія имѣетъ ихъ выслать въ срокъ, какой отъ правительства будетъ назначенъ для исполненія подобныхъ требованій.)

Примѣчаніе: По утвержденіи описанія комитетомъ, планъ и межевыя книги возвращаются помѣщику или его управляющему подъ росписку на самомъ описаніи. Если уѣздный комитетъ не можетъ утвердить описанія, то планъ и межевыя книги оставляются при дѣлѣ и поступаютъ въ губернскій комитетъ, который уже выдаетъ ихъ обратно помѣщику по минованіи въ нихъ надобности.

Описаніе составилъ вѣрно и оцѣнку произвелъ по совѣсти помѣщикъ означеннаго имѣнія, или такой то по довѣренности, засвидѣтельствованной въ . . . . судѣ или палатѣ такой-то. Число, мѣсяцъ и годъ.

Описаніе нахожу вѣрнымъ и оцѣнку справедливою. Помѣщикъ того же уѣзда, чинъ, имя, отчество и прозваніе.

Въ томъ же свидѣтельствую помѣщикъ того же уѣзда.

(По разсмотрѣніи сего описанія и оцѣнки комитетъ, буде найдетъ ихъ вѣрными и справедливыми, дѣлаетъ на семъ описаніи подпись.)

185 года, числа и мѣсяца . . . . комитетъ по разсмотрѣніи описанія и оцѣнки имѣнія такого то помѣщика въ такомъ то селѣ или деревнѣ не находитъ причинъ къ сомнѣнію въ вѣрности описанія и въ справедливости оцѣнки, а потому положено единогласно или по большинству голосовъ*) утвердить.

Предсѣдатель.

Членъ.

Членъ.

Членъ.

Членъ . . . . при особомъ мнѣніи.

Губернскій комитетъ дѣлаетъ подпись на тѣхъ только описаніяхъ, которыя уѣзднымъ комитетомъ не утверждены по несогласію ихъ съ помѣщиками; къ прочимъ же прикладываетъ только печать.

---

*) Несогласные члены подаютъ особыя мнѣнія, которыя прилагаются къ описанію.

IV.

Предполагаемыя мѣры къ освобожденію дворовыхъ людей.

Освобожденіе дворовыхъ людей, коихъ по 9-й народной переписи числится 1,035,924 души обоего пола (мужска 521,939 и женска 513,985*), есть предметъ особенно важный, какъ въ государственномъ, такъ и въ частномъ и общественномъ отношеніи, и требующій самаго безотлагательнаго разрѣшенія. Дворовые люди у насъ не прикрѣплены къ землѣ, а находятся въ полномъ рабствѣ, не имѣютъ никакой собственности и состоятъ въ совершенной зависимости отъ господскаго произвола. Эти отношенія дѣйствуютъ самымъ вреднымъ образомъ на нравственность какъ дворовыхъ людей, такъ и самихъ помѣщиковъ: первые, чувствуя себя во власти другихъ, предаются не только безпечности, лѣности и пьянству, но часто впадаютъ въ совершенное отчаяніе; послѣдніе, имѣя при себѣ съ утра до вечера людей, коихъ участь вполнѣ въ ихъ рукахъ, привыкаютъ смотрѣть на нихъ какъ на домашнихъ животныхъ, какъ на вещи, созданныя для житейскихъ удобствъ, лишаютъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти, въ видахъ экономіи и лишняго удобства, возможности имѣть семейства, считаютъ себя обязанными доставлять имъ только безнуждное содержаніе, (а иногда и крайне недостаточное), и позволяютъ себѣ въ отношеніи къ нимъ всякій разгулъ произвола. Въ государственномъ смыслѣ, дворовые люди образуютъ сословіе всѣхъ менѣе производительное, ибо большинство изъ нихъ наполняетъ переднія и конюшни и служитъ только орудіемъ роскоши и барскаго

*) Въ дѣйствительности дворовыхъ людей болѣе, ибо у многихъ помѣщиковъ они показаны въ крестьянствѣ.

чванства. Къ уничтоженію этого зла необходимо принять самыя рѣшительныя мѣры. Онѣ, по моему мнѣнію, могли бы состоять въ нижеслѣдующемъ:

Добровольныя сдѣлки между помѣщиками и дворовыми людьми, оставить на нынѣ существующемъ основаніи (т. е. не ограничивая ихъ ни въ отношеніи къ суммамъ за выкупъ, ни въ отношеніи къ срокамъ платежей), назначить вмѣстѣ съ тѣмъ сумму, по единовременномъ взносѣ которой, всякій дворовый человѣкъ имѣлъ бы право на полученіе отпускной. Этотъ высшій окупъ (maximum) долженъ быть опредѣленъ по среднимъ цѣнамъ продажи людей и по цѣнѣ, установленной правительствомъ, за рекрутскія квитанціи; а потому онъ могъ бы быть слѣдующій: всякій взрослый, отъ 20 до 30 лѣтъ, имѣетъ право получить отпускную, внеся за себя въ уѣздный судъ 300 руб. сереб. а послѣ 30 и до 40 лѣтъ изъ этой суммы сбавляется по 30 руб. сереб. ежегодно, а по достиженіи 40 лѣтъ всякій дворовый имѣетъ право получить отпускную безъ всякой платы. Если взнесшій за себя деньги или получающій свободу за выслугу лѣтъ имѣетъ жену и дѣтей, то жена и малолѣтныя дѣти мужскаго пола до 10 лѣтъ и женскаго до 13 лѣтъ включаются въ отпускную безъ всякой особенной за нихъ платы. За дѣтей мужскаго пола съ 11-го года до 20 лѣтъ включительно слѣдуетъ взносить по 30 руб. за каждый годъ свыше 10 лѣтъ, такъ за мальчика на 11 году должно уплатить 30 руб. а на 15 году 150 руб., за дѣтей женскаго пола послѣ 13 лѣтъ взносится по 10 руб. сереб. за каждый годъ свыше сего возраста до 18-ти лѣтъ включительно; такъ на 14 году взносится за дѣвку 10 руб., на 15 году 20 руб., на 18 году 50 руб. Всякая дѣвка и вдова отъ 18-ти до 30 лѣтъ имѣетъ право получить отпускную, взнеся за себя въ уѣздный судъ 50 руб. сереб. Послѣ 30 лѣтъ плата сбавляется каждый годъ по 10 руб. сереб. а по достиженіи ими 35-лѣтняго возраста всякая дѣвка и вдова имѣетъ право получить отпускную безплатно.

Какъ нѣкоторые помѣщики платили за обученіе своихъ дворовыхъ мальчиковъ разнымъ мастерствамъ, искусствамъ и наукамъ довольно значительныя деньги, то необходимо постановить, что если помѣщикъ отдавалъ мальчиковъ въ ученіе на года безъ платы то тѣмъ платежи за выкупъ не усиливаются; если же помѣщикъ платилъ за обученіе деньги, то сумма уплаченныхъ денегъ по законнымъ условіямъ, или по квитанціямъ изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, дѣлится на 20 лѣтъ, т. е. считая служебное время отъ 20

до 40 лѣтъ, и присоединяется къ платежамъ слѣдующимъ по возрасту желающаго получить свободу. Такъ если обученіе стоило 200 руб., а желающій воспользоваться отпускною имѣетъ 28 лѣтъ, то онъ долженъ заплатить за себя 300 руб. и еще за 12 лѣтъ недослуженныхъ до 40-лѣтняго возраста по 10 руб., 120, а всего 420 руб. сереб.

Во избѣжаніе подлоговъ со стороны дворовыхъ людей, которые, имѣя на рукахъ господскія деньги и вещи, могутъ взнести въ Уѣздный судъ деньги господскія или вырученныя за господскія вещи, Уѣздный судъ, до выдачи отпускной, обязанъ истребовать отъ помѣщика или отъ управляющаго по довѣренности его имѣніемъ, свѣдѣніе: не состоитъ ли просящій отпускную въ отчетной должности, и въ семъ случаѣ, сдалъ ли онъ исправно все бывшее у него на рукахъ. Показанія помѣщика или управляющаго въ семъ случаѣ должны быть не голословныя, а основанныя на положительныхъ доказательствахъ.

Необходимо также постановить, что помѣщикъ имѣетъ право дать отпускную всякому дворовому, который не калѣка, не чахоточный, не малолѣтный и не старше 60 лѣтъ отъ роду, и что такой дворовый человѣкъ не имѣетъ права отказываться отъ принятія отпускной. Въ семъ случаѣ жена и малолѣтныя дѣти такого двороваго человѣка вмѣстѣ съ нимъ отпускаются на волю.

Можно также постановить, что помѣщикъ можетъ дать отпускную и калѣкѣ, и чахоточному, и старику, имѣющему отъ роду свыше 60 лѣтъ, но въ такомъ случаѣ онъ взноситъ 150 руб. сереб., которые поступаютъ въ пользу того общества, къ которому отпущенникъ будетъ приписанъ. Въ отношеніи къ лицамъ женскаго пола можно то же узаконить съ слѣдующими двумя измѣненіями: вмѣсто 60-лѣтняго возраста назначить 50 лѣтъ и вмѣсто 150 руб. положить 75 рублей.

Сверхъ того въ видахъ скорѣйшаго уничтоженія сословія дворовыхъ людей, желательно было бы постановить, что всѣ рожденные въ этомъ сословіи со дня восшествія на Престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора, т. е. съ 19 Февраля 1855 года, свободны. Обязанность содержать ихъ до 10-лѣтняго возраста лежитъ на отвѣтственности помѣщиковъ, пользующихся службою ихъ отцовъ или матерей, а дѣти послѣ 10-лѣтняго возраста и круглыя сироты, въ случаѣ если ни родители, ни родственники, ни благотворители

не изъявятъ желанія принять ихъ на свое попеченіе, помѣщаются въ какое либо казенное воспитательное заведеніе.

Родившихся или имѣющихъ родиться вольными, на основаніи предъидущей статьи, т. е. отъ родителей, состоящихъ еще въ крѣпостномъ состояніи, а равно людей, отпущенныхъ на волю послѣ 50 лѣтъ, слѣдуетъ освободить отъ платежа податей, первыхъ до достиженія ими 20 лѣтняго возраста, а послѣднихъ до ихъ смерти.

Предполагаемыя мѣры уничтожатъ крѣпостное право въ отношеніи къ дворовымъ не внезапно и не безъ вознагражденія, и будутъ имѣть послѣдствіемъ то, что все это сословіе въ 20 лѣтъ перейдетъ въ свободное состояніе; помѣщики же не вдругъ лишатся нужныхъ имъ людей и будутъ имѣть время устроить постепенно, на новыхъ основаніяхъ свое домашнее и сельское хозяйство и пріискать вольныхъ на мѣсто крѣпостныхъ людей, которые могутъ отъ нихъ отойти.*)

Весьма желательно также, чтобъ дозволено было учрежденіе благотворительныхъ или даже коммерческихъ обществъ съ цѣлью способствовать дворовымъ людямъ въ выкупахъ на волю. Эта мѣра можетъ быть особенно полезна для освобожденія людей, принадлежащихъ дворянамъ мелкопомѣстнымъ или не имѣющимъ вовсе недвижимой собственности. Дворовые ихъ люди по большей части не въ состояніи единовременно взносить за себя положенныя деньги, а сами владѣльцы, по ограниченности своихъ средствъ, не могутъ дѣлать значительныя пожертвованія. Такимъ образомъ, общественная благотворительность могла бы въ этомъ дѣлѣ оказать великія заслуги.

---

*) Весьма желательно, чтобъ установлены были на счетъ паспортовъ новыя правила, въ силу которыхъ возможно было бы, при наймѣ людей, видѣть у кого, въ какой должности, какъ и сколько времени жилъ человѣкъ, ищущій мѣсто. Паспорты пожизненные въ видѣ книжекъ въ этомъ случаѣ вполнѣ бы соотвѣтствовали цѣли.

Приложенiе шестое.

Депутаты и редакцiонныя коммиссiи по крестьянскому дѣлу.

1860.

„Порученіе, на насъ возложенное“, по словамъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, „окончено и дальнѣйшее наше пребываніе въ С.-Петербургѣ необязательно;“ а потому теперь лежитъ на насъ долгъ: представить отчетъ дворянству, Россіи, Государю и исторіи, въ томъ участіи, которое выпало на нашу долю въ великомъ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ нашемъ отечествѣ. Исполненіе этой обязанности тѣмъ необходимѣе и неотложнѣе, что дѣйствія наши подверглись разнымъ пересудамъ и что не вездѣ, какъ мы имѣемъ причины думать, они были представлены въ настоящемъ ихъ видѣ. Постараемся же исполнить нашъ долгъ безпристрастно, — какъ говорится: sine ira et studio.

Государь Императоръ, въ рѣчи своей къ Тверскому дворянству, 11-го Августа 1858 г. изволилъ сказать: „Я ужъ приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобъ изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ *для присутствованія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ комитетѣ.*" Его Величеству благоугодно было также объявить 16-го Августа Костромскому дворянству: „для объясненія вашихъ выводовъ, я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ *для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ.*" — Чрезъ три дня послѣ того, слѣдующія Высочайшія слова обращены были къ Нижегородскому дворянству: „*Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ Главномъ комитетѣ;* но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ, избранныхъ вами, членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ."

Во исполненіе сей Высочайшей воли, г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ циркулярно всѣхъ начальниковъ губерній о томъ. что предоставляется „каждому губернскому комитету, по составленіи въ немъ проэкта, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ *для представленія Высшему Правительству* всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть *при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проэкта.*"

Впослѣдствіи, въ этомъ распоряженіи произошли разныя перемѣны: депутатамъ велѣно пріѣзжать только тогда, когда они будутъ вызваны; и изъ тѣхъ комитетовъ, гдѣ составлено болѣе одного

проэкта, прибыть въ С.-Петербургъ по одному члену отъ каждаго проэкта. Сверхъ того, при учрежденіи, при Главномъ комитетѣ, редакціонныхъ коммиссій для составленія положеній по крестьянскому дѣлу, рѣшено было вызвать депутатовъ въ два срока: сперва изъ тѣхъ 21 губерній, которыя прежде прочихъ представили свои проэкты, а потомъ изъ остальныхъ.

Съѣхавшіеся въ С.-Петербургъ депутаты перваго призыва, въ числѣ 32, приглашены были 25-го Августа въ общее присутствіе редакціонной коммиссіи по крестьянскому дѣлу. Тамъ прочтена была предназначенная для нихъ инструкція съ разными приложеніями. Чтеніе это продолжалось слишкомъ полтора часа; по окончаніи его, засѣданіе было немедленно закрыто, а депутаты, снабженные каждый книжкою, въ которой содержалось все имъ прочитанное, разъѣхались по домамъ.

Эта инструкція, впрочемъ безъ приложеній, помѣщена нами въ концѣ брошюры.

Депутаты поражены были противорѣчіями инструкціи съ словами, Высочайше обращенными къ дворянству разныхъ губерній, и съ журналомъ 26 Октября 1858 года, Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Эта инструкція была даже несогласна съ отношеніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, объявлявшемъ каждому комитету волю Государя Императора по избранію и прибытію въ С.-Петербургъ членовъ: „для представленія *Высшему Правительству* всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть *при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проэкта.*“ Новое положеніе, созданное инструкціею для депутатовъ, противорѣчило даже собственнымъ воззрѣніямъ редакціонной коммиссіи, или, вѣрнѣе сказать, ея предсѣдателя, на обязанности сихъ членовъ, — воззрѣніемъ, не разъ высказаннымъ въ журналахъ общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій. Всѣ эти обстоятельства побудили депутатовъ собраться для совѣщанія о томъ, что́ имъ дѣлать.

Первое собраніе было 26-го Августа въ домѣ С.-Петербургскаго депутата, гр. Шувалова.

Депутаты были въ крайнемъ недоумѣніи. Они спрашивали себя и другъ друга: кѣмъ составлена эта инструкція? Какъ могла она попасть въ Государственную Канцелярію? Кѣмъ она была разсмотрѣна и поднесена на Высочайшее утвержденіе? — Государь изволилъ говорить о депутатахъ, имѣющихъ прибыть въ С.-Петербургъ, *для присутствія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи по-*

ложеній въ Главномъ комитетѣ; что же значитъ перемѣна, въ силу которой члены отъ комитетовъ обязаны только представить, въ редакціонныя коммиссіи, мѣстныя свѣдѣнія и объясненія по вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи при разработкѣ крестьянскаго дѣла? Чтó значитъ то, что, по полученіи отвѣтовъ на упомянутые вопросы, *предъявляются* членамъ труды коммиссій съ предложеніемъ новыхъ вопросовъ? Чтó значитъ, что члены обязаны представить, *каждый по своей губерніи,* или члены одной губерніи за общимъ подписомъ, свои письменные отзывы? Съ какою цѣлью назначенъ для занятій депутатовъ срокъ, по краткости своей, невозможный? Почему не допущены оффиціальныя собранія депутатовъ? Наконецъ, чтó значитъ явное устраненіе прежняго ихъ названія: *депутаты,* и замѣна его другимъ: *члены, избранные Губернскими комитетами?*

Всѣ эти и многіе другіе, къ нимъ прикосновенные, вопросы сильно тревожили депутатовъ. Они вовсе не воображали быть повѣренными отъ земли и даже отъ дворянства, на совершеніе, обще съ Правительствомъ, великаго дѣла уничтоженія крѣпостнаго состоянія и надѣленія крестьянъ землею; они знали, что ихъ голосъ есть чисто совѣщательный, но они никакъ не думали, что ихъ призвали въ С.-Петербургъ для того, чтобы сидѣть каждому въ своей квартирѣ, отвѣчать на заданные вопросы и представлять справки. Такое недовѣріе къ нимъ Правительства; такое неуваженіе въ нихъ лицъ, избранныхъ губернскими комитетами, составленными изъ выборныхъ отъ дворянства; такое униженное положеніе депутатовъ въ отношеніи къ редакціоннымъ коммиссіямъ, и, чтó важнѣе всего, совершенная невозможность исполнить безъ общаго совѣщанія назначеніе, имъ указанное Государемъ и данное довѣріемъ губернскихъ комитетовъ, побудили ихъ обратиться къ Государю Императору съ всеподданнѣйшею просьбою.

Благоговѣя передъ Монархомъ, котораго благодушіе, мудрость и высокое просвѣщеніе устремляли отечество впередъ по пути улучшеній и преобразованій, депутаты не рѣшились, въ первую минуту своего появленія въ Петербургѣ, обратиться къ Его Величеству прямо съ адрессомъ, не испытавъ предварительно мѣръ, болѣе скромныхъ и менѣе раздражительныхъ для предсѣдателя редакціонной коммиссіи, къ коему они были поставлены въ оффиціальныя отношенія. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій и преній, депутаты положили составить письмо къ генералъ-адъютанту Ростовцову, съ ходатайствомъ: повергнуть на Высочайшее воззрѣніе всеподданнѣйшую ихъ просьбу о

дозволеніи имъ имѣть общія совѣщанія въ томъ порядкѣ, какой Его Величеству угодно будетъ указать.

Въ слѣдующее собраніе (28 Августа), представлены были проэкты писемъ гг. Волковымъ (Н. С.), кн. Гагаринымъ, Кошелевымъ и Унковскимъ; сверхъ того предложенъ былъ проэктъ протеста, въ видѣ записки, предназначенной для подачи генералъ-адъютанту Ростовцову. Послѣдній проэктъ былъ устраненъ единогласно; за тѣмъ начались совѣщанія о прочихъ представленныхъ письмахъ. Положено было, для составленія окончательнаго проэкта письма, назначить коммиссію изъ членовъ, представившихъ первоначальные проэкты. Эта коммиссія составила одинъ общій проэктъ и передала его на слѣдующій же день собранію членовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

Хотя этотъ проэктъ былъ выраженъ въ словахъ самыхъ умѣренныхъ и почтительныхъ, но онъ не былъ вполнѣ одобренъ общимъ собраніемъ: нѣкоторые члены потребовали еще большаго смягченія выраженій. По исправленіи, письмо было тотчасъ переписано, подписано всѣми наличными членами и вручено Московскому депутату Волкову для передачи предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій.

Вотъ содержаніе этого письма:

Милостивый Государь

Яковъ Ивановичъ!

„По выслушаніи объявленной намъ Вашимъ Превосходительствомъ Высочайше утвержденной инструкціи, мы долгомъ считаемъ просить Васъ повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора всеподданнѣйшее наше ходатайство о дарованіи намъ возможности вполнѣ оправдать то назначеніе, которое Всемилостивѣйшій Государь благоволилъ указать намъ въ Высочайшихъ рѣчахъ къ дворянству разныхъ губерній и въ журналахъ Главнаго Комитета.

Дворянство доселѣ совѣщалось въ комитетахъ каждой губерніи не только отдѣльно, но и въ разное время. Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости развился у насъ такъ быстро, что одна губернія не могла воспользоваться тѣмъ, что придумывалось въ другой; отъ этого произошло разнообразіе въ проэктахъ, представленныхъ комитетами; къ тому же самые виды Правительства, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе уяснялись и становились намъ болѣе извѣстными. При подобныхъ обстоятельствахъ, и, въ особенности, при кратковременности срока, назначеннаго для занятій губернскихъ комитетовъ, проэкты ихъ не могли достигнуть надлежащей полноты. Зная общее стремленіе нашего сословія къ осуществленію благихъ предначертаній Государя Императора, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать тѣ пополненія и согласованія, которыя окажутся необходимыми для достиженія общаго блага. Редакціонная коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ Вашего Превосходительства, при

всемъ своемъ желанiи и напряженномъ трудѣ, не можетъ обнять всѣхъ мѣстныхъ нуждъ и составить положенiе, соотвѣтствующее потребностямъ всѣхъ разнообразныхъ краевъ Имперiи. Излагая даже наши мнѣнiя, думая дѣйствовать въ полномъ согласiи съ предположенiями комитетовъ, она легко можетъ составить такiя правила, которыя, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, совершенно неисполнимы; а между тѣмъ дѣло освобожденiя крѣпостныхъ людей такъ важно, что малѣйшая ошибка можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствiя для государства и всѣхъ сословiй. Намъ, лицамъ изъ разныхъ мѣстностей, удобнѣе, чѣмъ кому либо, знать примѣнимость общихъ положенiй къ дѣлу, и къ тому же намъ, не участникамъ въ трудахъ редакцiонной коммиссiи, со стороны виднѣе неясности и неполноты, которыя неминуемо бываютъ во всякомъ человѣческомъ произведенiи. Если мы, каждый отдѣльно, будемъ писать свои замѣчанiя, поясненiя и пополненiя, то изъ этого могутъ возникнуть новыя разнорѣчiя, которыя усложнятъ окончательныя разрѣшенiя существенныхъ вопросовъ; а потому только общiя совѣщанiя депутатовъ могутъ дать возможность согласовать различныя мнѣнiя, надлежащимъ образомъ развить, уяснить ихъ, и представить Правительству соображенiя, соотвѣтствующiя какъ важности самаго дѣла, такъ и высокаго довѣрiя, которое Государю Императору благоугодно было оказать дворянству.

Эти обстоятельства вынуждаютъ насъ просить Ваше Превосходительство повергнуть на Высочайшее воззрѣнiе Его Императорскаго Величества нашу всеподданнѣйшую просьбу о дозволенiи намъ имѣть общiя совѣщанiя въ такомъ порядкѣ, въ какомъ благоугодно будетъ указать Государю Императору, и о томъ, чтобы всѣ соображенiя наши, какъ по предъявленнымъ намъ вопросамъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенiя, поступили на судъ Высшаго Правительства.

Примите, Милостивый Государь, увѣренiе въ совершенномъ почтенiи и преданности.

Члены Губернскихъ Комитетовъ:

Владимiрскаго, Иванъ Безобразовъ.
Владимiрскаго, Павелъ Парначевъ.
Воронежскаго, кн. Иванъ Гагаринъ.
Воронежскаго, Θедоръ Крашенинниковъ.
Костромскаго, Александръ Мироновъ (губерн. предвод.)
Костромскаго, Алексѣй Лопухинъ.
Московскаго, Сергѣй Волковъ.
Новогородскаго, Павелъ Косаговскiй.
С.-Петербургскаго, гр. Петръ Шуваловъ (губ. предвод.)
Полтавскаго, Михаилъ Позенъ.
Полтавскаго, Александръ Богдановичъ.
Псковскаго, Николай Волковъ.
Псковскаго, Василiй Голенищевъ-Кутузовъ.
Рязанскаго, Θеодоръ Офросимовъ.
Рязанскаго, кн. Сергѣй Волконскiй.

Рязанскаго, Александръ Кошелевъ.
Саратовскаго, кн. Владиміръ Щербатовъ (губ. предвод.)
Саратовскаго, Нилъ Ознобишинъ.
Симбирскаго, Дмитрій Шидловскій.
Тамбовскаго, Николай Никифоровъ.
Тамбовскаго, Григорій Петрово-Соловово.
Тверскаго, Евграфъ Кардо-Сысоевъ.
Тверскаго, Алексѣй Унковскій (губ. предвод.)
Харьковскаго, Александръ Шретеръ.
Харьковскаго, Дмитрій Хрущовъ.
Черниговскаго, Валеріанъ Подвысоцкій.
Черниговскаго, Александръ Марковичъ.
Ярославскаго, Павелъ Дубровинъ.
Ярославскаго, Демосѳенъ Васильевъ.

Чрезъ нѣсколько дней, а именно 2-го Сентября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, изложенное въ отвѣтѣ генералъ-адъютанта Ростовцова. Оно было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

„Предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій имѣлъ честь получить 1-го сего Сентября письмо отъ 29-го Августа, подписанное 29 членами, вызванными отъ губернскихъ комитетовъ. Того же числа онъ имѣлъ счастіе отправить письмо это въ подлинникѣ въ Царское Село на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе. 2 Сентября онъ удостоился получить слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

Его Императорское Величество прежде и нынѣ не встрѣчаетъ препятствія къ тому, чтобы члены губернскихъ комитетовъ совѣщались между собою; въ дѣлѣ столь важномъ и столь близко касающемся интересовъ дворянства, Государь Императоръ изволитъ находить полезнымъ, чтобы члены губернскихъ комитетовъ помогали одинъ другому своею мѣстною опытностью; но подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера оффиціальнаго.

За тѣмъ Его Величество соизволилъ Высочайше подтвердить, чтобы дальнѣйшія дѣйствія какъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій, такъ и членовъ губернскихъ комитетовъ неуклонно основывались на инструкціи 11-го Августа, т. е. члены губернскихъ комитетовъ, не касаясь общихъ началъ, должны ограничиваться примѣненіемъ оныхъ къ своимъ мѣстностямъ. Для чего они и были вызваны въ Петербургъ, и мнѣнія свои они должны представить отдѣльно по каждой губерніи. Въ заключеніе Его Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣлъ предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій вновь объявить членамъ отъ губернскихъ комитетовъ, что всѣ ихъ отвѣты, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе Главнаго комитета, какъ о томъ было уже сказано въ инструкціи 11-го Августа.

О таковой Высочайшей волѣ предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій имѣетъ честь увѣдомить гг. членовъ губернскихъ комитетовъ."

С.-Петербургъ, 3 Сентября 1859 года.

Генералъ-Адъютантъ *Ростовцовъ*.

Почти въ то-же время, т. е. 2-го Сентября было объявлено г. министромъ внутреннихъ дѣлъ членамъ отъ губернскихъ комитетовъ, что Государь Императоръ будетъ ихъ принимать въ Царскомъ Селѣ 4-го Сентября, въ часъ по полудни. Почему, въ означенный день, всѣ члены прибыли на станцію желѣзной дороги въ 10 часовъ утра и отправились въ Царское Село. Тамъ, со станціи, въ придворныхъ экипажахъ, они отвезены были во дворецъ, гдѣ отведены были для нихъ особыя комнаты. Безъ четверти въ часъ, они отправились въ залъ, въ которомъ они должны были представляться Государю Императору. Тутъ депутаты были разставлены по алфавитному порядку губерній, и Его Величество изволилъ выдти ровно въ часъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ называлъ каждаго депутата, и Государь преимущественно спрашивалъ: гдѣ кто служилъ? За тѣмъ Императоръ сталъ посреди депутатовъ, сдвинувшихся вокругъ Его Величества, и произнесъ слѣдующія слова:

„Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для меня и для васъ, и успѣха котораго, я вполнѣ увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и я; съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я увѣренъ, что вѣрное мое дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать. Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда еще былъ Наслѣдникомъ, я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь, и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ, началъ я это дѣло; съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Яковомъ Ивановичемъ: отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны: тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ редакціонной коммиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій. Но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь, что довѣріе мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ. Прощайте, господа, до свиданія.“

По выслушаніи этихъ словъ, Воронежскій депутатъ, кн. Гагаринъ, по собственному внушенію, а не по порученію прочихъ депутатовъ, доложилъ Его Величеству, что дворянство готово на жертвы, хотя бы онѣ простирались и до трети ихъ достоянія. На это Государь изволилъ отвѣчать: „Нѣтъ, такихъ значительныхъ жертвъ я

не требую; я желаю, чтобъ великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ. Прощайте, господа."

За тѣмъ депутаты, возвратившись въ отведенныя имъ комнаты, приглашены были къ обѣду за гофмаршалскій столъ. Это показалось страннымъ для всѣхъ и обиднымъ для нѣкоторыхъ. Послѣдніе рѣшились тотчасъ же отправиться обратно въ С. Петербургъ.

По полученіи вышеупомянутаго отвѣта депутаты собрались у гр. Шувалова, котораго просторный кабинетъ всѣхъ ихъ свободно вмѣщалъ. Въ исполненіе Высочайшей воли, они положили имѣть частныя совѣщанія и для того, раздѣлиться, по свойствамъ губерній, на двѣ части: т. е. на представителей отъ промышленныхъ и отъ земледѣльческихъ губерній. Но вскорѣ они убѣдились, что такое географическое раздѣленіе было неудобно. И въ той, и въ другой части оказывались убѣжденія весьма различныя и даже одни другимъ противоположныя. Было нѣсколько общихъ собраній, гдѣ много толковали, но какъ никто не обязанъ былъ подчиняться большинству, то и не выходило изъ того никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ; даже правильнаго раздѣленія на кружки, вслѣдствіе различныхъ убѣжденій состояться не могло. Образовались сами собою три кружка: одинъ, преимущественно изъ членовъ отъ промышленныхъ губерній, съ требованіемъ обязательнаго выкупа и съ надѣленіемъ крестьянъ землею въ достаточномъ количествѣ; сюда принадлежали депутаты губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской, Тверской и Харьковской. Другой кружокъ состоялъ изъ членовъ отъ Рязанской, Тамбовской, Саратовской, одного депутата отъ Воронежской (г. Крашенинникова), одного отъ Черниговской (г. Марковича) и Московскаго депутата. Тутъ убѣжденія были вообще довольно либеральныя; всѣ члены были расположены къ выкупу, хотя не всѣ признавали необходимость его обязательности; нѣкоторые не соглашались также на надѣленіе крестьянъ вполнѣ достаточнымъ количествомъ земли. Въ третьемъ, всѣхъ менѣе единодушномъ, кружкѣ участвовали депутаты отъ губерній: Полтавской, С. Петербургской, Псковской, Новгородской, по одному члену отъ Воронежской (кн. Гагаринъ), Симбирской (г. Шидловскій), и Черниговской (г. Подвысоцкій). Не принимали участія въ совѣщаніяхъ ни въ какомъ кружкѣ: гг. Ланской (Симбирскій), Гавриловъ (Владимірскій), Кишенскій (Астраханскій) и Тиховидовъ (Вятскій). Мало участвовали

въ собраніяхъ Нижегородскіе депутаты, гг. Нестеровъ и Стремо-уховъ; послѣдній по причинѣ поздняго пріѣзда въ С. Петербургъ. Первые два кружка имѣли постоянныя собранія по два, по три и по четыре раза въ недѣлю, и въ нихъ были обсужены всѣ труды редакціонной коммиссіи. Послѣдній кружокъ не имѣлъ постоянныхъ собраній, вскорѣ распался, и его члены составляли свои замѣчанія каждый особо. Между ними были люди, изъ которыхъ одни желали личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли; другіе требовали безсрочнаго пользованія съ переоцѣнкою земли или повинностей; иные готовы были согласиться на выкупъ, лишь бы онъ былъ не обязательный.

10-го Сентября былъ большой обѣдъ, данный предсѣдателемъ въ залѣ Кадетскаго Корпуса, какъ депутатамъ, такъ и членамъ редакціонной коммиссіи. Бесѣда была довольно радушна; тутъ депутаты и члены редакціонной коммиссіи познакомились между собою, и изъ такого сближенія можно было ожидать много пользы для дѣла, а именно облегченія между ними сношеній и устраненія нѣкоторыхъ взаимныхъ предубѣжденій. Но вскорѣ случившееся обстоятельство, ничтожное само по себѣ, имѣло однако самое дурное дѣйствіе на дальнѣйшій ходъ отношеній депутатовъ къ редакціонной коммиссіи.

12-го Сентября разосланъ былъ ко всѣмъ депутатамъ слѣдующій циркуляръ:

„Вызванному въ С.-Петербургъ члену Симбирскаго губернскаго комитета гвардіи штабсъ-ротмистру Ланскому, уже представившему всѣ, безъ исключенія, отвѣты на вопросы по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, Государь Императоръ, за такое примѣрное усердіе, объявляетъ Высочайшее свое благоволеніе.

О сей Монаршей волѣ предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій имѣетъ честь увѣдомить гг. членовъ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій.“

12 Сентября 1859 года.

Подписалъ *Ростовцовъ*.

Чтобъ вполнѣ оцѣнить смыслъ и значеніе этого циркуляра, надобно знать, что послѣдніе огромные и весьма важные доклады хозяйственнаго и юридическаго отдѣленій разосланы были къ депутатамъ только 10-го Сентября, и что потому не было возможности составить, въ нѣсколько часовъ, по всѣмъ докладамъ разныхъ отдѣленій, замѣчанія и отвѣты, хотя сколько нибудь удовлетворительные.

Къ тому же извѣстно было, что Государь отправился изъ Царскаго Села 10-го, вечеромъ, въ путешествіе по Россіи, и что упомянутое повелѣніе, вслѣдствіе телеграммы генералъ-адъютанта Ростовцова, было по телеграфу же дано, кажется, изъ Тулы. Торжественное объявленіе Высочайшаго благоволенія г. Ланскому за таковое странно-поспѣшное исполненіе депутатскихъ обязанностей, доказало, что на нихъ смотрятъ, какъ на бюрократическую формальность. Это глубоко оскорбило и огорчило депутатовъ. Циркуляръ этотъ прозванъ былъ ими *приказомъ по корпусу депутатовъ*, и, съ этого времени, нельзя было уже надѣяться на сближеніе между членами отъ губернскихъ комитетовъ и редакціонными коммиссіями.

Срокъ, назначенный для занятій депутатовъ, истекалъ, а трудъ ихъ, хотя спѣшный и усиленный, едва былъ сдѣланъ въ половину; потому они и обратились съ просьбою къ предсѣдателю редакціонной коммиссіи объ исходатайствованіи имъ отсрочки; одни просили продолженія срока на мѣсяцъ, другіе на двѣ недѣли. Отсрочка до 10 Октября была Высочайше дарована.

Депутаты, утратившіе вѣру въ значеніе своего труда, спѣшили его кончить и даже разъѣхаться. Къ 10 Октября многіе представили свои замѣчанія и отвѣты; другіе ихъ оканчивали. Тутъ началась новая бюрократическая продѣлка. Стали, на основаніи пункта 7-го инструкціи, приглашать депутатовъ въ общее присутствіе редакціонныхъ коммиссій, для словесныхъ объясненій. Приглашали по три, по четыре и болѣе депутатовъ; съ ними диспутовали члены редакціонной коммиссіи, по назначенію предсѣдателя. Эти диспуты не имѣли никакого результата и только доставляли въ журналы общаго присутствія статьи слѣдующаго содержанія: „Въ настоящемъ засѣданіи общее присутствіе редакціонныхъ коммиссій, на основаніи Высочайше данной 11-го Августа инструкціи, имѣло совѣщанія съ нѣкоторыми изъ находящихся въ С. Петербургѣ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые изъявили желаніе предложить лично вопросы по содержанію нѣкоторыхъ докладовъ отдѣленій коммиссіи. Возбужденные въ семъ засѣданіи вопросы, были обсуждены коммиссіями совокупно съ означенными гг. членами, и представленныя разъясненія будутъ приняты въ соображеніе при дальнѣйшихъ работахъ редакціонныхъ коммиссій.“

Съ прискорбіемъ должны мы сознаться, что каждое слово въ вышеприведенной нами статьѣ — совершенно ложно. Во 1-хъ, весьма немногіе депутаты изъявили желаніе совѣщаться съ редакціонною

коммиссiею, потому что знали безполезность этихъ бесѣдъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ: большая часть членовъ были вызваны ею самою, единственно въ исполненiе 7-го пункта инструкцiи. Члены редакцiонныхъ коммиссiй, ex officio, предлагали вопросы, избирая самые немудреные, опасаясь, чтобъ не завязалось изъ того настоящаго пренiя. Депутаты, убѣжденные, что призываютъ ихъ только ради исполненiя формальности, отвѣчали также, какъ возможно короче, и общее присутствiе спѣшило закончить засѣданiя, которыхъ безполезность была всѣми одинаково сознаваема. Въ этихъ собранiяхъ не было и быть не могло ни одного настоящаго пренiя, хотя въ предметахъ для онаго не было недостатка, ибо разногласiя между коммиссiями и депутатами были многочисленны и существенны. Во 2-хъ, возбужденные вопросы не были обсуждены коммиссiями, а просто диспутовали, по порученiю предсѣдателя, гг. Семеновъ, кн. Черкасскiй и Соловьевъ; прочiе же члены сидѣли, какъ говорится, только ради пущей важности. Въ 3-хъ, представленныя разъясненiя не могутъ быть приняты въ соображенiе при дальнѣйшихъ трудахъ редакцiонной коммиссiи, потому что они нигдѣ не записывались, и забывались вмѣстѣ съ окончанiемъ засѣданiя.

Занятiя депутатовъ приходили къ концу; Императора ждали въ Царское Село изъ его путешествiя сперва къ 15-му, а потомъ къ 17 Октября. Депутаты видѣли, что ими исписаны кипы бумагъ (до 2000 листовъ); они полагали, что ихъ собратiя втораго призыва, вѣроятно, столько же изведутъ чернилъ и бумаги, и что поэтому нѣтъ возможности членамъ какъ Главнаго комитета, такъ и государственнаго Совѣта, прочесть замѣчанiя и соображенiя депутатовъ. Вслѣдствiе сего, они рѣшились подать Императору адрессъ съ всеподданнѣйшею просьбою: дозволить имъ вновь собраться и разсмотрѣть окончательные труды редакцiонныхъ коммиссiй. Это ихъ желанiе было тѣмъ естественнѣе и основательнѣе, что доселѣ ими было разсмотрѣно только „первое изданiе матерiаловъ редакцiонныхъ коммиссiй для составленiя положенiй о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости;“ что въ этихъ трудахъ имѣлись значительныя противорѣчiя, неизбѣжныя въ огромномъ и спѣшномъ трудѣ; что многiя и притомъ весьма важныя части: о приведенiи положенiя въ исполненiе, о казенныхъ повинностяхъ, объ отношенiяхъ крестьянъ и помѣщиковъ къ мировымъ судьямъ и къ уѣздной полицiи, — еще не были даже предположены; что ничего не было сказано опредѣлительнаго о выкупѣ крестьянскихъ земель; и что сельскiй уставъ,

который предполагалось составить, даже и въ главныхъ чертахъ не былъ набросанъ.

Вслѣдствіе этого было нѣсколько общихъ собраній депутатовъ. На первомъ рѣшено было: подать адрессъ Государю. На второмъ: разсматривались проэкты адрессовъ, написанные Симбирскимъ, г. Щидловскимъ, и Харьковскими, Ярославскими и однимъ Тверскимъ депутатомъ (г. Унковскимъ); но оба эти проэкта были устранены. Въ третьемъ засѣданіи былъ представленъ Рязанскимъ депутатомъ г. Кошелевымъ, проэктъ адресса, который и былъ единогласно одобренъ, и даже черновая онаго подписана двадцатью однимъ членомъ. Вотъ содержаніе этого адресса:

Всемилостивѣйшій Государь!

„По Высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, мы разсмотрѣли первоначальные матеріалы, составленные редакціонными коммиссіями по крестьянскому дѣлу, и представили предсѣдателю оныхъ наши объясненія и соображенія. Разногласіе въ мнѣніяхъ между означенными коммиссіями и нами — значительно, даже существенно. Къ тому же важная часть ихъ работъ еще не могла быть нами обсуждена: порядокъ введенія новаго положенія еще не предположенъ; докладъ о казенныхъ повинностяхъ еще не оконченъ; составъ и кругъ дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, имѣющихъ рѣшать всѣ дѣла между помѣщиками и крестьянами, еще не опредѣлены; почему обязанности, налагаемыя на насъ довѣріемъ Вашего Императорскаго Величества и сословія, къ коему мы принадлежимъ, рѣшаютъ насъ всеподданнѣйше просить о нижеслѣдующемъ:

1. Дозволить намъ разсмотрѣть окончательные труды редакціонныхъ коммиссій, до поступленія ихъ на обсужденіе Главнаго комитета; и

2. Даровать намъ возможность представить сему комитету изустныя объясненія въ подтвержденіе изложенныхъ нами мнѣній.

Искренно и глубоко сочувствуя великому преобразованію, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предпринятому, и желая, чтобъ оно, для блага отечества нашего, совершилось мирно и удовлетворительно для обоихъ сословій, въ семъ дѣлѣ преимущественно заинтересованныхъ, мы дерзаемъ сію нашу всеподданническую просьбу повергнуть къ стопамъ нашего Всемилостивѣйшаго Государя.“

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Крашенинниковъ. Шидловскій. Васильевъ. Кн. Волконскій. Офросимовъ. Кошелевъ. Кн. Гагаринъ. В. Подвысоцкій. Стремоуховъ. Кн. Щербатовъ. Петръ Косаговскій. Н. Волковъ. С. Волковъ. А. Марковичъ. Н. Ознобишинъ. Гр. Шуваловъ. Голенищевъ-Кутузовъ. Гр. Левашевъ. Петрово-Соловово. Никифоровъ и Парначевъ.

Депутаты собрались на другой день для подписанія этого адресса, набѣло переписаннаго; но вдругъ возникли опасенія и недоумѣнія. Не слишкомъ ли онъ рѣзокъ? Не изложена ли просьба слишкомъ требовательно? Не лучше ли оставить бо́льшій просторъ къ удовлетворенію просьбы депутатовъ? Хотя большинство было за прежде одобренный адрессъ, но нѣкоторые члены объявили, что они его подписать не могутъ, и, въ удовлетвореніе ихъ, приступлено было къ составленію новаго адресса. Послѣ долгихъ толковъ, исправленій и измѣненій, вышелъ слѣдующій адрессъ, котораго вполнѣ не одобрялъ никто, но который былъ подписанъ всѣми. Какъ на губернскихъ выборахъ попадаютъ иногда въ губернскіе предводители люди, которыхъ никто для этого званія не имѣлъ въ виду, — такъ состоялся и этотъ адрессъ. Его можно назвать *шумовымъ*. Вотъ онъ:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Какъ члены отъ дворянскихъ комитетовъ, мы исполнили Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества и представили наши замѣчанія и соображенія на первоначальные труды редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу.

Различествуя между собою въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, мы пришли однако къ тому общему заключенію, что предположенія редакціонныхъ коммиссій, въ настоящемъ ихъ видѣ, не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя съ благоговѣйною готовностью дворянство приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу.

Ревнуя оправдать довѣріе Всемилостивѣйшаго нашего Государя и имѣя въ виду, что объясненія и соображенія наши относятся только къ первоначальнымъ матеріаламъ упомянутой коммиссіи, мы дерзаемъ всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о томъ, чтобъ дозволено было намъ представить наши соображенія на окончательные труды редакціонныхъ коммиссій, до поступленія ихъ въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные:

Членъ отъ Воронежскаго комитета, Ѳ. Крашенинниковъ. Членъ отъ Воронежскаго комитета, кн. И. Гагаринъ. Членъ отъ Московскаго комитета, С. Волковъ. Членъ отъ Нижегородскаго комитета, Стремоуховъ. Членъ отъ Новгородскаго комитета, П. Косаговскій. Членъ отъ Рязанскаго комитета, Ѳ. Офросимовъ. Членъ отъ Рязанскаго комитета, кн. С. Волконскій. Членъ Рязанскаго комитета, А. Кошелевъ. Членъ отъ С.-Петербургскаго комитета, гр. П. Шуваловъ. Членъ отъ С.-Петербургскаго комитета, гр. Левашевъ. Членъ отъ Полтавскаго комитета, М. По-

зенъ. Членъ отъ Псковскаго комитета, В. Голенищевъ-Кутузовъ. Членъ отъ Псковскаго комитета, Н. Волковъ. Членъ отъ Саратовскаго комитета, кн. В. Щербатовъ. Членъ отъ Саратовскаго комитета, Н. Ознобишинъ. Членъ отъ Тамбовскаго комитета, Г. Петрово-Соловово. Членъ отъ Тамбовскаго комитета, Н. Никифоровъ. Членъ отъ Черниговскаго комитета, В. Подвысоцкій.

Не подписали изъ депутатовъ, участвовавшихъ въ общихъ совѣщаніяхъ: Полтавскій — Богдановичъ, который опоздалъ въ собраніе и пріѣхалъ въ оное уже тогда, когда адрессъ былъ отвезенъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Сверхъ того, не участвовали въ этихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ депутаты, уѣхавшіе тотчасъ послѣ подачи своихъ замѣчаній и отвѣтовъ, и именно: двое Костромскихъ, двое Владимірскихъ, одинъ Тверской (Кардо-Сысоевъ), одинъ Черниговскій (Марковичъ) и одинъ Нижегородскій (Нестеровъ). Вовсе не участвовали въ депутатскихъ собраніяхъ: Симбирскій-Ланской, Владимірскій-Гавриловъ, Астраханскій-Кишенскій и Вятскій-Тиховидовъ. Трое изъ сихъ членовъ были по назначенію правительства, а г. Гавриловъ, хотя былъ и по выбору дворянства, но, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. — Сверхъ того, не подписали этого адресса слѣдующіе члены, подавшіе особые адрессы: Симбирскій — г. Шидловскій, Тверской — г. Унковскій, Харьковскіе: г. г. Хрущовъ и Шретеръ, и Ярославскіе: г. г. Дубровинъ и Васильевъ. Первый подалъ особое всеподданнѣйшее письмо, а послѣдніе пять — совокупный адрессъ. Вотъ его содержаніе:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Державнымъ словомъ Вашего Императорскаго Величества объ освобожденіи крестьянъ, Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего Отечества. Ему предстоитъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

Первый истекаетъ изъ любви Вашей, Государь, къ Россіи и ея счастію. Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

Въ неизрѣченной милости Вашей, великодушный Монархъ, къ дворянству, Вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразованія быта земледѣльцевъ.

Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать Вашему Вели-

честву мнѣнія наши о направленіи, полученномъ нынѣ крестьянскимъ дѣломъ.

Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ Вамъ, Государь, и живой преданности къ престолу и Отечеству.

Да будетъ надъ нами судъ Вашего Величества.

Согласно Высочайше утвержденной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ инструкціи, мы представили въ редакціонныя коммиссіи наши подробныя соображенія и замѣчанія, но изъ внимательнаго изученія заключеній коммиссій, мы убѣдились, что увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей, въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ; и потому, что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ предъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками: ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной.

Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично-свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ, лежатъ зародыши опасной борьбы сословій.

Вѣруя въ благодушіе Вашего Величества, зная волю Вашу, Государь, чтобъ Россія шла путемъ мирнаго развитія, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность, и что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, Государь, всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество о нижеслѣдующемъ:

1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ. И

4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльною любовью къ престолу и Отечеству.“

Подлинное подписали:

Дмитрій Хрущовъ, членъ Харьковскаго комитета.

Александръ Шретеръ, членъ Харьковскаго комитета.
Алексѣй Унковскій, предсѣдатель Тверскаго комитета.
Демосѳенъ Васильевъ, членъ Ярославскаго комитета.
Павелъ Дубровинъ, членъ Ярославскаго комитета.

Октября, 16 дня 1859 года.

Слѣдовательно, не подписали никакого адресса только семь членовъ, уѣхавшіе изъ С.-Петербурга до возвращенія Государя Императора; четверо, назначенные отъ правительства, или состоящіе у него на службѣ, и одинъ, случайно не успѣвшій подписать адресса 18-ти. Такимъ образомъ послѣдній адрессъ можетъ считаться общимъ выраженіемъ желанія дворянства, ибо уѣхавшіе, конечно, бы его подписали, потому что и прежде согласны были въ мнѣніяхъ съ прочими депутатами. Сверхъ того, двое изъ уѣхавшихъ и доселѣ думаютъ, что они адрессъ подписали; ибо, отъѣзжая, они утвердили своими подписами адрессъ, прежде единогласно одобренный, уже набѣло переписанный, но потомъ измѣненный.

Я нарочно остановился на подробномъ изчисленіи всѣхъ подписавшихъ и не подписавшихъ депутатовъ, потому что выведено было, какъ говорятъ, на справку, что столько-то депутатовъ не участвовало въ адрессѣ, и что это *благонамѣренное* меньшинство членовъ, довольное трудами редакціонныхъ коммиссій, не одобряло подачи адресса. Это совершенно несправедливо: можно положительно сказать, что не подписали адрессовъ только четверо членовъ, о которыхъ упомянуто было выше, т. е. трое, назначенныхъ отъ правительства, и одинъ состоящій у него на службѣ.

Депутаты, подавшіе въ числѣ восемнадцати, самый скромный адрессъ, увѣрены были, что ихъ просьба не будетъ отвергнута; но проходили дни, недѣли, а рѣшенія имъ никакого не объявляли. Наконецъ, пронесся слухъ, что 5 Ноября было засѣданіе Главнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ самого Императора, что положено сдѣлать депутатамъ кому: выговоръ, кому замѣчаніе, и что эти рѣшенія должны быть имъ объявлены чрезъ начальниковъ губерній. Сперва никто не хотѣлъ этому вѣрить; отъ бюрократіи, конечно, всего можно было ожидать, но депутаты полагали полную надежду на Государя, (видно ложные доносы ввели его въ заблужденіе), къ крайнему удивленію всѣхъ и каждаго, вскорѣ этотъ случай подтвердился. Тогда депутаты рѣшились разъѣхаться. Они не замедлили получить, каждый отъ своего губернатора, отношенія, въ которыхъ

объявлялись имъ Высочайше утвержденныя положенія Главнаго комитета. Такимъ образомъ пять депутатовъ, подавшихъ одну общую просьбу, получили, по Высочайшему повелѣнію, *замѣчаніе* „за неправильныя и неумѣстныя свои домогательства“, съ *разъясненіемъ*, „что они не имѣли права подавать прошеніе за общимъ подписомъ.“ — Восемнадцать депутатовъ получили отъ начальниковъ губерній отношенія *съ разъясненіями*, по Высочайшему повелѣнію, „что, имѣя въ виду Высочайшею властью одобренный порядокъ своихъ дѣйствій, они не должны были утруждать Его Императорское Величество ходатайствомъ, къ измѣненію сего порядка клонящимся, и что члены не имѣли права подавать подобную просьбу за общимъ ихъ всѣхъ подписомъ.“

Такія рѣшенія на всеподданнѣйшія просьбы депутатовъ, глубоко огорчили всѣхъ людей, искренно преданныхъ Государю и великому дѣлу, имъ предпринятому. Эти рѣшенія были и неосновательны, и неосторожны, и не политичны. Ставить депутатамъ въ вину общее подписаніе тогда, какъ вчера общимъ же подписаніемъ дворянъ, не собранныхъ въ оффиціальное засѣданіе, воспользовались для изданія Высочайшихъ рескриптовъ по крестьянскому дѣлу, — было явною непослѣдовательностью. Странно также примѣнять полицейское правило къ такому дѣлу, каково крестьянское: Правительство освобождаетъ безъ вознагражденія людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, и отводитъ земли первымъ изъ владѣнія послѣднихъ; слѣдовательно дѣйствуетъ если не беззаконно, то сверхзаконно; и въ то же самое время оно требуетъ, чтобъ дворяне *даже не подавали Правительству прошеній за общимъ подписомъ.* Далѣе: упрекаютъ депутатовъ въ томъ, что они осмѣлились утруждать Государя ходатайствомъ, клонящимся къ измѣненію порядка, Высочайше утвержденнаго для ихъ дѣйствій; но само Правительство измѣняло, и даже не одинъ разъ, свои рѣшенія въ отношеніи къ депутатамъ. Не дѣлало ли оно еще болѣе? Не отступало ли оно по крестьянскому вопросу отъ прежде обнародованныхъ основныхъ началъ и не утверждало ли иныя, болѣе соотвѣтствующія требованіямъ дѣла? Люди добросовѣстные, конечно, не обвиняли въ томъ Правительство, ибо, по мѣрѣ развитія вопроса, предположенія, какъ его, такъ и дворянства, необходимо должны были испытывать такую участь; но осторожно ли было ставить въ вину депутатамъ, что они допускали возможность измѣненія рѣшеній Правительства, и что просили его, не о чемъ либо новомъ, а только объ исполненіи прежде имъ объ-

щаннаго, или, вѣрнѣе сказать, даже части того, что имъ было обѣщано?*) Къ чему было теперь, при новыхъ, вполнѣ измѣнившихся обстоятельствахъ, выдвигать опять обветшалую непогрѣшимость власти и ставить депутатамъ въ вину ихъ маловѣріе въ эту непогрѣшимость? Другія времена — другія начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтоженіе крѣпостнаго права какъ бы захлопывало дверь (такъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ожидать) за прежними временами. Къ тому же эти новыя рѣшенія Главнаго комитета были и въ высшей степени неполитичны. Для депутатовъ, избранныхъ отъ дворянства, эти замѣчанія получали значеніе медалей *за усердіе.* Дворянство вообще не было довольно дѣйствіями своихъ депутатовъ въ Петербургѣ, ибо находило, что они тамъ вели себя слишкомъ уклончиво; эти замѣчанія и разъясненія убѣляли депутатовъ; но неудовольствіе противъ Правительства, или, вѣрнѣе сказать, противъ бюрократіи отъ того усиливалось и углублялось. Послѣдствія этихъ неполитичныхъ дѣйствій Правительства не преминутъ обнаружиться. При будущихъ собраніяхъ дворянства, сочувствіе его къ депутатамъ выскажется гласно и даже громко и будетъ явнымъ осужденіемъ правительственныхъ распоряженій.

Упомянутыя губернаторскія отношенія, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни *Колоколъ*, ни всѣ прочія запрещенныя книги и листки не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи. Всѣ заговорили: „у насъ отнимаютъ принадлежащихъ намъ людей и даже часть крѣпостныхъ нашихъ земель, а за нами не хотятъ признать даже право обращаться къ Правительству съ просьбами за общимъ подписомъ! Чего можно было прежде лишать насъ, подкупленныхъ выгодами крѣпостнаго права, въ томъ теперь невозможно намъ отказывать; спасибо депутатамъ за то, что сдѣлали; но жаль что они дѣйствовали слишкомъ уклончиво и слабо; авось члены втораго призыва исправятъ ошибки своихъ предшественниковъ. Теперь бояться и терять намъ нечего, пусть бюрократія освобождаетъ крѣпостныхъ людей и сама съ ними управляется: мы устранимся,

---

*) Государь объявилъ дворянству, что депутаты вызваны будутъ *для присутствованія общаго обсужденія въ С.-Петербургѣ при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ Главномъ Комитетѣ;* депутаты же скромно просили о дозволеніи имъ разсмотрѣть окончательные труды редакціонныхъ коммиссій *до поступленія въ Главный Комитетъ* по крестьянскому дѣлу.

и тогда увидимъ, на сколько станетъ ея и со всѣми ея чиновниками.“

И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями Правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ Правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажатъ ротъ, ибо нечего сказать въ оправданіе власти. Сама она дѣйствуетъ почти революціонно; отъ другихъ же требуетъ слѣпаго, безотвѣтнаго повиновенія. Сама во всемъ беретъ инициативу и существующее въ ея глазахъ не имѣетъ никакихъ преимущественныхъ правъ на дальнѣйшее бытіе: другимъ же она не дозволяетъ даже сказать слово въ свою защиту. Неудовольствіе, даже ожесточеніе всѣхъ противъ бюрократіи, въ Петербургѣ, Москвѣ и во внутренности Россіи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь, во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства; нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ. Къ тому же теперь, при общемъ раздраженіи умовъ, еще нарушается одно изъ самыхъ существенныхъ правъ дворянства, а именно, принадлежащее ему, на основаніи Св. Зак. Т. IX ст. 112, преимущество совѣщаться о своихъ пользахъ и нуждахъ. Годъ тому назадъ было объявлено Высочайшее повелѣніе, въ силу коего дворянство, въ своихъ губернскихъ собраніяхъ, имѣло воздержаться отъ сужденій по крестьянскому вопросу. Тогда подобная мѣра была возможна; ибо крестьянскій вопросъ находился въ разсмотрѣніи губернскихъ комитетовъ: естественно, что дворянство не могло обсуживать одно и то же дѣло въ двухъ своихъ инстанціяхъ. Но нынѣ обстоятельства совершенно иныя: учрежденная въ С.-Петербургѣ редакціонная коммиссія отвергла всѣ проэкты губернскихъ комитетовъ, составила свои предположенія и распустила ихъ въ числѣ трехъ или болѣе того тысячъ экземпляровъ. Какъ же теперь дворянству, по этому жизненному для него вопросу, не высказать своего мнѣнія? Какъ теперь воспретить ему пользованіе правомъ, торжественно за нимъ признаннымъ, какъ нынѣ царствующимъ Императоромъ, такъ и августѣйшими его предшественниками? Въ настоящихъ обстоятельствахъ повтореніе, подтвержденіе выше упомянутаго прошлогодняго Высочайшаго повелѣнія есть дѣло болѣе, чѣмъ неосторожное. Оно является не дѣйствіемъ самодержавія, а своеволіемъ бюрократіи, которая и безъ того сосредоточиваетъ на себѣ самую глубокую ненависть всѣхъ и каждаго. Подобныя своеволія, съ какою бы цѣлью ни предприни-

мались и отъ кого бы ни исходили (отъ Паниныхъ, Чевкиныхъ, Муравьевыхъ, или отъ либеральныхъ людей, засѣдающихъ въ редакціонной коммиссіи), равно недостойны сильнаго и благонамѣреннаго Правительства, равно ему вредятъ, раздражаютъ общество, — и самое добро, которое при подобныхъ мѣрахъ имѣется въ виду, они превращаютъ въ зло, и въ зло тѣмъ бо́льшее, чѣмъ чище источникъ, изъ котораго они исходятъ. Но справедливость требуетъ сказать, что никто не относитъ къ Императору деспотическихъ дѣйствій бюрократіи, и что даже слухи, въ публикѣ распространяемые, приписываютъ все доброе ему, а все худое людямъ, во зло употребляющимъ его имя и довѣріе.

Теперь, по разнымъ губерніямъ, имѣютъ быть выборы, и дворянство, въ крайнемъ смущеніи. Не высказать своихъ опасеній и желаній — оно не можетъ, ибо бюрократія выставитъ его молчаніе за одобреніе своихъ дѣйствій. Заявленіе же неудовольствія со стороны дворянства будетъ неминуемо представлено въ видѣ оппозиціи видамъ Правительства. Нашему дворянству, какъ всякому Русскому, несвойственны дѣйствія оппозиціонныя; но не можетъ, не должно оно давать бюрократіи попирать себя по ея прихотямъ. Вѣроятно, дворянство рѣшится почтительно-вѣрноподданнически высказать свои опасенія и недоумѣнія, — или оно достойно той участи, которую бюрократія ему готовитъ.

Вотъ краткій, нѣсколько сухой, но безпристрастный разсказъ о внѣшней дѣятельности членовъ отъ 19 губернскихъ комитетовъ, въ продолженіе двухмѣсячнаго ихъ пребыванія въ С. Петербургѣ. Слѣдовало бы представить очеркъ ихъ внутренней дѣятельности, т. е. передать сущность поданныхъ ими замѣчаній, соображеній и отвѣтовъ; но эта задача — неисполнима. Редакціонная коммиссія хвалится, что она депутатовъ утопила въ чернилахъ и схоронила въ кипѣ бумагъ. Это совершенно справедливо: бюрократіи неоспоримо принадлежитъ даръ все живое топить и хоронить. Депутаты перваго призыва подали, какъ говорятъ, до 2000 исписанныхъ листовъ бумаги; по крайней мѣрѣ столько же должно быть еще представлено членами отъ остальныхъ 27 губерній*); слѣдовательно,

*) Обыкновенно относятъ ко второму призыву 25 губерній, но отъ перваго призыва остались двѣ губерніи: Минская и Витебская, которыхъ депутатамъ велѣно пріѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ членами отъ западныхъ губерній, причисленныхъ ко второму призыву.

всего должно быть не менѣе 4000 листовъ, изъ которыхъ выйдетъ печатныхъ отъ 250 до 300 листовъ. Кто прочтетъ всѣ эти писанія? Изъ этой массы бумагъ составятся своды, которые представятъ не мнѣнія депутатовъ, доказательно изложенныя (opinions motivées), а одинъ остовъ, или оглавленіе ихъ замѣчаній и соображеній. Вѣроятно, эти своды будутъ сдѣланы еще съ бо́льшею безцеремонностью и еще съ меньшею акуратностью, чѣмъ своды изъ губернскихъ положеній; вѣроятно, замѣчанія и соображенія депутатовъ опровергнутся en bloc, какъ то́ сдѣлано въ отношеніи къ трудамъ губернскихъ комитетовъ; самыя же работы членовъ, вѣроятно, полежатъ нѣсколько времени въ Главномъ комитетѣ и въ кабинетахъ его членовъ, полежатъ также въ государственномъ Совѣтѣ и наконецъ сдадутся въ архивъ, въ библіотеки и въ табачныя лавки. Депутаты предвидѣли участь, ожидающую ихъ труды: они просили о дозволеніи имъ имѣть оффиціальныя собранія, которыя дали бы имъ возможность представить Высшему Правительству общее ихъ мнѣніе. Но въ этомъ имъ отказали. Мы, члены отъ губернскихъ комитетовъ, знаемъ поданныя мнѣнія двухъ, трехъ, пяти нашихъ собратій; но бо́льшая часть депутатскихъ работъ намъ неизвѣстна. Даже депутаты, между собою совѣщавшіеся, спѣшно излагали послѣ собраній, свои замѣтки на бумагу, отдавали ихъ переписывать и представляли предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій. У всякаго была лишь одна забота: какъ бы свои соображенія и отвѣты окончить въ крайне тѣсный срокъ, назначенный для депутатскихъ работъ; а до трудовъ своихъ собратій почти никому не было дѣла. А потому никто изъ насъ не въ состояніи представить вѣрный и подробный отчетъ о всѣхъ поданныхъ депутатами мнѣніяхъ. Постараюсь, хоть въ краткихъ словахъ, изложить содержаніе главныхъ мнѣній, высказанныхъ ими во время общихъ и частныхъ ихъ совѣщаній.

Первое, всѣмъ депутатамъ, участвовавшимъ въ совѣщаніяхъ, общее убѣжденіе заключалось въ томъ, что предположенія редакціонныхъ коммиссій нарушаютъ, безъ всякой необходимости и совершенно произвольно, права собственности помѣщиковъ. Почти всѣ депутаты сознавали необходимость надѣленія крестьянъ землею, но *отдача помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянъ за неизмѣнныя повинности* казалась ничѣмъ не оправдываемымъ нарушеніемъ права собственности. Большинство членовъ требовало обязательнаго выкупа, какъ единственнаго средства произвести освобожденіе на законномъ основаніи и удовлетворительно для помѣщи-

ковъ и для крестьянъ. Меньшинство депутатовъ, соглашаясь на отдачу мірскихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянъ, требовало переоцѣнки или земли, или, по крайней мѣрѣ, денежныхъ повинностей. Первые доказывали, что предположенія редакціонныхъ коммиссій должны имѣть послѣдствіями: 1) непріязненныя отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами, имѣющія превратиться въ явную борьбу; 2) необезпеченность положенія, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, требующая постояннаго чиновничьяго вмѣшательства въ ихъ взаимныя отношенія; и 3) разореніе помѣщиковъ, обязанныхъ или довольствоваться невозможною барщиною или заводить вольнонаемныя хозяйства безъ полученія денежныхъ на то средствъ. Сверхъ того депутаты опасались, что если разъ установится безсрочное пользованіе крестьянъ помѣщичьими землями за неизмѣнныя повинности, то правительство успокоится и долго, долго не озаботится устройствомъ выкупа. — Меньшинство депутатовъ, не желавшее выкупа, требовало переоцѣнки земли, или, по крайней мѣрѣ, повинностей, какъ потому, что стоимость земли постоянно возвышается, такъ и потому, что деньги, у насъ, еще быстрѣе упадаютъ въ стоимости. Всѣ эти, вполнѣ основательные, доводы многосторонне развивались членами губернскихъ комитетовъ въ опроверженіе вышеупомянутаго главнаго начала, положеннаго редакціонною коммиссіею въ основу ея трудовъ. Замѣчательно, что *ни одинъ депутатъ* (кромѣ, быть можетъ, четырехъ, не участвовавшихъ въ депутатскихъ собраніяхъ) не одобрялъ этого основнаго положенія редакціонной коммиссіи, хотя въ числѣ призванныхъ членовъ были представители не одного большинства, но и разныхъ меньшинствъ губернскихъ комитетовъ.

Второй пунктъ, вызвавшій такое же общее неодобреніе со стороны всѣхъ депутатовъ, есть произвольное назначеніе высшихъ крестьянскихъ надѣловъ по губерніямъ. Редакціонная коммиссія, желая дать своимъ выводамъ нѣкоторую, хотя наружную, правильность, составила вѣдомости крестьянскимъ существующимъ надѣламъ; но она исключила изъ этихъ списковъ всѣ имѣнія ниже 100 душъ, гдѣ, какъ извѣстно, надѣлы самые малые, и вкючила въ нихъ имѣнія оброчныя, гдѣ, по большей части, всѣ помѣщичьи земли числятся въ крестьянскомъ пользованіи. Посредствомъ такихъ произвольныхъ исключеній и включеній, цифры надѣловъ подняты были неправильно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и чрезмѣрно. Сверхъ того, почти всѣ комитеты подали голосъ въ пользу нормальныхъ надѣловъ, — ре-

дакціонныя же коммиссіи не только ихъ отвергли, но установили свои высшіе и низшіе надѣлы, какъ будто въ явную противоположность комитетскимъ положеніямъ, столь же несоразмѣрно возвысивъ первые, сколько понизивъ послѣдніе. Къ тому же многія отдѣльныя постановленія редакціонныхъ коммиссій*) сильно тревожили членовъ губернскихъ комитетовъ, а именно? *а)* Отдача земель усадебныхъ въ пользованіе не крестьянскихъ обществъ, какъ предполагалось всѣми великороссійскими комитетами, *а крестьянскихъ семействъ,* съ предоставленіемъ послѣднимъ права выкупать свои отдѣльныя усадьбы; *б)* предоставленіе крестьянамъ права уходить, по истеченіи 9 лѣтъ, цѣлыми обществами на иныя земли, по своему усмотрѣнію; *в)* дарованіе права лицамъ выходить изъ обществъ на условіяхъ весьма легкихъ; *г) удержаніе барщины* на условіяхъ невозможныхъ; *д)* произвольное, ничѣмъ не оправдываемое пониженіе оброковъ по многимъ мѣстностямъ; воспрещеніе помѣщикамъ, которыхъ крестьяне платили малые оброки, поднимать оные до нормы, правительствомъ установляемой; и даже, при выкупѣ, капитализація изъ этихъ добродушіемъ или безпечностью установленныхъ оброковъ.

Третій пунктъ существеннаго разногласія между редакціонною коммиссіею и всѣми депутатами заключался въ томъ, что чиновничье вмѣшательство водворялось въ дѣла сельскія, и что вліяніе дворянства на крестьянъ вовсе устранялось. Хотя бережно скрывалось отъ депутатовъ будущее устройство, какъ земской полиціи, такъ и мировыхъ судей; однако слухи на счетъ назначенія всѣхъ этихъ чиновниковъ не по выбору сельскаго населенія вообще, а по произволу губернаторовъ; слухи на счетъ чисто бюрократическаго устройства всего уѣзднаго управленія полиціи и суда, — сильно волновали членовъ губернскихъ комитетовъ и представляли имъ въ будущемъ совершенную невозможность жить въ деревняхъ. А потому не удивительно, что депутаты въ своихъ замѣчаніяхъ дозволяли себѣ самыя рѣзкія выходки *противъ чиновничества вообще и противъ вмѣшательства администраціи въ дѣла сельскаго населенія.* Я убѣжденъ, что правительство не имѣетъ въ виду усилить и возвеличить чиновничій элементъ и вовсе не желаетъ лишить сельское населеніе участія въ мѣстномъ управленіи, расправѣ и судѣ; но оно таитъ

*) Ред. коммиссій считается нѣсколько, но онѣ имѣютъ одно общее присутствіе. Поэтому и самое названіе употребляется иногда во множественномъ числѣ, иногда въ единственномъ, безразлично. Такъ поступили и мы.

свои предположенія; а потому естественно, что муха кажется слономъ, и что депутаты видятъ въ замыслахъ администраціи то, чего навѣрное въ нихъ вовсе и нѣтъ. Кого винить въ этомъ дѣлѣ? Труды редакціонныхъ коммиссій, направленные противъ помѣщичьей власти, печатаются болѣе чѣмъ въ 3000 экземплярахъ и раздаются щедрою рукою; а работы коммиссіи объ уѣздныхъ учрежденіяхъ издаются въ такомъ числѣ экземпляровъ, что нѣтъ возможности ихъ достать. Почему бы не сообщить ихъ депутатамъ? Почему бы не потребовать отъ нихъ на оныя замѣчаній? Такое къ нимъ довѣріе значительно бы ихъ успокоило, устранило бы много раздраженія въ ихъ отношеніяхъ къ правительству и навѣрное доставило бы ему много дѣльныхъ замѣчаній.

Въ этихъ трехъ главныхъ и еще нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ, депутаты были единодушны. За тѣмъ, они расходились на приверженцевъ обязательнаго выкупа, которые составляли огромное большинство, и на защитниковъ: или постояннаго пользованія съ переоцѣнкою, или освобожденія крестьянъ съ правомъ свободныхъ переходовъ. Число членовъ двухъ послѣднихъ категорій было незначительно. Далѣе, депутаты дѣлились на сторонниковъ нормальныхъ и существующихъ надѣловъ; за первые стояло большинство; но была возможность согласить эти два мнѣнія установленіемъ для существующаго надѣла границъ, близкихъ къ нормѣ, чтó, вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы и вполнѣ согласно съ требованіями рескриптовъ. — Что касается до повинностей, то онѣ не составляли существеннаго предмета разногласій между депутатами: тѣ изъ нихъ, которые всего усерднѣе отстаивали помѣщичьи интересы, не требовали высокихъ повинностей, лишь бы поземельные надѣлы были какъ можно ограниченнѣе; депутаты же, объявившіе себя за существующіе надѣлы, желали повинностей настоящихъ, достаточно вознаграждающихъ дворянство за отходящія отъ нихъ земли. Но въ этомъ отношеніи между депутатами непремѣнно послѣдовало бы соглашеніе, еслибъ только были допущены оффиціальныя совѣщанія. Еще нѣкоторые члены губернскихъ комитетовъ сильно возставали противъ разныхъ заключеній коммиссіи, нарушающихъ народные обычаи, и въ особенности *общинное поземельное владѣніе и круговую поруку*; но большинство депутатовъ, преимущественно занятое интересами дворянства, для которыхъ предположенія коммиссіи казались гибельными, мало обращало вниманія на важный предметъ охраненія народнаго быта отъ посягательства администраціи.

Вообще можно сказать, что *всѣ* депутаты, безъ исключенія, были за уничтоженіе крѣпостнаго состоянія; что *всѣ* они желали развязки скорѣйшей и окончательной, и что большинство изъ нихъ было одушевлено самыми миролюбивыми чувствами. Что касается до сопротивленія волѣ Государя, на счетъ освобожденія крестьянъ, до желанія затянуть дѣло и, подъ видомъ увольненія, устроить иное обязательное и столь же для крестьянъ тягостное положеніе, — то такихъ намѣреній никто изъ депутатовъ рѣшительно не имѣлъ, и слухи, въ семъ смыслѣ распущенные, суть чистѣйшія клеветы. По окончаніи занятій въ губернскихъ комитетахъ, члены ихъ пожили въ своихъ деревняхъ, убѣдились въ невозможности удержать крѣпостное право, въ необходимости разрѣшить вопросъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени, — и пріѣхали въ С.-Петербургъ съ искреннимъ желаніемъ помочь Правительству въ установленіи новаго порядка вещей въ сельскомъ быту, на прочныхъ основаніяхъ.

Къ сожалѣнію, не всѣ замѣчанія и отвѣты депутатовъ были изложены съ надлежащимъ спокойствіемъ и умѣренностью. Нѣкоторые депутаты воображали, что рѣзкость выраженій есть лучшій доводъ противъ предположеній редакціонныхъ коммиссій. Этимъ они много повредили дѣлу и доставили коммиссіямъ противъ себя оружіе.

Знаю, что нѣкоторые люди сочтутъ мои слова пристрастными. Какъ большинству депутатовъ члены редакціонныхъ коммиссій казались людьми, желающими разорить дворянство и заклятыми чиновниками, такъ и депутаты представлялись большинству членовъ редакціонныхъ коммиссій крѣпостниками, пріѣхавшими отстаивать только свои губернскія положенія и одни интересы дворянства, въ самомъ тѣсномъ ихъ смыслѣ. Не правы въ этомъ были и тѣ, и другіе. Хотя редакціонная коммиссія, при постановленіи своихъ замѣчаній, уклонилась во многихъ случаяхъ, въ ущербъ дворянства, отъ требованій справедливости, — не слѣдовало однако упускать изъ вида, что она, имѣвши передъ собою проэкты губернскихъ комитетовъ, гдѣ по большей части мало обращали вниманія на интересы крестьянъ, была въ обязанности защитить послѣднихъ; что произвольныя дѣйствія первой были вызваны столь же произвольными дѣйствіями комитетовъ; и что, стало быть, депутаты должны были винить въ томъ не одну редакціонную коммиссію, но и себя самихъ или свои комитеты. Съ другой стороны, редакціонная коммиссія, исполненная гнѣва противъ губернскихъ положеній, видѣла въ де-

путатахъ только представителей этихъ проэктовъ и не хотѣла обратить вниманія на то, что въ Петербургѣ члены отъ большинства и меньшинства дѣйствовали за одно, что не послѣдніе перешли на сторону первыхъ, а на оборотъ, и что вообще депутаты были весьма умѣренны въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Главная причина всѣхъ этихъ недоразумѣній заключалась не въ депутатахъ и не въ членахъ редакціонной коммиссіи, а въ несчастномъ обстоятельствѣ воспрещенія депутатамъ имѣть оффиціальныя собранія. Еслибъ имъ дозволено было имѣть отдѣльныя оффиціальныя собранія, то ихъ дѣйствія были бы явны, всякія клеветы были бы невозможны, и депутаты въ своихъ выраженіяхъ были бы осмотрительнѣе и воздержнѣе. Если бы депутатовъ соединили съ членами редакціонной коммиссіи, то непремѣнно произошло бы сліяніе, составилось бы большинство умѣренное, и вышли бы положенія равно удовлетворительныя для помѣщиковъ, для крестьянъ и для государства. Вмѣсто того, что́ случилось? Между депутатами распространялись слухи самые тревожные: говорили, что инструкція для нихъ составлена въ редакціонной коммиссіи съ цѣлью подавить ихъ дѣятельность; что имѣли въ виду этою бюрократическою продѣлкою сбыть ихъ поскорѣе съ рукъ и унизить въ глазахъ Россіи; что Государь, спрашивая у каждаго депутата: гдѣ кто служилъ? имѣлъ въ виду дать дворянству почувствовать, что оно есть только служилое сословіе, не больше; что назначеніе огромныхъ крестьянскихъ надѣловъ имѣло цѣлью окончательное уничтоженіе дворянства; что министръ внутреннихъ дѣлъ и предсѣдатель редакціонной коммиссіи сообща представили Государю депутатовъ въ видѣ строптивыхъ, упорныхъ крѣпостниковъ, съ которыми необходимо раздѣлаться à la Pierre le Grand, и проч. Сверхъ того, извѣстіе, что труды редакціонныхъ коммиссій печатаются въ количествѣ 8 или даже 12 т. экземпляровъ и должны быть пущены въ продажу по дешевой цѣнѣ, съ цѣлью сдѣлать невозможными большія измѣненія въ предположеніяхъ коммиссій, — это извѣстіе чрезвычайно тревожило большинство депутатовъ, видѣвшихъ въ такой мѣрѣ изощреніе топоровъ противъ нихъ, противъ ихъ семействъ и собратій. Эти слухи, съ разными прибавленіями и коментаріями, все болѣе и болѣе раздражали депутатовъ: къ ихъ успокоенію ни мало не способствовали дѣйствія редакціонной коммиссіи; а потому должно скорѣе дивиться благоразумію и умѣренности депутатовъ вообще, чѣмъ пользоваться неосторожностями, рѣзкостями

и выходками отдѣльныхъ лицъ и возводить на такомъ основаніи обвиненія противъ всѣхъ.

Но какъ на депутатовъ возведены, и притомъ съ разныхъ сторонъ, тяжкія обвиненія, то и не могу пройти ихъ молчаніемъ.

Редакціонная коммиссія обвиняла депутатовъ въ томъ, что они пріѣхали съ враждебными противъ нея предубѣжденіями, что ожесточеніе сихъ членовъ, во время ихъ пребыванія въ С.-Петербургѣ, росло и усиливалось, и что они всѣми силами домогались уничтоженія редакціонной коммиссіи. Въ этомъ обвиненіи хотя много преувеличеннаго, но есть и доля правды. Что большинство депутатовъ не могло благосклонно относиться къ редакціонной коммиссіи — это вполнѣ справедливо. Во 1-хъ, составъ редакціонной коммиссіи внушалъ вообще къ ней мало довѣрія: въ ней засѣдали преимущественно чиновники, которыхъ, хотя и замаскировали званіемъ помѣщиковъ, но это никого не обманывало; напротивъ, это еще усиливало недовѣріе къ коммиссіи. Сверхъ того, туда призваны были большею частью члены меньшинства губернскихъ комитетовъ, а изъ членовъ большинства тамъ засѣдало только двое или трое. Во 2-хъ, кто безпристрастно прочелъ труды коммиссіи, кто вникъ въ смыслъ ея главныхъ постановленій и обратилъ вниманіе на ея заключенія, прямо направленныя противъ помѣщиковъ, тотъ, конечно, найдетъ нерасположеніе депутатовъ къ редакціонной коммиссіи вполнѣ естественнымъ, даже обязательнымъ. Можно и должно было противодѣйствовать положеніямъ губернскихъ комитетовъ, назначившихъ для крестьянъ недостаточные надѣлы, установившихъ странныя оцѣнки усадьбъ, удержавшихъ многія принадлежности крѣпостнаго права, и проч.; но редакціонная коммиссія не исправила недостатковъ, замѣченныхъ въ губернскихъ проэктахъ: она просто на-просто отставила ихъ совершенно въ сторону, сочинила свои собственныя предположенія и при этомъ мало заботилась о правахъ помѣщиковъ, а считала ихъ достояніе матеріею, изъ которой слѣдовало выкроить крестьянское благосостояніе. Похвально и необходимо содѣйствовать этой благой цѣли, но справедливость должна быть главною руководительницею при начертаніяхъ законодателя. Если люди сторонніе дивятся увлеченіямъ редакціонной коммиссіи; если многіе изъ собственныхъ ея членовъ выражаютъ во всеуслышаніе свое съ нею несогласіе и разсказываютъ, какими способами добывалось видимое единодушіе въ ея постановленіяхъ; если самые ревностные защитники крестьянскихъ правъ и интересовъ не рѣшились слѣдовать за нею

во всѣхъ ея предположеніяхъ; то какъ же винить депутатовъ вообще, повѣренныхъ, если не отъ дворянства, то отъ дворянскихъ комитетовъ, въ томъ, что они не съ благодарностью приняли, во имя дворянства, заключенія коммиссіи, которыхъ послѣдствіемъ должно быть обѣднѣніе и униженіе всего ихъ сословія? Нѣтъ! депутаты должны были дружно стать противъ редакціонной коммиссіи, указать энергически ея заблужденія и заявить Правительству, что ея заключенія не только уничтожаютъ значеніе дворянства, какъ землевладѣльца, но усиливаютъ, быть можетъ, вопреки ея желанію, то, что всего ненавистнѣе въ Россіи — чиновничество. Депутаты это исполнили по совѣсти; теперь предстоитъ Правительству воспользоваться ихъ полезными указаніями и дать предпринятому преобразованію направленіе, соотвѣтствующее общимъ потребностямъ нашей земли. — Что касается до послѣдней части обвиненія, то это чистая клевета; депутаты вовсе не домогались уничтоженія коммиссіи, во 1-хъ потому, что они всѣ глубоко сознавали необходимость скорѣйшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса и, вслѣдствіе того, не могли желать, чтобъ начертаніе положеній перешло въ новыя руки, а во 2-хъ потому, что никто изъ нихъ не искалъ навалить на себя отвѣтственность по такому дѣлу, которое захватываетъ самые живые и существенные интересы не только двухъ сословій, но и всего государства, и которое, какъ бы оно разрѣшено ни было, не можетъ не возбудить въ большей или меньшей степени, неудовольствіе и крестьянъ, и того сословія, къ которому депутаты принадлежатъ.

Еще редакціонная коммиссія обвиняла депутатовъ въ томъ, что они, оставаясь на почвѣ своихъ губернскихъ положеній, не хотѣли никакъ податься впередъ и думали только о томъ, какъ бы отстоять интересы своего сословія. Очень естественно, что депутаты старались защищать свои губернскія положенія; — ибо для того они и были присланы въ С. Петербургъ; но несправедливо, что они не хотѣли податься впередъ: представленныя ими замѣчанія доказываютъ противное. Конечно, они не могли подняться до точки стоянія редакціонной коммиссіи, — для этого имъ слѣдовало бы перестать быть представителями, повѣренными, почти членами своего сословія, и сдѣлаться чиновниками, теоретиками и проч. Это было для нихъ тѣмъ невозможнѣе, что многіе эксперты и даже нѣкоторые депутаты отъ министерствъ далеко не одобряли предположеній коммиссіи и радовались, что ея заключенія встрѣчали единодушное сопротивленіе со стороны депутатовъ. Что послѣдніе защищали инте-

ресы своего сословія это весьма естественно вообще и совершенно необходимо при томъ положеніи, въ которое редакціонная коммиссія ставила дворянство. Почему въ губернскихъ комитетахъ были большинства и меньшинства, почему тамъ многіе старались оградить крестьянъ отъ притѣснительныхъ предположеній комитетовъ, почему тамъ нѣкоторые люди не боялись противодѣйствовать своему сословію, оставаясь вѣрными убѣжденіямъ, въ силу которыхъ крестьяне получали свободу съ землею и на безобидныхъ условіяхъ? Почему же въ Петербургѣ таковое отношеніе членовъ другъ къ другу измѣнилось, не смотря на то, что представители всѣхъ проэктовъ были призваны? Предоставляю рѣшеніе этихъ вопросовъ размышленію редакціонной коммиссіи. Если изъ 38 депутатовъ никто не сталъ на ея точку, то это должно что-нибудь да значить.

Еще одно обвиненіе со стороны редакціонной коммиссіи возводится на депутатовъ. Говорятъ, будто они строили противъ нея козни, входили въ сношенія съ высшими государственными сановниками, съ цѣлью ее низвергнуть, и принимали участіе въ разныхъ интригахъ и злоумышленіяхъ. Не знаю, были ли какіе либо ковы и злоумышленія со стороны высшихъ сановниковъ противъ редакціонной коммиссіи; не знаю, былъ ли кто изъ людей, носившихъ званіе депутата, въ сношеніяхъ съ ними, имѣя цѣлью ее низвергнуть; темна чужая душа; но я знаю положительно, что депутаты, какъ таковые, какъ депутаты, не принимали участія ни въ какихъ козняхъ и ковахъ противъ редакціонной коммиссіи, и что они не были въ сношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ высшихъ сановниковъ. Я участвовалъ во всѣхъ общихъ совѣщаніяхъ депутатовъ, былъ съ ними въ короткихъ, товарищескихъ отношеніяхъ и могу положительно сказать, что ни слова не было говорено ни о какихъ либо заговорахъ противъ редакціонной коммиссіи, ни о томъ, чтобъ войти въ сношенія съ высшими государственными сановниками, съ какою либо особенною цѣлью. Мы предполагали ѣхать въ мундирахъ, представиться предсѣдателю государственнаго Совѣта и Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Но князь Орловъ отклонилъ это представленіе. Не было никакой иной, ни тайной, ни явной попытки привлечь на свою сторону высшихъ сановниковъ; и съ ихъ стороны также не было къ намъ никакихъ засылокъ или внушеній.

Не могу умолчать и объ обвиненіяхъ, высказываемыхъ противъ депутатовъ со стороны дворянства. Оно укоряетъ ихъ въ томъ, что они не рѣшились прямо и откровенно высказать правду

Государю и указать, куда ведутъ предположенія редакціонной коммиссіи. Это обвиненіе не лишено нѣкоторой основательности, хотя при этомъ много упущено изъ вида. Депутаты перваго призыва боялись, излишнею поспѣшностью и нѣкоторою рѣзкостью, болѣе повредить чѣмъ пособить дѣлу. Всѣмъ извѣстны полная благонамѣренность и доброта души царствующаго Императора. Депутаты знали, что, дѣйствуя смѣло и рѣшительно, они не подвергали себя опасности; но они боялись употребить во зло благодушіе Императора, оскорбить его и тѣмъ повредить дѣлу. Къ тому же, депутаты отъ дворянства являлись въ первый разъ по вызову Правительства; какъ имъ дѣйствовать, какъ слова ихъ будутъ приняты, въ какія отношенія къ нимъ станетъ Правительство — все было неизвѣстно. При такихъ обстоятельствахъ умѣренность и спокойствіе были необходимы. По этой причинѣ, большинство депутатовъ, въ своихъ отвѣтахъ, замѣчаніяхъ, письменныхъ и словесныхъ отзывахъ и особенно въ адрессѣ, имѣло постоянно въ виду избѣгать всего, что можетъ раздражить, и старалось высказывать свои мнѣнія въ самыхъ вѣжливыхъ и примирительныхъ выраженіяхъ. Въ подтвержденіе этого, ссылаюсь на бумаги, поданныя въ редакціонную коммиссію отъ большинства депутатовъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ дозволили себѣ выходки, неумѣренныя колкости и шутки. Ими воспользовались нѣкоторые члены редакціонной коммиссіи, много объ нихъ говорили и старались накинуть ими невыгодную тѣнь на дѣйствія депутатовъ вообще. Въ сношеніяхъ депутатовъ съ редакціонною коммиссіею было только два случая размолвки, и они возведены были на степень исторій. Первый случай состоялъ въ слѣдующемъ: одинъ членъ редакціонной коммиссіи выразился въ засѣданіи на счетъ Ярославскаго комитета не совсѣмъ уважительно; членъ онаго счелъ долгомъ вступиться и объявилъ, что за симъ онъ не считаетъ возможнымъ оставаться въ засѣданіи. Предсѣдатель хотѣлъ дѣло уладить и предложилъ члену редакціонной коммиссіи точнѣе объяснить свою мысль; но послѣдній, не находя въ своихъ словахъ ничего оскорбительнаго для Ярославскаго комитета, повторилъ прежде имъ сказанное; тогда депутатъ счелъ долгомъ удалиться изъ засѣданія. Другой случай: какъ редакціонная коммиссія приглашала депутатовъ въ свои засѣданія только ради формы, т. е. для исполненія 7 пункта инструкціи, и какъ происходившія въ коммиссіи объясненія не оставляли никакихъ слѣдовъ, то одинъ депутатъ почтительно просилъ предсѣдательствующаго члена редак-

ціонной коммиссіи о томъ, чтобъ вопросы предложены были ему на бумагѣ, обѣщая на бумагѣ же дать и отвѣты, или же, чтобы записывались въ журналъ какъ дѣлаемые ему вопросы, такъ и его отвѣты. Ему было въ томъ отказано, и онъ удалился изъ засѣданія. Не оправдываю въ обоихъ случаяхъ ни депутатовъ, ни редакціонной коммиссіи: ибо если первые были, можетъ быть, слишкомъ требовательны, то послѣдняя роняла вовсе значеніе правительства и свое собственное, превращая исполненіе пункта Высочайше утвержденной инструкціи въ чистую бюрократическую продѣлку; но долженъ сказать, что оба случая совершенно ничтожны, и что никакъ не слѣдовало жаловать ихъ въ чинъ *исторій*, а тѣмъ менѣе скандаловъ.

Второе обвиненіе противъ депутатовъ со стороны дворянства заключается въ томъ: почему они не сошлись между собою, къ чему было исписывать до 2000 листовъ, — и отъ чего они не дѣйствовали единодушно и не высказали своихъ требованій единогласно? Въ этомъ обвиненіи много справедливаго; но необходимо принять въ соображеніе обстоятельства, при которыхъ происходили занятія депутатовъ. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ затрогиваетъ самые существенные интересы дворянства и возбуждаетъ въ высшей степени страсти его членовъ. Къ тому же, три года тому назадъ, объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія мало думали, еще менѣе говорили и почти вовсе не писали. Какъ же требовать, чтобы люди, съѣхавшіеся изъ разныхъ краевъ Россіи, защитники разнородныхъ, даже противоположныхъ интересовъ, представители различныхъ мнѣній и лично другъ друга не знавшіе, разомъ сошлись, сдѣлавши одинъ другому всѣ необходимыя уступки, и, отказавшись отъ нѣкоторыхъ личныхъ воззрѣній, пошли однимъ путемъ и заговорили однимъ языкомъ? Нѣтъ, такое единодушіе было невозможно, и если, въ краткій срокъ своего пребыванія въ Петербургѣ, депутаты сошлись между собою въ нѣкоторыхъ главныхъ основаніяхъ, то и это — уже заслуга съ ихъ стороны: кому не извѣстно, что во всѣхъ совѣщательныхъ собраніяхъ первые мѣсяцы проходятъ въ томъ, что члены между собою знакомятся, стараются сблизиться, и что общее мнѣніе составляется только послѣ многихъ совѣщаній и балотировокъ? Какъ же можно упрекать депутатовъ въ томъ, что они, увидѣвши другъ друга, не сошлись внезапно всѣ въ мнѣніяхъ и не составили одной плотной массы? И то, по многимъ губерніямъ, произошли въ Петербургѣ явленія неожиданныя: люди, которые въ

губернскихъ комитетахъ, въ теченіе 6, 7 и 8 мѣсяцевъ, между собою боролись, и которыхъ проэкты были весьма различны, согласились между собою и стали говорить въ одинъ голосъ. Депутаты исписали, конечно, много бумаги, но что же было дѣлать? Они просили оффиціальныхъ совѣщаній: въ этомъ имъ было отказано. На частныхъ совѣщаніяхъ, не только каждое мнѣніе имѣло свою самостоятельность, но даже каждый способъ выраженія могъ быть сохраненъ, ибо мнѣнія депутатовъ велѣно было подавать особо отъ каждаго лица или отъ каждой губерніи. Какъ же мнѣ подписывать отъ своего имени то, съ чѣмъ я вполнѣ не согласенъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ я не совсѣмъ одобряю? При оффиціальныхъ засѣданіяхъ, рѣшало бы большинство, и частныя мнѣнія явились бы только въ видѣ исключеній, или составились бы два, три мнѣнія. При частныхъ совѣщаніяхъ — это было невозможно.

Въ заключеніе скажемъ: задача, предлежавшая депутатамъ перваго призыва была затруднительна по неопредѣленности ихъ положенія и по неизвѣстности отношеній, въ какія станетъ къ нимъ Правительство. Задача, предлежащая депутатамъ втораго призыва, еще щекотливѣе. Редакціонная коммиссія доказала, что она смотритъ на призывъ и дѣло депутатовъ, какъ на бюрократическую формальность. Высшее Правительство уклонилось и не имѣло съ ними никакихъ сношеній. Неужель эта странная продѣлка еще разъ повторится? Это невозможно. Что же сдѣлаетъ Правительство въ отношеніи къ новымъ депутатамъ? Какъ поступятъ имѣющіе съѣхаться депутаты въ отношеніи къ Правительству? Не осмѣливаемся отвѣчать на эти вопросы, но умоляемъ и тѣхъ, и другихъ: быть, по возможности, умѣренными и стараться сблизиться, а не расходиться еще болѣе. При излишнихъ требованіяхъ и неосторожныхъ выходкахъ со стороны депутатовъ, редакціонная коммиссія усилится, предположенія ея чрезъ то значительно окрѣпнутъ, — и Высшее Правительство, не одобряя ихъ вполнѣ, но не имѣя также, чѣмъ ихъ замѣнить, будетъ въ необходимости утвердить проэкты, представленные редакціонною коммиссіею. Если сія послѣдняя дозволитъ себѣ тѣ же дѣйствія, которыя, внезапно совершенныя, отчасти удались ей при первомъ призывѣ, то депутаты дружно сомкнутся, и Правительству придется одному приводить въ исполненіе новое, ни кѣмъ не одобряемое положеніе. Не думаю, чтобъ возможно было устроить новый порядокъ на прочныхъ основаніяхъ, при уклоненіи всего дворянства отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Наша крѣпкая надежда — на Государя, ко-

тораго благодушіе и мудрость должны спасти Россію отъ увлеченій, отъ посягательствъ съ одной стороны и отъ сомнѣній, опасеній, уклоненій и сопротивленій съ другой стороны. Мудро и благовременно начатое — да совершится не къ обидѣ кого либо, а ко благу всѣхъ.

2-го Декабря 1859 года.

P. S. Въ журналѣ общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій отъ 4 Ноября 1859 года содержится нижеслѣдующее:

„Нынѣ всѣ гг. члены перваго приглашенія, вызванные отъ губернскихъ комитетовъ, мнѣнія свои по работамъ коммиссій для составленія положеній о крестьянахъ, уже представили; но *къ крайнему для насъ сожалѣнію и затрудненію*, гг. члены губернскихъ комитетовъ *не только не пришли другъ съ другомъ къ соглашенію, но разъединились между собою даже въ главныхъ* началахъ, на коихъ должна быть основана реформа, *и составили такимъ образомъ нѣсколько группъ.*

„*Мнѣнія эти образовали такую громадную массу*, что разсмотрѣніе оныхъ увеличиваетъ работу коммиссій *по крайней мѣрѣ вдвое.* Я сдѣлалъ уже распоряженія, чтобы *доставить каждому изъ гг. членовъ коммиссій возможность прочесть всѣ эти мнѣнія*, но для сего понадобится не мало времени.“

Спрашивается: добросовѣстно ли изъявлять подобныя сожалѣнія и возводить такія обвиненія?

„Члены губернскихъ комитетовъ не пришли другъ съ другомъ къ соглашенію.“ — Но не были ли приняты всѣ нужныя мѣры къ полученію такого результата? Для чего воспрещены депутатамъ оффиціальныя собранія? Для чего вмѣнено имъ въ обязанность подавать замѣчанія или отдѣльно отъ своего имени, или по губерніямъ, но отнюдь не совокупно, за общимъ подписомъ? Какъ винить людей въ томъ, что они не сошлись, когда ихъ лишили всякихъ къ тому вспомогательныхъ средствъ? — Для чего при совѣщаніяхъ нужна оффиціальность? Для того, чтобы члены обязаны были по-

коряться рѣшенію большинства, чтобы при взаимныхъ уступкахъ они могли приходить къ одному общему положенію, чтобы въ крайнихъ случаяхъ подавались, сверхъ того, одно, два, три отдѣльныя мнѣнія, а не высказывалось постоянно столько мнѣній, сколько людей въ собраніи, и чтобъ одинъ обязательный порядокъ велъ всѣхъ къ одной цѣли. Депутаты были глубоко убѣждены въ пользѣ оффиціальности для ихъ совѣщаній; они просили о предоставленіи имъ этого права, но имъ было въ томъ отказано; а теперь ставятъ имъ въ вину, что они не дошли до соглашеній! Редакціонная коммиссія сама знаетъ, что̀ такое разногласія: для прекращенія ихъ въ средѣ своей, она прибѣгла къ средству даже незаконному, т. е. къ лишенію членовъ права подписывать *съ особымъ мнѣніемъ* журналы общаго присутствія, а равно и доклады отдѣленій... Какъ же полагать, что депутаты, не избранные однимъ лицомъ, по тѣмъ или другимъ уваженіямъ, а вызванные, какъ представители самыхъ разнорѣчивыхъ, даже противоположныхъ проэктовъ, съѣдутся, увидятся и во всемъ сойдутся! Даже наши мірскія сходки, состоящія изъ людей по преимуществу единодушныхъ, приходятъ къ единогласію только потому, что они обязаны обычаемъ составить одинъ общій приговоръ. А депутатамъ сказано: подавайте свои мнѣнія каждый отдѣльно и не смѣйте представлять ихъ за общимъ подписомъ; развѣ, при этомъ условіи, возможно было депутатамъ сойтись, сдѣлать другъ другу всѣ нужныя уступки не только въ мнѣніяхъ, но и въ способахъ ихъ выраженія, и подать въ 19 экземплярахъ (по числу губерній) одно и то же мнѣніе? А если бъ такое чудо и совершилось, то не было ли бы оно еще сочтено за стачку? Нѣтъ! такое требованіе граничитъ съ недобросовѣстностью, къ которой редакціонная коммиссія, при полнотѣ своихъ правъ, не имѣетъ, кажется, нужды прибѣгать.

„Члены губернскихъ комитетовъ разъединились между собою въ главныхъ основаніяхъ и составили такимъ образомъ группы.“ Это обвиненіе еще страннѣе перваго. Неужель кому либо не извѣстно, что всѣ люди, имѣющіе мнѣніе по крестьянскому вопросу, дѣлятся на защитниковъ освобожденія крестьянъ съ землею или безъ земли, и на сторонниковъ освобожденія съ выкупомъ обязательнымъ или добровольнымъ, или вовсе безъ выкупа! Все дворянство въ этомъ отношеніи распадается на нѣсколько самыхъ разнорѣчивыхъ партій. Да и въ самой редакціонной коммиссіи имѣются, кажется, довольно яркіе образцы подобныхъ разногласій. Какъ же было думать, что

депутаты, представители каждый своего проэкта, могли пріѣхать въ С.-Петербургъ или съ мнѣніями совершенно одинакими, или вовсе безъ мнѣній? Какъ могли они не быть отголосками общественнаго мнѣнія и потому сторонниками самыхъ противоположныхъ мнѣній? Слѣдовательно, депутаты *не разошлись* между собою въ главныхъ основаніяхъ и не составили вслѣдствіе того группъ, а напротивъ: они сошлись между собою въ главныхъ основаніяхъ и потому составили группы. Самое сильное разъединеніе въ мнѣніяхъ было до пріѣзда депутатовъ въ С.-Петербургъ и до начала ихъ бесѣдъ; а въ С.-Петербургѣ, вслѣдствіе бесѣдъ, состоялись между депутатами нѣкоторыя соглашенія, и потому сдѣлалось возможнымъ образованіе группъ. Прискорбно, истинно прискорбно, что не допущены были оффиціальныя собранія депутатовъ: неминуемо составилось бы между ними большинство плотное, либеральное, умѣренное, которое значительно помогло бы Правительству въ разрѣшеніи многотрудной, ему предлежащей задачи, и явило бы міру великій примѣръ благоразумія и не себялюбиваго разсчета, устрояющихъ на прочныхъ основаніяхъ благо двухъ сельскихъ сословій.

„Мнѣнія членовъ губернскихъ комитетовъ образовали такую громадную массу, что разсмотрѣніе ихъ увеличиваетъ работу коммиссій по крайней мѣрѣ вдвое.“ — Депутаты это знали впередъ; il ne fallait pas être prophète pour le savoir. Они это изложили въ своемъ письмѣ къ предсѣдателю, и, преимущественно, на этомъ основаніи просили о дозволеніи имъ имѣть оффиціальныя собранія. Редакціонная коммиссія жалуется, что ея труды увеличиваются, по крайней мѣрѣ, вдвое отъ огромной массы бумагъ, исписанныхъ депутатами. Это — еще не бѣда: коммиссія уже доказала свое умѣніе по части сокращеній и выписокъ изъ губернскихъ проэктовъ; а потому она легко управится и съ мнѣніями депутатовъ; но есть бѣда другая, несравненно бо́льшая и вполнѣ дѣйствительная: Государю Императору благоугодно было удостовѣрить депутатовъ, что ихъ мнѣнія, согласныя съ мнѣніемъ редакціонной коммиссіи, войдутъ въ положеніе; *всѣ же остальныя* будутъ представлены въ Главный комитетъ и дойдутъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Какъ исполнить это Высочайшее обѣщаніе? Вотъ о чемъ должна быть забота; вотъ о чемъ должны крѣпко подумать добросовѣстные совѣтники Царскіе.

Предсѣдатель объявляетъ, „что имъ уже сдѣланы распоряженія къ тому, чтобы доставить каждому изъ членовъ коммиссіи воз-

можность прочесть всѣ мнѣнія депутатовъ.“ Напечатаніе этихъ мнѣній есть, конечно, вещь весьма полезная и нетрудная; за типографіями, вѣроятно, остановки не будетъ; но прочтеніе трехъ толстыхъ томовъ, которые, составятся изъ отвѣтовъ и замѣчаній депутатовъ перваго призыва, будетъ трудомъ менѣе легкимъ. Какъ бы все дѣло не ограничилось однимъ напечатаніемъ!

Выше приведенныя пятнадцать строкъ изъ журнала 4 Ноября содержатъ въ себѣ, для депутатовъ втораго приглашенія, новое и весьма сильное побужденіе къ единогласію. Теперь уже настоитъ для нихъ крайняя надобность въ томъ, чтобы, отложа въ сторону всѣ личныя воззрѣнія и даже мѣстныя хозяйственныя соображенія, они соединили всѣ свои усилія къ опроверженію однихъ главныхъ началъ, принятыхъ редакціонною коммиссіею, началъ, долженствующихъ почти уничтожить значеніе землевладѣльцевъ, породить борьбу между ними и землядѣльцами, содѣлать необходимыми частыя вмѣшательства власти въ дѣла сельскія, и тѣмъ еще усилить въ Россіи ненавистную для всѣхъ бюрократію. Отъ души желаемъ, чтобъ это воззваніе, безсознательно обращенное редакціонною коммиссіею къ новымъ депутатамъ, было на сей разъ не гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

8 Декабря 1859.

Государственная Канцелярія.

ОТДѢЛЕНІЕ

ДѢЛЪ

ГОСУДАРСТВЕННАГО СЕКРЕТАРЯ.

11-го Августа 1859 г.

№ 368.

Господину предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, послѣдовавшему въ Сентябрѣ 1858 года, губернскіе комитеты, учрежденные для составленія Положеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, должны выбрать изъ среды себя двухъ членовъ для представленія Высшему Правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно *признаетъ нужнымъ имѣть при разсмотрѣніи составленныхъ губернскими Комитетами проэктовъ.**)

По случаю прибытія въ скоромъ времени сюда членовъ, избранныхъ нѣкоторыми губернскими комитетами, Государь Императоръ, принявъ во вниманіе какъ изложенную выше цѣль ихъ вызова, а также, что общія начала по крестьянскому дѣлу указаны Высочайшими рескриптами, программою и Высочайше утвержденными журналами Главнаго комитета, мѣстнымъ же комитетамъ было Высочайше предоставлено *примѣненіе общихъ началъ къ особенностямъ каждой губерніи,* — изволилъ признать необходимымъ опредѣлить образъ дѣйствій какъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій для составленія Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и членовъ, избранныхъ губернскими комитетами, — сообразно съ упомянутымъ, Высочайше уже указаннымъ, распредѣленіемъ дѣйствій.

Въ сихъ видахъ Его Императорское Величество соизволилъ Высочайше повелѣть руководствоваться по этому дѣлу слѣдующими правилами:

1. Предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій долженъ, прежде всего, истребовать отъ каждаго изъ вызванныхъ членовъ *мѣстныя* свѣдѣнія и объясненія по такимъ вопросамъ, которые возникли впослѣдствіи, уже при разработкѣ крестьянскаго дѣла, въ нѣкоторыхъ лишь губернскихъ комитетахъ или въ са-

*) Замѣчательно тутъ отступленіе отъ первоначальныхъ словъ Высочайшаго повелѣнія. Тамъ въ отношеніи г. Министра внутреннихъ дѣлъ было сказано: *при окончательномъ обсужденіи и разсмотрѣніи каждаго проэкта.*

мыхъ редакціонныхъ коммиссіяхъ, а потому не могли еще быть окончательно развиты сими послѣдними (по образцу всѣхъ докладовъ трехъ отдѣленій) прежде пополненія первоначальныхъ необходимыхъ для того матеріаловъ. Сюда относятся:

а) Практическія указанія на мѣры къ охраненію владѣльческой поземельной собственности (особенно помѣщичьихъ лѣсовъ) отъ умышленной порчи, похищеній и пожаровъ; о порядкѣ заключенія условій по вольному найму и объ обезпеченіи надежнаго выполненія оныхъ.

б) Мѣстныя данныя о томъ, въ какихъ размѣрахъ понадобятся межевыя средства, для скорѣйшаго разграниченія угодій, предоставляемыхъ за повинность въ пользованіе крестьянъ, отъ прочихъ земель и угодій.

в) Ближайшія соображенія о порядкѣ и условіяхъ обращенія промышленныхъ селъ въ посады или мѣстечки.

г) Практическія данныя о средствахъ пополненія и сохраненія въ цѣлости сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, а также о возможномъ сокращеніи формальностей при освѣженіи хлѣба или раздачѣ онаго въ ссуду съ соблюденіемъ однако же нужныхъ предосторожностей.

д) Необходимыя данныя для введенія между крестьянами взаимнаго страхованія отъ огня, градобитія и другихъ неожиданныхъ несчастій.

е) Соображенія по ходатайству нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ о предоставленіи лицамъ, принадлежащимъ къ потомственному дворянству, права пріобрѣтать населенныя имѣнія безъ всякихъ ограниченій; и

ж) Предварительныя соображенія о порядкѣ добровольныхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами относительно выкупа послѣдними поземельныхъ угодій въ собственность.

2. По доставленіи членами губернскихъ комитетовъ отвѣтовъ на всѣ означенные, еще не разработанные вопросы, предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій *предъявляетъ каждому изъ сихъ членовъ* труды коммиссій уже разработанные, *собственно по проэкту Положенія о крестьянахъ;* при чемъ, для успѣшнѣйшаго и удобнѣйшаго окончанія всего дѣла и для облегченія самихъ членовъ, должны, по сему проэкту, быть предложены имъ и *вопросы, по коимъ требуются отъ каждаго члена мѣстныя свѣдѣнія и объясненія.* Работы коммиссій собственно по проэкту положенія, вмѣстѣ съ извлеченными изъ оныхъ вопросами, *предъявляются, по усмотрѣнію предсѣдателя*, или по каждому изъ трехъ отдѣленій коммиссій порознь, или всѣ совокупно.

3. Предсѣдателю предоставляется, независимо отъ указанныхъ выше вопросовъ, пригласить вызванныхъ членовъ къ доставленію и всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ данныхъ и соображеній, какія еще окажутся необходимыми при дальнѣйшемъ ходѣ работъ.

4. *Такъ какъ сущность работы вызванныхъ членовъ заключается,* по Высочайшему указанію, собственно *въ примѣненіи общихъ правилъ къ особенностямъ каждой губерніи,* то каждый членъ представляетъ *особый, по своей губерніи, письменный отвѣтъ на каждый вопросъ отдѣльно, или члены одной губерніи даютъ отвѣты за общимъ подписаніемъ.*

5. Каждый изъ вызванныхъ членовъ не обязывается излагать, ни въ полномъ, ни въ систематическомъ порядкѣ, соображенія по предложеннымъ имъ

вопросамъ; онъ можетъ ограничиться хотя бы только и отдѣльными замѣтками; но для точнаго выполненія Высочайшей воли необходимо, чтобы представляемые отвѣты основывались на мѣстныхъ данныхъ и, по возможности, на положительныхъ фактахъ, какъ бывшихъ въ виду губернскихъ комитетовъ, такъ и лично извѣстныхъ каждому члену, который, при изложеніи своихъ отвѣтовъ, не обязанъ стѣсняться комитетскими постановленіями.

6. Если примѣненіе общихъ правилъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ вызоветъ какія либо особыя соображенія, то каждому изъ вызванныхъ членовъ предоставляется, послѣ доставленія положительныхъ отвѣтовъ на предложенные вопросы, представить предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій и означенныя соображенія.

7. При полученіи отвѣтовъ, предсѣдателю предоставляется, *по своему усмотрѣнію и по мѣрѣ надобности,* приглашать, для словесныхъ объясненій, членовъ одной губерніи или нѣсколькихъ вмѣстѣ, согласно съ 10-мъ пунктомъ Высочайше утвержденнаго 26 Октября 1858 года журнала Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу.

8. Дабы не останавливать дальнѣйшаго движенія работъ по редакціоннымъ коммиссіямъ, предсѣдателю оныхъ вмѣняется въ обязанность наблюсти, чтобы всѣ необходимыя свѣдѣнія и объясненія были доставлены отъ членовъ губернскихъ комитетовъ *не позже одного мѣсяца со дня предъявленія имъ первыхъ вопросовъ.*

9. По полученіи предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и объясненій, *занятія вызванныхъ сюда, избранныхъ губернскими комитетами, членовъ считаются оконченными* и предсѣдатель извѣщаетъ о томъ министра внутреннихъ дѣлъ.

10. *Всѣ безъ исключенія* отвѣты членовъ, какъ нынѣ вызванныхъ, такъ и тѣхъ, кои будутъ вызваны впослѣдствіи, вмѣстѣ съ заключеніями по онымъ редакціонныхъ коммиссій, представляются на обсужденіе Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, одновременно съ проэктомъ положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ проэктъ этотъ должны быть включены всѣ соображенія вызванныхъ членовъ, которыя будутъ приняты редакціонными коммиссіями.

О таковой Высочайшей волѣ я имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству для надлежащаго распоряженія къ ея исполненію, увѣдомивъ объ оной и г. Министра внутреннихъ дѣлъ, для его свѣдѣнія.

Подлинное подписалъ: Государственный Секретарь

В. Бутковъ.

Скрѣпилъ: Исправляющій должность Статсъ-Секретаря

С. Жуковскій.

Приложеніе седьмое:

а) Письмо къ Государю и б) Записка о дѣлахъ Царства Польскаго.

Всемилостивѣйшій Государь!

По волѣ Вашего Императорскаго Величества, я отправился, въ 1864 году, въ Варшаву и тамъ исправлялъ обязанности члена Учредительнаго Комитета и главнаго директора финансовъ. Я дѣйствовалъ по совѣсти и по лучшему своему разумѣнію къ достиженію полнаго и окончательнаго присоединенія Польши къ Россіи. Иное мнѣніе о средствахъ къ достиженію этой цѣли, противуположное моимъ убѣжденіямъ, все болѣе и болѣе одерживало верхъ въ управленіи польскими дѣлами и становилось его руководящимъ началомъ; а потому я счелъ долгомъ совѣсти удалиться; къ чему побуждало меня и разстроившееся мое здоровье.

Считая способъ дѣйствія, принятый по польскимъ дѣламъ, вреднымъ для Россіи, я, разъ осчастливленный всемилостивѣйшимъ вниманіемъ ко мнѣ Вашего Величества, не могу возвратиться въ жизнь частную, не изложивши Вамъ, Государь, моего по сему предмету откровеннаго мнѣнія, образовавшагося и утвердившагося во время 25 мѣсячнаго пребыванія въ Варшавѣ.

Почему осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества краткую по сему предмету записку, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ доложить, что это мое дѣйствіе есть совершенно безкорыстное. Я не нуждаюсь въ службѣ; я не алчу почестей; готовый по волѣ моего Государя, какъ всякій вѣрноподданный, посвятить свою дѣятельность на то, что́ могло бы быть мнѣ указано, я охотно возвращаюсь въ жизнь частную, гдѣ также, по силамъ и способностямъ, постараюсь быть, хотя сколько нибудь, полезнымъ Отечеству.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Александръ Кошелевъ.

Дѣйст. Стат. Совѣтникъ.

Ноября, 1866.
с. Песочня, Рязан. губ.
Сапожк. уѣзда.

Русскіе вообще и тѣ въ особенности, которые находятся или находились въ послѣднее время въ Польшѣ, всѣ убѣждены въ томъ, что эта страна, безъ вреда для Россіи и самой себя, отдѣльно существовать не можетъ; что она непремѣнно должна составлять часть Имперіи; и что одни и тѣ же законы, власти и распорядки, по возможности, должны относиться ко всѣмъ частямъ нашего государства. Это убѣжденіе, основанное на прежней исторіи Польши и ея отношеній къ Россіи, еще болѣе укоренилось въ Русскихъ послѣ бывшихъ тамъ безпорядковъ въ 1862—1864 годахъ, и послѣ того, какъ они короче ознакомились съ положеніемъ и свойствомъ этой страны и ея жителей. Слѣдовательно, относительно цѣли, къ которой Правительство и ея дѣятели должны стремиться въ Польшѣ, нѣтъ между Русскими никакого разногласія; но тѣмъ сильнѣйшее разномысліе существуетъ между ними относительно средствъ къ достиженію этой, всѣми равно желаемой цѣли.

Одни полагаютъ, что кроткія, примирительныя средства никуда не годятся; — что необходимо обезсилить, разорить, окончательно подавить шляхту, которой непріязненность къ Россіи не подлежитъ сомнѣнію; — что необходимо искоренить всякіе польскіе порядки, какъ произведенія шляхетскія, напоминающія о прежнемъ отдѣльномъ государственномъ бытіи Польши; — что необходимо поднять и усилить крестьянство, какъ непримиримаго врага шляхетства и какъ классъ населенія, который все ожидаетъ отъ Россіи; — что города и въ особенности Евреевъ, составляющихъ самую многочисленную часть городскаго населенія, нужно привлечь разными выгодами на сторону новыхъ устройствъ; — что должно принимать мѣры радикальныя и вовсе не удерживаться опасеніемъ, что чрезъ то нѣкоторые существующіе интересы будутъ нарушены; — что русскіе законы, учрежденія и распоряженія должны быть вводимы

немедленно и почти безъ всякихъ измѣненій, хотя бы эти законы, учрежденія и распоряженія въ самой Имперіи признавались не вполнѣ соотвѣтствующими своей цѣли и подлежащими преобразованію; — что русскими чиновниками должны быть замѣщены всѣ нѣсколько значительныя мѣста по разнымъ частямъ управленія; — что неизбѣжно удержать какъ можно долѣе военное положеніе и соединенныя съ нимъ стѣснительныя и карательныя мѣры; — наконецъ, что должно постоянно имѣть въ виду, что матеріальная сила одна есть и еще долго должна оставаться главною основою нашего владычества въ Польшѣ.

Другіе, напротивъ того, признаютъ необходимость мѣръ примирительныхъ. Они убѣждены, что такой край развитой (хотя и ложно, ошибочно, порочно) какъ Польша, гдѣ потребности людей и ихъ отношенія между собою, а равно къ предметамъ собственности весьма многоразличны, и гдѣ они уже получили болѣе или менѣе соотвѣтственное, но во всякомъ случаѣ опредѣленное удовлетвореніе и разрѣшеніе, и такую народность, какова Польская, имѣющую свои тысячелѣтнія преданія, невозможно быстро измѣнить; — что поспѣшность, рѣзкость, явная непріязненность въ распоряженіяхъ — могутъ произвести дѣйствіе, противное желаемому; — что мы не должны обманывать себя на счетъ средствъ, которыми мы располагаемъ; — что мы не имѣемъ излишка въ людяхъ способныхъ и дѣльныхъ, которыми могли бы замѣстить Поляковъ и что еще менѣе имѣемъ мы излишекъ въ капиталахъ, которыми были бы въ состояніи замѣнить тѣ, которые мы теперь уничтожаемъ въ рукахъ шляхетскихъ; — что порядки, существующіе въ Польшѣ, какъ ни дурны, но они тамъ имѣютъ силу и развились изъ тамошнихъ потребностей; и что тѣ порядки русскіе, которые мы должны тамъ вводить, подлежатъ приспособленіямъ, требуемымъ мѣстными обстоятельствами; — что едва ли наши порядки такъ хороши и общепримѣнимы, что могутъ быть пересажены въ Польшу безъ измѣненій; — что вѣрные своей исторіи и духу Православія, мы должны дѣйствовать примирительно; — что безпорядки 1862—1864 годовъ и полное усмиреніе края намъ вполнѣ подготовили для такихъ дѣйствій почву; — что сами Поляки, мечтавшіе о независимости Польши, теперь не надѣются болѣе ни на иностранныя державы, столько разъ ихъ обманывавшія, ни на собственныя силы, въ корнѣ подрѣзанныя указами 19 Февраля (2 Марта) и 27 Октября (8 Ноября) 1864 и 14/26 Декабря 1865 года, и тѣмъ еще менѣе на рево-

люціонные комитеты и на своихъ эмигрантовъ, которыхъ они теперь боятся болѣе всякихъ враговъ; — что, при такихъ обстоятельствахъ, мы должны подкупать Поляковъ благоустройствомъ, которое мы можемъ тамъ водворить; — что матеріальныя силы и насильственныя средства могли временно принести намъ пользу, и ее они намъ уже оказали полнымъ усмиреніемъ края, — но что для устройства его, для полнаго его присоединенія къ Россіи, нужны мѣры государственныя, безстрастныя, носящія на себѣ отпечатокъ благоразумія и кротости; что не возможно обойтись безъ содѣйствія самихъ Поляковъ; и что должно воспользоваться теперешнею готовностью къ тому многихъ изъ нихъ, хотя бы оная оказывалась, конечно, не изъ любви и преданности къ Россіи, а по разсчету и въ виду революціонной пропаганды, обѣщающей Польшѣ одни безпорядки и разореніе.

Въ началѣ преобразованій, особенно въ 1864 году, способъ дѣйствій, основанный на первомъ изъ изложенныхъ мнѣній былъ необходимъ. Такъ, указы объ устройствѣ крестьянъ содержали мѣры, которыя за нѣсколькими частными исключеніями, не могли не быть одобренными со стороны всѣхъ Русскихъ. Нанести рѣшительный ударъ всемогуществу шляхты и упрочить бытъ крестьянъ на широкихъ и твердыхъ основаніяхъ, т. е. дать имъ землю и самостоятельное существованіе — было дѣломъ первой необходимости. Изданіе этихъ указовъ было дѣйствіемъ великой государственной мудрости; этимъ положено вѣрное и твердое основаніе для нашего владычества въ Польшѣ.

Указы о закрытіи нѣкоторыхъ монастырей и преобразованіи остальныхъ, а равно объ устройствѣ свѣтскаго Римско-католическаго духовенства, — хотя мѣры крутыя, однако онѣ также были неизбѣжны и неотложны; онѣ и не возбудили сильнаго негодованія въ Польшѣ, ибо всѣ видѣли, что Правительство не могло не принять мѣръ противъ монастырей, Епископовъ и ксендзовъ, явно и всячески противъ него дѣйствовавшихъ какъ въ прежнія, такъ и послѣднія времена. Даже на счетъ перваго указа, многіе Поляки говорили: давно слѣдовало монастыри прибрать къ рукамъ.

Эти мѣры, какъ выше сказано, были необходимы; и всѣ Русскіе безъ исключенія отъ души ихъ одобряли. Къ тому же мѣры крупныя, рѣшительныя, изъ существа дѣла истекающія, хотя временно и поражаютъ, даже ошеломляютъ людей; но онѣ ихъ не раздражаютъ.

Натяжки при развитіи и исполненіи законовъ, явная наклонность истолковывать ихъ не на основаніи справедливости и доброй совѣсти, а всегда въ одну сторону; излишнія стѣсненія и напрасныя оскорбленія, вотъ что особенно раздражаетъ людей, отнимаетъ у нихъ всякое довѣріе къ Правительству, убиваетъ всякую бодрость духа и порождаетъ уныніе и отчаяніе. Къ сожалѣнію, именно это часто бывало въ послѣднее время въ Польшѣ, и это систематически приводится въ исполненіе сторонниками перваго мнѣнія.

Указы 19 Февраля 1864 года такъ радикальны, что должно было только привести ихъ въ исполненіе во всей ихъ силѣ; далѣе идти — не было никакой надобности. Между тѣмъ управленіе старалось постепенно расширять смыслъ указовъ и истолковывать ихъ большею частію въ одну сторону, т. е. въ пользу крестьянъ. Чрезъ это открывался такой рядъ произвольныхъ дѣйствій, что ни одинъ помѣщикъ не зналъ, чтó у него останется. Предоставленіе домовъ и клочковъ земли почти всякимъ рабочимъ; расширеніе правъ на сервитуты и предоставленіе ихъ крестьянамъ, хотя бы эти сервитуты не были внесены въ престаціонныя табели 1846 года и хотя бы это пользованіе было самое кратковременное и единственно изъ милости; приведеніе въ исполненіе указовъ однѣми коммиссіями такъ, а другими иначе, въ особенности потому, что главное управленіе крестьянскимъ дѣломъ не давало разрѣшеній на представленія коммиссій и тѣмъ предоставляло имъ дѣйствовать по своему произволу; пристрастное удовлетвореніе жалобъ крестьянъ и почти вѣрный отказъ на просьбы помѣщиковъ и пр., вотъ дѣйствія, которыя часто повторялись въ послѣднее время, и которыя не только раздражали помѣщиковъ, но отнимали у нихъ всякую надежду на какое либо положительное устройство въ будущемъ.

Способъ приведенія въ дѣйствіе указовъ о монастыряхъ и свѣтскомъ духовенствѣ также возбудилъ много неудовольствій. Ссылка Ржевуцскаго въ Астрахань, заключеніе въ крѣпость Щигельскаго и Домогальскаго, назначеніе Зволинскаго Администраторомъ Варшавской Епархіи, взятіе подъ стражу разныхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ противузаконныхъ сношеніяхъ съ монастырями или духовенствомъ и пр., раздражали безъ всякой необходимости Поляковъ и оправдывали до нѣкоторой степени слухи о томъ, что Правительство преслѣдуетъ католическую церковь и желаетъ ее уничтожить.

Правительство издало законы на счетъ устройства разныхъ

учебныхъ заведенiй и ассигновало на этотъ предметъ значительныя суммы. Такiя распоряженiя должны бы встрѣтить общее одобренiе и расположить страну въ пользу Правительства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не только главное, но и посредствующее завѣдыванiе этими учрежденiями, передано было исключительно Русскимъ, и удалены были всѣ Поляки, даже такiе, которые искренно были преданы Россiи. Всѣ директоры назначены были изъ Русскихъ или изъ русскихъ Нѣмцевъ; а потому, кромѣ того, что сомнительно, справятся ли они съ симъ дѣломъ, чрезъ это къ учебнымъ заведенiямъ вызвано нерасположенiе Поляковъ, которые однако тамъ должны воспитывать своихъ дѣтей. Вообразите какую страну угодно; если бы въ этой странѣ поступлено было такъ, какъ въ Польшѣ, то, конечно, отцы и матери не могли бы тамъ имѣть никакого довѣрiя къ учебнымъ учрежденiямъ, отъ завѣдыванiя которыми исключены ихъ земляки, и которыя переданы въ полное управленiе людей, чуждыхъ имъ по вѣрѣ, языку и чувствамъ. Если бы при такой передачѣ соблюдена была еще какая нибудь постепенность и нѣкоторый decorum, то дѣло еще могло бы состояться, и Поляки нечувствительно очутились бы подъ русскимъ учебнымъ направленiемъ; но все вышесказанное было сдѣлано вдругъ, даже съ нѣкоторою торжественностiю. Вызваны были Русскiе en masse для занятiя мѣстъ директоровъ; назначены имъ большiя жалованья, и сверхъ того даны имъ значительныя подъемныя деньги. Удивительно ли, что, при такихъ обстоятельствахъ, учебныя заведенiя не внушаютъ Полякамъ къ себѣ никакого довѣрiя. Можно даже опасаться, что вновь изданные законы и ассигнованныя деньги не принесутъ настоящей пользы; какъ бы не пришлось насильственными мѣрами загонять въ школы учениковъ.

Полицейское управленiе края было долгое время въ завѣдываніи четырехъ властей, кромѣ пятой — учрежденiй по крестьянскимъ дѣламъ, которыя также и весьма сильно участвовали въ производствѣ нѣкоторыхъ полицейскихъ дѣлъ. Эти четыре власти были: военная, военно-полицейская, жандармская и гражданская. Легко себѣ вообразить, какой былъ тогда безпорядокъ. Въ началѣ нынѣшняго года, власть военная была устранена; а военно-полицейская подчинена губернаторамъ и коммиссiи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Съ этою перемѣною должно было ожидать нѣсколько меньшаго безобразiя въ управленiи; но всѣ стѣснительныя мѣры были удержаны и оставшiяся власти продолжали своевольничать по прежнему. Теперь предполагается соединить всѣ власти въ одну военно-

гражданскую; т. е. всѣ гражданскія дѣла передать уѣзднымъ начальникамъ, которые будутъ назначаемы изъ русскихъ военныхъ и подчинены губернаторамъ и коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Такая перемѣна едва ли улучшитъ ходъ дѣлъ, ибо молодые люди изъ военныхъ, которые будутъ уѣздными начальниками, не знаютъ гражданскихъ дѣлъ, весьма сложныхъ въ Польшѣ, и, побуждаемые къ дѣятельности губернаторами и коммиссіею внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, будутъ непремѣнно разрубать сплеча всѣ встрѣчающіяся затрудненія.

Правительству угодно было отмѣнить консумаціонные сборы въ городахъ и устроить акцизные сборы на тѣхъ же основаніяхъ, какія существуютъ въ Имперіи. Первое не можетъ быть принято городами иначе, какъ съ великою благодарностью; послѣднее довольно удобно, ибо такая перемѣна уже два года подготовлялась, и значительнаго нарушенія чьихъ либо интересовъ въ этомъ преобразованіи не будетъ. Но съ этимъ нововведеніемъ Правительство сочло нужнымъ произвести другое — подчиненіе этого новаго устройства министерству финансовъ Имперіи, которое не знаетъ мѣстныхъ обстоятельствъ и должно будетъ все рѣшать на основаніи рапортовъ одного лица, завѣдывающаго Варшавскимъ центральнымъ акцизнымъ управленіемъ; слѣдовательно никто не будетъ въ состояніи быстро, на мѣстѣ и съ надлежащимъ знаніемъ дѣла принимать тѣ мѣры, которыя могли бы облегчить введеніе новой системы, и разрѣшать тѣ затрудненія и недоумѣнія, которыя при этомъ не могутъ не возникнуть. Особенно должно затруднить и усложнить это дѣло то, что министерство финансовъ признало необходимымъ всѣхъ управляющихъ и ревизоровъ назначить изъ Русскихъ. Не говоря уже о томъ, что хорошіе и опытные люди изъ Русскихъ едва ли рѣшатся поступить въ Польшу на меньшее жалованье, чѣмъ то, какое получаютъ управляющіе и ревизоры въ Имперіи, — не могу не замѣтить, что они не знаютъ ни мѣстнаго языка, ни обстоятельствъ здѣшняго края. Сверхъ того нельзя умолчать и о впечатлѣніи, какое произвело на Поляковъ вообще то, что даже по акцизнымъ сборамъ, т. е. по такому дѣлу, которое не имѣетъ ничего общаго ни съ крестьянскимъ устройствомъ, ни съ политикою, ни даже съ полиціею, присылаются люди изъ Россіи, а они, Поляки, вовсе устраняются и отъ посредствующаго управленія этою частью.

Мысль о замѣщеніи русскими чиновниками всѣхъ нѣсколько значительныхъ мѣстъ по управленію Польши, есть мысль, которую

нельзя не признать весьма вредною. Къ сожалѣнію, она съ особенною настойчивостью проводится сторонниками перваго, нами изложеннаго мнѣнія. Конечно, главное управленіе края должно быть въ рукахъ русскихъ; по крестьянскому дѣлу могутъ быть употребляемы одни Русскіе; и желательно, чтобы по всѣмъ частямъ управленія были и Русскіе; но замѣщеніе одними Русскими мѣстъ директоровъ учебныхъ округовъ, управляющихъ и ревизоровъ по акцизнымъ сборамъ, уѣздныхъ начальниковъ и пр. есть такая мѣра, которая кромѣ вреда и притомъ весьма значительнаго, ничего произвести не можетъ. Во 1-хъ, имѣемъ ли мы въ Имперіи излишекъ въ хорошихъ чиновникахъ? Едва ли кто рѣшится отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Теперь въ Польшѣ есть отличные Русскіе чиновники, но число ихъ весьма незначительно; они посвятили себя большею частью крестьянскому дѣлу, но съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его окончанія и пламенно желаютъ возвратиться во свояси, гдѣ теперь такъ много всякаго дѣла. Большинство же Русскихъ, находящихся въ Польшѣ, состоитъ изъ среднихъ и плохихъ чиновниковъ. Число этихъ чиновниковъ теперь умножается, тогда какъ число отличныхъ дѣятелей постоянно уменьшается. При такомъ положеніи дѣла, полезно ли держаться мысли — всѣ нѣсколько значительныя мѣста по управленію замѣщать Русскими? Проживши болѣе двухъ лѣтъ въ Польшѣ и имѣвъ достаточно случаевъ ознакомиться съ тамошними чиновниками, я не могу не сказать, что вообще польскіе чиновники, по своему развитію, стоятъ выше русскихъ чиновниковъ, и что между ними много способныхъ, весьма исполнительныхъ и честныхъ. Польскіе чиновники имѣютъ, конечно, свои убѣжденія, свои цѣли, и нѣкоторые недостатки, развитые въ нихъ какъ прежнею исторіею Польши, такъ и нашимъ тамъ владычествомъ; но нѣтъ достаточныхъ причинъ, нѣтъ возможности подвергать ихъ вообще остракизму. По моему глубокому убѣжденію, хорошіе Русскіе чиновники весьма полезны, необходимы; но плохіе и даже средніе — положительно вредны, ибо Поляки не могутъ не чувствовать своего надъ ними превосходства, и такіе русскіе чиновники или дѣлаютъ на каждомъ шагу промахи и только запутываютъ дѣла, или поддаются Полякамъ, которые въ этомъ случаѣ дѣлаютъ чрезъ нихъ то, чего бы сами никакъ не рѣшились сдѣлать.

Во 2-хъ, въ Польшѣ чиновниковъ очень много; бѣдный классъ, доставляющій кандидатовъ въ оные крайне многочисленъ. Эти люди, кромѣ службы, не имѣютъ никакихъ средствъ къ содержанію себя

и семействъ своихъ. Если число русскихъ чиновниковъ въ Польшѣ значительно усилится, то куда дѣваться польскимъ чиновникамъ? Къ тому же, если одни чернорабочія мѣста будутъ за ними оставлены, то какая для нихъ будетъ перспектива на службѣ? Призывъ Русскихъ en masse на службу въ Польшу грозитъ польскимъ чиновникамъ голодною смертью; при такомъ положеніи, каковы должны быть ихъ чувства и дѣйствія? Къ чему, спрашиваю, учреждать, умножать въ Польшѣ учебныя заведенія, долженствующія развивать способности шляхты, всего болѣе алчущей образованія? Соотвѣтственнѣе было закрыть и существующія, и надѣливъ шляхту, изъ которой выходятъ всѣ чиновники, клоками земли, перечислить ее въ крестьянство. Принятіе подобной мѣры, конечно, не желательно, оно и невозможно; а потому не согласно съ видами мудрой политики становить всю массу польскихъ чиновниковъ въ безвыходное положеніе.

Другая мысль, не менѣе вредная, преобладающая теперь въ системѣ управленія польскими дѣлами, заключается въ томъ, чтобы пересаживать въ Польшу все Русское безъ разбора, хорошо ли оно, соотвѣтствуетъ ли тамошнимъ потребностямъ или нѣтъ? Такъ, между прочимъ, предполагается ввести въ Польшѣ русское Положеніе о правѣ торговли и промысла. Кто жилъ въ Имперіи, вникалъ въ это устройство, и особенно, кто имѣлъ случай видѣть дѣйствіе этого Положенія въ Западныхъ губерніяхъ, тотъ, конечно, не можетъ не признать всей несоотвѣтственности этого узаконенія для самой Россіи. Для Польши особенно важна мелочная торговля; тамъ почти *всѣ* торгуютъ и имѣютъ на продажу *чуть чуть не все;* какъ же тамъ привести въ исполненіе то разграниченіе между продажными предметами, которое установлено упомянутымъ Положеніемъ, и которое составляетъ существенную, основную его принадлежность?

Правительство признало необходимымъ произвести преобразованіе въ дѣйствующихъ въ Польшѣ законахъ гражданскихъ и уголовныхъ, въ постановленіяхъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, въ уставѣ торговомъ и пр. Эта мысль вполнѣ вѣрна, ибо трудно себѣ вообразить что-нибудь уродливѣе Польской юриспруденціи, основанной на законахъ древнихъ Польскихъ, Австрійскихъ и Прусскихъ, на постановленіяхъ Правительства до 1831 года, послѣдующаго и, наконецъ, новѣйшаго времени, т. е. послѣ 19 Февраля 1864 года. Такое предположеніе Правительства должно бы встрѣтить полное сочувствіе въ Польшѣ, и многіе польскіе юристы готовы бы

были оказать усердное содѣйствіе къ исполненію этого великаго и общеполезнаго дѣла. Но что сдѣлало Правительство для осуществленія этой благой мысли? Оно учредило, даже съ нѣкоторою торжественностью, коммиссію, въ которую членами назначило молодыхъ воспитанниковъ школы Правовѣдѣнія, и не только не посадило туда ни одного Поляка, но даже ни одного извѣстнаго русскаго юриста. Спрашивается: можетъ ли такая коммиссія исполнить свое назначеніе и внушить Полякамъ къ себѣ какое либо довѣріе?

Еще одно весьма вредное мнѣніе руководитъ нынѣ управленіемъ въ Польшѣ: для удержанія края въ полномъ повиновеніи, для водворенія и утвержденія въ немъ новыхъ порядковъ, признается необходимымъ удержаніе въ силѣ тѣхъ обязательныхъ и карательныхъ мѣръ, которыя неизбѣжны были въ началѣ, т. е. при учрежденіи военнаго положенія. Вслѣдствіе этого, до сихъ поръ, т. е. слишкомъ два года послѣ полнаго усмиренія края, нѣтъ никакого свободнаго движенія во всемъ Царствѣ. Никто не можетъ переѣхать или перейти предѣлы вѣдомства военно полицейскаго начальства, не испросивши у него особаго на то билета. Никто не можетъ выйти для прогулки въ Варшавѣ, не будучи на то уполномоченъ особымъ билетомъ, выдаваемымъ отъ Оберъ-полицеймейстера. Послѣ полуночи всякое движеніе по улицамъ воспрещено, и исключенія изъ этого правила только въ пользу лицъ, снабженныхъ особыми билетами. — Полиція сохраняетъ право задерживать, кого угодно, и не подлежитъ отвѣтственности за свои промахи. Она имѣетъ право и штрафовать обывателей за малѣйшее отступленіе отъ ея распоряженій: такъ штрафуютъ 3, 5 и до 10 рублей за то, что калитка или вороты не были днемъ затворены, что на дворѣ найдена какая нибудь нечистота и пр.; деньги эти идутъ на составленіе капитала, который находится въ распоряженіи самой Полиціи. — На желѣзныхъ дорогахъ, для полученія билета, вездѣ требуется паспортъ, и сверхъ того, во многихъ мѣстахъ, производится общая повѣрка всѣхъ паспортовъ. — Дѣла по жалобамъ на потравы, порубки и по найму рабочихъ изъяты изъ общаго порядка производства и подчинены вѣдѣнію военно-участковыхъ начальниковъ — русскихъ военныхъ, — вовсе не знакомыхъ съ польскими постановленіями и обстоятельствами.

До сихъ поръ, т. е. два года послѣ полнаго усмиренія Польши продолжаются слѣдствія касательно дѣйствій, бывшихъ во время мятежа, хватаютъ людей, сажаютъ ихъ въ крѣпость, допрашиваютъ

и постоянно находятъ необходимымъ дѣлать новые аресты и розыски. Извѣстно, что при такой системѣ нѣтъ причины когда либо закончить слѣдствія. Едва ли согласно съ государственною пользою продолжать безконечно розыски послѣ того, какъ главные виновники уже открыты и наказаны. Необходимо когда нибудь заключить это дѣло, и двухлѣтнее совершенное спокойствіе края даетъ, кажется, къ тому полную возможность.

При такомъ необезпеченіи личной безопасности и имущественныхъ правъ, при такой неопредѣленности положенія вообще, при такихъ полицейскихъ стѣсненіяхъ и при безпрестанномъ ожиданіи еще худшаго въ будущемъ, очевидно, что ни торговля, ни промышленность, ни земледѣліе развиваться не могутъ; а потому и не удивительно, что застой во всемъ крайній; что безденежье достигаетъ предѣловъ едва вообразимыхъ, и что край идетъ быстрыми шагами къ полному разоренію.

Спрашивается: вышеизложенныя мѣры должны ли вести къ окончательному слiянію Польши съ Россіею? На радость ли Россіи будетъ присоединеніе къ ней края, оскорбленнаго во всѣхъ его чувствахъ, приведеннаго въ крайній безпорядокъ и разореннаго до нельзя?

Положеніе Польши теперь таково, что нельзя тамъ опасаться какого либо сопротивленія. Страна эта, конечно, еще не вполнѣ убита, но силы ея находятся въ крайнемъ упадкѣ. Едва ли выгодно для Россіи держать долѣе въ такомъ положеніи край, долженствующій составлять часть ея Имперіи. Разстроить, разорить имѣніе или страну легко — и для этого не нужно много времени; но поправить финансовое положеніе имѣнія или страны, возбудить въ немъ или въ ней опять дѣятельность и привести въ нормальное положеніе, — это весьма трудно и требуетъ много времени, трудовъ и расходовъ. Примѣровъ этому и въ частной, и въ государственной жизни много. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и самыхъ разительныхъ представляетъ Ирландія. Убита была тамъ мѣстная самобытная дѣятельность; Англійское Правительство и Англійскіе землевладѣльцы, не смотря на всѣ усилія и расходы, не въ состояніи возстановить благосостояніе этой страны. Не мѣшаетъ къ этому присовокупить и то, что убитыя, бѣдныя страны не всегда бываютъ самыя спокойныя: кромѣ Ирландіи, Турецкія и Австрійскія провинціи доказываютъ, что духъ возмущенія не изсякаетъ вмѣстѣ съ денежными средствами. Очень опасно, чтобы подобное что либо не

случилось и въ Польшѣ. Мы стремимся тамъ уничтожить шляхту самую образованную и самую зажиточную часть польскаго населенія. Чѣмъ же мы ее замѣнимъ? Конечно, не русскими землевладѣльцами и не русскими капиталами, ибо и того, и другаго у насъ не хватитъ и на западныя губерніи. Въ городахъ вся сила будетъ сосредоточена въ рукахъ Евреевъ; это еще не бѣда. Но въ деревняхъ, обитаемыхъ тремя четвертями всего народонаселенія, что̀ останется? Крестьянство — классъ бѣдный, еще долго неспособный къ инціативѣ, и разоренные дворяне, которые продадутъ по необходимости свои имѣнія Пруссакамъ. Едва ли такой исходъ выгоденъ для Россіи. Мы не можемъ сосредоточить всю силу въ рукахъ крестьянъ, и на нихъ однихъ опираться; для этого мы должны были бы измѣнить всѣмъ своимъ преданіямъ и переиначить весь строй нашего государства; — ибо невозможно въ одной части Имперіи дѣйствовать въ духѣ самаго крайняго демократизма, а въ прочихъ придерживаться иныхъ, болѣе здравыхъ началъ. Еще менѣе мы имѣемъ право основывать наши надежды на Нѣмцахъ-землевладѣльцахъ, опирающихся на Пруссію, и въ особенности послѣ событій нынѣшняго года.

Имѣвши теперь довольно случаевъ узнать Поляковъ и въ особенности польскую шляхту и вникнувши въ ихъ характеръ, считаю долгомъ здѣсь высказать мое по сему предмету откровенное мнѣніе.

Извѣстный эпитетъ, данный Русскимъ народомъ Поляку, нельзя не признать вѣрнымъ. Хотя Полякъ уменъ, ловокъ и находчивъ, однако недостатокъ благоразумія въ немъ поразителенъ. Онъ считаетъ возможнымъ, вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ все то, что составляетъ предметъ его желаній, а потому вовлечь Поляка въ самое безразсудное предпріятіе — есть дѣло крайне легкое. Полякъ вообще неправдивъ; ложь считается имъ орудіемъ не постыднымъ; онъ употребляетъ его охотно въ отношеніи не только другихъ, но и самого себя; доходитъ ли до него слухъ самый неправдоподобный, замѣтилъ ли, вздумалъ ли онъ самъ что-нибудь, и этотъ слухъ, это его замѣчаніе или мнѣніе тотчасъ, въ его умѣ, принимаютъ плоть; онъ ихъ разукрашиваетъ и такъ себя убѣждаетъ въ ихъ истинѣ, что готовъ головою за нее отвѣчать; и потому нигдѣ не распространяется столько ложныхъ извѣстій, какъ въ Польшѣ. Полякъ вовсе несамостоятеленъ; вслѣдствіе того онъ имѣетъ мало уваженія къ себѣ и къ другимъ: онъ вѣчно хитритъ, не брезгаетъ никакими средствами для достиженія своей цѣли и равно способенъ къ само-

уничиженію и высокомѣрію. — Женщины въ Польшѣ имѣютъ всѣ эти недостатки, и въ степени еще много высшей, чѣмъ мущины. Какъ обыкновенно и въ добродѣтеляхъ, и въ порокахъ, (а въ сихъ послѣднихъ, къ несчастію, еще болѣе чѣмъ въ первыхъ), первенство, верхъ, остается за тѣмъ, кто имѣетъ въ этихъ свойствахъ превосходство, то этимъ легко объясняется преобладаніе въ Польшѣ женщинъ надъ мущинами. Какъ вышеупомянутые недостатки встрѣчаются вообще болѣе въ женщинахъ, чѣмъ въ мущинахъ, то *женственность* есть то слово, которое всего вѣрнѣе и объемистѣе опредѣляетъ характеръ Поляковъ. Понятно, почему они во времена своей независимости, не могли имѣть государство самостоятельное, и почему интриги внутреннія и внѣшнія составляли всю ихъ жизнь государственную и общественную. Понятно, почему католичество съ своими обманами, домогательствами и способами дѣйствія, такъ пришлось Полякамъ по природѣ и почему оно такъ въѣлось въ ихъ кости.

Указанные въ Полякахъ недостатки могутъ быть побѣждены только свойствами противуположными. Мужественность русскаго духа и святость нашей церкви даютъ намъ къ тому вѣрныя средства. Благоразуміе русскаго народа доказано всею его исторіею, поведеніе его во время прекращенія крѣпостнаго состоянія убѣдило даже его враговъ и людей, дотолѣ мало его цѣнившихъ, что это качество по преимуществу ему принадлежитъ. Состоятельность русскаго народа еще менѣе можетъ подлежать сомнѣнію: онъ отстоялъ свою народность даже и тогда, когда правительство и высшее общество, увлеченныя Европою, неслись въ противуположномъ направленіи и почти стыдились своей отчизны. Хотя Русскій не легковѣренъ, но онъ и не недовѣрчивъ; для этого онъ долженъ бы не вѣрить самому себѣ, къ чему онъ никакихъ причинъ не имѣетъ. Напротивъ того, въ Русскомъ есть крѣпкая вѣра въ Бога, въ Божій Промыселъ и въ великое его назначеніе; при этомъ недовѣрчивымъ человѣкомъ онъ быть не можетъ. Церковь наша, сознавая свою святость, свою истинность, никогда, для своего возвеличенія, не прибѣгала къ средствамъ неправеднымъ и никогда ихъ не разрѣшала сынамъ своимъ; по отношенію же къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, она держалась полной вѣротерпимости, будучи убѣжденною, что только это правило согласно съ ученіемъ Христовымъ и что гоненія производятъ всегда дѣйствіе противное желаемому.

Слѣдовательно мы имѣемъ всѣ средства чтобы побѣдить Поля-

ковъ, овладѣть Польшею и ее вполнѣ за нами укрѣпить. Вся задача — употребить эти средства надлежащимъ образомъ.

Иные думаютъ, что необходимо принять за правило, не вѣрить ни одному Поляку, поставить его, лишеніемъ всякаго богатства и силы, въ невозможность когда либо намъ вредить; что необходимо заявлять Полякамъ постоянное недовѣріе и презрѣніе и только гнетомъ и строгостію удерживать ихъ въ повиновеніи. Нѣтъ! этимъ способомъ дѣйствія нельзя устроить никакой страны, никакого отдѣльнаго состоянія въ оной, ни даже дѣтской школы или исправительной тюрьмы. Первое условіе къ успѣшному дѣйствію на кого бы то ни было, есть оказаніе ему довѣрія и уваженія и вызовъ его на содѣйствіе. Ни дѣтской школы, ни уголовнаго исправительнаго учрежденія нельзя устроить и успѣшно вести, если считать дѣтей существами неразумными, а преступниковъ неисправимыми бездѣльниками, и постоянно высказывать имъ недовѣріе и неуваженіе. Недостатки польскаго характера и быта намъ извѣстны; наша обязанность — какъ побѣдителей, какъ власть предержащихъ, противудѣйствовать этимъ недостаткамъ; соображать, на основаніи этого знанія, наши способы дѣйствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, оказаніемъ Полякамъ нѣкотораго, въ разумныхъ предѣлахъ заключеннаго, довѣрія и уваженія, возбуждать, вызывать въ нихъ свойства иныя — лучшія, и стремиться къ тому, чтобы изъ Поляковъ образовать полезныхъ гражданъ нашего государства. Возможно ли это? Пока на опытѣ мы не убѣдимся въ этой невозможности, мы не имѣемъ права отвѣчать отрицательно; и это тѣмъ болѣе, что способъ дѣйствія противуположный, т. е. гнетъ, притѣсненія, строгости, бѣдность еще не припаивали никакой страны къ государству-побѣдителю. Только уравненіе въ правахъ присоединяемыхъ съ присоединителями, только прекращеніе мѣръ исключительныхъ и водвореніе порядка нормальнаго; только мудрая кротость и благоразумное довѣріе совершали такія дѣла государственныя.

Скажутъ, быть можетъ, что система довѣрія и кротости уже была, въ отношеніи Польши, испытана, и что именно она-то и произвела тамъ всѣ бѣдствія 1830 и 1862—64 годовъ. Дѣйствительно, Польша имѣла прежде что-то въ родѣ конституціоннаго правленія; дѣйствительно, въ недавнее время вводима тамъ была автономія съ отмѣною почти всякаго русскаго вмѣшательства; но обѣ эти системы основаны были на ложномъ, невозможномъ основаніи — на обособленіи Польши отъ Россіи, а потому онѣ и не могли удаться. Теперь

цѣль, которую мы должны достигнуть въ Польшѣ, ясна; послѣдніе безпорядки очистили намъ почву для нашихъ дѣйствій; а потому остается только воспользоваться обстоятельствами.

Будущность Польши, по глубокому моему убѣжденію, находится теперь вполнѣ въ рукахъ нашего правительства. Если оно будетъ дѣйствовать разумно, безстрастно, послѣдовательно, вѣротерпимо, безъ легковѣрія, но и безъ недовѣрія къ самому себѣ и къ Польшѣ, если оно, руководствуясь истиннымъ русскимъ духомъ и черпая въ немъ свою мудрость и силу, будетъ имѣть постоянно и неуклонно цѣлью слить Польшу съ Россіею; то ни революціи, ни значительные безпорядки въ Польшѣ болѣе невозможны и этотъ край перестанетъ быть легкоуязвимою пятою нашего государства.

Теперь, или, вѣрнѣе сказать, съ годъ тому назадъ, настало, думаю, для Россіи самое благопріятное время для успѣшныхъ дѣйствій къ окончательному и полному присоединенію Польши къ Россіи.

Съ одной стороны, русскій народный духъ пробудился; его потребности, желанія и мнѣнія нѣсколько высказались; правительство, какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутреннемъ управленіи, приняло направленіе болѣе чѣмъ прежде согласное съ интересами и нуждами страны; освобожденіе крестьянъ, съ надѣленіемъ ихъ землею, дарованіе земскихъ учрежденій, введеніе гласнаго судопроизводства, начатки свободнаго тисненія и другія важныя, хотя и менѣе крупныя преобразованія, дали положительныя основанія нашему государственному управленію; теперь Россія и ея правительство все тѣснѣе и тѣснѣе соединяются другъ съ другомъ, и все болѣе и болѣе сознаютъ свои общія силы, свои общія цѣли и средства къ ихъ достиженію.

Съ другой стороны Польша, послѣдними своими отчасти неосторожными, отчасти въ высшей степени преступными дѣйствіями, утратила всякое право на сколько нибудь самостоятельное существованіе. Она можетъ ожидать улучшенія своей участи только отъ милости и мудрости русскаго правительства. Всѣхъ виновнѣе въ бывшихъ безпорядкахъ — шляхта; но теперь она-то и находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Обремененная тяжкими старыми и новыми долгами, лишенная большей части своихъ доходовъ, обязанная платить почти двойныя противъ прежняго подати и устраненная чуть-чуть не вовсе отъ завѣдыванія дѣлами страны, шляхта

видитъ предъ собою гибель неминуемую*). Подобно утопающему который въ чаянiи спасенiя, хватается даже за соломенку, шляхта готова теперь принять съ благодарностью всякое устройство, которое дастъ ей возможность существовать.

Правительству, кажется мнѣ, необходимо воспользоваться этою минутою и вовсе не стремиться къ окончательному разоренiю польской шляхты, сословiя, безъ котораго мы обойтись не можемъ. Опираться въ Польшѣ на одно крестьянство, при пособiи русскихъ чиновниковъ, значило бы дѣйствовать не въ пользу, а во вредъ Россiи. Такое устройство бюро-охлократическое одной части нашего государства не осталось бы безъ самыхъ вредныхъ послѣдствiй и для

---

*) Вознагражденiе, нынѣ выдаваемое помѣщикамъ ликвидацiонными листами за земли, отошедшiя въ собственность крестьянъ, есть вознагражденiе болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное: оно есть скорѣе уравнительная раскладка между помѣщиками тяжестей по случаю надѣленiя крестьянъ землею, чѣмъ уплата за землю, которая отошла отъ прежнихъ ея собственниковъ. Это очевидно изъ нижеслѣдующаго: во 1-хъ, по оцѣнкѣ крайне умѣренной, сдѣланной Земскимъ Кредитнымъ Обществомъ и принятой Правительствомъ при устройствѣ земскихъ податей, моргъ земли въ сложности во всемъ Царствѣ, стоитъ около 25 руб , по свѣдѣнiямъ, обнародываемымъ отъ Учредительнаго Комитета, за моргъ земли въ сложности выдается вознагражденiя около 13 руб.; во 2-хъ, эти 13 руб. выдаются ликвидацiонными листами, которыхъ цѣнность стоитъ около 62 к. за рубль; слѣдовательно упомянутые 13 руб. превращаются почти въ 8 руб., чего, конечно, стóютъ сервитуты въ пользу крестьянъ, оставленныя на помѣщичьихъ земляхъ.

Сверхъ того, для усиленiя средствъ ликвидацiонной коммиссiи, т. е. для того, чтобы она могла платить процентъ по ликвидацiоннымъ листамъ, а равно своевременно ихъ погашать, помѣщики обложены новыми податями: прибавкою 50% къ прежде ими платимымъ офярѣ и подымной, чтó составляетъ около 900 т. р. Еще помѣщики платятъ въ ликвидацiонный капиталъ 600/т. р. за пропинацiю на крестьянскихъ земляхъ, которою прежде они пользовались, которая закономъ была за ними признана и за утрату которой они не получили никакого вознагражденiя. Какъ процентовъ на ликвидацiонные листы предполагается выплачивать около 2/мил. руб. и на погашенiе около $^1/_2$/м. р., то помѣщики изъ этой суммы уплачиваютъ $^3/_4$ взыскиваемыхъ съ нихъ впередъ и выдаваемыхъ имъ впослѣдствiи въ видѣ процентовъ.

Изъ изложеннаго здѣсь очевидно, что вознагражденiе, выдаваемое помѣщикамъ за отошедшiя отъ нихъ земли, есть, какъ сказано выше, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, и что оно есть только уравнительная раскладка тяжестей между помѣщиками, по случаю надѣленiя крестьянъ землею; ибо иначе нѣкоторые помѣщики, раздавшiе всю землю, или много земли крестьянамъ, остались бы совершенно безъ ничего, а другiе удержавшiе всю землю въ своемъ распоряженiи, не потерпѣли бы никакихъ убытковъ.

остальныхъ его частей; это было бы привитіе къ Россіи такого недуга, впущеніе въ ея здоровое тѣло такого яда, который переѣлъ бы собственныя ея силы и подготовилъ бы ея паденіе.

Конечно, нѣмецкій Herrenstand, французская noblesse, русское барство, польское панство сокрушены безвозвратно; даже англійское лордство, учрежденіе, разумѣется, и болѣе здоровое, чѣмъ континентальные его собратья, ежедневно утрачиваетъ часть своей силы; но есть аристократія, которая, въ благоустроенномъ государствѣ, должна всегда сохранить силу и значеніе; это — аристократія образованія и достатка. Наши земскія и городскія учрежденія уже доказали, что нашъ народъ, вовсе не противъ такой аристократіи; напротивъ того, онъ предпочтительно облекаетъ властью людей изъ дворянъ, какъ сословія болѣе образованнаго и болѣе достаточнаго. Было бы слишкомъ неосторожнымъ, скажу болѣе, было бы противнымъ мудрой государственной политикѣ, попирать, уничтожать въ Польшѣ части нашего государства, именно то, что должно составить основу его состоятельности, силы и величія.

Не менѣе кого другаго я желаю полнаго, немедленнаго и окончательнаго присоединенія Польши къ Россіи; но я желаю, чтобы оно совершилось дѣйствительно, въ существѣ, а не только въ формѣ, не временно, а на всегда, для блага Россіи и части ея, Польши. Для этого нѣтъ надобности теперь разстроивать, разорять, оскорблять и угнетать эту страну. Напротивъ того, надо скорѣе вывести ее изъ неопредѣленнаго состоянія, въ которомъ она находится, и указать ей то положеніе, которое она должна занять въ нашей Имперіи. Для этого нужно было бы немедленно возвѣстить тѣ перемѣны, которыя должны быть произведены въ управленіи Польшею, призвать Поляковъ къ содѣйствію, и прекратить способъ управленія, основанный на недовѣріи, тайнѣ и враждебности, которыя въ послѣднее время слишкомъ явно выказывались Полякамъ. Неизвѣстность будущаго, неопредѣленность настоящаго, опасенія и подозрѣнія, вслѣдствіе того необходимо возникающія, для человѣка и для страны тяжелѣе, чѣмъ дѣйствительность, хотя и не блестящая, не соотвѣтствующая желаніямъ, однако положительная, удовлетворяющая главнымъ потребностямъ человѣка. Чѣмъ Пруссія дѣйствительно присоединила къ себѣ Рейнскія и Польскія провинціи? Благоустройствомъ, развитіемъ земледѣлія, промышленности и торговли, уравненіемъ всѣхъ гражданъ въ правахъ и отсутствіемъ Австрійской системы подозрѣній и угнетеній. Конечно, люди крайніе, безпокойные останутся не-

довольными общимъ положеніемъ края; но ихъ голоса будутъ вопить въ пустынѣ; а значительное большинство оцѣнитъ существующее благоденствіе и останется въ покоѣ. Можно теперь навѣрное сказать, что и Ганноверъ, и даже Франкфуртъ, весьма недовольные присоединеніемъ къ Пруссіи, черезъ весьма не много лѣтъ, сдѣлаются преданными провинціями прусскаго государства; и это почему? Потому, что Прусское Правительство дѣйствуетъ безстрастно, весьма разумно, энергически, но безъ излишнихъ строгостей и въ особенности безъ ненужныхъ стѣсненій и оскорбленій.

Для достиженія въ Польшѣ выше упомянутой цѣли, слѣдовало бы по моему мнѣнію, немедленно принять между прочимъ слѣдующія главныя мѣры:

1. Преобразованіе Царства Польскаго въ губерніи Имперіи.

2. Упраздненіе въ Польшѣ Государственнаго Совѣта, Совѣта Управленія и Учредительнаго комитета, а равно должностей Намѣстника и Главныхъ Директоровъ.

3. Упраздненіе статсъ-секретарства или Отдѣленія Собственной Канцеляріи, его замѣнившаго, а равно комитета по дѣламъ Царства Польскаго.

4. Подчиненіе всѣхъ частей управленія разнымъ министерствамъ Имперіи по принадлежности.

5. Образованіе въ Варшавѣ временнаго общаго присутствія изъ главныхъ лицъ, имѣющихъ завѣдывать различными частями управленія и назначаемыхъ каждымъ министромъ по своей части.

6. Вмѣненіе какъ сему присутствію, такъ и отдѣльнымъ управленіямъ каждаго министерства, въ обязанность руководствоваться, при завѣдываніи дѣлами, постановленіями, существующими въ Польскомъ краѣ, съ постояннымъ стремленіемъ приводить ихъ, по возможности, въ согласіе съ законами, дѣйствующими въ Имперіи.

7. Назначеніе нѣсколькихъ Поляковъ какъ въ упомянутое общее присутствіе, такъ и въ государственный Совѣтъ Имперіи, гдѣ, само собою разумѣется, будутъ разсматриваться и дѣла, касающіяся польскихъ губерній.

8. Закрытіе слѣдственныхъ коммиссій по дѣламъ о бывшихъ безпорядкахъ въ 1862—1864 годахъ и снятіе военнаго положенія.

Для успѣха этихъ мѣръ, всего важнѣе, всего необходимѣе дѣйствовать не враждебно, не недовѣрчиво и не скрытно, а явно, благодушно и съ призывомъ самихъ Поляковъ къ содѣйствію, съ указаніемъ имъ, что этимъ они могутъ пріобщиться къ правамъ и

выгодамъ, которыми пользуются прочіе граждане Имперіи. Послѣднее теперь сказать мы можемъ, ибо Россія имѣетъ земскія учрежденія, гласное судопроизводство и до нѣкоторой степени свободу книгопечатанія. Конституціонное правленіе, которое Поляки когда-то имѣли, никогда не было дѣйствительнымъ. Теперь они съ радостію примутъ меньшее, но дарующее имъ права и выгоды положительныя.

Если бы, противъ, предложенныхъ мѣръ было сдѣлано возраженіе, что, по дипломатическимъ соображеніямъ, невозможно возвѣстить о всѣхъ преобразованіяхъ, предполагаемыхъ въ Польшѣ; то на это отвѣчать кажется не трудно: послѣ всѣхъ присоединеній (annexions), сдѣланныхъ въ послѣднее время Пруссіею, съ лишеніемъ многихъ коронованныхъ лицъ даже наслѣдственнаго ихъ престола и съ необращеніемъ вниманія на желанія народонаселенія, едва ли кто можетъ что-либо сказать противъ дѣйствій Россіи въ Польшѣ. Впрочемъ не въ этомъ возвѣщеніи или невозвѣщеніи предпринимаемыхъ преобразованій, заключается главное, существенное различіе между способомъ дѣйствія нынѣ принятымъ и тѣмъ, который здѣсь предлагается. Конечно, весьма желательно, чтобы была бо́льшая по возможности откровенность въ распоряженіяхъ; чтобы неопредѣленность нынѣшняго положенія Польши скорѣе прекратилась и замѣнена была состояніемъ положительнымъ; но еще несравненно важнѣе — систему недовѣрія и враждебности замѣнить системою благоразумнаго довѣрія и государственнаго благодушія. Противъ этого, кажется, не можетъ быть предъявлено никакихъ возраженій и къ этому нѣтъ, кажется, никакихъ препятствій.

Дозволю себѣ присовокупить еще одно: измѣненіе нынѣшняго способа дѣйствія въ Польшѣ требуется также хотя постороннимъ, однако весьма важнымъ соображеніемъ. Славяне внимательно слѣдятъ за нашими дѣйствіями въ Польшѣ, и наши нынѣшніе тамъ распорядки производятъ на нихъ самое тяжелое, и для насъ самое невыгодное впечатлѣніе. Тѣ изъ Славянъ, которые всего дружественнѣе къ намъ расположены, ничего не могутъ сказать въ нашу пользу, ибо безпрестанно доходятъ туда слухи о нашихъ религіозныхъ преслѣдованіяхъ въ Польшѣ, о безпрестанныхъ нарушеніяхъ тамъ права собственности, о стѣсненіи, почти прекращеніи всякаго свободнаго

движенія въ этой странѣ, о крутыхъ способахъ принимаемыхъ Правительствомъ къ обрусенію Польскаго края, и пр. Правда, эти слухи часто преувеличены, иногда и вовсе ложны, но поводъ къ нимъ дѣйствителенъ; многое изъ разсказываемаго справедливо; а потому и не удивительно, что такимъ слухамъ вѣрятъ, и что враги наши ими пользуются во вредъ нашего вліянія въ земляхъ Славянскихъ. Теперь, при томъ броженіи, которое существуетъ во всѣхъ Австрійскихъ провинціяхъ, это обстоятельство имѣетъ особенную важность.

